

Карл Фридрих Беккер

Мифы древнего мира

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ От древней Иудеи до падения Римской империи

Об этой книге и её авторе

Имя немецкого историка Карла Фридриха Беккера мало что говорит современному читателю. Между тем, в дореволюционной России Беккер был широко известен в образованном обществе как автор монументального труда «Древняя история». Эту книгу знал любой гимназист. Следы её прочтения можно обнаружить в произведениях советских писателей, получивших гимназическое образование, например, в «Стране Швамбрании» Льва Кассиля, «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова, «Голубиной книге» М. Зощенко, многих других.

Интересна сама личность этого человека, сумевшего за свою короткую жизнь (умер он в возрасте двадцати девяти лет), совершить колоссальную по объёму творческую работу. Родился Беккер в Берлине, в 1777 году, ¹ окончил университет в городе Галле, некоторое время занимался преподавательской деятельностью, но из-за слабого здоровья вынужден был оставить её и целиком посвятил себя сочинению исторических книг. В 1801 году он опубликовал девятитомную «Всемирную историю для детей и юношества», которая приобрела широкую популярность в европейских странах — во многом благодаря своим литературным достоинствам. Предлагаемая читателю «История Древнего мира» является частью этого обширного труда. Она была переведена в своё время Гречем на русский язык и выдержала несколько изданий. Последнее из них вышло в конце девятнадцатого века, и с тех пор книга не переиздавалась, так что современный российский читатель получает возможность после столь долгого перерыва познакомиться с замечательным во многих отношениях творением немецкого историка.

Книга охватывает почти трехтысячелетний период от древних цивилизаций Междуречья до начала христианской эры. Перед читательским взором проходит грандиозная панорама исторических событий, потрясавших Древний мир, расцветенная яркими картинами военных сражений, портретами крупных государственных и культурных деятелей, их меткими высказываниями, драматическими или наоборот анекдотическими эпизодами из их жизни и т.п.

Главное достоинство книги Беккера заключается в том, что она совершенно не концептуальна и лишена той академичности и сухости, которые свойственны многим современным историческим исследованиям. Автор не навязывает читателю своей историософии, своей исторической схемы, предоставляя ему самому делать выводы и обобщения из описываемых событий. Он в чистом виде историограф и немного художник, обладающий даром живо и увлекательно излагать исторический материал. По этой и последней причине Беккер использует при создании своего исторического полотна не только достоверно известные факты, но так же мифы и предания народов и (очень широко) сочинения древних историков, использовавших подобный же метод. Беккер, собственно, продолжает и развивает эту историографическую традицию, что придаёт необычайное своеобразие и прелесть его труду. О нем можно сказать, что он в равной степени и мифологичен, и научен. Это, повторим, живописное полотно, в котором очень органично соединены образно-художественное и исторически-достоверное. Поэтому, в частности,

редакция сочла необходимым выпустить беккеровскую книгу под её нынешним, слегка измененным названием в серии «Мифы — легенды — события».

При всём при том книга Беккера имеет большую познавательную ценность, побуждая к плодотворным размышлениям над загадками человеческой природы и человеческой истории. Любопытный читатель узнает из неё, почему бег на длинную дистанцию называется марафонским, кто такие пролетарии, как звали семерых мудрецов древности, на каких семи холмах стоял Рим и т.д. Любителей искать исторические параллели современным событиям не могут не заинтересовать такие, например, факты, изложенные в книге Беккера.

В 5 веке до Р. Х. в городе Корцире демократы жесточайшим образом расправились с аристократами, укрывшимися от их гнева в белом здании — расстреливали их из луков и забрасывали камнями...

В 167 году до Р. Х. были интернированы в Италию тысяча самых уважаемых граждан Греции, среди них находился крупнейший историк Древнего мира Полибий, ставший впоследствии римским подданным, гражданином Рима.

Во 2 веке до Р. Х. в республиканском Риме народный трибун Тиберий Гракх предпринял попытку стабилизировать политическую ситуацию в стране с помощью земельных реформ. Он намеревался изъять излишки земли (противозаконные) у крупных земельных владельцев и разделить их между бедными и безземельными гражданами. Большинство сената оказало мощное сопротивление реформе, а позже Гракх был убит политическими противниками.

Не у всякого человека найдутся досуг и возможности прочитать внушительные по объёму труды древних историков — Геродота, Фукидида, Плутарха, Ксенофонта, Полибия, Саллюстия — тяжёловесен подчас их язык, события, заслуживающие внимания, часто загромождаются обилием второстепенных фактов и имен, читать их без научного комментария весьма затруднительно. Беккер постоянно, цитирует, либо в живой, популярной форме пересказывает этих авторов, сопровождая свои извлечения критическими замечаниями, соглашаясь с ними или подвергая сомнению их суждения. Мы получаем достаточно полное представление об особенностях и характере их мышления, об их понимании истории, получаем сведения, которые нельзя почерпнуть ни из какого другого источника. Сам Беккер, насколько можно понять из его книги, рассматривает человеческую историю как естественный процесс, вытекающий из свойств человеческой природы, географических и климатических условий проживания народов. «Разнообразие особенностей, происходящее от различия культуры и государственного устройства, — пишет он в введении к своему труду, — с одной стороны порождает множество движений среди отдельных народных групп, с другой приводит народы в многочисленные соприкосновения и устанавливает между ними то дружественные, то неприязненные отношения. В первом случае народы мирно обмениваются между собой всем тем, что каждый из них, благодаря отличительным особенностям своей культуры и климатическим условиям страны, производит своеобразного и ценного: такие широкозахватывающие меновые отношения называются торговлей. Во втором случае между народами возникают раздоры, начинаются войны. Происходит это от того, что одни народы в сознании своей силы стремятся приобретать богатства и произведения других не путём обмена, а вторжением в чужую страну и подчинением себе самих людей, которые производят необходимые им продукты. Другие ищут для своей деятельности более широкого поприща и достигают этой цели тем, что лишают другие народы самостоятельного существования и вводят их в состав своего собственного государственного организма».

Здесь — ключ к пониманию творческого метода Беккера и тех задач, которые он ставил перед собой как историограф. Сообщим в заключение, что настоящее издание подвергнуто небольшой литературной редакции, вызванной не всегда хорошим качеством перевода, упрощена излишне усложнённая систематизация материала (оставлены только разделы и главы), приведены в соответствие с современным «Словарем античности» (изд-во «Прогресс», Москва, 1989 г.) названия древних городов, стран, имен исторических

личностей. Книга рассчитана на самый широкий читательский круг, может быть использована как учебное пособие по истории для учащихся средних и высших учебных заведений.

Л. Лукьянова

Предания о первобытных временах

Хотя первобытные времена и не входят в рамки истории, но дошедшие до нас предания о них представляют большой интерес.

1. Еврейские предания

Самые древние предания о происхождении рода человеческого принадлежат иудеям. Соединившись в отдельное государство, они жили в западной Азии и гораздо ранее греков обладали вполне сложившимся государственным устройством. В числе священных книг иудеи имели собрание преданий о первобытных временах и об истории народа израильского со времени поселения его в Ханаане.

По свидетельству этих преданий, мир и всё, в нём существующее, были сотворены волею и всемогущим словом Божиим в шесть дней. В седьмой день Бог почил от трудов своих, и иудеям было предписано праздновать седьмой, священный день — «шаббат» (суббота).

В шестой день Бог создал по образу и подобию своему первого человека — Адама (Адам значит «красноватый», так он был назван по цвету земли, из которой сотворено было его тело). Потом сказал Господь: «Нехорошо человеку быть одному» и дал ему в помощницы Еву, что означает «мать живущих». Первой человеческой чете Бог дал для жительства сад Эдем или рай, где росли прекраснейшие плоды и цветы. Здесь Адам и Ева вели блаженную жизнь. Этому описанию соответствует имеющееся в мифах почти всех древних народов представление о «золотом веке», о котором не перестают мечтать последующие поколения, как о давно минувших и невозвратных временах ничем не возмутимого блаженства.

После грехопадения первых людей Бог изгнал их из рая, и они стали вести жизнь, полную скорби и труда. В мире появились несчастья, влечение ко злу и всеустрашающая смерть.

Сыновья Адама дали людям пример двоякого образа жизни: Авель был пастух (номад), а Каин — земледелец. Третьего сына Адама звали Сиф.

Каким образом первые люди отделились друг от друга и постепенно расселились по всей земле объясняется в предании о том, как Каин убил брата Авеля. Осуждённый на скитальческую жизнь, Каин оставил отечество и пошёл на восток; Сиф же остался дома. Таким образом первая человеческая семья разделилась на две и с течением времени образовались два небольших народца — каиниты и сифиты.

С размножением человеческого рода возросла и нравственная его порча, за что Бог, по словам предания, решил истребить потопом весь род человеческий, кроме одного из потомков Сифа — Ноя. Вместе с Ноем спаслись три его сына: Сим, Хам и Иафет, которые и стали прародителями расселившегося затем по всему земному шару человеческого рода.

Предание о большом потопе, совершенно изменившем поверхность земного шара, встречается почти у всех народов. Что весь земной шар был когда-то затоплен водою, вполне подтверждается и геологическими исследованиями. До сих пор всюду встречаются остатки уничтоженного наводнением животного и растительного мира, большею частью в окаменевшем состоянии.

Происхождение разных языков на земном шаре в еврейском предании объясняется следующим образом:

Многочисленное общество людей собралось на равнине страны Сенаарской, между Тигром и Евфратом, и решило построить башню, вершина которой достигла бы самого неба. Это прогневало Бога и, чтобы положить конец пагубному предприятию, он смешал языки строителей, и они перестали понимать друг друга. От этого начатая постройка получила название Вавилонская башня, то есть башня смешения. Раздосадованные неудачей, люди разошлись в разные стороны и, переселившись в новую местность, каждый из них передал своим потомкам свой новый язык.

2. Греческие предания

По представлениям евреев, происхождение мира, как мы видели, является действием творческой силы Бога. Иначе представляется оно у греков, изображающих его скорее как событие случайное, независимое от воли всемогущего божества. Греческий поэт Гомер (живший в VIII веке до н. э.), говорит, что мир возник из Океана, то есть вселенского моря. По рассказу же поэта Гесиода (около 700 г. до н. э.), мир произошёл из Хаоса, грубой и бесформенной массы, в которой боролись и бушевали смешанные между собой стихии. Единственными в этом мире живыми существами были тогда богиня земли Гея и бог неба Уран. Они сочетались между собой браком и произвели на свет различного рода божества-чудовища: гекатонхейров, имевших по 100 рук и по 50 голов; циклопов — с одним большим глазом посреди лба; титанов и гигантов — исполинов необычайной силы. Вскоре Уран прогневался на циклопов и низверг их в глубины Тартара (ада). Тогда Гея подговорила других своих детей отомстить за смерть их братьев, и они напали на отца. Кронос, младший из титанов, изувечил его и воссел на престол. После этого он взял в жёны свою сестру Рею. Так как Уран и Гея предсказали ему, что он в свою очередь также будет свергнут с престола одним из своих сыновей, Кронос стал проглатывать каждое рождавшееся у Реи дитя. Последним родился Зевс. Рея отдала Кроносу вместо него камень, завернутый в пелёнки, а Зетзса скрыла в пещере на острове Крит. Там его воспитывали две нимфы. Чтобы Кронос не мог слышать с Олимпа криков мальчика, у входа в пещеру стояли на страже воинственные мужи Куреты и ударяли копьями в щиты.

Когда Зевс вырос, он сочетался браком с дочерью Океана, которую звали Метис (мудрость). Метис поднесла Кроносу напиток, от которого он извергнул из себя камень вместе со всеми проглоченными прежде детьми, это были: Гестия, богиня огня и домашнего очага; Гера, покровительница браков; Деметра, богиня земледелия и плодородия; Аид, бог подземного царства; Посейдон, бог морей и источников. Затем Зевс объявил отцу открытую войну, но в продолжение десяти лет не мог победить его. Тогда Гея предрекла ему победу, если он призовет к себе на помощь низвергнутых в Тартар. Освобождённые циклопы немедленно сковали Зевсу молнии, Аиду — шлем, а Посейдону — трезубец. Пришли и могучие гекатонхейры и тоже встали в ряды Зевса. Борьба была ужасна. Чтобы взобраться на Олимп, титаны взгромодили в Фессалии друг на друга горы Пелиос и Осу. Зевс свергнул своего отца Кроноса с неба, потом поразил молниями титанов и сбросил их в Тартар, а циклопам назначил для жительства остров Сицилию. После этого он разделил с братьями господство над миром: самому Зевсу досталось небо, Посейдону — море, Аиду — преисподняя.

Символическое значение битв богов, происходивших в Фессалии, совершенно ясно: если Зевс победил наконец своего жестокого отца Кроноса и его братьев титанов, то смысл этого в том, что сильные перевороты, произведенные на земле водой и огнем, предшествовавшие образованию нынешней земной поверхности, кончились. Примером многих областей, где производились перевороты, приведена Фессалия.

Под конец Гея родила еще сына Тифона, ужаснейшего из всех чудовищ. На его плечах двигалась сотня змеиных голов, переплетававшихся между собой длинными шеями, лизавших

все окружающее ядовитыми языками и извергавших пламя из бесчисленных глаз. Страшные звуки, похожие то на львиное рыканье, то на собачий вой, то на змеиное шипенье, вылетали из множества разинутых пастей. Сам Аид и обитатели Тартара трепетали перед ужасным чудовищем. Наконец Зевс молниеносными стрелами низвергнул его в самую глубь земли и навалил на него остров Этно. С тех пор Тифон старается освободиться, пыхтя и издавая стоны, и от этого происходят ветры и завывания бури.

Сыну одного из титанов, Прометею, удалось спастись в великой борьбе с Зевсом. После этого он стал забавляться лепкой фигур из смеси земли с водой и вдыхал в них жизнь. Так произошли первые люди, существа жалкие, беспомощные, похожие на животных и не обладавшие никаким знанием, так как они были ещё лишены божественного света — разума. Тогда Прометей тайком взойшёл на небо, похитил немного небесного огня, спрятал в тростник и дал его людям, у которых вследствие этого появились разум и искусство. Но ревнивый к своей власти Зевс воспламенился страшною завистью. Он послал своих ужасных вестников — Силу и Могущество — и велел им приковать дерзкого титана к одному утёсу Кавказских гор, где коршун каждый день раздирал ему грудь и пожирал его печень, которая за ночь вновь нарастала. Только после долгих веков мучений, по велению Рока, знаменитый Геракл убил коршуна и освободил прикованного Прометея. Созданные Прометеем люди были истреблены страшным наводнением, залившим по воле Зевса горы и равнины Фессалии. Удалось спастись только родному сыну Прометея Девкалиону и его жене Пирре. Подобно Ною, они девять дней носились по волнам в деревянном ящике и после того, как спали воды, остановились на горе Парнасе. Здесь они принесли Зевсу благодарственную жертву, и в награду за их детскую чистоту и благочестие, он позволил им попросить его о какой-либо милости. Они попросили о возобновлении человеческого рода. Тогда Зевс приказал им бросать камни назад через плечо, и камни Девкалиона превратились в мужчин, а камни Пирры — в женщин. Сыновья и внуки Девкалиона были первыми царями новосозданного человеческого рода, и их имена сохранились в названиях греческих народов. Вот родословная таблица Девкалионова семейства: у Девкалиона был сын Эллин, сыновей Эллина звали Дор и Эол, а внуков — Ион и Ахей.

От имени Эллина произошедший от него народ назвался эллинами, а четыре племени его: доряне, эолийцы, ионийцы и ахейцы своими родоначальниками считали сыновей и внуков Эллина.

Олимпийские боги со временем полюбили созданных Прометеем людей, часто сходили к ним на землю и вступали с ними в общение. Это способствовало развитию искусств и культуры, которых люди не могли бы создать сами при помощи одних только своих сил и дарований.

I. ЕГИПТЯНЕ

1. Общие сведения

Одной из стран, впервые выступающей перед нами из мрака истории, является Египет. Хотя мы очень мало знаем о его древнейшей истории, но все то, что дошло до нас о его устройстве и образе правления, говорит нам, сколько было странного и своеобразного в общественном строе и обычаях этого государства. Уже одни Природные свойства самой страны способны были придать всему египетскому народу особый характер. Будучи в северной Африке единственною странною, орошаемою большою рекою, Египет обязан этой реке — Нилу — своим плодородием и культурой, так как без него страна была бы бесплодною, песчаной пустыней. Нил выходит из двух больших озёр внутренней Африки: Виктория — Ньяса и Альберт — Ньяса и после соединения двух своих рукавов — Белого и

Голубого Нила, течет почти в прямом направлении с юга на север. Огромное значение его для Египта лучше всего объясняется в живом описании французского ученого и путешественника Масперо.

«Египет есть не что иное, как плодородная, переброшенная через пустыню полоса земли, оазис, простирающийся по берегам реки и непрерывно снабжаемый из нее необходимою для своей растительности влагою. Надо видеть Египет во время самого низкого уровня воды, за месяц до летнего поворота солнца, чтобы понять, что стало бы с этою страной, если бы по какому-либо случаю она лишилась своей оплодотворяющей реки. Нил в эту пору до того отступает в глубь своего русла, что имеет лишь половину своей обыкновенной ширины, и его мутные, глинистые, медленно текущие воды как будто вовсе не движутся. Оба берега реки состоят из песчаных мелей или обрывистых черноватых куч ила, постоянно прожигаемых солнцем. За ними нет ничего, кроме песков и бесплодной пустыни, потому что в особенности господствующий в продолжение двух недель и наносящий массу песку южный ветер — хамсин дует в это время почти беспрерывно. Там и сям в пыльном, ослепляющем глаза раскаленном воздухе, виднеются стволы и ветви деревьев; но листья их до того покрыты пылью, что издали их невозможно отличить от окружающих песков пустыни. Только с помощью тщательного орошения удастся сохранить нечто вроде зелени в садах египетских пашей. Но вот поднимается северный ветер, первый признак приближения конца этого страшного времени года, и начинает дуть по целым дням с необыкновенною силой, нередко даже с бешеной яростью. Быстро освобождает он от пыли листву кустарников, тянущихся по всему нижнему Египту, и возвращает ей прежний зеленый цвет. Ветер этот, дующий по всей египетской стране в течение четырех месяцев, сильно смягчает зной солнца, в эту пору выше всего стоящего на небе.

Вскоре с рекой происходит перемена. Находящийся в Каире водоизмеритель Нила показывает, что уровень воды поднялся на один или два дюйма и что вода начинает терять чистоту и свежесть, делавшие ее еще накануне приятной для питья. Она принимает мутно-зеленый цвет стоячей воды в заводях, и в ней появляются вредные для здоровья вещества. Утверждают, что зеленая вода в Ниле есть явление природы, происходящее от больших масс стоячей воды, остающихся после ежегодных наводнений в южной Нубии на обширных песчаных равнинах Дарфура. Вода эта по шести и более месяцев стоит под тропическим солнцем и загнивает; потом она уносится наводнением и возвращается в русло реки. Затем вода в реке начинает прибывать очень быстро. Но проходит еще от десяти до двенадцати дней, прежде чем наступает время последнего и самого необычайного из представляемых Нилом явлений. Я постараюсь описать здесь произведенное им на меня первое впечатление. Это было под конец длинной и, как мне по крайней мере показалось, томительной ночи. Наша барка была застигнута затишьем на ширине города Бени-Гассана, в верхнем Египте. Тщетно стараясь заснуть, я вдруг увидел верхний край солнечного диска, поднимавшегося над цепью аравийских гор. Я был изумлен, заметив, что как только солнечные лучи падали на воду, она тотчас принимала темно-красный цвет. Эта окраска становилась тем гуще, чем ярче делался свет и, прежде чем солнце совершенно вышло из-за холмов, Нил принял вид кровавой реки. Я подумал, что все это, было простой обман зрения, наскоро оделся, нагнулся через борт, но то, что мне представилось, только подтвердило справедливость моего первого наблюдения. Вся масса воды была непрозрачна, мутна, красного цвета и похожа на кровь более, чем на что-либо другое. При этом я заметил, что за ночь вода в реке прибыла на несколько дюймов.

Степень красноты и мутности воды непрерывно меняется. В те дни, когда прибыль воды в Ниле бывает не более одного или двух дюймов, вода становится опять полупрозрачною, но все-таки не теряет своего темно-красного цвета. Вредных частиц, как во время зеленого Нила, она в себе не содержит и вообще никогда вода Нила не бывает здоровее, приятнее на вкус и освежительнее, как во время наводнений.

Может быть, во всем царстве природы не найдется более привлекательного зрелища, чем Нил во время прибыли воды. День и ночь бегут его волны, величественно катится он по печальной песчаной глади беспредельных пустынь. Пока мы медленно поднимались вверх по реке, напутствуемые северным ветром, нам почти ежечасно слышался шум от падения какой-нибудь запруды из ила и, судя по тому, что все живое спешило туда, откуда слышался грохот, мы убеждались, что Нил одолел еще одну преграду и что его пенистые волны возвратили жизнь и радость еще какой-нибудь новой пустыне. Об очень немногом вспоминаю я с таким удовольствием, как о впечатлении, производимом Нилом, когда он во время своего ежегодного разлива в первый раз вторгается в какой-нибудь канал. Вся природа ликует от восторга. Мужчины, дети и буйволы бродят в его освежающих водах; стаи рыб, сверкающих серебристой чешуей, снуют взад и вперед в широком водном просторе; над ними в воздухе носятся тучи птиц с ярким и пестрым оперением. И этот праздник природы не для одних только высших ее созданий. Лишь только песок приходит в соприкосновение с оплодотворяющими водами, как буквально оживает — в нем кишат миллионы насекомых. За несколько дней до летнего поворота солнца наводнение достигает Мемфиса. Около той поры, когда у нас бывает осеннее равноденствие, вода в Ниле стоит выше всего и затем начинает спадать.

Ко времени же нашего зимнего солнцестояния Нил опять входит в свои берега и снова принимает светло-голубой цвет. В этот промежуток времени производится посев; когда же вода стечет, он обычно бывает уже окончен. За весною непосредственно следует время жатвы и, прежде чем задует песчаный ветер — хамсин, урожай уже убран. Таким образом, египетский год, сообразно свойствам местной природы, разделяется на три времени: четыре месяца посева и всхода хлебов, соответствующие приблизительно нашим ноябрю, декабрю, январю и февралю; четыре месяца жатвы, которые можно приравнять к месяцам нашего календаря от марта до июня включительно; наконец, четыре месяца наводнения заключают собой египетский год.

Вся местность, известная теперь под именем Дельты, находилась некогда под водой. Волны Средиземного моря омывали подножье песчаного плоскогорья, над которым высится теперь великая пирамида, а Нил оканчивается несколько севернее того места, на котором впоследствии возник Мемфис. С веками частицы земли, уносимые Нилом с Абиссинских гор, осаждались на береговых низменностях в виде наносов ила и наполняли собою залив, отчего образовались обширные, прерываемые прудами равнины, по которым воды должны были пролагать себе путь. Морские наносы сделали эти отмели более твердыми и из них образовалась впоследствии первая дельта, начинавшаяся несколько к югу от Мемфиса и оканчивавшаяся милях в пятнадцати далее к северу. Из всего сказанного понятно, почему Геродот, первый из путешественников, оставивший нам описание Египта, выразил произведенное на него этою страной чудес впечатление следующими немногими словами: «Египет есть дар Нила».

Что касается происхождения древних египтян, то, полагают, они пришли из Азии через Суэцкий перешеек. На берегах Нила им встретилось другое, вероятно, черное туземное племя, принужденное отступить перед ними внутрь страны. Судя по дошедшим до нас сведениям, на северном берегу Африки, также как и в долине Нила, вплоть до болотистой страны у подножья Абиссинских гор, жили народы, резко отличавшиеся от негров цветом кожи, языком и нравами. Эти племена

принадлежали к белой расе, и их языки находились в ближайшем родстве с семитической группой языков».

Вначале египтяне разделялись на множество племен, составлявших во многих местах небольшие независимые государства и имевших каждое свои законы и богослужение. С течением времени эти государства слились между собою, так что образовалось два больших царства: Нижний Египет или северное царство вместе с Дельтой и городами Мемфисом и Саисом и Верхний Египет или южное царство с городом Фивами, простиравшееся от вершины Дельты до первого из четырех порогов Нила. Соединившись под одним скипетром, они составили наследственную монархию фараонов. Первоначальное разделение не уничтожилось совершенно: из маленьких государств образовались провинции, а из провинций — правительственные округа, называвшиеся номами. Эти округа состояли из одного или нескольких городов с прилегающими к ним небольшими участками земли.

2. Древнейшая история египтян

Во всех преданиях и сказаниях, в особенности в «Росписи царей» жреца Манефа, бывшего около 250 г. до н. э. храмовым писцом в Фивах, первым царем называется уроженец города Фени в Верхнем Египте, по имени Мена (или Менее), царствовавший за 3890 лет до н. э. Он положил конец господству жрецов и основал египетскую монархию. Эта монархия существовала около четырех тысяч лет под правлением тридцати династий до Нектанеба (Нахт-Небефа), царствовавшего за 350 лет до н. э. Соответственно последовательному возвышению городов Мемфиса, Фив и Саиса, вся древняя история Египта может быть разделена на три периода:

- 1 (Мемфисский) — X династии).
- 2 (Фиванский) XI — XX династии).
- 3 (Саисский) XXI — XXX династии).

Кроме Саиса, в этот период возвышались в Дельте и другие города, как например, Бубастис и Танаис, имевшие нечто вроде местных династий (например, при XXII и XXIII династиях).

Последний период прерывается в первый раз при XXIII династии вторжением эфиопов. Они господствовали до 672 года и были побеждены ассирийцами. Псаметих около 650 года прогнал ассирийцев и восстановил саисскую династию. Второй перерыв был произведен вторжением персов при Камбизе в 625 году.

Об основателе египетской монархии Менесе греческий историк Геродот (около 450 г. до Р. Х.), путешествовавший по Египту и лично собиравший сведения от тамошних жрецов, рассказывает, что этот царь устроил на Ниле плотину в ста стадиях выше Мемфиса и тем принудил реку, протекавшую вдоль песчаных гор Ливии, покинуть старое русло и проложить себе новое, между двумя горными цепями. Когда отделенная плотиною земля окрепла и старое русло реки было засыпано и осушено, Менее построил здесь город Мемфис.

С этих пор Мемфис сделался средоточием египетской культуры, и здесь литература, науки и искусства египтян достигли своего высшего процветания. Менее начал постройку большого храма богу Фта и установил богослужение. После более чем шестидесятилетнего царствования он умер, по преданию, от укуса бегемота. О ближайших преемниках Менеса, царях двух первых династий из Фени, до нас не дошло почти никаких сколько-нибудь достоверных сведений, и нам едва известны лишь имена их. Но и уже в эти древнейшие времена у египтян было в обычае с возможным тщанием предохранять от порчи мертвые тела людей и священных животных. Грек Диодор (около 40 г. до Р. Х.) говорит об этом обычае так: египтяне называют жилища живых людей гостиницами, а могилы мертвых

вечными домами, потому что мертвые пребывают безграничное время в подземном мире. Поэтому мертвые тела для предохранения от разложения превращали в мумии. Сперва вынимали внутренности, которые сохранялись в особых сосудах; затем тело погружали в противогнилостные жидкости, а потом завертывали, смотря по общественному положению и состоянию умершего, в дорогие или дешевые ткани и клали в соответствующее формам тела вместилище, украшенное надписями и изображениями; лицо же умершего закрывали маскою. Это вместилище вставляли в несколько гробовых ящиков. Люди же богатые сооружали для этой цели каменные саркофаги из гранита, известняка или базальта.

В нескольких милях к западу от Мемфиса возвышается обширное плоскогорье, тянувшееся на протяжении многих миль в одном направлении с рекою. Там находился мемфисский некрополь (кладбище). Здесь тела умерших хоронили на высоте почти ста футов над уровнем нильской долины. Могильные склепы высекались в каменной стене или выкапывались в рыхлом грунте и выкладывались плитами. Бедных людей зарывали большей частью нагими и без гробов, просто в песок, на глубине одного метра; других хоронили в небольших прямоугольных усыпальницах, грубо устроенных из желтого кирпича; людям же зажиточным и богатым воздвигали монументальные гробницы. Те, которые сохранились до наших дней полностью, состоят из трех частей: наружной часовни, колодца и подземелья. Часовня всегда четырехугольная и издали имеет вид усеченной пирамиды, а внутри обычно состоит из одной только комнаты. Вход в нее почти всегда с восточной стороны, так как запад, где заходит солнце, принадлежит богам мрака и смерти. В верхнюю часть входных дверей вставлялась широкая доска с надписью из горизонтальных строк. В ней после молитвы к шакалу бога Анубиса, перечисляются титулы умершего, именуются цари, которым он служил и которые дорожили им более, чем «всяким другим слугою». Стены часовни покрыты барельефами, подробно изображающими всю жизнь покойного. В одном углу представлены сцены из домашней жизни: повара, раздувающие огонь и приготавливающие обед, женщины, танцующие и играющие на флейтах и арфах; в другом — случаи на охоте и рыбной ловле, происшествия во время наводнения. Там вы видите всякого рода ремесленников, занятых своими работами: сапожников, стекольщиков, литейщиков, столяров; все они следуют в порядке друг за другом. Глава дома стоит на корме большого судна и отдает приказания матросам; море, по которому он плывет, — море запада, а гавань, в которую он держит путь, не что иное, как сама могила. Чтобы найти отверстие колодца, надо подняться на плоскую кровлю часовни. Колодец этот четырехугольный и выложен большими красивыми камнями до того места, где он входит в скалу. Средняя глубина его бывает от 12 до 15 метров. На дне его, на южной стене, открывается проход, которым можно идти только согнувшись; он ведет в самую усыпальницу. Усыпальница высекается в самой скале и не имеет никаких украшений. Посреди ее стоит большой саркофаг из красного известняка, розового гранита или черного базальта; на нем начертаны имена и титулы умершего. После того, как саркофаг с телом запечатали, рабочие клали около него четверть только что убитого в верхней комнате быка и ставили несколько наполненных пеплом больших кружек из красной горшечной глины; затем они тщательно заделывали вход в коридор и заполняли все углубление до самых краев щебнем, смешанным с песком и землей.

На этом защищенном от наводнений Нила плоскогорье выбирали себе места упокоения и цари. Их гробницы отличались от других уже своей величиной. Сначала на устроенные в утесах царские могилы в знак почета наваливались, вероятно, каменные глыбы или насыпались земляные холмы. Для защиты от дувших из пустыни сильных ветров эти земляные холмы приходилось укреплять и обкладывать камнями. Таким образом, они постепенно приняли известную определенную форму: то были четырехугольные каменные сооружения, широкие в основании, а кверху все более и более суживающиеся и получившие вследствие этого пирамидальную форму. Впоследствии эти сооружения ради большей прочности и твердости стали делать сплошными и снаружи, и внутри из отесанных под прямым углом и расположенных правильными рядами камней, и таким образом, над гробницами царей нагромождались искусственные каменные горы. «Подобно горам, —

говорит римский историк Тацит, — возвышаются среди зыбучих песков пирамиды, воздвигнутые соревнованием и волею могущественных царей».

Цари III династии (из Мемфиса), хотя изображения их не встречаются на открытых до сих пор памятниках, известны нам по именам. Наиболее замечательными из них были Гуни и Снефу. Но их далеко превосходят известностью три знаменитых царя IV династии: Хуфу (Хеопс), Хафра (Хефрен) и Менкара (Микерин), строители громадных царских могил, трех величайших пирамид в окрестностях Гизе по Нилу, напротив Каира, в области древнего Мемфиса. Самая огромная из них — пирамида Хуфу, имеющая 137 метров вышины; каждая сторона ее основания имеет более 200 метров. По свидетельству Геродота, 100 тысяч человек в продолжение 20 лет были заняты доставкой материала (известняка и гранита) для этой пирамиды и ее постройкой. «На пирамидах, — пишет Геродот, — обозначено также египетскими буквами, сколько было израсходовано на покупку рабочим редьки, луку и чесноку, эта сумма составляла около 1.600 талантов серебра». Если это так, то сколько же пришлось употребить железа (?) для рабочих орудий и сколько пошло всего на содержание и одежду рабочих? Посредине северной стороны начинается постепенно понижающийся проход менее одного метра в ширину и более одного метра в высоту, ведущий к могильному покою, находящемуся на 25 метров ниже основания пирамиды. Здесь когда-то находился саркофаг.

В могильном покое третьей по величине пирамиды найден прекрасно сделанный из голубого базальта саркофаг царя Менкары с его мумией. На нем надпись:

«О, Озирис, царь Менкара, вечно живущий! Рожденный небом, выношенный во чреве Нуты, потомок Себа (это были духи земли и небесного свода), твоя мать Нута распростирает над тобой свои объятия во имя твое, сокровеннейший на небесах. Да сделает она тебя богом и да уничтожит врагов твоих, сын Менкара, вечно живущий!»

Хуфу за жестокое угнетение народа непосильными работами был ненавидим своими подданными, и еще во времена Геродота о нем отзывались как о тиране. По словам Диодора, тела Хуфу и его сына Хафра были вытащены озлобленным народом из саркофагов и разорваны на мелкие части.

В правление VI династии город Мемфис начинает утрачивать свое значение. Со вступлением на престол XI династии столицей становятся «стовратные» Фивы, а господствующей страной — Верхний Египет. Из царей XII династии, кроме Узортосена III, окончившего начатое его предшественниками завоевание Нубии, заслуживает особого внимания Аменемхат III (около 2200 г. до н. э.), умевший с большим искусством осуществлять грандиозные планы. Так, например, он приказал устроить громадный водный резервуар, в котором собранный в годы сильных разливов Нила запас воды хранился на тот случай, если бы слабое разлитие реки стало угрожать стране засухой. Этот резервуар носил название Мери, то есть «озеро», поэтому греки строителем его называли царя Мерида, тогда как настоящим строителем был Аменемхат III. Два связанные шлюзами канала соединяли этот резервуар с Нилом и регулировали в нем приток и исток воды. Неподалеку от этого Меридова озера Аменемхат III построил Лабиринт, служивший одновременно дворцом и усыпальницей. «Лабиринт, — говорит Геродот, — своею величиною превосходит даже пирамиды». Это было громадное четырехугольное здание, имевшее около 200 метров длины и 170 метров ширины, построенное частью из белого известняка, частью из гранита. В нем насчитывалось 1.500 покоев над поверхностью земли и столько же под землей. «Египетские смотрители, — рассказывает Геродот, — ни за что не соглашались показать мне подземные покои, потому что там стояли гробы царей, построивших лабиринт, и гробы священных крокодилов». Очень может быть, что в этих темных покаях хранились священные одежды и другие ценные предметы для предохранения их от насекомых, пыли и солнца.

Сфинкс

В правление XIV династии случилось чрезвычайно важное событие: вторжение, в Египет около 2100 г. до н. э. так называемых гиксов. По всей вероятности, это были сирийские кочевые племена, на языке египтян «гикзхус» означало «цари пастухов». Без сомнения, эти «пастухи», привлеченные в Египет изобилием плодов и пастбищ для скота, вторглись в него с Востока и распространились по всему Верхнему и Среднему Египту. Это вторжение можно сравнить с налетевшей тучей всепожирающей саранчи: города и храмы — все было разрушено, разграблено, сожжено. Однако неистовства разрушения, по-видимому, были непродолжительны и во всяком случае не во все время господства гиксов, продолжавшегося 511 лет. В противном случае от египетского народа, его языка, обычаев и нравов, от его искусства и цивилизации не осталось бы никаких следов.

Постепенно снова окрепла власть египетских цари в Фивах. Сначала удалось оттеснить гиксов к Мемфису, а затем после целого ряда продолжительных и тяжелых войн фиванских царей, особенно Амосиса (1680 г.), Тутмозиса (1625 — 1591 г.) и Аменофиса III (1524 — 1488 г.), освободить страну от чужеземного ига. В правление XIX династии Египет достигает апогея своего могущества и материального и духовного развития. Ярko блещут имена завоевателя Сета I (1439 — 1388 г.), победившего пастушеские племена на восточной границе Египта и простершего свое оружие до Ханаана, Сирии и Месопотамии, и его сына Рамзеса II (1388 — 1322 г.), укрепившего завоевания отца и присоединившего к Египту новые земли, находящиеся вверх по течению Нила. Наравне с ними может быть поставлен Рамзес III (1269 — 1244 г.), за которым следовали еще одиннадцать царей из того же рода.

Фиванская равнина с колоссами

Каждый из них не упускал случая украсить новую столицу государства, Фивы, новыми постройками. Этот город представлял удивительный вид в то время, когда в нем еще красовались здания, воздвигнутые Тутмозисом и Аменофисом, Сефом, Рамзесом I и Рамзесом II. Подобно утесам, вырастали из земли эти здания своими плотными массами по обоим берегам Нила; а над всеми ними возвышался целый каменный лес колоссов и обелисков. Больше всех способствовал украшению Фив Рамзес II. В Египте и Нубии не найдется почти ни одной развалины, на которой не попадалось бы его имя. До сих пор еще свидетельствуют о нем величественные остатки храмов и портиков близ деревень Канака, Луксора и Мединет-Абу. Еще и теперь там можно видеть полузанесенные песком, изображающие его самого два колосса в сидячем положении и обелиск из красного гранита, который, величественно поднимаясь к голубому небу, выказывает на ярком блеске неповрежденной полировки длинные ряды глубоко вырезанных иероглифов. В Нубии, близ Абу-Симбеля, сохранились до сих пор от времен Рамзеса два храма из буро-желтого песчаника, посвященные один самим Рамзесом богу Ра, а другой — супругой его Нефруари богине Гафор. Перед вторым из этих храмов находятся шесть колоссов в сидячем положении, по три с каждой стороны от входа; средний из каждой трех изображает царицу, а два другие — царя. Перед первым храмом находятся четыре колосса, также в сидячем положении, с приложенными к бедрам руками; они высечены из одного куска и все изображают Рамзеса II.

Сефос I (с барельефа в Карнаке)

Как близ Мемфиса, так и близ Фив находится большое кладбище. Могилы жителей Фив тянутся непрерывной линией на расстоянии двух часов пути, занимая ливийский горный кряж, возвышающийся на 300 футов над равниною. Катакомбы и ведущие к ним проходы высечены в скалах. Могильные склепы расположены в несколько ярусов, соединенных между собой лестницами и шахтами. В нижних рядах похоронены богатые, а в верхних — бедные люди. Бесчисленные мумии последних нередко употребляются арабами на топливо. В катакомбах богатых людей встречается множество свертков папируса, а на стенах и потолках надписи и фресковая живопись, объясняющие сословие и занятие каждого умершего и передающие черты из его жизни.

Во втором кряже гор находятся каменные усыпальницы фиванских царей. Открыты усыпальницы Аменофима III, Сета I, Рамзеса I и Рамзеса III. Четырехугольная дверь ведет во внутрь скалы, через несколько шагов проход начинает спускаться в глубину. Стены его покрыты живописью, яркие краски которой сохранились довольно хорошо, но скульптурные изображения повреждены. Высеченная в скале усыпальница Сета I больше и великолепнее других. Она состоит из целого ряда проходов, покоев и часовен. Прежде всего коридор ведет к лестнице, по которой поднимаются в один из покоев; отсюда другая лестница ведет к галерее, смежной с большим залом, потолок которого подперт четырьмя колоннами. Из этого зала третья лестница ведет налево почти в такой же зал с неоконченными изваяниями, а направо — в широкую галерею, подпертую шестью колоннами и вдающуюся в глубину скалы более чем на 300 футов. Здесь покоилось тело царя в алебастровом саркофаге, покрытом скульптурными украшениями. Саркофаг этот был найден пустым и находится теперь в Британском музее.

Последним великим государем Египта был Рамзес III, второй царь из XX династии. Геродот называет его Рампсинитом и сообщает о нем следующее сказание. Рампсинит был богатый египетский царь. Он приказал пристроить к своему дворцу каменное казнохранилище без окон и дверей так, чтобы входить в него можно было только из его собственных комнат во дворце. Но архитектор был плут; он вставил одну большую плиту так искусно, что человеку, знакомому с этим секретом постройки, было легко вынуть плиту. Ему однако не удалось воспользоваться плодами своей хитрости, потому что вскоре после окончания постройки он опасно заболел и умер. Но перед смертью он успел сообщить свою тайну двум своим сыновьям, которые в следующую же ночь отправились ко дворцу, вынули из наружной стены казнохранилища указанный им камень и взяли оттуда столько сокровищ, сколько могли унести. С изумлением заметил царь эту пропажу при отсутствии всяких следов повреждения здания. Убедившись при следующих посещениях казнохранилища, что пропажа продолжала возрастать, он пожелал узнать как самого вора, так и употребленный им способ, для чего и приказал расставить между сосудами, в которых хранились сокровища, сети и капканы. Хитрость удалась. В одну ночь, когда братья снова пришли к казнохранилищу и один из них пролез сквозь отверстие, то в темноте он до такой степени запутался в сетях и был стиснут капканами, что уже не мог освободиться и принужден был отказаться от всякой мысли о спасении.

Рамзес II (со снимка колоссальной головы в Британском музее)

«Брат, — воскликнул он в отчаянии, — для меня уже все кончено; но чтобы ты мог избавиться от гибели, отрежь мне голову и унеси ее с собой; тогда меня не узнают». Брат так и сделал. Царь был крайне удивлен, найдя в своем запертном казнохранилище труп без головы. Однако он не отказался от надежды узнать вора и в этом отношении рассчитывал на религиозный дух своего народа, необыкновенно дорожившего погребением умерших с подобающими почестями. Поэтому он приказал повесить тело на дворцовую стену и приставить к нему стражу с тем, чтобы она задерживала и представляла ему всякого, кто

будет плакать над этим трупом.

Вид развалин храма Аммона-Ра в Карнаке

Рамзес III

Эта вторая хитрость чуть было также не удалась царю. Мать двух братьев безутешно горевала о погибшем и стала грозить его брату, если он не доставит труп, обо всём донести царю. Тогда оставшийся в живых придумал новую хитрость. Он наполнил вином меха, нагрузил ими несколько ослов и повел их мимо дворцовой стены, у которой стояли стражи. Подойдя к ним на близкое расстояние, он незаметно открыл один мех и стал выпускать из него вино на землю. Стражи бросились со своими сосудами, чтобы наполнить их вытекавшим вином. Погонщик ослов сначала прикинулся рассерженным, но, когда стражи стали шутить с ним, показал вид, что не сердится более, подсел к ним и позволил пить вино и из других мехов, так что все они опьянели и заснули. Между тем смерклось и хитрецу нетрудно уже было снять со стены труп брата и взвалить его на осла. В насмешку над стражами он, прежде чем удалиться, отрезал у каждого из них по половине бороды. Изумление и гнев царя возросли еще больше, а желание узнать того, кто проделывает с ним все эти шутки, было так велико, что он приказал своей дочери объявить о готовности ее сделаться невестой и женой того, кто расскажет самое хитрое и самое постыдное дело своей жизни. Смелый вор, решившись снова перехитрить царя, явился во дворец и, когда царская дочь предложила ему условленный вопрос, отвечал, что самым постыдным его делом было убийство брата, а самым хитрым то, что он напоил допьяна царскую стражу. Услышав это, царица схватила его за руку, но в ту же минуту увидела, как он выскочил от нее в двери, и с ужасом заметила, что у нее осталась рука мертвеца, которую хитрец выставил ей из-под плаща вместо своей собственной. Тут царь принужден был окончательно отказаться от надежды перехитрить такого мастера обманывать других и приказал объявить, что тот, кто все это сделал, освобождается от-всякого наказания и получит еще большую награду, если явится к нему добровольно. Виновный пришел во дворец; царь не мог ему надивиться и выдал за него свою дочь.

3. Религия, государственное устройство, искусства и гражданская жизнь в «древнем» Египте.

Если принять во внимание массу религиозных изображений на памятниках, бесчисленное множество встречаемых на них фигур богов и священных животных и рассуждения о религиозных предметах, постоянно попадающиеся в древних египетских рукописях, то можно смело заключить, что древние египтяне были народ благочестивый, который, следуя внутреннему влечению, старался при всяком случае выражать свою благодарность и свое благоговение к богу, как высшей неземной силе и творческому началу всего существующего, как «отцу отцов и матери матерей».

«Хотя бог этот непостижим в своем существе, един и неизменяем, однако он, — говорится в одной египетской книге мертвых (то есть, в собрании молитв, составлявшем неприменную принадлежность каждой мумии, при ее погребении), — создает свои собственные члены, которые сами суть боги». Таких второстепенных богов было множество. Но все божества, переходя попеременно друг в друга, сливались в высшем божестве. Одним из главных был Фта в Мемфисе. В его храме находился священный бык Апис. Этот бык должен был быть черного цвета, иметь на лбу белое треугольное пятно, белые пятна на

спине, изображающие летящего коршуна или орла (что, впрочем, нередко существовало лишь в воображении жрецов), нарост под языком в виде священного жука бога Фта и двуцветные волосы на хвосте. Жрецы Аписа воздавали ему божеские почести. В Оне (Гелиополис) поклонялись преимущественно богу солнца Ра, в Фивах и оазисе Сиве — Амо-ну с бараньей головой, в Саисе — богине Нейфе и т.д. Среди высших боров любимейшими были Осирис и супруга его Исида. У них был сын Гор. Бог зла Тифон убил Осириса и рассек его на части. Исида отыскала их, соединила и похоронила. Гор, мстя за отца, убил Тифона. А Осирис был воскрешен Исидой.

Символическое значение этого мифа объясняют следующим образом: Когда уровень Нила начинает понижаться и знойные ветры, дувшие с юга, вытесняли прохладный северный ветер, а дневной жар палил землю, — вот время, когда Тифон убивал Осириса. В эту пору египтяне оплакивали исчезновение плодов и воссылали к богам мольбы о том, чтобы вместо исчезнувших плодов вырастали новые. Затем, когда оканчивался посев, египтяне погребали Осириса. Когда же Египет снова оплодотворялся наводнением Нила, когда солнце сияло в новом блеске, когда начинали вырастать новые плоды, то рожденный около зимнего поворота солнца Гор вырастал и побеждал Тифона. Сын Осириса, мстящий за отца, изображал собой обновленную силу солнца, возродившуюся жизнь природы и новые благодеяния года.

В этом мифе поэтически изображена вечная борьба между добром и злом. Доброе начало это для египтян Нил, приносящий им благодать и пищу, а злое — знойный ветер пустыни. Таким образом Осирис является мужской силой природы, распространяющей жизнь и развивающей растительность, богом солнца и Нила. Исида же олицетворяет силу женскую, рождающую из себя все живое, оплодотворяемую и плодоносную землю.

Некоторые боги, по понятиям египтян, являлись в образе известных животных, сообщая их телам частицу своей божественности, то есть воплощаясь в них. Так, например, бык Апис назывался душой Осириса; другими священными животными были цапля, ежегодно возвещавшая своим возвращением новое оплодотворение земли и потому посвященная в Гелиополисе Осирису, затем копчик, кошка, крокодил и прочие. Вера в бессмертие души у египтян была всеобщая, и они полагали, что человек, умирая телесно, тем самым преображался в божественное существо. Но и тело, по верованию их, эту земную оболочку человека, необходимо было искусственно предохранить от тления и разрушения. Вот почему они так заботились о том, чтобы тела умерших были недоступны разложению и находили вечное успокоение в безопасных, неразрушимых усыпальницах.

Подобно животным, и люди являлись воплощениями божества. Понятное дело, что это в особенности относилось к царям, в которых египтяне видели божественные существа. Фараоны, как показывает самое имя их (Ра-Фра, то есть сын Ра), считались представителями богов на земле, даже самими богами, поэтому им воздавались божеские почести. Так, например, надпись на одной колонне в честь царя Хафра называет его добрым богом и господином. Царская власть в Египте была деспотическая, неограниченная. До какой степени египетские цари позволяли себе истощать силы своих подданных, показывает один взгляд на гигантские памятники, о которых мы говорили выше. Даже жрецы должны были преклоняться перед царем. Он мог, не обращаясь к жрецам, взывать к богам, приносить им жертвы, посвящал храмы. Короче говоря, царь не только стоял во главе государства, но в качестве высшего духовного руководителя являлся и верховным жрецом своего народа. Единственным стеснением для него были церковные законы жрецов, содержавшие в себе «для царя, как для первого лица страны», самые точные и подробные постановления относительно его частной жизни: пищи, питья, одежды, прогулок, омовений и т.д. После смерти царя по нем, как по Аписе, назначался семидесятидневный национальный траур, пока на престол не вступал сын умершего государя. Впрочем, порядок престолонаследия нередко нарушался узурпацией (насилованным захватом власти). В Египте были два главных сословия (касты): жрецов и воинов, и три второстепенных: земледельцев, ремесленников и пастухов (Геродот упоминает еще о кастах торговцев, толмачей и корабельщиков). Так как

браки между членами второстепенных сословий и рабочими классами народа не были запрещены, то наименование трех последних сословий кастами не может иметь места.

Члены военной касты со своими семьями владели земельными участками, пользование которыми предоставлялось им взамен жалования; оружие же они получали из казенных складов. Число воинов при общем призыве доходило при Рамзесе II до 500.000 человек, составлявших обученное войско.

Ка́ста жрецов была самой уважаемой. Для того, чтобы жрецы могли вполне посвящать себя своему священнослужительскому призванию и своей святой жизни, для которой существовали строгие постановления относительно чистоты и пищи, им назначались богатые доходы хлебом, вином и жертвенными животными. Кроме своего религиозного назначения, они являлись исключительными представителями образования. Египет обязан жрецам устройством и развитием своего богослужения и религиозных понятий, составлением и изданием законов, письменностью, науками и искусствами. В качестве людей образованных и искусных в письме они предпочтительно перед другими занимали при царях разные должности как по административной, так и по судебной части. Кроме того, жрецы занимались астрономией, так как египтянам, больше чем какому-либо другому народу, необходимо было наблюдать над ходом небесных светил, которые, смотря по своему положению на небе, по своему появлению и исчезновению, служили верными указателями для главного занятия египтян — земледелия. По этим наблюдениям жрецы рассчитывали время приближения разлива Нила, наивысшего уровня его вод и начала их убыли.

Нельзя также не обратить внимания на участие жрецов в качестве руководителей в создании произведений искусства, в особенности зодчества. В самом деле, можно полагать, что проекты и рисунки зданий, служивших преимущественно религиозным целям, то есть храмов, усыпальниц, пирамид и обелисков, и скульптурные изображения и живопись на них принадлежали жрецам, которые одни обладали необходимыми познаниями. При этом следует заметить, что в двух последних искусствах египтяне оставили лишь грубые произведения, лишенные гармонии и изящества. Меньше всего удавались им изображения человеческих фигур, имевшие у них неподвижный и лишенный всякой приятности вид. Что в особенности поражает своими исполинскими размерами, так это так называемые сфинксы. Они представляют львиные фигуры с человеческими, бараньими или ястребиными головами и являются символическими изображениями царей и богов, в особенности бога Ра. Заслуживают также внимания и упомянутые уже обелиски — четырехугольные, остроконечные колонны, состоявшие из одной цельной гранитной массы и воздвигавшиеся у входов в храмы в память их строителей или жертвователей на их украшения.

На всех этих зданиях находятся изображения и надписи, объясняющие всю жизнь египтян. Письмо у них было иероглифическое или изобразительное: например, четырехугольник в этом письме означает дом, две волнистые черты — воду, четырехугольник с изображением божества — храм. Образно обозначались также разные виды деятельности или состояния: например, открывание чего-либо — дверью, путешествие — шагающею птицей, битва — вооруженною копьем и щитом рукой, жажда — знаком воды и бегущим по ней теленком, голод — рукой, направленной в рот. Понятия обозначались символическими изображениями: например, могущество — поднятым бичем, истина — страусовым пером, которое остается неизменяемым, защита — летающим коршуном и т.д.

Развалины египетского храма с обелисками

Большим шагом вперед в этой системе писем было присоединение к ней звуковых изображений, так называемых, фонетических иероглифов. Звук А обозначался изображением орла (по-египетски — *асне*) или тростника (по-египетски — *ак*). Таким образом произошло смешанное письмо, состоявшее из настоящих иероглифов и простых звуковых изображений.

Оно постепенно совершенствовалось, и в нем были допущены сокращения. В сокращенном виде эта письменная система носит название иератической. В свою очередь, иератическая система для ежедневного обихода была сокращена и в таком виде носила название демотической.

Несмотря на все свои усовершенствования и сокращения, письмо это долго оставалось трудным и непонятным для чтения и до начала XX века (!!) противилось всем попыткам найти ключ к нему. Только англичанину Юнгу и французцу Шамполиону удалось в 1812 году разобрать найденную французским артиллерийским офицером Буссаром надпись, состоящую из тройного письма (иероглифического, демотического и греческого). Немецкий ученый Лепсиус продолжал их изыскания, и с этих пор изучение этих писем сделало такие успехи, что в настоящее время надписи на египетских памятниках и остатки литературы на папирусах (книги мертвых, священные книги жрецов, рассуждения о геометрии, медицине и астрономии) разбираются учеными с такою же точностью, как произведения, например, Цицерона и Тита Ливия.

В заключение скажем еще несколько слов об общественной жизни египтян. Само собой разумеется, что они с особенным усердием занимались земледелием и скотоводством; но и охота, не была у них в пренебрежении. Была развита у египтян и промышленность, памятники свидетельствуют о существовании у них всех родов ремесленной деятельности, преимущественно ткачества.

В древности египетские льняные и шерстяные ткани пользовались громкой известностью. Равным образом египтяне славились производством стекла и выделкой кожи, а также строительными работами.

Древняя одежда египтян

Жилища богатых людей украшались роскошной мебелью, галереями и террасами и окружались тенистыми аллеями и прекрасными цветниками. Их одежда отличалась простотой, но вместе с тем и вкусом. Простой народ носил только льняную рубашу и поверх нее шерстяной плащ. Женщины не вели, как вообще на Востоке, затворнической жизни, а могли являться свободно везде и даже торговать на рынках. Была значительно развита общественная жизнь. В могильных склепах встречаются изображения мужчин, которых вносят на носилках в общество, а также изображения женщин и мужчин, находящихся в одном зале. Умеренность в пище и питье не принадлежала, по-видимому, к числу их добродетелей. На этих изображениях не только мужчины, но и женщины извергают назад излишне съеденное и выпитое, а других слуги несут на руках домой.

Главным основанием правосудия было пресечение преступнику способов вторичного преступления. Так например, фальшивомонетчики наказывались лишением обеих рук, а виновные в выдаче государственных тайн — лишением языка. Подделывателю документов или мер и весов отрубали одну руку. Решению дел обычно предшествовало письменное производство: жалоба и ответ на нее, возражение на этот ответ и новое опровержение жалобы подавалось письменно. Договоры и условия о купле, продаже, залоговые обязательства и т.п. излагались необыкновенно точно и подробно и скреплялись подписями многих свидетелей. Проценты не должны были превышать сумму капитала. Рабства за долги, как у древних римлян, не существовало.

Позднейшая одежда египтян

Суд. Осириса. Книга мёртвых. Папирус. XXI династия.

Умерщвление раба наказывалось смертью наравне с убийством египтянина. То же наказание угрожало и клятвопреступнику.

Тот, кто не запятнал себя ни одним из этих тяжких преступлений, после смерти мог спокойно ожидать приговора 32-х судей мертвых, среди которых восседал на троне Осирис. Соединившись с Осирисом, душа умершего быстро пролетала через небесные обители и на полях Аалу присутствовала при таинственном возделывании священной нивы. После этого для нее занималась заря вечного блаженства, она присоединялась к сонму богов и вместе с ними славословила всесо-вершенное существо.

II. ЕВРЕИ.

Израильтяне, иудеи

1. Моисей

Подробно древнейшая история евреев описана в Библии, мы же представим здесь лишь краткий ее очерк.

От одного из сыновей Ноя, а именно Сима, произошел Ферах — отец родоначальника евреев Авраама. Авраам переселился из земли Ур в Халдею, а потом в Ханаан. За ним, тщательно соблюдая чистоту рода, следовали в звании патриархов Исаак и его сын Иаков, называвшийся также Израилем — Богоборцем. Один из двенадцати сыновей его — Иосиф был продан своими братьями в рабство в Египет, где по неисповедимому предопределению Божию, сделался первым сановником фараона. Достигнув столь высокого общественного положения, он переселил в Египет своего отца со всем его семейством. Здесь от этой семьи мало-помалу произошел многочисленный народ, живший в области Гозен, в нильской Дельте, к востоку от нильского рукава Таниса.

После вступления на престол нового фараона израильтяне были обременены тяжелыми работами как полевыми, так и при государственных постройках. События эти, несомненно, следует отнести ко временам Сета I и Рамзеса II, созидавших вдоль северо-восточной границы Египта сильные укрепления, каналы и новые города. Может быть, фараоны под впечатлением недавних опасностей, происходивших от пастушеских племен, желали только отучить израильтян от их прежнего кочевого образа жизни и вполне закрепить их на своей земле.

Избавителем от этого бедственного положения Бог послал Моисея. Он вместе со своим братом Аароном около 1320 г. до Р. Х. в царствование слабого сына Рамзеса II — Менефты, устроил исход израильтян из Египта, несмотря на то, что египтяне всячески препятствовали этому и преследовали их. Евреям удалось уйти от гнавшихся за ними египетских полчищ, погибших при переходе через Красное море. Евреи между тем вступили на Синайский полуостров. Здесь, на горе Синае» (теперь Гебель-Муза, а может, Гебель-Серебаль), последовало торжественное заключение союза (завета) с Богом, послужившее для них основой нового законодательства.

Но беспокойному народу сорокадневное пребывание Моисея на горе Синай показалось слишком продолжительным. «Мы не знаем, что случилось с человеком, выведшим нас из земли египетской, — говорили они Аарону и потребовали, чтобы он сделал им видимых богов. Аарон, не обладавший необыкновенной энергией своего брата, после некоторого колебания согласился, но потребовал у них все золотые вещи для изготовления идола. Быть может, он рассчитывал, что они скорее откажутся от идола, чем от своего золота, но ошибся.

Они сложили в одну кучу большое количество золота; Аарон растопил его и облил им вырезанное из дерева изображение тельца, подобного тому, которому египтяне поклонялись под именем Аписа. Едва был поставлен телец, как народ воздвиг вокруг него алтари, зажег жертвенные огни и начал с радостными криками плясать вокруг нового бога, которому Аарон напрасно старался дать имя Иеговы.

В самый разгар праздничного ликования Моисей и Иисус Навин сошли с горы Синай. Вне себя от гнева Моисей бросил на землю обе скрижали законов с такой силой, что они разбились, и страшно наказал непослушных. Осыпав своего испуганного брата самыми жестокими упреками, он бросил золотого тельца в огонь, а весь пепел и золото — в протекавший мимо ручей. Затем он громко воскликнул: «Кто принадлежит Господу, тот да выступит вперед!» Многие упрямо остались на месте, но большая часть вышла вперед и в том числе все колено Левия, к которому принадлежал и сам Моисей. «Хорошо, — сказал он им, — возьмите мечи, идите через весь стан и разите всех, отрекшихся от Иеговы, даже если это будут ваши сыновья и братья. Сегодня Иегова посвящает вас этой жертвою в священнический сан и ниспосылает на вас свое благословение». И эти слова вождя, обладавшего необыкновенным даром повелевать, имели такую силу, что страшное приказание было немедленно исполнено. Три тысячи непокорных были изрублены. Произведенное впечатление было так сильно, что, когда после этого Моисей снова взойшел на гору, чтобы вымолить у Господа прощение народу за грехи и снова пробыл там сорок дней, то на этот раз в стане никто уже не посмел выказать неповиновение.

Закон, данный Богом через Моисея, разделяется на три главные части. Первая, основная, часть содержит в себе нравственный закон, изложенный с особой точностью в десяти заповедях.

Моисей (статуя Микельанджело)

Вторая часть состоит из систематически изложенных постановлений о священстве и представляет собой собрание законоположений о жертвоприношениях, о местах богослужения, о соблюдении праздников, об одежде священников, о их положении, достоинстве, правах и обетах; короче говоря — это есть церковный устав.

Древняя еврейская одежда

Наконец, третья часть содержит в себе постановления об устройстве образа жизни отдельных колен на будущих местах их жительства, а также предписания, относящиеся к частной жизни и собственности, а затем — постановления о соблюдении безопасности, порядка и чистоты, о воздержании от некоторых родов пищи и т.п. Главным принципом в этих законах было установлено право возмездия, и это выражено в суровых словах:

«Ты должен воздать жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб, ногу за ногу, ожег за ожег, рану за рану».

Но вместе с тем в Моисеевом законе высказывается и гуманная черта: он особенно заботится о защите бедных, вдов, сирот, о милостивом обращении с должниками, с рабами и с животными. «Ты не должен закрывать рта волу, когда он молотит».

Основная идея Моисеева законодательства заключалась в том, что Иегова, Бог, создавший небо и землю и освободивший своею мощью из плена народ Израиля, остается и

на будущее время его богом, царем и правителем. Следовательно, над израильтянами будет властвовать ни кто-либо из людей, а единственно закон — само слово Божие. Поэтому Израиль сделался теократическим государством, то есть Божиим владением, и выделялся между другими народами, как священники среди низших сословий. Таким образом, и народ израильский, и подлежавшая завоеванию Ханаанская земля составляли собственность самого Бога.

В силу этой основной идеи идолопоклонство считалось высшим государственным преступлением, а изгнание из захваченной страны всех других народов, имевших своих собственных богов, — неперенным долгом, потому что единство всего народа основывалось на сохранении единого и чистого поклонения Иегове.

Еврейский первосвященник

По этой же причине и земля, подлежащая завоеванию, а затем разделению поровну между всеми израильтянами, не составляла безусловной собственности отдельных лиц; никто из израильтян не имел права продавать своего владения или самовольно передавать его кому-либо в наследство, ибо земля считалась Божьей. Хотя вследствие такого отношения к Богу все израильтяне считались равными между собой и у них не существовало различий между сословиями, однако посвященные непосредственному служению Иегове священники составляли особую образованную часть общества, служившую связующим звеном для всего государства. Для исполнения священнических обязанностей было избрано, как сказано выше, исключительно колено Левия — левиты.

По своему происхождению от десяти сыновей Иакова и двух сыновей Иосифа народ израильский разделялся на двенадцать колен, составлявших каждое особое независимое целое и имевших своих вождей и старейшин. Эти начальники родов и главы принадлежавших к ним семейств составляли совет, решениям которого все обязаны были повиноваться. Так как вся завоеванная Ханаанская страна должна была быть разделена на двенадцать частей, то все левиты были устранены от участия в этом поземельном разделе. Взамен этого им отведено было 48 городов, а вместо надела полями они получали от всех израильтян десятую часть дохода от их земель.

Устраненные от всякой гражданской деятельности, левиты посвящали себя только служению Иегове при празднествах и жертвоприношениях и исполнению лежавших на них обязанностей законодателей, судей, врачей и генеалогистов, то есть составителей родословных списков для всего народа, а также заботам об исполнении законов, как нравственных, так и церковных, и о поддержании сознания единства между отдельными коленами.

Их верховный глава или первосвященник должен был происходить из рода Аарона; звание это было пожизненное и передавалось от отца к сыну. Он представлял собою как бы верховное лицо в среде Божьего народа и действительно был первым сановником в этом теократическом государстве. Одной из принадлежностей его официальной одежды была головная повязка наподобие чалмы из белоснежного полотна, на которой спереди была прикреплена тонкая золотая пластинка с надписью: «Свят Иегова». На груди он носил наперсник, на котором были имена двенадцати колен израилевых, начертанные на двенадцати драгоценных камнях, а также «урим и туммим», символы света и правды, которые должны были жить в его груди. Раз в году в великий день примирения он вступал в святая святых скинии, чтобы принести примирительную жертву за грехи народа. Священная палатка скинии была устроена Моисеем немедленно после получения им закона на горе Синайской, согласно данному ему повелению и с помощью искусных мастеров, которые научились ещё в Египте подобным работам. Эта палатка отличалась от всех других своей красотой, великолепием и изяществом. В скинии было место длиной в 30 футов,

огороженное досками на серебряных подставках и разделенное на два отделения, из которых одно называлось «Святое», а другое — «Святая Святых». В последнем отделении стоял ковчег из дерева акации, так называемой «Киот завета», выложенный снаружи и изнутри золотом и снабженный золотыми кольцами для того, чтобы можно было переносить его с места на место. На золотой крышке были изображены два золотые херувима для обозначения места, где Богу было угодно явиться перед Израилем. В самом ковчеге были положены скрижали закона. Кроме ковчега, там же находилось множество изготовленных еврейскими мастерами чаш, блюд, семисвечный светильник и щипцы с подносом для него.

Семисвечный светильник

Все это было сделано из золота, для чего евреи отдали все свои золотые вещи, принесенные ими из Египта. Точно так же были принесены оттуда и другие произведения египетского искусства, например прекрасные бумажные ковры с изображением херувимов, составлявшие верх палатки и ниспадавшие па боковым ее сторонам. Сверху палатки спускалось покрывало из тонкого верблюжьего сукна, над ним другое — из сафьяна, и наконец, сверх всего этого третье покрывало из тонкой кожи.

Здесь в этой национальной святыне первосвященник, в звание которого был посвящен Аарон со своими потомками, получал откровения непосредственно от Бога. В то же время скиния, превращенная впоследствии Соломоном в храм, была местом, в котором все колена иудеев сознавали единство своей народности. С этой последнею целью Моисеем были установлены три главнейших празднества, во время которых все израильские мужи должны были собираться на месте, предназначенном для этой святыни: праздник пасхи, пятидесятницы и праздник кущей. В эти праздничные дни они обязаны были пред Святой Святых возлагать на алтарь, на котором горел священный огонь, жертвоприношения от своих плодов и первородных животных. Но так как на алтаре могло поместиться лишь незначительное количество этих приношений, то вся остальная часть жертвенного мяса шла на устраиваемые в эти праздничные дни пиршества, на которые евреи приглашали и своих друзей.

Последнее из этих постановлений показывает, что Моисей со свойственным всему его законодательству духом милосердия позаботился не только об устройстве праздничных собраний, служивших для установления между евреями разнообразных связей, но также и о чужеземцах, бедных и рабах, которых также предписывалось приглашать в качестве гостей. Кроме того, празднества служили большим сборным пунктом для внутренней торговли и разных сделок, неизбежно возникавших при таком многочисленном стечении народа. Установленное для жертвоприношений употребление масла и вина показывает, насколько Моисей умел приспособить богослужение к культуре страны, подлежавшей захвату, в которой можно было с большим успехом возделывать эти продукты.

Постановление это вообще было установлено Моисеем с тем, чтобы будущее государство, подобно Египту, основывалось преимущественно на земледелии, а не на торговле (что подтверждается также и воспрещением роста в денежных делах). В самом деле, торговля, без сомнения, повредила бы замкнутости еврейского народа, к чему Моисей стремился, чтобы сохранить чистоту монотеизма (веры в единого Бога).

Целям обособления от прочих народов служили и другие, основанные отчасти на гигиенических соображениях, постановления относительно пищи и прочие обрядовые законы, касавшиеся самых мелких подробностей частной и общественной жизни.

Моисеевым законом было также установлено через каждые семь лет отмечать субботний год, а через каждые пятьдесят — трубный или юбилейный год, в продолжение которых вся пахотная земля оставалась под паром.

Этот закон способствовал ограничению прав собственности. В юбилейный год всякое

поле, отчуждённое другому лицу, возвращалось без выкупа своему прежнему владельцу. Так что, собственно говоря, настоящей продажи земельной собственности не существовало, а существовала лишь продажа пользования землею, то есть пользования ее урожаями со времени покупки до юбилейного года. Точно так же всякий израильтянин, не только обедневший или сделавшийся несостоятельным должником, но даже продавший себя в рабство своему кредитору, в юбилейный год снова получал личную свободу и ему возвращалось его наследственное имущество. Этим мудрым постановлением Моисей обеспечил два основных положения, на которых зиждется благосостояние государства и народа и нарушение которых так часто вело в древние и новые времена к кровавым переворотам: право собственности и право личной свободы. Он поставил преграду, с одной стороны, обеднению целых масс народа в противоположность чрезмерному скоплению богатств в немногих руках, а с другой — угнетению слабых, следовательно, рабству и несправедливости целых сословий наряду с надменным господством привилегированных классов. При теократическом образе правления израильтян эта мера была вдвойне необходима, ибо таким образом возможно было поддерживать между ними сознание, что они составляют народ братьев, принадлежат Иегове, следовательно, могут быть рабами только Бога, а не людей, и наконец, что свое наследственное имущество они получили как неотчуждаемое наследство от самого Бога. Конечно, относительно того, в какой степени эти требования Моисея и еврейского духовенства проводились или могли проводиться в жизнь, нельзя сказать ничего определенного, так как преграды строгому исполнению этих идеальных постановлений в действительности были весьма значительны. Несмотря на такое гуманное начало, бросается в глаза, до какой степени был жесток у евреев закон о долгах. Кредитор мог продать в рабство своего должника, его жену или детей или мог держать их рабами в своем собственном услужении.

Но это обособление от других народов евреи должны были еще завоевать, так как им приходилось овладеть землей, уже находившейся во владении других племен — хананеян, у которых были довольно значительно развиты и культура, и торговые отношения.

2. Ханаан и его соседи: финикийцы, сирийцы, ассирийцы и вавилоняне.

Ханаанские племена разделялись на две главные группы. Одни из них занимали береговую полосу и были мореплаватели и торговцы; в классической древности они назывались финикийцами и во время Иисуса Навина находились под властью Египта. Вторая группа занимала внутренние области страны от Амана до южного берега Мертвого моря и распадалась на многие племена: аморитяне, гергезеняне, гифитяне, иевусеи и т.д. Столь часто упоминаемые в Библии филистимляне переселились с острова Крита и с дозволения Размеса III избрали себе место жительства юго-западный берег Сирии.

Ханаан (Палестина), изобиловавший хлебом, вином и маслом, а потому стоивший борьбы, должен был, по мысли Моисея, при соблюдении его естественных границ составлять одну округленную и безопасную от вторжения территорию. На западе он граничил с Средиземным морем; поэтому Моисей приказал овладеть всем берегом от Ако до маленькой полосы, занятой филистимлянами. На юге границей им был назначен не известный в наше время «Египетский ручей», дальше которого евреи не должны были заходить. Но в особенности Моисей воспретил им делать попытки к завоеванию лежавшей недалеко оттуда страны Гозен, принадлежавшей им в прежнее время и годной только, чтобы пасти там скот. Так как Моисей не предназначал еврейского народа для торговли, то он и не придвинул южной границы к Аравийскому заливу, а предоставил лежавшую в промежутке степь кочевавшим в ней народам. На севере границу нового государства должен был составлять Иордан; с моавитянами и аммонитянами, как с потомками Лота, предполагалось жить в мире. Но так как эти народы напали на приближавшихся израильтян, то после проигранного ими сражения у них были отняты все их земли, которые и перешли в собственность евреев.

Земля, находившаяся по ту сторону Иордана, к востоку, считалась менее священной.

Она простиралась до Евфрата, который должен был оставаться ее самой отдаленной границей. Лежавшие к востоку земли состояли преимущественно из бесплодных и были пригодны только для скотоводства. Вполне плодородными и удобными для постоянного жительства были только местности, непосредственно прилегавшие к Иордану. Они принадлежали коленам Рувимову и Гадову и полуколену Манасину, занявшим эти земли после своей победы над аммонитянами и моавитянами. Таким образом, эта страна благодаря распоряжениям Моисея была совершенно замкнута, опасные соседи были от нее удалены, а с полезными она находилась в дружбе.

К числу последних в особенности принадлежали финикийцы. Хотя этот народ был также из числа племен ханаанских, однако Моисей никогда не вменял в обязанность евреям его истреблять, как это он с намерением сделал по отношению к другим хананеям. Оба народа, и иудеи, и финикийцы в продолжение всей своей истории жили в мирных отношениях между собой. Это объясняется тем, что хотя евреи были народом воинственным, но при этом исключительно земледельческим; финикийцы же никогда не были народом воинственным и занимались одною торговлей, вследствие чего никогда не могли вредить евреям, которым их законы не позволяли вести торговлю.

Одежда знатных финикиян

Напротив, финикийцы были им полезны, так как евреи продавали им запасы хлеба, вина, масла и меда. Благодаря взаимному обмену необходимых предметов потребления между двумя народами установилась прочная, дружественная связь. Краткое описание финикийцев еще лучше объяснит эти отношения. Этот замечательный народ естественными условиями своей страны был предназначен для деятельности на море. Он занимал узкую полосу земли в пятьдесят миль длины и не более пяти миль ширины, с хорошими гаванями и безопасными от ветров бухтами.

Финикийские военные, торговые суда

Позади этой полосы земли тянулся Ливан, доставлявший финикийцам богатства своих кедровых и кипарисовых лесов и превосходных рудников. Поэтому еще в самые древние времена они стали заниматься судостроением и мореплаванием и, начав с рыбной ловли у своих берегов, перешли к морской торговле и распространили свою деятельность до Индии, до Атлантического океана и даже до Британских островов. Они не составляли, подобно большинству азиатских народов, одного общего государства под управлением одного главы, а разделялись на многие независимые общины, имевшие каждая своего государя, власть которого ограничивалась советом из членов старейших родов, а впоследствии главами богатых торговых домов. К самым значительным городам принадлежали: Арад, Триполи, Библ, Берит (Бейрут), Сидон, Сарепта и Тир. С 1600 до 1100 г. главным городом был Сидон, «первенец Ханаана»; в следующие 5...6 столетий первое место занимал Тир, которому принадлежала верховная власть над другими финикийскими городами. Из числа изобретений, приписываемых финикийцам, изготовление стекла принадлежит не им, а египтянам, в древнейших могилах которых были найдены стеклянные сосуды и кубки. Но после того, как это искусство перешло из Египта к финикийцам, заводы Сидона и Сарепты стали выделывать из стекла разные украшения, сосуды и кубки, далеко превосходившие своею красотой египетские произведения. Зато финикийцы были изобретателями пурпурной краски, приготовлявшейся с особенным совершенством в городе Тире. Об этих двух изобретениях предания рассказывают следующее:

«Финикийские моряки, выйдя однажды на берег, захотели приготовить себе обед и развели огонь на месте, покрытом прекрасным, чистым, крупным песком. За неимением треножника они взяли два куса селитры, лежавшие тут же поблизости, поставили на них свой котел и развели под ним огонь. Когда вода начала кипеть, то под котлом тоже закипело; куски селитры расплавились, смешались с золой и песком и, когда огонь потух, кипевшая масса отвердела и превратилась в прекрасные, белые, прозрачные камни — сделалась стеклом. Другого употребления стекла, кроме изготовления упомянутых предметов, финикийцы не знали; им неизвестно было употребление оконных стекол и стекол для изготовления оптики. Лишнее стекло они обменивали на другие, более ценные товары.

В другой раз один финикийский пастух пас свое стадо неподалеку от морского берега. Его собака, бегавшая взад и вперед и все вокруг себя обнюхивающая, вернулась к нему с окровавленной мордой. Пастух захотел посмотреть окровавленное место, но к удивлению заметил, что крови не было, а что морда собаки вымазана соком багрянки, раковину которой она раскусила на морском берегу. Такой прекрасной краски пастух еще никогда не видывал и рассказал другим о своем открытии. Попробовали красить этим соком материи для одежды, попытка удалась, и финикийцы усовершенствовали это искусство, тем более, что на их берегу было очень много таких раковин, причем превосходного качества».

Кроме того, финикийцы славились своим искусством в горнозаводском и литейном деле, умели шлифовать и обделять драгоценные камни, занимались резьбой по дереву и слоновой кости и изготовляли изящные ткани и превосходные благовонные мази.

Их торговля была и сухопутная, и морская. Они посылали караваны в Аравию и Египет, к берегам Евфрата и Тигра, вступали в торговые сношения с Вавилоном и Ниневией и обменивали на вино и масло вавилонские ткани и благовония.

Первым толчком к большим мореходным предприятиям и к основанию значительных колоний послужило вторжение евреев в Ханаан в XIII веке. Северные и западные обитатели Ханаана были оттеснены к береговой линии, где жили соплеменные им финикийцы. Будучи не в состоянии содержать такое множество пришельцев в своей небольшой области, сидоняне перевезли их на плодородный остров Кипр, оттуда они распространились на Крит и Родос и завладели островами Эгейского моря вплоть до Геллеспонта. Равным образом и на берегах греческого материка они основали свои поселения. Сказание о Кадме истолковывается в том смысле, что финикийцы высадились на берегу Беотии и научили местных жителей употреблению медного оружия, постройке стен, горнозаводскому делу и буквенному письму. Из Греции финикийцы перешли далее на запад, заняли острова Мелиту и Гоулос (Мальту и Гоццо), основали поселения в Сицилии (Панормос, ныне Палермо) и в Сардинии (Каларис, ныне Кальяри), высаживались на берегах средней Италии, вели торговлю с этрусками и основали в северной Африке города: Гиппо, Великий Лептис, Малый Лептис, Тапс, Гадрумент и Утику. Город Утика, в отличие от других колоний, основанных сидонянами, был колонией Тира, с течением времени возвысившегося над Сидоном. Несколько знатных семейств переселилось из Сидона на скалистый остров, лежащий напротив Старого Тира, и основало там Новый Тир. Когда это новое поселение слилось в одну общину со старым городом, то жители Тира в XI веке почувствовали себя настолько сильными, что стали вести независимо от Сидона свою собственную торговлю. Они превзошли даже сидонян, плавали на дальний запад, заняли группы Балеарских и Питиусских островов, высаживались на берегах Испании, завладели местностью Тарсис и орошаемою Гвадалquivиром богатою Андалузией и в продолжении многих веков разрабатывали естественные богатства этой страны. Они основали там города Еиспалис (Севилья), Малаку (Малага), Гадес (Кадикс), последний из этих городов сделался средоточием их колоний и торговли в Испании. Точно так же и в противоположной

Мавритании (Марокко) они основали торговые поселения, переплывали на своих судах восточную часть Атлантического океана, достигали Оловянных островов (Касситериды, ныне острова Сцилли) и высаживались на южном берегу Британнии и на северном берегу Галлии. В Галлии они, вероятно, покупали янтарь, называвшийся у греков электроном и привозимый жителями побережий Балтийского моря сухим путём. Сильно развита была и торговля в противоположном направлении, а именно с Индией, с которой они сначала находились в торговых связях только через посредство других народов. При царе Хираме, бывшем в торговых сношениях с царями соседней Иудеи — Давидом и Соломоном, тиряне предприняли путешествие в Офир. Офиром они, вероятно, называли Малабарский берег или же страну, лежащую при устьях Инда. Из этого путешествия тиряне привезли много золота, драгоценных камней, слоновой кости, сандалового дерева, обезьян и павлинов. Большую долю прибыли получил и царь Соломон, участвовавший в этом предприятии.

Громадной торговой деятельности финикийцев был нанесен жестокий удар подчинением их страны власти персов; но еще более сильным ударом для них стало возвышение греческого могущества на море. Греки вытеснили финикийскую морскую торговлю со всех островов и берегов Эгейского моря, усеяли всю Малую Азию своими торговыми городами и сделали соперниками финикийцев в Египте, северной Африке, Сицилии, нижней Италии, южной Галлии и Тарсисе. Но между тем, как в последние столетия до Р. Х. значение финикийских городов начинало падать, главнейшая из их колоний, Карфаген, основанный тирянами в 850 году до Р. Х. в Африке, явился обновленным Тиром и занял его место, так что финикийцы еще раз в течение четырех столетий господствовали со своими флотами на Средиземном море, от берегов Сицилии до Гибралтарского пролива.

Услуги таких опытных моряков везде ценились очень высоко. Поэтому мы встречаем финикийских моряков на службе у египтян, ассирийцев, вавилонян и персов. Чрезвычайно замечательно сообщаемое Геродотом известие о том, что по приказанию фараона Нехао (617 — 595 г. до Р. Х.), финикийские мореплаватели объехали вокруг Африки. «Они плыли, — говорит он, — из Красного моря по направлению к югу, вдоль африканских берегов и вступили в южное море. Когда наступала осень, они выходили на берег и сеяли хлеб в тех местах Ливии (Африки), где это было возможно, а собрав жатву, снова садились на суда и отправлялись в дальнейший путь. На третий год они прошли через Геркулесовы столбы (Гибралтарский пролив) и возвратились в Египет. Они рассказывали также — верить чему я предоставляю другим — что будто бы, огибая берега Ливии, они вдруг увидели солнце с правой от себя стороны». Геродот совершенно безосновательно подверг сомнению правдивость этого рассказа, потому что финикийцы должны были переходить через экватор и, чем далее плыли они к югу, тем севернее должно было им казаться положение солнца. Религия финикийцев, как и религия всех восточных народов, была основана на поклонении природе. Ваал, бог солнца, считался благодетельною, а Молох, бог огня и войны, разрушительною силой природы. Богиня луны, девственная Астарта, была предана одинаково и любви, и войне. Молох требовал человеческих жертв, и ему особенно приятно было, когда в честь его сжигали детей. Так как Ваал считался также и покровителем Тира, то в этом качестве носил название Мелькарта, то есть царя города, у древних греков «тирского Геркулеса».

Цветущей эпохой Финикии было время правления царя Хирама (1001 — 967 г. до Р. Х.). Затем могущество финикийцев начало клониться к упадку из-за внутреннего раздора партий, и Финикия сделалась, наконец, добычей чужеземных завоевателей.

Итак, это государство с давних времён находилось в мирных и дружественных отношениях с израильянами, на что, несомненно, рассчитывал и Моисей, и эти отношения сохранились навсегда.

Зато между израильянами и их восточными соседями: сирийцами, ассирийцами и халдеями (вавилонянами) существовали большею частью неприязненные отношения, и Иудея, в конце концов, пала под ударами этих народов.

3. Древние вавилоняне и древние ассирийцы

Примерно в то время, когда жрец Манефа составлял «ропись египетских царей» (280...270 г. до н. э.), в Вавилоне один из жрецов Ваала — Бероз писал на греческом языке историю своего народа. К сожалению, до нас дошли только отрывки этого сочинения, состоявшего из трёх книг.

Древнейшими обитателями Вавилонии, то есть речной области в низовьях Тигра и Евфрата, Бероз называет халдеев; у греков же это название носят преимущественно вавилонские жрецы. Надписи дают всей этой стране название «Калди», а её обитателям — «калдиев». Народ этот принадлежал к семитической расе, а именно, к восточной её ветви. Гораздо ранее египтян, достигших своего цветущего положения лишь при Аменофисе III и Рамессиде, обитатели этих равнин успели уже выработать себе своеобразную культуру.

Подобно тому, как было на берегах Нила, и здесь природные свойства страны принудили ее жителей к неутомимой творческой деятельности. Страна, сама по себе плодородная, страдала от разливов обеих рек. Разливы эти вместе с необыкновенно быстрым течением Тигра и Евфрата, приносившим с собой множество мелких камней и тины, вместо того, чтобы оплодотворять землю, действовали бы разрушительно, если бы не каналы, шлюзы и плотины, разделявшие и задерживавшие течение и дававшие ему тем самым надлежащее направление. Эти искусственные гидравлические сооружения существовали ещё в незапамятные времена и возбуждали изумление чужеземных путешественников.

Изображения ассирийских государей

Первобытная история халдеев полна самых невероятных преданий. То, что рассказывается о временах правления десяти халдейских царей до потопа, не может войти в рамки истории, если только не придавать этим царям, как делали некоторые историки, астрономического значения, то есть считать их олицетворением десяти знаков Зодиака, разделив время правления их (в совокупности 432.000 лет) на десять отделов одного большого астрономического периода, составляющих каждый 43.200 лет.

Всемирный потоп наступил при последнем из этих царей Ксизутре (на клинообразных надписях он носит имя Хазизадры). Халдейское сказание о потопе, о спасении Ксизутры и о вавилонском смешении языков почти слово в слово согласуется с еврейским повествованием в Книге Бытия.

Вскоре после потопа на севере Халдеи царствовал, по преданию, Нимврод. Ещё до сих пор имя его сохранилось на местах больших развалин в верхней и нижней Халдее. О нем и его преемниках не известно ничего достоверного. Одним из древнейших вавилонских царей был, по-видимому, Урух, имя которого встречается на лежащих глубоко в земле кирпичях, сохранившихся от развалин, находимых в Халдее. Его столицей был Ур, власть его простиралась на страны, лежащие на верхнем Тигре, следовательно, и на Ассирию. Только впоследствии был построен Вавель (Вавилон), ставший столицей Вавилонского царства.

Ассирийские воины

В числе преемников Уруха упоминаются Исмидагон, Саррукин и Хаммурапи (XVIII в до Р. Х.), называвший себя царем Вавеля, Навуходоносор I и Меро-дахнадинах (1100 г до Р. Х.).

К середине второго тысячелетия до Р. Х. Ассирия сделалась, по-видимому,

независимой и начала управляться своими собственными государями.

Эти цари, обладавшие неограниченной властью, являлись в одно и то же время и верховными судьями, и главными военачальниками, и верховными жрецами. Уверяя, что получают непосредственно от богов их повеления, они умели побудить свой народ, несмотря на незначительные средства, к совершению замечательных подвигов и довести свою сравнительно небольшую страну до необыкновенного могущества. Из них в особенности прославился своими завоеваниями Тиглатпаласар I (в надписях Туклат-Хабал-Азар), царствовавший в Ассирии с 1130 по 1100 г. до Р. Х. и простерший свое победоносное оружие на север, может быть, даже до самого Чёрного моря и на запад до берегов Сирии. В воспоминание своих военных подвигов он приказал начертать на одной скале близ Каркара, у одного из притоков Тигра, свое изображение, а под ним следующие слова:

«По воле Ассира, Самоса и Бина, великих богов, моих повелителей, Я, Туклат-Хабал-Азар, царь страны Ассур, сын Ассира-рисизи, царя страны Ассур, сына Муттакиль-Небо, в третий раз покори́л страну Наири» *(вероятно, Армению)*.

В течение IX века Ассирия после продолжительных войн приобрела даже политический перевес над Вавилонией. При всем том в культуре, религии и искусствах халдеи остались учителями ассирийцев, но ассирийцы всегда превосходили их своими воинскими способностями и несокрушимой энергией. (О позднейших ассирийцах, их завоевательных походах и столкновениях с царством израильским смотри ниже в разделе о царствах израильском и иудейском).

4. Культура халдеев и ассирийцев

Можно с уверенностью сказать, что халдейская культура не была заимствована у египтян, а была совершенно самостоятельной и очень своеобразной. Откуда произошли первые, основные элементы этой культуры, можно догадываться по сообщаемому в книге Бероза преданию о семи человеках-рыбах, вышедших из вавилонского моря, то есть из Персидского залива. Бероз рассказывает следующее:

«Сначала в Вавилоне было великое множество людей из разных племен, населявших Халдею. Они жили в беспорядке, как животные. Но вот однажды из прилегающего к Вавилону моря поднялось одаренное разумом существо по имени Оаннес. У него было тело рыбы, но под рыбьей головой оно имело еще человеческую голову, а на рыбьем хвосте его выросли человеческие ноги. Это существо оставалось среди людей в течение одного дня, не принимая никакой пищи. Оно познакомило людей с буквенным письмом, науками и разными искусствами, учило, как следует селиться в городах и строить храмы, сообщило основные понятия о законах, о межевании земель, показало, как сеять и собирать плоды — короче говоря, дало людям все, что требуется для правильной жизни. После заката солнца Оаннес снова погрузился в море. За ним следовали шесть еще таких же людей-рыб. Эти чудесные существа развивали то, что Оаннес объяснил лишь в общих чертах».

Отсюда можно, по-видимому, заключить, что первые начала правильной жизни, образованности и письменности были занесены халдеям с юга, с Персидского залива.

Халдеи поклонялись верховному богу, называвшемуся у них Элом (у ассирийцев Ассур) и в честь его дали своей столице название Вавель, то есть «врата Эла». Вторым богом был Ану, а третьим Бел, то есть господин. Бог луны назывался Син, бог солнца — Самас; кроме того, у них было пять планетных богов: Адар — бог самой отдаленной планеты Сатурна, Небо — бог Меркурия, Нергал — бог Марса, Мери-дах — бог Юпитера, наконец, женское божество Билит — богиня Венеры; в надписях она называется царицей богов, матерью богов, владычицею отпрысков, то есть богиней плодородия. Противоположным ей

началом была богиня войны, разрушения и смерти — Исрар, которая в надписях называется царицей Вавилона. Таким образом, религия халдеев, в сущности, была не что иное, как поклонение небесным светилам. Они наблюдали, каким образом, смотря по положению солнца или другой небесной звезды, происходили важные перемены в природе, будь то пробуждение в ней растительности или увядание ее, наводнение или засуха или другое какое-либо явление. Этим путём они пришли к выводу, что вся жизнь природы и людей находится в зависимости от небесных тел, движущихся в чистой лазури неба по своим непреложным путям, то исчезая, то снова появляясь. Учение о небесных телах было развито преимущественно жрецами, составлявшими замкнутую касту и называвшимися магами (греки звали их халдеями). Со временем это учение превратилось в грубое суеверие, состоявшее в гадании по звездам (астрология). Сатурн считался зловещим светилем, Марс тоже, и его красный, огненный блеск был предвестником сильного, иссушающего землю зноя.

Клинообразное письмо

Юпитер и Венера предвещали счастье, а Меркурий, Луна и Солнце занимали середину между зловещими и счастливыми светилами. По положению звезд жрецы, как они утверждали, узнавали волю богов, могли определить время, благоприятное для начала какого-либо дела; по расположению же небесных светил в час рождения человека они предсказывали будущую участь его, то есть составляли гороскоп.

У халдеев, как и у египтян, только жрецы, которые владели ключём к таинственному, похожему на иероглифы, клинообразному письму, имели право заниматься науками и искусством. Клинопись была весьма распространена в Вавилоне и Ассирии, о чем свидетельствуют многочисленные надписи на памятниках, в особенности сообщения царей о военных деяниях. Но в то время, как египтяне вырезали свои иероглифы на каменных досках, халдеи, в стране которых не было плитняка, употребляли для своего письма кирпичи в сыром и обожжённом виде. Клинопись состоит из разнообразного сочетания одних и тех же стреловидных, горизонтальных, вертикальных и загнутых крючками знаков. Подобно иероглифам, она представляет собой смесь знаков, изображающих понятия (идеограммы) и звуки (фонетические знаки), и допускает очень много сокращений.

Халдейская одежда

Впервые прочтение клинописи удалось сделать в 1802 году ученому Гротезенду, которому проложили дорогу Нибур (1765 г.), Тихсен (1798 г.) и Мюнкер (1800). С тех пор эта наука сделала большие успехи.

Ни один народ, даже египтяне с их каменными громадами и храмами на Ниле, не мог сравниться с халдеями в колоссальности размеров их построек. И действительно, в Халдее и Ассирии встречаются кирпичные постройки, которые, не производя глубокого впечатления красотой форм, тем не менее поражают своей массивностью. Они строились частью из высушенного на солнце, частью из обожженного кирпича; связующим раствором служил превосходный цемент из асфальта, то есть горной смолы.

Внутренние стены обычно отделывались изразцами. Снаружи храмы и дворцы покрывались гипсовыми и известковыми плитами и украшались скульптурными изображениями. Эти кирпичные постройки не могли, конечно, оказывать всеокрушающей силе времени того сопротивления, какое оказали египетские каменные сооружения, и от них сохранились, в основном, лишь нижние этажи. Почти на всех кирпичах есть оттиск имени

царя, в правление которого они были употреблены для построек. Остатки таких сооружений находятся на месте городов Ура и Эреха (ныне Мунгхейр и Варка), древних столиц Халдеи, и вблизи Вавилона. Вавилон арабы называют «Бирс-Нимруд», то есть город Нимврода. Здесь на фундаменте из кирпича возвышается четырехугольное здание, имеющее 77,7 метров длины с каждой стороны и 7,4 метров высоты; над ним поднимаются еще три этажа, все уменьшающихся размеров, общая высота всей развалины достигает 43-х метров. Полагают, что на этом месте был древний город Борзиппа, а описанные развалины — остатки большого храма бога Небо.

Гораздо замечательнее развалин являются кладбища Ура и Эреха. В Уре вдоль наружных городских стен тянутся широкой полосой ряды усыпальниц, выстроенных из кирпича и имеющих каждая около 2-х метров длины, метра ширины и 1,5 — высоты. Тела в этих усыпальницах клались на пол, покрытый циновкой из тростника; под голову покойника подкладывали кирпич; правая рука покоится на груди поверх левой и концами пальцев придерживает медную чашу. По стенам стоят сосуды, предназначенные для кушанья и питья. В Эрехе тела или ставились в глиняные, овальной формы, усыпальницы, или плотно заделывались в глиняные же вместилища. Они находятся обычно не в земле, а в возвышающихся над нею кирпичных зданиях, плотно прижимаясь друг к другу и часто в несколько рядов одно над другим. В усыпальницах находят остатки оружия, браслеты, ожерелья, золотые и серебряные кольца для пальцев рук и ног и другие украшения.

Выше уже было сказано об искусной системе каналов у вавилонян. Это те самые оросительные и осушительные каналы, на которых, как свидетельствует 137-й псалом, раздавались жалобные стенания евреев во время их вавилонского пленения: «на реках вавилонских сидели мы и плакали, вспоминая о Сионе».²

Необыкновенных успехов достигли халдеи и в промышленности.

Вид реставрированного храма в Ниневии

Всемирной известностью пользовались их льняные и шерстяные ткани. Из Вавилона вывозилась глиняная посуда, благовонные воды и мази, шлифованные камни сперва в ближайшую Сирию, в обмен на масло и вино, а затем в Иудею и Египет. Сырье вавилоняне получали из Армении, Аравии и Индии. Торговля достигла своего высшего развития тогда, когда на море стали господствовать финикийцы и возить морем вавилонские товары на запад, преимущественно в Грецию. Творческий дух в произведениях искусств проявился у ассирийцев с большею жизненностью и свободой, чем у египтян. Многочисленные фигуры отличаются у них законченностью и энергией, но в то же время и чрезмерною грубостью форм. Размеры быков и львов не столь колоссальны, как размеры египетских сфинксов. По ниневийским развалинам можно судить о колоссальности дворцов и храмов с их залами и галереями. Ассирийцам были уже известны стропильчатые и круглые системы сводов, которые они строили из кирпича. С необыкновенным искусством изготавливали они домашнюю утварь, столы, стулья, чаши, вазы, посуду и предметы украшения. Высшего развития достигла у них выделка перевязей и оружия.

5. Иисус Навин и судии

Прошло сорок лет со времени исхода евреев из Египта, когда народ, в котором уже успело народиться и возмужать новое, более послушное воле Божией поколение, получил позволение Бога вступить в землю обетованную. Но бывшему до сего времени предводителю народа — Моисею не только не было дано самому вступить в нее, но и присутствовать при этом. Предчувствуя свою близкую кончину, он при торжественном собрании всего народа

передал свою власть и управление в руки Иисуса Навина.

При Иисусе Навине началось энергичное завоевание Ханаана. Евреи овладели укрепленными городами Иерихоном, Гаем, Вефилем и Сихемом. В Сихеме, как в центральном пункте всей страны, Иисус Навин основал свою резиденцию. Ковчег же завета поставил в Силоме. Согласно воле Божией, все местные жители должны были быть изгнаны или истреблены, что и было исполнено Иисусом Навином. Когда значительная часть страны была завоёвана, то, согласно приказанию Моисея, приступили к ее разделу. Иисус Навин распределил всю землю между девятью коленами: Иудиным, Вениаминовым, Симеоновым, Дановым, Иссахаровым, Ассировым, Завулоновым, Невфалимовым, Ефремовым и полуколеном Манассиным. Колена же Рувимово, Гадово и остальное полуколено Манассино были поселены по другую сторону Иордана. Иудино и Вениаминово колена после раздела заняли юго-западную часть, а остальные — юго-восточную. Само собой разумеется, что не обошлось без некоторых жалоб на не вполне равномерный раздел. При этом многие колена не хотели тотчас же приняться за правильное земледелие и поселиться в укрепленных городах и селениях.

Но главная беда заключалась в том, что после умершего в скором времени Иисуса Навина, вследствие отсутствия общего вождя и недостатка рвения колен к дальнейшей борьбе с некоторыми непобежденными ханаанскими племенами, борьба эта уже велась не так деятельно, как прежде. Во многих местах израильтяне, вместо того, чтобы совершенно изгнать ханаанитян, ограничились лишь тем, что принудили их платить себе дань. Таким образом, на юго-западной границе остались филистимляне, в Иерусалиме крепко засели иевусеи; другие враждебные племена владели горными странами Ливана. Между тем умер Иисус Навин; за ним последовали и все его современники, а народившееся новое поколение не знало ни своего Господа, ни чудес, совершённых им для Израиля. Народ начал уклоняться от чистого поклонения Иегове, которое, собственно, и составляло действительную основу народного единства, и стал свращаться в идолопоклонство.

Оставшиеся в стране враждебные племена вместе с соседними государствами, пользуясь раздорами иудеев, покоряли то одно, то другое колено, то сразу несколько колен. Теократическое республиканское устройство государства не допускало верховного вождя. Моисей и Иисус Навин были облечены таким исключительным саном только по случаю предстоявшего вступления в Ханаан. И впоследствии, когда государство находилось в исключительных обстоятельствах, являлись отдельные люди в качестве верховных вождей или высших сановников: их называли софетимами, то есть судьями. Судьи редко пользовались всеобщим признанием народа и не всегда были образцами кротости и благочестия. Так например, Гедеон назывался Иеруваалом (то есть страшщимся Ваала) и соорудил в своем городе идола; Авимелех был тираном худшего сорта, а Иеффай начал свое поприще разбоями на больших дорогах.

Первым судьей был Гофоноил, за ним в числе прочих следовали мужественная жена и пророчица Девора, победитель Маданитян — Гедеон и т.д. Замечательные деяния некоторых судий были записаны. Из них самыми интересными представляются нам деяния Иеффая, Сампсона и Самуила.

а) Иеффай

Не успевший еще сплотиться и установить у себя ни общего государственного управления, ни общеобязательных законов, народ израильский скоро сделался добычей аммонитян, в особенности беспокоивших беспрестанными нападениями и грабежами колена по ту сторону Иордана. И не было в Израиле человека, который был бы в состоянии дать отпор разбойникам. Наконец такой человек нашелся: то был Иеффай — муж полный храбрости и отваги. Братья, чтобы не разделять с ним законного наследства, изгнали его из дома, родительского, и Иеффай ушел в Аравию, где, став во главе одной разбойничьей

шайки, прославился необыкновенными подвигами. Когда бедствия отечества достигли необычайных размеров, а слава о храбрости Иеффая разнеслась во все стороны, жители Галаада послали к нему послов с просьбой быть их вождем. Он согласился и вернулся на родину. Сначала он послал спросить царя аммонитян, по какому праву тот нападает на землю израильскую. Царь отвечал, что земля эта принадлежала ему еще ранее, чем дети Израиля завладели ею. Иеффай в пространном объяснении старался оправдать действия Моисея и Иисуса Навина, но аммонитянский царь не соглашался с его доводами. Тогда Иеффай с многочисленным войском пошел на него войной. Перед выступлением в поход он дал обет, если Иегова предаст аммонитян в его руки, принести ему в жертву всесожжения первое, что выйдет к нему навстречу из дома его.

Нападение было совершенно неожиданно, и неприятель бежал. Иеффай преследовал его и отнял у врага двадцать пастушеских селений, а когда прогнал его далеко, вернулся к себе в Массифу. Здесь навстречу ему с радостными песнями и плясками вышла дочь его, кроме которой он не имел детей. При виде её безрассудный отец разорвал на себе одежды свои и воскликнул: «О, дочь моя! Как сокрушаешь и печалишь ты меня! Я дал обет Господу и не могу не исполнить его». Испуганная дочь отвечала: «Отец мой, если ты дал обет. Господу, то поступи со мной по обету твоему, ибо Господь сотворил тебе отмщение над врагом твоим». Так сказала она, бедная. Исполненная печали, просила она позволения отправиться в горы и пробыть там два месяца, чтобы оплакать с подругами девство свое. Она пошла в горы и, исполняя слово своё, вернулась через два месяца, чтобы умереть позорною смертью на костре. В честь ее девицы галаадские в продолжение многих лет ежегодно справляли праздник, в который отправлялись в горы оплакивать дочь Иеффая.

б) Самсон

В другой раз несколько колен израильских оказались под властью филистимлян, прошедших вдоль и поперек всю страну их и смотревших на имущество израильтян, как на своё собственное. Тогда спасителем явился происходивший из колена Данова знаменитый Самсон, история жизни которого увенчана ореолом народных сказаний. «Хотя его следует рассматривать, как личность историческую, — писал один немецкий ученый, — но описание его подвигов и страданий носит на себе печать легендарного характера; самая же смерть его производит сильное впечатление своим необыкновенно глубоким трагизмом». С самого рождения своего он был посвящен своими родителями Иегове, согласно обычаю, установленному еще Моисеем. Таких людей называли назореями, что означает «обособленный, обрученный Господу». Они были обязаны не есть некоторых кушаний, как нечистых, и ножницы не должны были касаться их головы.

Когда Самсон вырос, то получил исполинскую силу. Однажды, желая посетить свою невесту, он отправился в местечко Фамнаф. На дороге встретился ему молодой рыкающий лев. И дух Господень снизошёл на Самсона, и он, хотя не имел ничего в руках, растерзал льва, как лев разрывает ягненка. Затем он пришел к своей невесте, но ни ей, ни родителям своим ничего не сказал про свой геройский подвиг.

Невеста Самсона была филистимлянка, поэтому брак с ней был неприятен его родителям. Они не знали, что на то была воля Господня, желавшего наказать филистимлян. Самсон же не поддавался увещаниям их, и они должны были уступить ему. Несколько дней спустя, Самсон снова пошёл в Фамнаф и проходил мимо трупа растерзанного льва. И вот видит он рой пчел в пасти львиной с сотами, наполненными медом. Он вынул его, съел дорогой и явился в дом невесты. Брачное пиршество должно было продолжаться семь дней, причем по восточному обычаю филистимляне приставили к нему тридцать юношей — дружек жениха. Самсон, по обычаю же Востока, задал им загадку о своей находке:

«Слушайте: если отгадаете, то дам вам тридцать пар верхнего и нижнего платья; не отгадаете — вы должны мне дать столько же».

— «Скажи нам свою загадку».

Самсон сказал: «От ядущего произошло ядомое, а от сильного — сладкое. Что означает это?»

Прошло шесть дней, а тридцать филистимлян не могли разгадать загадку. Наконец они вышли из себя и тайно сказали молодой жене Самсона: «Уговори своего мужа, чтобы он объяснил свою загадку, а то мы сожжем дом твой и все, что в нем есть. Разве для этого ты пригласила нас, чтобы мы сделали нищими?»

Горько заплакала жена Самсона и стала просить своего мужа объяснить ей, в чем было дело. Он долго не соглашался, но, наконец, сказал ей. Она передала это своим единоплеменникам, которые на седьмой день, с восходом солнца, сказали Самсону: «Что слаще меда и сильнее льва?» Он им ответил: «Если бы вы не пахали юницею моею, не отгадать бы вам моей загадки». Однако все-таки должен был он дать им тридцать пар платья. Тогда снизошел на него дух Господень, и пошел он в Аскалон, убил там собственноручно тридцать филистимлян, снял с них платья и отдал его отгадавшим загадку. Потом, затаив гнев в сердце своем, ушел оттуда и вернулся в дом отца своего. Жена его отдалась другому.

Через некоторое время, в дни жатвы пшеницы, Самсон вспомнил жену свою, посетил ее и принес ей козлёнка. Но её отец не хотел впустить его в дом. «Мы думали, — сказал он, — что ты возненавидел ее и потому отдали ее другому. Но у неё есть еще младшая сестра и, если желаешь, возьми ее». Тогда сказал ему Самсон: «Я имею только одно истинное желание — причинить филистимлянам зло». Он вышел из города, поймал триста штук шакалов, которые на востоке бродят большими стаями и легко попадают в руки охотника. Он связал их попарно и привязал к хвостам каждой пары по горящему факелу. Со страшным воем побежали звери по полям, и огонь охватил снопы и колосья. Вся жатва погибла в огне, истребившем также масличные деревья и виноградники.

«Кто сделал это? — яростно восклицали филистимляне. „Самсон, за то, что у него отняли жену“, — было ответом. Тогда филистимляне сожгли жену Самсона и отца ее. Но Самсон жестоко побил их и удалился. Филистимляне напали на колено Иудино и вторглись в их страну. „Чего вы хотите от нас, — спрашивали израильтяне. „Самсона“, — последовал ответ. „Он ушел в горы и поселился в пещере“. Туда пришло три тысячи человек из колена Иудина и сказали Самсону: „Разве ты не знаешь, что филистимляне напали на нас; зачем сделал ты это?“ Он отвечал им: „Как они поступили со мною, так и я поступил с ними“. На это они сказали: «Мы пришли связать тебя и предать филистимлянам».

Самсон дал им связать себя по рукам новыми веревками. Тогда вывели они его из пещеры и привели к филистимлянам, возликовавшим при виде его. Но он, подойдя к ним ближе, с такою силой разорвал верёвки, что они распались, как нити, опаленные огнем. Тут нашёл он челюсть от скелета осла. Он схватил ее и побил ею тысячу человек. Потом бросил челюсть и назвал это место Рамет-Лехи.³

Но тут он почувствовал страшную жажду и так воззвал к Иегове: «Рукою раба твоего совершил ты такое спасение; не дай умереть мне от жажды или упасть от утомления в руки филистимлян!» И вдруг увидел он, как разверз Иегова язву на челюсти и вода потекла из нее. И когда он утолил жажду, возвратился к нему дух его и он ожил. Поэтому источник этот и поныне зовется источником «призывающим из челюсти».

В другой раз пришел он в город Газу и вошел в дом к одной женщине. Филистимляне, узнав об этом, заперли городские ворота и подстерегали его, говоря: «До света утреннего подождем и убьем его». Но Самсон не ждал так долго. Он встал в полночь, схватил своими мощными руками ворота, вырвал их с обоими столбами из земли, взвалил себе на плечи и отнес на высокую гору.

Но чем чаще спасался Самсон чудесным образом от случавшихся с ним опасностей, тем более привыкал он полагаться на одну только свою силу, стал забывать Бога, убаюкивать себя ложной самоуверенностью в своей безопасности.

Он позволил себе вступить в связь с хитрой Далилой. Об этом узнали филистимляне и обещали ей тысячу сто серебрянников, если она просьбами и лестью выпытает от Самсона, в чем заключается его необыкновенная сила. Далила согласилась и спросила Самсона: «Милый, скажи мне, в чем заключается твоя сила и чем можно связать тебя и смирить».

Самсон сказал ей: «Если меня свяжут семью тетивами из сырого лыка, то я ослабею и буду, как и всякий обыкновенный человек». Принесли филистимляне семь тетив из сырого лыка, и Далила связала ими Самсона. В комнате же были спрятаны люди, подстерегающие Самсона. Тогда вскричала Далила: «Самсон! Филистимляне идут на тебя!» Но он разорвал тетивы, как простые нитки, и обманутые филистимляне убежали.

«Видишь, ты обманул меня, — сказала ему Далила, — ты говорил мне ложь. Скажи же теперь, чем можно на самом деле связать тебя». Он отвечал ей: «Если свяжут меня веревками новыми, не бывшими еще ни разу в употреблении, то ослабею и буду, как и всякий другой человек». Она сделала это. Пришли филистимляне, но он разорвал узы свои, как простые нитки.

«Злой человек, — сказала ему Далила, — еще раз ты солгал мне! Скажи же теперь откровенно и не обмани меня на этот раз». «Хорошо, — сказал он, — если ты сплетёшь мои волосы и пригвоздишь их колом к стене, когда я буду спать, то я не в силах буду пошевелиться». Далила сделала и это. Но когда пришли филистимляне, Самсон пробудился и вырвал волосы вместе с колом.

Тогда сказала ему Далила: «Как можешь ты говорить, что любишь меня, когда ты со мною неоткровенен? Три раза обманул ты меня. Скажи же, наконец, мне правду». День и ночь преследовала она его льстивыми речами и мучила тем, что душа ее будет томиться до самой смерти. Наконец, раскрыл он ей сердце свое и сказал: «Никогда ножницы не касались головы мой, ибо я с самого детства посвящен Богу. Если я преступлю волю Божию, дам обрезать себе волосы, то отступятся от меня дух Божий и сила моя».

Вероломная Далила запомнила это и известила филистимлян, которые тотчас пришли и принесли с собой деньги. Она усыпила его, велела остричь ему волосы, и сила отступила от него. «Самсон! Филистимляне идут на тебя!» — воскликнула она громко. Самсон проснулся и подумал: «Я встану, как прежде, и разгромлю их». Но он не знал, что Иегова отступился от него. Филистимляне схватили его, выкололи ему глаза, отвели в Газу и заковали в цепи. И должен был он в темнице вертеть ручную мельницу.

Но в темнице у него снова отросли волосы. Между тем филистимляне собрались для принесения великой жертвы богу своему и, радуясь, говорили: «Наш бог предал нам в руки величайшего врага нашего, опустошавшего нашу страну и убившего многих из наших единоплеменников. Пусть теперь приведут его, чтобы мы могли насмеяться над ним». И они привели Самсона из темницы и заставили его плясать перед ними.

Слепец сказал мальчику, ведшему его за руку: «Подведи меня к главным двум столбам, поддерживающим дом, чтобы я мог прислониться к ним». Дом же был полон мужчин и женщин. И внутри, и снаружи, и на гладкой крыше все кишело филистимлянами. Самсон в душе своей обратился к Иегове и так воззвал к нему: «Господи, вспомни обо мне, укрепи меня только на этот еще раз, чтобы я мог воздать им одним отмщением за оба глаза мои!» Потом уперся он в средние колонны, в одну правую, а в другую левою рукою и воскликнул: «Здесь хочу я умереть вместе с филистимлянами!» В одно мгновение потряс он колонны, и все здание рухнуло со всем, что было в нем и на нем. При этом филистимлян погибло больше, чем он убил их за все время своей жизни. Он был судьей Израиля в продолжение двадцати лет.

в) Самуил

(1109 г. до Р. Х.)

Наступившие после смерти Моисея времена далеко не соответствовали тому, что предопределял он своему народу. Деятельность описанных вождей являлась в истории Израиля лишь быстро проносящимися блестящими метеорами, а духа и чувств, завещанных Моисеем, уже больше не было в народе. Идолопоклонство постоянно одерживало вверх над истинным служением Иегове. Сознание единства исчезло, и государство ко времени первосвященства Илии пришло в величайший упадок. У народа не было сильного правителя. Сыновья Илии оскверняли скинию завета, продолжавшую по-прежнему, со времени переселения в Ханаан, находиться в Силоме, в колене Ефремовом, и предавались алчности и распутству так, что приходившие туда для принесения жертв благочестивые люди встречали в этом священнейшем месте только оскорбления своим святым чувствам.

С того самого времени, когда из-за общения с местными племенами прекратилось религиозное единство, стало рушиться и единство политическое. Начались междоусобицы, и народ сделался добычей ханаанитян и в особенности филистимлян. Израильтяне были разбиты во многих сражениях. Тогда для большого воодушевления войск киот завета перенесли в стан и дали еще одно сражение, но и оно было проиграно, причем самая святыня эта попала в руки неприятеля и оставалась у него до сих пор, пока филистимляне не возвратили ее сами. В это время вновь явился муж с духом и мощью Моисея — знаменитый Самуил. Он был посвящен Богу и помещен в Силоме своею благочестивой матерью, так как она родила его в преклонных годах и потому смотрела на рождение его, как на особую милость Божию. Здесь, через божественное откровение, Самуил был призван к служению народу израильскому, чтобы привести его к более счастливой жизни. Он воспользовался возвращением киота завета, чтобы созвать израильтян на всенародное собрание и торжественным обещанием снова обратить их к служению Иегове. При этом Самуил, как достойнейший, был избран народом в судии и впоследствии, во всю свою долгую жизнь, мудростью, энергией и примерным поведением и исполнением своей высокой должности не переставал доказывать, что был вполне достоин такого выбора.

Когда израильтяне соединились между собой, то старинные внешние враги их, филистимляне, составили грозный союз и напали на них. Но Самуил нанес им такое поражение, что с тех пор они не только не отваживались переступить границы израильские, но потеряли даже один за другим все города, отнятые ими у израильтян. Плодом этой победы был почетный мир и с другими соседними народами. Внутреннего взаимного согласия колен Самуил достиг своим правым судом. Духовному же развитию народа способствовал учреждением так называемых школ пророков. Предметами преподавания в этих школах, без всякого сомнения, прежде всего были закон Моисеев и его толкования; в круг занятий входили также религиозная музыка и песнопения. Таким образом, школы эти стали рассадниками способных правителей, судей, учителей и разных должностных лиц.

При этом необходимо делать различие между пророками, выходившими из этих школ, и пророками в собственном смысле этого слова, каковыми были Илия, Исая, Иеремия и другие. Все они, как непосредственно избранные самим богом, являлись провозвестниками слова Божия, что следует понимать в том смысле, что они пророчествовали не от себя, а их устами вещал сам Бог. Они хранили законы, дополняли заповеди и объясняли народу их сокровенное значение. Они возвещали божественные предопределения, заключавшие в себе как благословение, так и наказание. Блюдя за священную неприкосновенностью государственных установлений, они напоминали народу о его религиозных и политических обязанностях. Речь их, как излияние вдохновенного чувства, была возвышенна, полна смелых образов и так же цветиста, как речь поэтов.

6. Теократическая монархия

Саул, Давид и Соломон.
(1055...953 г. до Р. Х.)

Когда Самуил состарился, то поставил судиями двух сыновей своих, вероятно, с той целью, чтобы сделать это достоинство наследственным в своем семействе. Но сыновья не пошли по стопам отца, а творили суд неправый. Это обстоятельство, а может быть, и зависть к колену Ефремову, было причиной того, что израильтяне заставили Самуила по-прежнему принять на себя судейское достоинство. Когда же они убедились на бесчисленных примерах соседних народов, что лучшим средством в общественных бедствиях является самодержавный властитель или царь, то обратились к Самуилу и сказали: «Дай нам царя, который выводил бы нас из затруднений, когда мы ведем войну, и какого имеют все язычники». Самуил неохотно соглашался на это желание. Он доказывал, что установление царской власти будет равносильно отпадению от Иеговы, и со всем жаром свойственного ему красноречия старался убедить народ остаться при прежнем образе правления. В доводах своих Самуил опирался главным образом на основное положение Моисеева закона, в силу которого народ израильский, будучи избранным народом Божиим, составлял вместе с занимаемою им Ханаанскою землею собственность самого Иеговы и поэтому должен был иметь царем своим только Бога, но никак не человека.

Но доводы Самуила не имели успеха. Народ не отступил от своего намерения, и Самуил должен был согласиться на избрание. Выбор его, конечно, не без благоразумного умысла, пал на одного человека из слабого колена Вениаминова и притом из самой незначительной семьи этого колена. Он назывался Саулом, был прекрасен собой, «целою головою выше всего народа» и необыкновенной храбрости. Посланный отцом отыскать пропавших ослиц, Саул, не найдя их, пришёл к пророку Самуилу, чтобы спросить его о них. Самуил принял его дружески и помазал священным миром в цари израильские. Затем он велел ему вернуться домой и сказал, что он должен будет предстать пред собранием пророков. Удалившись, Саул поступил так, как приказал ему Самуил. Пророки встретили его и приветствовали своими вдохновенными песнопениями. Дух Божий снизошел на Саула, и он стал пророчествовать пред ними словами древних пророков. Тогда все, знавшие его раньше, восклицали в изумлении: «Разве Саул из числа пророков?» Но изумление это достигло высших пределов, когда Самуил в созванном им вслед за этим всенародном собрании представил этого самого Саула как их будущего царя. Вместе с радостными криками народа: «Да здравствует царь!» многие говорили: «Чем может он помочь нам?» К нему отнеслись с пренебрежением и не принесли ему никаких даров. Однако Саул, о чем и сам прежде не имел никогда в помышлении, благодаря своим подвигам, сделался дорогим для своего угнетенного отечества.

Саул вел целый ряд счастливых войн против аммонитян при царе их Наасе, против филистимлян и амалекитян. Но когда он не послушался приказания Самуила — истребить амалекитянского царя Агата со всем его народом и со всеми стадами его, то дух Божий отступился от него, он был отвергнут, и царем, по повелению Иеговы, был тайно помазан Давид. Однако Давиду, прежде чем весь народ признал его царем, пришлось испытать многое: претерпеть несколько гонений и подвергнуться неоднократным покушениям на свою жизнь, а после самоубийства Саула в битве с филистимлянами вести упорную борьбу с полководцем его Авениром и старшим сыном Саула Иевосфеем.

В правление Давида (1033... 993 г. до Р. Х.) иудейское царство достигло своего величайшего блеска. Как храбрый полководец, Давид вел многократные войны, в которых и он, и народ его выказывали необыкновенное мужество. После счастливого похода против сирийцев иудейское царство приобрело грозное величие, и наступил действительный и продолжительный мир. Давид простер свою власть до устьев Евфрата, и сирийцы из Эмафа, Дамаска и Низибии платили ему дань.

Давид также распространил свое государство и на юг. Моавитяне и эдомитяне, заключившие союз с низивийским правителем и поддержанные им и ассирийцами, напали на израильтян, но были также разбиты Давидом и храбрым полководцем его Иоавом и бесчеловечно истреблены. Государства эти подпали под власть Давида, а, завоевав Идумею, он получил даже гавань в Аравийском заливе. Совершенно покорены были и филистимляне.

Наконец, Давиду удалось вырвать у иевусеев Иерусалим с крепостью Сион, которыми они до тех пор владели. Эта крепость была укреплена так сильно, что на предложение Давида сдать ее иевусеи насмешливо отвечали: «Даже хромым и слепым для защиты ее достаточно было бы только крикнуть: не смей входить, Давид!» Но Давид тем не менее взял ее, укрепил еще больше и сделал Иерусалим и Сион своей резиденцией. Иерусалим стал столицей государства еще и потому, что Давид перенес туда с необыкновенной торжественностью киот завета, причем сам плясал перед киотом во время несения его в Сион.

Царь решил еще больше украсить город. С помощью финикийских архитекторов, присланных к нему вместе с кедровым лесом царем тирским, построил в Иерусалиме богатейший и прекраснейший дворец. Он также желал перенести народную святыню из скинии в прочный и роскошный храм, но привести в исполнение это предприятие ему было запрещено пророком Нафаном.

Будучи лишен возможности проявить в сооружении храма свое влечение к красоте и величию, Давид тем с большею свободой мог предаться возвышению народного духа и тесно связанного с ним по своему важному значению богослужения. Оно стало справляться с большой торжественностью и великолепием, сопровождаться музыкой и песнопением, в чем Давид сам был очень искусен и этим придал богослужению более просвещенную и художественную форму. Для этой цели было выбрано четыре тысячи левитов, распределенных на классы и хоры во главе с учителями хорового пения; все они были в роскошных одеяниях. Нам известны имена трех знаменитых начальников хоров, Асафа, Амана и Идифума, дошли до нас и нежные, полные чувства песни самого Давида, заключающиеся в Псалтири (книге псалмов).

Эти песни Давида, как и песни других поэтов, исполнялись на общественных празднествах. Собиравшийся пред скинией завета весь народ иудейский испытывал неведомое ему до тех пор воодушевление при совершении вновь введенного богослужения. Но, с другой стороны, роскошь и великолепие, появившиеся благодаря приобретенным различными войнами богатствам, стали развращать народ. Он постепенно привыкал к тем переменам, которые вносил в народный дух и в государственные учреждения этот просвещенный и образованный государь, сочетавший в себе талант лирического поэта с талантом победителя и мудрого правителя.

Поэтому естественно, что характер народа, благодаря распространенному Давидом образованию, перешел от патриархальной простоты и нетребовательности к подвижности и изменчивости. Равенство и свобода, поддерживаемые древними учреждениями, при новой царской, почти деспотической власти существенно пострадали, а имевшиеся до тех пор необыкновенно чуткое чувство независимости постепенно притупилось. Азиатский дух образа правления не замедлил проявиться и здесь со всеми своими последствиями.

При дворе Давида разыгрывались всевозможного рода интриги; от них произошли смуты и раздоры, бросившие мрачную тень на последние годы царствования Давида.

Еврейская одежда времени Давида и Соломона

И какие тяжкие испытания предстояли этому властолюбивому государю! Об этом можно судить по восстанию сына его Авессалома и по преступлению, совершенному Давидом по отношению к хеттеянину Урии. Полюбив его жену Вирсавию и желая взять ее себе в жены, Давид погубил Урию. Но воспоминания о слабостях и проступках Давида скоро забылись, и народ видел в нем лишь создателя израильского государства, «человека с божественным сердцем», великого политического деятеля. Кроме того, по мнению даже строгих судей, Давид был прекрасным поэтом. Преемником на престоле израильском надлежало быть четвертому сыну Давида — Адонию, но Вирсавия и пророк Нафан убедили стареющего царя назначить другого. Еще при жизни своей он приказал всенародно

провозгласить царем сына своего Соломона, рожденного от Вирсавии. Адония восстал, но был убит вместе со своим военачальником Иоавом.

При Соломоне возшло в полном блеске то, что посеял Давид, благодаря своей храбрости и энергии, и народ, наконец, мог воспользоваться плодами предыдущих завоеваний. «Иудеи, — как говорит Библия, — жили беспечно, каждый под виноградником своим и под смоковницею своею; они были бесчисленны, как песок морской, ели, пили и веселились».

Поэтому царя Соломона украшали только мирные добродетели: мудрость, поэтическое дарование, полное живых образов, влечение к красоте и великолепию, проявившееся в разнообразных дорогих постройках и сооружениях; забота о безопасности страны, выразившаяся в укреплении городов и в заключении союзов с дружественными соседями; и, наконец, старание о благоденствии народа, возникшем благодаря мирным отношениям с остальными народами, мореплаванию и торговле. Именно эти дела наполняют главным образом историю царствования Соломона. Одновременно с этим при нем испытал коренное и всестороннее изменение первоначальный, установленный еще Моисеем, государственный строй, до тех пор изменявшийся лишь постепенно.

Одним из замечательных дел Соломона было сооружение храма Иерусалимского, хотя при этом он осуществил лишь волю и план Давида, собравшего для этой постройки неисчислимые сокровища. Храм этот не следует, конечно, рассматривать наравне с художественными образцами греческого зодчества, в сравнении с которыми он покажется мрачным, приземистым и неправильным по форме. Зато по великолепию и прочности постройки он был в высшей степени замечателен. Так как он был построен на горе Мория, то эта гора с одной стороны была срыта, а с другой расширена. Еще во времена римлян удивлялись огромной стене в четыреста локтей вышиной, которая была сделана из камней, связанных между собой железными креплениями. По образцу египетских построек храм имел множество флигелей, служивших частью для хранения десятины, частью для устройства трапезных зал во время жертвоприношений, частью для помещения священников и т.д.

При сооружении этого храма, продолжавшемся семь лет, Соломон пользовался рабами, которые были потомками неистребленных, оставшихся в стране ханаанитянских народов: гефитян, иевусеев и других. Архитекторами же, руководившими постройкой, были, в основном, иностранцы, по большей части жители могущественного города Тира, славившиеся в то время своим искусством и прилежанием. Тирянином был художник, изготовивший обе громадные металлические колонны и сосуды для храма. Тирский царь Хирам, друг Соломона, в силу договора и в обмен на доставляемые ему Соломоном масло и хлеб, послал в его распоряжение и тех жителей Тира, которые рубили и обделывали в Ливане кедровые деревья и сплавляли их в Яффу.

Тирским было и золото, переделанное местными мастерами на украшения для храма.

Знатные еврейки времен Соломона

За это золото Соломон уступил тирскому царю двадцать два незначительных города. Легко можно себе представить громадное количество золота, израсходованного Соломоном, если принять во внимание, что храм Иерусалимский был не единственным сооружением, прославившим его царствование. Так, он построил для себя дворец в Иерусалиме и недалеко от города Баальбека, у подошвы Ливана, летний дворец, в котором вся утварь была золотая. Кроме того, он построил судилище и дворец для супруги своей, дочери египетского фараона. Знаменит был также его трон из слоновой кости, покрытый чистым золотом; к нему вели шесть ступеней, по обеим сторонам которых стояло двенадцать львов; трон этот, подобного которому не было ни в одном государстве, являлся, вероятно, тоже произведением

чужеземного мастера.

Из всего этого видно, что роскошь не была следствием культурного состояния всего народа, а была потребностью двора и царя, поэтому между правительством и народным духом со временем должно было обнаружиться все большее и большее несоответствие.

Что касается торговли, то ее также вел не народ, а царь, притом на свой собственный счет в союзе с тирским царем, при помощи финикийских моряков, в особенности из Гасион-Гаверской гавани в Аравийском заливе. Торговля эта простиралась до Офира и Тартессуса (в Испании) и доставляла Соломону золото, серебро и другие товары.

Развалины храма в Баальбеке

Он также вел торговлю лошадьми, что было одним из пагубных нововведений царя. До этого времени лошади были чужды израильтянам, и разведение лошадей было запрещено Моисеем, допускавшим в будущем избрание царя, но с непременным условием, чтобы он ни в коем случае не держал конницы. Причины, по которым Моисей запретил разведение лошадей, заключались отчасти в том, что употребление лошадей при земледелии было менее удобно, чем употребление ослов, отчасти же в том, что Ханаан, окруженный пустынями и горами, нуждался для своей защиты в выносливых пехотинцах. Конница могла быть нужной только при дальних, завоевательных войнах, которых Моисей не желал. Но Соломон, вопреки установлению Моисея, завел регулярную конницу из двенадцати тысяч всадников и почти полторы тысячи военных колесниц. Конница эта, для которой Соломон содержал двойное количество лошадей, была расположена по городам, где для нее были построены конюшни по египетскому образцу. Так как в то время в Аравии еще не разводили лошадей, то их приводили Соломону из Египта, при том в таком количестве, что он перепродавал их соседним правителям по произвольно назначаемой им самим высокой цене.

Эта сухопутная и морская торговля вместе с данью подвластных народов доставляли царю и его придворному штату все необходимое, составляли главный источник значительных доходов царя, про которого говорили, что он сделал кедровое дерево столь же обыкновенным, как смоковница, а серебро — как простые камни.

7. Разделение царства Иудейского

Несмотря на внешний блеск, во всем государственном и общественном строе с каждым днем все более и более проявлялись признаки упадка. На нравственное состояние народа разрушительно действовал пример самого царя, его роскошный образ жизни, в особенности множество, иноземных женщин, оказавшихся при его дворе и настолько завладевших сердцем царя, что он даже позволил им воздвигнуть алтари своим богам и сам приносил им жертвы. Патриархальный дух, простота в жилище, одежде, пище и питье начали исчезать, все более распространялась развращенность нравов и имела своим последствием всеобщее расслабление. В скором времени еще обнаружилось глубоко вкоренившееся недовольство, а в довершение всего царствовала по-прежнему старинная зависть между коленами. В особенности негодовало колено Ефремово на сооружение храма в Иерусалиме, находившемся в области колена Иудина, на потерю своего значения, которым оно пользовалось, пока киот завета находился в Силоме. Во главе недовольных еще при жизни Соломона стал Иеровоам из колена Ефремова. После смерти Соломона (953 г. до Р. Х.) против сына его Ровоама вспыхнуло восстание. В прежней столице, Сихеме, собрался народ, и старейшины возложили на Иеровоама поручение передать новому царю сообщение о тяготах народных. «Твой отец, — обратился он к Ровоаму, — отягчил иго наше; облегчи его нам, и мы будем тебе послушны». Советники Соломона убеждали Ровоама согласиться на это, но новый царь последовал внушениям своих молодых друзей и дал следующий

высокомерный ответ: «Отец мой отягощал иго ваше, я сделаю его еще тяжелее. Он наказывал вас бичами, я буду наказывать вас скорпионами». Эта угроза произвела, как и следовало ожидать, решение полного отпадения. «Какая наша часть, — говорил народ, — в наследии дома Давидова? Итак, оставь колону Иудину его избранников, а кто принадлежит Израилю, да идет с нами». И с этим народ удалился. Ровоам послал вслед за ним посла, но он был побит камнями, и сам царь едва успел скрыться на своей колеснице в Иерусалим. Здесь он был признан царем двумя коленами — Иудиным и Вениаминовым. Остальные же десять колен, принявших название Израиля, провозгласили своим царем Иеровоама.

Таким образом, государство, только что соединившееся в одно целое, снова разделилось. Это разделение повлекло за собой непрерывные взаимные раздоры и вмешательства жаждавших завоеваний соседей и, в конце концов, стало причиной его окончательного падения.

8. Царства Израильское и Иудейское до падения первого из них

(953...721 г. до Р. Х.).

Когда царство израильское выделилось из состава общего царства иудейского, первой заботой Иеровоама было доставить своему государству независимое, самостоятельное существование. Но для этого Иеровоаму не было достаточно провозгласить своей столицей город Сихем в области колена Ефремова, как самого могущественного из всех десяти колен, он должен был еще уничтожить значение Иерусалима как хранителя киота завета и центрального пункта, куда стекался весь народ во время главных торжественных праздников. Для того чтобы достигнуть этого, он воздвиг в Вефиле и Дане двух золотых тельцов, которые должны были символически изображать Иегову, выведшего евреев из Египта. Это было необходимо еще и потому, что из-за отдаленности Иерусалима следовало создать для десяти колен нового государства центральный пункт для общенародного богослужения. Для этих языческих жертвенников был воздвигнут храм, а в жрецы были поставлены лица, выбранные народом. Левитов Иеровоам исключил из числа жрецов, так как они, естественно, воспротивились такому богопротивному делу и находились в слишком тесной и опасной для него связи с царством иудейским.

Тогда многие из левитов и благочестивых израильтян переселились в Иудею. Сам Ровоам и его преемник Авий терпимо относились к чужим богам и для поклонения им позволяли воздвигать идолов, отводили им священные дубравы, но все-таки государство иудейское, благодаря своему храму и киоту завета, всегда считалось местопребыванием истинного служения Иегове. Бесспорно, обладание укрепленной столицей и сокровищами храма сильно способствовало равнозначности царства Иудейского более обширному и более населенному царству Израильскому.

Но оба государства непрерывно враждовали между собой и для достижения перевеса друг над другом прибегали к иноземной помощи. Такая печальная, завистливая политика привела в конце концов к совершенному падению обоих государств и прежде всего сделалась губельною для царства Израильского, как имевшего более опасных соседей.

Государи царства Израильского были большей частью идолопоклонники. Худшим из них был Ахав (875 — 833 г. до Р. Х.) с женою своею Иезавелью, дочерью тирского царя. По ее требованию Ахав приказал построить в Самарии храм тирскому божеству Ваалу, а другой храм — богине Астарте; при первом из этих храмов состояло 450, а при втором — 400 жрецов. Священников Иеговы и пророка Илию, пришедшего в святое негодование, он преследовал с необыкновенной яростью и принудил бежать в пустыню и скрываться в пещерах. За это Ахава постиг суд Божий. На него напал сирийский царь Венадат I. Хотя Ахав нашел в иудейском царе Иосафате союзника, но в сражении при Рамофе он был смертельно ранен. Воины его бежали, Иосафат спасся вместе с ними.

Сын Ахава Иорам также испытал нападение сирийцев. Войну против него вел Азаил,

убивший Венадада и захвативший власть в Сирии. И на этот раз царь иудейский Охозия пришел на помощь царю израильскому. В сражении при Рамофе Иорам был ранен и удалился для лечения в Изреель. Через некоторое время страж с башни уведомил его о быстро приближающемся отряде. Это был Ииуй, самый уважаемый военачальник в израильском войске. Иорам выехал ему навстречу с гостем своим Охозией.

«Приносишь ли мир?» — закричал Иорам Иную. «Какой может быть мир? — возразил Ииуй, — когда нечестие твоей матери Иезавели все увеличивается». Тогда воскликнул Иорам: «Измена, Охозия!» И он велел повернуть колесницу и пустить коней во всю прыть в обратный путь. Но Ииуй поразил Иорама стрелой в спину, острие стрелы пронзило ему сердце, и он мертвый опрокинулся в колеснице, а Охозия помчался дальше. Погоня настигла и Охозию; смертельно раненый, он умер в Мегидде. Ииуй овладел бы и Иудейским царством, если бы мать Охозии, Гофолия, не захватила в свои руки бразды правления и не держала их крепко.

Иезавель, по приказу Ииуя, была выброшена из окна, и труп ее был съеден собаками, как предрёк о том Илия.

При Ииуе и его преемниках для Израильского царства наступили лучшие времена. Казалось, оно отдохнуло и начало собираться с новыми силами. При четвертом царе из рода Ииуева Иеровоаме II (790 — 749 г. до Р. Х.) удалось даже снова отнять у сирийцев целую область к востоку от Иордана. За этими победами следовал довольно продолжительный период мира и спокойствия. Снова расцвело земледелие, оживилась торговля, а в столице Самарии воцарились, как и прежде, роскошь и великолепие. Но на востоке поднимался враг, еще более страшный, чем сирийцы, — ново-ассирийцы. При новой могущественной династии они возобновили ту завоевательную политику, которую вел великий Туклат-хабал-азар I. Ассирийские цари каждый год выступали на войну из новой столицы, Калаха, построенной на левом берегу Тигра. Первым из этих великих завоевателей был Ассур-назир-хабал (883 — 835 г. до Р. Х.). Безжалостно все грабя и опустошая, он дошел до Средиземного моря. Оказавших сопротивление умерщвляли, пленных распинали на кресте. Когда ассирийцы пришли в Ливан, то нарубили множество кедров, сосен и кипарисов, послали в Ниневию и соорудили из них храм богине Астарте.

Ассур-назир-хабалу наследовал сын его Салманассар III. Он покори́л Кархемиш и вступил в долину Оронта, где сирийский царь со своими приближенными должен был присягнуть ему в верности.

Если царство Израильское было в состоянии защищаться против сирийцев, то это оказалось невозможным в отношении ассирийцев.

Тиглат — Пилезар

Хотя в первой половине восьмого века их могущество пало, но пало только на время. Тиглат-хабал-азар II (745...727 г. до Р. Х.) снова вывел ассирийцев из долголетнего расслабленного состояния, указал им путь к победам за пределами отечества и повел их дальше, чем кто-либо из его предшественников. В Библии он называется сокращенно Фулом, а также Тиглат-Пилезаром. Примерно в это время сирийский царь Рецин напал на иудейского царя Ахаза. В союз с Рецином вступил израильский царь Факей. Они оба выступили против Ахаза и разбили его в двух сражениях. «Тогда душа царя и душа народа его трепетали, как деревья в дубраве, колеблемые ветром, — так говорится в Библии об этом времени. В этом бедственном положении, вопреки предостережению пророка Исайи, Ахаз обратился за помощью к ассирийцам. Он взял из храма сокровища и послал их в виде дани ассирийскому царю.

Тиглат-хабал-азар II с радостью воспользовался этим случаем, чтобы завладеть Палестиной. Северные и восточные колена, еще прежде наполовину разоренные сирийцами,

в 734 году были совершенно уничтожены ассирийцами, и большая часть народа была уведена в Ассирию. Затем Тиглат-хабал-азар двинулся против Дамаска. После двухлетней осады он был взят, Рецин умерщвлен, восемь тысяч жителей уведено в плен, а Сирия обращена в ассирийскую провинцию.

В числе двадцати пяти царей, вынужденных посылать дань гордому завоевателю, находился и Ахаз, который, кроме того, должен был почитать ассирийского царя как своего избавителя.

В 727 году в Калахе умер Тиглат-хабал-азар. Сразу же во всех только что завоеванных странах вспыхнуло всеобщее восстание. Израильское царство с царем Осией также попыталось сбросить с себя ассирийское иго. Но когда энергичный преемник Тиглата Салманассар V (726...721 г. до Р. Х.) вновь подчинил себе Финикию и Сирию, то и Осия перестал сопротивляться и отказываться платить дань. Но, рассчитывая, что Египет должен с беспокойством смотреть на приближение ассирийцев к его границам, Осия вступил в тайные переговоры с египетским царем Сабакком в надежде встретить у него понимание. И он не ошибся. Царь Сабак обещал ему помочь, причем дал себя убедить, что было бы целесообразным противопоставить полчищам ассирийцев оплот из маленьких государств — финикийского, иудейского и филистимлянского. Но переговоры с Египтом не укрылись от зоркого взгляда Салманассара V. Он потребовал Осию к себе, приказал бросить его в темницу, где тот и умер. Затем ассирийское войско наводнило царство Израильское и осадило Самарию. Сабак оставил израильтян на произвол судьбы. Только тирский царь Лулий поднялся против ассирийцев. Оставив у Самарии часть войска, Салманассар с остальной частью направился против него. Но город Тир, находившийся на острове, насмеялся над всеми его усилиями. Осада Тира и Самарии продолжалась почти два года. Салманассар умер. Его преемник Сарукин лично явился со свежими войсками в стан под Самарией и принудил город сдаться (721 г.). Он был разграблен, а все жители уведены в неволю в Ассирию. На их место явились новые поселенцы — пленные халдеи и сирийцы. Из оставшихся там израильтян и новых переселенцев образовался смешанный народ — самаритяне.

С падением царства Израильского уничтожилась последняя преграда, разделявшая между собой великие державы того времени, Ассирию и Египет, и неизбежность кровавого столкновения между ними составляла только вопрос времени.

9. Падение Ассирийского царства. Царства Ново-Вавилонское и Мидийское.

Ассирийское царство гигантскими шагами достигло вершины своего могущества. Сарукину наследовал сын его, могущественный Санхериб (704 г.), ему — сын его Ассаргаддон (681 г.), который именовался царем Ассирии и повелителем Вавилона. Столицами его одновременно были Ниневия, Калах и Вавилон. Военные успехи Ассаргаддона превзошли по своему значению даже успехи его предшественников. Он не только отвоевал потерянную Санхерибом Сирию, но и возобновил войну с Египтом, где в то время в Фивах господствовали эфиопы, а в Дельте (Нижнем Египте) боролись между собой за власть Саиская и Танаисская династии. Постоянно возрастающие успехи эфиопского царя Тиргака (693...666 г. до Р. Х.), подчинившего своей власти дельтские династии, беспокоили ассирийского властителя, и он решил сам начать против него наступательную войну. Тиргак, войдя в союз с правителями финикийскими и Иудеей, стал у Аскалона. Здесь напал на него Ассаргаддон и одержал над ним победу (673 г.). В союзе с аравитянами, обязавшимися держать в готовности вдоль всего пути запасы воды, Ассаргаддон так же счастливо перешел Аравийскую пустыню, преследовал эфиопов через перешеек, разбил их еще раз и вступил победителем в Мемфис. Он завладел тамошними сокровищами и направился далее к Фивам, которые также разграбил. Затем, по ассирийскому обычаю, он поставил в качестве своих наместников двадцать второстепенных незначительных правителей, а царя Нехао I из Саиса

назначил главою этого союзного государства, обязанного платить ему дань: В воспоминание своей победы Ассаргаддон повелел вырезать на скале рядом с победоносным изображением Рамзеса II пространную надпись. В надписи этой, насколько позволяет разобрать изувеченный вид ее, повествуется о победе его над Тиргаком и о взятии приступом Мемфиса; самого себя он именует царем Египта, Фив и Эфиопии. По примеру своих предшественников, Саргона и Санхериба, Ассаргаддон также воздвиг в Ниневии и Калахе величественные здания.

Тиргак. С изображения, находящегося во дворце в Мединет — Абу

В то время, как он был занят осуществлением своих строительных планов, Тиргак вновь вторгся в Египет и отнял Мемфис. Ассаргаддон передал правление своему сыну Ассур-бан-хабалу, который немедленно выступил против Египта (667 г.). Он встретился с египетским войском при Карбаните и обратил его в бегство. Было снова восстановлено введенное Ассаргаддоном государственное устройство, и Ассур-бан-хабал вернулся в Ассирию.

Но сын Тиргака, Урд-Амен, вторично овладел Мемфисом и приказал казнить Нехао.

Мидийская одежда

Тогда Ассур-бан-хабал лично явился в Египет и истребительной войной положил конец завоеваниям эфиопов. Фиванское население было уведено в рабство; золото, серебро, драгоценные ткани как военная добыча были увезены в Ниневию. Урд-Амен спасся бегством и бесследно исчез. Так Египет стал государством, подвластным ассирийцам.

Но едва только спокойствие было восстановлено в одной части государства, как оно было нарушено в других. Уртаки, правитель Элама, находившегося к востоку от Тигра (столицей Элама был город Суза), и родной брат Ассур-бан-хабала, Сауд-массал-иукин — наместник вавилонский, восстали против него (650 г.) Тотчас же поднялись и другие подвластные правители: аравитян, сирийцев, лидийцев. Лидийский царь Гигес (680...645 г.) только что перед этим присягнул добровольно ассирийскому царю. «Именно этот самый Гигес, — говорит Ассур-бан-хабал в одной клинописной надписи, — послал помощь Псамметиху, царю Египта, сбросившему с себя иго моей власти». Из этой надписи видно, что и Египет при Псамметихе был в числе государств, примкнувших к обширному восстанию против ассирийского царя. Но Ассур-бан-хабал разбил соединившихся вавилонян, эламитов и аравитян и разграбил их города. Вавилон после долгой блокады был вынужден к сдаче голодом, жители города ели уже мясо своих детей. Саул-массад-иукин попал в руки царя и был сожжен по его приказанию. Один из вавилонских военачальников, Набу-бель-суме, чтобы не попасть живым в руки царя, приказал своему вознице умертвить себя. Но труп его был выдан ассирийскому царю. Он велел его обезглавить, голову посолить и повесить на дереве в царском саду в Ниневии. На одном из барельефов, хранящихся в Британском музее, можно видеть Ассур-бан-хабала, окруженного своими женами и пирующего в присутствии этого страшного трофея. Ассирийцы долгое время беспощадно опустошали Элам. В 645 г. до Р. Х. самая Суза, прозванная великим городом и местопребыванием богов, была уничтожена, изображения богов и статуи эламских царей были увезены в Ассирию, а жители Элама расселены по всему государству. Так исчез с исторической сцены Элам — древнейшее государство Передней Азии.

Так как Ассур-бан-хабалу не удалось вновь завоевать Египет, то Псамметих, благодаря своей энергии, мог теперь на развалинах древнего Египта воскресить новый. В Ассур-бан-хабале отразились, как в фокусе, все хорошие и дурные качества ассирийских правителей: деятельность и мужество, с одной стороны, и жестокость — с другой. Из-за

такого сочетания ассирийское государство, вознесшись на недостижимую высоту, круто низринулось в бездну.

В 626 году умер Ассур-бан-хабал, и после непродолжительных беспорядков ему наследовал сын его Ассур-идиль-или. Против него восстал Киаксар, объединивший в горной стране Иране мидийские племена и освободивший Мидию от вторгнувшихся в нее в то время скифов. Затем Киаксар соединился с вавилонским наместником Набо-полассаром и заключил с ним наступательный и оборонительный союз. Вследствие такой измены ассирийский царь вернулся в Ниневию и, не видя более никакого спасения, чтобы не попасть в руки врагов, сжег себя в своем укрепленном замке (625 г. до Р. Х.).

Ниневия была разрушена, и ассирийское государство прекратило свое существование.

Киаксар взял себе собственно Ассирию, а Наболаassar — Вавилон, Месопотамию, Сирию и Палестину. Таким образом, на развалинах Ассирии возникло одновременно два великих государства: Ново-Вавилонское и Мидийское. Их главными городами были Экбатана, Газа, Фраата и Бактра.

10. Падение царства Иудейского

Царство Иудейское было счастливее царства Израильского, тем, что вообще имело более способных правителей. Вследствие этого падение Иудеи задержалось более, чем на 130 лет. Среди иудейских царей выделяются: Иосафат (909 — 884 г. до Р. Х.), уничтоживший идолопоклонство, устроивший правильный и справедливый суд и отбивавшийся от нападений со стороны моавитян и аммонитян, а также со стороны сирийцев; и Азария (810 — 758 г.), современник Иеровоама II. В свое долгое правление Азария возвел царство Иудейское на такую высокую степень благоденствия, что пророки не могли приискать достаточной хвалы великолепию городов и дворцов, величественным крепостям, изобилию золота и серебра; но в то же время они выражали свое негодование против роскоши в одежде, женских украшений, излишеств в пище и питье, господствовавших в его время.

Но при безбожном Ахазе (742...726 г. до Р. Х.), «предавшем огню», то есть принесшем в жертву Молоху своего собственного сына, началось падение Иудейского царства. Пагубное решение Ахаза призвать себе на помощь ассирийцев привело к тому, что они, подобно бурному потоку или рою пчел, нахлынули на его страну. Он даже радовался, когда ему удалось данью склонить могущественного Тиглатха-бал-азара, чтобы тот отпустил его домой.

Его благочестивый сын Езекия равным образом воздерживался от всякой враждебности по отношению к ассирийцам. Он отнесся с полным равнодушием к продолжительной осаде и падению Самарии. Но едва был убит Сарукин (704 г.), как Езекия немедленно стал на сторону мятежников, восставших в Финикии и рассчитывавших и на этот раз на помощь Египта. Тогда сын Сарукина, Сеннахерим (704 — 681 г. до Р. Х.), послал сильное войско против Иерусалима. Сам он с главными силами направился против египтян. Военачальник Сеннахерима, Рапсак, указывал Езекии, что, понадеявшись на Египет, он уподобился человеку, желающему опереться на надломленный ствол тростника, склоняющийся от первого к нему прикосновения. Однако Езекия, по совету пророка Исая, решил сопротивляться. «И в ту же ночь, — говорится в Библии, — совершилось чудо: ангел Господень низошел с неба и поразил в стане ассирийском 185 тысяч человек». По другим свидетельствам, ассирийское войско во время похода по Дельте было наполовину истреблено чумой, затем эфиопский царь Тиргак напал на него и обратил в бегство. Сеннахерим возвратился к себе в Ассирию через Иудею, снял осаду Иерусалима и более не показывался в Палестине. Для Иудеи, как в лучшие дни Соломона, наступили времена мира и благоденствия.

Но безбожный сын Езекии Манассия правил так же дурно, как дед его Ахаз. Идолопоклонство, в особенности поклонение Ваалу и Астарте, а также человеческие

жертвоприношения были повсюду в полной силе.

При Иосии (в 640 году) началось, было, некоторое улучшение. К его величайшей радости, тогдашний первосвященник Хелкия и законник Сафан сделали важную находку: при обновлении храма они нашли «Книгу закона». Когда царь прочел в Ней страшные угрозы Иеговы против тех, которые «оставили его и кадили другим богам», то он от ужаса разорвал на себе одежды и со всей энергией принялся за искоренение идолопоклонства и за восстановление истинного богослужения. Но политическая роль Иудеи уже близилась к концу.

Как раз в это время на месте Ассирии при Набополассаре и сыне его Навуходоносоре начало возвышаться царство Ново-Вавилонское. В то же время Египет при Псамметихе около 650 г. до Р. Х. снова освободился от ассирийского ига, наложенного на него Ассаргаддоном, и достиг выдающегося положения. Поэтому состояние Иудеи стало еще хуже прежнего. Находясь как раз между двумя могущественными державами, она могла быть раздавленной ими.

Сын и приемник Псамметиха фараон Нехао II (670 г.) задумал воспользоваться минутной слабостью ново-вавилонского государства при состарившемся Набополассаре и, следуя примеру великих фараонов, Сефа I и Рамзесов I и II, перенес военные действия в Сирию.

Весной 608 года он оставил Мемфис и двинулся к Евфрату по старой военной дороге. Когда он проходил долину Изреельскую, к нему навстречу вышел царь иудейский Иосия. Сражение произошло при Мегидде. Иудеи не могли выдержать натиска многочисленного и хорошо обученного войска египтян. Сам Иосия погиб. Нехао, не заботясь более об Иудее, продолжал свой путь дальше на север и овладел Сирией. На возвратном пути он посадил на иудейский престол второго сына Иосии — Иоакима.

Но владычество Нехао над Сирией и Палестиной продолжалось лишь до тех пор, пока против египтян в 605 г. до Р. Х. не выступил Навуходоносор. Недалеко от Кархемиша, на берегах Евфрата, произошла решительная битва. Нехао потерпел жестокое поражение и отступил в Египет. Навуходоносор не преследовал его, а поспешно направился в Вавилон, где по случаю смерти своего отца Набополассара опасался, что там в его отсутствие могут возникнуть беспорядки и появиться какой-нибудь претендент на престол. Поэтому он отложил на время подчинение себе Иоакима и других мелких владетелей. Пять лет спустя после битвы при Кархемише Нехао, успевший оправиться от тяжелого поражения и таивший в себе мысль об отмщении, убедил Иоакима отложиться от Навуходоносора. Иоаким вскоре умер, а явившийся опять в эти места Навуходоносор отбросил египтян к их границам и на обратном пути наказал иудейского царя Иехонию, вступившего на престол после Иоакима. В 597 году Иерусалим был окружен со всех сторон и должен был отворить ворота неприятелю. На этот раз Навуходоносор пощадил Иерусалим, но находящиеся еще в нем сокровища и храмовые сосуды были разграблены; молодой царь с матерью Некустой и знатнейшими жителями, воины и разного рода мастера и рабочие в числе семи тысяч человек были уведены пленными в Вавилон. Царем победитель поставил четвертого сына Иосии — Седекию.

Иеремия (со статуи Микельанджело)

Четыре года уже сидел Седекия на престоле иудейском, когда явилось к нему искушение в измене в лице послов царей сидонского и тирского. Явились также послы аммонитян, моавитян и эдомитян. Они надеялись соединенными силами свергнуть ненавистное вавилонское иго. И на этот раз пророк Иеремия ревностно предостерегал от восстания. Но, когда египетский фараон Хафра обещал свою помощь, иудеи восстали (589 г.). Египетская помощь пришла слишком поздно. Навуходоносор налетел, подобно урагану, на Иерусалим и осадил его. Попытка египтян освободить город была победоносно отбита.

Иерусалим был стеснен до невозможности. Иудеи защищались с величайшим упорством и храбростью. Но нужда в городе увеличивалась с каждым днем. К страшным потерям убитыми и ранеными в сражениях присоединилась чума и голод. Однако царь и его советники оставались непреклонны и, не обращая никакого внимания на благоразумные советы Иеремии, решили защищаться до последнего. Наконец, после полуторагодовой осады, вавилонянам удалось взять приступом северную часть города, а затем оттуда постепенно завладеть и остальными его частями. Седекия бежал, но был настигнут близ Иерихона. Несчастному народу пришлось вынести ужасное наказание. В присутствии Седекии были казнены его сыновья и высшие иудейские сановники; сам Седекия был ослеплен, в оковах отведен в Вавилон и там заключен в темницу. Город Иерусалим был предан огню и мечу. Первосвященник Сераия и множество именитых граждан также были казнены. Так свершилась судьба иудейского царства. Все потеряли иудеи, кроме надежды: «на реках вавилонских сидели они» и ожидали времени, когда пробьет последний час и для царства вавилонского.

Лишь немногие из самых бедных жителей остались в городе. Среди них находился и пророк Иеремия. Победитель отличил его особой милостью и позволил ему самому избрать себе местопребывание. Иеремия решил, что лучше остаться с осиротевшими согражданами в своем отечестве, чем следовать за изгнанниками на чужбину. Но злая судьба его народа не дала ему воспользоваться тем, что дозволил ему победитель. Когда неприятель удалился, то спасшиеся бегством вернулись в Иудею и в городке Массифе умертвили вавилонского наместника, поставленного над оставшимися жителями Навуходоносором, и бывших при нем воинов. Это убийство повергло в ужас несчастный народ и, так как он страшился, что гнев вавилонского царя не пощадит и невинных, то бежал в Египет, несмотря на увещания Иеремии. Будучи не в силах убедить беглецов, он сам последовал за ними, чтобы не оставлять своих соотечественников.

В Египте, как и в плену вавилонском, Иеремия и другие, следовавшие за ним пророки старались удерживать иудеев от принятия иноземного идолопоклонства и поддерживать в них сознание, что они, являясь особенным, избранным народом, должны живо сохранять дух веры и законы Моисеевых. Только при соблюдении этих условий, возвещали пророки, Иегова не вечно будет на них гневаться, снова возвратит их из изгнания в отечество и из рода Давида, царствование которого являлось высшим идеалом в воспоминаниях иудеев, произойдет новый блистательнейший и могущественнейший владыка мира.

Эта идея, представлявшаяся в народном сознании в образе будущего Мессии, осуществилась гораздо позже и в ином смысле. Надежда же на возвращение на родину исполнилась менее, чем через сто лет, благодаря переменам, испытанным Азией при персидском царе Кире.

III. АРИЙЦЫ

1. Общие сведения

От культурных народов семитского происхождения (египтян, евреев, ассирийцев и вавилонян) перейдем теперь к народам арийского племени. Колыбелью их можно считать Центральную Азию — горную страну нынешнего Тибета. Отсюда арийцы (или индоевропейцы) переселились частью в Иран и далее на запад, на Балканский и Италийский полуострова, и дошли до берегов Атлантического океана, Северного и Балтийского морей; частью — в долины Инда и Ганга.

По своей культуре прежде других (впрочем, гораздо позже, чем египтяне времен мемфисского периода) выделились племена, занявшие горную страну Иран, и племена,

поселившиеся в долине Инда и Ганга. Первые известны под именем арийцев; вторые — индийские арийцы, называются индусами.

2. Иранские арийцы или зендский народ.

Народ этот, как сказано выше, переселился из Тибета в Иран — плоскогорье между Индом и Тигром, в особенности в его плодородную часть, и основал там жреческое государство. О судьбах этого государства в древнейшие времена до нас не дошло почти ничего, что имело бы историческую достоверность. Гораздо лучше известно его культурное состояние.

Сохранились большие отрывки из собрания священных книг, заключающих в себе систему религиозных, нравственных и правовых понятий.

Ормузд

Это собрание книг называется «Авеста» и написано на зендском языке. Составителем «Авесты» считается Заратустра (иначе его называют Зороастр). Учение его возникло приблизительно за 1000 лет до Р. Х. в стране Бактрии, откуда постепенно и распространило свое господство. Основные начала воззрений Заратустры заключаются в следующем. Существуют два царства: царство света и царство тьмы. Бог света называется Ормузд; он стоит во главе добрых духов, помогающих ему в управлении вселенной. Ормузда сотворил мир словом своим. Но в самый день сотворения мира против него выступил злой бог тьмы Ариман, чтобы с помощью греха и преступления нарушить гармонию вселенной. Ему служат злые духи. Но стоит только твердо противостоять этим вредным разрушительным демонам, чтобы побеждать их могущество. Происходит это с помощью жертвоприношений, совершаемых жрецами. В конце концов могущество злого духа будет совершенно уничтожено, смерть уступит место жизни, тьма — свету. Ариман вынужден будет признать первенство Ормузда, и после долгой жестокой борьбы между этими противодействующими силами наступит гармония и во вселенной воцарится всесовершенство.

Ормузд не имел ни статуй, ни даже святилищ или алтарей; лишь на вершинах возвышались так называемые пиреи — храмы огня, в которых поддерживалось священное пламя из поколения в поколение жрецами-магами, обязанными не давать погаснуть огню. Главным жертвенным животным был олень; приносили в жертву также и рогатый скот, коз и овец. После того, как был приготовлен и роздан присутствующим хаома (род опьяняющего напитка), жрец убивал животное, клал части его перед священным огнем, но не в огонь, ибо подобное соприкосновение осквернило бы священное пламя. Церемония заключалась пиршеством, на котором вкушали жертвенное мясо.

Тела людей после смерти не сжигались, не погребались и не бросались в реку, так как при этом осквернялись бы или огонь, или земля, или вода. Было два способа освобождаться от трупов, не нарушая чистоты этих трех элементов. Можно было покрывать труп воском и затем предавать земле; при этом восковая оболочка уничтожала осквернение, которое произошло бы от непосредственного соприкосновения с землей. Можно было также выставлять труп на открытый воздух и оставлять на растерзание птиц или хищных зверей. Для этой цели кладбищами служили большие, круглые башни. Пробыв три дня вблизи своей бранный оболочки, душа на рассвете четвертого дня покидала ее и отправлялась на место страшного суда. Гений Расну взвешивал на весах ее добрые и дурные дела и, смотря по тому, что перевешивало, объявлял ее свободною или осуждал. Потом душу приводили к мосту Цинват, ведущему в рай, но простиравшемуся над преисподней. Если она была греховной, то не могла перейти мост и низвергалась в бездну, где доставалась в рабство Ариману. Если же она оказывалась непорочна, то при помощи ангела Краосха переходила мост без труда. Там ее принимал ангел Вохумано, который ставил ее перед престолом Ормузда и указывал место,

где душа должна была пребывать до воскресения мертвых.

От восточно-иранских арийцев все эти религиозные представления и учреждения, в особенности поклонение огню и небесным светилам, перешли к соплеменным им мидянам, а от них — к персам.

3. Индийские арийцы или индусы

При расселении арийцев по роскошным, богатым всевозможными тропическими плодами равнинам Инда и Ганга часть первобытных жителей, называвшихся шудра, отступила в южные области полуострова Декан и в дикие, неприступные горы. Другая часть покорила победителям и, хотя сохранила жизнь и свободу, но должна была терпеть всякого рода унижения. Эта часть первобытных жителей имела темный цвет кожи, поэтому светлокожие пришельцы с самого начала своего переселения стали обращаться с ними не только дурно, но и с презрением. Образовавшиеся вследствие этого два класса народонаселения заняли в отношении друг друга строго определенное, совершенно различное положение: арии, с одной стороны, и шудра — с другой. В свою очередь, арии распределились на три сословия: воинов, жрецов и земледельцев. Шудра оказались совершенно исключенными из всякого общения с этими тремя сословиями. Самым высшим сословием были жрецы, их называли брамины. Они ближе всех стояли к Бrame, то есть к душе света, совершенному существу. С помощью священнодействий, жертвоприношений и молитв брамины являются как бы посредниками между небом и землей. По учению браминов, из Бrame — безличной души света, произошел личный Бrama — высшее божество. А уже от него произошли другие боги: Индра — бог грозы и бури, Агни — дух огня, Иама — бог ночи и смерти, Баруна — бог океана, Рудра — отец ветра, затем духи воздуха, далее святые и чистые люди и местности в порядке постепенности, в каком они находились близ святости Бrame. За людьми следовали различные породы животных, деревья, растения, камни и т.д.

Вишну, Шива, Бrama

Такой отвлеченный, добытый философским умозрением бог, конечно, не мог долго удовлетворять народную массу. Поэтому живое воображение индусов, старавшееся представить видимый и осязаемый образ божества и найти объяснение действующих сил природы, создало рядом с Бrameй еще двух главных богов: Вишну и Шиву. Вишну считался богом света; он проявляется в солнце, молнии, огне и приносит счастье. От него зависит зарождение и размножение, так как он производит в определенное время дожди и разливы рек. Напротив, Шива воплощает разрушительную силу природы. Поэтому он носится в урагане и опустошительной грозе. После его гнева Вишну посылает оплодотворяющие ливни, которые возвращают к жизни растения и радуют людей после нестерпимой засухи.

Жрецы объясняли, что Бrama сначала выпустил из уст своих жрецов; потом из рук его вышли кшатрии (воины, высшие чиновники), из бедер — ваисии (земледельцы) и, наконец, из ног — шудра. Вследствие подобного толкования всякое сопротивление такому разделению сословий являлось сопротивлением божественному порядку вещей. Поэтому никакой переход из одного сословия в другое и никакое смешение между ними не были возможны. Сословия застыли и превратились в касты. Совершенно отверженными и глубоко презируемыми остались потомки темнокожих первобытных жителей — парии, найденные переселившимися арийцами в диком состоянии. От них, вероятно, происходят и ваши цыгане.

Однако жрецам потребовалось много времени, чтобы утвердить свои преимущества над другими двумя кастами. Чтобы достигнуть этой цели, они прибегали к самым страшным угрозам. Жрецы изображали народу в самых ярких красках муки, ожидающие каждого, кто

не повинуются их предписаниям. Кроме низвержения в ад и адских мучений, самое глубокое впечатление производила угроза переселения душ и непрерывного воплощения в телах животных и людей. Так, кто совершил незначительный проступок, тот рождался вновь или в слоне, или в шудре, льве, тигре, птице или в плясуне. Кто совершил страшное злодеяние, тот в зависимости от степени своей виновности, промучившись сто или тысячу лет в аду, должен был пройти двадцать одно возрождение от разных животных, прежде чем увидеть свет. Пролитый кровь брамина осуждался в аду на растерзание хищными зверями в течение стольких лет, скольких пылинок коснется пролитая кровь. Душа человека, убившего брамина, возрождалась в телах самых презренных животных: собаки, осла, козла.

Около 1350 года до Р. Х. жрецы собрали постановления религии, общежития и права в книге, которая называется «Веды», т.е. знания. В ней прежде всего излагались богослужебные и жертвенные обряды. В жертву богам главным образом приносились: сома — по-особому приготовленный сок одного горного растения, которому индусы придавали таинственное значение; рис, молоко и масло. Всякое правильно совершаемое жертвоприношение должно было производить магическое действие настолько, насколько приносящий жертву приобретал при этом божественной сущности.

Древняя индийская одежда

Затем следовали подробнейшие предписания относительно чистоты и выбора кушаний и напитков. Все предметы, которых касается человек, могут быть нечистыми, поэтому перед употреблением все должно быть очищено. В особенности были тягостны постановления о кушаньях. Так как в каждом животном могла находиться душа какого-нибудь умершего, даже друга, родственника или предка, то брамины вообще воспрещали мясную пищу. Но так как они не были в состоянии вполне вкоренить это в народном сознании, то ограничились тем, что строго запрещали в пищу мясо рогатого скота, так как почитали корову священным животным и ее молоко и масло должны были приноситься в жертву богам. Брамины рекомендовали есть молочную и растительную пищу, за исключением лука и чеснока. Таким образом, они могут считаться родоначальниками вегетарианства.

Тот, кто осквернялся запрещенным кушаньем или совершал какой-либо другой проступок, должен был, не ожидая наказания по суду, сам наложить на себя эпитимию, соответствовавшую важности проступка и состоявшую или в тысячекратном повторении молитв, или в посте, в самобичевании и даже в добровольной смерти. Например, кто съел запрещенное кушанье, тот должен был в течение тридцати дней есть только рис. Кто умышленно напивался пьян, тот должен был пить столько времени кипящий рисовый отвар, пока он не сожжет ему внутренности, и тогда только грех его будет искуплен. Кто неумышленно убивал корову, тот обязан был обрить себе голову, завернуться, как в плащ, в шкуру убитого животного, пойти на выгон, поклониться там коровам и прислуживать им. Если кшатрий намеренно убивал брамина, то должен был дать себя застрелить стрелой из лука или три раза броситься головой в огонь, пока не умрет.

Для браминов все эти предписания и запрещения были еще усилены. Их обязанности были изложены с такими подробностями, что даже было определено, в каком положении они должны были принимать пищу, какими частями руки и пальцев совершать омовения, как должны были вести себя во всех случаях жизни, в дороге и т.д., чтобы не утратить своей чистоты и святости. Самым похвальным делом для жреца было, когда он вообще удалялся из этого нечистого мира в уединение и там суровым покаянием и самобичеванием очищался от всего земного. Целью такого религиозного отречения от всех чувственных наслаждений, умерщвления плоти, удаление от мира в уединение пустыни является не только внешнее очищение, но и очищение души, так как она, освобожденная от оков чувственности, получает возможность возвратиться к своему божественному источнику — к Бrame, высшему духу.

О человеческом теле брамины говорили:

«Это жилище человека, которому костяк служит вместилищем, а мускулы — связками; этот сосуд, наполненный мясом и кровью и покрытый кожей, есть жилище нечистое, подверженное старости, болезни и печали, всякого рода страданиям и страстям; гибель его предопределена уже заранее и поэтому всякий должен стараться с радостью освободиться от него».

Поэтому, говорили жрецы, тело следует всеми средствами подчинять господству души; чувственная, материальная сторона человеческой сущности должна быть преодолеваема духом, в случае необходимости до полного уничтожения. Люди, благоговевшие перед подобными воззрениями, должны были постепенно потерять самостоятельность суждений, отвагу и энергию; они, собственно говоря, жили не для этого мира, а для будущего, для загробной жизни.

Таким образом, тем, кто захватил власть, уже нетрудно было ее удерживать, так как не было никого настолько смелого, чтобы оспаривать у них эту власть. Вследствие этого в индийских государствах был деспотический образ правления. Цари пользовались божескими почестями, ибо полагали, что в них обитает божество. Цари происходили не из касты жрецов, а из кшатриев, которые были обязаны покровительствовать остальным сословиям.

Будда

Однако советниками царя в основном являлись брамины. Царь был высшим всеобщим покровителем и судьей, награждающим добрых и наказывающим злых.

Вход в храм, высеченный в скале (Львиный Грот на острове Элефонт)

Он обязан был поддерживать существующий порядок строгим соблюдением его и устрашением преступников соответствующими наказаниями. В трудных случаях, когда невозможно было добраться до истины ни фактами, ни свидетельскими показаниями, ни присягой, царь прибегал к божьему суду. Брамины, женщины и дети, старики и больные испытывались весами, кшатрии — огнем, вайсии — водой, шудры — ядом. Если испытываемый при вторичном взвешивании оказывался легче, чем при первом, если раскаленное железо после пронесения его на расстоянии семи шагов оставляло на нем ожог, если выпитая святая вода причиняла ему вред, а от принятого яда испытываемый заболел — это служило бесспорным доказательством виновности.

Вследствие замкнутого устройства каст, жестокого деспотизма, тяжких наказаний и обетов, народонаселение стонало под невыносимым гнетом, а земля представлялась людям юдолью плача. Такое положение вещей неминуемо должно было возбудить в глубокомыслящем человеке вопрос, может ли такая печальная судьба быть непреложным уделом человечества? Человек, поставивший этот вопрос, был Гаутама Будда (то есть «просвещенный»), живший в конце VI начале V века до Р. Х. противопоставляя свое учение догмам браминов, он проповедовал равенство всех людей на земле. Он говорил, что нужно облегчать страдания друг друга, помогать переносить неизбежное в мире зло. Это достигается сострадательной деятельной любовью, непрерывно проявляющейся в делах милосердия. В своей гуманности по отношению к людям и животным он заходит так далеко, что говорит о непозволительности убивать любое живое существо. Совершивший грех нуждается не в мучительных наказаниях, а в чистосердечном, глубоком раскаянии.

Преддверие храма при деревне Карли

Одно древнее изречение так выражает сущность нравственного учения Будды: «оставление всего злого, исполнение всего хорошего, укрощение собственных мыслей».

Храм в скале, в Эллере

Со своим новым учением Будда обратился непосредственно к народу. Он выступал публично, на открытых площадях и притом не на священном, не понятном народу санскритском языке, а на том языке, на котором говорил народ. Именно поэтому у него было много последователей. Народ громко выражал свой восторг человеку, так кротко и смиренно выражающему соболезнование и жалость к униженным труженикам и так не похожего на гордых и надменных браминов. Неудивительно, что его считали одним из воплощений Вишну. Но он не избежал преследования даже со стороны своих родных. Положение браминов было слишком прочным, чтобы его мог поколебать буддизм, особенно потому, что они в угоду народу низвергли старого Брахму и провозгласили Шиву высшим божеством. Основы учения браминов еще и поныне незыблемы в Индии. Учение же Будды с помощью кровавых преследований было вытеснено с родины на ту сторону Ганга, далее на остров Цейлон, в Китай и Японию, стало там твердою ногою и в настоящее время насчитывает там много миллионов своих последователей.

Пагода

В Индии, управляемой не менее деспотически, чем Египет, также процветало строительное искусство. До сих пор сохранились высеченные в скалах древние храмы на островах Элефанте и Сальсете близ Бомбея. Близ Эллары в хребте гранитных гор на протяжении целой мили выдолблен полукружием ряд храмов, часто в два яруса, так, что гранитные крыши нижних храмов, поддерживаемые многочисленными столбами, служат обширным основанием для верхних построек. Заслуживают внимания пагоды — храмовые сооружения с великолепными воротами, башнями, колоннадами, галереями, с примыкающими к ним бесчисленными покоем, устроенными для удобства богомольцев. Все эти постройки несут на себе необыкновенное множество украшений, состоящих из фантастических изображений браминской символики.

Индийская литература дала много выдающихся религиозных и светских произведений. Из них в особенности замечательны «Веды» и собрание законов Ману в двенадцати книгах, религиозные эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамайана», а также драма «Сакунтала» поэта Калидаса. Все эти сочинения написаны на санскрите — одном из древнейших индоевропейских языков.

Насколько богаты и обильны источники о культуре древних индусов, настолько скудны достоверные сведения о древнейшей истории Индии.

Примерно в середине второго тысячелетия до Р. Х. арийцы переселились на равнины Ганга и основали там два главных государства: Куру со столицей Гастинапуром на Ганге, а позже — Панду. Эти государства, по свидетельству «Махабхараты», вели между собой истребительную войну. В конце концов «сыны Панду» победили и овладели Гастинапуром. Одновременно с ними на равнинах Ганга существовали и другие жреческие государства: царство Магада, на юге царство Пандия, на реке Кришне царство Карната. В Пенджабе, т.е. в области индийского Пятиречья уже во времена Александра Македонского находим два государства — Таксила и Пора. После смерти Александра, в 312 году до Р. Х., в царстве Магада явился могущественный государь, которого греки называли Сандракоттом, а индусы Кандрагуптою. Однако в конце концов он пал в борьбе с Селевкидами, то есть преемниками Селевка Никатора, захватившего себе из наследства Александра Македонского все земли от

берегов Сирии до реки Тигра.

IV. ПЕРСЫ

1. Мидийское царство при Астиаге.

Основателем индийского государства, как выше было упомянуто, явился Киаксар. Он простер свое владычество до Малой Азии и напал на царство лидийское, находившееся под властью одного из преемников Гигеса — Алиатта (625 — 568 г. до Р. Х.). Шесть лет продолжалась война без решительного результата. Когда войска в очередной раз бросились друг на друга, наступило солнечное затмение, нагнавшее такой ужас на сражавшихся, что они прекратили битву и пожелали заключить мир. Мир был заключен, и границей между мидийским и лидийским государством стала река Галис. Чтобы еще более упрочить мир, Алиатт выдал свою дочь Ариенис за сына Киаксара — Астиага. Оба государя скрепили свою дружбу тем, что прокололи, по тогдашнему обычаю друг у друга руку и пили вытекшую из раны кровь. Последние годы царствования Киаксара прошли в глубоком мире. Он умер в 596 году. Когда Астиаг вступил на престол своего отца, Мидия простиралась от Иранской пустыни до восточного берега Галиса.

Астиаг вел чисто восточную, роскошную жизнь. Окруженный многочисленным двором, он не знал другого времяпрепровождения, как только охотиться в лесах, окружавших его дворцы или тянувшихся на границах пустыни. Воинственные наклонности были ему совершенно чужды, и народ его также начал отвыкать от военного дела. Так как Астиаг не имел наследника, то ему приходилось передать престол дочери своей Мандане или ее детям. Эта дочь была выдана замуж за одного из подданных ее отца, персидского князя Камбиза. От этого брака родился Кир, будущий основатель всемирной Персидской монархии.

2. Кир — основатель персидской монархии

О детских и юношеских годах Кира историк Геродот сохранил для нас предание, с помощью которого он старается доказать неизбежность судьбы, predetermined человеку и непреодолимость гения, предназначенного для великих подвигов.

В первый год супружества Камбиза с Манданою Астиагу приснился сон, что из утробы его дочери вырастает виноградная лоза, осеняющая своей тенью всю Азию. Снотолкователи объяснили этот сон Астиагу в том смысле, что дитя Манданы со временем будет царствовать вместо него. Тогда царь вызвал дочь к себе, чтобы убить дитя, которое она должна была родить. Как только родился Кир, Астиаг позвал к себе Гарпага, верного и необыкновенно дружески расположенного к нему мидянина, и сказал ему: «Дело, которое я поручаю тебе, исполни со всем усердием и не обмани меня! Возьми мальчика, которого только что родила Мандана, в дом свой и убей его. Затем похорони его, как сам пожелаешь». Гарпаг отвечал: «До сих пор ты не мог найти во мне ничего достойного осуждения, и я остерегусь провиниться перед тобой и на будущее время; а так как ты желаешь, чтоб это совершилось, то долг мой — послужить тебе в этом со всем старанием».

Затем Гаопаг получил ребенка и с плачем отправился к себе домой, где и рассказал жене своей все, что говорил ему Астиаг. Тогда жена спросила: «Что же ты предполагаешь делать?» Гарпаг отвечал: «Не то, что приказал Астиаг. Я не убью ребенка, как потому, что он мне сродни, так и потому, что Астиаг стар и не имеет мужского потомства. Когда со смертью ребенка правление должно будет достаться дочери, сына которой он хочет умертвить моими руками, то чего же останется ждать мне, как не величайшей опасности? Однако ребенок ради

моей безопасности все-таки должен умереть; поэтому убийцей его должен быть кто-нибудь из людей Астиага, а не из моих».

Сказав это, Гарпаг тотчас послал за одним пастухом Астиага, который, как ему было известно, пас свое стадо в горах, изобиловавших зверями. Горы эти лежали к северу от Экбатаны, у Черного или скорее у Каспийского моря; здесь Мидия очень возвышенна и гориста, а остальные части ее ровны и плоски. Когда пастух поспешно явился, как было приказано, Гарпаг сказал ему следующее: «Астиаг приказывает тебе взять этого мальчика и закинуть его в такое место, где горы всего более дики, для того, чтобы он как можно скорее погиб. Сверх того он приказал мне еще сказать, что если ты не убьешь его, а где-либо и каким-либо образом сохранишь, то он поступит с тобою самым жестоким образом. Я сам потом посмотрю, куда ты кинешь ребенка».

Пастух выслушал, взял дитя и возвратился с ним в свою хижину. Между тем жена его была в страшном беспокойстве, так как не знала, зачем Гарпаг посылал за её мужем. Когда пастух вернулся, жена спросила его, зачем так поспешно призывал его к себе Гарпаг. Он отвечал:

«О, жена! Прибыв в город, я увидел и услышал там такие вещи, что не желал бы, чтобы они случились с нашим господином. Весь дом Гарпага был полон горя. Испуганный вошел я туда. Войдя в дом, я увидел лежащего ребенка, барахтающегося, плачущего и разодетого в золото и разноцветное платье. Когда Гарпаг увидел меня, то приказал мне как можно скорее взять дитя, унести его и кинуть в такое место, где горы всего более полны диких зверей, прибавив, что Астиаг жестоко разгневается, если я этого не исполню. И я взял ребенка и унес его в уверенности, что он принадлежит кому-нибудь из домашних, так как никак не мог сообразить, откуда он родом. Однако я удивлялся, что увидел его одетым в золото и дорогое платье, и столам, бывшим в доме Гарпага. Дорогою я узнал все дело от слуги, провожавшего меня из города и вручившего мне ребенка, а именно, что это было дитя Манданы, дочери Астиага и Камбиза, что Астиаг приказал умертвить его. Вот он».

С этими словами пастух раскрыл ребенка и показал его. При виде большого и прекрасного дитяти жена пастуха начала плакать и, обнимая мужу колени, просила не губить его. Пастух возразил, что он не может его оставить, что придут шпионы Гарпага посмотреть, исполнил ли он приказание, и когда узнают, что не исполнил, то он сделается несчастным. Когда жене пастуха не удалось упросить мужа, она сказала ему следующее: «Если я не могла убедить тебя не губить его, то сделай так, чтобы действительно оказалось, будто его бросили. Видишь ли, в отсутствие твое я родила ребенка, но только мертвого. Так возьми его и брось! А мы воспитаем ребенка дочери Астиага как своего. Таким образом, тебя не обвинят в непослушании твоему господину и нам самим не будет дурно. Мертвое дитя получит царское погребение, а живое не потеряет своей жизни».

Рассудив, что жена дает очень хороший совет, пастух тотчас же с нею согласился. Он отдал жене предназначенное к смерти дитя, одел в его платье и положил в ящик, в котором принес его, своего собственного мертвого ребенка, отнес немедленно в горы и оставил там в самом диком месте. На третий день, оставив сторожем вместо себя подпаса, пастух пошел в город и, придя к Гарпагу, сказал ему, что он готов показать труп младенца. Гарпаг послал вернейших своих телохранителей, приказав им удостовериться и похоронить ребенка пастуха; другого же, названного впоследствии Киром, взяла к себе жена пастуха и дала ему другое имя.

Когда мальчику исполнилось десять лет, то тайна раскрылась следующим образом. В деревне, где находились стада, он играл с мальчиками одного с ним возраста. Мальчики в своей игре выбрали его, этого мнимого пастуха, своим царем. Одним из них он приказал строить дома, другим быть его телохранителями, иным — «очами царя», некоторым поручил докладывать дела. Один из игравших мальчиков, сын знатного мидянина Артембара, не исполнил того, что приказал ему Кир и, по его приказанию, был схвачен и наказан. Возмущенный таким недостойным обращением, мальчик поспешил в город и пожаловался своему отцу на то, что он вытерпел от Кира. Он не говорил, однако, о Кире, так как

последний не имел еще этого имени, а о сыне пастуха.

Разгневанный Артембар в сопровождении своего сына отправился к Астиагу и, пожаловавшись ему на то, что сын его вытерпел от недостойного, сказал: «О, царь! Так осрамлен я сыном пастуха!» и обнажил при этом у мальчика спину. Когда царь увидал это и выслушал рассказ, он приказал дать мальчику удовлетворение, сообразное положению его отца, и позвать к себе пастуха и его сына.

Когда оба они явились, Астиаг, взглянув на Кира, сказал: «Ты, такой мальчишка! Как смел ты так поступить с сыном моего первого сановника?» Кир отвечал: «О, государь! Я поступил с ним по праву. Наши мальчики, между которыми был и он, выбрали меня в игре царем; все другие исполняли то, что им было приказано; этот же был непослушен, за что и был наказан. Если же я виноват, ну так вот я стою здесь».

Когда мальчик сказал это, Астиаг тотчас узнал его. Черты лица показались ему похожими на его собственные, а манеры благородными. Он сообразил также возраст мальчика со временем его подкидывания. Пораженный этим, он долго оставался безмолвным. Придя, наконец, в себя, он отпустил Артембара, обещав ему всевозможное удовлетворение. Когда он остался один с пастухом, то спросил, кто ему дал мальчика. Пастух отвечал, что это его ребенок и что мать его еще живет при нем. Астиаг возразил, что он нехорошо делает, добровольно подвергая себя большому наказанию. С этими словами он подал знак своим телохранителям схватить его. Когда пастуха хотели уже вести наказывать, он открыл истину, рассказав, как все было, и просил за это помиловать его.

Как только пастух раскрыл истину, Астиаг более уже не сердился на него. Но, вспыхнув страшным гневом против Гарпага, он приказал своим телохранителям привести его к себе. Когда Гарпаг предстал пред ним, Астиаг спросил: «Каким образом умертвил ты мальчика, ребенка моей дочери, которого я передал тебе?» Гарпаг, увидя пастуха, не пошел путем лжи, на котором мог быть изобличен, а сказал: «О, царь! Когда я получил ребенка, то подумал, как должен я исполнить твою волю, чтобы остаться правым перед тобой. Поэтому я так поступил. Я позвал этого пастуха, передал ему ребенка и сказал, что ты приказал умертвить его. И, говоря это, я не лгал, ибо таково было твое приказание. Но я передал ему ребенка и приказал бросить его в самое дикое место в горах и оставить там до тех пор, пока он не умрет. При этом я всячески пригрозил ему, если он этого не исполнит. Когда во исполнение твоего приказания ребенок умер, то я послал самых верных из моих служителей удостовериться в смерти ребенка и похоронить его. Вот как происходило дело и как умер мальчик». Хотя Гарпаг откровенно рассказал всю правду, но Астиаг все-таки остался недоволен его поступком. Затаив в себе неудовольствие, он рассказал Гарпагу все, что он слышал от пастуха, и в заключение сказал, что мальчик жив и что такой оборот дела он признает совершенно справедливым. «Ибо, — продолжал он далее, — мне было очень прискорбно, что так поступили с мальчиком, и к тому же я не мог оставаться нечувствительным к упрекам моей дочери. Так как, по счастью, все хорошо устроилось, то я желаю, чтобы ты прислал своего сына к вновь отыскавшемуся мальчику. Затем я хочу возблагодарить богов за его спасение и желаю, чтобы ты явился к моему обеду».

Услышав такие речи, Гарпаг бросился к ногам царя, а потом пошел домой, полный восторга, что его недосмотр окончился так благополучно и что в заключение счастья он приглашен даже к царскому столу. Вернувшись к себе, он тотчас послал за своим единственным тринадцатилетним сыном и приказал ему отправиться во дворец к Астиагу и делать там все, что тот ему прикажет. Сам же с радостью рассказал жене своей обо всем, что с ним случилось. Но когда сын Гарпага пришел к Астиагу, то царь приказал убить его, разрезать на куски, один из них сварить, а другие зажарить и держать их наготове.

Наступило время обеда, явились приглашенные и с ними Гарпаг. Всем гостям и самому Астиагу подали баранину, а Гарпагу мясо его сына, за исключением головы, ног и рук, которые были положены в закрытую корзину. Когда Астиагу показалось, что Гарпаг насытился, он спросил его, понравилось ли ему это кушанье. Гарпаг отвечал, что оно ему очень понравилось. Тогда ему подали корзину и предложили взять из нее то, что он

пожелает. Гарпаг послушался, открыл корзину и увидал в ней останки своего сына. При виде их он не содрогнулся и по возможности сдержал себя. Астиаг спросил его, знает ли он, какого животного ел он мясо. Гарпаг ответил, что знает и что, по его мнению, все, что ни делает царь, — справедливо. Затем он взял останки своего сына и отправился с ними домой, чтобы предать их погребению.

Так отомстил Астиаг Гарпагу. Относительно же Кира он обратился к совету тех же магов, которые известным уже образом объяснили ему его сон. Когда они явились, то Астиаг спросил их, как они объяснили ему сон. Они снова повторили, что мальчик, если жив, будет царствовать. Тогда он сказал им следующее: «Мальчик жив и налицо, воспитан в провинции, был выбран в цари мальчиками своей деревни и обзавелся при этом телохранителями, привратниками, послами. Что должно означать это?» Маги отвечали: «Если он жив и был царем неумышленно, то будь покоен и не теряй хорошего расположения духа, потому что он не будет уже вторично царствовать. Многие наши предсказания сбывались часто и в безделицах, а следствия сновидений бывают часто очень ничтожны». Астиаг отвечал магам: «Я сам того же мнения, что, если мальчик был уже царем, то не может быть для меня более опасен. Однако, посоветуйте мне, что может быть всего безопаснее для дома моего и для вас». На что маги отвечали: «О, царь! Для нас самих очень важно, чтобы власть твоя укреплялась. Ибо если она попадет этому мальчику-персу, то перейдет в чужие руки. Мы, как мидяне, сделаемся рабами, и персы будут смотреть на нас не иначе, как на чужеземцев. Если же ты останешься царем, то и мы будем господствовать вместе с тобой и пользоваться при тебе большим уважением. Поэтому мы обязаны как можно более заботиться о тебе и о твоей власти и, если бы теперь мы видели еще что-либо опасное, то обо всем этом сказали бы тебе. Но так как сон твой окончился ничем, то мы продолжаем надеяться и советуем и тебе делать то же, а мальчика отослать в Персию к родителям его».

Астиаг, услышав это, обрадовался, позвал к себе Кира и сказал ему: «О сын! Ради одного сна я поступил с тобою несправедливо, но твое счастье сохранило тебя. Возвращайся теперь радостный в Персию. Я велю проводить тебя. Там ты найдешь отца и мать, но уже других, а не пастуха и жену его». С этими словами Астиаг отпустил Кира. По возвращении в дом Камбиза Кира встретили его родители. Когда они услышали, что он сын их, то приветствовали его как такого, которого они почитали уже умершим. Они спросили его, каким образом он спасся. Он рассказал им, что об этом сначала сам ничего не знал. В первый раз он узнал всю свою историю дорогой. Он ничего другого не предполагал, как только то, что был сыном пастуха. Все дело узнал он на обратном пути от своих провожатых. Он рассказал, как воспитала его жена пастуха и не переставал восхвалять ее. Когда его родители узнали его настоящее имя Кюно, то для того, чтобы спасение его могло показаться делом богов, они разгласили между персами, будто брошенного Кира вскормила собака, ибо «Кюно» по-персидски означает «собака». Так возникла об этом народная молва.

Когда Кир вырос и сделался храбрейшим и любимейшим между своими товарищами, Гарпаг привлек его к себе подарками и соблазнил страстным желанием отомстить Астиагу. Он очень хорошо понимал, что сам он, как частный человек, никоим образом не мог отомстить Астиагу. Но вначале он сделал еще следующее: так как Астиаг был суров к мидянам, то Гарпаг собрал вокруг себя нескольких знатнейших мидян и внушил им, что следует призвать Кира, а Астиага лишить царского достоинства.

Исполнив это, Гарпаг пожелал сообщить о своем намерении Киру, проживавшему в Персии. Но так как все дороги были охраняемы, то он мог исполнить это, благодаря лишь следующей хитрости. Он достал зайца, вырезал ему внутренности и, не снимая шкурки, вложил в него письмо, в котором было изложено то, что он задумал. Зашив снова зайца, он дал вернейшему своему слуге тенёта, как будто тот был охотник, и послал в Персию с словесным поручением — сказать Киру при поднесении зайца, чтобы он разрезал его сам и чтобы при этом никого не было.

Поручение было исполнено. Кир принял зайца и разрезал его. Затем он прочел найденное в нем письмо. Содержание его было следующее: «Сын Камбиза! Тобою руководят

боги, ибо в противном случае ты не был бы так счастлив. Ты жив, благодаря богам и мне. Полагаю, что это тебе уже давно известно, равно как и то, что должен был я выстрадать от Астиага за то, что не убил тебя, а отдал пастуху. Если ты захочешь теперь послушаться меня, то будешь царем над всем царством, которым правит Астиаг. Призови персов к восстанию и поведи их против мидян! Когда я, как предводитель, буду послан против тебя Астиагом, то сделается так, как ты пожелаешь. То же самое произойдет и тогда, когда послан будет кто-либо другой из знатных мидян. Ибо они отпадут от Астиага, перейдут к тебе и будут стараться свергнуть его. Все это у нас подготовлено, и потому действуй, и действуй скорее».

Прочтя это письмо, Кир задумался о том, как ему поступить, чтобы уговорить персов отложиться, и скоро нашел хорошее средство. Он написал письмо и затем собрал персов. Открыл перед ними письмо и, прочитав его, сказал, что Астиаг назначает его предводителем персов. «В силу этого, — присовокупил он, — приказываю вам, чтобы завтра каждый из вас явился с серпом».

Когда все снабженные серпами явились, Кир приказал им сжать в один день довольно большой участок поля. Персы исполнили заданную им работу. Кир приказал им на другой день явиться в праздничных одеждах. В то же время Кир велел согнать в одно место стада коз, овец и рогатого скота своего отца, заколоть их и приготовить разные кушанья для угощения персидского войска, для чего приказал принести еще вина и другие дорогие кушанья. Когда на другой день явились персы, он пригласил их расположиться на траве и приняться за пир. Когда они кончили есть, то он спросил их, какой день кажется им лучше: вчерашний или сегодняшний?

Персидская одежда

Они отвечали, что между ними чрезвычайная разница, ибо вчерашний день доставил им явную заботу, а сегодняшний — очевидную радость. Тогда Кир открыл им свой план в следующих словах:

«Мужи Персии! Таково и ваше положение. Если послушаетесь меня, то без рабского труда будете наслаждаться этим и другими удовольствиями; если же вы этого не желаете, то вам предстоят тысячи трудов, подобных вчерашнему. Послушайте меня и будете свободны! Я верю, что волею богов я призван к жизни для того, чтобы доставить вам свободу, и полагаю, что вы ни в чем не хуже мидян, по крайней мере, в отношении воинских доблестей. Поэтому скорее отлагайтесь от Астиага».

Персы, имея такого предводителя, охотно провозгласили себя независимыми, будучи давно уже недовольны господством мидян. Когда Астиаг узнал о том, что сделал Кир, то отправил к нему посла и потребовал его к себе. Кир через того же посла велел ответить Астиагу, что он прибудет раньше, чем Астиаг того желает. После такого ответа Астиаг вооружил всех мидян и как бы ослепленный богами поставил над ними предводителем Гарпага, забыв совсем, что он ему сделал. Когда мидяне сошлись с персами на поле битвы, то некоторые из них, ничего не зная о заговоре, вступили с ними в бой; другие же перешли на сторону персов; многие представились трусами и бежали.

Как только Астиаг узнал о постыдном бегстве индийского войска, то в гневе на Кира сказал: «Кир не должен так этому радоваться». После этих слов он приказал распять магов-снотолкователей, убедивших его оставить Кира в живых. Затем он вооружил в городе остальных мидян, молодых и старых, и вывел их в поле. Но в сражении с персами войско его было разбито, сам Астиаг взят в плен, а мидяне, которых он повел в битву, погибли.

К пленному Астиагу явился Гарпаг, ликующий и издевающийся. Между другими язвительными речами, играя словами о том угощении, которое приготовил ему тот из мяса его ребенка, он спросил его, по вкусу ли ему в сравнении с царской властью рабство,

ставшее последствием этого поступка. Астиаг, устремив на него взор, спросил его, не приписывает ли он себе дело Кира. Гарпаг отвечал, что это он побудил к тому Кира и тем отплатил за свою обиду. Тогда Астиаг назвал его безрассуднейшим и несправедливейшим. Безрассуднейшим потому, что, если бы он сам выполнил это дело, то мог сам сделаться царем, а не передавать власти другому; несправедливейшим же потому, что он обратил в рабство мидян ради своей мести. Если он не может оставаться царем и им должен быть другой, то лучше было бы отдать предпочтение мидянину, а не персу. Таким образом, ни в чем не повинные мидяне из господ должны сделаться рабами, а персы, бывшие до тех пор рабами мидян, сделаются их господами. Так окончилось господство мидян. Но Кир не прекратил своих завоеваний, а выступил против царства лидийского, процветавшего в Малой Азии.

3. Падение царства Лидийского при Крезе

(540 г. до Р. Х.).

Обширная, плодородная, богатая и прекрасная область, известная под именем Малой Азии, была населена многими народами различного происхождения. Восточную часть ее занимали киликийцы и каппадокийцы, принадлежавшие по языку и обычаям к сирийскому племени. Западная часть полуострова была занята фригийцами, карийцами, лидийцами и мизерийцами. Они были, вероятно, одного происхождения. Кроме того, вдоль морского берега жило множество переселившихся народов, среди которых особенно выделялись греческие колонии на западе и финикийцы на юге. Другие различные племена жили в горах, преимущественно на северо-востоке полуострова.

Это разнообразие различных племен породило множество отдельных государств, из которых раньше других прославились фригийское и лидийское. Затем в эти места вторглись киммерийцы и на некоторое время сделались повелителями всех этих народов. Однако лидийцы были настолько счастливы, что выгнали чужеземцев (около 564 г.), создали могущественное государство и скоро завладели большей частью Малой Азии. При царе Крезе, завоевавшем греческие колонии после продолжительной с ними войны его предшественников, власть лидийцев простиралась от берегов Средиземного моря до реки Галиса и до Памфилии и Ликии. Но государство это близилось к падению в то самое время, когда достигло своего высшего положения. Когда после Астиага, бывшего в свойстве с Крезом, власть перешла к Киру и принадлежавшая мидянам Каппадокия также была покорена персами, молодой завоеватель приблизился и к Лидийскому царству. Крезу скоро пришлось отважиться на решительный бой, в котором должна была решиться его участь и в котором лидийский царь нашел свою погибель. Но этому падению предшествовали происшествия такие необыкновенные и столь прославленные преданиями, сохраненными Геродотом, что мы намерены рассказать их здесь, ибо они живо изображают нравы и образ мыслей того времени.

Двор Крезе, как богатого, образованного и могущественного государя, был притягательным местом для всех людей, прославившихся в области наук и искусств, а так как он властвовал и над греками, то к нему являлись и знаменитейшие из них. В числе других гостей прибыл однажды к Крезу афинянин Солон, который после составления своих законов, о чем будет изложено ниже, путешествовал по Египту и Малой Азии. Крез принял его весьма радушно и несколько дней спустя приказал своим слугам проводить его по сокровищницам и показать все, что у него было самого лучшего и блестящего.

Когда Солон все осмотрел, Крез спросил: «Афинский пришелец! До нас дошел слух о твоих путешествиях, дошла великая слава о твоей мудрости. Поэтому я желаю спросить, видел ли ты где-либо человека счастливее меня». Солон, не привыкший льстить, а любивший говорить только правду, отвечал: «Да, государь. Афинянина Телла».

Крез удивился такому ответу и спросил с любопытством: «Почему считаешь ты Телла

самым счастливым?» Солон отвечал: «Этот Телл во время цветущего положения своего отечества имел, во-первых, прекрасных и добрых детей и от всех их видел внуков, и все они остались в живых. Но и эта, по нашим понятиям, счастливая жизнь заключилась блистательнейшим концом. Когда афиняне вступили в сражение со своими соседями при Элевсине, он помог обратить неприятеля в бегство и умер с величайшею славою. Афиняне похоронили его на общественный счет на том самом месте, где он пал, и почтили его великою честью».

Похвала Телла раздражила Креза, и он сказал: «Кого же ты считаешь счастливейшим после Телла?» Крез был уверен, что именно он займет второе место. Солон отвечал: «Клеобиса и Битона. Они, родом аргивяне, имели достаточное состояние и, сверх того, обладали большой физической силой. Поэтому оба они получали награды на общественных играх. Однажды был у них праздник, и мать их должна была ехать в храм. Но волю ее не вернулись вовремя с поля. А так как нельзя было терять время, то юноши сами запряглись в повозку и привезли мать в храм, проехав сорок пять стадий. Наградой за такой поступок была прекраснейшая смерть. Аргивские мужи прославили их добродетель, а аргивские жены похвалили их мать за обладание такими сыновьями. Мать, восхищенная поступком своих сыновей и общими похвалами, просила богиню даровать ее сыновьям лучшее благо в мире. По этой молитве, когда кончились жертвоприношения и жертвенная трапеза, юноши заснули в храме и больше не просыпались. Таким образом окончили они свою жизнь. Этим боги хотели показать, что человеку лучше умереть, чем жить. Аргивяне воздвигли юношам статуи и поставили их в Дельфах, чтобы каждый мог почитать их как достойнейших».

Таким образом, Солон предоставил Клеобису и Битону второе место благополучия. Недовольный Крез воскликнул: «О, афинский пришелец! Неужели ты так мало ценишь мое благополучие, что сравниваешь меня с двумя простыми гражданами?». Солон отвечал: «О, Крез! Меня ли, знающего, насколько боги завидуют и противодействуют -счастью людей, спрашиваешь ты о делах человеческих? В жизни своей человек должен видеть и переносить многое, чего он не желает. Жизнь человеческую я определяю в семьдесят лет, эти семьдесят лет составляют двадцать пять тысяч двести дней. Ни один из этих дней не похож на другой по своим случаям. Поэтому, о, Крез судьба человека подвержена превратностям. Мне известно, что ты очень богат и повелеваешь многими людьми. Но о том, о чем ты меня спрашиваешь, я могу сказать только тогда, когда услышу, что ты счастливо окончил свою жизнь. Потому что самый богатый человек не счастливее последнего бедняка, обеспеченного пропитанием лишь на один день, если счастье не остается ему верным до конца его жизни. Во всяком деле, о, государь! следует смотреть на конец его. Ибо многим боги дарят сначала благополучие, а под конец жизни лишают всего».

Солон, не только не доставивший своими речами удовольствия царю, но и не оказавший ему никакого предпочтения перед простыми людьми, был отпущен Крезом. Он показался ему весьма незнающим, так как предписывал ожидать окончания каждого дела, не придавая цены настоящему счастью. Однако вскоре после отъезда Солона Крезу пришлось испытать жестокий гнев богов, вероятно, за то, что он считал себя счастливейшим. Из двух сыновей своих, из которых один был немой, он потерял здорового. Этот сын был нечаянно убит дротиком на охоте.

Многолетняя скорбь о потере этого сына заставила его еще сильнее испытать ненадежность своего счастья. Но еще более тягостные испытания готовила ему судьба в лице Кира. Военное счастье этого персидского царя и гибель мидий-ского царства от его рук вывели Креза из печали. Он пожелал остановить возрастающее могущество персов.

Для этого он захотел воспользоваться советом оракула и обратился ко всем оракулам, находящимся в Греции и Ливии. Из них самыми знаменитыми были: оракул в Дельфах, посвященный богу Аполлону, и оракул в оазисе Сивахе, на запад от Египта, посвященный Юпитеру Аммонскому. Но прежде он решил испытать оракулов, и, если они окажутся правдивыми, тогда спросить их о том, должен ли он воевать с персами или нет. Из столицы Лидии, Сард, выехали послы, которые в двадцатый день со времени выезда должны были

спросить всех оракулов, что делает в этот день лидийский царь, записать их ответы и привезти царю. Что ответили другие оракулы, неизвестно; когда же лидийцы прибыли в дельфийский храм и обратились к божеству с заранее написанным вопросом, то пифия послам отвечала следующее:

От меня никогда не скрыта глубь моря, все песчинки;
Немых слышу я; понимаю не меньше глухих.
Обоняю теперь запах я черепашьего мяса,
С мясом ягненка варимого вместе в медном сосуде,
И медью ж покрытом.

Этот ответ пифии лидийцы записали и отправились с ним в Сарды. Когда возвратились остальные посланцы со своими ответами оракулов, Крез рассмотрел написанное. Большая часть ответов не понравилась ему. Когда же он услышал ответ дельфийского оракула, то ощутил благоговение и признал его единственно верным, так как тот сказал, что делал Крез. Ведь он, послав людей к оракулам, в назначенный день разрезал черепаху и ягненка и сварил их вместе в медном сосуде, покрытом медной же крышкой.

Желая снискать расположение божества, Крез послал в дар дельфийскому оракулу три тысячи животных и богатые подарки; среди них особенно знаменитыми были сто семнадцать золотых кирпичей, золотой лев, множество золотых и серебряных сосудов, золотая женская статуя в три локтя вышиной и, наконец, ожерелье и золотой пояс его супруги. При этом Крез приказал спросить, должен ли он начать войну против персов. Ответ был таков: «Если Крез выступит против персов, то разрушит большое государство». Вместе с тем оракул советовал ему заключить союз с сильнейшими из эллинских государств.

Услышав это прорицание, Крез очень обрадовался, потому что нисколько не сомневался, что он разрушит персидское государство. Он одарил каждого дельфийского жителя золотой монетой — статером. Так как он убедился в правдивости дельфийского оракула, то желал узнавать все больше и больше.

Фригийская и мидийская одежда

В третий раз он велел спросить оракула, долго ли будет продолжаться его царствование. Пифия отвечала ему следующее:

Когда над мидянами царствовать будет лошак,
Тогда легконогий лидянин беги к берегам каменистого
Гермоса,
Сопrotивление брось и не стыди-ся быть робким.

Этому ответу Крез обрадовался еще больше, чем предыдущему, так как предполагал, что лошак никогда не будет царствовать над мидянами вместо царя и что не только он, но и преемники его не потеряют своей власти. Затем он усердно стал разузнавать, кто из греков могущественнее. Он узнал, что важнейшими государствами греков были Спарта и Афины и что в это время наиболее могущественным государством была Спарта. Поэтому Крез отправил в Спарту послов с подарками и с предложением вступить с ним в союз.

Послы, прибыв в Спарту, передали слова Креза:

«О, лакедемоняне! Так как божество посоветовало мне заключить с греками дружбу и так как я узнал, что вы стоите во главе Греции, то во исполнение воли богов призываю вас сделаться моими друзьями и союзниками без обмана и коварства».

Лакедемоняне, уже слышавшие о прорицании оракула Крезу и обязанные царю за

оказанные им прежде услуги, обрадовались прибытию лидийцев и заключили с ними союз о взаимной помощи.

Крез также заключил союзы с двумя другими могущественными государствами того времени — вавилонским и египетским, которым также угрожало возрастающее могущество персов, но все эти договоры мало могли принести пользы Крезу, ибо быстрота Кира уничтожила все расчеты Креза.

В надежде на ложно понятое прорицание оракула Крез повел свое войско в Каппадокию, чтобы уничтожить власть Кира и персов. Когда он еще был занят приготовлениями к этому походу, один лидиец, славившийся своей мудростью, дал Крезу следующий разумный совет:

«О, царь! Ты намерен вести войну против людей, которые одеваются в звериные шкуры и едят не столько, сколько хотят, а сколько дает им их скудная земля. Сверх того, они пьют не вино, а только воду, и не имеют ни фиг, ни других каких лакомств. В случае твоей победы что можешь ты взять у них, когда они сами ничего не имеют? Напротив, если побежден будешь ты, то подумай, сколько потеряешь. Потому что, раз вкусив наших благ, персы так крепко усядутся здесь, что не дадут уже себя отсюда выгнать. Я благодарю богов за то, что они не навели персов на мысль напасть на лидийцев».

Действительно, до покорения Лидии персы не знали никакой изнеженности и удобств жизни. Однако эти речи не изменили образа мыслей Креза. У него по-прежнему осталось желание завоевать Каппадокию и отомстить за Астиага, и он торопился выступить с войском в поход. Придя к Галису, он переплыл эту реку на судах или, как говорит другое предание, по совету известного философа Фалеев Милетского, устроил на реке в виде полукружия идущий назад канал, из-за чего река сделалась возможной для перехода. Затем, опустошая все на своем пути, Крез вступил в Каппадокию. Кир, тщетно стараясь склонить азиатских греков отпасть от Креза, выступил против него со своим войском. В последовавшей затем битве обе стороны сражались без решительного для себя результата, и когда ночь разделила оба войска, то ни одно из них не одержало победы.

Крез сваливал вину на недостаточное число своих войск, так как Кир превосходил его численностью. Поэтому он решил отступить к Сардам, чтобы призвать себе на помощь туда египетских, вавилонских и лакедемонских союзников, а следующей весной снова напасть на Кира. Служившие ему против персов наемные войска он распустил на зиму. Персидский царь, узнавши об отступлении Креза, хотел было также распустить свое войско, но, по зрелом размышлении, решил как можно скорее идти к Сардам, чтобы явиться туда раньше, чем соберется второе лидийское войско. Кир совершенно внезапно для Креза появился на равнине близ Сард.

Крез, к величайшему своему смущению, убедился, что дела приняли совсем иной оборот, чем он ожидал. Тем не менее, он повел своих лидийцев в битву. В то время не было народа сильнее лидийского. Они сражались конные, носили длинные копья и считались лучшими всадниками. Оба войска расположились друг против друга на огромной, открытой, расстилавшейся перед Сардами равнине, по которой протекала река Гермос. Так как Кир опасался лидийской конницы, то, по совету Гарпага, сделал следующее. Он приказал снять выюки со всех верблюдов, служивших для перевозки провианта для войска, и посадил на них вооруженных людей. После этих приготовлений он приказал им идти впереди всего остального войска навстречу лидийской коннице. За верблюдами следовала пехота, а за пехотой — конница.

Это было сделано потому, что лошади боятся верблюдов и не переносят не только их вида, но даже и запаха. Гарпаг и придумал это, чтобы сделать для Креза бесполезной его конницу, которой так гордились лидийцы. И действительно, как только лошади почуяли и увидели верблюдов, они повернули назад. Но лидийцы не были трусливы и, как только заметили эту хитрость, соскочили с коней и вступили в бой пешими. Наконец, после

больших потерь с обеих сторон лидийцы были обращены в бегство и заперлись в своем городе. Персы осадили Сарды. Крез, надеясь, что осада затянется на долгое время, отправил послов ко всем союзникам с просьбой явиться к нему на помощь ранее договорного срока. Но при всей готовности союзников, в особенности спартанцев, они не могли прийти с такою же быстротою, с какою погибель настигла лидийского царя.

Хотя Сарды мужественно защищались, но один солдат из войска Кира по имени Гироиад нашел на стене место, оставленное без охраны, так как оно казалось неприступным. Он вознамерился взобраться туда. В том, что это было возможно, он убедился, увидев, как один лидиец, у которого упал шлем, спустился за ним и снова взобрался на стену. Гироиад вскарабкался в этом месте на стену, а за ним поднялись и другие персы, и таким образом, город после сорокадневной осады был взят. Креза Кир приказал ни в коем случае не убивать, а непременно захватить живым.

Однако он чуть-чуть не был убит. Какой-то перс, не знающий Креза, бросился на него и хотел убить. Крез заметил нападающего, но тяжкое горе сделало его равнодушным к смерти. Когда же глухонемой сын Креза увидел перса, устремившегося на отца, он вдруг обрел от страха и горя дар речи и воскликнул: «Человек! Не убивай Креза!» Это были первые слова, сказанные юношей, и затем уже до конца жизни он мог говорить.

Когда царственный пленник был приведен к персидскому царю, тот приказал воздвигнуть большой костер и возвести на него закованного в цепи Креза и с ним четырнадцать лидийских юношей как первенцев своей победы.

Стоя на костре, Крез вспомнил слова Солона, что ни один человек не может считать себя счастливым до самой своей смерти. Когда воспоминание об этом проникло в его душу, он после долгого молчания, прерываемого глубокими вздохами, трижды произнес имя Солона. Кир, услышав это, приказал через переводчиков спросить Креза, чье имя он призывает. Крез сказал: «Имя одного человека, беседа с которым могла бы быть полезной для всех государей». И он передал разговор, который у него когда-то был с Со-лоном. Тогда Кир подумал, что и он человек и что он также может испытать на себе превратности судьбы человеческой, и приказал потушить огонь, а Креза снять с костра.

При этом Киру пришлось убедиться, насколько Крез был добродетельный и любимый богами человек. Когда по приказанию персидского царя старались потушить костер и не могли справиться с разгоревшимся пламенем, Крез, заливаясь слезами, обратился к Аполлону. Тотчас же ясное небо заволокло тучами и проливной дождь загасил огонь.

Крез на костре (с греческой вазы)

Крез послал в Дельфы свои цепи с вопросом, неужели греческие боги так лживы и неблагодарны. Пифия же указала на неизбежность судьбы, предназначившей Крезу это несчастье, и на собственную беспечность лидийского царя, так как он при первом прорицании оракула не спросил, о каком именно государстве шла речь; а при втором не догадался, что под именем лошака можно было подразумевать Кира, рожденного от родителей не только разного происхождения, но и различного состояния. Тогда Крез понял, что он должен был обвинять себя, а не богов, и стал терпеливее переносить свою судьбу, которую персидский царь облегчил тем, что ради его ума и опытности сделал его своим другом.

Благодаря этой дружбе и своему влиянию Крез в скором времени спас свой народ и в особенности город Сарды от совершенного уничтожения. Кир вместе с Крезом покинул Лидию, оставив в Сардах своего главнокомандующего, а надзор над захваченными лидийскими сокровищами поручил лидийцу по имени Пактиес. Но этот Пактиес, тотчас после отъезда Кира из Сард, поднял восстание, на эти сокровища собрал наемное войско и осадил Сарды. В наказание за это Кир хотел обратить в рабство всех лидийцев.

Тогда Крез сказал ему:

«О, Царь! Не дай гневу всецело овладеть тобой и не разрушай старинный город, нисколько не виновный ни в прошлом, ни в настоящем. В прошлом виноват я, что и искуплено мною, а в настоящем Пактиес, за что он и должен претерпеть наказание. Лидийцев же прости! А для того, чтобы они впредь не восставали и не были опасны, обяжи их следующим. Запрети им носить оружие, прикажи носить исподнее платье и высокие башмаки. Установи, чтобы они учили своих детей играть на цитре, пению и мелочной торговле. Тогда, царь, ты скоро увидишь, что из мужчин они превратятся в женщин, и тебе не придется более опасаться, что они отпадут от тебя».

Крез дал такой совет, потому что считал это более выгодным для лидийцев, чем обращение в рабство. Кир одобрил совет, приказал привести его в исполнение и продолжал свой поход. Гарпага он однако оставил, чтобы покорить карийцев и другие мелкие народы, в особенности греческие колонии, за исключением Милета, с которым Кир заключил мирный договор.

Остальные греки также желали этого, но Кир был ими недоволен за то, что они не пожелали покинуть Креза, когда персидский царь предлагал им это раньше. Когда явившиеся к нему послы сказали, что греки желают подчиниться Киру на тех же условиях, на каких только что перед этим подчинились лидийцы, Кир отвечал им следующее:

«Один флейтист, увидевший в море рыбу, начал играть на флейте, воображая, что она выйдет на берег. Когда же он увидел, что обманулся в своих ожиданиях, то взял сеть, поймал в нее множество рыбы и вытащил ее на берег. Когда он увидел, как запрыгали рыбы, то сказал им: пляшите теперь за то, что не хотели плясать тогда, когда я играл на флейте».

Кир

Кир так и поступил. Гарпаг захватил в крепкую сеть его могущества всех азиатских греков. Однако Кир оставил им их учреждения. Над ними он поставил правителей, так называемых тиранов, то есть знатных греков, которые были преданы персам и стали в некотором роде высшими чиновниками. Только два города, Фокея и Теос, избегли рабства тем, что жители выселились из них. Фокейцы отправились сперва на Корсику, а позднее — в Массилию. Теосцы основали город Аб-деру во Фракии. Абдера прославилась глупостью своих жителей. Ионийцы не последовали совету мудреца Бианта из Приены (он был одним из семи греческих мудрецов) вообще оставить Ионию. Эта область стала местом, где сталкивались между собой европейские греки и персы. Страшась угроз персов, азиатские греки обратились к Спарте с просьбой о помощи. Спартанцы отправили в Азию послов и велели сказать персидскому царю, чтобы он не захватывал ни одного греческого города, так как Спарта не будет смотреть на это равнодушно. Но Кир велел им ответить следующее: «Я никогда не боялся людей, имеющих среди своего города место, где они сходятся, чтобы под видом клятв обманывать друг друга. Если я останусь здоров, то им придется сожалеть не о страданиях ионийцев, а о своих собственных». Здесь он смеялся над всеми эллинами, так как они имели базарные площади; у персов же таковых не было.

4. Падение царства Ново-Вавилонского. Смерть Кира.

Покорив таким образом царство лидийское и включив его в состав персидской монархии, Кир возвратился в Малую Азию, чтобы наказать союзников Креза и из них прежде других Набунагида, правителя незадолго перед тем образовавшегося халдейско-вавилонского государства. Соправителем Набунагида был Валтасар.

Столица этого государства, Вавилон, благодаря своему великолепию, громадности, многочисленному населению и богатствам, стала целью его наступления, что однако было далеко не легко, так как благодаря своим укреплениям этот город мог оказать сильное сопротивление. Крепкие, соединенные цементом из асфальта стены, настолько широкие, что на них могла повернуться повозка, расположены были вокруг города сплошным кругом. Протекавший через город Евфрат разделял его на две равные части; в одной из них стоял великолепный дворец царя, а в другой — роскошный храм Бела, с вершины которого халдеи производили свои астрономические наблюдения. Внутри города по обоим берегам реки возвышались стены, к которым сходились поперечные улицы обеих его частей. Эти стены могли запирались медными воротами так, что обе части города могли быть совершенно разобщены между собою. За городом, между обеими реками, Тигром и Евфратом, пролежала так называемая мидийская стена, для удержания вражеских нападений мидян, страшных до персидского нападения.

Но теперь явились новые враги, «которые не ценят ни серебра, ни золота, чьи стрелы пронзают столько юношей, враги, которые остаются безжалостны даже к детям в утробах матерей». На пути к Вавилону Кир подошел к реке Гинд. Один из белых коней, посвященных солнцу, бросился в реку, но был увлечен быстрым течением и погиб в водовороте. Тогда Кир страшно разгневался на реку и повелел сделать ее столь мелкой, чтобы даже женщины могли легко перейти ее, не замочив колена. Разделив свое войско на две части, царь расположил воинов по берегам реки и приказал выкопать 180 прямых, как стрела, каналов. В эти каналы была спущена вода и ослаблено таким образом течение реки. На эту работу пришлось затратить целое лето.

Развалины Вавилона

Так наказал Кир реку Гинд. Но при этом он мог иметь и другую цель — сделать реку удобной и безопасной для перехода войска. Такой проницательный и опытный полководец, как Кир, не потратил бы для этого целого лета и тем самым не дал бы вавилонянам времени увеличить свои оборонительные средства.

Таким образом вавилоняне имели достаточно времени собрать в своем городе столько съестных припасов, что, будучи разбиты Киром в сражении, они отступили в город и за его стенами могли не обращать внимания на осадившего их Кира. Долго персидский царь стоял перед оборонительными валами города, возведенными Валтасаром, борясь с тысячью затруднений, не достигнув цели. Только благодаря одной хитрости, удалось привести тщетные до тех пор попытки к счастливому окончанию.

Кир приказал лучшим своим войскам занять места по обе стороны города, а именно там, где входит и выходит из него Евфрат, с приказанием ворваться в город тогда, когда они заметят, что река настолько обмелела, что ее можно перейти вброд. Сам же он с остальной частью войска направился к одному озеру, лежавшему недалеко от города и устроенному когда-то царицей Нитокрисой для отвода течения реки. Этим озером воспользовался Кир и при помощи канала отвел в него течение реки, из-за чего она внезапно настолько обмелела в своем старом русле, что его можно было перейти вброд.

Войска тотчас спустились в реку и вошли в город. Вторжение это было произведено так неожиданно, что вавилоняне не успели принять никаких мер к обороне. Они могли бы, заперев ворота, поймать как в сети персов, вошедших в русло реки. Однако персидское войско слишком внезапно напало на вавилонян, а Вавилон был столь огромным, что горожане, жившие в центре, не знали, что враги уже заняли окраины, и еще долгое время продолжали беспечно торжествовать какое-то празднество, когда неприятель находился уже в городе.

Вдруг среди праздничного веселья раздался воинственный клич персов, и пораженная толпа дала изрубить себя без сопротивления. Сам Валтасар погиб в суматохе, а царский

дворец сгорел в огне. Набунагид сдался и был помилован. Своим благоразумным поведением он приобрел даже благосклонность персов и был назначен Киром правителем одной из провинций. Ему пришлось пережить падение великого Вавилонского царства, охватывающего, кроме Халдеи и Ассирии, Сирию и Палестину и перешедшего теперь в руки персов.

Теперь Кир с тревогой смотрел на усиление Египта. Поэтому со стороны Кира было благоразумной мерой позволить евреям после падения Набунагида возвратиться в Палестину. Он желал иметь преданный и энергичный народ на границе с Египтом, столкновение с которым рано или поздно должно было произойти. Этим дозволением воспользовались сорок две тысячи большею частью бедных людей из колен Иудина и Вениаминова. Их предводителями были Зерувавел и первосвященник Иесуя (536 г. до Р. Х.). Они немедленно принялись за восстановление иерусалимского храма и, несмотря на неприязненные отношения самаритян, в 565 году закончили его.

Безопасность границ прежнего мидо-бактрійского государства или другие какие причины принудили Кира повести свои войска против народов, кочевавших на севере Малой Азии, по обеим сторонам Каспийского моря. Самым многочисленным и богатым из этих народов были массагеты.

Массагетами правила царица Томириса. Кир отправил к ней послов с предложением вступить с ним в брак. Но Томириса, верно угадав, что он помышляет не столько о ней, сколько о том, чтобы завладеть властью над массагетами, отклонила его предложение. Тогда Кир подошел к Яксарту (ныне Сыр-Дарья) на востоке от Каспийского моря с целью напасть на мас-сагетов. Он построил мосты для перехода через реку своих войск и суда для их перевозки.

Когда он был занят этими приготовлениями, Томириса отправила к нему посла и приказала сказать следующее: «Царь мидян! Отступишь от своего намерения. Ведь ты не можешь знать заранее, пойдет ли тебе на благо сооружение этих мостов. Оставь это, царствуй над своей державой и не завидуй тому, что мы властвуем над нашей. Но ты, конечно, не захочешь последовать этому совету, а будешь действовать как угодно, но не сохранять мир. Если ты так страстно желаешь напасть на массагетов, то прекрати работы по строительству моста через реку. Мы отступим от реки на три дня пути, а ты между тем перейди в нашу страну. Если же ты предпочитаешь, чтобы мы пришли к тебе, сделай то же самое со своей стороны».

Получив этот ответ, Кир созвал знатнейших персов и изложил положение дел, чтобы рассудить, как ему поступить. Все мнения сошлись на том, что следует ожидать Томирис с ее войсками здесь, на своей стороне.

Но присутствующий на совете Крез не одобрил это решение и сказал: «О, царь! Я уже раньше обещал тебе сколь возможно отвращать всякую беду, грозящую твоему дому. Мои столь тяжкие страдания послужили мне наукой. Если ты мнишь себя бессмертным и во главе бессмертного войска, то мое мнение тебе бесполезно. Если же ты признаешь, что ты только человек и царствуешь над такими же смертными людьми, то пойми прежде всего вот что: существует круговорот человеческих дел, который не допускает, чтобы одни и те же люди всегда были счастливы. По предложенному вопросу я имею иное, совершенно противоположное мнение. Если ты допустишь врагов в нашу собственную землю, то вот какая грозит нам опасность: потерпев поражение, ты погубишь всю свою державу. Ведь совершенно ясно, что одолев тебя, массагеты не побегут в свою сторону, но вторгнутся в твои владения. Если же победа будет на твоей стороне, то ты извлечешь из нее пользы меньше, чем, победив их по ту сторону реки и имея возможность преследовать их в бегстве. Разбив неприятеля, ты будешь иметь возможность отнять у Томирисы ее царство. Кроме того, было бы постыдно Киру, сыну Камбиза, уступить женщине власть в своем государстве. Так вот, по-моему, нам следует перейти реку и затем проникнуть в глубь страны, насколько враги отступят, и постараться одолеть их. Как я узнал, массагетам совершенно не знакома роскошь персидского образа жизни и недоступны ее наслаждения. Поэтому нужно устроить

в нашем стане обильное угощение для этих людей, зарезав множество баранов и выставить огромное количество сосудов неразбавленного вина. Приготовив все это, с остальным войском, кроме самой ничтожной части, снова отступить к реке. Враги при виде такого обилия яств набросятся на них и нам представится возможность совершить великие подвиги».

Кир отверг первое мнение и принял совет Креза. Царь известил Томирису, что она должна отступить, так как он намерен переправиться в ее владения. Верная своему прежнему обещанию, Томириса отступила. После этого Кир передал Креза своему сыну Камбизу, назначенному им своим преемником, и настоятельно внушал сыну почитать Креза и обходиться с ним хорошо, в случае, если нападение на масса-гетов окончится несчастливо. Затем он отослал их обоих в Персию, а сам с войском переправился через реку.

Пройдя один день, Кир привел в исполнение план Креза. Для этого он с отборнейшими войсками снова отступил к Араксу, а худшую часть войска оставил на месте. Тогда третья часть войска массагетов напала на оставленных Киром воинов и перебила их. После победы, увидев выставленные яства, массагеты уселись пировать. Наевшись и напившись, они улеглись спать. Вернувшиеся персы убили большую часть врагов, а еще больше захватили в плен. В числе пленников был и сын царицы, предводитель массагетов, по имени Спаргапис.

Томириса, узнав об участии своего войска и сына, отправила к Киру посла с такими словами: «Кровожадный Кир! Не кичись этим своим подвигом. Не силой оружия в честном бою, а соком виноградной лозы, который и вас лишает рассудка, когда, напившись, вы начинаете произносить непристойные речи, — вот этим-то зельем ты коварно одолел моего сына. Поэтому прими от меня благой совет. Возврати мне моего сына и оставь эту страну, безнаказанно торжествуя победу над третьей частью массагетского войска. Если же ты этого не сделаешь, то, клянусь тебе именем солнца, божеством массагетов, я действительно напою тебя кровью, как бы ты ни был ненасытен.

Гробница Кира

Кир не обратил никакого внимания на слова посла. А сын царицы Спаргапис, когда хмель вышел у него из головы, понял свое бедственное положение и попросил Кира освободить его от оков. Лишь только царевич был освобожден, он умертвил себя.

Томириса собрала все массагетское войско и напала на персов. Эта битва была самой жестокой из всех битв между варварскими народами. Сначала противники, стоя друг против друга, издали стреляли из луков. Исчерпав запас стрел, они бросились в рукопашную, поражая друг друга копьями и мечами. Долго бились противники, и никто не желал отступать. Наконец, массагеты победили. Значительная часть персидского войска осталась на поле сражения, и сам Кир был убит.

Томириса наполнила винный мех человеческой кровью и велела отыскать среди павших персов труп Кира. Когда тело Кира нашли, царица велела всунуть его голову в мех. Затем, издеваясь над покойником, она стала приговаривать так: «Ты все же погубил меня, хотя я осталась в живых и одолела тебя в битве, так как хитростью захватил моего сына. Теперь я напою тебя кровью, как я тебе обещала и угрожала». Так окончил свою жизнь Кир в 529 году до Р. Х. после почти тридцатилетнего царствования.

Благодаря Киру множество мелких азиатских государств были объединены в одно огромное персидское государство. После того, как к нему присоединился и Египет, это государство сосредоточило в себе всю культуру древнего исторического мира.

5. Псамметих I и последние фараоны.

(655...345 г. до Р. Х.).

Псамметихом начинается XXVI династия. Он при помощи лидийского царя Гигеса, приславшего ему ионийских и карийских наемников, свергнул ассирийское иго, и Египет вернул самостоятельность и стал иметь своих собственных государей. Псамметиху вскоре пришлось защищать свои восточные границы. Произошло это вследствие того, что он расположил постоянным лагерем на пелузийском рукаве Нила ионийцев и карийцев, «медных людей, вышедших из моря», как описал их оракул в городе Бутисе. Принятие на службу чужеземных войск, без сомнения, повлекло за собой ряд затруднительных последствий. Существовавшая до тех пор замкнутость Египта теперь кончилась. Псамметих открыл для чужеземцев египетские гавани, дозволил им свободу торговли и разрешил селиться внутри страны. Греки воспользовались этим как нельзя лучше. Они явились в значительном числе. Центральным пунктом их торговли стал город Навкратис. Они сумели так понравиться царю, что он заставил молодых египтян, в том числе и своего собственного сына, изучать греческий язык и обычаи. Негодуя на большие преимущества греческих наемников, получивших много земельных участков и пользовавшихся такой заботой со стороны царя, что пророк Иеремия сравнивал их с упитанными тельцами, большая часть касты воинов, около двухсот тысяч человек, покинула Египет и переселилась в Эфиопию, вследствие чего Псамметих понес значительную потерю в оборонительных средствах и получил соседство, которое при случае могло оказаться весьма опасным.

Гораздо лучше он поставил себя в отношении жрецов. К удовольствию их, он восстановил богослужение в прежнем блеске. Он окружил священный храм Фта в Мемфисе стеной и прибавил с южной стороны ворота. Напротив их он построил для Аписа окруженный колоннами двор с украшенными резьбой стенами. Его царский дворец в Саи-се представлял величественное сооружение. При Псамметихе I вторично пышно расцвело египетское искусство. Постройки этого времени отличаются легкостью, красотой и естественностью. Высокой степени изящества достигает иероглифическое письмо. Но по своим размерам это обновленное искусство все-таки не может померяться с произведениями времен Рамессидов.

После Псамметиха I на египетский престол в 610 году до Р. Х. вступил его сын Нехаб. Выше было рассказано о его злополучной попытке распространить господство Египта на Сирию, окончившейся жестоким поражением при Кархе-мише. Подобно отцу, он обратил свое внимание на поднятие мореплавания и торговли. С этой целью он задумал соединить Нил каналом с Красным морем. Но это предприятие по разным причинам осталось невыполненным. Он также принял к себе на службу финикийцев для путешествий с целью открытий.

Кратковременное царствование его преемника Псамметиха II (595...589 г. до Р. Х.) не оставило почти никаких следов.

Мало чем замечателен был и внук Нехао Хофра (589...570 г. до Р. Х.). Он везде и во всем был несчастлив. Навуходоносор разбил его, когда он хотел пойти на помощь к иудейскому царю Седекии. Но роковым был для него поход против греческой колонии Кирены в Ливии. Так как было бы неблагоразумным послать против киренян греческих наемников, которые при этом должны были бы сражаться со своими соотечественниками, то Хофра отправил в поход против Кирены египетские войска. Египтяне потерпели при местечке Иразе поражение и, обращенные в бегство, понесли такие жестокие потери, что лишь самые ничтожные остатки войска вернулись в свое отечество. Тогда в народе начались смуты, так как думали, что Хофра умышленно пожертвовал египетскими войсками, чтобы избавиться от ненадежных людей. Хофра послал для усмирения возмущившихся бунтовщиков военачальника Ама-зиса, человека хотя и низкого происхождения, но пользовавшегося всеобщей любовью за ум и открытый характер. Но, когда Амазис хотел обратиться к возмущившимся с речью, то один солдат надел ему на голову шлем и громогласно провозгласил его царем, что было охотно принято Амазисом. Хофра, несмотря на то, что его войско численно превосходило войско мятежников, был взят в плен и убит разъяренной чернью.

Едва Амазис вступил на престол, как пошел по стопам Псамметиха, покровительствуя всему греческому, но при этом он не пренебрегал и египетским.

Псамметих II

Кроме двух жен гречанок, Лаодикеи и Себастеи, он имел женами двух египтянок, из которых одна была дочь Псамметиха II. Ее сыну он дал имя Псамметих, желая показать, что тот является наследником престола. Несмотря на расположение к грекам, Амазис был любим египтянами за свою необыкновенную заботливость об их благосостоянии. Поощрялось земледелие, была увеличена и улучшена сеть каналов, развивалась торговля. Геродот так пишет об этом времени:

«Египтяне в его царствование находились в счастливейшем положении, потому что на все было обращено внимание, равно как и на то, какое влияние на землю могла иметь река, а земля на человека, и при этом было двадцать тысяч населенных городов».

В особенности процветали Мемфис и города в дельте. Среди них был необыкновенно украшен город Саис. Здесь у храма Нейты Амазис воздвиг пропилеи (портик с колоннами), которые высотой, величиной и доброкачественностью материала превосходили все остальное: они были сооружены из камня, добытого в гранитных каменоломнях Мемфиса и острова Элефантины. Эти пропилеи были украшены колоссальными статуями, и к ним вела длинная аллея из сфинксов. Там же находились два больших обелиска и часовня, высеченная из одного куска камня. Три тысячи лоцманов в течение трех лет были заняты перевозкой этих колоссов из Элефантины в Саис. Усыпальницу свою Амазис устроил в Саисе возле усыпальниц Псамметихов, законным преемником которых он хотел считать себя.

В ломке старины Амазис пошел еще дальше Псамметихидов. Он больше не соблюдал в отношении к своему царскому достоинству и при своем царском дворе древнего церемониала, но предавался веселому наслаждению жизнью в греческом духе. Особенно он любил весело пировать со своими приближенными. Но скоро на горизонте этой блестящей жизни показалась тяжелая грозовая туча: могущественно возраставшее при Кире персидское государство. С боязливой тревогой приходилось под конец своей жизни думать Амазису о будущем, когда он увидел, как опасный враг все ближе и ближе придвигался к его восточным границам. Однако он умер прежде, чем сыну Кира, Камбизу, суждено было ступить на египетскую землю в качестве победителя.

Амазис известен также по своим дружеским отношениям к Поликрату, правителю острова Самос. В то именно время, когда острова Хиос и Лесбос подчинились персам, Самос под управлением Поликрата остался независимым (536 г.). Поликрат построил великолепный флот из восьмидесяти тяжелых и ста легких кораблей и при его помощи успешно отстаивал свою независимость от персов до тех пор, пока Камбиз не собрал у берегов Финикии для похода против египтян корабли малоазиатских приморских городов, финикийцев и жителей Кипра. Тогда Поликрат был вынужден также подчиниться Камбизу и послал ему сорок хорошо вооруженных кораблей. (О дальнейшей судьбе Поликрата будет рассказано ниже).

V. ГРЕКИ.

Первоначальная история

1. Начало греческих государств.

Начало греческой истории скрывается во мраке сказочных преданий. Результаты исследований показывают, что обитатели Греции являлись арийскими (индо-европейскими) племенами и переселились в Европу из Азии. Первыми упоминаются пеласги и эллины. Пеласги — мирные земледельцы и скотоводы, они жили в основном на плодородных равнинах Фессалии и Арголиды. Их богослужение было просто, без идолов и храмов. Главным их божеством был Зевс, а главнейшим городом его поклонения Додона с древним оракулом, жрецы которого выводили свои предсказания из шелеста листьев священного дуба или из журчания протекавшего там ручья. Этим древнейшим жителям Балканского полуострова приписывают сооружение колоссальных построек из исполинских каменных глыб, так называемых «циклопических» построек. До настоящего времени сохранились львиные ворота в Микенах и сокровищница Атрея. В окрестностях Микен немецкий археолог Шлиман в 1876 и 1877 годах обнаружил множество могил, в которых находилось оружие, инструменты, сосуды, золотые украшения, и плиты с барельефами. Все это принадлежало, очевидно, еще к доэллинскому периоду искусства.

Львиные ворота в Микенах

Эллины, напротив, отличались от пеласгов воинственной предприимчивостью и подвижностью. Благодаря этим качествам, они возвысились до положения господствующего племени, и еще до окончания дорических расселений название «эллины» вошло во всеобщее употребление как общее, собирательное для всего народа. У Гомера греки, осаждавшие Трои, называются «аргивянами», «ахейцами» или «данайцами».

Эллины по наречиям и обычаям разделялись на четыре племени: эолийцы, дорийцы, ахейцы и ионийцы. Эолийцы обитали преимущественно в южной Фессалии, дорийцы — в названной по их имени области Дориде, ахейцы — в Арголиде, Лаконии и Элиде, и ионийцы — в Аттике и Мегаре (до Истмийского перешейка) и на соседних островах. По преданию, свидетельствующему о связи греческой культуры с восточной, в особенности с финикийской и египетской, к этим первоначальным жителям присоединились многие переселенцы.

Аполлон и Артемида поражают детей Ниобеи (с древнего саркофага)

Так, в 1550 году до Р. Х. из Саиса, в Нижнем Египте, переселился в Аттику Кекропс. Он был принят тамошним царем и женился на его дочери. Кекропс привел в порядок богослужение, установил браки и судилища, среди которых находился и знаменитый впоследствии ареопаг, и построил названную по его имени крепость Кекропию. Таким образом, он положил первое основание гражданского устройства и безопасности будущего афинского государства, чем и заслужил название основателя его. Девятому из числа его преемников, Тезею, как о том будет рассказано ниже, удалось еще более сплотить население этого государства и тем самым возвысить его могущество.

Из Финикии в Беотию прибыл Кадм. Он принес с собою письмена, научил обработке руды и другим ремеслам, ввел новое богослужение и основал город Кадмею, на месте которого четвертый из его преемников, Амфион, построил впоследствии город Фивы и переименовал кадмеян на фивян. Судьбы следовавших за ним правителей Фив послужили впоследствии трагическим поэтам темами для самых разнообразных произведений и повели к многочисленным войнам. В Аргосе поселился Данай из Хеммиса в Египте и положил там начало новой династии.

Ниоба

Этот Данай выдал замуж пятьдесят своих дочерей Данаид за сыновей своего брата Египта. Но так как оракул предсказал ему, что один из них лишит его престола и жизни, то он приказал всем своим дочерям умертвить мужей в одну ночь. Они исполнили это приказание; только одна из них — Гипермнестра пощадила своего мужа Линкея. За такое преступление Данаиды присуждены были нести наказание в загробном мире: бесконечно носить воду в бездонную бочку. Подобно многим другим мифам, этот миф олицетворяет определенное явление природы: Данаиды, вечно наполняющие водой бездонную бочку, — это ежегодно высыхающие реки и ручьи сухой Аргосской области.

Преемники Даная впоследствии основали три государства: в Аргосе, Тиринфе и Микенах. Более поздним переселенцем из Фригии был сын Тантала — Пелопс, от его имени произошло название Пелопоннеса — полуостров Пелопса. Его преемники владели тремя областями Пелопоннеса: Элидой, Арголой и Лаконикой и дали этим древним государствам особых правителей.

Судьба Пелопидов необыкновенно трагична. Уже между двумя сыновьями Пелопса, Атреем и Фиестом, господствовала непримиримая вражда, проявившаяся в ужасных злодеяниях. Однажды Атрей сделал вид, что желает примириться с Фиестом и пригласил его к себе на пир. Тот, ничего не подозревая, пришел в дом к Атрею, а Атрей зарезал его сыновей и накормил отца их мясом. Третий сын Фиеста Эгисф за это убил Атрея. Сыновья Атрея, Агамемном и Менелай, бежали в Спарту.

2. Героический период греческой истории

Героический период включает в себе мифы о героях. Герои — это полубожественные существа, стоящие на промежуточной ступени между богами и людьми. Чаще всего один из родителей героя был какой-нибудь бог.

а) Главные герои и их подвиги.

Геракл, сын Зевса и смертной женщины Алкмены был национальным героем дорийцев. Его всю жизнь преследовала ревнивая жена Зевса Гера. Будучи еще младенцем, он задушил двух змей, положенных ему в колыбель Герой. Достигнув юношеского возраста, Геракл в нерешительности остановился на жизненном распутье. Тогда предстали перед ним две женщины: Арета (добродетель), скромная и простодушная, и Какия (порок), бесстыдная и сладострастная. Каждая из них старалась склонить его идти по ее дороге; он последовал за первой. Когда он вполне возмужал, то любимейшими занятиями его сделались охота и война. По приказанию микенского царя Эврисфея, Геракл совершил двенадцать подвигов. Из числа их особенно примечательны битва с немейским львом, которого он задушил и с тех пор стал носить на плечах львиную шкуру; битва с лернейской гидрой, у которой на месте одной отрубленной головы вырастали две новые. Затем он в один день очистил Авгиевы конюшни, вмещавшие в себе три тысячи быков; потом завладел поясом Ипполиты, царицы мужеподобных амазонок, и вывел из подземного царства адскую собаку Цербера. Из других походов Геракла можно упомянуть битву его с ливийским великаном Антеем, получавшим при каждом соприкосновении с матерью-землей новую силу; Геракл приподнял его и задушил.

Геркулес (Фарнезе)

Далее следует комическая битва с карликами-пигмеями, напавшими на героя во время

сна; он собрал их в свою львиную шкуру и отнес в Микены.

Но и Геракл подвергся гонению рока. Он влюбился в прекрасную Иолу и этим возбудил ревность в своей супруге Деянире. Деянира послала ему праздничную одежду, пропитанную ядом. Лишь только Геракл надел ее, как яд проник в его тело. Мучимый жестокой болью, он старался сорвать с себя одежду и вместе с нею вырвал кусок мяса. В отчаянии Геракл воздвиг костер, чтобы в его пламени окончить свои страдания, но был внезапно подхвачен облаком, на котором, управляя четверкой лошадей, проносилась Афина-Паллада, и вознесен на Олимп. Там он получил бессмертие и женился на богине вечной юности Гебе.

Тезей, сын царя Эгея в Аттике, был национальным героем ионийцев, в особенности афинян, считавших его творцом их политической самостоятельности. Уроженец Трезена, он очистил дорогу в Афины от разбойников и чудовищ. Прежде всего он убил сосногибателя Синида, который соединял две сосны вершинами, привязывал к ним ногами путешественников и таким образом разрывал их на части. Потом уничтожил Прокруста-вытягивателя, названного так за то, что он малорослых вытягивал на своей длинной кровати, высоких же укладывал на короткую и обрубал им ноги. Но величайшую заслугу Тезей получил из-за того, что освободил Афины от постыдной человеческой дани. Каждые семь лет, по приказанию критского царя Миноса, афиняне должны были посылать семь юношей и семь девушек в жертву чудовищу Минотавру, которое жило в лабиринте, построенном знаменитым мастером Дедалом.

Кентавр

В третий раз наступило время платить эту ненавистную дань. Отцы и матери рыдали, юноши и девушки воплями оглашали город, и жребий должен был решить, кому из них суждено быть принесенным в жертву. Тогда выступил вперед Тезей и предложил себя добровольно в число четырнадцати молодых людей, надеясь освободить при этом свою родину навсегда от этой дани. Он приказал кормчему вместе с черным парусом, поднимаемым в знак безнадежного траура, взять на корабль и белый парус, чтобы при возвращении поднять его в знак полного освобождения. Когда Тезей прибыл на остров Крит, то влюбившаяся в него дочь Миноса, Ариадна, дала ему клубок, при помощи которого он должен был выбраться из лабиринта после того, как убьет Минотавра.

Тезей, побеждающий Минотавра

Тезей уничтожил это чудовище и таким образом прекратил позорную дань. На обратном пути он заехал на остров Делос. Здесь, во исполнение данного им обета и в благодарность Аполлону за дарованную ему победу, он установил танец, в котором подражали извивам лабиринта.

Приближаясь на своем корабле к Аттике, Тезей забыл приказать кормчему поднять белый парус. Его отец Эгей, с беспокойством ожидавший возвращения сына, едва заметил вдали черный парус, бросился со скалы в море. У остальных граждан, охваченных на мгновение тем же скорбным чувством, страх сменился восторгом с прибытием Тезея. Герой был встречен громкими радостными восклицаниями и, как избавитель от дани, был единодушно и единогласно провозглашен царем. Корабль, на котором Тезей совершил свою поездку, ежегодно украшали по-праздничному и посылали на остров Делос в честь Аполлона.

Но Тезей задумал совершить еще более великое благодеяние — произвести в своем отечественном законодательстве важные перемены.

Уже Кекропс разделил Аттику на двенадцать небольших областей, постепенно

сделавшихся независимыми и часто находившихся между собой, вместо взаимных мирных и дружеских отношений, в ссоре и вражде. Из-за этого власть общего главы государства являлась крайне ограниченной. Для пресечения этого зла Тезей посетил все отдельные области, предложил уничтожить существовавшие в них судейские и правительственные должности и учредить один общий для всех суд в главном городе, которым впоследствии стали Афины. Чтобы вознаградить знатных и сильных, игравших в отдельных областях первенствующую роль, он предоставил им значительное участие в управлении государством, оставив на долю своей царской власти лишь предводительство на войне и наблюдение за исполнением законов.

Предложение это было одобрено, так как опасались выступлений бывшей на стороне Тезея беднейшей части населения, самой ограниченной в своих правах. Так совершилось дело объединения, воспоминание о котором ежегодно отмечалось афинянами торжественным праздником, который назывался синойкия (сожительство). Об этом же событии напоминал и другой, справляемый с необыкновенным великолепием, праздник в честь богини Афины, первоначальное название которого «афинеийский» Тезей изменил на «панафинеийский», то есть праздник всех афинян. Сверх того, Тезей заботился об увеличении населения Афин. Для этого он обещал дать права гражданства чужеземцам, которые не замедлили в большом количестве устремиться в Афины.

Для установления правильных взаимных отношений Тезей разделил всех граждан на три основных сословия: эвпатридов (т.е. благородных), занимавших правительственные должности, толковавших законы и наблюдавших за богослужением, земледельцев и ремесленников, не имевших доступа к вышеозначенным должностям.

Такие важные перемены не могли обойтись без многократных волнений, направленных против Тезея. Один из эвпатридов, Менестей, завидуя славе и положению Тезея, старался озлобить знатных граждан, которые с трудом терпели Тезея, за то, что он лишил их прежнего могущества в собственных областях.

Тезей (с античной статуи)

Менестей подстрекал к бунту и простой люд, внушая ему, что его свобода призрачна, что Тезей погубил отечество, лишив его собственных святынь, и теперь вместо многих царей, законных и добрых, народ подчиняется одному владыке, который к тому же пришелец и чужеземец.

Все это привело к тому, что Тезей потерял любовь и уважение народа. Отправившись на некоторое время из Афин для совершения военных подвигов, при возвращении в Афины он встретил вместо прежней покорности всеобщее сопротивление. Отчаявшись в успехе своего дела, он удалился на остров Скирос, где имел право на отцовское наследство и с царем которого, Ли-комедом, находился в дружеских отношениях. Но, потому ли, что Ликомед считал Тезея для себя опасным или был в тайных сношениях с Менестеем и его партией, только Тезей нашел в нем не друга, а предателя-врага. Под предлогом осмотра местности Ликомед привел Тезея на высокую скалу и столкнул его вниз. Только после смерти Менестея дети Тезея могли вступить в Афинах в свои наследственные права. Впоследствии афиняне воздали должную справедливость и самому Тезею. Они причислили его к героям своей страны, воздвигли ему храмы и алтари и перенесли его прах в Афины.

Голода Медузы

Минос был царем Крита, сыном Зевса и Европы, дочери финикийского царя Агенора, которую Зевс похитил, приняв на себя образ быка. Знаменитый афинский мастер Дедал построил на острове Крит царю Миносу лабиринт. Минос не захотел отпустить Дедала с

острова, и тогда Дедал сделал искусственные крылья и улетел с Крита со своим сыном Икаром. Икар упал в море и утонул, Дедал же прилетел в Сицилию. Что касается Миноса, то он за свою мудрость после смерти стал судьей в подземном царстве.

Персей, сын Зевса и Данаи, совершил целый ряд подвигов. Он победил трех страшных крылатых молодых дев — трех Горгон. Сопровождаемый Гермесом и Афиной, он нашел их спящими. Взгляд Горгон обращал в камень всякого смертного, поэтому Персей осторожно приблизился к ним, подступая задом, и с помощью зеркального щита Афины и серповидного ножа, данного ему Гермесом, отрубил Горгоне-Медузе голову и с быстротой молнии спрятал ее в мешок. Остальных двух Горгон он победил, благодаря доставленной ему Гермесом шапке-невидимке, делавшей его незримым. Персей почитался в Аргосе.

Диоскуры (т.е. сыновья Зевса) Кастор и Полидевк были особенно чтимы в Спарте. Они совершили множество подвигов в качестве превосходных возничих и в качестве замечательных кулачных бойцов. После гибели Кастора с позволения Зевса неразлучные братья стали жить попеременно то в загробном мире, то на Олимпе.

О фракийском певце Орфее предание рассказывает, что очарованные его пением, за ним следовали дикие лесные звери, двигались деревья и утесы, а реки останавливали свое течение. Когда его жена Эвридика погибла от укуса змеи, Орфей спустился в подземное царство и так тронул душу владыки Аида, что тот позволил ему вывести Эвридику на землю, но Орфей нарушил приказание не оглядываться назад до тех пор, пока не выйдет из мрака, и Эвридика должна была навсегда вернуться в царство мертвых.

б) Общие предприятия героического периода. Фиванские войны, Лабдакиды или сказание об Эдипе.

В то время, как афиняне нашли в Тезее основателя и строителя своего политического устройства, соседнее с ними фиванское государство стало ареной больших волнений, начавшихся со времени вступления на престол царя Эдипа, судьба которого стала излюбленным содержанием для греческих трагедий.

Сущность предания об Эдипе состоит в следующем. Лаий, сын фиванского царя Лабдака, узнал от оракула, что будет убит собственным сыном. Поэтому, когда его жена Иокаста родила сына, он приказал бросить ребенка в лесистом месте на съедение диким зверям. Ребенку прокололи ножки и оставили в лесу. Там его нашли пастухи и принесли коринфскому царю Полибу. Бездетный Полиб усыновил и воспитал мальчика, дав ему имя Эдип, что значит «с опухшими ногами». Однажды насмешки товарищей, намекавшие на таинственность его происхождения, возбудили в Эдипе сомнения. Он отправился к оракулу спросить о своей судьбе.

Слепой Эдип, изгоняемый своими сыновьями (по другим источникам — слепой прорицатель Тересий)

Оракул посоветовал ему не возвращаться в отечество, потому что в противном случае он убьет своего отца и женится на своей матери. Тогда Эдип не вернулся в Коринф, а пошел по дороге в Фивы. На пути в этот город он встретился в одном ущелье с незнакомцем и, поспорив с ним о том, кто кому должен уступить дорогу, вступил с ним в ссору и убил его. То был отец его Лаий. Затем он освободил Фивы от сфинкса — чудовища, состоявшего наполовину из льва и наполовину из женщины и сбрасывавшего с утеса каждого, кто не мог разгадать его загадку. Загадка гласила: «Кто утром ходит на четырех, днем на двух, а вечером на трёх ногах?» Эдип разгадал, что это человек в детстве, в зрелом возрасте и в старости с палкой. В награду Эдип получил руку овдовевшей Иокасты и фиванский престол. От этого брака родилось четверо детей: Этеокл, Полиник, Антигона и Йемена.

Страшная тайна открылась благодаря слепому прорицателю Тиресию. Иокаста лишила себя жизни, а Эдип выколол себе глаза. Шурин его Креонт отрекся от Эдипа, и тот, проклинаемый своими жестокосердыми сыновьями, покинул отечество и, сопровождаемый дочерью Антигоной, нашел успокоение в городе Колоне близ Афин.

Проклятие отца перешло на сыновей.

Битва под стенами Фив (с этрусской вазы)

Этеокл и Полиник условились между собой занимать фиванский престол попеременно, каждый в течение года. Первым занял престол Этеокл и до такой степени пристрастился к власти, что по прошествии года не пожелал оставить трон. Обманутый Полиник удалился к аргосскому царю Адрасту, своему тестю, и просил у него помощи.

Семь вождей выступили со своими отрядами против сильно укрепленных Фив. То были: Полиник, Адраст, Тидей, Амфиарай, Капаней, Иппомедон и Партенопей. Прежде чем оставить Пелопоннес, они учредили в Немейской роще игры, остававшиеся у греков долгое время после этого в большом почете.

Этеокл заперся со своим войском в Фивах, и все семеро вождей, осадившие город, не могли выгнать его оттуда, так как они были сильны лишь в открытом бою, а не в осаде укрепленных мест.

Уже много храбрых воинов пало с обеих сторон, а Капаней свалился с лестницы, которую он уже приставил к городской стене, когда Этеокл и Полиник решили кончить свою распрю единоборством. Было выбрано время и место поединка. Братья бросились друг на друга, нанесли один другому смертельные раны и оба испустили дух. По обычаю греков, сжигавших своих покойников, обоих братьев положили на один костер. Взаимная ненависть братьев была настолько безграничной, что самое пламя разделилось, как бы боясь смешать даже их пепел.

Царем стал Креонт, брат Иокасты. Под страхом смерти запретил он хоронить прах Полиника. Но Антигона не могла допустить, чтобы тело ее брата осталось непогребенным, и совершила обряд похорон. За это она была замурована в подземелье, а ее жених Гемон, сын Креонта, лишил себя жизни. Это столкновение двух обязанностей: долга повиновения закону с долгом любви и благочестия, очень трогательно изобразил Софокл в трагедии «Антигона».

Креонт продолжал войну против осаждающих городов. При первой же, совершенной им кровопролитной вылазке почти все аргосские предводители пали. Из семи вождей в живых остался только Адраст. Он с такой поспешностью обратился в бегство, что не успел даже совершить обычного жертвоприношения в честь убитых в сражении и сжечь их тела. Фиванцы торжествовали победу. Но семеро вождей оставили после себя сыновей, так называемых Эпигонов, оказавшихся достойными мстителями за своих отцов. Десять лет спустя они вторглись в страну своих врагов. На этот раз фиванцы потерпели поражение и покинули город, который был разграблен.

Ясон (с античной вазы)

Сын Полиника Терсандр, хотя и завладел властью в Фивах, но над фиванским государством беспрерывно тяготело удручающее несчастье во всё время, пока им управляли преемники Эдипа.

в) Поход аргонавтов.

Одновременно с этими событиями, сопутствовавшими образованию отдельных государств, появились новые движения, бывшие началом того общего стремления в Азию, которое проистекало из сознания идеи единства греческого народа. К ним принадлежит и поход аргонавтов.

Аргонавты (с обломка вазы)

Этот поход вообще событие историческое, но подробности его, подобно всем рассказанным выше происшествиям, безмерно изукрашены эпическими и трагическими поэтами, черпавшими в происшествиях того далекого времени содержание для своих произведений.

Пелий, царь фессалийский, получил предостережение оракула против «обутого на одну ногу». Однажды на пиршество, куда он пригласил своих друзей, явился один человек, потерявший при переправе через реку обувь с одной ноги и таким образом оказавшийся действительно обутом на одну ногу. Это был Язон, родственник Пелия, имевший право на фессалийский престол. Чтобы сделать Язона для себя безвредным, Пелий приказал ему предпринять опасный поход в отдаленную Колхиду и похитить там золотое руно у свирепых варваров. Это золотое руно была шкура золотого барана, на котором некогда фиванский царевич Фрикс и его сестра Гелла, спасаясь от преследований мачехи Ино, переправлялись из Греции в Колхиду. По дороге Гелла упала в море, которое с той поры было названо Геллеспонтом, то есть морем Геллы. А Фрикс достиг Колхиды, барана принес в жертву богам, а шкуру его повесил в священной роще бога Ареса, где она охранялась огнедышащим драконом. Позже Фрикс был убит тамошним царем.

Поход аргонавтов, кроме прочего, имеет значение и для истории кораблестроения. Корабль, на котором отправился Язон, называвшийся «Арго», был необыкновенной, невиданной дотоле величины, построенный одним финикийским мастером. На призыв к неслыханному еще в Греции путешествию откликнулось множество отборнейших героев: в их числе были и знаменитые братья Кастор и Полидевк из Лакедемона, и Геракл, и Тезей, и непревзойденный певец Орфей. Аргонавты вышли из Иолкского залива в Фессалии, направились сперва к острову Лемносу, оттуда проплыли через Геллеспонт и Пропонтиду; потом отправились через новый пролив, названный Боспором Фракийским, и вошли в Черное море. До этих пор оно называлось Аксинским, то есть негостеприимным, морем, а после того, как аргонавтам удалось благополучно совершить свое путешествие, было переименовано в Эвксинский Понт, то есть гостеприимное море.

Царем Колхиды был дикий варвар Эт, предложивший им опасные испытания: запрячь в плуг двух огнедышащих быков, вспахать ими твердое поле, посеять в борозды драконовы зубы, победить одетых в медные доспехи исполинов, которые вырастут из этих зубов, и наконец, убить самого дракона, стерегущего руно. Но все это не представило Язону особых затруднений, так как его полюбила единственная дочь царя Медея, умевшая колдовать; при помощи ее чар Язон оказался неуязвимым для огня и ударов. Она же дала ему усыпляющий напиток против дракона и волшебный камень. Когда он кинул этот камень в посеянные драконовы зубы, то выросшие из них исполины обратили свой гнев против самих себя и растерзали друг друга.

Язон вместе с Медеей и золотым руном сел на «Арго» и бежал из Колхиды. Эт пустился за ними в погоню, но Медея, заметив возле устья Истра (Дуная) парус отца, прибегла к отчаянному средству. Она убила и разрешила на куски взятого с собою маленького брата Абсирта, выставила его голову и руки на высокой скале, а остальные части тела разбросала по берегу, с целью отвлечь внимание отца и заставить его задержаться, чтобы собрать члены любимого сына.

Медея

Язон вернулся с Медеей на родину. Но впоследствии, когда он захотел жениться на дочери коринфского царя — Креузе, его постигло мщение покинутой им Медеи. С помощью отравленной одежды и венца она умертвила невесту и убила своих собственных детей, рожденных ею от Язона. После этого она спаслась в Афины на колеснице, запряженной крылатыми драконами.

г) Троянская война.

Еще более замечательной, чем поход аргонавтов, и еще более прославленной в поэзии является Троянская война. В ней, как в общенародном предприятии, приняли участие не только отдельные герои, но и все греческие государства. Этот поход был вызван различными взаимными оскорблениями, наносимыми с той и другой стороны. Еще до возникновения великой персидской монархии, начавшей впоследствии непримиримую борьбу против Греции, на малоазийском берегу существовало троянское государство, старавшееся не столько распространить свое господство на Европу, сколько войти с нею в сношения. Уже во время похода аргонавтов Геракл и другие герои успешно сражались с тогдашним царем Трои — Лаомедоном. Причиной новой войны стал дерзкий поступок сына троянского царя Приама Александра, обычно называемого Парисом.

Парис приехал в Пелопоннес, остановился у спартанского царя Менелая и, согласно тогдашнему обычаю, был принят им с необыкновенным радушием. Но Парис очень дурно отплатил за такое гостеприимство. Своей красотой он пленил супругу гостеприимного хозяина, знаменитую Елену, и в свою очередь сам пленился ею. В отсутствие Менелая Парис, захватив большую часть его сокровищ и Елену, уехал в Трою. Вся Греция не столько была возбуждена таким поступком, сколько соединенным с ним оскорблением. Поэтому Менелая удалось привлечь на свою сторону много влиятельных мужей, согласившихся объехать всю Грецию, чтобы пригласить всех царей и царских сыновей для участия в общем походе на Азию. Самыми известными из них были: брат Менелая, микенский царь Агамемнон, Одиссей — царь острова Итаки, лежавшего между областью Акарнанией и островом Кефалонией, и Диомед Аргосский. Одиссей прославился своим хитроумием и красноречием, а Диомед — своей неустрашимостью и силой.

Это предприятие сулило такую богатую добычу и такую выгоду от торговли с Понтом Эвксинским, уже открытым и посещенным аргонавтами, что собрало невиданно большое войско, для перевозки которого требовалось тысячу двести кораблей. Жители отдаленнейших областей при этом впервые познакомились друг с другом и научились сознать себя членами одной великой нации.

Агамемнон был выбран верховным вождем всех племен. Но этим правом он не мог пользоваться по своему усмотрению и был весьма ограничен в отношении власти над воинами других предводителей. Перед началом каждого предприятия предводители собирались на общее совещание, сидя в большом кругу на камнях. Всякий желающий говорить приказывал присутствовавшему здесь вестнику подать себе скипетр, который он возвращал после произнесения своей речи. Особенным весом на этих собраниях пользовались мнения Одиссея и престарелого Нестора из Пилоса. В последующих битвах больше всех отличались: аргосский царь Диомед, царь острова Крит Идомей, сыновья Теламона Саламинского Аякс и Тевкр, но больше всех предводитель мирмидонян Ахиллес из Фтии в Фессалии, соединявший в себе силу, отвагу и мужество льва.

Менелай (с античного бюста. Ватикан)

При них находился и жрец Калхас, заботившийся о необходимых жертвоприношениях, вопрошавший богов и узнававший их веления по внутренностям жертвенных животных.

Все корабли и войска собрались в Беотии, в Авлидской гавани. Противный ветер долго задерживал выход флота, и это показалось признаком неблаговоления богов. Прорицатель Калхас объявил, что Ифигения должна быть принесена в жертву богине Артемиде за то, что её отец Агамемнон убил священную лань. Во время жертвоприношения Ифигении Артемида спасла ее, унеся на облаке в Тавриду (Крым), где дочь Агамемнона стала жрицей при храме Артемиды.

Ветер переменялся, и флот греков счастливо приплыл к троянским берегам.

Но и здесь дела не сразу пошли так, как желали того греки. Троя была укреплена гораздо сильнее, чем Фивы. Город, кроме стен, имел еще валы и башни. Неприятели были столь же многочисленны, как и греки, так как многие соседние племена поддерживали их и пришли на помощь, а собравшийся за стенами Трои народ имел в «шлемоблещущем» Гекторе, сыне троянского царя Приама, предводителя, не уступающего ни одному греку в силе и ловкости. Вследствие этого взятие города неожиданно замедлилось на долгое время, на десять лет, как утверждает греческий поэт Гомер.

Похищение Елены (с этрусской глиняной вазы. Лувр. Париж)

Кроме неприступности городских укреплений, важным затруднением являлся недостаток в съестных припасах. Для удовлетворения своих потребностей греки принуждены были частью заниматься земледелием в Херсонесе Фракийском, частью добывать необходимое мечом. Так, Ахиллес со своими фессалийскими воинами напал на остров Лесбос, разграбил его и увел оттуда множество женщин и девушек, которых разделил между остальными предводителями. В другой раз он побывал с такой же целью на Киликийском берегу. Вообще он завоевал двенадцать приморских и одиннадцать внутренних городов. Последствием этого было то, что греческое войско было редко в полном составе, а потому и не было в состоянии вполне обложить город или предпринять решительное сражение. При этом военное и осадное искусства находились еще в младенческом состоянии. Оба неприятельских войска сражались между собой не в полном своем составе и не по общему плану. Сражавшиеся герои часто употребляли боевые колесницы; на них впереди стоял возница, а из-за него герой бросал свое копье. Иногда вместо копья применялись тяжелые камни.

Парис (с античной статуи)

Но чем менее было в этой борьбе военного искусства, тем более выказывалось в ней свободы и игры человеческих чувств и страстей. Изображение их мы находим в знаменитой эпической поэме «Илиаде».

Ахиллес (с античной статуи Лувр. Париж)

Одиссей (с античной статуи Лувр. Париж)

Героические поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея» являются образцом эпического изображения и в этом отношении составляли для греков величайшие национальные

творения, в которых они искали и находили зародыши своего образования. Здесь мы представляем из них некоторые сцены, изображающие как нельзя лучше дух того времени.

д) Сцены из «Илиады».

Сонмы греков и троянцев стояли друг против друга. Вдруг из рядов троянцев гордо выступает вперед красавец Парис, покрытый барсовой шкурой, с луком за плечами, с мечом при бедре и с двумя копьями.

Принесение в жертву Ифигении

Громко вызывал он греков оскорбительными словами. Это услышал смертельный враг его, Менелай, находившийся на своей колеснице. Радуюсь, как лев, почуявший идущую ему навстречу добычу, бросился он к нему, соскочил на землю и хотел уже вступить с ним в бой. Но при виде его испугался кудрявый юноша и, как путник, очутившийся на пути своем в опасности наступить на ехидну, поспешно обращается вспять, так и он невольно обращается в бегство и исчезает в толпе прочих троянцев.

Это увидел брат его Гектор, и недостойное поведение Париса привело его в негодование. «Неженка! — кричит он ему, — женолюбивый красавец! Лучше бы ты не родился или умер, прежде чем научился обольщать женщин! Поистине, это было бы лучше для тебя, чем стоять теперь здесь к стыду всех троянцев и возбуждать насмешки греков, воображающих при виде того, как ты выступил вперед с такою великолепную и величавую осанкой, что ты один хочешь решить исход битвы. Удивительно, как ты отважился отправиться на корабле в чужую землю и из среды воинственных мужей увезти прекрасную женщину на горе твоему отцу и всем нам и к вечному твоему позору. Не правда ли, Менелай в эту минуту кажется тебе совсем не тем, чем тогда? И если б он подцепил тебя, мало помогли бы тебе твоя кифара, твой стройный стан и богиня любви. Да, если бы троянцы не были сонливым сбродом, то давно бы отплатили тебе, как виновнику несчастья, за все зло, причиненное им тобою».

«Брат, — отвечал Парис, — ты прав. Я стыжусь самого себя и сам не знаю, почему испугался, увидев Менелая. Со всеми другими я всегда был спокоен. Но я желаю исправить дело, хочу с ним померяться силой и сразиться перед всем народом в открытом, решительном единоборстве».

Обрадованный Гектор тотчас же поспешил в передние ряды, сражавшиеся с греками, простер над ними свое копье, приказал им остановить сражение. Некоторые из неприятелей направили было на него свои стрелы, но Агамемнон, заметив его намерение, громко воскликнул: «Остановитесь, воины! Не пускайте теперь стрел, ибо он желает говорить!»

«Да, — произнес Гектор, — я хочу возвестить обеим сторонам. Слушайте! Брат мой Парис, главный виновник всех бедствий, желает положить им конец и предлагает Менелаю вступить с ним в открытое единоборство за обладание Еленой и всеми сокровищами. Кто победит, получит и Елену, и богатства, и низложением побежденного должна окончиться война. Вы возвратитесь домой, и мы заключим с вами дружественный союз».

Менелай принял предложение, но потребовал, чтобы условие это было скреплено торжественным договором и в исполнении его поручился бы сам царь Приам. Тотчас же послали в город за Приамом и необходимыми жертвенными животными. Предводители соскочили со своих колесниц, а народ расположился на земле, ожидая поединка.

Старый Приам сидел в это время с Еленой и некоторыми из своих дочерей на стене и следил издали за ходом битвы. К нему прискакал сын его Антенор и пригласил сестр к нему в колесницу. Молодые люди помогли старику сойти со стены, другие привели агнцев. Затем

они быстро понеслись на поле сражения. Здесь все вожди, как греческие, так и троянские, стали в круг, а вестники обошли кругом и окропили каждому из них руки водой, чтобы никто не приступил к священному действию с нечистыми руками. Затем Агамемнон извлек из ножен большой нож, обстриг головы жертвенным агнцам и подал всем вождям по пряди шерсти, потом, воздев руки к небу, произнес следующую молитву:

«Зевс, достославный властитель, и ты Гелиос, всевидящий бог солнца, и вы реки, и ты земля, и вы в преисподней, призванные карать души умерших клятвопреступников, будьте свидетелями наших клятв и этого священного договора! Если Парис низложит Менелая, то удерживает за собою Елену и сокровища, а мы возвратимся домой на своих кораблях. Если же он падет, то троянцы должны возвратить ее и все сокровища и заплатить нам справедливое возмездие, которое да продолжится и на будущее поколение».

Все поклялись, что так и должно быть, и тогда Агамемнон перерезал горло агнцам и положил трепещущих животных на землю, чтобы кровь их смешалась с пылью. Затем каждому была подана чаша вина, из которой первые капли были вылиты на землю в честь богов, и все пожелали, чтобы Зевс таким же образом пролил кровь того, кто первый нарушит священную клятву.

Бой Менелая с Парисом

Тогда круг расширился, чтобы дать место единоборцам. Но тут добродушный Приам сказал дрожащим голосом: «Почтенные мужи, позвольте мне вернуться к себе, чтобы не быть свидетелем смертельной битвы моего возлюбленного сына. Да свершится воля Зевса. Он все устрояет к лучшему».

С этими словами Приам сел в колесницу, взял с собой убитых агнцев, и Антенор поспешно повез его назад в город. Гектор и Одиссей, как посредники обоих противников, отмерили место для битвы и бросили в шлем два жребия (камешки) — один для Менелая, другой для Париса, чтобы решить, кто из них первый должен пустить в противника копье. Гектор до тех пор потрясал шлемом, пока не выпал камешек. Жребий достался Парису.

Единоборцы и зрители заняли места. Парис в блестящей броне, в медных поножах и в непроницаемом шлеме, украшенном развевающимся конским хвостом, вооруженный мечом, щитом и копьем, выступил с одной стороны, а Менелай с другой. Они потрясли своим оружием, собрались с духом, и Парис со всей силы бросил копье в противника, но оно ударилось о железную оковку щита, острие согнулось и копье бессильно упало на землю.

«Теперь, всемогущий Зевс! — воскликнул Менелай, — Дай мне силу наказать юношу, так жестоко меня оскорбившего, дабы на будущее время никто не дерзал осквернять гостеприимства». Сказав это, он бросил в противника копье с такой силой, что оно пробilo щит и наверняка пронзило бы сердце, если бы Парис быстрым поворотом не уклонился в сторону. Но в то самое мгновение, когда смущенный юноша смотрел на свой щит, Менелай выхватил меч, бросился с ним на Париса и нанёс ему такой сильный удар по голове, что раскрыл бы череп, если бы хрупкий меч не разлетелся в куски, ударясь о твердый шлем. Тогда вскричал он, скрежеща зубами: «Жестокий Зевс! Неужели и на этот раз лишишь ты меня заслуженной за храбрость награды!» И он в третий раз бросился на Париса, схватил рукой за развевавшийся на шлеме конский хвост и хотел повергнуть противника на землю. И ему удалось бы это, если бы не разорвался ремень, которым шлем был прикреплен под подбородком. Пользуясь этим мгновением, Афродита похитила своего любимца Париса от угрожавшей ему неминуемой гибели, скрыв его в облаке, — и Менелай остался один.

Все греки воскликнули, что Менелай победил, и Агамемнон громогласно потребовал исполнения договора. Но в это самое время в Менелая попала неизвестно кем пущенная стрела и слегка его ранила. Поднялся страшный шум, и все греки громко возопили о вероломстве троянцев. Агамемнон же поклялся до тех пор не успокоиться, пока это вероломное и коварное племя не будет истреблено, а город его не погибнет от пламени.

Однажды, когда битва была в полном разгаре, видно было, как Диомед, подобно кровожадному льву, носился на своей колеснице по полю битвы. За ним следовала его дружина, готовая снять доспехи с убитых или отвести в лагерь к кораблям колесницы и коней тех, которых он поразит. Восемь знатнейших троянских юношей уже пали от копья Диомеда. Тогда Эней, один из храбрых троянских мужей, поспешил к юному троянцу Пандару, искусному стрелометателю, и сказал ему: «Пандар! Где твой лук и твои никогда не дающие промаха стрелы? Смотри, теперь ты должен поддержать свою славу, так как вон там свирепствует сильный муж, поразивший уже многих, и никто из наших не может одолеть его».

«Это сын Тидея, Диомед — ответил Пандар, — с ним, должно быть, сам бессмертный бог, потому что стрела моя уже один раз попала в него, алая кровь брызнула из раны, а он снова на поле битвы и размахивает копьем, как будто с ним ничего не случилось. О, нет! В него я не хочу снова метить. Сражение с богами приносит несчастье. К тому же я здесь один; у меня нет колесницы, хотя отец и советовал мне взять её при отъезде. У нас, говорил он, стоит их одиннадцать, и каждая запряжена превосходными конями; возьми одну из них — она тебе пригодится. Но я пожалел коней, ибо они привыкли дома к обильному корму; в Трое же, подумал я, даже люди будут терпеть недостаток в пище, так как их там много соберется. О! Я желал бы лучше вернуться домой, потому что какую помощь могут мне оказать здесь мой лук и мое прославленное искусство. Я пускаю свои стрелы метко, но они никого не убивают. Я только раздражаю свирепость неприятеля. Как только вернусь домой, тотчас же брошу в огонь все эти ничтожные доспехи!»

«Нет еще, — сказал Эней, — испробуем прежде еще раз наше оружие против страшного убийцы. Садись со мной в мою колесницу; ты должен полюбоваться на моих коней. Возьми вожжи в руки; я же буду ждать, чтобы вступить в бой».

«О нет, Эней! — возразил Пандар, — правь лучше уж ты сам. Известно, что всякий умеет править своими конями. Когда Диомед станет преследовать нас, а кони не будут меня слушаться, то я погублю нас обоих. Когда же он будет близко, я встречу его остроконечным копьем».

«Как хочешь», — отвечал Эней и взял его на свою колесницу. Затем он пустил коней и помчался прямо навстречу Диомеду, стоявшему как раз в это время на своей колеснице и высматривавшему себе противника. Конями правил его друг Сфенел. «Смотри, — воскликнул Сфенел, — с какой яростью мчатся на нас эти двое. Я сворочу в сторону, потому что они кажутся мне сильны, отважны и храбры; ты же утомился от продолжительной битвы, и тебе мешает ноющая рана».

«Молчи! — воскликнул Диомед, — не в моем обычае отступать в бою. Мне давно уже наскучило стоять здесь на колеснице без дела. Я соскочу на землю и, думаю, что ни один из них не ускользнет от меня. Поезжай за мной и, когда я их поражу, проворно соскочи, привяжи вожжи к колеснице и завладей их конями. Посмотри, что за чудные кони! Они прекраснейшие на всем поле».

Подскакав на быстрых конях, Пандар пустил копье; оно попало в щит Диомеда, и медное острие прошло насквозь. Думая, что он убил врага, Пандар с торжеством воскликнул: «Наконец-то я попал как следует! Надеюсь, что теперь конец твой близок». Но Диомед вскричал: «Нет, я еще не убит: ты промахнулся! Посмотрим, как-то ты избежишь смерти!» И страшное копье Диомеда с такой силой полетело в лицо Пандару, что острие его прошло насквозь, и Пандар без чувств упал на землю. Эней щитом и копьем защитил его, забываясь о том, чтобы ахейцы не вырвали у него убитого друга и не предали бы его тела грабежу и позору. Тогда Диомед, не имея уже в руках копья, поднял с земли тяжелый камень и так сильно бросил его Энею в ногу, что тот со стоном опустился на землю. Он бы так и погиб, если бы его мать, богиня Афродита, родившая Энея от Анхиза, не распростерла над ним светло-серебристой одежды своей и тем не защитила бы его от удара врага и не удалила бы его с поля битвы. Но прекрасных коней она не смогла спасти: Сфенел увел их, передал верному слуге, который и привел их в стан.

Менелай и его брат Агамемнон стояли рядом и следили за шумным движением, происходившим на обширной равнине. Со стороны троянцев мчалась к ним колесница, а на ней стоял Адраст, троянский юноша. Но будучи не в состоянии сдержать взбесившихся коней, он был внезапно сброшен ими на землю. Не успел он еще прийти в себя от испуга, как Менелай бросился на него с копьем и готовился пронзить его. Тогда беззащитный обнял ему колени и так умолял:

«Возьми меня в плен, сын Атрея, не убивай меня! Послушай! Отец мой богат и наверняка даст тебе богатый выкуп, когда услышит, что я еще жив и нахожусь в твоём стане».

Менелай был тронут. Он уже готов был обратиться к своим спутникам с намерением передать им пленника, как к нему быстро подбежал Агамемнон и сердито закричал своему мягкосердечному брату: «Какая к ним жалость! Они такие злодеи! Подумай, какой позор нанесла Троя продолжительной войной твоему дому и всем нам! Нет, никто из этого вероломного племени не должен уйти от нас! Даже детей в утробе матери не следует щадить! Долой его! Он не должен жить!»

Менелай отвернулся, а жестокосердый брат его вонзил копье в коленопреклоненного насквозь так, что Адраст, изгибаясь в предсмертных судорогах, упал навзничь. Тогда Агамемнон наступил ему на грудь и вытащил из нее копье, чтобы пустить его в кого-нибудь другого.

Между тем Диомед, жаждавший новой битвы, оглядывал обширное поле. На него устремился воин, которого он еще ни разу не видел. По великолепному вооружению, высокому росту и величественной осанке он показался ему занимающим первое место между троянцами. То был Главк, только что прибывший из Ликии. Когда они приблизились друг к другу на расстояние перелета стрелы, то остановили коней и Диомед закричал своему противнику: «Кто ты, именитый муж? Ни разу еще не видал я тебя до настоящего времени на этом многолюдном поле сражения. Ты, наверное, искусный воин, если так отважно идешь навстречу моему мощному оружию, к которому никто еще не приближался безнаказанно. Если ты бог, то я не желаю с тобой сражаться. Если же ты человек, подобно мне, и питаешься плодами земными, то поспеши навстречу смерти!»

Главк отвечал: «Сын Тидеев! Род мой достоуважаем. Предки мои были аргивяне и царствовали в Коринфе. От основателя Коринфа, Сизифа произошел Главк, а от него знаменитый Беллерофонт. Он отправился в Ликию, чтобы поддержать тамошнего царя в его войне с солимиянами. Ликийцы почтили его подарками, а царь отдал за него замуж свою дочь и разделил с ним свое царство. От Беллеронфонта родились два сына: Исандр и Гипгюлох. Первый из них умер, другой же еще жив, и я с гордостью называю его отцом своим. Он послал меня в Трою помогать Приаму, находящемуся в трудных обстоятельствах, и крепко увещевал меня всегда быть храбрейшим, быть впереди других и никогда не срамить рода предков. Вот почему твой грозный взор не устрасил меня и почему я желаю сразиться с тобой».

«Нет, этого не будет! — воскликнул радостно Диомед и воткнул свое копье в землю. — Ты для меня приятный гость. Дед мой двадцать дней угощал в своем доме славного Беллерофонта, и на прощанье они обменялись подарками в воспоминание дружбы. Дед дал ему червлёный пояс, а Беллерофонт, уезжая, оставил деду золотой кубок. Я сохраняю его до сих пор и часто рассматриваю. Итак, ты гость мой в Аргосе, а я твой, если когда-нибудь приеду в Ликию. Будем же отныне избегать кровавой встречи между собой. Довольно останется врагов: для меня — троянцев, а для тебя — греков. В знак же взаимного союза обменяемся оружием, пусть все видят, как мы гордимся дружбой наших предков».

Тут они оба соскочили с колесниц, от души пожали друг другу руки и обменялись оружием. Главк потерял при обмене, так как его оружие было золотое и, как говорит Гомер, стоило сто быков, а оружие Диомеда было медное и стоило девять быков. Но Главк не придавал этому никакого значения и совершил обмен с радостью. Затем они еще раз поклялись в дружбе и быстро разъехались в разные стороны.

А тем временем Гектор, все еще негодуя на малодушие своего брата и желая смыть с троянцев позор, требовал выслать из среды греков противника, с которым он бы сразился в единоборстве. Греки, весьма смущенные вызовом столь сильного мужа, по совету Нестора решили назначить единоборца по жребию. Жребий пал на Аякса старшего с острова Саламин. Аякс хвастливо воскликнул: «Видишь, Гектор. У греков есть еще люди, не боящиеся твоего вызова. Я только один из многих. Итак, в бой!»

«Не думаешь ли ты испытать меня своим упорством, сын Теламона? — ответил ему Гектор. — Не заблуждайся: я опытен в ратном деле; пеший и на колеснице настигаю я убегающего врага, и мои подвиги подтверждают слова мои. Теперь, храбрый воин, остерегись! Я не хочу напасть на тебя врасплох, но желаю сразиться с тобой открыто».

Сначала они бросили друг в друга дротиками, но те ударились о щиты. Потом они старались пронзить один другого копьями, но щиты снова отразили удары. Тогда они схватились за камни, но и тут щиты явились защитой. Наконец, Гектор хотел вступить в рукопашный бой, в котором его превосходная сила, наверное, одержала бы победу, но наступала ночь, и поединок был прекращен. Гектор сказал Аяксу: «Аякс, ты выказал себя в бою вполне мужественным, и только боги могли наделить тебя такой силой и осмотрительностью. Отдохнем теперь от битвы, а завтра снова возобновим ее. Смотри, уже наступает ночь. Иди к кораблям и садись со своими за трапезу. Я же возвращусь в город, где встревоженные жены молят за меня в храмах богов. Но прежде почтим друг друга достойными дарами. Пусть греки и троянцы скажут: смотрите, они долго единоборствовали и расстались друзьями».

С этими словами он подал ему свой прекрасной работы меч в ножнах на красивой перевязи, а Аякс, в свою очередь, подарил ему свой червлёный пояс. Так расстались они, и каждое войско сопровождало своего героя радостными восклицаниями.

Главной причиной медленного хода войны была ссора между Агамемноном и Ахиллесом из-за обладания захваченной в плен прекрасной Бризеидой. Из-за этой ссоры Ахиллес долгое время не принимал никакого участия в военных действиях. Только тогда, когда Гектор убил его лучшего друга Патрокла, воспрянул этот лев на погибель врагов. Он был ужасен в битве. Одного врага за другим пронзало его медное копье. Он один внушал троянцам больше страха, чем все остальные греки, взятые вместе. До тех пор не мог Ахиллес насытиться кровью убитых врагов, пока не совершил мести над убийцей своего друга. Он искал его по всему обширному полю сражения, но Гектор уклонялся от него целый день. Только вечером, когда колесницы троянцев возвращались в город, собрался он с духом и решил ждать ужасного Ахиллеса.

Наконец показался Ахиллес и, заметив предмет своей ярости, испустил потрясающий крик восторга. Напрасно храбрый Гектор ободрял себя всем, что могли ему внушить разум и чувство чести. Вид разъяренного противника заглушил в нем всякое мужество и, не сознавая сам, как это могло случиться, он обратился в бегство. Как голубь, преследуемый ястребом, несясь он вокруг городской стены, но Ахиллес, испуская радостные крики, быстро следовал по пятам его. Напрасно бросался Гектор то вправо, то влево, чтобы утомить своего преследователя. Три раза обежал за ним Ахиллес вокруг города. Наконец уставший Гектор остановился и закричал своему противнику:

«Стой, сын Пелея, дальше не побегу от тебя! -Я хочу здесь остановиться. Или я убью тебя, или паду сам. Но заключим прежде пред всевидящими богами условие, что победитель не надругается над телом павшего врага».

«Между нами не может быть никаких условий! — воскликнул Ахиллес, — Разве лев вступает в переговоры с людьми, а волк с агнцами? Помышляй лучше о битве. Надеюсь, что теперь ты не уйдешь от меня».

С этими словами он напал на Гектора. Но тот быстро опустился на одно колено и тем избежал страшного копья, упавшего далеко позади него на песок. Вскочив на ноги, он радостно воскликнул: «Мимо, богоподобный Ахиллес! Теперь защити свою грудь, тщеславный болтун!»

С необычайным громом копье Гектора ударило в щит Ахиллеса. Но щит этот был непроницаем и, в то время, как Гектор готовился схватиться за свой короткий меч, Ахиллес быстро воспользовался копьем, и несчастный Гектор, пораженный в горло, упал к радости всех греков, стоявших кругом и следивших за ужасной битвой.

Умирая, Гектор повторил свою просьбу не надругаться над его телом. Но Ахиллес был недоступен состраданию. Он проколол Гектору ноги между пятками и лодыжками, проткнул сквозь них ремень и привязал его к задней части своей колесницы. Так поволок он тело Гектора мимо городских ворот, к невыразимой скорби его старого отца и прочих троянцев, стоявших на стенах, и понесся с ним по пням и камням в стан, где обезображенное и забрызганное кровью тело велел выбросить в открытое поле на съедение псам.

Только теперь решился он приступить к торжественному погребению тела своего друга Патрокла. Его он хотел почтить так, как никогда не был почтен ни один друг, для чего и пригласил всех греков на торжество похорон. Был воздвигнут большой костер. Посреди него положили чисто омытый труп Патрокла, а вокруг — трупы двенадцати пленных троянцев, которых взял в плен Ахиллес и теперь собственноручно убил на могиле своего друга. Когда костер сгорел, кости Патрокла были вынуты из золы, перемешаны с жиром, положены в золотую урну и закопаны под высоким могильным холмом. Затем Ахиллес устроил в честь своего друга на его могиле воинские игры и назначил победителям дорогие награды: невольниц, коней, мулов, котлы, чаши, кубки, золотые слитки, латы и т.п. Игры состояли из ристания на колесницах, бега взапуски, единоборства, бросания камней в цель, метания копья и кулачного боя. Все проходило в порядке и ко всеобщему удовольствию. Но скорбное чувство Ахиллеса нисколько не было этим утишено.

Будучи не в состоянии уснуть ночью, он вышел из своего стана, заложил свою колесницу и обволол труп Гектора еще три раза вокруг могилы друга.

Между тем дом Приама обратился в место плача и стенаний. Наконец, престарелый отец не мог больше переносить мысли, что его славный сын после смерти должен истлевать в поле, как какая-нибудь падаль, и служить добычей птицам и псам. Уже один религиозный обычай того времени требовал почетного погребения мертвых, так как тогда веровали, что иначе душа не найдет успокоения в царстве теней. Приам отважился на отчаянное предприятие: он решил отправиться ночью к Ахиллесу и потребовать у него возвращения тела. Он вынул из сундуков десять талантов золота, четыре золотых чаши, два котла с треножниками, один красивый кубок, двенадцать блестящих праздничных одежд и столько же шерстяных покрывал, сложил все это на свою колесницу и с наступлением ночи отправился вместе со своим верным слугой Идеем в стан греков. Вестник богов Гермес покровительствовал ему в дороге тем, что ослепил врагов, так что они ничего не видели. Приам счастливо прибыл к шатрам мирмидонян. Он нашел Ахиллеса сидящим за вечерней трапезой с опущенной на руку головой и погруженным в горестные размышления. Войдя, он тотчас весь в слезах бросился к ногам героя и заговорил:

«Богopodobный Ахиллес! Подумай о своем отце, который томится у себя дома, подобно мне, старый и немощный. Может быть, и на него нападают соседи, и нет никого, кто бы защитил его. Но он знает, что у него жив еще, хотя и далеко, любимый знаменитый сын, с возвращением которого прекратятся все его невзгоды. Надежда эта утешает старца, и сладкую мысль о ней повторяет он себе ежечасно. Я был счастливейшим отцом; я вырастил пятьдесят сыновей, и девятнадцать из них были от одной матери. Они были моей радостью и гордостью. Но вот вы пришли сюда, и беспощадная война похитила их у меня почти всех, одного за другим. Теперь пал лучший, бывший нам единственной защитой. Ах! Я не могу уже умолять о его жизни, но возврати нам тело его. Подумай, как плачут дома жена, мать и сестры его, а я, отец его, здесь, у твоих ног. Отдай мне его, я принес тебе богатые дары. Побойся богов! Подумай, если твоему старому отцу придется также стоять на коленях пред юношею. А я — о верх злополучия! — я целую руку, поразившую моих детей!»

Против таких слез и речей не устоял Ахиллес. Ласково нагнулся он к старцу, поднял его, выразил сожаление о его бедствии и похвалил мужество Гектора. Затем он вышел из

шатра, посмотрел дары и тайно приказал невольницам омыть тело Гектора и завернуть его в чистое полотно. Потом он сам положил его в колесницу на разостланную подстилку, погрузился на несколько минут в тяжелое раздумье и наконец произнес: «Не ропщи на меня, Патрокл, когда, может быть, узнаешь в жилище Аида, что я возвратил горестному отцу тело твоего убийцы! Вот он принес мне достойный выкуп, и должная часть его будет посвящена тебе».

Затем он поймал из своей добычи жирную овцу и вернулся с нею в шатер. «Ну, радуйся, старец, — сказал он, — твой сын выкуплен и лежит уже в колеснице, завернутый в мягкое полотно. Теперь подумаем о трапезе и оживим наши сердца».

Лаокоон и его сыновья

Я также оплакиваю в душе твоего благородного сына, ибо он достоин слез». Затем он перерезал горло овце, слуги сняли шкуру, разрезали мясо на куски, изжарили его на копьях и положили на стол. Автомедон, возница Ахиллеса, вынул из корзины хлеб, они принялись за трапезу, на время забыли о своей горе. За трапезой они старались ближе познакомиться друг с другом. Старец любовался величественной наружностью страшного воителя, а Ахиллес с удовольствием и глубоким уважением глядел на благородное лицо и важную осанку царя и внимал его разумным речам. Окончив трапезу, старец на несколько часов предался отдыху, так как почти четыре дня не смыкал глаз. Но еще до восхода солнца он поспешно приказал заложить своих коней для того, чтобы в греческом стане никто их не заметил. Ахиллес спросил его, сколько дней понадобится на погребение Гектора, обещая во все это время не делать нападения. «О, Ахиллес! — отвечал Приам, — если ты хочешь оказать нам почтение, то дай нам девять дней, чтобы оплакать умершего и приготовиться к его погребению. На десятый день мы предадим тело сожжению, на одиннадцатый соорудим гробницу, а на двенадцатый начинай снова войну, если только война неизбежна».

Ахиллес согласился на все и отпустил старца, который поспешил в город, где и был встречен радостными криками, так как троянцы, и не без основания, опасались за его жизнь. Девять дней продолжался вопль плачущих жен, на десятый день тело Гектора было предано сожжению. Пепел и кости его собрали и положили в золотую урну и воздвигли в честь его за городом высокий могильный холм. Ни один грек не нарушил печального торжества, закончившегося пиром во дворце; при этом были принесены установленные жертвы богам.

Но и мощный Ахиллес нашел свою смерть под стенами Трои. При рождении мать Ахиллеса, Фетида, окунула его в воды подземной реки Стикс, чтобы сделать своего сына неуязвимым, но слабым местом его оказалась пятка, за которую держала его мать во время купания. Именно в это место и поразил его стрелой Парис. За вооружение Ахиллеса разгорелся страшный спор между Одиссеем и Аяксом Саламинским. Оружие было присуждено Одиссеею, Аякс был страшно оскорблен этим, сошел с ума и лишил себя жизни.

Наконец город был взят, благодаря хитрости Одиссея. Подвиг этот он совершил вместе с Диомедом. Они переодетые пробрались в Трою и похитили Палладиум — древнюю статую богини Афины — Паллады, покровительницу города, зная предсказание оракула, что Троя будет благоденствовать до тех пор, пока в ее стенах будет находиться эта статуя. По совету же Одиссея был сооружен деревянный конь. После того, как в него спрятались тридцать отборных воинов, конь был оставлен в греческом стане, а греки притворились, что уходят и отплыли на кораблях за ближайший мыс. Троянский жрец Аполлона, Лаокоон, убеждал их не ввозить в город коня. Но тут из моря появились две змеи, обвились вокруг него и двух его сыновей и задушили их. Троянцы восприняли это как божественное знамение и втащили в город «дар данайцев» для посвящения его богам. Ночью воины вышли из коня и отворили городские ворота для того, чтобы впустить туда греков. Началась страшная резня и грабеж. Приам пал у алтаря Зевса. Бесчисленное множество пленных было уведено в рабство, в том числе и неутешная мать Гектора Гекуба с ее дочерьми. Красивейшая из них,

прорицательница Кассандра, предсказавшая окончательное падение Трои, была притащена Аяксом Локридским в добычу Агамемнону. Менелай отыскал в Трое Елену и, снова прельщенный и покоренный ее красотой, взял ее к себе. Троянский герой Эней вынес своего отца Анхиза на собственных плечах из пылавшего города и должен был спасаться бегством в Италию.

е) Возвращение греков после разорения Трои.

Большие бедствия пришлось испытать разрушителям Трои на обратном пути. Уже при самом отправлении между предводителями возник спор о возвратном пути, они разделились и направились в разные стороны.

Одиссей и сирены

Жестокие бури уничтожили множество кораблей и большая половина союзного войска погибла. Некоторые же были так далеко отнесены от цели путешествия, что попали в неведомые моря, даже к берегам Африки и Сицилии, блуждали многие годы и должны были вынести невыразимые бедствия. Большая часть их, вместо радостной встречи, нашла у себя дома беспорядок и несчастье. Так случилось с Агамемноном. Во время его отсутствия его жена Клитемнестра вышла замуж за Эгисфа. Эгисф не пожелал возвратить ни жену, ни власть, и нарушительнице супружеской верности ничего более не оставалось делать, как принять участие в его планах. Они решили, тщательно скрыв свой замысел от Агамемнона, принять его как можно ласковее и убить в самый день прибытия в то время, когда он будет освежать себя теплой баней. Несчастный, ничего не предчувствуя, вступил в желанное жилище, и в ту самую минуту, когда, желая выйти из бани, попросил себе чистую одежду, Клитемнестра накинула ее ему на голову, а скрытый за дверью Эгисф убил Агамемнона топором.

Особенно много бед пришлось перенести на обратном пути Одиссею. Его приключения описал Гомер в поэме «Одиссея». Описание удивительных странствований этого героя может быть признано верной картиной образованности, образа жизни и географических познаний того времени, поэтому и представляет особенно важное значение для историка.

Сперва героя прибило к африканскому берегу, на котором рос такой лотос, отведав которого люди все забывали и отказывались возвращаться на родину. Потом бури загнали Одиссея в Сицилию к циклопам-людоедам.

Одиссей в подземном мире

Отсюда попал он на остров, где жила волшебница Цирцея, превратившая некоторых спутников Одиссея в свиней. Достигнув конца земли, Одиссей спустился в подземное царство и говорил там с тенями своей матери и друзей. Затем он снова вернулся к Сицилии и в Сицилийском проливе преодолел опасный переход, где в проливе жили чудовища Сцилла и Харибда, которые длинными руками хватали спутников Одиссея и бросали их в свои пасти. Далее он проплыл мимо острова сирен. То были наполовину женщины, наполовину птицы, заманивавшие проезжавших сладостным пением к острову, где корабли разбивались о скалы и гибли. Предупрежденный заранее, Одиссей заклеил воском уши своим спутникам, а самого себя приказал привязать к мачте. Так он избежал обольстительного соблазна. В другой раз Зевс разбил его корабль молнией. Все спутники Одиссея утонули в море, а сам он, уцепившись за проплывающее мимо дерево, носился без пищи девять дней, пока не был выброшен волной на остров Огигию, где его ласково приняла прекрасная нимфа Калипсо,

обрадовавшись, что, наконец, дождалась себе супруга, которого так давно желала. Она обещала своему гостю бессмертие и вечную юность, если он останется с нею навсегда. Но Одиссей каждое утро уходил на берег к шумящему морю, садился на землю, погружался в думы о своей верной супруге и сыне и проливал горькие слезы в тоске по ним. Хотя бы издали желал он увидеть еще раз голубые горы своего родного острова, хотя бы полюбоваться дымом, выходящим над хижинами его, — и затем умереть! Семь лет продержала нимфа Одиссея в скалистой пещере и только по прошествии этого времени, по велению богов отпустила его.

Тогда Одиссей построил плот из срубленных им самим сосен, взошел на него и пустился один в неведомые моря на этом ненадежном судне. Семнадцать дней не видел он никакой земли, ничего, кроме неба и моря. Наконец на восемнадцатый день заметил он вдали остров Схерию, где жили феаки. Но прежде, чем добраться до него, ему пришлось выдержать еще одну бурю, разбившую его плот. До берега он добирался вплавь, борясь с неистовыми волнами. Здесь на ложе из сухих листьев отдохнул он от своих непомерных трудов и, получив корабль от царя феаков, отправился на родину.

Вот сухой и краткий перечень приключений Одиссея. Из поэмы мы приводим здесь подробнее те сцены, которые ярко рисуют быт и нравы того времени.

ж) Сцены из «Одиссеи».

Одиссей в царстве теней.

Вооружась советами волшебницы Цирцеи, Одиссей нашел последний край земли, где находится вход в подземный мир. Он привязал свой корабль, сошел на берег и вышел на обширную равнину. Здесь вырыл он яму, принес в жертву двух черных овец и дал крови стечь в яму. Тотчас явилась целая толпа воздушных теней, «призрачных образов», по выражению Гомера. Только один слепец Тиресий, бывший некогда мудрым прорицателем в Фивах, сохранил и в подземном мире дар понимания и речи. Он первый выступил вперед со своим золотым прорицательским жезлом, выпил крови из ямы и обратился к Одиссею с предсказанием. За ним теснилось множество других теней старцев и детей, женщин и девиц. Все они хотели также испить крови, но Одиссей, по совету Цирцеи, не позволил им этого.

Одиссей в Аиде

Вдруг он заметил в толпе тень своей матери.

«О, Тиресий! — воскликнул он. — Ведь это моя мать. Но она, кажется, не узнает меня. Могу ли я беседовать с нею?»

Тиресий отвечал: «Если ты хочешь расспросить кого-нибудь из духов, то дай ему испить крови, и тогда к нему вернутся разум и дар слова. Кто же не выпьет крови, тот снова исчезнет, не произнеся ни одного слова».

Одиссей тотчас же подвел свою возлюбленную мать к крови, и она, испив ее, с радостным изумлением узнала своего сына. Он от нее узнал, что отец его, супруга и сын еще живы, но что она сама умерла с горя, ожидая сына. Тут призвал он тени друзей своих: Агамемнона, Ахиллеса, Патрокла и Аякса, дал им испить крови и заставил рассказать их о том, что с ними случилось. Они просили сообщить им о своих, но он не мог этого исполнить. Печально исчезли они после недолгой беседы.

Видел также Одиссей знаменитого героя древности Миноса, который и здесь судил мертвых; и Ориона, продолжавшего заниматься охотой. Видел он и страшные наказания, какие испытывались теми, которые некогда сопротивлялись богам. Данаиды наполняли водой бездонную бочку. Царь Сизиф Коринфский был обречен втаскивать на гору огромный камень, который лишь только дотаскивал он с величайшим трудом до вершины горы, в ту же

минуту выскальзывал из рук и стремительно скатывался в самый низ. Тантал стоял по горло в воде, а над головой его свешивались роскошнейшие плоды. Но когда он, мучимый вечной жаждой, наклонялся или хотел протянуть руку к плодам, вода тотчас отступала, а ветви отодвигались, и несчастный тщетно томился. Титий, непобедимый исполин, приблизившийся однажды с преступным желанием к Лето, лежал скованный на земле, и два коршуна постоянно клевали ему печень, которая, как у Прометея, ежедневно вновь вырастала. Вся эта обитель подземного царства имела мрачный и печальный вид, и Одиссей очень обрадовался, когда вышел из нее на землю и снова увидел яркий свет солнца.

Одиссей у Феаков.

Однажды, как уже было рассказано выше, плот Одиссея был разбит, и он должен был искать спасения вплавь на одном острове. Усталый и совершенно обнаженный — ибо, чтобы легче было плыть, он сбросил свою одежду в море — вышел он на берег. Никого не видя вокруг, он направился к лесу и устроил там себе ложе из листьев. Зарывшись до самого подбородка в опавшие листья, Одиссей заснул. «Так прячет, — говорит Гомер, — живущий одиноко на удаленном от всякого соседства поле земледелец горящую головню в куче пепла для того, чтобы на другой день, когда ему понадобится огонь, не ходить за ним далеко, а найти еще горящие угли под золою».

На следующее утро случай привел сюда Навсикаю — дочь Алкиноя, царя феаков. Она приехала на колеснице со своими рабынями, чтобы выстирать шерстяные одежды своих братьев и длинные женские покрывала. Мать дала ей с собой корзинку со сладким пирожным, мех с вином и благоухающее масло для умощения волос после купанья.

Они приехали к берегу светлой реки, вблизи которой находились небольшие ямки, наполнявшиеся из ручья водою. Там они бросили в ямки платье, вскочили на него и стали мять ногами. Платье было выстирано и разложено для просушки на жарком солнце, на чистых камнях, отпряженные кони паслись поблизости. Девушки выкупались, умастили себе головы и расположились на траве, чтобы приняться за легкий завтрак, привезенный в корзинке. Потом, развеселившись, они сняли с себя покрывала и стали играть в мяч. Навсикая запела при этом песню.

Наконец к вечеру платье высохло, его собрали и сложили в корзину и поставили в колесницу; заложили коней и начали готовиться к отъезду. Но тут Навсикае вздумалось пошутить с одной из девушек. Она бросила в нее мячом, но промахнулась: красивый шерстяной мяч полетел далеко в воду. Девушки громко закричали и разбудили спавшего в листьях Одиссея. Проворно выскочил он из своего убежища, но чтобы не явиться во всей непристойности своей наготы, сорвал густую ветвь и прикрылся ею. Девушки, увидев незнакомца, покрытого приставшими к нему пожелтевшими листьями, с загрязненными морским илом руками и ногами, испуганно убежали. Только одна смелая Навсикая осталась на месте и прислушалась к умоляющим речам, с которыми обратился к ней Одиссей, находясь в почтительном отдалении. Речь его показалась такой разумной, жалобы звучали столь трогательно, просьбы были так скромны и почтительны, что он, несмотря на странную внешность, понравился ей. Одиссей просил ее указать ему дорогу в город и дать что-нибудь для прикрытия тела и заключил свою просьбу следующими словами: «Да ниспошлют тебе боги мужа по желанию твоего сердца и да благословят они вас на мир и согласие!»

На пиру у феаков

Навсикая

Навсикая позвала испуганных девушек, приказала им отвести чужеземца к месту купания и дать ему склянку с маслом и одну из самых лучших одежд. Много времени

понадобилось Одиссею, чтобы чисто вымыться, но зато, когда, выкупавшись и умастив свои волосы, он явился одетый в чистое платье, то предстал в таком преображенном виде, что молодые девушки залюбовались его благородной наружностью. Они дали ему остатки кушанья и вина и, когда он вполне подкрепил себя пищей, Навсикая села в колесницу и ему велела следовать вместе с рабынями. Когда они приблизились по цветущим полям к городу, она посоветовала ему идти в город одному и другою дорогой, чтобы не подать повода к нареканию, если бы жители увидели ее, идущей по городу с чужеземцем. Затем она описала ему дворец своего отца и дала указания, как вести себя с ее родителями и другими предводителями. Затем она взмахнула кнутом и быстро поехала в город.

Вскоре вошел в город и Одиссей. Он еще издали заметил много кораблей в гавани и тотчас догадался, что будет иметь дело с мореходным народом. Войдя во дворец Алкиноя, он был поражен невиданным им никогда великолепием. Двери залов, столбы и замки — все блистало золотом и серебром. Вокруг стен стояли кресла, покрытые коврами; на них восседали феакские властители. Пятьдесят женщин прислуживали во дворце, одни из них вертели ручные мельницы, другие пряли и ткали. Сама царица Арета сидела в большой зале у пылающего очага за прялкой. Рядом восседал царь Алкиной. По совету Навсикаи, Одиссей обратился к царице. По обычаю просителей, он обнял ей колени и после краткого приветствия просил оказать ему ласковый прием и отправить его на корабле на родину. Затем в ожидании ответа он сел у очага в пепле, как следовало просителю.

Слова и осанка Одиссея понравились феакам и, так как они были ревностными почитателями богов и им хорошо были известны обязанности гостеприимства, то они и приняли его с благосклонностью. Сам царь подошел к нему, протянул руку, помог встать с пепла и подвел к окованному серебром креслу, с которого велел встать собственному своему сыну. Затем вошла рабыня с прекрасным золотым кувшином с водой и серебряным умывальником, полила Одиссею на руки воды и поставила перед ним столик. Степенная ключница положила на него хлеб, мясо и овощи, и прекрасный страдалец — Одиссей мог вполне насытиться. Царь Алкиной приказал виночерпию смешать вино с водой (древние не пили неразбавленное вино) и наполнить чаши присутствующих во славу Зевса — защитника просящих. Все вылили по несколько капель на пол, а остальное выпили. Затем речь зашла о возвращении Одиссея на родину, а потом двенадцать властителей встали и пошли по домам. Остались только Одиссей, царь и царица. Рабыни убрали столы и остатки еды. Царица, уже давно заметившая, что тонкий шерстяной плащ на чужеземце принадлежит ей, спросила его об этом, и он рассказал ей историю своего кораблекрушения и похвалил доброту Навсикаи. Наконец, царица велела рабыням поставить в сенях кровать, положить на нее лучшие подушки, покрыть коврами, а вместо одеяла положить шерстяной плащ. Все это было исполнено. Рабыни проводили чужеземца со светильником в сени. Алкиной же с супругой удалился в опочивальню, находившуюся во внутренних покоях дворца.

Рано утром царь повел своего гостя на площадь, расположенную у гавани — место собраний у феаков. Здесь уже было бесчисленное множество народа. Гость и царь сели рядом на хорошо обтесанных камнях, и царь произнес речь, в которой предложил пятидесяти двум храбрейшим юношам снарядить большой корабль, чтобы выйти в море. При этом он обещал угостить их перед отправлением в своем дворце и тут же пригласил к себе двенадцать знатных феаков, чтобы еще раз почтить чужеземца.

Во дворце началея шумный пир. Царь приказал заколоть двенадцать овец, восемь свиней и двух быков. Виночерпий усердно исполнял свою должность. Был призван любимый певец, запевший после окончания трапезы под аккомпанемент арфы сказание о троянской войне. В песне часто произносилось имя Одиссея, но никто не подозревал, что этот знаменитый муж находится так близко. Только тогда, когда Одиссей во время пения закрыл свое лицо, царь заметил, что он, вероятно, принимал участие в опасной войне. Затем он приказал певцу замолчать и пригласил юношей устроить военные игры. Пирующие снова отправились на площадь, где молодые феаки показывали чужеземцу свое искусство и ловкость в кулачном бою, единоборстве, метании копий, прыжках и беге взапуски. В

заклучении сын царя Лаудамас вызвал Одиссея на единоборство, но тот отклонил это предложение под предлогом грусти и тоски по родине. Кто-то посмеялся над этой отговоркой и высказал мнение, что он, должно быть, не воин, а просто какой-нибудь хозяин купеческого судна, постоянно путешествующий. Одиссей пристыдил его сильною речью, сказал, что готов принять вызов всякого и при этом так сильно метнул тяжелый каменный диск, что тот далеко перелетел за цель. Тогда никто уже не отважился больше шутить над ним. Игры прекратились, певец запел веселую песню, под звуки которой некоторые юноши стали танцевать с удивительной ловкостью. Каждый из двенадцати феакских властителей подарил благородному и умному чужеземцу верхнюю и нижнюю одежду, обе шерстяные и без рукавов. Насмешник смиренно подошел к Одиссею и поднес ему в подарок в знак примирения свой меч с серебряной рукояткой и в ножнах из слоновой кости, сопровождая подарок следующими дружескими словами: «Не сердись! И если между нами случилась какая неприятность, то пусть буря развеет ее. Да помогут тебе боги после столь продолжительных бедствий снова увидеть отечество и супругу».

Одиссей отвечал на такое пожелание также дружески, взял меч и опоясался им. К вечеру все воротились во дворец, где Одиссей получил все подарки уложенными в дорогой ящик, который он обвязал искусным узлом. Затем ключница проводила его в теплую баню, приготовленную рабынями. Вымывшись и умастив себе волосы, он хотел снова идти в залу, как увидел добрую Навсикаю, стыдливо стоящую у дверей. В то время не было в обычае, чтобы молодые женщины и девушки участвовали в собрании мужчин, поэтому Навсикая тайно сошла вниз из своей верхней комнаты, чтобы еще раз пожелать понравившемуся ей чужеземцу доброго пути. «Прощай, чужеземец, — сказала она едва слышно, — и вспоминай иногда обо мне на своей родине». «О, Навсикая, — отвечал Одиссей, — ежедневно буду благословлять тебя, как богиню, в сердце моем: ты спасла мне жизнь, милая дева».

Когда он вошел в залу, уже была роздана жареная свинина и подано вино, смешанное с водой. Чтобы почтить гостя, ему подали большой, жирный кусок, вырезанный из хребта. Певец снова запел о Трое, слушатели снова восхищались, один только Одиссей плакал. Царь приказал прекратить пение и только теперь спросил у гостя его имя и откуда он родом. Тогда герой начал рассказывать о своих приключениях, и слушатели были так изумлены, что в один голос просили его остаться у них подольше. Он согласился и за это получил в подарок от каждого властителя еще по золотой чаше и медному котлу с треножником. На следующее утро все подарки были принесены на корабль, и сам Алкиной тщательно уложил их под скамьями гребцов. На прощанье был заколот еще один бык, и бедро его, по тогдашнему обычаю, сожжено на алтаре в жертву Зевсу. Все присутствующие приносили жертву вином и пили его. Одиссей пожелал своим гостеприимцам всех благ и, выпив вина из чаши, передал ее благородной царице и с чувством сказал: «Будь всегда здорова, царица, пока не настигнут тебя старость и смерть, неизбежный удел каждого человека. Расстаюсь с тобой, преисполненный благодарности. Будь счастлива в этом дворце вместе с милыми твоими детьми, с народом и с Алкиноем, супругом твоим!»

Одиссей вышел, за ним последовали три рабыни с едой, вином и мягкими одеялами, которыми они покрыли подушки в кормовой части корабля, и здесь же поставили кушанья. Герой лег на подушки и заснул; гребцы же, сидя на скамьях, рассекали веслами море. Была светлая ночь. Корабль тихо скользил по гладкой поверхности моря, и спящий герой быстро приближался к милому отечеству.

Женихи Пенелопы

Отечеством Одиссея был остров Итака, как было сказано выше, находящийся к западу от Акарнании. Здесь, как и у феаков, было несколько родовых вождей, но главою их всех был Одиссей. Так как он уже почти двадцать лет был в отсутствии, на острове воцарился величайший беспорядок, и вожди, в особенности молодые, неистовствовали с наглой дерзостью. Мать Одиссея умерла с горя, а престарелый отец Лаэрт жил вдали от города, возделывая свой виноградник. Благородная супруга Одиссея Пенелопа проводила жизнь в

слезах, оплакивая отсутствующего супруга и расхищение своего богатого дома. Она была прекрасна, богата, умна и благонравна, и все это побуждало многих искать ее руки, так как никто уже не верил в возможность возвращения Одиссея. Женихи требовали, чтобы благородная женщина вернулась к своему отцу и вышла замуж за того, кого сама выберет, остальные же уступят. Но Пенелопа продолжала хранить в своем сердце образ благородного Одиссея и отвергала вступление во второй брак. Этим она еще больше раздражала заносчивых искателей ее руки.

Пенелопа и женихи

Женихи Пенелопы

«Хорошо же, — говорили они упрямо, — мы все-таки принудим тебя к этому. Каждый день мы будем пировать в твоём дворце, пользоваться твоими стадами и плодами и пить твоё вино, пока ты не согласишься выйти замуж за кого-либо из нас». И с этого дня обширный дворец Одиссея всегда был полон дерзкими бражниками, истреблявшими его добро. Когда стало известно, что в этом доме всегда можно было найти веселое общество и свободный доступ в него, то охотников до пиров находилось все больше и больше; и хотя все они величали себя женихами, но не было среди них ни одного, который был бы достоин жениться на Пенелопе. С самого острова Итаки женихов было двенадцать, с соседнего острова Дулихия — пятьдесят два, из Сама — двадцать четыре и десять из Закинфа. Всех их сопровождали рабы, повара, вестники и певцы. Эта бесстыдная толпа более, чем в сто человек, три года хозяйничала в чужом доме и пиновала за чужой счёт. Они являлись утром; пастухи должны были пригонять быков, свиней и коз, служанки приносить хлеб и кушанья, а слуги вино. Начинался пир, шум и игры, а вечером женихи расходились по домам. Все это должна была переносить бедная Пенелопа, и не было никого, кто мог бы заступиться за нее. Единственный ее сын Телемах был еще слабым юношей, да и, если бы он был в полной силе, что мог он сделать один против ста? День и ночь сидела бедная женщина в своей комнате с прислужницами и плакала. Когда же она появлялась в общей зале, то не могла считать себя в безопасности среди дикого буйства бесновавшейся толпы. Чтобы избавиться от притязаний женихов, Пенелопа придумала хитрость. «Послушайте, — обратилась она к женихам, — я начну ткать полотно на саван престарелому Лаэрту; работа эта займет много времени. Обещайте оставить меня в покое, пока я ее не кончу, и я исполню ваше желание». Женихи согласились, и Пенелопа начала ткать, но по ночам распускала всю искусную дневную работу, и таким образом ткань никогда не кончалась. Когда женихи узнали об этом, они стали неистовствовать еще сильнее.

Поездка Телемаха в Пилос и Спарту.

Верная супруга и ее сын все еще питали себя надеждой увидеть пропавшего. Они расспрашивали всех путешественников, не слыхал ли кто из них чего-нибудь об Одиссее, но все розыски их оставались тщетны. Тогда богиня Афина внушила юному Телемаху мысль посетить героев, бывших с его отцом под стенами Трои. От них он рассчитывал получить наиболее верные сведения о том, по какой дороге отправился Одиссей, и можно ли еще надеяться на его возвращение. Он ничего не сказал матери о своем намерении, чтобы не огорчать ее, но открылся только старой домоправительнице, снабдившей его вином и мукой в кожаных и глиняных сосудах. Один приятель уступил ему корабль, а двенадцать ловких юношей тотчас же согласились сопутствовать ему в качестве гребцов. К вечеру все они собрались на берегу, поставили сосновую мачту, укрепили ее веревками, привязали прочными ремнями парус, сели на скамьи, отвязали корабль и, принеся в жертву богам вина, радостно пустились в море.

На следующее утро они достигли Пилосской гавани в области Мессении, на западном берегу Пелопоннеса. Здесь жил престарелый Нестор, пользовавшийся среди троянских героев уважением за свои лета и мудрость. В это время он со своими друзьями приносил великую жертву Посейдону, которая называлась «гекатомба», то есть жертва в сто быков. Телемах сошел с корабля со своими спутниками, убравшими парус и крепко привязавшими корабль к берегу.

Телемах нашел пилосских мужей сидевшими на морском берегу девятью длинными рядами и вкушавшими мясо принесенных в жертву быков. В каждом ряду помещалось по пятисот человек. В честь божества были принесены в жертву и сожжены очищенные от кожи ноги, обмазанные толстым слоем жира. Остальное мясо было изжарено на копьях самими присутствовавшими, евшими его прямо руками. Телемах также получил свою часть после того, как он приветствовал собрание. Он сел на разостланной коже и принес жертву вином. По окончании трапезы Нестор спросил у своего гостя, кто он такой. Телемах рассказал ему свое семейное горе и что он собирает сведения об отце. Словоохотливый старик долго рассказывал ему о Трое и о своем возвратном пути, но ничего не знал об Одиссее, так как уехал раньше него. Он посоветовал Телемаху отправиться в Спарту, где жили Менелай и Елена, которые, может быть, могли доставить ему более верные сведения. «Если хочешь, — сказал Нестор, — ехать туда сухим путем, я дам тебе колесницу, коней и моих сыновей, которые для безопасности будут сопровождать тебя туда и обратно».

Принесение в жертву быка

Между разговорами наступил вечер. Гости отправились к жертвенной трапезе после того, как слуги полили каждому на руки воды и подали кубок вина для жертвоприношения. Придя во дворец, они сели рядом в обширной зале на великолепных креслах. Старец обнес вином присутствующих. Затем Телемаха отвели в сени, где ему была приготовлена постель рядом с Писистратом, младшим сыном Нестора. Женатые же сыновья и отец спали во внутренних покоях дворца.

Утром старец сидел на гладком камне у ворот дворца; вокруг него собрались любимые сыновья и множество рабов. Он дал обет принести в жертву Афине корову с позлащенными рогами и теперь готовился исполнить свое обещание. Спутники Телемаха тоже явились с корабля по приглашению Нестора. Пришел и кузнец с молотком, наковальней и щипцами и обложил золотом рога молодой коровы. Двое из сыновей царя повели телицу к жертвеннику, третий подошел с тазом и корзиной, полной ячменя, четвертый держал в руках острую секиру, а пятый сосуд для принятия крови.

Нестор умыл руки, рассыпал освященный ячмень, обстриг телице на лбу волосы и бросил их в огонь. Затем выступил вперед четвертый сын и нанес удар. Острая секира перерезала стантовую жилу, и животное повалилось. Тогда сыновья совершили жертву: они разрубили телицу, поспешно отрезали ноги, обмазали их жиром и покрыли кусками мяса. Между тем, как жертва горела на огне, старец окропил ее немного красным вином, а молодые люди стояли кругом с железными вилами, чтобы поворачивать ее по мере надобности.

Остальное мясо было тут же изжарено на завтрак присутствующим. Пришел и Телемах, которого младшая дочь Нестора между тем вымыла в бане, умастила и одела в тунику и плащ. В стоявшем посередине большом медном котле было налито вино с водой, и из него каждый почерпнул себе полную чашу и пил ее с обычными обрядами. Затем стали готовиться к отправлению Телемаха. Была заложена колесница, ключница положила в нее съестные припасы, и затем в нее сели Телемах и младший сын Нестора, Писистрат. Писистрат взял в руки вожжи и пустил лошадей. Вечером прибыли они в Феры и переночевали там. Следующим вечером они приехали в Спарту и безмолвно остановились у ворот дворца знаменитого Менелая.

Менелай в это время праздновал сразу две свадьбы: сына и дочери. Пир, пение и пляски до того наполняли залу, что прибытие колесницы было замечено только тогда, когда раб доложил об этом Менелаю. Тот приказал тотчас отпрячь лошадей и привязать их к яслям. Обоих же гостей радушно принял в своем великолепном жилище. Служанки отвели их в баню и умастили; затем они вернулись в залу и сели рядом с Менелаем. Одна из прислужниц пришла с тазом и кувшином, подала им умыть руки, а потом поставила перед каждым маленький столик, заставленный хлебом, зеленью и мясом. Сам Менелай от себя прибавил почетный жареный кусок жирного хребта, и молодые люди стали есть, дивясь великолепию дворца, ибо Менелай возвратился из-под стен Трои с богатейшей добычей и самыми дорогими дарами. Когда хозяин начал рассказывать о своем путешествии и упомянул имя Одиссея, Телемах закрыл лицо багряным плащом, и Менелай, не спросивший еще его имени, догадался, кто он такой.

В это время вошла Елена, виновница бедственной войны, и тотчас узнала по сходству лица Одиссеева сына. Окруженный истинным сочувствием, он рассказал, что делают в его доме искатели руки Пенелопы. Тогда Менелай вскричал: «Как львица терзает детенышей серны, которых, возвратившись к себе, находит в своем логовище, так и Одиссей растерзает нечестивцев, когда вернется в свое отечество!» Друзья еще долго изъявляли свое сожаление о судьбе благородного героя. Менелай сообщил о нем Телемаху только то, что ему однажды предсказал морской бог Протей, умевший принимать на себя все образы, даже огня и воды: «Одиссей снова увидит свое отечество после десятилетнего странствия и возвратится без спутников».

Юный Телемах удовольствовался этим сведением и собрался возвратиться домой, несмотря на то, что Менелай и Елена старались удержать его при себе. Обрадованный приятным посещением, богатый хозяин подарил Телемаху трех великолепных коней, колесницу и золотую чашу. Юноша отказался от коней и колесницы, так как лошади не были пригодны для гористой местности Итаки. Взамен них Менелай подарил ему прекрасный серебряный кубок с золотым ободком искусной финикийской работы. По окончании жертвенной трапезы оба чужеземные юноши легли спать в сводчатой галерее перед дворцом, где рабыни приготовили красивые парадные постели с роскошными подушками и мягкими одеялами. На другой день утром после жертвоприношения Телемах и Писистрат сели в колесницу, а Менелай и Елена проводили их до ворот. Тут поднялся орел с гусем в когтях, и Елена истолковала это как благоприятное предзнаменование гибели женихов.

Телемах и Писистрат

Обрадованные таким предсказанием юноши пустились в обратный путь. Они поехали через Феры в Пилос, где Телемах, не заезжая в дом Нестора, поспешил на корабль к своим спутникам, которые тотчас поставили мачту, подняли парус и отвязали судно от берегового утеса. В тихую ночь поплыли они по гладкой поверхности моря к Итаке, но при этом держали путь в сторону и направлялись к северному берегу, потому что женихи Пенелопы на другом корабле подстерегали Телемаха, чтобы убить его, но покровительница Телемаха Афина предупредила его во сне об опасности.

Одиссей на родине

Одиссей еще крепко спал на корабле феаков, когда гребцы на утренней заре направляли путь к Итаке. Не желая тревожить его сладкого сна, они бережно снесли его на берег, положили возле него дорогие подарки и не медля отправились назад в Схерию. Проснувшись и увидя себя одного между сундуками, кубками и треножниками, Одиссей испустил жалобный стон: несчастный не узнал родины, так как густой туман скрывал окрестность. Тогда на помощь ему явилась богиня Афина. Она предстала в образе прекрасного молодого пастуха, рассказала ему о страданиях его супруги и об отсутствии

сына и побудила его истребить надменных женихов сперва хитростью, а потом силой. Она помогла ему спрятать подарки в пещере и, коснувшись его своим посохом, превратила цветущего мужа в грязного старика с плешивой головой, гноющимися глазами и слабыми членами. Его нарядная одежда заменилась оборванным нищенским рубищем из вытертой оленьей шкуры, в руках у него очутился посох, ветхая сума из веревочной перевязи висела через плечо.

Одиссей у свинопаса

В таком наряде пошел великий страдалец Одиссей через лесистые горы и, по указанию Афины, остановился у жилища старого Эвмея. Этот Эвмей происходил из царского рода и в детстве вместе со своей нянькой был похищен финикийскими морскими разбойниками, продан в рабство в далекие страны и наконец куплен Одиссеем и сделан им надсмотрщиком над свинными стадами. Стада эти имели загоны вдали от города, и возле них стояло жилище свинопаса. Он вместе с работниками охранял и пас стада.

Свинопас Эвмей был человек честный, умный и всей душой преданный своему господину Одиссею. Всякий раз, когда ему приходилось посылать для женихов в город свиней, он негодовал на такое бесчинство и оплакивал своего господина, считая его давно погибшим. В то самое время, когда он сидел на пороге хижины и вырезывал себе из бычьей кожи пару сандалий, привязывавшихся к ногам ремнями, вдруг залаяли собаки. Он поспешно бросил кожу, заставил собак замолчать и пригласил незнакомца в хижину, затем постлал на свое ложе из листьев козью шкуру и усадил на нее гостя. Потом он заколол пару поросят, посыпал их мукой, зажарил на копье, налил в деревянную чашу вина с водою и все это радушно поставил перед гостем, который, принеся вместе с ним жертву, принялся за трапезу. В беседе Эвмей описал несчастье царского дома на Итаке.

Когда же Одиссею, по обычаю того времени, после трапезы следовало рассказать о себе, он выдал себя за сына критского владыки, сказал, что он недавно видел Одиссея, который, вероятно, находится на пути в Итаку, а может быть, даже и возвратился. Эвг мей этому не поверил.

Когда воротились со стадами пастухи, Эвмей убил откормленную свинью, чтобы почтить гостя. После ужина пастухи улеглись спать. Эвмей приготовил Одиссею постель из козьих шкур у очага и покрыл ее своим косматым плащом. Сам же он, вооружившись мечом и копьем, вышел из хижины и лег спать под нависшей скалой вблизи стада.

Одиссей собирался войти в город в образе нищего, пробраться в свой дом, принять должность слуги и таким образом ознакомиться с тем, что там происходит. Но старик не соглашался с этим планом: «Поверь, такие люди, как ты, не могут быть им слугами; им прислуживают молодые люди в красивых одеждах, умращённые благовониями. Хорош ты там будешь! Нет, друг, оставайся-ка лучше здесь, пока не вернется Телемах. Он, наверное, снабдит тебя платьем и отправит на корабле, куда просится твое сердце».

И в самом деле, вскоре в хижину пастуха вошел цветущий Телемах. Темные волосы его блистали от умещения, красивая широкая одежда облегла его стан, на ногах были сандалии, а в руке длинный посох. Он только что вернулся из своей поездки и, прежде чем войти в город, он хотел побеседовать с верным Эвмеем. Собаки ласково бросились к нему, а свинопас обнял царского сына с радостными слезами. Как бы хотелось и отцу обнять сына! Но бедный нищий не смел выказать себя. Напротив, он почтительно встал перед своим сыном и хотел уступить ему свое место. Но юноша удержал его и ласково сказал: «Сиди, старичок, мы найдем себе место, хозяин и меня где-нибудь пристроит».

«Что это за человек?» — спросил он у свинопаса.

«Он с острова Крита, — отвечал пастух, — пришел как проситель и надеется на твое милосердие».

«Мне жаль его, — ответил юноша, — но ты знаешь, что происходит в моем доме. Я не

могу приютить его у себя, потому что женихи будут над ним смеяться, а это огорчит меня. Я лучше пришлю ему кушанья и платье сюда, чтобы он не сделался тебе в тягость. А теперь сходи к моей матери и скажи ей потихоньку, что я благополучно вернулся из Пилоса. Я же останусь здесь, пока ты не вернешься».

Свинопас привязал к ногам сандалии, взял в руки посох и отправился в путь. Дорога в город была длинная, и отец с сыном долго оставались в хижине одни. И тут Одиссей открылся Телемаху. Как забилося сердце восхищенного юноши на груди милого, давно ожидаемого им родителя!

Но теперь не время было предаваться жалобам и восторгам. Одиссей поспешно сообщил своему сыну давно задуманное им намерение собственноручно расправиться со всеми надменными женихами. Юноша испугался столь смелого предприятия, но отец ободрил его и приказал хранить молчание. Никто, кроме их двоих, не должен знать, кто он в действительности, когда на следующий день он явится в виде нищего.

Они обо всем договорились, и благоразумный сын твердо запечатлел в памяти слова родителя. Возвратился свинопас, и Телемах пошел в город и предстал здоровым и невредимым пред женихами, досадовавшими, что посланный ими разбойничий корабль не захватил его. Они бы умертвили его всенародно, если бы не опасались народного мщения.

На следующий день Одиссей, покрытый рубищем, в сопровождении свинопаса отправился в путь. Уже дорогой ему пришлось предвкусить то, что ожидало его дома. Когда они проходили по гористой тропинке мимо устроенного в тополевой роще колодца, к которому девушки приходили ежедневно за водой, пристал к ним козопас Мелантий, приятель женихов, и стал осыпать покрытого рубищем царя ругательствами и пинками, пока они не дошли до ворот Одиссеева дворца. Там их встретил запах жереного мяса.

У ворот произошла трогательная сцена верности. На дворе, на навозной куче лежала старая собака Аргос, некогда вскормленная Одиссеем. Дряхлая, всеми брошенная и пожираемая паразитами, она давно уже едва волочила ноги и была теперь при последнем издыхании. Она узнала старого господина, завиляла хвостом и хотела подползти к нему, но силы ей изменили. Она вдохнула в себя еще раз запах своего благодетеля и издохла. Одиссей скрытно отер слезу и вошел в дом.

Здесь вдоль длинных стен на стульях, покрытых кожами, сидели сто женихов; ноги их покоились на деревянных скамеечках, перед каждым стоял столик с хлебом и жареным мясом. Тарелок у них не было. Гонцы и прочие слуги бегали взад и вперед, прислуживая пирующим. Посередине комнаты стоял огромный медный чан, наполненный вином, смешанным с водою, из которого слуги наполняли кубки. Певец пел во время обеда. У столбов, подпирающих стены комнаты, были поставлены стойки для копий, остальное оружие висело по стенам; Одиссей, как просящий помощи, сел на пороге. Женихи разгневались на покрытого рубищем пришельца и осыпали ругательствами свинопаса за то, что тот привел его. Злой козопас Мелантий также не переставал издеваться над несчастным. Чужеземец стал обходить всех гостей и просить милостыни, и каждый клал в его жалкую суму кусок хлеба и мяса. Один Антиной, самый гордый из всех, не дал ему ничего. Другой со смехом кинул в него коровьим копытом. Даже прислужницы издевались над ним и провожали его оскорбительными словами.

Все переносил царь с величайшим терпением, но в душе сгорал от негодования и ждал приближения минуты мщения. Пенелопа, решившись, наконец, предложить искателям ее руки окончательное условие, вошла со своими прислужницами в залу и сказала: «Слушайте! В оружейной лежит любимый лук моего супруга Одиссея с колчаном, наполненным стрелами. Он без труда, пустив издали стрелу, попадал в ушки двенадцати железных секир, поставленных одна за другой. Предлагаю вам завтра испытать эту игру, и кто попадет, подарки того я принимаю и соглашусь стать его супругой, чтобы не расхищалось таким постыдным образом имущество моего благородного сына Телемаха.

Это показалось Одиссею удобным предлогом для мщения. В тот же вечер, когда женихи удалились, он вместе с сыном вынес из залы все оружие и запер его в одной из

верхних комнат. Только два меча, два копья и два шлема оставили они для себя и спрятали их в зале. Свинопасу Эвмею и еще одному столь же преданному скотопасу, узнавшему царя по рубцу на колене, было объяснено все, и они обещали верную помощь.

Смерть женихов

Когда на следующее утро женихи снова явились, Телемах вбил в пол залы двенадцать секир в ряд и подал лук Антиною. Но сколь ни считал себя сильным этот надменный жених, он не мог натянуть лук. Тогда лук взял Эвримах, после него самый гордый, кинувший скамейкой в Одиссея в первый день его появления. Он намазал лук жиром и стал держать его над огнем, но также не смог натянуть его. Столь же безуспешно пробовали на нем свою силу и остальные. «Оставим пока» — воскликнули они, наконец, — завтра мы снова попытаемся. Сегодня же мы хотим пировать». Совет этот понравился всем, и скоро все столы были заставлены жареным мясом.

«Подайте и мне лук», — попросил Одиссей со своего места на пороге.

Женихи засмеялись и закричали: «Не хочешь ли и ты искать руки прекрасной Пенелопы?» «Берегись, — произнес нищий, — подайте же его сюда!» Женихи сочли это неприличным и рассердились. Но Телемах сказал: «Лук мой, и я могу его дать кому хочу. Возьми его, старик».

Одиссей взял издавна знакомый ему лук, легко натянул его, и стрела, звеня, полетела сквозь ушки. Все пришли в изумление. Царь дал знак свинопасу и другому пастуху и произнес: «Теперь смотрите! Избираю себе цель, в какую не попадал еще ни один стрелок». И в это самое мгновение стрела пронзила горло Антиною; пораженный, он упал и увлек в падении стол, уставленный вином и яствами.

Гости вскочили и бросились к стенам, но на них не висело больше оружия. Они все еще думали, что старик нечаянно убил Антиною, как вдруг Одиссей с яростным взглядом закричал страшным голосом: «Псы! Вы воображали, что я уже не вернусь на родину и потому расхищали мое имущество, принуждали служить себе моих слуг, терзали мою верную супругу брачными предложениями, когда я еще жив! Вы не боялись ни богов, ни людей! Зато теперь настал час вашей смерти!»

Одиссей и женихи

Все ужаснулись, потому что грозный герой опять натянул свой лук. Телемах, вооружившись мечом, надев шлем и взяв щит, принес такие же доспехи и отцу, а свинопас и верный скотопас, заперев все двери, вошли также вооруженные. Все женихи стояли безоружные и безмолвные. Один Эвримах произнес: «Справедливо порицаешь ты, господин, их поступки, ибо здесь произошло много беззаконного. Но тот, кто был всему виною, горец, домогавшийся не только твоей супруги, но и власти над Итакой, уже лежит пораженный. Пощади нас, остальных. Мы вознаградим тебя за все убытки и дадим столько скота, меди и золота, сколько потребуешь». «Нет, Эвримах, — отвечал разгневанный царь, — если бы вы принесли мне все ваше достояние, то и тогда рука моя не отдохнула бы, пока все вы не поплатитесь мне завашу дерзость. Готовьтесь к битве со мною! Надеюсь, никто из вас не уйдет от меня!»

Эвримах в отчаянии бросился на него с мечом, но смертоносная стрела Одиссея пронзила ему грудь, и он упал, опрокинув на себя стол и стулья. Тогда Одиссей стал поражать женихов одного за другим, а когда вышли все стрелы, устремился на них с копьем. Телемах и оба пастуха мужественно поддерживали его. Женихи все еще стояли, пораженные внезапным ужасом. Но вот вероломному козопасу Мелантию удалось достать их оружие, и они кинулись на Одиссея со своими острыми копьями. Но Афина защитила и его, и Телемаха

так, что удары женихов не попадали в них, между тем как сам Одиссей с быстротою молнии повергал их на землю одного за другим.

Вероломный козопас еще раз пробрался наверх, чтобы достать новое оружие. Но оба верных пастуха поспешно бросились вслед за ним, скрутили ему руки и ноги и при помощи толстой веревки втащили его на столб, и он повис там, испытывая страшные мучения.

Пенелопа с луком Одиссея

Затем они снова сошли вниз, где битва свирепствовала ещё ужаснее. Женихи, доведенные до крайнего отчаяния, устремили все копы на мстителя. Один из пастухов убил того жениха, который несколько дней назад бросил в нищего коровьим копытом, а мужественный свинопас поверг другого.

Остальные женихи, чтобы избежать ударов, как испуганные петухи в ужасе бегали по зале, пока не пали, пораженные копьями Одиссея и Телемаха. Пощажены были только двое: певец Фемий, певший за обедом по принуждению, и один верный гонец, по просьбе юного Телемаха. Услышав ходатайство юноши, дрожащий гонец выполз из-под скамьи и сбросил с себя коровью шкуру, под которой он скрывался. Одиссей выслал их обоих за дверь, а Телемаху приказал позвать старую верную ключницу, державшую до тех пор под замком пятьдесят прислужниц. Старуха обрадовалась при виде залитого кровью пола и груды мертвых тел.

Тогда Одиссей произнес следующие прекрасные слова: «Радуйся, матушка, в душе торжеству правого дела, но остерегись выражать свою радость слишком громогласно, ибо грешно радоваться смерти».

Затем ключница должна была указать прислужниц, находящихся на стороне женихов. Таких оказалось двенадцать, и Телемах с обоими пастухами приняли на себя гнусную обязанность повесить их всех вместе в одной из отдаленных частей дома. Козопас был постыдно изувечен и умер мучительной смертью.

Одиссей и Телемах, властители Итаки, взяли метлы и лопаты и вместе с обоими пастухами (до такой степени в то время не было еще известно презрение к простому труду) очистили окровавленную залу, после того как из нее вытащили во двор мертвых и свалили их тела в одну кучу. Прислужницы вымыли столы и скамьи, а в заключение царь окурил все помещение серой. Божество на все это время ниспослало на испуганную Пенелопу благодетельный крепкий сон, так что она, находясь в верхней комнате, ничего не знала о происходившем кровопролитии. Теперь ключница позвала ее вниз и все ей рассказала. Она содрогнулась при мысли, что должна обнять в образе морщинистого нищего своего супруга. Но он в это время сходил в баню, вымылся и умастил себя. Афина снова коснулась его своим посохом, и Одиссей, прекрасный, как бог, с блестящими, длинными локонами, в багряной одежде предстал перед изумленным взором супруги. Тогда узнала его верная Пенелопа и бросилась на грудь любимого супруга, двадцать лет с нею разлученного.

3. Переселение дорян. Колонии

(1100 г. до Р. Х.).

Троянская война, закончившаяся уничтожением Трои, после возвращения победоносных греков на родину несколько не повела к более тесному сближению Азии и Европы. Но стоило грекам один раз ознакомиться с плодородными берегами Азии, и они уже стали сюда стремиться. В скором времени вся приморская полоса Азии покрылась греческими городами, потому что многие эллины вынуждены были покинуть свое отечество и искать себе пристанище на азиатском берегу. Это произошло по причине великого переворота, который сначала коснулся непосредственно только одного Пелопоннеса, но

потом распространился и на все греческие племена.

То было знаменитое переселение дорян, известное под именем «возвращения Гераклидов», так как во главе переселенцев стояли мнимые потомки Геракла. В сказании об этом событии, смешанном с мифическими преданиями, были попытки доказать законность овладения Пелопоннесом дорьянами. Они считали себя потомками Геракла, а отец Геракла, Амфитрион, когда-то владел Микенами, но из-за умышленного убийства вынужден был покинуть свое государство и бежать в Фивы. Сын его Геракл, воспитанный в Фивах, ничего не сделал для возвращения отцовского государства, но вместо того, долго служил фиванскому царю Эврисфею и по его приказанию совершил двенадцать подвигов.

Но сыновья Геракла предъявили свои права к Пелопидам, которые, исходя от упомянутого выше Пелопса, благодаря брачным союзам подчинили своей власти не только микенское государство, но и весь Пелопоннес. После нескольких тщетных попыток правнукам Геракла: Темену, Кресфонту и Аристодему, поддержанным этолийцами и другими племенами, через восемьдесят лет после троянской войны удалось вторгнуться в Пелопоннес. Сначала они пытались сделать это из Коринфа через Истмийский перешеек, но, наконец, следуя совету Дельфийского оракула, переплыли залив на кораблях, высадились в Ахайе и затем направились дальше. Они подчинили своей власти весь Пелопоннес, за исключением Аркадии, сохранившей независимость благодаря гористой местности и благоразумию своего царя.

Победители разделили между собой по жребию покоренную страну и образовали три новых государства: Мессению получил Кресфонт, Аргос достался Темену, а Лакония двум братьям-близнецам, сыновьям умершего в походе Аристодема — Эврисфену и Проклу. Элиду они отдали во владение своему союзнику, этолийцу Оксилу. Аргосские Гераклиды завоевали пограничные городские округа: Сикион, Флиус, Трезен, Эпидавр. Один из внуков Геракла Алет с дружиной дорян завоевал Коринф. Только Пелопиду Тизамону, изгнанному из своего государства, удалось снова вытеснить ионян из Ахайи и основать здесь свое государство. Остальные коренные жители Пелопоннеса в скором времени должны были, особенно в Спарте, подчиниться на весьма тяжелых условиях власти новых победителей — дорян или выселиться. Именно так поступили вытесненные из Ахайи ионяне, которые и направились в Аттику. Эти беглецы, лишенные своих жилищ, в конце концов покинули свое отечество и основали столь важные для греческой истории греческие колонии в Малой Азии. Эти колонии простирались от мыса Триопийского до мыса Лектонского и распространились на близ лежащие острова. Жители колоний отличались деятельным, предприимчивым, торговым духом, ранним развитием научного и художественного образования. Они первыми из греческих областей столкнулись с персами и втянули в это столкновение свою греческую родину. Важнейшими ионийскими колониями были: Милет, Эфес, Смирна, Колофон, Клазомена, Фокея и острова Самос и Хиос. Не менее замечательными были колонии эолийские: Киме и на острове Лесбосе Митилена и Метумна, основанные сыном Ореста, Пенфилом, бежавшим из Микен сперва во Фракию, а оттуда в Азию. Несколько позднее появились дорейские колонии, к которым принадлежали Галикарнас и Книд, а позже — остров Родос. (О греческих колониях в южной Италии будет упомянуто ниже).

Различные города этих колоний, принадлежавших к одному племени, имели, по древнему обычаю, общие храмы, в которых праздновались годовые празднества и происходили общие совещания. Эти установления служили сохранению политической связи между отдельными городами.

Для этой цели ионянам служил Панионион на мысе Микале, эолийцам — храм в Киме, дорьянам — храм Аполлона Триопийского в Книде. С отечеством своим колонии находились в дружественно-родственных отношениях, подобно тем, какие должны существовать между родителями и детьми. При отъезде переселенцы брали с собой огонь из родного города. В празднествах города-метрополии принимали участие и жители основанного им колониального города. В позднейшее время и спартанцам, и афинянам удалось приобрести власть над своими колониями.

В первые столетия после переселения дорян в политической жизни греческих государств произошла в высшей степени важная перемена: всеобщее уничтожение царской власти и установление власти аристократов, то есть благородных. Аристократы, возвысившись благодаря родству с бывшими царями, военным заслугам, земельной собственности и высшему образованию, ограничили царскую власть, а потом и совсем вытеснили её. Там, где благородные злоупотребляли властью и старались умалить права остальных граждан, аристократия вырождалась в олигархию, то есть власть нескольких привилегированных фамилий. Из-за этого стали возникать смуты в народе и недовольство. Во главе недовольных становилась личность, выдававшаяся умом, и объявляла себя единовластителем. Подобное лицо, хорошо или дурно оно управляло, называлось тираном. Тиранами в лучшем смысле этого слова были, например, Периандр Коринфский (625 г. до Р. Х.), Поликрат Самосский, Писистрат Афинский, Питтак Лесбосский, Гиерон I Сиракузский тиранами в худшем смысле были оба Дионисия Сиракузские, Старший и Младший.

Тирания была только переходной формой к демократии, то есть народовластью при совершенной полноправности граждан.

Лучшим примером такого государственного устройства служат, нам Афины. Спарта, в которой царская власть сумела удержаться, представляет, напротив, пример неизменности и устойчивости первобытной формы правления.

4. Государственная реформа Ликурга в Спарте

(Около 800 г. до Р. Х.)

В Беотии царское достоинство было уничтожено в 1126 году до Р. Х., в Аргосе в 984 году, в Элиде в 780 году, в Коринфе в 584 году до Р. Х. О времени уничтожения царского достоинства в Ахайе точных сведений нет.

Одна Спарта не утратила у себя царского достоинства. Но и она не избежала внутренних смут, господствовавших в прочих греческих государствах. Страсти были возбуждены до такой степени, что один из царей — Эвном был убит на площади народом во время возмущения. Но как раз в период этих смут среди спартанских граждан нашелся муж, оказавшийся способным найти противоядие от этого государственного недуга своего отечества. Биография этого государственного человека основывается не на достоверных данных, а на легендарных сказаниях. То был Ликург — младший сын царя Эвнома. Он должен был наследовать своему старшему брату Полидекту, который умер после кратковременного правления. Но на восьмом месяце своего правления он узнал, что вдова брата собирается родить. Тогда он торжественно объявил, что отказывается от престола. Вдова, женщина честолюбивая, велела секретно сообщить ему, что она тайно умертвит ребенка, если Ликург согласится жениться на ней и остаться царем. Гнушаясь подобным предложением и желая спасти жизнь ребенка, Ликург медлил с ответом и в то же время поручил своим слугами тайно наблюдать за матерью и, как только родится ребенок, немедленно принести его к нему. Он сидел за столом со знатными спартанцами, когда ему принесли только что родившегося племянника. В радости Ликург воскликнул: «Спартанцы! У вас родился царь!» Он немедленно объявил себя опекуном новорожденного и назвал его Харилаем, что означает «радость народа». Сам Ликург отказался от престола.

Ликург (с античной статуи)

Царская одежда в Спарте

Несмотря на такую благородную скромность и бескорыстие, Ликург не избег клеветы

оскорбленной царицы и ее приверженцев. Они распустили слухи, что он хочет уничтожить младенца. Для устранения всяких подозрений Ликург вынужден был покинуть Спарту. Может быть, он уже тогда возымел намерение предпринять путешествие для обогащения себя политическими сведениями и опытом, чтобы принести потом пользу отечеству. Прежде всего он отправился на остров Крит, славившийся мудростью и строгими законами Миноса.

Здесь, должно быть, впервые Ликург принял решение сделаться законодателем своего народа. Затем он направился в Малую Азию, объехал тамошние греческие колонии и привез оттуда с собой неизвестные до того времени в собственной Греции поэмы Гомера. По некоторым известиям он посетил и Египет.

Пока Ликург вдали от родины усердно готовился стать законодателем своего отечества, лица, жаждавшие восстановления порядка и прочных основ государства, с нетерпением ожидали его возвращения. Именно на таких лиц мог рассчитывать Ликург, собираясь проводить в жизнь свои законы. Он также не упустил случая на возвратном пути в Спарту посвятить в свою тайну и в свои намерения расположенных в его пользу лиц. Многие из-за личных соображений были против изменения порядка в государстве. Ликург обратился к дельфийскому оракулу, спросив его, следует ли вводить новые законы. Пифия объявила, что она почитает Ликурга более божеством, чем смертным, а составленные им законы наилучшими.

Пять эфоров в Спарте

Подкрепленный божеской помощью, Ликург выступил на площади с торжественным объявлением о своих преобразованиях. С ним вместе явилось тридцать вооруженных сторонников — для отпора возможных противников. Преобразования касались взаимных отношений властей и граждан, частной собственности и образа частной жизни. Благодаря этим преобразованиям должна была установиться прочная власть государства над отдельными лицами, взаимное равноправие граждан и свободное слияние их в общее целое. В своем законодательстве Ликург сумел искусным образом соединить старинные обычаи с новыми узаконениями, иноземное с отечественным. Упорная привязанность спартанцев к старинным обычаям и совершенно изменившееся культурное положение остальных эллинов позволяют думать, что нововведения Ликурга действительно нечто новое и преднамеренное, хотя и основанное на древне-дорийских законах.

Во главе государства в Спарте издавна стояли два царя. Отношения между властью наследственных царей и правами народного собрания Ликург старался упрочить учреждением герусии, то есть совета старейшин. Он состоял из двадцати восьми геронтов и обоих царей. Геронты были людьми рассудительными и опытными, поэтому каждый геронт должен был иметь шестьдесят лет. Только безукоризненная жизнь могла доставить это достоинство. Выборы нового геронта происходили следующим образом: в день выборов кандидаты, один за другим, являлись перед народным собранием; особые лица, которые находились в отдельном закрытом помещении, и не видели кандидатов, решали, кого из кандидатов народ встречал более громкими приветствиями и кто из них оказывался таким образом наиболее достойным занять столь почетную должность. Должность эта была почетная и весьма важная: в руках геронтов находилось государственное управление. Они также обсуждали предварительно все предложения, которые рассматривало народное собрание. Это собрание состояло из всех спартиатов, достигших тридцатилетнего возраста. Голосование на нем происходило криком одобрения или неодобрения, без подсчета голосов. Решения народного собрания распространялись на вопросы о войне и мире, о договорах и о выборе новых должностных лиц.

За царями сохранились два чрезвычайно важных преимущества: они предводительствовали войском на войне и были первосвященниками. В этом звании они как

в мирное, так и в военное время совершали торжественные жертвоприношения от лица всего народа, вели дипломатические переговоры с иностранными государствами и в наиболее важных случаях приносили окончательные приговоры по судебным делам.

Позднее была введена должность эфора. Пять сменяемых ежегодно эфоров имели высший надзор за совершением правосудия. Они составляли демократический противовес власти царей и геронтов. Значение эфоров впоследствии достигло такой силы, что сами цари должны были подчиняться их приговорам.

Чтобы это новое государственное устройство имело прочное основание, Ликург постарался уничтожить главную причину недовольства — поразительно неравномерное распределение имущества между гражданами. Он разделил всю Лаконскую область на равные земельные участки; при этом земельная собственность самих спартанцев, то есть дорийских завоевателей, состояла из девяти тысяч, а периейцев — покоренных спартанцами людей — из тридцати тысяч частей. Чрезмерно разбогатевшие лица с большим трудом были принуждены к этому разделению. Весьма вероятно, что Ликург возобновил лишь старинное разделение страны, которое существовало после покорения Спарты Гераклидами, и восстановил это разделение на старинных правах, уничтоженных силою, хитростью или случаем.

При этом Ликург позаботился так устроить новое распределение собственности, чтобы возвращение к неравенству в имущественном отношении стало невозможным. Для этого он запретил землевладельцам продавать свои участки и определил, что наследство отца должно всегда переходить к старшему сыну, а, если сына не будет, участок переходит к дочери, но эта дочь могла выходить замуж только за человека, не имеющего никакой собственности.

Особое внимание уделяли законы Ликурга воспитанию юношества. Ликург считал детей собственностью государства, а воспитание их правом государства. Поэтому дети тотчас после рождения подвергались осмотру, здоровы ли они, сильны и неувечны ли. В последнем случае дети, как не могущие стать способными орудиями государства, обрекались на гибель, для чего и сбрасывались в пропасть с Тайгетской скалы. Если же они были здоровы, то возвращались родителями на воспитание. Но родители занимались этим делом только до шести лет. На седьмом году воспитание принимало на себя государство. Все городские мальчики разделялись на разряды и классы и жили вместе под наблюдением особо назначенных государством надзирателей. Надзиратели, в свою очередь, со всеми своими подчиненными находились под начальством главного надзирателя — педонома. Эту должность обычно занимал один из знатнейших и почетнейших граждан. Этим совместным воспитанием достигалось то, что все дети были проникнуты одним общим духом и направлением.

Детей воспитывали в величайшей простоте и умеренности, подвергали всякого рода лишениям. Пища их была дурна и настолько недостаточна, что они должны были сами добывать себе недостающее пропитание, но пойманный при этом подвергался наказанию. Одежда детей состояла из простого плаща, и они всегда ходили босиком. Спали на сене, соломе или тростнике, собираемом ими самими из реки Эврата. Ежегодно в праздник Артемиды мальчиков секли до крови и некоторые из них падали мертвыми, не произнеся ни одного звука, не издав ни одного жалобного стога. Этим думали достигнуть того, что вышедшие из таких мальчиков мужчины не будут бояться в сражении ни ран, ни смерти.

Законы, касавшиеся частного образа жизни, также были направлены на уничтожение неравенства. Ни один спартанец не имел права есть у себя дома, а все пользовались общим столом в так называемых общественных фидитиях или сисситиях, обыкновенно из пятнадцати человек за одним столом. На покрытие издержек такого общего стола каждый спартанский гражданин был обязан ежемесячно доставлять какое-то количество съестных припасов: ячменной муки, вина, сыру и фиг. Приправы приобретались на незначительные денежные взносы, составлявшие для каждого десять обол.

Самые бедные люди, которые были не в состоянии платить эти взносы, освобождались от них. Но от сисситии мог быть освобожден только тот, кто был занят жертвоприношением

или чувствовал усталость после охоты. В этом случае, чтобы оправдать свое отсутствие, он должен был послать в сисситию часть принесенной жертвы или убитого им животного. Это исполнялось так строго, что, когда впоследствии царь Агис, возвратившись домой после войны с афинянами, пожелал обедать дома, то распорядители непустили из сисситии следовавшей ему порции. Для поддержания этих сисситий служил еще другой закон, по которому ни под каким видом не дозволялось есть до обеда дома, а за общественным столом только делать вид, что ешь. К различного рода невкусным кушаньям принадлежала между прочим и знаменитая «черная похлебка». Это был род супа, сваренного из крови и уксуса. Однажды сиракузский тиран Дионисий попробовал этого национального спартанского блюда. На вопрос, как оно ему понравилось, он отвечал, что оно ему пришлось вовсе не по вкусу. Тогда повар заметил: «Охотно верю, потому что в нем не доставало приправы, то есть ни трудов на охоте, ни испарины после купания в Эвроте, которые и составляют приправу, придающую вкус кушанью для спартанцев». В частных жилищах Ликургом был изгнан всякий признак роскоши, для чего им было предписано не употреблять при постройке домов никаких других инструментов, кроме топора и пилы.

Спартанский воин

Естественным следствием простоты таких отношений и потребностей было то, что деньги в государстве не обращались в большом количестве, и при ограниченности торговли с другими государствами, в особенности в первые времена, легко обходились без золота и серебра. Это обстоятельство приписывается Ликургу, будто бы изгнавшему из государства все золото и серебро и заменившему их железной монетой, которая своей тяжестью и количеством должна была затруднить денежные обороты. Но в столь ранние времена не было ни надобности, ни необходимости отменять золотую монету: у спартанцев никогда не было большого количества благородных металлов, так что они не могли впоследствии даже доставить золота, потребного на позолочение головы Зевса Амикклейского. Поэтому скорее всего можно предположить, что малое количество золота и серебра во времена Ликурга было весьма естественно и только позже, когда в остальных греческих государствах золотая монета была уже в большом обращении, Спарта стала отличаться тем, что в ней было мало золота.

Таким же образом напрасно приписывают Ликургу и запрещение всякого умственного занятия в то время, как в остальной Греции, сначала в немногих местах, а потом и во всей эллинской нации проявлялись уже признаки научного образования.

При необыкновенной привязанности спартанцев к своим законам и обычаям умственное развитие их задерживалось всею системою древних учреждений, приспособленной к их государственному устройству. И когда в других греческих государствах появлялись ораторы, софисты, философы, историки и драматические поэты, умственная сторона воспитания у спартанцев ограничивалась лишь обучением грамоте и письму, священным и воинственным песням, которые они пели на празднествах и начиная битву. Мальчиков приучали с ранних лет к кратким, ясным ответам. Такая речь называлась лаконической. Речь эта отличалась меткостью и остроумием, а в выражении чувства духовной свободы и независимости возвышалась над речью тех, которые, хоть и имели прославленное образование, но утратили силу, ясность речи и душевную чистоту. С такими понятиями, вытекавшими из жизненного опыта, неразрывно было связано свойственное преимущественно спартанцам и прославившее их почитание старших, так как мудрость приобретается главным образом долгою жизнью. Цицерон рассказывает один показательный случай. Однажды в Афинах один мудрец вошел в театр, но не нашел себе места между согражданами. Тогда он подошел к местам, занятым случайно находившимися в Афинах спартанскими посланцами, которые все встали, чтобы дать место мудрецу. Такая самобытность в нравах и образовании, которую поддерживали законы Ликурга, ещё больше усиливала

противоположность между спартамцами и всеми остальными эллинами вела к еще большей отчужденности природного характера спартанско-дорийского племени. Поэтому, хотя и указывают на Ликургов закон, по которому ни один иностранец не мог оставаться в Спарте дольше необходимого времени и ни один спартаец не имел права долго жить вне отечества, но, очевидно, что это был просто обычай, вытекавший из самой сущности вещей. Природная суровость Спарты уже сама по себе удаляла от нее чужеземца, и если что и могло привлекать его туда, так это только одна любознательность. Для спартамца же чужая сторона не могла иметь никакой заманчивости, так как там он встречал чуждые ему обычаи и условия жизни, к которым он приучался с самого детства относиться не иначе, как с презрением. А так как Ликург постарался как можно теснее слить всех граждан с государством, то каждый из них в отдельности и не стремился удаляться из страны и долго жить в чужих краях, за исключением того случая, когда он шел туда в составе всего государства, то есть войной.

Кроме изложенных выше законов, устанавливающих умеренность, сохранение телесного здоровья, презрение ко всякого рода опасностям, существовали еще и другие постановления, непосредственно стремившиеся образовать из спартамцев воинов и храбрых мужей.

Пребывание в военном лагере считалось праздником. Здесь строгость домашней жизни получала некоторое облегчение и жилось несколько свободнее, а отнятая у неприятеля добыча доставляла большее разнообразие и изобилие в пище и питье. Багряная одежда, носимая ими на войне, венки, которыми они украшались, вступая в сражение, звуки флейт и песен, сопровождавших их при наступлении на врага, — все это придавало страшной прежде войне веселый торжественный характер.

Храбрые воины, павшие на поле битвы, погребались увенчанные лавровыми венками. Еще почетнее было погребение в багряной одежде; имена указывались только на могилах убитых в сражении. Трус же наказывался оскорбительным позором. Кто бежал с поля битвы или уходил из строя, тот лишался права участвовать в гимнастических играх, в сисситиях, не смел ни покупать, ни продавать, одним словом, во всем выставлялся на всеобщее презрение и поношение.

Ликург запретил окружать город стенами и укреплениями и искать защиту его в чем-либо другом, как только в храбрости его граждан. Спартамцы не любили и не умели осаждать укрепленные города и башни. Сражаться один на один вот искусство, которое они изучали с детства, и все гимнастические упражнения и звериная охота, составлявшие их ежедневные занятия, основывались на правилах только подобной войны.

Спартамский обед

Упражняясь в единоборстве, метании диска, военных плясках, плавании, приобретали они ту неустрашимость, благодаря которой их короткий, изогнутый меч в единоборстве, длинное, далеко достававшее копье, тесно сплоченная фаланга при наступлении на неприятеля приводили к расстройству противника. Для того, чтобы никакие посторонние влияния не могли помешать этому направлению, спартамские девушки и молодые женщины должны были также участвовать в гимнастических упражнениях, причем, конечно, имели отдельные места для этих занятий, но при некоторых состязаниях и играх молодежь обоего пола присутствовала вместе. Законодатель хотел, чтобы они даже ценой потери женской стыдливости не только рождали стройных и сильных сыновей, но и сами проникались мужественным духом и не уступали мужчинам в любви к отечеству, в презрении к смерти и в перенесении всяких лишений. Поэтому насколько их похвала была поощрением для спартамских юношей, настолько порицание было огорчением и унижением. Нет ничего удивительного в том, что спартамские женщины пользовались в государстве таким большим уважением.

Женщины в Спарте так же мало, как и мужчины, занимались ручным трудом, но проводили свою жизнь исключительно в занятиях, наиболее соответствовавших их гражданскому призванию.

Такая свобода граждан основывалась на тяжелом труде рабов, подавшем повод к известной во всей Греции поговорке, что «нигде свободный человек не свободнее, а раб не подвержен большему притеснению, как в Спарте».

Уже выше было сказано, что завоевание Пелопоннеса дорийцами породило два совершенно противоположных по своим правам каласса жителей: победителей — дорийцев и побежденных — ахейцев. Только спартиаты считались действительными, полноправными гражданами; побежденные, известные под именем периэков, а также лакедемоняне, жившие внутри страны и в приморских городах, занимались частью торговлей, частью ремеслами или же возделыванием оставленных им полей, от дохода с которых они должны были отдавать часть спартамцам. Они также обязаны были нести военную службу в войсках и во флоте, но, несмотря на это, не имели права принимать участие в государственном управлении и исключались из народных собраний.

Периэки составляли переходную ступень к третьему классу — илотам или общественным рабам. Илоты были собственностью государства, и оно отдавало их в пользование отдельным спартамцам. Название их, по общему мнению, произошло от имени города Гелоса, жители которого были обращены в рабство. Завоевание многих других городов увеличило число илотов. Им, впрочем, дозволялось вступать в брак.

Илоты были обязаны возделывать государственные земли и поля спартамцев и доставлять определенное количество ячменя, вина и оливкового масла, исполнять различные мелкие работы: прислуживать при общественных обедах, носить тяжести во время похода, работать в военное время при укреплении лагеря, а в случае нужды сопровождать спартамцев и на войну в качестве легковооруженных.

Гимнастические упражнения спартамского юношества

От свободных граждан илотов отличала одинаковая одежда — кожаная шапка и овчина. Они должны были часто напиваться допьяна, чтобы пьянство представлялось молодым спартамцам в отвратительнейшем виде, петь неприличные песни и танцевать непристойные пляски. Но петь песни, сочиненные Терпандром и Алкманом для возбуждения благородных чувств, илотам не дозволялось: такие песни могли петь только спартамцы.

Суrowa и бесчеловечна была так называемая криптейя, которую считают также в числе Ликурговых постановлений. То была правильно организованная система шпионства. Молодых спартамцев посылали бродить по стране, подслушивать речи илотов и всех подозрительных из них убивать своими кинжалами. Самых сильных и отважных илотов тайно убивали, а в отношении остальных обращали внимание на то, чтобы число их не превышало полумиллиона, так как в противном случае они могли бы быть опасны для девяти тысяч спартиатских семейств. Таким образом, спартамцы жили, постоянно опасаясь илотов, а илоты всегда были готовы к возмущению и к мщению, «подстерегали несчастье Спарты», как говорил один писатель. Само собой разумеется, что эти взаимные отношения становились все враждебнее, так как гнет илотов все увеличивался и делался бесчеловечнее, а с другой стороны, после покорения Ликургом Мессении жители ее были обращены в илотов, и их число значительно увеличилось.

О смерти знаменитого законодателя существуют разные сомнительные сообщения. По одному преданию, Ликург, написав и введя в действие свои законы, предпринял путешествие в Дельфы, чтобы спросить оракула, не следует ли изменить что-либо в его законодательстве, и что перед отъездом он взял со своих соотечественников клятву не предпринимать никаких изменений в законах до его возвращения. Когда же оракул ответил, что при этих законах Спарта возвысится и возвеличится, то он послал этот ответ в Спарту, а для того, чтобы

лишить спартанцев возможности освободиться от данной ими клятвы, добровольно уморил себя голодом в Фокиде или в Элиде. По другим же сказаниям, он умер на острове Крите и приказал там же сжечь его тело, а пепел бросить в море, чтобы с перенесением его останков в Спарту граждане не сочли себя освобожденными от данной ими клятвы, а наоборот, строго бы исполняли его постановления. Спартанцы исполняли законы Ликурга в течение многих веков.

Благодаря духу этого законодательства, они окрепли и достигли преобладающего положения не только среди дорийских племен, но на некоторое время, как покажет дальнейший ход истории, возвысились даже над всеми эллинами. Прежде всего, они очень скоро заняли первое место в Пелопоннесе благодаря войне с мессенцами. Счастливый исход войны создал для них внешнюю безопасность в такой же мере, как законодательство Ликурга способствовало благоприятному развитию их внутреннего гражданского быта.

5. Первая и вторая Мессенские войны.

(730...710 и 645...630 гг.)

Ближе других к Лаконской области лежала Мессения, то есть средняя или внутренняя страна. Уступая по площади Лаконии, она была гораздо плодороднее ее. Находясь в неприятельских руках, она могла быть угрозой, а будучи во власти спартанцев, являлась щитом Лаконии. Это и побудило спартанцев полностью упрочить свое положение присоединением Мессенской области к своей территории. Взаимные притязания и опасения обоих государств и некоторые случаи, которые каждая сторона толковала в свою пользу, привели, наконец, к открытой борьбе между ними. Вина в этом отношении была более на стороне спартанцев. Тайно подготовившись к войне и дав торжественную клятву не слагать оружия до тех пор, пока неприятельская сторона не будет завоевана, спартанцы в 730 году до Р. Х., не известив мессенцев, как то следовало по принятому обычаю, внезапно начали войну. Ими предводительствовал царь Алкамен, отец которого Телекл был убит мессенцами во время жертвоприношения, на котором собрались оба народа. Спартанцы вторглись в Мессенскую область, завладели пограничной крепостью Амфеей и убили большинство ее жителей или в собственных постелях, или в храмах у жертвенников, где многие, пытаясь спастись, искали себе убежища.

Это несправедливое нападение пробудило остальных мессенцев от их безмятежного покоя. Не теряя мужества, хотя и вполне сознавая, что они не могут одержать верх над опытными и искусными в военном деле спартанцами, они удалились в свои укрепленные города, ревностно предались военным упражнениям, отбили неприятеля от своих укреплений и отплатили за грабежи счастливыми набегами на область лакедемонян. Война без решительного перевеса продолжалась четыре года. В одном большом сражении мессенцы бились с таким ожесточением и отвагой, что показали себя вполне достигшими спартанского военного искусства.

Когда военные силы мессенцев ослабели, они решились покинуть свои города, удалиться на крутую гору Итому, укрепить ее и на этом месте сосредоточить защиту своей свободы и независимости. Одновременно они обратились к пользовавшемуся у всех дорийцев величайшим уважением Дельфийскому оракулу с вопросом о своей судьбе и получили ответ, что мессенцы победят, если в жертву подземным богам будет принесена непорочная девушка из царского рода. Их герой Аристокл добровольно предложил свою дочь и собственноручно умертвил ее. Но спартанцы, поверив в счастье и спасение мессенцев, больше ничего не предпринимали против них.

Однако вскоре спартанцы, благодаря счастливым предсказаниям, почувствовали себя снова воодушевленными и достаточно сильными для новых предприятий. В новом большом сражении мессенцы, еще находясь в полном уповании на оракула, сражались так мужественно, что опять не было никакого перевеса той и другой стороны. Но в этом

сражении мессенцы потеряли своего царя Эфая и вместо него провозгласили царем Аристодема.

Аристодем в течение шести лет причинял спартанцам большой вред своими опустошительными набегами в их область. Поддержанный аргивянами и аркадянами, он в одном сражении нанес им такое жестокое поражение, что они на некоторое время совершенно присмирели.

Но конечная победа оказалась все-таки на стороне спартанцев. Мессенцы на вопрос к Дельфийскому оракулу, кому будет принадлежать честь победы, получили ответ: «Тому, кто первый поставит вокруг жертвенника Зевса в Итоме сто треножников». Так как мессенцам исполнить это было легче всего, то они и не торопились. Спартанцы же, узнав о таком прорицании, упредили их. Приготовив поспешно из глины сто треножников, они пронесли их незаметно ночью в святилище.

Эта удавшаяся хитрость и другие дурные предзнаменования породили в мессенцах твердое убеждение в неизбежной собственной гибели. Аристодем лишил себя жизни на могиле напрасно умерщвленной дочери, а прочие мессенцы после упорной попытки отбить от Итомы неприятеля также предались отчаянию. Они покинули Итому из-за голода; часть их спаслась бегством к союзникам, аргивянам и аркадянам, посвятила себя элевсинским таинствам и переселилась в Элевсин, остальные рассеялись по всей стране.

Беднейшая часть народа осталась на родине и принуждена была жить в зависимости от спартанцев. Обязанные присягою, они не должны были никогда отпадать от спартанцев, предоставлять в их пользу половину сбора со своих полей и, подобно перизкам и илотам, являться в черной одежде на погребение спартанских царей.

Мессенцы еще раз попытались сбросить с себя позорное иго упорной войной. Выросло новое, сильное, молодое поколение, горевшее одним только чувством — желанием отомстить Спарте. Вся сила этой мести и стремления к свободе сосредоточилась в Аристомене — юноше из царского рода. Он стал душой нового восстания; все мессенцы возложили свои упования на ум и мужество этого юноши, который к тому же смог договориться о помощи с аргивянами и аркадянами. Так началась вторая мессенская война. В первом же сражении между мессенцами и спартанцами Аристомен настолько доказал свою храбрость и способность, что мессенцы предложили ему сперва царское достоинство, а потом, когда он отказался от этого, неограниченную власть предводителя. Вскоре после этого Аристомен проник ночью в Спарту и положил в храм Афины Халкиокийской свой щит с надписью: «Аристомен посвящает его богине после победы над Спартой». Спартанцы должны были противопоставить такому страшному противнику самого выдающегося человека.

Они спросили Дельфийского оракула, и тот посоветовал им обратиться за помощью к афинянам. Афиняне вместо войска прислали поэта Тиртея. Своими пламенными песнопениями и военными песнями он водворил мир и согласие между враждовавшими до тех пор гражданами и вновь воодушевил и оживил их упавшее мужество. Однако мессенцы, благодаря храбрости Аристомена, и в открытом бою, и в набегах постоянно побеждали спартанцев. В конце концов, спартанцы прибегли к самому постыдному средству — предательству. Они подкупили аркадского царя Аристократа, приведшего к мессенцам вспомогательное войско. В самый разгар сражения он ушел со своими войсками и этим привёл мессенцев в такое расстройство, что спартанцы одержали над ними полную победу.

Мессенцам не оставалось другого выхода, как тот, к которому они прибегли уже в первую мессенскую войну. Они оставили за собой только западный берег. Жители остальной страны, в особенности способные сражаться, заняли укрепленную гору Иру. Отсюда Аристомен предпринимал такие успешные набеги, что спартанцы решили не обрабатывать полей в близлежащих областях Мессении и Лаконии, так как Аристомен уничтожал все посевы на них. Такое положение создало голод и повело к возмущению землевладельцев, которых с трудом усмирил Тиртей.

Аристомен становился все смелее и смелее. Он напал даже на город Амиклы и

разграбил его. Но во время этого нападения он вместе со своими пятьюдесятью товарищами был схвачен спартанцами и брошен в пропасть с Тайгетской скалы, откуда сбрасывали осужденных на смерть. Отсюда, казалось, не могло быть никакого спасения, и спартанцы рассчитывали, что со смертью Аристомена будет окончена и война. Но к радости своих и к ужасу врага, случай, изукрашенный в легенде вымыслом, спас Аристомена от верной гибели. Из всех брошенных в пропасть мессенцев одному только Аристомену удалось спастись. Сначала, казалось, счастье совсем покинуло его, и он приготовился к мучительной смерти, но вдруг он услышал шорох и увидел лисицу, пожиравшую труп. Появление этого животного доказало ему возможность выхода из пропасти, и он возымел надежду найти для себя этот выход.

Незаметно и проворно схватил он одной рукой хвост лисицы, а другою при помощи плаща защищался от ее укусов. Следуя за лисицей, он достиг прохода, расширил его, насколько позволили силы, и убежал из пропасти к своим на гору Иру. Ликующие мессенцы собственными глазами убедились в спасении Аристомена, которого они считали умершим. Спартанцы не хотели верить случившемуся, но вскоре им пришлось убедиться в справедливости слухов: Аристомен напал на коринфян, шедших на помощь спартанцам, и рассеял их войско.

Спартанцы не пренебрегали ничем, чтобы обезвредить такого противника. По случаю наступления в Амиклах священного праздника Гиацинтий они заключили с мессенцами перемирие. Аристомен, полагаясь на договор, разъезжал по Мессении. Во время этих разъездов он был схвачен находившимися на жаловании у спартанцев критскими стрелками и, связанный, был отправлен в Спарту. Но дорогою во время остановки в доме одной мессенянки он был снова спасен ее дочерью от неминуемой гибели.

Аристомен и его народ казались непобедимыми. Но боги решили погубить Мессению, что и было возвещено оракулом. Для окончательного падения Мессении судьба воспользовалась минутой, когда полученная Аристоменом при одном набеге рана помешала его обычной бдительности и заботливости об охране и защите укрепленной горы Иры. Случилось так, что в одну дождливую и темную ночь в надежде, что спартанцы ничего не предпримут в такое время, мессенские часовые покинули свои посты и ушли домой.

Один спартанский беглец случайно спрятался в доме ушедшего со своего поста мессенского часового. Узнав таким образом о совершенной беззащитности крепостных стен, он поспешил в спартанский лагерь, рассчитывая за такую новость получить позволение вернуться в свое отечество. Спартанцы не замедлили воспользоваться этим и ворвались в крепость, прежде чем мессенцы успели их заметить. Пробужденные шумом мессенцы, еще три дня и три ночи отчаянно защищались под предводительством Аристомена.

Наконец, когда превосходство сил все прибывавших спартанских войск сделало сопротивление невозможным, Аристомен постарался спасти остаток своего народа. Он собрал его вокруг себя, стал сам во главе его, свободно прошел сквозь расступившиеся ряды спартанцев, которые не пожелали купить победу над этой горсткой врагов слишком дорогой, кровавой ценой, и направился в Аркадию. Отсюда спасшиеся бегством мессенцы, соединившись с другой толпой своих соотечественников, населяющих западную часть Мессении, отправились в Сицилию. Там они овладели городом Занкле и назвали его Мессаною.

Аристомен отправился на остров Родос к царю Дамагету. Дамагет, повинувшись Дельфийскому оракулу, повелевавшему ему жениться на дочери лучшего из греков, вступил в брак с дочерью Аристомена. Мессенский герой умер на этом острове, собираясь ехать сначала к мидийскому, а от него к лидийскому царю. Оставшиеся в своей области мессенские жители были обращены спартанцами в илотов, а вся земля их была разделена между спартанцами.

С победой над мессенцами Спарта получила решительный перевес над государствами Пелопоннеса, что и было ими признано. Только один Аргос выражал неудовольствие и впоследствии, завидуя гегемонии Спарты, держался от нее в отдалении.

Даже за пределами своего отечества Спарта как сильнейшее государство Греции пользовалась в VI веке до Р. Х. большим уважением, что доказывает, например, тот факт, что Крез обратился к Спарте с предложением принять участие в его войне против Кира.

6. Солон — законодатель Афинский

(594 г. до Р. Х.)

Гораздо позднее и совсем в ином духе перешло к прочной форме правления афинское государство.

Переход этот совершился благодаря деятельности Солона, государственные способности которого, подобно Ликургу в Спарте, были настоятельно необходимы, чтобы вывести государство из обуревавших его смут. Между царями и благородными родами — эвпатридами — вспыхнула борьба. Царское достоинство было принесено в жертву греческому духу свободы, но при этом по отношению к последнему царю сохранилось чувство признательности и благоговения.

Дорийцы во время своего переселения, овладев всем Пелопоннесом, проникли до области Мегары. Афиняне, желая изгнать из этой важной области чужеземное и враждебное племя, начали войну с дорийцами. Оракул обещал в этой войне победу дорийцам, если они не убьют тогдашнего афинского царя Кодра. Но Кодр, узнав о таком прорицании, принял героическое решение доставить афинянам победу ценой своей жизни. Он переоделся крестьянином, отправился в неприятельский стан и, оскорбив одного дорийца, затеял спор и был убит в драке. Вскоре под рубищем бедняка узнали афинского властителя, и пелопоннесцы, усомнившись в счастливом исходе войны, отступили назад, удовлетвовавшись завоеванием Мегары.

Эвпатриды воспользовались этим обстоятельством, чтобы положить начало правлению благородных — аристократии. Они сумели искусно согласовать чувство признательности к царю со своими собственными государственными и гражданскими интересами. Ни один смертный, говорили они, недостойн быть преемником такого царя, как Кодр, и никто, кроме Зевса, не должен после него царствовать в Афинах. Таким образом отменили царское достоинство, и старший сын Кодра Медонт был поставлен во главе правления с титулом архонта (1068 г. до Р. Х.).

Древняя ионическая одежда

Это новое достоинство, как и предшествующее царское, было пожизненное и наследственное и совмещало в себе те же права, не исключая прав верховного жреца и высшего надзора за религиозными обрядами.

Но достоинство архонта постепенно проникалось все более и более республиканским духом и по истечении трехсот лет, когда от должности архонта был отрешен тринадцатый архонт из рода Кодра — Алкмеон, перестало быть пожизненным и в течение некоторого времени было ограничено десятью годами. Оно, по возможности, сохранялось в роде Кодра. Брат Алкмеона первый был избран архонтом на десять лет с обязательством отдавать отчет в своем управлении эвпатридам. Около 683 года до Р. Х. вместо одного архонта стали выбирать девять и уже не на десять лет, а на один год. Первый архонт назывался эпоним (его именем назывался год), второй — базилевс, заведывал религиозными обрядами; военными делами заведывал третий — полемарх. Остальные шесть назывались фесмофетами и вели судебные и законодательные дела. Таким образом единство царской власти было раздроблено. Многие благородные фамилии достигали этого высшего достоинства, и в Афинах господствовала аристократия.

Однако Афины не остановились на этой перемене; она составила лишь переходную

ступень в дальнейшем развитии политической и гражданской жизни, к которому было предназначено афинское государство. Из правления благородных со временем должна была возникнуть демократия, потому что благородные роды, полные честолюбия, враждовали между собой, оспаривая друг у друга власть над Афинами, и угнетали народ. Ряд смут и междоусобий наполняет историю Афин того времени.

Потребность в прочном законном порядке и в составлении писаных законов против своевольного правления архонтов-эвпатридов чувствовалась все сильнее и настоятельнее. Но первая попытка в этом роде архонта Дракона в 620 году до Р. Х. не достигла цели и безотрадное положение дел продолжалось. По законам Дракона за каждый проступок, даже за кражу плодов, полагалась смертная казнь, так что один из позднейших ораторов, Демад, сказал о них, что законы Дракона были написаны кровью.

Следствием жестокости этих законов было кровавое восстание Килона. Его победа на Олимпийских играх увеличила его природную славу как человека знатного происхождения, а брак с дочерью тирана Мегары еще больше увеличил его могущественные фамильные связи. Полагаясь на такие преимущества своего положения, Килон вознамерился присвоить себе в Афинах верховную власть. Воспользовавшись раздорами эвпатридов и склонив на свою сторону народ различными обещаниями, в том числе обещанием передела земли, он овладел Акрополем — крепостью Афин.

Но как только узнали об этом государственном перевороте эвпатриды, они под предводительством Мегакла, принадлежавшего к не менее могущественной фамилии Алкмеонидов из рода афинских царей, поспешили отнять у Килона Акрополь. Сторонники Килона, находившиеся в крепости, из-за недостатка в воде и съестных припасах, были доведены до бедственного положения. Самому Килону удалось спастись бегством; его же приверженцам не оставалось ничего другого, как искать спасения в храмах крепости. Враги выманили их из храмов обещанием даровать жизнь и умертвили как их, так и тех, которые искали спасения у жертвенников богинь Эвменид.

Это злодеяние, совершенное против религии, вызвало в афинском народе опасение за благосостояние города. Афиняне опасались, чтобы гнев богов не обрушился вместе с преступниками и на самый город. Прежде всех отложились эвпатриды. После долголетних смут эвпатриду Солону удалось, наконец, убедить Алкмеонидов подвергнуть себя третьейскому суду, составленному из граждан одного с ними сословия, и по приговору суда удалиться в изгнание. Затем, по указанию Солона, нужно было совершить обряд очищения города от поругания святынь. Жертвоприношениями и другими умиловительными обрядами город был очищен, и граждане вновь обрели мужество и надежду.

Но источник непрерывных смут заключался главным образом в отсутствии прочного устройства государственных и гражданских отношений и в различии желаний и стремлений политических партий. Таких партий было три, и они назывались историками по местностям афинской области, в которых они жили: диакрии или гиперакрии — жители гор, педии — жители равнин и парали — жители побережья. Диакрии — самые бедные ограниченные в правах, стремились к переделу земельной собственности, а главным образом, к равноправию всех граждан, то есть к демократии; парали — граждане среднего сословия, торговцы и мореходы, желали умеренных законов; педии, состоявшие из благородных землевладельцев, желали видеть управление в руках немногих, то есть олигархию. К диакриям примкнула большая часть бедных из других областей, которые сильно задолжали богатым (явление, встречаемое почти во всех государствах того времени) и принуждены были отдать им в залог свои маленькие земельные участки или самих себя. Они жили под постоянным тяжелым гнетом строгих законов, охранявших права заимодавцев, и готовы были прибегнуть к самым отчаянным средствам, лишь бы уничтожить мучителей. Умиротворить с возможною осторожностью так много страстей и удовлетворить, по возможности, столь различные требования — составляло далеко не легкую задачу. Эту задачу выполнил Солон — человек, от проницательного ума которого не ускользнуло, что должно быть истинным средством, чтобы помочь государству в беде. Наделенный мягким характером, обширным умом, он

обладал сверх этого даром привлекать к себе людей. При этом по своему общественному положению, одинаково далекому и от заносчивой гордости знатных, и от слепого отчаяния угнетенного народа, он был более других способен выступить посредствующим и примиряющим законодателем.

Солон (с древнего бюста)

Солон уже успел доказать свои способности и привлечь на свою сторону уважение народа различными делами, направленными на пользу государства. Ему обязаны были возвращением острова Саламин, отнятого у афинян тираном Теагеном из Мегары в отмщение за неудачное предприятие его зятя Килона. После многократных и тщетных попыток вернуть столь необходимый для их торговли остров афиняне, уже отчаявшись в возможности этого дела, издали закон, запрещающий под страхом смертной казни кому бы то ни было даже упоминать об этом острове. Этот закон наносил прямой ущерб городу, и все дело сводилось к тому, чтобы уничтожить его, не подвергая свою жизнь опасности. Солон указал средство для исполнения всеобщего желания. Он заперся у себя дома, распустил слух, что он сошел с ума, сочинил относившееся к Саламину стихотворение и, выучив его наизусть, выскочил из своего дома на площадь, прокричал это стихотворение и призвал в нем граждан к обратному завоеванию Саламина. Сговорившиеся с ним заранее его друзья, в особенности Писистрат, не замедлили поддержать перед собравшимися это предложение. Когда труднейший шаг, а именно, упоминание о деле, был сделан, пошли дальше — и закон был отменен. Счастливый исход похода, возвративший Саламин в руки афинян, окончательно возвысил славу и авторитет Солона.

Еще большее значение для него имело благоволение Дельфийского оракула. Он приобрел это расположение тем, что настоял перед судом на строгом наказании Фокейского города Кирры за ограбление области Дельфийского божества. То была так называемая первая священная война (600...590 г.). Кирра была разрушена, принадлежавшая ей земля посвящена Аполлону, а всякий, кто отважился бы снова возделывать ее, предавался проклятию. В благодарность за энергичное заступничество за честь божества оракул поддержал стремление Солона выступить в качестве законодателя для своих граждан. Ему было прислано следующее изречение оракула:

Сядь посреди корабля и возьми правящее весло в свои руки.

Для управления; многие афиняне, готовые помогать тебе, появляются.

Солон должен был удовлетворить желания различных партий, и его законы носили примиритель-ский характер. Это доказывается его собственными словами, что он выбрал для афинян законы не лучшие сами по себе, а лучшие из тех, которыми они могли воспользоваться. Согласно желанию угнетенной и притесненной части народа, он мог, по примеру Ликурга, разделить земельные участки поровну между всеми гражданами. Но Солон предпочел прибегнуть к менее насильственному средству, к так называемой сейсахтии, то есть к облегчению тягостей долгов. Под этим следует понимать не полное погашение долгов, но, с одной стороны, известное уменьшение накопившихся процентов, а с другой, уменьшение самого капитального долга на 27% через введение новой денежной системы. Например, кто должен был при старой денежной системе сто драхм, хотя и платил по новой системе также сто драхм, но равнявшихся семидесяти трем старым. Кто должен был старый (эгинский) талант, платил за него только новый (эвбейский), который был дешевле на двадцать семь процентов. К этому Солон присоединил строгое запрещение, чтобы никто в будущем не мог отдавать в залог свою личную свободу, и придал этому закону обратную силу, то есть, что все, кто к тому времени находился за долги в рабстве, были объявлены свободными. То обстоятельство, что он, по уверению историков, не вполне

удовлетворил этими законами ни бедных, ни богатых, говорит за справедливость и беспристрастие его постановлений.

Подобным же уравнительным образом распределил он право участия в управлении государством между знатными родами, представители которых управляли до тех пор, и народом, который до этого времени не принимал никакого участия в управлении государством. Он разделил граждан на четыре класса, различавшиеся между собой размерами имущества. Кто из своего имущества или земельного участка получал ежегодно пятьсот мер (медимнов) хлеба или соответствующее количество вина и масла, то есть обладал податным капиталом в шесть тысяч драхм, тот принадлежал к первому классу, члены которого назывались пента-косиомедимнами, получающими пятьсот мер хлеба. Принадлежавшие ко второму классу должны были получать от трехсот до пятисот мер и обладать податным капиталом не менее, чем в три тысячи шестьсот драхм. Они назывались всадниками, потому что могли содержать коня, и из них выбирались конные воины. Находившиеся в третьем классе назывались зевгитами, то есть такими, которые были в состоянии содержать для обработки своего поля одну запряжку волов и получали от ста пятидесяти до трехсот мер ежегодного дохода, равнявшегося тысяче восьмистам драхмам капитала. Они должны были иметь полное вооружение гоплита (тяжеловооруженного воина), в качестве которых и служили на войне. Феты, то есть работники, поденщики, ремесленники, торговцы составляли четвертый класс. Его члены имели годовой доход меньше ста пятидесяти медимнов. Они составляли в войске легковооруженных и служили матросами во флоте.

Этот самый многочисленный класс был свободен от налогов, имел право голоса в народных собраниях, но был лишен права занимать государственные должности. Доступ к этим должностям имели только члены первых трех классов; достоинство же архонтов осталось исключительно за членами первого класса. Право голоса в народных собраниях имело однако весьма важное значение. Народное собрание решало вопросы о мире и войне, утверждало законы, выбирало должностных лиц и требовало отчета в государственных расходах. Народное собрание составлялось из всех граждан, достигших двадцатилетнего возраста, и утверждало решения большинством голосов (поднятием руки, черепками или камешками). Особенно строго соблюдалось, что в народном собрании принимали участие только афинские граждане. Ни один иностранец под страхом смертной казни не смел являться в народное собрание. Приобретение же права гражданства Солон весьма затруднил.

Для того, чтобы придать осмотрительность и благоразумие этой подвижной массе народного собрания, способной по легкомыслию увлекаться в разные стороны, Солон, по его собственному выражению, установил «два якоря». Одним из них был ареопаг, который до Солона был уголовным судом, заседавшим в ночной темноте. Солон устроил ареопаг совершенно по-новому, в соответствии со всем новым законодательством. Членами ареопага назначались ежегодно выбывающие архонты, то есть ареопаг состоял из представителей только первого класса. Круг его действий, кроме разбирательства дел об убийстве и других тяжких преступлениях, состоял в наблюдении за исполнением законов и религиозных обрядов и за правами граждан. Он также имел право высказывать возражение против всякого решения совета или народного собрания, если это решение представляло опасность для благосостояния государства или заключало в себе нарушение существующего государственного устройства. Один римский писатель сравнивал влияние ареопага на афинское государство с божественным провидением о вселенной. В первые времена без ареопага не принималось ничего сколько-нибудь важного.

Вторым якорем, предназначенным Солоном для укрепления народного собрания, был совет четырехсот, позднее пятисот, когда число классов в Афинах увеличилось. Хотя в этот совет выбирали все четыре класса, но избираемые должны были принадлежать к лицам только первых трех классов, причем прошлая жизнь их подвергалась строгому разбору, который назывался докимасия. Докимасия включала проверку наличия полных гражданских прав, фамильного склепа, исполнения воинской обязанности, уплаты налогов и почтения к

родителям. Этот совет имел право созывать народное собрание и предварительно рассматривал все вопросы, прежде чем они предлагались народному собранию. То, что он не считал полезным, вовсе исключалось из обсуждения народного собрания. Он имел исключительное право заведывать финансами, в нем сосредоточивалась правительственная и административная власть. Совет также заведывал вооружением войска и флота и мог задерживать и сажать в тюрьму государственных преступников. Председатель совета был хранителем государственной печати, ключей от казнохранилища и крепости. Однако власть совета была ограничена, и без одобрения народного собрания никакое постановление его о войне или мире не могло иметь само по себе окончательной силы. Совет заседал в особом помещении и в определенное время. В промежутке между заседаниями текущими делами управлял комитет из ста избранных членов совета, которые назывались пританами.

Хотя оба эти учреждения и должны были обуздывать народное собрание, но последующая история покажет нам, как, несмотря на это, народное собрание, ослабляя значение обоих своих противовесов, постоянно расширяло свою власть и давало все больше и больше простора коренившемуся в народе демократическому духу. Составился и народный суд, гелиэя, в который архонты ежегодно назначали по жребию из всех четырех классов по тысяче граждан из каждого. Сначала суд этот был апелляционный, а впоследствии стал высшей судебной инстанцией для уголовных преступлений и важнейших юридических вопросов.

Республиканским духом проникнуты и многие другие узаконения, касавшиеся частных отношений. Каждый афинский гражданин мог кому угодно завещать свое имущество.

До Солона это не было позволено, и имущество должно было оставаться в семье как общая родовая собственность. Теперь же гражданин, не имевший детей, получил право отказывать все свое по своему желанию. Таким образом, имущество впервые перешло в собственность. Далее, всем гражданам было дозволено заниматься ремеслами, и сын не был обязан содержать в старости своего отца, если тот не научил его какому-нибудь мастерству. Эти два постановления поощряли афинян к промышленности и торговле, в которых так нуждалась неплодородная и в то же время столь удобная для мореплавания Аттика.

В высшей степени замечателен выказывающий всю политическую проницательность Солон закон в силу которого каждый, кто во время народных движений не принимает чьей-либо стороны, должен объявляться бесчестным. Этим законом Солон желал противодействовать вредному равнодушию благомыслящих людей к общественным делам, вследствие чего часто одерживают верх дурные начала.

Воспитание юношества Солон не обратил, как Ликург, в дело государственное, но, напротив, предоставил больше на волю и средства частных лиц. Гимнастика, по общему греческому обычаю, составляла в Афинах, как и в Спарте, главную школу при воспитании юношества, но ею не заставляли заниматься с такой суровой строгостью. Свобода и многосторонность, предоставленная Солоном деятельности афинских граждан, вносили нравственное, умственное и художественное начала в круг их образования и в высшей степени способствовали богатству и разносторонности развития государства. Юношество должно было обучаться музыке, чтению и в совершенстве знать лучшие произведения поэзии, в особенности религиозного содержания.

Затем Солон заботился об оживлении любви к отечеству. По одному из его постановлений, дети павших на поле сражения с оружием в руках воспитывались за счет государства; по другому, убитым в сражении воздавались торжественные похороны, сопровождаемые похвальными речами. И действительно, оба эти постановления способствовали подъему в гражданах воинственного духа на защиту отечества.

Господствовавшая в афинском государстве кротость происходила также от того, что Солон отменил кровавые законы Дракона, сохранив их только за убийство и за другие уголовные преступления, а также в отношении тех, кто обижал бедняка, ребенка, женщину или раба. По кроткому обращению с рабами Афины в особенности отличались от Спарты, поэтому и говорили, что рабы в Афинах менее стеснены, чем свободные граждане в других

государствах. Особого восхваления заслужил также закон Солона, запрещающий дурно говорить об умерших.

Этими и подобными им законами Солон положил основание дальнейшему развитию отличительного афинского духа. Законы его, написанные на деревянных досках, были открыто выставлены в городе. После того, как граждане поклялись в течение десяти лет не отменять и не изменять новых законов, Солон отправился путешествовать в Египет, на остров Кипр и в Малую Азию и на пути своем посетил Креза, царя лидийского.

7. Писистрат

(560...510 г. до Р. Х.)

Но во время путешествия Солона в Афинах произошли события, показавшие, что законы не могут удержаться сами собою, а для своего упрочения нуждаются в поддержке сильного правителя. Уже в то время, когда Солон в качестве законодательного архонта пытался укрепить государство своими новыми установлениями, многие изъявляли желание, чтобы он стал верховным правителем Афин или тираном (в греческом смысле этого слова). Отрывки из стихотворений Солона показывают, что он считал необходимым защищаться от тех, которые упрекали его в том, что он желает господства не себе, а своим законам, и усматривали в этом не скромность, а слабость и малодушие. Подобную скромность считали неблагодарной. Не думая, что убеждения и законы достаточно сильны сами по себе для изменения государственного устройства, они охотно бы подчинились управлению столь справедливого и благоразумного человека, как Солон.

То, что отверг Солон, удалось получить одному из его родственников, Писистрату. Он отличался властолюбием и воспользовался настроением умов к тирании не только ради своих личных интересов, но и к выгоде государства.

Лишь только удалился Солон, как тотчас же выступили друг против друга три упомянутые выше партии, которые из перемены правления хотели извлечь каждая для себя гораздо больше пользы, чем предоставлялось им уравнительным Солоновым законодательством. Во главе педиев стал Ликург, паралиев — Мегакл из рода Алкмеонидов, а диакриев — Писистрат. Таким образом к партии Писистрата принадлежала беднейшая часть народа, всецело покоренная его высоким умом и увлекательным красноречием. Она ожидала от своего предводителя расширения своих политических прав и распределения земельной собственности.

Писистрату легко удалась хитрость, при помощи которой он создал для себя независимую власть. Он сам нанес себе рану и, приказав привезти себя в таком виде на колеснице на городскую площадь, сумел уверить народ, что он пострадал от своих врагов за политические убеждения. Раздраженный народ изъявил готовность сражаться за него и охранять его, а один из друзей Писистрата сделал предложение дать ему для охраны пятьдесят вооруженных телохранителей. Это предложение было одобрено советом четырехсот и утверждено народным собранием. Писистрат в скором времени увеличил число этих телохранителей по своему собственному усмотрению и начал беспрекословно править Афинами.

Между тем Солон вернулся и стал свидетелем всех этих происшествий. Но волнения партий пересилили его общественное влияние, а преклонные лета требовали покоя, поэтому он устранился от общественной жизни и только старался переговорами с предводителями партий внести мир и согласие в их отношения. Но старания его не имели успеха. Так же тщетно старался он убедить народ не поддаваться обману и не предоставлять в распоряжение Писистрата охранной стражи. Наконец, увидав, что одна часть граждан была введена Писистратом в ослепление, а другая от страха не решилась сопротивляться ему, Солон удалился с городской площади, сказав: «Писистрат умнее первых и мужественнее вторых».

Достигнув власти, Писистрат выказал себя благоразумным, продолжая уважать и пользоваться советами престарелого Солона, который не переставал в речах и стихотворениях упрекать граждан в их неблагоразумии и малодушии. Когда Солон умер, Писистрат не перестал соблюдать его законы и, как рассказывают, будучи уже тираном, сам явился на суд в ареопаг, когда был обвинен в убийстве. Архонты и члены совета выбирались по-прежнему; при этом заботились только о том, чтобы большинство их состояло из приверженцев Писистрата.

Однако власть Писистрата еще не была настолько прочной, чтобы противостоять каждому случавшемуся сопротивлению. Мегакл и Ликург, бежавшие из Афин в страхе за свою жизнь, возвратились и с помощью своих приверженцев в 554 году изгнали Писистрата из города. Но вскоре они сами вступили в борьбу друг с другом и сильно потесненный Ликургом Мегакл предложил Писистрату вступить в брак с его дочерью, обещая за это помочь ему снова получить верховную власть. Писистрат принял предложение, и они для достижения своей цели придумали хитрость, которую Геродот считает несколько грубой для эллинов, с давних пор отличавшихся От варваров умом и сметливостью, и в особенности для афинян, которые по уму занимали первое место среди греков.

Они выбрали женщину, отличавшуюся высоким ростом и необыкновенной красотой, поставили ее во всеоружии на колесницу и въехали вместе с ней в город. Впереди шли глашатаи и громко восклицали: «Примите Писистрата с любовью: сама богиня Афина уважает его более других смертных и вводит в свой город!» Слух о том, что женщина эта сама богиня, быстро распространился по городу, и афиняне, убежденные в справедливости этого слуха, хорошо приняли Писистрата (в 550 году до Р. Х.).

После этого Писистрат разошелся с дочерью Мегакла. Тогда Мегакл, разгневанный и оскорбленный, снова соединился с противниками Писистрата. Узнав об этом, Писистрат покинул Аттику, удалился в Эретрию и старался там добыть себе людей и денег в соседних государствах, которые прежде были с ним в союзе.

Лишь спустя одиннадцать лет, собравшись с силами, Писистрат снова вернулся в Аттику в 538 году, занял Марафон и получил еще значительную поддержку из Афин и из самой области Аттики. Во главе собранного войска он напал на Афины и в битве при Паллене обратил своих противников в бегство. Со свойственным ему благоразумием он тотчас послал своих сыновей за бежавшими и приказал ободрить их и уговорить вернуться домой, обещая, что им ничего дурного не сделают. Когда беглецы вернулись, Писистрат избавился от дальнейшей борьбы.

Многочисленные враги его или пали в сражении, или, спасая свою жизнь, тотчас бежали.

Чтобы избавиться на будущее от противников, Писистрат распорядился захватывать и отсылать в качестве заложников на покинутый остров Наксос детей знатных граждан, казавшихся ему подозрительными. Он правил Афинами справедливо и умеренно до самой своей смерти в 527 году и постоянно старался распространять в них умственное образование.

8. Дельфийский Оракул. Союз Амфикионов. Общественные игры.

Рядом со Спартой и Афинами, историю которых мы довели до известной степени развития и которые частью уже в это время, а частью впоследствии вступили между собой в борьбу и неприязненные отношения, в Греции существовало еще множество других государств. Но история их не настолько известна нам, чтобы мы могли также всесторонне изложить их судьбу и устройство их государственных учреждений. Мы знаем только, что их государственное устройство уподоблялось или афинскому или спартанскому. Что же касается их политического значения, то они почти всегда примыкали к одному из этих двух государств.

Однако, несмотря на то, что общий мир эллинских государств распадался на множество отдельных, самостоятельных частей, которые с трудом соединялись в одно целое — и то

лишь для отражения общего врага, угрожавшего их общему отечеству, — существовали такие учреждения, благодаря которым все эллины сознавали единство своего происхождения. Таковыми были их общая религия и связанные с ней оракулы, Амфикитии — род религиозных союзов, священные игры, а также их общий язык и излагавшиеся на нем произведения, художественные и научные.

Свойственное всему миру в древности убеждение, что боги непосредственно общаются с людьми, и вера в то, что такое общение отчасти выражается в известных откровениях богов, породили множество учреждений, среди которых самыми замечательными являются оракулы.

Оракулов в Греции было несколько, но ни один из них не приобрел такого значения и уважения, как Дельфийский, посвященный богу Аполлону. В Фокиде, в диком ущелье горы Парнас, находится пещера с трещиной в земле. Через эту трещину выходят газообразные испарения, производящие опьяняющее действие. Это место и было избрано жрецами для устройства прорицалища.

Над этой дымящейся трещиной ставили треножник, на который садилась жрица, называемая пифией (сначала в пифии выбиралась молодая женщина, впоследствии — старая). Испарения, поднимавшиеся из трещины, приводили пифию в исступление.

Дельфийский оракул

В подобном состоянии, считавшемся доказательством того, что она вдохновилась Аполлоном, пифия произносила бессвязные и отрывочные слова. Жрецы из этих слов слагали гекзаметрами предсказания, которые согласовывались с данными обстоятельствами. Эти предсказания часто заключали в себе двусмысленные ответы на предложенные посетителями вопросы, касавшиеся как отдельных лиц, так и целых государств. В Греции, особенно у дорийских племен, не предпринималось ничего сколько-нибудь важного без предварительного мнения об этом Дельфийского оракула.

Всеобщее уважение, которым пользовался этот оракул и за пределами Греции (доказательством служит пример Креза), выражалось в богатых приношениях звонкой монетой, драгоценностями, произведениями искусства, наполнявшими храм, на котором знаменательная надпись гласила: «Учись познавать самого себя». Охраняли эти священные жертвоприношения жрецы, состоявшие из почетных граждан Дельф. Стечение множества иностранцев, непрестанные празднества и процессии доставляли и занятия, и выгоды всем дельфийским жителям.

Влияние Дельфийского оракула в первые времена было по большей части благотворно. Нередко сила его прорицаний, имевшая величайший авторитет, предотвращала раздоры и кровавые столкновения. Таким образом, этот оракул составлял связующее звено между греческими племенами, разъединенными взаимным соперничеством. Позже, вероятнее всего с началом Пелопоннесской войны, этот оракул стал приходить в упадок из-за усиливавшейся продажности жрецов и возраставшего просвещения народа. В конце концов он стал предметом презрения и насмешки.

В тесной связи с Дельфийским оракулом находилась Дельфийская Амфикития — союз двенадцати соседних государств, первоначально созданный с целью праздновать общие религиозные торжества, а впоследствии служивший для охраны Дельфийского храма, святилища Деметры в Анфеле и для надзора за Пифийскими праздничными играми. Вскоре эта Амфикития, состоявшая из фокеев, фессалийцев, беотийцев, а также афинян и спартанцев, приобрела и политическое значение. Она устанавливала основные международные правила, имевшие обязательную силу как во время мира, так и во время войны.

Храм Зевса

Скаковая колесница

Весною Дельфы служили сборным местом, осенью же собрания происходили в Анфеле, при Фермопилах. Эти собрания состояли из послов государств, имевших право принимать участие в этом союзе. К нему обычно причисляют следующие племена: ионийцы, дорийцы, беотийцы, фессалийцы, локрийцы, фокеане, перребы, ойтейцы, магнеты, феотийцы и долопы.

Названия этих племен указывают на то, что первоначально союз ограничивался народами Фессалии и ближайших к ней областей. Но когда некоторые из этих народов, как например, дорийцы и ионийцы, распространились в большей части Греции, то в союзе приняли участие все государства, основанные каким-либо из народов, входящих в Амфикионов союз. Каким образом распределялись голоса между относящимися к одному племени различными государствами, неизвестно. Послы, отправляемые членами союза, назывались пилагорами и иеромнемонами; пилагоры составляли род постоянного совета для обсуждения политических вопросов; иеромнемоны назначались для решения религиозных дел.

Совсем иного рода, чем Амфикиониин, но также связующим всю Грецию учреждением были торжественные общественные игры, которые доставляли повод к большим многолюдным собраниям. В Дельфах каждые восемь лет проходили Пифийские игры в честь бога Аполлона, Истмийские бывали каждые два года на Коринфском перешейке в честь Посейдона и Немейские происходили также каждые два года в честь Зевса в Немее, в Арголиде. Но все эти игры далеко уступали по своему значению играм Олимпийским. Они праздновались в Олимпии, в Элиде, каждые четыре года, в июле и устраивались в честь Зевса Олимпийского.

Считается, что первые Олимпийские игры учредил Геркулес, а возобновил их Ифит, царь Элиды, современник спартанского Ликурга. Дельфийский оракул на вопрос Ифита о возобновлении игр не только одобрил это намерение, но и предписал, чтобы все государства, которые будут принимать участие в этих играх, устраивали перемирия на время игр для того, чтобы они могли проходить как можно спокойнее и чтобы на них могли стекаться все эллины. Жители Элиды, на которых, по преданию, еще Геркулес возложил заботу об этих играх и жертвоприношениях, были объявлены посвященными служению Зевсу, не имели права вмешиваться в военные распри и были признаны неприкосновенными от всякого нападения.

Эти празднества продолжались пять дней. Начало и окончание их сопровождалось жертвоприношениями Олимпийскому Зевсу на алтаре, который возвышался на двадцать футов. Священные процессии и пение гимнов прославляли Олимпийские игры и возводили их в степень религиозного обряда. Представления всякого рода искусства телесного и духовного характера делали этот праздник средоточием физического и умственного развития эллинского мира.

Дискобол и Борцы (с античной бронзовой статуи)

Так как сюда стекалось множество народа из всей Эллады, то победа на этих играх, награждаемая оливковым венком, составляла предмет величайшей славы и счастья. Сами цари, например, Гиерон и Дионисий Сиракузские, Филипп Македонский, добивались победы

на Олимпийских играх. Когда отдельные лица одерживали победу, эта победа служила к прославлению и их родины, так как имя ее провозглашалось вместе с именем победителя. Поэтому в честь победителя сограждане воздвигали его статую в Олимпии.

При первоначальном основании и восстановлении этих игр они были не состязательны и весьма просты. С течением времени характер и значение этого праздника увеличились. Главным предметом состязаний вначале был только бег взапуски на расстояние в один стадий (стадий составлял расстояние в 192,28 м). Постепенно к бегу присоединились конские ристания на четверке лошадей, борьба, кулачный бой, метание дисков и прыжки в длину.

Игры обычно начинались с восходом солнца на берегах реки Алфея.

Зевс (с бюста работы Отриколи. Ватикан)

Здесь была устроена ровная, длинная дорога, разделенная на две части. Левая сторона, ипподром, предназначалась для конских ристаний, правая, стадиум, служила для бега и борьбы. Увенчание победителей происходило в священной роще при восторженных кликах собравшегося народа. Кроме того, поэты прославляли победителей песнями. Творцом таких торжественных гимнов был, например, Пиндар Фиванский (522 — 442 г. до Р.Х.). Чтобы слава такой победы доставалась одним лишь эллинам, и только достойнейшим из них, было установлено, что правом участвовать в играх могут пользоваться только свободные лица греческого происхождения, рожденные в законном браке и безукоризненной нравственности. Почти тысячелетнее существование этих игр свидетельствует о том, какую приверженность сохраняла к ним вся Эллада. Так как они в то же время служили к объединению всех эллинов, то впоследствии правильное повторение Олимпийских игр через каждые четыре года послужило основанием для летосчисления и хронологического определения событий греческой истории, которая и разделялась по олимпиадам.

Гера (Юнона)

Последняя олимпиада античности состоялась в 393 году новой эры.

9. Духовная жизнь греков: религия, искусства и науки.

Главными источниками для ознакомления с духовной жизнью, в частности, с религией древних греков, являются творения двух поэтов: Гомера (приблизительно VIII век до Р.Х.) и Гесиода (около 700 г. до Р.Х.). По выражению Геродота, «они создали эллинам родословное дерево богов», то есть привели представления о давно почитаемых богах и о их деятельности в систему, которая не изменилась существенно и впоследствии. Согласно этой системе, народ представлял себе внешний облик, жизнь и взаимные отношения богов такими же, как у людей. По понятиям древних греков, Боги не непорочные, нравственно возвышенные, всесовершенные существа, а лишь существа, наделенные страстями в значительно большей степени, чем люди. Но они свободны от всех человеческих скорбей и печалей, привольно живущие, пользующиеся в неиссякаемом избытке юношеских сил чувственными наслаждениями и питающиеся только нектаром и амброзией.

Жилищем бессмертным богам служила гора Олимп. Немаловажный по своему значению намек на понятие о единобожии следует искать в выдающемся положении Зевса. Он — высшее божество, отец богов и людей, тучегонитель, громовержец, эгидодержатель (эгида — щит, сделанный богом Гефестом). Гера — жена и сестра Зевса, ревнивая и своенравная.

Аполлон

Она покровительствует браку. Главным местом поклонения Гере был Аргос. Ей посвящены павлин и ворон.

Гефест — бог огня; кузница его была на Этне, ему помогали одноглазые циклопы. Любимейшею дочерью Зевса была Афина-Паллада; она вышла в полном вооружении из головы Зевса. Афина — богиня мудрости, ясности и прозорливости как на войне, так и в мире; она также покровительствовала женским ремеслам. Главным местом ее почитания были Афины. Афине была посвящена сова. Благороднейший сын Зевса Аполлон был богом солнца и света, его прозвище Феб означает «светозарный». Он считался творцом образования и был поэтому богом прорицания, поэзии, а также отвращал от людей болезни и мог насылать их. Главным местопребыванием его были Дельфы — город знаменитого оракула. Ему сопутствовали девять муз: Каллиопы — эпическая поэзия, Эвтерпа — лирическая поэзия, Мельпомена — трагедия, Эрата — любовная поэзия и пантомима, Полигимния — хвалебные песни, Талия — комедия, Терпсихора — танцы, Клио — история, Урания — астрономия. Они жили на горе Парнас, откуда берет начало Кастальский источник, вода которого дает дар пророчества.

Артемида (Диана)

Афина Паллада (с античной мраморной статуи)

Сестра Аполлона Артемида была богиней охоты и живой природы. Она была символом девственной чистоты и целомудрия.

Богом войны был Арес. У Гомера он называется истребителем народов, сокрушителем стен.

Афродита — богиня любви, всегда сияет блеском красоты. Ей посвящены мирт, голубь и воробей. Главным местом почитания Афродиты был остров Кипр, поэтому ее называют Кипридой. Свиту ее составляли хариты — богини прелести и миловидности.

Вестником богов был Гермес, снабженный золотым жезлом вестника и крылатыми сандалиями. В то же время он был богом, взаимных отношений между людьми, богом-покровителем торговцев и всякого рода занятий, в которых средством достижения цели служили ловкость, хитрость и лукавство. Он также сопровождает души умерших в подземное царство. Он имел прозвище «Аргусоубийца», так как по приказанию Зевса убил Аргуса, человека необычайной силы, имевшего сто глаз и приставленного Герой стеречь прекрасную Ио.

Богиней домашнего очага и покровительницей всякого государственного сообщества почиталась Гестия.

Главным богом морей, всех источников и вод был брат Зевса — Посейдон, колебатель земли, с трезубцем в руках; а многочисленную свиту его составляли тритоны и nereиды — мужские и женские насмешливые водяные духи. Ему также был подвластен морской старец Протей, отличавшийся необыкновенной способностью к превращениям.

Из подземных богов самым выдающимся был Плутон со своей супругой Персефоной. Он был богом царства теней Аида, вход в которое стерег трехголовый пес Цербер. Перевозчик Харон перевозил души умерших через реку Ахерон в Аид. Здесь души пьют из реки Леты забвение земного бытия и после этого превращаются в бесплотные тени.

Арей (Марс)

Судьями мертвых были Минос, Радамант и Эак. По их приговору души отправлялись в Элизиум — обитель блаженства, или в Тартар — место мучений. Например, в Тартаре Сизиф должен был в наказание катить в гору камень, который каждый раз с громовым шумом скатывался с вершины, и Сизиф вновь бесконечно поднимал его. Данаиды должны были наполнять бездонную бочку. Тантал стоял по горло в воде и не мог достать ее, чтобы напиться, видел перед собой привлекательные плоды и не мог их сорвать, так как ветер каждый раз отодвигал от него ветку с плодами.

Афродита (Венера)

Деметра была олицетворением матери-земли. Она была богиней земледелия и плодородия. Для ее поклонения в Элевсине были учреждены мистерии, в таинствах которых скрывался глубокий смысл: правильное умирание и возрождение растительного мира служило прообразом бессмертия души, потому что каждая человеческая жизнь, хотя и делается добычей смерти, но только для того, чтобы еще могущественнее и прекраснее выйти из царства тьмы.

Гермес (Меркурий)

Богом веселья и вина был Дионис, которого также называли Вакхом. Ему была посвящена виноградная лоза. За Дионисом постоянно следует множество горных и лесных духов, имеющих наполовину человеческий, наполовину звериный облик: козлоногие и рогатые сатиры, силены; менады и вакханки — неистовые женщины, служившие воплощением необузданного веселья, которое было вызвано вином и музыкой. Здесь были и нимфы — женские духи, наяды — духи воды, ореады — горные духи и дриады лесные духи. Отличительными знаками Диониса были плющ, козел и жезл, увитый виноградом, с сосновой шишкой на конце. Из культа Диониса с его хорами и чередовавшимися с ними песнями возникли впоследствии трагедия и комедия.

Посейдон (Нептун)

Олицетворением нравственных идей служили: Фемида, богиня правосудия с весами и пальмовой ветвью; Немезида — мстительница за людскую заносчивость; Эринии с факелами и змеиными волосами, преследующие преступника, как дикого зверя, даже в подземном мире и олицетворяющие собой угрызения совести; Ата — богиня, олицетворяющая мгновенное помутнение рассудка, приносящее человеку несчастье; Мойры — богини судьбы: первая из них Клото прядет нить жизни, вторая Лахесис тянет ее в разные стороны и тем определяет участь человека, а третья Атропос перерезает жизненную нить.

Плутон

Шествие Вакха (с античного барельефа)

Греческий язык, отражавший в своей гибкости, правильности, ясности, глубине и благозвучности отличительную особенность духа эллинского народа, был вторым главным элементом, благодаря которому эллины сознавали свое единство, он состоял из четырех главных диалектов: ионийского, аттического, дорийского и эолийского.

Деметра (Церера)

Наличие разных диалектов не мешало характеру общности языка, так как все они были знакомы каждому греку и служили для выражения различных родов поэзии. Например, ионийско-эолийский диалект был основой эпоса, а дорийский — хорового пения.

Древнейшие известия о возникновении греческой образованности и литературы начинаются с имен баснословных Орфея, Лина и Мусея. Это, скорее всего, были мудрецы, жрецы и учителя народа, и их религиозным и нравоучительным песням приписывается первоначальное просвещение греческого народа, введение мистерий — таинственных высших учений. Они были родом из Фракии и оттуда распространили свои учения по всей Греции.

Греческая поэзия возникла тогда, когда эллинам после завершения переселений и умиротворения внутренних смут удалось достигнуть прочных форм существования, а отдельные племена, благодаря прекрасному климату и счастливому положению страны, способствовавшим развитию торговли, благосостоянию и развитию искусств, возвысились до более свободного и благоустроенного образа жизни.

Гомер (с античного бюста. Рим)

Такое счастливое стечение обстоятельств в особенности выпало на долю Ионийских колоний на побережье Малой Азии, и в них впервые расцвел гений, который стал образцом для всех времен в области эпической поэзии. Это был Гомер. Место его рождения неизвестно, и впоследствии семь городов оспаривали друг у друга славу именоваться его родиной. Выше было упомянуто, что знаменитый поход на Трою и возвращение героев оттуда составляют содержание знаменитых творений этого поэта «Илиады» и «Одиссеи». Мы уже приводили некоторые отрывки из этих творений, чтобы дать живое и всестороннее представление об эллинском духе. Известно, что первым принес эти поэмы в Элладу Ликург. Писистрат же поручил целому обществу ученых собрать и привести в порядок отдельные разрозненные части этих поэм, и именно в этом виде с тех пор читались и заучивались в школах наизусть песни Гомера.

Песни Гомера были образцовыми творениями, ни одно эпическое произведение, написанное после Гомера, не достигало его высоты. После Гомера появились так называемые киклические поэты, создававшие большие или меньшие циклы песен, описывающих события Троянской войны. В поэмах «Разрушение Илиона» и «Малая Илиада» были изложены события, составлявшие продолжение содержания гомеровской «Илиады».

Геродот

Потом появились первые исторические повествования, начало которых было также в Ионии. Самыми древними историческими писателями, которых называли логографами, были Кадм из Милета, Дионисий, Гекатей и Гелланик. Отцом истории считается Геродот (484...425 г. до Р. Х.), на которого мы не раз ссылались. Он был родом из города Галикарнаса в Карий, свою историю он написал на ионийском диалекте.

Первым исторически достоверно установленным поэтом был Гесиод, родившийся около 700 г. до Р. Х. От него до нас дошло два произведения: «Теогония» и «Труды и дни». Первое повествует о сотворении мира из хаоса и излагает генеалогию богов. Во втором поэт излагает разные правила житейской мудрости, дает советы по ведению домашнего хозяйства

и особенное внимание уделяет описанию сельскохозяйственных работ.

Вот два образца из его поэзии, которые характеризуют и направление самого поэта, и его время:

«Выше всех тот, кто находит мудрый совет и его принимает,
Ибо совет тот ему же в грядущем будет полезен.
Благоразумен и тот, кто охотно слушает более мудрых.
Но безрассудно глухой к учению мудрых срамит человека
И обращает его в бесполезное бремя земли».

«Друга на пир своего приглашай, но врага — ни за что.
Прежде ж того пригласи, кто живет по соседству с тобой;
В горе домашнем неопоясанный сосед поспешит,
Тогда как твой кровный друг еще опояшется прежде.
Честный сосед будет столько ж полезен, насколько злой
вреден.
Тот должен считаться счастливым, у кого есть честный сосед.
Если нет злого соседа, то даже быка не лишишься.
Если сосед твой честно отмерит, то отмерь ему тою же мерой,
А если ты можешь, то воздай ему еще большим,
Ибо найдешь его легче, когда в нем будешь нуждаться».

Примерно в это же самое время процветали и так называемые «семь греческих мудрецов», к которым принадлежали: Солон, Фалес из Милета, Хилон из Спарты, Биант из Приены, Питтак с острова Лесбос, Периандр Коринфский и Клеобул. Им принадлежат знаменитые изречения, не утратившие силы и в наше время: «Укажи дорогу заблудшему» и «Никогда не делай через меру» (Солон); «Прощение лучше мщения» и «Не попрекай никого бедою, ибо сам в нее попасть можешь» (Питтак); «На пути от юности к старости запасись мудростью» (Биант); «Не будь заносчив в счастье и малодушен в несчастье» (Клеобул); «Дело мастера боится» (Периандр); «Держи язык за зубами» (Хилон); «Счастлив тот, кто здоров, богат и образован» (Фалес).

Гесиод

Упомянем и знаменитого баснописца Эзопа, жившего в VI веке до Р. Х. и происходившего из Фригии или Фракии. Сама история его жизни представляется нам баснословною: он был маленького роста, горбат и настолько беден, что вынужден был продаться в рабство. Басни его, составленные первоначально в прозе, сохранились далеко не в первоначальном своем виде. Существующий и в настоящее время сборник басен Эзопа был составлен поэтом II века нашей эры Бабрием, который их собрал и обработал.

Нежный и спокойный дух созерцания вселенной, проявившийся у вышеназванных поэтов, достиг своего наибольшего развития у поэтов лирических, принадлежавших, в основном, к эолийскому или дорийскому племенам.

Архилох с острова Пароса (середина VII века до Р. Х.) прославился силою и живостью своих стихотворений, в которых он впервые употребил ямбы. Рассказывают, что в одном сражении Архилох трусливо бросил щит на поле боя и бежал. По этой причине некий Ликамб, обещавший ему руку своей дочери, отказал ему в ней. За этот отказ поэт отомстил такими язвительными стихами, что Ликамб и его дочь решили повеситься. Своими острыми нападка на знатнейших граждан Архилох возбудил к себе неприязнь и был изгнан с родного острова. Но вскоре после того, как Архилох в состязании с лирическими поэтами на

Олимпийских играх заслужил гимном в честь Геркулеса всеобщую похвалу, родной город принял изгнанника со славой и ликованием.

Ясон

Алкей, (около 610 г.) происходил из города Митилены на острове Лесбос, главного местопребывания эолийцев. Он писал любовную лирику и особенно ценился за песни против тиранов.

Остров Лесбос был также родиной пламенной Сапфо (родилась около 650 г. до Р. Х.), стихотворения которой, выражавшие страстную любовь, пользовались в древности большой славой. Жизнь и смерть Сапфо окутаны легендарными рассказами. Существует предание о том, что она, восплавав пламенной любовью к одному юноше и будучи им отвергнута, бросилась в море со скалы.

Уроженцем Лесбоса был и Терпандр. Про него рассказывают, что он водворил согласие между спартамцами, погруженными в гражданскую войну и междоусобные распри, и имел большое влияние на развитие музыки в Лакедемонне.

В Спарте же прославился своими хоровыми песнями и Алкман, уроженец лидийского города Сарды, писавший на дорийском диалекте.

О Тиртее и замечательном воздействии его стихотворений на воинственный дух спартамцев было рассказано выше, когда шла речь о Пелопоннесской войне.

В Афинах, в доме Писистрата, жил поэт Анакреон. Стихотворения его исполнены чувства веселости, он воспевал вино, любовь и молодых девушек, жалуясь на свою старость. Подобным же содержанием, преисполненным жалобами на непрочность жизненных наслаждений, отличаются элегии Мимнерма из Колофона.

Анакреон

Следует упомянуть еще Ивика из Регия (556 — 468 г. до Р. Х.), писавшего гимны для хорового исполнения, и Симонида с острова Кеос, создававшего песни в честь победителей спортивных состязаний.

В это же время зародилось драматическое искусство. Из обрядовых игр на праздниках в честь бога Диониса возникла греческая трагедия. Творцом ее считается современник Солона Феспид. Его произведения до нас не дошли. Сохранились трагедии его последователя Эсхила (525 — 456 г.), который ввел второго актера сделал действие драмы более динамичным.

Так разнообразно проявлялся художественный гений греков.

Все больше начинает развиваться философия. Уже было упомянуто о семи мудрецах, которые отмечали первые наблюдения созерцательного разума, особенно в отношении явлений нравственной и политической жизни. Первые философы появились у ионийских племен.

Фалес Милетский (с античного бюста)

Таким философом был знаменитый Фалес Милетский (624 — 546 г. до Р. Х.), который прославился своими астрономическими и математическими познаниями. Боги для него не существовали, и он признавал божественную сущность во вселенной только безличное жизненное начало (души мира). Его последователями были Анаксимандр и Анаксимен, Диоген из Аполлонии, Ферекид из Сиры и Гераклит Эфесский. Другим глубоким мыслителем был Ксенофан из Колофона, для философии которого характерно враждебное

отношение к традиционной греческой религии. Изгнанный из своего отечества, он жил и учил в городе Элее, в Сицилии, и в особенности в Нижней Италии, усеянной греческими колониями.

Эти колонии были по большей части дорийского происхождения: Тарент, Сиракузы, Агригент, Мессана и прочие; основаны они были VIII—VII в. до Р. Х. Кротон и Сибарис были основаны ахейцами; Катана, Леонтина и Гимера — ионийцами с острова Эвбеи. Все эти колонии были издавна богаты, могущественны и принимали участие в духовной жизни греческого народа. Здесь жило много последователей и сторонников Ксенофана. Нижняя Италия была также местопребыванием пифагорийцев. Основатель пифагорейской школы — такой необыкновенный человек, что заслуживает более подробного рассказа о себе.

Пифагор (540 — 500 г. до Р. Х.) происходил с острова Самоса, главного местопребывания ионийцев. Он отличался необыкновенными физическими и умственными способностями. На восемнадцатом году он одержал победу на Олимпийских играх. Уже на Самосе он занимался математикой, геометрией и музыкой и, должно быть, был посвящен Ферекидом в натуральную философию. Для дальнейшего своего образования Пифагор совершил несколько путешествий, о которых сохранилось много вымышленных рассказов. Достоверно, что, кроме Элей и Крита, он посетил и Египет. Своеобразное государственное устройство и мудрость Египта в это время привлекали к себе все выдающиеся умы Греции, а цари его начали активно общаться с греками (как, например, Амасис с Поликратом, властителем Самоса). Многие из последующих установлений Пифагора носят на себе следы влияния египетских жрецов.

У Пифагора родилась мысль образовать союз людей, тесно связанных между собой общим учением и образованием и стремящихся к одной общей цели — к управлению государством на основе науки. Быть может, он имел в виду осуществление идеала, выраженного впоследствии Платоном в следующем изречении:

«Те государства будут счастливейшими, в которых правящие философствуют или философы управляют».

Возвратившись из путешествия, Пифагор убедился, что отечество его, остров Самос, который находился под властью тирана Поликрата, мало пригодно для его цели. Он покинул Самос и избрал полем своей деятельности греческие колонии в Нижней Италии. В первый раз Пифагор выступил публично в Кротоне. Его телесная красота, бросающаяся в глаза, заимствованная, вероятно, у египетских жрецов льняная одежда, добродетель, сохраненная воздержанием от всего чувственного, увлекательная плавность красноречия собрали вокруг него множество слушателей и доставили ему уважение. Благодаря этим обстоятельствам, Пифагор получил возможность осуществить идею о своем союзе.

Первые последователи Пифагора, принятые после предварительного испытания в этот союз, составили тесное общество. Их жизнь была подчинена определенным правилам и постановлениям, направленным на то, чтобы сделать тело здоровым, а дух воздержанным. Для этого предписывалась особая диета (им, в частности, были запрещены бобы и мясо), и они были обязаны часто заниматься музыкой, как источником всякой гармонии, законы и содержание которой были открыты впервые Пифагором. Отдавая ежедневно отчет в своих деяниях и поступках, они должны были точно соблюдать предписания своего нравственного образования.

Кроме того, они должны были заниматься науками, в особенности математикой. Математика обязана Пифагору замечательными открытиями, например, названной его именем теоремой; открытие этой теоремы доставило Пифагору такую радость, что он принес в благодарность богам гекатомбу — жертву из ста быков. Помимо математики, пифагорейцы занимались нравственными и политическими исследованиями.

При посвящении в цели своего союза и в передаче познаний соблюдались различные степени. Принимаемые в союз подвергались испытанию: они должны были в течение

первого года молчать и беспрекословно исполнять определенные обряды и предписания образа жизни. После продолжительного и всестороннего испытания вновь принимаемый посвящался в высшие степени. Пройдя все степени, можно было стать полноправным участником общественной жизни союза и принимать участие в управлении Кротонем наравне с самим Пифагором, который, хотя и не занимал никакой определенной должности, но имел большое влияние в общественной жизни этого города. Пифагорейцы и за пределами Кротона сохраняли связь друг с другом. Рассказывают, что один пифагореец умер на чужбине, не имея возможности оплатить расходы на свое содержание. Перед смертью он написал несколько иероглифов на доске и просил своего домохозяина выставить ее на большой дороге. Много времени спустя одному из единомышленников покойного случилось приехать в эту местность; он увидел знак и заплатил хозяину. Сам Пифагор пользовался в своем союзе таким уважением, что одно утверждение: «он сказал это» считалось неоспоримым доказательством справедливости сказанного.

Союз пифагорейцев, отличительными качествами которого были единство и согласие, в своей первоначальной форме существовал недолго. В скором времени он возбудил против себя недовольство частью со стороны тех, кому было отказано в приеме, частью со стороны народа, который видел в нем тесно сплывающуюся аристократию.

Есть сведения о том, что в кротонском сенате заседало триста пифагорейцев. Наконец, скрытое сопротивление превратилось в явное восстание против этих пифагорейских братских союзов; многие из членов союзов погибли.

Пифагор, по одним известиям, сам лишил себя жизни; по другим, он отправился в Метапонт, на побережье Тарентского залива, где и умер в глубокой старости. Но и после его смерти пифагорейцы продолжали свое существование. Они образовали философскую школу и преимущественными предметами своих занятий избрали нравственно-политические учения и математику. Таким пифагорейцем был, например, философ Архит Тарентский, который прославился в своем отечестве и как полководец, и как государственный деятель.

VI. РИМЛЯНЕ.

Первоначальная история

1. Коренное население Италии

Италия впервые озаряется в своей южной части блеском, распространенным на нее светом греческого гения. Но уже приближалось время, когда она должна была заблестеть собственным светом, найдя свое средоточие в Риме. Римское государство, возникновение и образование которого составят предмет следующего повествования, выросло так быстро, потому что сделалось центром соприкосновения интересов различных народов Италии.

Среди коренных обитателей полуострова различают три племена: первым из них являются италики, которые принадлежали к индо-европейской расе и были в родстве с греками. Они жили на юге полуострова и в его центральной части и распадалась на два народа: латины и сабеллы. Вторым племенем, обитавшим на юго-востоке, были япиги, но они довольно быстро смешались с поселившимися в Нижней Италии греками и исчезли с исторической сцены. Третьим племенем, которое отличалось необыкновенно высоким образованием, являются этруски. У них процветали земледелие и торговля. Были они весьма сведущи в искусствах. В зодчестве их считают изобретателями сводчатых построек, на что указывают развалины исполинских стен в Тоскане. Они были искусные ваятели из металла и глины, и этруские вазы пользуются всемирной славой. От этрусков римляне заимствовали значительную часть своего богослужения, жертвоприношений, празднеств и церемоний, которые были в употреблении в Цере, одном из двенадцати древних этруских городов. От

этрусков римляне переняли и искусство гадания по различным внешним приметам и предсказания по внутренностям животных, приносимых в жертву; они взяли у этрусков и знаки достоинства высших сановников: пурпурную одежду, кресла из слоновой кости и сопровождение сановников прислужниками, которые назывались ликторами. Ликторы несли пучок прутьев (Фасции), из середины которых выставлялся топор, что служило символом власти над жизнью и смертью.

Верхнюю Италию населяли кельты (галлы), находившиеся во враждебных отношениях с италиками.

О передвижениях и переселениях, происходивших на Италийском полуострове, подобно тому, как и в Греции, нет достоверных данных. Приходится ограничиться предположением, что эти переселения произошли частью с севера сухим путем, частью с востока — морем.

Ликтор с пучком розг

2. Основание Рима. Ромул.

(753 г. до Р. Х.).

Древнейшая история Рима — о его основании, правлении семи царей, их делах и учреждениях — во многом является легендарной. Старинные предания о первых веках Рима являются смесью достоверных событий с поэтическим вымыслом.

Прежде всего легендарным представляется рассказ о переселении в Лациум троянского героя Энея.

Без сомнения, основанием к нему послужили оживленные торговые сношения, поддерживаемые римлянами с греческими колониальными городами в Нижней Италии.

По древним сказаниям, Эней основал город Лавиниум, а сын его Асканий Юл — город Альба-Лонгу.

В этой Альба-Лонге, городе в области Лациум, около 754 года до Р. Х. правили вместе два брата из рода Аскания: Нумитор и Амулий.

Волчица кормит Ромула и Рема

Но Амулий хотел царствовать один и вытеснил Нумитора. Для большей своей безопасности он убил сына Нумитора, а дочь его сделал весталкой — жрицей богини домашнего очага Весты. Весталки должны были оставаться девственницами.

Но дочь Нумитора Рея Сильвия нарушила принятый на себя обет и родила от бога Марса двух детей. Жестокосердный дядя тотчас после их рождения велел положить мальчиков в корыто и бросить их в Тибр. Мать подверглась заключению.

Но корыто зацепилось за смоковницу, и, когда поднявшаяся вода Тибра снова вошла в свои берега, дети остались на твердой земле и были вскормлены волчицей. Вскоре их нашел царский пастух Фаустул и отнес своей жене Лауренции, которая только что родила мертвого сына. Фаустул воспитал найденных детей, назвал их Ромулом и Ремом и сделал из них пастухов. Оба мальчика с ранних лет показали физические и умственные способности. Они пасли царские стада и охотились в горах, на которых впоследствии был построен Рим. Жили они в хижинах, выстроенных ими самими из дерева и тростника. Одна из этих хижин как святыня сохранялась и поддерживалась еще во времена историка Дионисия (около 30 года до Р. Х.). Когда Ромул и Рем достигли восемнадцатилетнего возраста, одно случайное происшествие совершенно изменило их общественное положение. Однажды они поссорились из-за выгонной земли с пастухами Нумитора, который жил в Альба-Лонге,

несмотря на свое смещение. Ромул и Рем поколотили своих противников, и те решили отомстить им. Во время одного праздника они подкараулили братьев, схватили Рема и привели его к царю. Амулий отослал Рема к Нумитору, чтобы тот наказал его по своему усмотрению. По решительным манерам и смелому обращению Нумитор понял, что этот пастух высокого происхождения. Сходство лица навело его на верный след, и он догадался, что Рем его внук.

Ромул

Между тем Фаустул открыл Ромулу тайну его истинного рождения, и, когда Ромул пришел за братом к Нумитору, то настоящее положение вещей окончательно разъяснилось. Братья приняли решение отомстить за несправедливость, совершенную по отношению к их деду и к ним самим. Они возбудили волнения среди населения и, подкрепленные толпой недовольных, напали на царя, убили его и посадили на престол своего деда Нумитора.

В благодарность за эту услугу им было позволено основать поселение на том самом месте, где они были брошены и спасены. К ним присоединились их сторонники, окрестные пастухи. Но вскоре между братьями возник спор, кому должна принадлежать честь называться основателем города. Вынести решение Они предоставили богам. Для этого Ромул и Рем сели каждый на определенном месте и стали выжидать благоприятного для себя знамения. Рему первому явилось счастливое знамение в виде шести пролетевших мимо него коршунов, но затем мимо Ромула пролетело их двенадцать. Так как решение богов являлось двусмысленным и каждая сторона толковала его в свою пользу, то между братьями и их сторонниками произошла ссора, в которой Рем был убит, а Ромул остался победителем.

Тогда Ромул приступил к постройке нового города с соблюдением различных священных обрядов. Он запряг в плуг белого быка и белую корову и провел плугом круговую борозду, которая должна была обозначать окружность нового города и линию его будущих стен. В том месте, где должны быть ворота, плуг был приподнят, так как этот вход и выход не являлся священным. Весь город поначалу занимал только Палатинский холм.

В скором времени появились первые признаки того воинственного характера, благодаря которому маленькое поселение Рим сделалось средоточием всего известного в древности мира. Война, победа и распространившийся из-за этого страх были первыми узами, с помощью которых Ромул соединил новое государство с ближайшими соседями. На Капитолийском холме под покровительством религии было построено убежище для лишенных отечества и беглецов всякого рода. Существование в Италии множества маленьких государств, частые раздоры партий в них, гнет и нужда, царящие во многих, из этих государств, обедневших из-за тяжести государственных долгов, и другие подобные обстоятельства подавали надежду на большой прилив переселенцев.

Само собой разумеется, они приносили с собой ненависть к своим прежним согражданам и знание государств, из которых они приходили. Эти два качества оказались как нельзя более кстати для воинственного духа Ромула и его завоевательных замыслов, но в то же время должны были сделать Рим ненавистным соседним государствам. Знаменитое похищение сабинянок явилось поступком, который еще более возбудил ненависть соседей.

Когда сабиняне отказались выдавать своих дочерей замуж за римлян, то те прибегли к следующей хитрости. Ромул объявил, что в определенный день в Риме будут происходить праздничные торжества в честь бога жатвы Конса и пригласил на них жителей ближайших городов. По приглашению явилось множество мужчин, женщин и детей, и все веселились на празднике. В последний день торжеств обнаружился предательский замысел. В то время, когда всеобщее внимание было обращено на зрелище, по данному сигналу римские юноши бросились похищать девушек. Пришедшие зрители, пораженные, таким насильственным нападением, бежали, проклиная вероломство римлян.

Ромул постарался успокоить похищенных и всех их торжественно обвенчал с

молодыми римлянами. Оскорбленные сабиняне решили отомстить. Только война представляла желанное удовлетворение и подавала надежду уничтожить грозный опасностями город.

Но нападение было совершено слишком поспешно, не сообщая, поэтому и цель не была достигнута. Первыми начали нападение жители Ценины и были разбиты, а царь их Акро был собственноручно убит Ромулом. Во главе своего победоносного войска, неся доспехи убитого царя, Ромул торжественно въехал в Рим на колеснице, запряженной четверкой лошадей. Вражеские доспехи он сложил у священного дуба и тут же определил место для храма Юпитера. Таково происхождение самого древнего римского храма — храма Юпитера на Капитолийском холме.

Затем против римлян поднялись жители городов Крустумериум и Антемна, но были также побеждены Ромулом.

К этим городам было впервые применено установленное Ромулом правило, которое с этих пор соблюдалось и в последующие времена и, бесспорно, способствовало распространению власти Рима и утверждению его владычества. Вместо разрушения завоеванного города и обращения его жителей в рабство, что было в обычае в Греции и у других народов древнего мира, часть жителей переселяли в Рим, а на их место посылались римляне. Они получали в завоеванных городах часть земельной собственности и таким образом способствовали образованию римских колоний.

Наконец, против римлян выступили и сабиняне, собравшие большое войско под предводительством царя Тита Тация. Они дошли до Квиринальского холма, который находился напротив римской крепости на Капитолии. Измена дочери начальника крепости отдала ее в руки врагов.

На следующий день на равнине между Капитолийским и Палатинским холмами завязалось жаркое сражение. Оно продолжалось до тех пор, пока похищенные сабинянки с развевающимися волосами и в разорванных одеждах не бросились в ряды сражавшихся и не умолили прекратить битву. Их мольбы достигли цели. С обеих сторон начались переговоры, и наконец был заключен мир на следующих условиях. Таций и Ромул должны были пользоваться одинаковыми властью и почетом в Риме.

Тит Таций

Город должен был называться Римом, а его граждане — римлянами; объединенный народ по имени родины Тация, городу Куры, получал название квиритов (в более позднее время квиритами называли мирных граждан в противоположность воинам). Все сабиняне получили римское гражданство.

Ромул имел свое местопребывание на Палатинском холме, а Таций — на Капитолийском. Хотя они правили сообща и по взаимному соглашению, однако ни между ними самими, ни между их народами не было истинного, внутреннего единодушия. На пятом году совместного правления во время жертвоприношения в Лавиниуме Таций был убит оскорбленным им гражданином города Лаурента и притом не без тайного участия в этом деле Ромула. Это тем более вероятно, что Ромул, который не желал терпеть при себе даже брата, без сомнения, должен был стремиться к удалению чужеземного соучастника своей власти.

Прежде чем рассказать о конце правления и смерти Ромула, нам следует упомянуть о некоторых приписываемых ему внутренних установлениях, которые послужили основой последующего государственного устройства Рима. В этом отношении самым важным представляется разделение всего римского населения на три части — трибы. Оно было основано не на произволе царя, а на различиях в происхождении жителей Рима. Эти три трибы или, вернее, народа, были латины, сабиняне и этруски. Каждая из этих триб получила свою долю в земельных угодьях, разделенных для этой цели тоже на три части. При этом

каждая из них имела и свой особенный округ в самом городе Рима. Каждая триба была разделена на десять курий. Эти десять курий были связаны между собой общим богослужением и участием в управлении государством. Каждая курия, в свою очередь, распадалась на десять родов. Члены всех тридцати курий назывались патрициями, то есть «имевшими отцов»; это были полноправные граждане. Образование плебса — бесправной массы народа рядом с полноправным сословием патрициев — упоминается впервые только во времена царя Анка Марция. Кроме курий, в управлении государственными делами принимал важное участие сенат, который состоял из ста патрициев; впоследствии число сенаторов возросло до трехсот.

Патриции, добиваясь свободы и самовластия, вступили в борьбу с самодержавной властью победоносного царя и искали случая отделаться от него. Ромул внезапно исчез, по одним преданиям, в то время, когда присутствовал в собрании сената в храме Вулкана, по другим, когда однажды делал общий смотр всему войску на поле, за городом. Во время этого смотра внезапно наступило солнечное затмение и разразилась буря; народ разбежался и оставил царя одного с патрициями. Тогда, должно быть, он был убит патрициями, а они рассказали народу, будто Ромул был унесен с земли богами. Народ начал сомневаться и выражать подозрение и гнев против сената. Но некто Юлий Прокул, человек уважаемый и верный друг Ромула, явился к собравшемуся народу и торжественно уверил, что Ромул предстал ему на дороге в блестящем вооружении и в увеличенном виде. Устрашенный Прокул обратился к нему со словами: «Царь! За что ты своим внезапным исчезновением оставляешь нас на незаслуженные обвинения и повергаешь город в безысходную печаль?» На это Ромул будто ответил ему: «Так совершилось по воле богов. Можешь сказать римлянам, что они мужеством и благоразумием достигнут высокого могущества; я же буду их гением-хранителем в образе Квирина». Народ перестал сомневаться в достоверности рассказанного патрициями и, охваченный священным восторгом, постановил почитать Ромула в виде бога Квирина и соорудил ему алтарь на Квиринальском холме.

3. Нума Помпилий.

(715...672 г. до Р. Х.).

После исчезновения Ромула сенаторы приняли такие постановления, которые показывают, что они были заинтересованы в смерти царя. Сенат не выбрал тотчас же нового властителя и для того, чтобы самому получить возможность пользоваться царской властью, учредил на один год междуцарствие, во время которого делами управляли по очереди сенаторы, каждый в течение пяти дней.

Нума Помпилий

Но когда народ обнаружил в этом правлении одни лишь притеснения и снова потребовал царя, то между старыми римлянами и присоединенными к ним сабинянами обнаружился разлад, так как каждая сторона желала выбрать царя из своей среды.

Наконец, порешили на том, чтобы выбрать Нуму Помпилия из сабинян, который отличался мудростью и справедливостью; проживал он в то время в Курах. Он до тех пор не хотел принять правления, пока не получил благоприятных знамений, стоя на Капитолийском холме в окружении жрецов. Затем Нума Помпилий собрал патрициев в их куриях и спросил, желают ли они добровольно повиноваться всем его приказаниям. Только тогда, когда они его в этом уверили, он согласился принять царское достоинство.

Нума Помпилий доставил своему народу мир, согласие, внутренний порядок и богослужение. Казалось, что все это происходит из божественного источника. Поэтому предание уверяет, что всеми этими делами он был обязан мудрым наставлениям нимфы

Эгерии, с которой он был соединен священными узами. Нума Помпилий рассчитывал, что религия и власть ее над сердцем человеческим должна иметь благотворное влияние на одичавших от войн римлян. Для этого богослужения были обставлены так, чтобы возбуждать в гражданах чувство благоговения к богам. Во время богослужений, жертвоприношений или религиозных церемоний он каждый раз приказывал глашатаям ходить по улицам и предписывать тишину и прекращение всяких частных занятий, дабы никакой шум или крик ремесленников и других рабочих не мог нарушать необходимого спокойствия.

Чтобы придать богослужению определенное и прочное устройство, Нума Помпилий наряду с обычными жрецами — фламинами, учредил еще жреческие коллегии, а именно: высших жрецов (понтификов), имевших общий надзор, птицегадателей (авгуров), на обязанности которых лежало узнавать волю богов по небесным знамениям, по полету и крику птиц и по клеванию зерен священными петухами; гаруспиков, предсказывавших по внутренностям жертвенных животных.

Кроме того, он ввел новые роды богослужения. К ним причисляют учреждение весталок — молодых девушек, подобных тем, которые существовали когда-то в Альба-Лонге, как это видно из истории Ромула. Обязанность и долг этих весталок-девственниц главным образом состояли в том, чтобы поддерживать священный огонь на алтаре богини Весты. Он был для всего города тем же, чем был неугасимый огонь, который горел в очаге каждого дома и считался священным для всех членов семьи. Таким образом, и огонь в храме Весты символизировал государство как единую семью. Если огонь угасал, это предвещало бедствие для города, и виновные весталки жестоко наказывались: их заживо погребали. Такое же наказание постигало и тех из них, которые нарушали даваемый ими обет девственности. Но в то же время весталки пользовались величайшим почетом и уважением.

Подобно тому, как весталки поддерживали священный огонь, салии (танцовщики) охраняли упавший с неба при Нуме Помпилий щит. Для того, чтобы вернее сберечь его, Нума Помпилий приказал изготовить много других щитов, совершенно с ним схожих. В марте и октябре салии исполняли ритуальные танцы, имея в левой руке один из таких щитов, а в правой — копьё. Салиев сравнивают с критскими куретами, которые исполняли в честь богини Реи танцы под звуки музыки и стук оружия. Это было единственное бряцание оружия, дозволенное царем, так как он старался, насколько мог, уничтожить действительный шум оружия и военной брани. В этом отношении получили важное значение введенные им фециалы. Эти священные жрецы занимались делами войны и мира. Они обязаны были стараться улаживать мирным образом всякую ссору, возникавшую между римлянами и другими народами. Когда же неприятельский народ не сдавался на убеждения, тогда они должны были своим предварительным объявлением оправдывать начинаемую римлянами войну. Обряд этого объявления заключался в том, что фециалы, призвав в свидетели богов, пускали копьё на неприятельскую землю.

Религиозная церемония

Поддержанию мира служило также почитание бога границ Термина, которому были посвящены все пограничные камни. Ежегодно в феврале устраивались терминалии — празднество в честь этого бога. Ему приносились бескровные жертвы, частью для того, чтобы границы при этом всегда удерживались в памяти, частью же для того, чтобы охранение и соблюдение границ считалось делом религиозным. Подобные пограничные камни обозначали не только границы между государствами, но и служили для разделения земельных угодий отдельных граждан. Поэтому священное почитание границ не только противодействовало войнам между Римом и прочими народами, но и вместе с тем способствовало поддержанию мира и согласия между отдельными гражданами.

Достигнуть этого было одной из главных и труднейших задач Нумы Помпилия. При вступлении его в управление между старыми родами, поселившимися вместе с Ромулом, и новыми, которые присоединились вместе с Тацием, было еще сильное разногласие, так как римляне старались сохранить своя прежние преимущества, а сабиняне добивались равноправия. Нуме Помпилию удалось восстановить согласие между патрициями тем, что он даровал всем равные права.

Существовало еще и другое зло, заключавшееся в том, что многие из вновь присоединившихся жителей были неимущими. Чтобы отвлечь их от беспокойной деятельности и от склонности к войне, от которой они ожидали богатой добычи и сокровищ, Нума Помпилий наделил их принадлежавшею государству завоеванною землею и старался приучить их к мирному и благотворному для всего государства земледелию. После образцового сорокатрехлетнего царствования Нума Помпилий умер, достигнув глубокой старости, оплакиваемый своими соотечественниками и чужеземцами, как учредитель порядка и мира. Но с его смертью двери храма Януса, которые оставались во время его правления в знак мира закрытыми, были вновь растворены воинственною и мощною рукою его преемника.

4. Тулл Гостилий.

(672...640 г. до Р. Х.).

После смерти Нумы Помпилия выбор римского народа пал на храброго Тулла Гостилия. Завоеванием Альбы-Лонги он сделал большой шаг к возвышению Рима. Неприязнь, которая существовала между метрополией Альба-Лонгою и быстро развивавшимся его колониальным городом Римом, приводила к частым взаимным набегам. Теперь, когда не было больше примиряющего духа Нумы Помпилия, эта неприязнь привела к открытой войне. Уже оба вооруженные войска стояли друг против друга, когда по древнему обычаю было предложено решить спор единоборством отдельных лиц, выбранных из обоих войск, с тем, чтобы та сторона, чей единоборец будет побежден, покорилась победившей стороне.

Гаруспиции

Весталка

Предложение было принято, и Судьба, казалось, сама помогла тому, что для этого поединка были выбраны из римского войска три брата, отец которых назывался Горацием, а в альбанском — тоже три брата из рода Куриациев. Фециалы утвердили договор своими священными обрядами, и оба войска, полные ожидания, стали зрителями вокруг борцов.

При первом столкновении пали один римлянин и один альбанец. При втором столкновении был сражен на землю второй римлянин, тогда как остальные два альбанца были только ранены. Альбанцы воспряли духом. Но оставшийся в живых римлянин обманул их хитростью. Он обратился в бегство, предвидя, что альбанцы не в состоянии следовать за ним с одинаковой быстротой, так как один был ранен легко, а другой тяжело. Как только Гораций заметил, что они находятся на большом расстоянии друг от друга, он неожиданно повернул назад и сразил одного за другим обоих альбанцев.

Римское войско приветствовало победителя Горация радостными кликами. Он возвращался в город во главе римского войска приветствуемый всеобщими радостными восклицаниями. Впереди торжественно несли доспехи трех сраженных Куриациев. Только одна душа была опечалена среди этого всеобщего ликования — собственная сестра Горация,

которая была помолвлена с одним из Куриациев. При известии о смерти жениха и при виде его одежды, которую она сама ему сшила, она пришла в отчаяние, распустила волосы и с плачем называла имя жениха. Душу юноши возмутили вопли сестры, омрачавшие его радость и победу. Выхватив меч, он заколол девушку, воскликнув при этом: «Отправляйся к своему возлюбленному с твоею не в пору пришедшей любовью! Так погибнет всякая римлянка, которая станет оплакивать врага своего отечества!»

Римские жрецы

Весь Рим пришел в смущение от поступка Горация. Наказать спасителя отечества представлялось бесчеловечным, оставить же безнаказанным убийцу сестры являлось безбожным. Уголовные судьи приговорили Горация к смерти. Но народ, к которому он обратился, отверг приговор судей и объявил виновного свободным, основываясь на том, что отечество следует ценить выше всех семейных уз, к сочувствуя престарелому отцу Горация, который в один день потерял троих детей. Но для того, чтобы умиловать богов, разгневанных из-за убийства сестры, и очистить город от греха, были совершены умиловительные жертвы. Сам виновный с покрытым лицом был проведен под некоторого рода виселицей, то есть под бревном, лежащим на двух столбах. (Этот способ унижения часто употреблялся впоследствии во время войн над сдавшимся в плен неприятелем). Этим думали удовлетворить божеским и человеческим законам, а затем снова предались ликованию по случаю покорения альбанцев.

Но альбанцы весьма тяготились своим зависимым положением. Вскоре, в силу принятых на себя обязательств, они должны были предоставить римлянам вспомогательное войско для войны с фиденатами и вейями. По совету своего предводителя Меттия Фуфетия, они решили воспользоваться этим случаем для гибели римлян. Альбанцы намеревались во время сражения перейти на сторону неприятеля и тем погубить римское войско.

Но Фуфетий решился только на полумеры. Чтобы оставить себе выход, он, хотя и удалился в начале сражения от римлян, но не стал сразу соединяться с неприятелем, а встал в стороне, выжидая, на чью сторону будет клониться победа. В худшем случае он рассчитывал представить свой уход военной хитростью и объяснить, что он хотел зайти в тыл неприятелю. Вследствие этого мужество и надежда неприятеля не увеличились, а римляне, действительно смущенные вначале, скоро оправались от охватившего их замешательства. Тулл Гостилий, узнав об уходе Фуфетия, с величайшим присутствием духа крикнул своим: «Так надо, я ему приказал это: они окружают фиденатов!» И римляне, сражавшиеся храбрее, победили.

Так избегли римляне предназначавшейся им участи. Но не избег своей Фуфетий. Увидев, что римляне побеждают, а замысел его расстроен, Фуфетий стал храбро преследовать бежавших фиденатов. После сражения он явился к Туллу Гостилию, поздравил его с победой и рассчитывал получить от него благодарность за оказанную им преданность. Но Тулл Гостилий понял его хитрость и, внешне сохраняя прежние дружеские отношения к Фуфетию, принял быстрое, сильнейшее и поэтому вернейшее средство для наказания альбанцев и их вероломного предводителя.

Он тайно послал Горация с отборным отрядом в Альба-Лонгу с поручением завладеть городом и его жителями. При этом он приказал город разрушить и сравнять с землей, за исключением храмов, но запретил причинять гражданам дальнейшие бедствия. Он приказал объявить альбанцам, чтобы они со всеми своими семействами переселились в Рим. В то время, как это приводилось в исполнение, Тулл Гостилий призвал к себе альбанское войско, как бы желая похвалить храбрейших за оказанную ими в последнем сражении службу, и приказал римлянам, каждый из которых имел скрытый под плащом меч, окружить

собравшуюся толпу альбанцев. Затем Тулл Гостилий взошел на трибуну и объявил альбанцам, что знает об их измене и намерен наказать их.

Всякая попытка к сопротивлению была в этих обстоятельствах немыслима. В то же время Тулл Гостилий объявил, что город Альба-Лонга уже уничтожен Горацем. Беднейшие классы он привлек на свою сторону обещанием при поселении в Риме наделить их земельными участками. Некоторых из знатнейших убедил тем, что принял их в число патрициев и в сенат и для их собраний приказал построить на площади огромное здание — Гостилиевы курии. Благодаря переселению альбанцев, для местожительства которых была определена Целийская гора, население Рима удвоилось. Фуфетий не спасся от жестокого наказания. Он был привязан к двум лошадям; пущенные в разные стороны, они разорвали его тело как бы в знак того, что он хотел разорвать два государства, связанные отныне навсегда.

Последние годы правления Тулла Гостилия наполняет многолетняя борьба с латинами, которые не соглашались предоставить римлянам место в латинском союзе, занимаемое до тех пор альбанцами.

Тулл Гостилий кончил жизнь тем, что сгорел в собственном доме. По уверению некоторых древних историков, боги поразили его дом молнией в наказание за то, что во время многочисленных сражений он пренебрегал религиозными обрядами и для умилостивления гнева богов прибегал к незаконным средствам.

5. Анк Марций.

(640...616 г. до Р. Х.).

Избранный царем Анк Марций был внуком Нумы Помпилия и унаследовал его благочестивый и миролюбивый образ мыслей. Запущенное в предшествующее правление богослужение было восстановлено и вновь возродилось господствовавшее при Нуме мирное стремление к земледелию и пчеловодству. Но Рим уже настолько запутался в распрях с соседями, что миролюбивые наклонности царя не могли перевесить необходимости вести войны. Сабиняне, вейи, латиняне и другие племена вынуждали царя браться за оружие, чтобы доставить своему государству более обеспеченное существование. Он завоевал и уничтожил много городов и увел их жителей в Рим, где назначил им местожительство на Авентинском холме.

Анк — Марций

Жители покоренных городов, силою переселенные в Рим, образовали римскую общину — плебс. Плебеи были лично свободны и пользовались покровительством закона; они могли заниматься ремеслами, торговлей, приобретать собственность, но не принимали никакого участия в управлении. Одни патриции составляли римский народ; они избирали царя, решали вопрос о войне или мире и одни сражались и получали военную славу и добычу. Плебеи не принимали никакого участия и в делах государственной религии ни в общественном богослужении, ни в отправлении должностей жрецов и городских ауспиций (гадание по полету птиц). Так как возведение в любой высший государственный сан нуждалось в освящении ауспициями, то патриции на всякое стремление плебеев занять общественные должности смотрели, как на нечто противное божественным установлениям, как на осквернение святыни. Кроме того, они гордо и строго воздерживались от брачных союзов с плебеями.

Чтобы лучше обеспечить продуктами питания все более возрастающее население Рима, Анк Марций старался завладеть течением Тибра и судоходством на нем. Благодаря удачным

войнам с вейями, он завладел устьем этой реки и основал на нем город Остию, который со временем стал крупнейшей торговой гаванью римлян.

При Анке Марции был укреплен находившийся на противоположной стороне Тибра Яникульский холм, чтобы обезопасить город от нападения этрусков. Для большего удобства этот холм был соединен с городом свайным мостом. Этот мост вызывал большое восхищение даже в позднейшие времена своим техническим совершенством. При необходимости его время от времени чинили, соблюдая при этом древние священные обряды, которые совершали высшие жрецы, понтифексы. Так Анк Марций в свое двадцатичетырехлетнее царствование прославил Рим военными подвигами и мирными делами.

6. Тарквиний Приск.

(616...578 г. до Р. Х.).

Этот царь был родом из Греции. Отец его, Демарат, был уроженец города Коринфа и происходил из рода Бакхиадов. Благодаря обширной торговле с этрусками он приобрел огромные богатства. Но так как в это время в Коринфе случился государственный переворот, Бакхиады были изгнаны тираном Кипселом и Демарат бежал со своими сокровищами в этрусский город Тарквинии, поселился там и женился на этруске.

Сын Демарата, Лукумон, после смерти отца недолго оставался в Тарквиниях. Давно установившиеся порядки в этом городе и старинные роды не допускали чужеземцев к почетным должностям. Поэтому Лукумон со всеми своими приверженцами, захватив свои сокровища, переселился в Рим. В этом городе, где только что начинала развиваться общественная и государственная жизнь и чужеземцам предоставлялся большой простор для их деятельности, он надеялся получить возможность занять более выдающееся положение, чем в Тарквиниях. Надежда не обманула его: царь и народ радушно приняли богатство и щедрого чужеземца, который сменил свое имя на имя Луция Тарквиния. Прошло несколько лет, и он успел во многих войнах настолько показать свою храбрость, что занял место в ряду знатнейших и наиболее уважаемых сановников Рима. Вследствие этого Анк Марций перед смертью передал ему опеку над обоими своими сыновьями, а народ, обойдя царских детей, избрал его своим царем.

Выбор этот оказался как нельзя более удачен. Новый царь своими военными предприятиями прославил мощь римского народа; мирные же деяния и величественные сооружения его обнаружили влияние греческого и этрусского образования. Ему Рим обязан устройством достойных удивления клоак — подземных сточных каналов или водостоков, сооруженных для осушения болотистых местностей города. На осушенной долине между Капитолийским и Палатинским холмами Тарквиний устроил для рынка и народных собраний форум и окружил его лавками и другими торговыми помещениями. На осушенной таким же образом долине между Палатинским и Авентинским холмами он построил для общественных ристалищ большой цирк. Вокруг него амфитеатром шли скамейки, разделенные по куриям. Окружность цирка была так велика, что он, как утверждают историки, вмещал сто пятьдесят тысяч человек. Тарквиний положил основание и знаменитому храму Юпитера на Капитолийском холме.

Бракосочетание у римлян

Для покрытия огромных издержек на эти сооружения пошла богатая добыча, которая досталась Тарквинию от удачных войн, и постоянные доходы с завоеванных земель. Он воевал с сабинянами, латинами и этрусками. Эти племена стремились освободиться от зависимого положения, в котором давно уже находились, и воспротивиться дальнейшему

порабощению.

Сначала это попытались сделать латины, но кончили тем, что признали Рим главой Латинского союза. После них попробовали отстаивать свою независимость сабиняне и этруски. Сабиняне вторглись в римскую область и дошли до стен Рима, но были побеждены и вынуждены признать над собой верховную власть Рима. Бывшие с ними в союзе этруские города сражались так же безуспешно. После тяжелого поражения при Арециуме они кончили тем, что вследствие предложенных Тарквинием весьма умеренных условий признали римского царя своим повелителем. Под конец они переслали ему бывшие у них в употреблении знаки царского достоинства: золотую корону, престол слоновой кости, скипетр, украшенный орлом, вышитую золотом пурпурную тогу и двенадцать пучков фасций.

Римлянин в тоге

Римская матрона

Эти знаки царского достоинства с этого времени были введены в Риме, и некоторые из них впоследствии служили знаками консульской власти.

Если войны против внешних врагов были удачными, то в деле внутреннего управления Тарквинию не удалось осуществить все свои намерения. Для увеличения конницы он хотел образовать три новых трибы из присоединенного, но еще не приведенного в порядок населения. Но этому намерению воспротивились существовавшие трибы, причем один авгур, по имени Атт Навий, объявил, что этого нельзя сделать без новых гаданий. Царь, опасаясь при этом коварства патрицианских родов, не соглашался прибегнуть к этому средству. Он, наоборот, решил посмеяться над искусством гадания и сказал авгуру: «Ну-ка, ты, божественный, посмотри по птицам, может ли исполниться то, что я сейчас держу в уме». Когда тот, совершив птицегаданье, сказал, что это непременно сбудется, царь ответил: «Я загадал, чтобы ты бритвой рассек оселок». Предание говорит, что Атт Навий исполнил это и привел этим чудом в такой ужас царя, что тот отказался от своих намерений. А уважение к птицегаданию стало так велико, что с тех пор никакие дела не совершались без предварительного гадания по полету птиц.

Тарквиний, не имея возможности изменить число древних триб, удвоил в них число древних родов. Подобным же образом он удвоил число всадников и сенаторов. Организация триб была сохранена так, как она была установлена Ромулом, только в каждой курии число членов было удвоено.

Жизнь Тарквиния окончилась насильственной смертью. Сыновья Анка Марция, которые смотрели на престол, как на свое наследие, опасались, что царь передаст власть своему любимцу и зятю Сервию Туллию. Чтобы воспрепятствовать этому и отомстить за себя, они умертвили престарелого Тарквиния следующим образом. Они подговорили двух людей войти в одежде пастухов в дом царя под предлогом представить на его разрешение возникший между ними спор и убить его. В ту минуту, когда царь выслушивал одного из них, другой поразил его топором. Совершив это злодеяние, убийцы убежали. Однако их схватили и казнили. Умысел же их подстрекателей, сыновей Анка Марция, не удался благодаря хитрости жены убитого царя — Танаквилы.

7. Сервий Туллий.

(578...534 г. до Р. Х.).

Тарквиний оставил после себя двух несовершеннолетних сыновей и зятя Сервия

Туллия. Но те грубые и смутные времена не допускали учреждения опекунства для сохранения царского престола за малолетними детьми, а требовали немедленного замещения царя. Танаквила тотчас сообразила, что она и все царское семейство будут обречены на гибель, если сыновьям Анка Марция удастся завладеть верховной властью. При этом Сервий Туллий казался единственным человеком, способным отвести такое несчастье и вместе с тем достойным владеть царской короной. По достоверным источникам, Сервий Туллий происходил из знатного рода латинского города Карникула и родился в Риме. Мать его попала пленницей и рабыней в дом престарелого Тарквиния во время взятия города римлянами, а отец его, Туллий, убит в сражении. Царица Танаквила полюбила и мать, и сына. Мальчик был назван Сервием Туллием, получил хорошее воспитание и выдавал большие способности. Ходили слухи, что, когда Сервий был еще ребенком, однажды во время сна волосы на его голове засветились огненным сиянием, которое исчезло при пробуждении. Танаквила, весьма сведущая в этрусской мудрости, объяснила это чудесное знамение как ниспосланное богами предзнаменование будущей славы ребенка.

Сервий Туллий

Танаквила и подраставший Сервий сделали все, чтобы это божественное предзнаменование оправдалось. Храбростью и умом Сервий завоевал себе высокое положение и достоинство сенатора и патриция. Танаквила и Тарквиний выдали за него замуж свою дочь, и Тарквиний передал ему ведение важнейших дел. Таким образом народ давно уже привык видеть рядом с царем этого счастливого и достойного временщика и наградил его полным своим доверием. Поэтому Танаквила и сам Сервий нисколько не сомневались в том, что народ после смерти Тарквиния также охотно будет видеть в нем своего царя. Поэтому Танаквила, как только ее супруг был убит, приказала запереть дом и объявила собравшемуся и пораженному народу, что Тарквиний не убит, а только ранен и до своего выздоровления передал управление государством своему зятю — Сервию Туллию.

На следующий день Сервий Туллий явился на городскую площадь под охраной сильного конвоя телохранителей и, чтобы устранить со своего пути опаснейших врагов, сыновей Анка Марция, обвинил их в преднамеренном убийстве. Он приговорил их, как и следовало ожидать, к изгнанию и конфискации всего имущества. Они бежали, а партия их, лишённая предводителей, потеряла всякое значение.

Теперь Сервий Туллий, полагая, что ему уже нечего бояться, объявил, что престарелый царь умер от ран. Сервий не сложил царского достоинства и некоторое время правил без согласия патрициев и сената. Только заручившись предварительными обещаниями патрициев, он созвал их на собрание и склонил утвердить его царем.

Сервий Туллий, подобно Нуме Помпилию и Анку Марцию, был друг мира и вел войну только с этрусками. Принудив их признать верховную власть Рима, он заключил союз с латинами и устроил общие жертвоприношения и празднества для римлян и латинян в храме Дианы на Авентинском холме. К существовавшим до того времени холмам Палатинскому, Капитолийскому, Квиринальскому, Целийскому, Авентинскому Сервий Туллий присоединил еще Эсквилинский и Виминальский, окружил все это пространство стеной и рвом и сделался таким образом основателем «семихолмного города». Вся римскую область он разделил на тридцать округов (триб), а именно: самый город на четыре трибы, а область — на двадцать шесть. Это разделение на тридцать триб распространялось не на одних только плебеев, но также и на патрициев. Положение беднейшей части населения Сервий Туллий облегчил тем, что заплатил долги неимущих и распределил между ними небольшие земельные участки из государственной земельной собственности. Однако этими благотворительными попечениями о

плебеях он возбудил против себя ненависть патрициев. Но величайшим деянием Сервия Туллия было разделение и устройство всего вообще римского населения, как патрициев, так и плебеев, по имущественному признаку на классы и центурии. На этом делении основывались устройство войска и состав вновь учрежденного народного собрания. Благодаря этой мере, трибы и курии патрициев утратили свою силу, и было подготовлено слияние патрициев и плебеев в одно равноправное государственное сословие.

Не принимая во внимание происхождения, Сервий разделил все население на пять классов, а классы, в свою очередь, на сто девяносто три центурии. Патриции, как самые богатые, должны были платить больше налогов и нести большее бремя воинских повинностей. Плебеи же, как люди менее достаточные, были обременены меньшими повинностями. Сохраняя свои политические права, они были отодвинуты на второй план, но имели возможность достигать высшего общественного положения.

Пять имущественных классов были составлены следующим образом. К первому принадлежали те, имущество которых составляло не менее 100.000 ассов (тогдашний римский асс равнялся одному фунту меди). Этот класс состоял из восьмидесяти центурий или, так как разделение на классы имело влияние на способ отбывания воинской повинности, — из восьмидесяти отрядов пехоты. Из них сорок состояли из молодых людей от 18 до 46-летнего возраста, которые несли военную службу в поле; остальные же сорок состояли из более старых людей, предназначенных для внутреннего охранения города. Вооружение лиц первого класса составляли: панцирь, набедренник, копье, меч, шлем и щит. К этому же классу принадлежали и всадники; они разделялись на восемнадцать центурий и состояли из более богатых и молодых людей.

Римские всадники перед храмом Юпитера Капитолийского

Хотя пехота и конница не получали жалованья, но лошади и продовольствие для них доставлялись на государственный счет. Весь этот класс, таким образом, имел девяносто восемь центурий.

Второй класс состоял из тех, чье имущество оценивалось в 75.000 ассов. Он разделялся на двадцать центурий, которые распадалась, подобно первому классу, на два подразделения, сообразно своему возрасту. Лица второго класса имели то же вооружение, как и первого, но без панциря, и щиты их были легче.

Имущество в 50.000 ассов давало право на принадлежность к третьему классу. Этот класс также распадался на двадцать центурий, из которых десять состояли из молодых, а десять из старых воинов. Присвоенное им вооружение не заключало в себе панциря и набедренника. То же число двадцати центурий с подразделением их сообразно возрасту имел и четвертый класс, условие принадлежности к которому составляло имущество в 25.000 ассов. Копье, щит и меч составляли вооружение принадлежавших к этому классу лиц.

В пятом классе число центурий было тридцать с имуществом в 12.500 ассов. Люди этого класса были вооружены копьями, пращами и служили в легких войсках.

Все остальные граждане, имущество которых было меньше имущества лиц пятого класса, и граждане, которые не имели никакого имущества, назывались пролетариями, то есть собственниками только детей. Несмотря на то, что их было очень много, они составляли только одну центурию. Пролетарии были свободны от военной службы от всяких налогов. Налоги вносились только остальными классами сообразно их имуществу.

Те, которые несли службу в войсках в качестве горнистов, трубачей, оружейников и плотников, составляли четыре особых центурий. Из этого разделения видно, что в центуриальных комициях (собраниях), в которых голосование происходило по центуриям, первому классу с его девяносто восемью центуриями принадлежало преобладающее значение, мнение его было решающим, и в руках его сосредоточивалась вся законодательная власть.

Кроме того, патриции по-прежнему собирались в куриальные комиции и утверждали решения о войне и мире, об избрании нового царя и т.п. Сверх того, они удержали за собой старинные права быть сенаторами, жрецами, судьями и патронами. Даже решение центуриальных комиций получали силу лишь тогда, когда куриальные комиций изъявляли на то свое предварительное согласие.

В благодарность богам за счастливое выполнение столь важных дел Сервий Туллий воздвиг богине счастья Фортуне два храма. Однако несмотря на это, счастье под конец изменило Сервию Туллию, и члены его собственного семейства подготовили ему позорнейший конец. Сервий Туллий выдал своих дочерей замуж за сыновей Тарквиния. Один из них — Луций был надменный и властолюбивый человек. Он с неудовольствием смотрел на то, как тесть его правил на престоле, на что он, по его мнению, имел большие права. Другой сын Тарквиния — Арунс был человек миролюбивый. Туллия, старшая дочь Сервия, бывшая замужем за Луцием, была кроткого характера, преисполнена любви к отцу и заботилась об обуздании гордых страстей своего мужа. Зато младшая сестра, бывшая замужем за Арунсом и также имевшая имя Туллии, отличалась бессердечным властолюбием. Видя, что муж ее из-за своего характера не может служить пригодным орудием для ее честолюбивых планов, она не замедлила сблизиться со своим шурином Луцием, который также искал этого сближения. Непосредственным последствием этого сближения была насильственная смерть брата и сестры. Смерть эта уничтожила преграду между Луцием и женой его брата. Сойдясь и в характерах, и в своих мнениях, они соединили себя узами брака.

Теперь они приступили к низвержению царя. Луций Тарквиний деньгами и обещаниями старался приобрести себе сторонников среди патрициев и плебеев. Сначала он надеялся вытеснить своего тестя законным путем и для этого в сенате и народном собрании распускал наговоры против тестя, как происходящего от рабской крови и незаконного обладателя престола. Но большинство голосов высказывалось за царя, и Луций Тарквиний вынужден был отложить исполнение своего замысла до другого времени.

Под конец Луций наружно примирился со своим тестем, но втайне заботился об увеличении своих сторонников. Он выждал время, когда жатва удержала вдали от города часть народа и друзей Сервия Туллия, а сам он получил возможность собрать своих приверженцев в сенат и на форум. Внезапно и неожиданно он появился в собрании сенаторов, украшенный знаками царского достоинства. Престарелый царь, извещенный об этом, поспешил в сенат. Укоряя своего зятя за то, что тот посмел явиться в таком одеянии, Сервий Туллий хотел стащить его с престола. Но Тарквиний, будучи моложе и сильнее, схватил царственного старца, обхватил его тело и сбросил вниз с каменной лестницы курии.

Несчастный, окровавленный и обессиленный царь хотел с помощью некоторых друзей удалиться, но в это время подоспели посланные Тарквинием убийцы и положили конец существованию Сервия.

Преисполненная радости Туллия прибыла на площадь, чтобы приветствовать своего мужа как царя. При этом вполне проявился характер этой дочери. Возвращаясь домой, она с торжеством переехала в колеснице через труп своего отца, и кровь его обрызгала ее одежду.

VII. ПЕРСИДСКОЕ ГОСУДАРСТВО

1. Персидское государство при Камбизе.

Кир царствовал почти тридцать лет и умер в 529 году до Р. Х. Он завещал свое государство старшему сыну Камбизу. Младший же сын его Смердис получил в управление восточные области.

С честолюбивым характером своего отца Камбиз соединял в себе склонность к дикости и жестокости. Он хотел присоединить к завоеваниям отца еще богатый и цветущий Египет, к тому же он считал себя лично оскорбленным царем Египта Амазисом. Дело в том, что Камбиз попросил у Амазиса руки его дочери, а тот вместо своей дочери отправил ему дочь своего предшественника Хофры — Нитетис, нарядив ее в царское платье. Через некоторое время в дружеском разговоре об отце она сказала Камбизу: «Царь, ты и не подозреваешь обмана. Амазис обманул тебя, выдав меня за свою дочь. В действительности я дочь Хофры, его бывшего повелителя». Этот обман глубоко оскорбил Камбиза и побудил его к войне с Египтом.

Ко времени похода Камбиза в Египет случилось следующее. В войске Амазиса был один ионийский грек по имени Фанет, человек умный и храбрый воин. Рассердившись за что-то на Амазиса, он бежал в Персию и указал Камбизу удобный путь в Египет через владения арабского царя. Пока Камбиз шел в Египет, Амазис умер и на египетский престол, вступил его сын Псамменит. Он расположился со своим войском в устье Нила, при Пелузии.

Находившиеся в египетском войске ионийские наемники решили жестоко отомстить Фанету за предательство. Они привели в лагерь сыновей Фанета, зарезали их над чашей, влили в ту же чашу вина с водой, напились из этой чаши и после того пошли в сражение. Персы победили в этом сражении, а египтяне обратились в бегство и заперлись в Мемфисе. По свидетельству Геродота, после битвы при Пелузии еще через семьдесят лет место сражения было усеяно черепами убитых воинов, и весьма легко было отличить персидские черепа от египетских. Персидские были мягки и хрупки, египетские крепки. Это объясняют тем, что персы с раннего детства носят войлочные шапки; бритые же головы египтян закаляются солнцем.

Затворившиеся в Мемфисе египтяне горели мщением и ненавистью.

Когда Камбиз послал по Нилу на митиленском корабле вестника с предложением городу сдаться, египтяне изрубили в куски весь экипаж и уничтожили корабль. Тогда Камбиз окружил город, принудил его к сдаче и заключил царя и других знатных египтян под стражу в предместье города. Судьи персидского царя решили, что за каждого убитого перса должны быть казнены десять знатнейших египтян. Несчастный Псамменит, процарствовавший всего шесть месяцев, сидел безутешный, окруженный персидской стражей. Прежде всего он увидел, как провели на казнь во главе двух тысяч египетских юношей его единственного сына с веревкой на шее и удилами во рту, и не заплакал, в то время как другие отцы громко рыдали. Затем увидел он, как его любимая дочь вместе с другими знатными молодыми египтянками в одежде рабыни, с кувшином на голове шла из неприятельского стана, громко сетуя на то, что ей приходится исполнять непривычную для нее, унижительную работу, — и снова не проронил ни одной слезы среди всеобщего плача. Но вскоре затем взор его упал на одного старого друга и сотрапезника, жившего до тех пор в постоянном довольстве, а теперь хилого старика, который был лишен всего имущества и обходил воинов с униженной просьбой о милостыне. Тут Псамменит разразился горькими рыданиями, стал бить себя по голове и звать друга по имени.

Извещенный об этом Камбиз велел спросить Псамменита о причинах такого поступка. «О сын Кира! — отвечал царь. — О несчастьи друга я могу еще плакать, но моя личная скорбь слишком велика и не может быть выражена слезами».

Камбиз не остался нечувствительным к этому ответу: он милостиво обошелся с пленником и послал приказание, чтобы сына его не убивали. Но посланные опоздали, так как царственный юноша был казнен первым.

Псаммениту не пришлось бы испытать дальнейших оскорблений, и он сохранил бы свой сан при персидском правлении, потому что персы обычно с почтением относятся к царским детям. Но он сделал попытку возбудить египтян к бунту. Узнав об этом, Камбиз велел напоить его бычьей кровью, от чего Псамменит умер.

Весь Египет оказался под властью персов. Обитавшие на западном морском берегу народы Ливии покорились добровольно, послали Камбизу дары и уплатили дань. Камбиз

решил присоединить к своему государству и лежавшую далеко на юге Эфиопию, которая еще в древнейших народных преданиях изображалась как высокообразованная и богатая страна. Сначала он послал туда с подарками лазутчиков, которым было приказано сделать вид, что они имеют поручение уговорить эфиопов вступить с персами в дружественный союз. Но эфиопский повелитель разгадал их хитрость и сказал им: «Удадитесь. Ваш царь человек несправедливый. Если бы он не был таковым, то не искал бы другой земли, кроме своей, и не старался бы поработать себе людей, которые ничем его не обидели. Отнесите ему этот лук и передайте совет, чтобы он тогда только приблизился к эфиопам, когда персы будут в состоянии так же легко, как мы натягивать этот лук, и скажите ему, что он может возблагодарить богов за то, что они не внушили эфиопам желания завладеть чужой собственностью».

Камбиз, достигший в это время Фив, пришел в ярость от такого ответа и, несмотря на то, что ни один перс не мог натянуть эфиопский лук, тотчас дал приказание выступить в Эфиопию. В Фивах он оставил эллинов, а пятьдесят тысяч человек послал завоевать оазис, где находился оракул Юпитера Аммона, который был на десятидневном расстоянии к западу от Фив. Но это войско было засыпано в пустыне песчаным ураганом и бесследно исчезло. Не лучше шли дела и в главном войске, с которым сам Камбиз выступил против эфиопов. Очень скоро все взятые с собой припасы были съедены и истреблен даже вьючный скот. В пустыне не было ни дерева, ни былинки, и голод вынудил войско, подобно гибнущим мореплавателям, выбирать из своей среды одного из десяти, убивать его и съедать. Это заставило Камбиза отказаться от дальнейшего похода, и он повел войско назад в Мемфис.

Здесь он нашел народ в шумной радости по случаю рождения после долгого ожидания нового аписа — священного быка. Жрецы были заняты жертвоприношениями и молитвами, а народ с радостными криками следовал за процессиями аписа по всему городу. Но Камбиз, усмотрев в этом ликовании выражение радости по случаю постигшего оба его войска несчастья, готовил веселому празднеству ужасный конец. Он приказал привести к себе аписа и с презрительным смехом воткнул ему в бок свой кинжал. Затем велел бить жрецов плетью, а жителей рубить мечами. В мемфисском храме бога Фта он вступил в его сокровенную часть, доступную только для одних жрецов, и приказал бросить в огонь изображения богов. Он велел вытащить из могилы труп Амазиса и сжечь его после всевозможных поруганий. Деспотизм и ярость его не знали никаких пределов. Когда из всех персов только его брат Смердис смог натянуть эфиопский лук, Камбиз велел отослать его в Персию, а следом послал своего любимца Прексаспа с приказанием убить Смердиса, что тот и сделал.

Крезу, сопровождавшему Камбиза в походах, иногда удавалось удерживать царя от неправых поступков или высказывать ему правду. Как-то Камбиз спросил своего любимого придворного Прексаспа: «Скажи, что думают обо мне персы?» «Государь, — отвечал тот, — они тебя очень хвалят, но находят, что ты слишком склонен к употреблению вина». «Ах — воскликнул царь. — Так они думают, что тогда я неспособен владеть собой? Ты должен немедленно убедиться, правы ли они. Если я попаду твоему сыну, который стоит там, на дворе, прямо в сердце, то будет очевидно, что персы говорят неправду». Он натянул лук, и мальчик упал мертвым. Царь приказал вскрыть его тело и действительно нашли стрелу, пронзившую сердце. «Итак, Прексасп, — воскликнул торжествующий Камбиз, — будут ли персы и теперь утверждать, что я не владею собой? Знаешь ли ты хоть одного человека в мире, который стрелял бы так же хорошо, как и я?» Прексасп видя, что царь не в здравом уме и опасаясь за собственную жизнь, отвечал: «Я полагаю, царь, что сами боги не могут стрелять лучше».

В другой раз царь без достаточной причины велел арестовать двенадцать знатнейших персов и закопать их в землю головами вниз.

При виде такого поведения Крез счел своим долгом образумить Камбиза и обратился к нему с такими словами: «Не следуй во всем увлечению молодости и сердца, но умеряй и сдерживай себя. Ты казнишь своих граждан без достаточных оснований. Берегись, как бы

персы не взбунтовались против тебя. Отец твой настойчиво наказывал наставлять тебя и давать тебе благие советы». Камбиз в гневе пустил стрелу в Креза, и тот едва успел отклониться. Тогда царь велел своим слугам убить его. Но те, зная непостоянный нрав царя, скрыли Креза и, когда на следующий день Камбизу захотелось беседовать с Крезом слуги, заметивши это, доложила, что тот жив. Хотя это и очень обрадовало деспота, но все-таки он приказал казнить послушавшихся слуг.

После трехлетнего пребывания в Египте Камбиз решил возвратиться в Сузы, оставив в Египте персидский гарнизон. В Сирии он узнал, что по всем областям разосланы вестники, которые провозглашают царем Смердиса. Угадывая обман, Камбиз вскочил на лошадь, чтобы поспешить в Сузы. Но тут у него выпал из ножен меч и конец его воткнулся ему в бок и прошел до кости. У него сделался антонов огонь. На смертном одре Камбиз просил собравшихся вокруг него знатнейших персов не допускать, чтобы верховная власть снова перешла в руки мидян. Он убеждал, чтобы всякого, кто будет выдавать себя за его брата Смердиса, наказывали как обманщика, ибо настоящий Смердис, увы, давно уже убит по его приказанию. Камбиз умер, не оставив после себя детей.

Лже-Смердис был мидийским магом Гауматой, братом мага Патизефа. Он имел цель восстановить ми-дийское владычество. Знатные персы сначала держали себя спокойно, так как недоверчиво относились к последним словам Камбиза, полагая, что он распустил слух о смерти брата из зависти к нему. К тому же и Прексасп после смерти Камбиза из страха наказания отрицал справедливость этого слуха. Маги старались щедрыми обещаниями склонить Прексаспана свою сторону и убедить его всенародно подтвердить, что Смердис жив. Это должно было рассеять сомнения, которые уже начинали проявляться, так как все приказания стали исходить через магов из царского гарема и никто не допускался лицезреть царя. Наконец, шесть главных персидских предводителей собрались на совет, обдумывая, каким образом узнать правду. Если мнимый Смердис был братом Патизефа, то его легко можно было узнать, так как он не имел ушей, которые еще Кир приказал ему отрезать за какой-то проступок. Случилось, что в числе его жен была дочь одного из этих предводителей, которая на вопрос отца сообщила, что у царя Смердиса совсем нет ушей. В то время, как шестеро предводителей совещались, как наказать обманщика, в Сузы прибыл Дарий, сын наместника Персиды Гистаспа, молодой и отважный перс из племени Ахеменидов, к которому принадлежал и Кир. Они тотчас приняли Дария в союзники и отправились вооруженные под его предводительством в царский дворец. Стража беспрепятственно пропустила их во двор ввиду их высокого положения. Здесь они встретили сопротивление со стороны слуг, но после непродолжительной сватки одолели их и ворвались в комнату царя. Тут они нашли обоих братьев-магов, убили их, показали их головы персам и рассказали все дело. Народ в это время уже узнал все от Прексаспа, который подтвердил смерть настоящего Смердиса и затем бросился с башни. Персы пришли в такую ярость, что перебили всех попавшихся им в руки магов.

2. Дарий, сын Гистаспа.

(521 — 485 г. до Р. Х.).

Для государства было необыкновенным счастьем, что все предводители, хотя и не единогласно, но все-таки согласились последовать лучшему совету насчет выбора формы государственного правления. Было сделано несколько предложений. Одни желали ввести олигархию, другие демократию. Однако Дарий настоял на сохранении монархии. Старший из предводителей, Отан; добровольно отказался наперед от всех прав на царский престол. Остальные, признав благородство такого бескорыстного решения, условились между собой, что тот из них, кто станет царем, должен предоставить Отану и его потомкам независимость и каждый год награждать его дорогим подарком. Царскую власть должен был получить тот, чья лошадь первой заржет на общей прогулке. Счастье высказалось за Дария.

Для большего утверждения своей власти новый царь счел полезным взять себе в жены двух дочерей Кира, одну Смердиса и одну Отана. Твердостью и силой духа Дарий умел укрощать гордость и самонадеянность вельмож, когда они осмеливались нарушать законы и его приказания. Однажды Интаферн — один из шести, имевших право входить к царю без доклада, пожелал воспользоваться этим правом, когда царь находился в женских покоях, в которых даже эти шестеро не могли беспокоить царя. Когда стражи, находившиеся у дверей, не хотели пропустить Интаферна, он обнажил свой меч и отрубил им нос и уши. Извещенный о таком наглом поступке, Дарий сначала опасался, не было ли это сделано с общего согласия шестерых и не замыслили ли они возмущения. Он начал выспрашивать по этому поводу каждого из них отдельно. Узнав, что Интаферн действовал без их ведома, он приказал взять его со всеми сыновьями и родственниками под стражу и предать смертной казни. Дарий имел сильное подозрение, что Интаферн со своими приверженцами намеревался восстать против него.

Не менее осторожно и строго поступил Дарий с Оретом. Назначенный еще Киром наместником Лидии, тот во время восстания магов добивался самостоятельной власти и распространил свое наместничество на Фригию и Ионию. Когда Дарий вступил на престол, Орет выказал такую заносчивость, что приказал убить царского посла за то, что тот принес ему неприятное повеление. Дарий не отважился немедленно наказать Орета, так как тот имел у себя на службе тысячу персов-копьеносцев. Дарий послал в Лидию знатного перса, который постарался подчинить своему влиянию копьеносцев. Когда копьеносцы стали исполнять все приказания посла, даваемые от имени царя, и даже не захотели более служить Орету, посол предъявил письмо Дария, в котором им предписывалось умертвить Орета. Копьеносцы немедленно выхватили мечи и убили сатрапа. Таким образом Дарий вновь подчинил Лидию, Фригию и Ионию.

Несравненно опаснее этого возмущения было восстание вавилонян. Еще во время слабого правления магов они приготовились к отпадению от персов, в изобилии снабдили город припасами и для того, чтобы их хватило на более продолжительное время, удавили всех излишних женщин. Когда они решительно отказались платить персам дань, Дарий сам выступил во главе войска и осадил Вавилон. Но жители за своими чудовищными стенами насмехались над всеми приступами. Двадцать месяцев длилась безуспешная осада города. Постыдное отступление и потеря важной области казались неизбежными.

В такой обстановке сын одного из главных предводителей, молодой перс по имени Зопир решился на невероятное самопожертвование. Он отрезал себе нос и уши, обрил голову, как рабу, и дал себя высечь до крови бичами. В таком изувеченном виде явился он к царю, который в испуге вскочил и спросил, кто его так изуродовал. «Я сам, — отвечал Зопир, — из любви к тебе, потому что этим надеюсь завоевать для тебя город. Истекая кровью, я хочу пойти в город и представить, что это ты меня так обесчестил за то, что я подал совет снять осаду города. Я буду грозить тебе страшным мщением и выкажу такую ненависть к тебе, что никто не заподозрит хитрости. Мне поручат отряд, и я сделаю с ним несколько счастливых вылазок. На десятый день пошли против меня тысячу худших твоих воинов, и я разобью их; семь дней спустя — две тысячи, а в двадцать четвертый день — четыре тысячи. Когда вавилоняне увидят меня три раза победителем, то, вероятно, верят мне все войско и город, а об остальном предоставь уж мне позаботиться».

Зопир пришел к городским воротам. Его лжи поверили, и он действительно так хорошо сыграл свою роль, что возбудил сожаление и негодование в вавилонянах тем более, что имя его и высокое происхождение им были хорошо известны. Ему был доверен отдельный отряд, и он разбил с ним сначала тысячу, потом две и наконец четыре тысячи персов. Затем его назначили военачальником и защитником города. После этого ему легко было впустить персов в ворота в то время, когда жители сражались с шедшим на приступ неприятелем. Таким образом Вавилон был взят.

Дарий не остался неблагодарным к заслуге Зопира. Он не только сделал его сатрапом в Вавилоне, но и подарил ему на всю жизнь все царские доходы с этой обширной области. Но

еще более чести принесли ему его слова, что он лучше хотел бы видеть Зопира неизуродованным, чем взять еще двадцать таких городов, как Вавилон. Мятежный город подвергся страшному наказанию. Часть его крепких стен была срыта, ворота были разрушены, а три тысячи знатнейших жителей распяты на кресте.

Другое внешнее предприятие Дария было следствием его личного великодушия. Один знатный грек с острова Самоса, Силосон, во время завоевания Камбизом Египта отправился туда в числе многих эллинов, которые стремились в Египет частью для торговли, частью для военной службы, а также и из любопытства — посмотреть страну. Случайно он встретил на рынке в Мемфисе Дария, служившего в числе телохранителей Камбиза. Дарий пожелал купить у Силосона его красивый красный плащ, но Силосон отдал ему плащ даром, сказав: «Я его не продаю, но если ты желаешь иметь, то я дарю его тебе».

Когда Силосон узнал о неожиданном возвышении молодого перса, то задумал извлечь из этого пользу. Он прибыл в Сузы, сел у входа в царский дворец и объявил спросившим его стражам, что он благодетель царя. Допущенный к Дарию, он напомнил ему о подаренном на мемфисском рынке красном плаще. «Да, честный человек, — воскликнул Дарий, — я узнаю тебя теперь. Ты сделал мне добро, когда я находился в ничтожестве; теперь тебе не придется раскаиваться в том, что оказал услугу сыну Гистаспа».

Дарий хотел дать ему много серебра и золота, но Силосон отказался от подарков и сказал: «Если ты желаешь вознаградить меня, царь, то освободи мое отечество — Самос, которое с тех пор, как постыдно убит мой брат Поликрат, находится во власти одного из наших рабов. Сделай для меня это, но без пролития крови и не лишая никого свободы».

Дарий согласился на эту просьбу и послал Силосона с вооруженным флотом под предводительством своего верного Отана в Самос. Вопреки желанию добросердечности Силосона, город пришлось завоевать мечом, притом только после того, как большая часть жителей была перебита; остальные покорились своему новому повелителю. После взятия Вавилона были покорены и остальные восставшие провинции: Сузиана, Мидия, Армения, Парфия и Гиркания. В самой Персии было подавлено возмущение второго Лже-Смердиса (перса Вахъяздата).

Все эти события утвердили положение царя и только что приобретенного персами могущества. Теперь Дарию следовало предпринять что-нибудь для расширения своих владений. Геродот передает нам следующие слова царицы Атоссы, обращенные к супругу: «Царь, твоя власть так велика, а ты сидишь смирно и не увеличиваешь могущества персов. Тебе, человеку еще молодому и обладающему богатыми сокровищами, следует отличиться каким-нибудь геройским подвигом и тем показать персам; что ими управляет храбрый муж. Заставив персов воевать, ты лишишь их возможности на досуге опять составлять против тебя заговоры. Ты должен сделать это теперь, пока молод. Потому что когда укрепляется тело, то вместе с ним укрепляется и душа; когда же оно становится дряхлым и ни на что уже не годным, то и душа вместе с ним стареет». Дарий отвечал ей, что он уже сам думал об этом и желает предпринять поход против скифов.

Скифские одежды

По свидетельству Геродота, Скифия простиралась от устьев Истра (Дуная) до истоков Танаиса (Дона) , а на северо-западе — до Карпатских гор. Занятия скифов, которые сами себя называли сколотами, соответствовали условиям занимаемой ими местности. Племена, жившие ближе к Черному морю, занимались земледелием, имели постоянные жилища и вели торговлю хлебом. Народы, населявшие внутренние области страны, были номады, то есть пастухи. Они не сеяли, не жали, не имели постоянных жилищ, а кочевали по степям. На восточной границе обитали царские скифы, которые были господствующим племенем, управлялись наследственными царями и считали остальных скифов своими рабами.

Кроме скифов, Геродот называет еще много различных племен: андрофаги (людоеды),

меланхлены (черные плащи). К востоку от Танаиса жили сарматы, схожие по нравам и языку со скифами. К северу от них помещались будины — многочисленный народ с голубыми глазами и светлорусыми волосами, совершенно отличные от скифов по обычаям и образу жизни.

Далее к северу живут два звероловных народа: ирки и тиссагеты. На самом краю известных стран поселились агриппеи, похожие на скифов одеждой, но совершенно отличающиеся от них языком. Геродот изображает их с приплюснутыми носами и развитыми челюстями, живут они в войлочных палатках и кочуют со своими стадами, питаются молоком. По описанию в агриппеях можно признать калмыков, принадлежащих к монгольской расе. На верхнем Гипанисе (Буг) обитали алазоны и невры, а на запад от них — агатирсы, которые носили золотые украшения и имели общих жен. Геродот заключает свое повествование следующими замечательными словами: «Здесь находится граница известных земель и народов, так как до сих только мест доходят скифские караваны из греческих торговых городов. Далее возвышаются страшные, непроходимые горы. Но агриппеи утверждают, что там живут люди с козьими ногами, а еще далее за ними другие люди, которые спят шесть месяцев в году». Без сомнения, в этом следует видеть намек на продолжительные ночи на крайнем севере. Геродот изображает скифов воинственным, способным, диким народом. В каждом поселении они воздвигали особые святилища богу войны. Из связок хвороста громоздили высокую гору, с трех сторон отлогую, а с четвертой — крутую; наверху устраивали четырехугольную ровную площадку. Здесь ставили древний железный меч, которому ежегодно приносили жертвы, как священному изображению бога войны.

Персидские копьеносцы

Из всех захваченных в плен врагов сотога скифы приносили в жертву богам. Когда скиф убивал первого врага, то пил его кровь, а головы всех убитых им в сражении приносил царю, ибо тот только получал часть добычи, кто приносил голову врага. С этих голов сдирали кожу, выделявали ее и привязывали в виде украшений к поводьям лошадей. Из голов самых заклятых врагов, даже своих родственников, если те вступали с ними во вражду, они делали сосуды для питья, которые у богатых скифов были внутри вызолочены. Раз в год старшина селения prepares вино, которое пьют лишь те скифы, которые убили врагов, хотя бы одного; кто не мог этим похвалиться, не вкушал этого вина и постыдно сидел в стороне. Кто убил многих врагов, пил из двух чаш.

Подобный же дикий нрав обнаруживают и обряды, с которыми скифы заключают союзы и погребают своих царей. При заключении союза они наливали вино в глиняную чашу, надрезали себе кожу и примешивали к вину свою кровь, затем каждый из союзников погружал в чашу свое оружие и после этого, произнося длинные молитвы, все пили из этой чаши.

Когда умирал их царь, тело его бальзамировали, а снаружи покрывали воском. Потом тело возили по всем подвластным племенам, и все, кого посещал царский труп, должны были брить себе голову, раздирать лоб и нос и пронзать левую руку стрелой. После такого объезда предавали тело царя земле и вместе с ним погребали, предварительно задушив, одну из его жен, виночерпия, повара, конюшего и других слуг. По истечении года убивали еще пятьдесят лучших слуг и столько же отборных лошадей. Затем чучела, сделанные из этих слуг, сажались верхом, на чучела убитых лошадей, и из них расставлялся на царской могиле круг всадников.

Вот против такого народа предпринимался поход, который нравился далеко не всем персам. Так, брат царя Артабан, указывая Дарию на бедность скифов, не советовал идти на них войной.

Один из знатных персов, Ойобаз, имевший трех сыновей, попросил Дария оставить

одного из них дома.

Персидская военная колесница

Царь со злой усмешкой ответил, что оставит ему всех троих — и приказал убить их.

Один самосский грек построил мост через Босфор, и Дарий перевел в Европу огромное войско, состоявшее из 700.000 человек. Отсюда он пошел по западному берегу Черного моря через Фракию. У Теарского источника царь приказал поставить столб со следующей надписью: «Теарский источник дает лучшую и прекраснейшую воду, и его достиг на походе своем против скифов лучший и прекраснейший из всех людей Дарий, сын Гистаспа, — царь персов и всей земли».

Наконец Дарий достиг реки Истр. Здесь его ожидали ионийские и другие эллины, которые по его приказанию приплыли к устью Истра Черным морем. Там, где река разделяется на несколько рукавов, они построили мост на судах. Переправясь по этому мосту со всем персидским войском, Дарий приказал ионийцам разрушить мост и следовать за ним в полном составе. Но по совету митиленского предводителя Кеса обезопасить себе на всякий случай путь к отступлению, он оставил на этом месте греческое войско. Отправляясь дальше, он дал грекам ремень с шестьюдесятью узлами и приказал каждый день развязывать по узлу и до тех пор не возвращаться в свое отечество, пока не будут развязаны все узлы.

Затем Дарий продолжил поход на скифов. Скифы, не рискуя вступать с ним в открытые сражения, избрали верное средство погубить персов. Они отступали перед персами по двум направлениям, опустошая и уничтожая за собою все. Преследуя их, персы дошли до Танаиса, перейдя его вступили в землю сарматов и будинов и наконец очутились в пустынной степи.

С большими лишениями прошел Дарий земли меланхленов, андрофагов и других народов, но неприятель ни разу не вступал с ним в открытый бой. Напрасно требовал он от скифов или сразиться с ним, или прислать ему земли и воды в знак покорности. Взамен этого они прислали ему птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Дарий объяснил эти дары, как знаки покорности, ибо, по его мнению, мышь значила, что они отдают ему землю, лягушка — воду, птица — лошадь, а стрелы — их искусство. Но его сановник Гобриас дал другое толкование, сказав, что скифы своими дарами желали объяснить: «Если вы не превратитесь в птиц, летающих по воздуху, или в мышей, ползающих под землей, или в лягушек, прыгающих по болотам, то не вернетесь домой, а все погибнете от наших стрел». И действительно, скифы приняли меры, чтобы отступление персов стало невозможным. Лучше зная дороги, они опередили Дария и явились к стоявшим у моста через реку грекам. «Сломайте мост, — обратились они к ним, — возвращайтесь домой, так как шестьдесят дней уже прошло, и отложитесь от Дария. А мы постараемся, чтобы у него не осталось ни одного воина». Это предложение показалось грекам весьма соблазнительным. В особенности афинянин Мильтиад, бывший одновременно властителем в Херсонесе Фракийском, советовал воспользоваться этим обстоятельством и, способствуя гибели персидского войска, освободить от власти персов Ионию. Но Гистией из Милета не соглашался с ним и доказывал, что все они властвуют в своих городах лишь под защитой персидского могущества и как только могущество персов будет уничтожено, эти города немедленно введут у себя прежнее народное правление. Этот довод убедил предводителей отвергнуть мнение Мильтиада и остаться верными царю. Греки только разрушили северную часть моста, чтобы скифы не уничтожили весь мост.

Барельеф в воспоминание о деяниях Дария.

Скифы вновь пошли навстречу Дарию, но разошлись с ним, благодаря чему он достиг моста и перешел Истр. Сам царь отправился обратно в Азию, а в Европе оставил Мегабаза с

80-тысячным войском для покорения южной Фракии.

Фракия была населена многими воинственными племенами, которым однако не хватало единства и внутреннего согласия, чтобы быть непобедимыми. Мегабаз покорил их, а также острова Лемнос и Имброс. Персидское государство расширило свои границы и на восток, потому что Дарию с помощью карийского мореплавателя Скилакса удалось подчинить своей власти страны, расположенные по Инду. Но когда персы попытались распространить свои владения и на запад, то они столкнулись с греками, и войны с ними заставили персидских царей больше думать о сохранении своей монархии, чем о ее расширении.

В благодарность за все свои победы Дарий воздвиг памятник в мидийской области Багистане (земля богов). На обращенной к востоку, отвесной скале, над бьющим из скалы ключом он приказал вырубить ровную площадку и высечь на ней барельеф. Барельеф изображает фигуру самого царя, которая выше остальных фигур. Одежда на нем ниспадает спереди до колен, а сзади до икр; на руке браслет, волосы длинные и тщательно завитая борода. Правой ногой царь попирает распростертого на земле человека. Перед Дарием с веревкой на шее стоят один за другим в различном одеянии девять царей с обнаженными головами и связанными за спиной руками; только на одном очень, высокая, остроконечная шапка. Над серединой всей этой группы парит бог Ормузд с длинными волосами и бородою, строгим ликом, в крылатом кольце. Подпись под этим изображением гласит:

«Что я совершил, совершил по милости Ормузда, потому что я не был злонамерен, потому что я не был лжецом и надменен. Ты, который будешь после меня царем, остерегайся лжи. Не уничтожай этой доски, ибо иначе Ормузд может убить тебя, а род твой свести в могилу, и то, что ты совершишь, Ормузд может уничтожить».

3. Государственное устройство и состояние духовного развития персидской монархии при Дарии.

Обширность Персидской монархии и неоднородность ее населения вследствие того, что Дарий оставлял неприкосновенными обычаи, права и религии покоренных народов, привело к особому роду управления, а именно — к назначению наместников в отдельных провинциях. Эти наместники назывались сатрапами, а управляемые ими области — сатрапиями. Такое разделение существовало еще при Кире и Камбизе, но только при Дарии оно получило прочное и правильное устройство. Около 515 года до Р. Х. он разделил всю монархию на двадцать сатрапий. Например, Малая Азия состояла из четырех сатрапий с главными городами: Милетом, Сардами, Даскилием и Тарсом; Египет был шестой сатрапией с главным городом Мемфисом; Ассирия и Вавилония составляли вместе девятую с главным городом Вавилоном; десятая сатрапия заключала в себе Мидию, а двадцатая — индийские племена на правом берегу Инда. Сатрап был высшим гражданским должностным лицом в своей области. Он должен был заботиться о благосостоянии своей области, надзирать за торговлей, денежными оборотами, путями сообщения, гаванями, каналами и плотинами и имел право чеканить серебряную монету. Вместе с тем он был высшим судьей и имел право над жизнью и смертью жителей. В особенности он обязан был заботиться о распределении налогов и натуральных повинностей между отдельными округами и городами, равно как и о сборе и доставлении их царю. Одна только родовая область — Персида была освобождена от всех податей и лишь обязана во время приезда туда царя подносить ему дары, состоявшие из местных продуктов: молока, меда, фиников и т.п. Но чтобы иметь противовес такой почти неограниченной власти, Дарий отделил от нее военную область и сосредоточил ее в руках особого должностного лица — военачальника. Он был начальником гарнизонов в укрепленных местах области. Самые значительные гарнизоны были расположены в Сардах, Мемфисе, Вавилоне и Экбатане.

При каждом сатрапе для надзора находился царский писец. Он получал приказания непосредственно от царя и передавал их двум главным должностным лицам; вместе с тем он же доносил царю о всех происшествиях. Подобное устройство было способно если не вполне сделать невозможною, то, по крайней мере, сильно затруднить всякую попытку сатрапа или военачальника превысить свои полномочия или подготовить восстание.

для обеспечения быстрого исполнения царских повелений при такой обширности государства были устроены быстрые сообщения между местопребыванием центральной власти и отдаленнейшими местностями монархии.

Придворный штат царя

С этой целью Дарий перенес столицу своего государства в Сузы. Этот город находился поблизости от родовой области Персиды и недалеко от Вавилона. От Суз были по всем направлениям проведены большие дороги. Одной из таких дорог была дорога от Суз через Сарды в Эфес. На станциях на расстоянии около трех миль одна от другой находились лошади и всадники, единственной обязанностью которых было возможно быстро доставлять царские депеши. Эти курьеры должны были проделывать дорогу из Суз в Сарды не более, чем за шесть дней. Для поддержания безопасности сообщений и для устройства надзора над всеми почтовыми и торговыми сношениями подданных в тех местах, где приходилось преодолевать препятствия, то есть у горных проходов или рек, устраивались караульни и крепости.

Высший надзор за наместниками осуществлял главный надзиратель, который от имени царя производил неожиданные ревизии сатрапий и назывался «царским оком». Если поля были хорошо возделаны, страна густо населена, правосудие хорошо устроено то сатрап удостоивался похвалы и признательности; если же открывалось противоположное, то он строго наказывался и лишался места. Кроме главного надзирателя, были еще тайные посланцы, настоящие шпионы, называвшиеся «ушами царя». Они нередко недостойным образом злоупотребляли оказываемым доверием и своими доносами губили многих достойных людей. Подготовка из молодого поколения способных должностных лиц и полководцев достигалась тем, что молодые люди знатных фамилий воспитывались частью при самом дворе, частью под руководством сатрапов в их местопребываниях. Благородные юноши занимались верховой ездой, стрельбой из лука, метанием копий, приучались к воздержанности, правдивости, храбрости. В соответствии с учением Заратустры они проникались религиозным чувством. Все это имело благотворное влияние и на остальные классы населения. Простота, самообладание и воинственный дух были отличительными добродетелями персов в лучшие времена царствования Кира, Камбиза и Дария. Со свойственной им гордостью персы предпочитали служить в качестве воинов и получать награды от своего государя, чем заниматься торговлей. Значительная часть персов находилась в рядах постоянной армии; остальные, следуя древнему обычаю, занимались скотоводством или возделывали поля.

Придворный штат царя

Они крепко придерживались древне-персидской одежды — узкого и короткого кожаного платья, верхняя одежда доходит до середины колен, а на голове — низкая повязка. Вместе с одеждой и образом жизни своих предков они остались верны их обычаям и религии. Перс считал постыдным нарушить свое слово, пренебрегать родителями, лгать, потворствовать, проявлять алчность. В верховой езде и в стрельбе из лука персы проявляют большое искусство, в походах — выносливость, в боях — мужество и презрение к смерти.

Царь, управлявший из дворца, неограниченный владыка земли и людей, всеми считался

высшей и священной особой, земным олицетворением бога Ормузда. Слуга ежедневно будил царя словами: «О царь! Вставай и обдумай дела, которые Ормузд передал тебе на усмотрение». Всякий, кто приближался к царю, должен был падать ниц, и никто не смел являться пред ним без приношений. Только шесть родовых старейшин имели право входить к нему без доклада. Родственники и сотрапезники, ближе всего стоявшие к царю, входя к нему без доклада, рисковали лишиться за это жизни. Остальные подданные могли проникнуть к нему и лично просить о своих делах с величайшим трудом, пройдя через целую толпу телохранителей и слуг. В качестве советников в духовных и светских делах при нем находились жрецы учения Заратустры, называвшиеся магами. Они не только отправляли богослужение, но занимали и судейские должности. Бесчисленное множество других лиц служило для блеска его двора или для удовлетворения разнообразных ежедневных потребностей его внешней жизни. В отряде телохранителей было две тысячи отборных персидских всадников, две тысячи пеших копьеносцев и отряд войск из десяти тысяч пехотинцев, которых греки называли «бессмертными», так как они содержались всегда в полном составе. Большая часть постоянного войска была рассеяна по границам разных областей. Весьма значительно было число царских наложниц. При преемниках Дария их число доходило до 360. Это способствовало всевозможного рода интригам. Влияние гарема с каждым годом становилось могущественнее, нередко в нем решались судьбы государства и в особенности вопрос о престолонаследии.

Развалины Персеполя

Дальнейшая распущенность нравов привела к тому, что не только царь, но и его сановники брали с собой в походы всех своих жен и слуг. Когда, например, Александр Великий одержал победу при Иссе, он взял в плен 300 женщин, 277 поваров, 13 изготовителей молочных кушаний, 17 изготовителей напитков, 70 служащих при погребках, 40 изготовителей благовонных мазей и 46 плетельщиков венков. Резиденциями царя были Экбатана, Сузы, Вавилон; в них он жил попеременно, в зависимости от времени года. Жаркое лето он проводил в прохладной Экбатане, зиму же проводил в Сузах и Вавилоне, где был более теплый климат.

Четвертым важным городом был Персеполь; только в нем погребали царей. Город этот находился в Персиде, откуда происходил весь царский род и которую персы всегда считали своим истинным отечеством. Только в ее земле мог достойно покоиться прах царя. Могила нередко высекалась в непроходимых каменных утесах. Туда вместе с прахом царя помещали все, необходимое для живого человека, даже принадлежавшие покойнику вещи из золота и серебра, для охраны которых назначалась многочисленная стража. Развалины Персеполя, этой царской усыпальницы, с ее мраморными лестницами, террасами, роскошными залами и каменными гробницами принадлежат к величайшим остаткам древнего мира и содержат множество барельефов и надписей.

VIII. ГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ.

От Персидской войны до эпохи Александра Македонского

(504 г. до Р. Х. — 323 г. до Р. Х.)

1. Состояние Греции перед персидской войной

Сравнив громадность великой Персидской монархии с незначительностью Греции, можно ожидать победы Персии в предстоящей войне. Но в громадной массе персидского управления было много неповоротливости и много причин внутреннего разложения. Несмотря на введенный Дарием в обширном государстве порядок, несмотря на возможно лучшую централизацию управления с помощью быстрого сообщения между царским двором и столицами сатрапов, несмотря на воспитание способных военачальников и должностных лиц и на развитие сухопутных и водных путей, Персидская монархия страдала двумя разъедающими недугами. Один из них заключался в громадном различии между соединенными под одной властью народами, и можно было в любое время ожидать, что они, вспомнив о своей национальности, воспользуются минутной слабостью государства и восстанут. Другой недуг заключался в дворцовом управлении — в господстве женщин при царском дворе, которое имело пагубное, расслабляющее влияние на преемников Дария.

Персия и Греция настолько были несхожи между собой, насколько несходны Азия и Европа в самых существенных своих основаниях. Греция ушла далеко вперед в духовном и умственном отношении, и весьма понятно, почему кажущееся подавляющее превосходство Персии нашло такой противовес в мощи быстро развивающегося греческого гения.

«В Персии все рабы, — говорил фессалиец Ясон, — за исключением одного». «Для вас, греки, — говорил перс Артабан Фемистоклу, — всего важнее свобода и равенство».

В Персидской монархии во главе управляемых народов стоял один господствующий народ, а правительство и подданных соединяла не внутренняя, происходящая из равенства национальностей, связь, а лишь вынужденное внешнею силою повиновение. В Греции же при однородности народа и правители, и народ находились в более тесной связи, благодаря живому стремлению к основанному на свободе и равенстве образу правления. Признавалась одна власть, проистекавшая из умственного и нравственного превосходства, а повиновение основывалось на уважении к закону. Поэтому воодушевление и любовь к родине, заставлявшие каждого гражданина в Греции считать себя орудием государства, одушевляли каждое отдельное лицо. Слава государства и забота о свободном развитии духовных сил всего народа наполняли сердца греков, в то время как в Персии подвластные народы не могли воодушевляться славой господствующего народа, и этот народ старался извлекать пользу лишь для себя. Поэтому здесь главным и отличительным признаком властителей являлась доведенная до крайних пределов роскошь. В Греции же или противились всеми нравственными силами расслабляющим наслаждениям, или облагораживали их искусством и красотой.

Стремление к свободе и самостоятельности выражалось также и в том, что маленькая Греция разделялась на значительное число отдельных государств. Мы видим миролюбивую Ахайю с ее союзом городов рядом с могущественной, но раздираемой противоречиями Фессалией, дикую и суровую Этолию рядом с блистающим древними поэтическими преданиями Аргосом, Аркадию с ее первобытной пастушеской жизнью рядом с богатым, ведущим обширную торговлю Коринфом. Менее восприимчивая к духовному развитию Беотия существует рядом с незначительной по площади, но выдающейся своим умственным развитием Аттикой; воинственная и честолюбивая Спарта и рядом с ней почитающая священный мир Элида. Нередко это племенное различие вело к жесточайшим столкновениям, но все это не могло задерживать надолго развития греческого духа.

Выше было сказано о стремлении отдельных греческих государств стать руководящими пунктами этих разнородных элементов, другими словами — достигнуть гегемонии. Мы уже проследили, как Спарта распространила свою власть и могущество не только на Пелопоннес, но и за его пределами. Осторожный спартанский дух, хотя и не дерзал проникать в будущее, но зато здраво понимал настоящее положение дел. Государственное устройство в Спарте связывало всех граждан суровостью строгого повиновения; воинское воспитание создало мужественную пехоту, к тому же спартанцы принадлежали к далеко распространившемуся дорийскому племени. Все это способствовало тому, что большинство греков готовы были признать за этим государством гегемонию в предстоящей войне с

персами.

Но к этому времени на первое место начинают выдвигаться Афины. Введенные в них Солоном учреждения уже указывали на то противодействие, которое они намеревались оказать Спарте. Более подвижные в своей внутренней жизни афиняне были способны к созданию новых форм жизни. Они вступили в торговые и культурные отношения с отдаленными странами и выказывали живую восприимчивость к красоте и искусству.

Афины в это время находились под единодержавною властью Писистрата. Он настолько утвердил эту власть, что после его смерти в 527 году она без всякого с чьей-либо стороны сопротивления перешла к его старшему сыну Гиппию, который взял себе в соправители брата Гиппарха. Гиппий не имел обходительности и кротости своего отца, но так же, как и он, заботился об украшении города и покровительствовал поэзии, в чем ему содействовал и Гиппарх. В Афины были приглашены два знаменитых поэта того времени — Анакреонт с острова Теоса и Симонид, уроженец острова Кеоса.

Гиппарх был убит Гармодием и Аристогитом за то, что нанес им оскорбление на празднестве Панафиней. Гармодий тотчас был заколот стражей; Аристогитон бежал, но был схвачен и тоже предан смерти.

С этого времени правление Гиппия сделалось суровым и жестоким. Гиппий, побуждаемый недоверчивостью, старался уничтожить страх страхом. Множество заподозренных им граждан было предано смерти, а имущество их отобрано. Доверяясь только чужеземным наемникам, он, чтобы уплачивать им жалование, производил жесточайшие грабительства. Многие благородные граждане бежали из Афин и соединились с Алкмеонидами, которые принадлежали к знатнейшим и богатейшим фамилиям и жили вне Афин, но рассчитывали вернуться в этот город и отомстить Писистратидам. Проживая вблизи Дельф, Алкмеониды расположили оракула его в свою пользу. Они приняли на себя за известную сумму постройку храма, уничтоженного пожаром. Храм они выстроили с большой роскошью и красотой и после этого не переставали одаривать его многочисленными приношениями и денежными взносами. Алкмеониды хотели после смерти Гиппарха возвратиться в Афины, и для того, чтобы силы их и прочих изгнанников были достаточными, оракул оказал им свое содействие. Когда к оракулу обращались спартанцы, пифия убеждала их освободить Афины. Спартанцы послушались веления божества и послали войско в Аттику. Гиппий призвал на помощь фессалийцев и некоторое время мог сопротивляться. Но спартанцы прислали сильное подкрепление под начальством своего царя Клеомена I, войско Гиппия было разбито при Палленах, фессалийцы ушли к себе, а Писистратида были заперты в Акрополе. После того, как дети Гиппия попали в руки неприятеля, он заключил с афинянами договор, по которому обязался покинуть Афины и Аттику при условии возвращения ему детей. Дети были возвращены, и он отправился в Сикион к сводному брату Хегесистрату, надеясь вновь захватить власть в Афинах с помощью персов, так как его зять Гиппоклес, владетель Лампсака, находился в большой милости у Дария.

Благодаря этому перевороту, фамилия Писистратидов была свергнута, а Алкмеониды снова очутились во главе управления. Одним из политических деятелей рода Алкмеонидов был Клисфен, человек, который стоял выше сословных предубеждений и полагал, что величие Афин может быть достигнуто не установлением новой тирании, а полнейшим и совершенным уравнением в правах всех граждан. С этой целью он уничтожил существовавшие с древнейших времен четыре класса (филы), которые предоставляли власть родовой и денежной аристократии. Клисфен разделил область Аттики согласно ее географическому положению на десять фил (округов) с десятью демами (общинами) в каждой; к филам были присоединены иностранцы и матеки (поселившиеся навсегда иностранцы). Этим была уничтожена в государстве власть родовой аристократии.

Сделавшийся таким образом хозяином собственных судеб народ решал свои дела в народных собраниях, регулярно собиравшихся десять раз в год. Число членов совета было увеличено до пятисот, и в нем также утвердился демократический элемент. Чтобы

уничтожить возможность возврата к тирании, Клисфен ввел право изгнания, так называемый остракизм, когда при голосовании имя того, кто должен был отправиться в изгнание, голосовавшие выцарапывали на черепке (остракон). По этому закону Гражданин, занимавший угрожающее положение в отношении демократического равенства и свободы, мог быть изгнан из отечества на десять, а впоследствии на пять лет, если за такое постановление высказывалось шесть тысяч голосов.

Во главе аристократической партии в это время стоял Исагор, который желал вернуть власть аристократов. Он призвал на помощь спартанцев, которые не пропустили случая вмешаться во внутренние дела афинян. По предложению Исагора, сначала спартанцы послали в Афины вестника, который должен был на площади потребовать изгнания Клисфена за то, что он был осквернен убийством Килона, которое совершили его предки. Клисфен покинул город, после чего спартанский царь Клеомен с небольшим отрядом вступил в Афины, чтобы устроить там все по желанию Исагора. Он изгнал семьсот семейств, распустил совет пятисот и хотел учредить новый из трехсот человек, исключительно приверженцев Исагора. Но народ не остался равнодушен к этим событиям и, возбужденный советом пятисот, взялся за оружие. Спартанцы были заперты в крепости, и из-за недостатка съестных припасов уже на третий день просили отпустить их с миром. Это было им разрешено, и вместе с ними покинул Аттику и Исагор. Клисфен и остальные изгнанники возвратились, и новая реформа была приведена в исполнение.

Но так как можно было опасаться возвращения спартанцев, то афиняне решили искать союза с персами. Сатрап в Сардах принял послов во главе с Клисфеном и обещал им помочь, если они согласятся дать царю земли и воды (знак покорности).

Ввиду большой опасности для своего отечества послы изъявили на то свое согласие, но договор этот был отвергнут афинянами, а Клисфен после возвращения стал первой жертвой остракизма. и был изгнан из Афин.

Персидская помощь явилась слишком поздно. Клеомен, полный гнева за испытанное оскорбление, уже собрал со всего Пелопоннеса многочисленное войско и даже склонил беотийцев и город Халкиду на Эвбее вступить с ним в союз, чтобы содействовать возвращению Исагора в качестве тирана в Афины. Таким образом, в 506 году Аттика одновременно с двух сторон подверглась нападению и погибла бы, если бы неприятельское войско не было составлено из союзников. Это спасло Афины. Коринфяне, считая предпринятое дело несправедливым, а также сильно опасаясь перевеса Спарты в случае порабощения Афин, неожиданно ушли домой; оба спартанских царя, Клеомен и Демарат, поссорились между собой, после чего Демарат удалился в Спарту. Клеомен, чувствуя себя слишком слабым, вынужден был последовать за ним. Остались одни беотийцы и халкидяне, которых афиняне без особого труда прогнали. Город Халкида попал в руки победителей и получил демократическое устройство.

По поводу этих, событий Геродот написал: «Так доказало свое превосходство гражданское равенство. Ибо пока властвовали тираны, афиняне не могли преодолеть на войне ни одного неприятеля; сделавшись же свободными, они выказали достаточно рвения и мужества в достижении такой цели».

Такое развитие молодого государства устрасило спартанцев. По преданию, Клеомен нашел в афинской крепости пророчество, предвещавшее много бед спартанцам в будущем со стороны Афин. И соображая, что, если афинский народ останется свободным, то возьмет над ними перевес, а будучи в рабстве, ослабеет и будет охотно повиноваться, спартанцы решили вызвать из Малой Азии Гиппия и с помощью союзников восстановить его власть в Афинах.

Свое предложение Спарта представила на усмотрение союзников. В собрании союзников против этого предложения выступил коринфянин Сосикл, который доказывал, что спартанцам по меньшей мере неприлично уничтожать свободу в тех городах, где она существует и вводить в них рабство. Он так живо изобразил деспотизм тиранов, властвовавших в прежние времена в Коринфе, что никто не согласился поддержать Спарту, и Гиппий должен был удалиться.

Тогда Гиппий возложил все свои надежды на персов и старался всеми силами побудить Артаферна, бывшего сатрапом в Сардах, покорить афинян. Артаферн с угрозами послал повеление афинянам принять к себе Гиппия. Но афиняне смело отвергли такое предложение и решили скорее вступить с персами в открытую войну. Таким образом, мы видим, что и со стороны персов, и со стороны греков все было подготовлено к войне и недоставало только повода для того, чтобы она вспыхнула.

2. Восстание ионян в Малой Азии.

(504 г. до Р. Х.).

Между тем греки, живущие в Малой Азии, процветали под персидским владычеством. Все приморские берега были усеяны городами, которые вели обширную торговлю. Главнейшим из них был Милет, основавший восемьдесят колоний, богатый торговлей, которую он вел преимущественно на Черном море и уважаемый за имена многих граждан, прославившихся в области наук и искусств.

Правителем Милета был тиран грек Гистией, человек необыкновенно способный. Только ему одному было обьязано спасением все персидское войско в несчастном скифском походе. Он был награжден участком земли во Фракии, на берегу реки Стремона, основал здесь колонию и этим встревожил персов: здесь серебряные рудники. Кроме того, именно это место было самым близким к европейским грекам. Чтобы удалить оттуда Гистиея, Дарий вызвал его в Сузы под лестным предлогом — иметь при себе столь заслуженного мужа. На место Гистиея был назначен его зять — Аристагор. Гистией сильно тосковал при персидском дворе об утраченной свободе. Зятю его новая должность также не принесла счастья. Решив оказать помощь одной из партий на острове Наксосе, он выпросил для этого флот у Артаферна, который дал ему двести кораблей под предводительством Мегабата, но на пути Аристагор поссорился с Мегабатом. С досады Мегабат предупредил враждебную партию о грозящей ей опасности и этим дал возможность подготовиться к предстоящему нападению неприятеля. Таким образом, флот должен был вернуться, ничего не сделав. Аристагор опасался, с одной стороны, гнева персов на неудачный исход похода; с другой стороны, ему приходилось взять на себя издержки по содержанию войска, участвовавшего в этом предприятии. Кроме того, он боялся, что его лишат владычества над Милетом. В таком затруднительном положении он получил от Гистиея предложение организовать восстание.

К нему в Сузы явился раб Гистиея и попросил обрить себе голову. На коже ее были вытравлены слова, в которых Аристагору предлагалось побудить ионян отложиться от персов. Гистией рассчитывал при этом на то, что Дарий, узнав о восстании, пошлет его в Милет для восстановления порядка. Аристагор тотчас приступил к делу. Эллинские города Малой Азии были весьма склонны к отпадению. Лишь только Аристагор сложил с себя власть в Милете и возвратил народу свободу, как тотчас же восстали все города и острова от Геллеспонта до Карий, изгнали тиранов, вооружили корабли и войска и учредили у себя народное правление. Недоставало только участия европейских греков. Для достижения этого Аристагор сел на корабль и отправился сначала в Спарту. Держа в руке медную доску с вырезанной на ней картой, он доказывал, что властителям Греции должно быть близко к сердцу освобождение потомков этой страны от рабства. При этом он показал царю Клеомену на карте персидские провинции и описал их богатства, плодородие их земель, чтобы побудить его к действиям надеждой на прибыль.

Но когда на вопрос, как далеко от Ионического моря до персидского царя в Сузах, он ответил, что на поход туда потребуется три месяца, то Клеомен тотчас же прервал переговоры, сказав: «Удались, добрый друг из Милета и покинь Спарту еще до солнечного заката. Ты совсем не дело говоришь спартамцам, предлагая совершить им столь далекий поход».

Однако Аристагор сделал еще попытку. Он вошел к царю в дом и застал его с девятилетней дочерью его Горго. Он обещал Клеомену десять талантов, если тот переменит свое решение. Тщетно. Аристагор довел свое предложение до пятидесяти талантов. «Отец, — сказала тогда маленькая Горго, — уйди, а то он тебя подкупит». После этих слов царь навсегда отказал милетцу.

Затем Аристагор отправился в Афины, которые, как об этом рассказано выше, только что изгнали от себя тиранов и опасались вражды персидского сатрапа в Сузах, вследствие наговоров находившегося там Гиппия. Они тем легче склонились на предложение Аристагора, что он напомнил им о племенном родстве жителей Милета с афинянами, говорил о богатствах персов и представил войну с ними как общую борьбу за достижение и сохранение свободы. Они обещали ему двадцать кораблей, к которым жители острова Эвбеи прибавили еще пять своих. «Эти обещания и корабли были началом всех зол для греков и варваров», — говорит Геродот.

Как только весь этот флот прибыл в Эфес, Аристагор послал войско против Сард. Жители не оказали сопротивления, и город, а затем и крепость, защищаемая Артаферном, были взяты. Большая часть тамошних домов была построена из тростника или покрыта им. Поэтому, когда один греческий воин бросил в ближайший дом горящую головню, весь город вместе с храмом богини Кибелы запылал огнем. Это заставило лидийцев отступить от греков и для борьбы с ними соединиться с персами и Артаферном. Стоявшие по эту сторону реки Галиса персы, узнав о случившемся, пришли на помощь к лидийцам, но не застали уже греков и преследовали их вплоть до Эфеса. Здесь произошло сражение, в котором ионийцы были совершенно разбиты. Их союзники, афиняне, удалились, а остальные греки рассеялись.

Но так как борьба была начата, то ионийцам приходилось продолжать ее, и прибытие карийцев и киприотов, также ртложившихся от персов, казалось, могло возместить потерю афинской помощи. Однако содействие Кипра продолжалось недолго. Персы тотчас поспешили к Кипру с сухопутными и морскими силами, чтобы завладеть этим важным пунктом. Хотя ионийцы поспешили на помощь и разбили персидско-финикийский флот, но персы успели высадить войско на самый остров, одержали полную победу и принудили восставших к покорности. Карийцы после двух поражений продолжали держаться только благодаря помощи ионян, и главный виновник восстания, Аристагор, начал сомневаться в его счастливом исходе. Потеряв мужество, он недостойно отказался от борьбы и удалился во Фракию, где Гистией уже хотел основать колонию с целью устроить там убежище для жителей Милета в случае их поражения. Аристагор вскоре был убит тамошними жителями. Еще худшая участь постигла Гистиея. При первом известии о восстании в Сардах он, как и предполагал, был вызван к Дарию. Гистией сумел защитить себя от всякого подозрения в участии в восстании, так что царь послал его в Сарды, чтобы он оказал содействие в подавлении восстания. Но в Сардах Гистией не мог долго играть двойную роль. Персидский наместник Артаферн знал о его участии в восстании и прямо упрекнул его в измене. Гистией поспешил спастись бегством и удалился к ионянам. Они приняли его как виновника своих бедствий; у жителей Милета, которые не имели никакого желания снова иметь над собой тирана, и были весьма довольны бегством Аристагора, он также должен был опасаться за свою жизнь. После долгих скитаний Гистией нашел наконец убежище у жителей острова Лесбос. Получив от них восемь кораблей, он пустился с ними в море, но не принимал участия в большом сражении, решившем судьбу ионян.

Когда персидские полководцы со всеми своими сухопутными и морскими силами направились к Милету, греки решились вступить в сражение с персами не на суше, а на море. У лежащего близ Милета маленького острова Лады собрался флот, в котором было 100 хиосских, 80 милетских, 70 лесбосских и 60 самосских судов. Эта морская сила показалась персам столь значительной, что они попытались сначала ее раздробить. Они предложили изгнанным из греческих городов и находившимся в их стане тиранам войти в тайные переговоры с предводителями греческого флота и склонить их обещанием полного прощения отступить от союза, сначала эти предложения не имели успеха. Флотом командовал

Дионисий Фокейский, который сделал все необходимые приготовления к битве. Ионяне сначала охотно подчинялись его распоряжениям, но вскоре вследствие лени и изнеженности стали находить их слишком тягостными и утомительными и, наконец, отказались ему повиноваться, потому будто бы, что его родной город выставил только три корабля. Скоро союз греков окончательно распался. Самосцы вступили в переговоры с только что свергнутым прежним своим тираном Эаком, сыном Силосона. Когда в 497 году произошло решительное морское сражение, самосцы, а вслед за ними лесбосцы и другие обратились в бегство, и персы одержали полную победу, несмотря на то, что хиосцы и фокейцы показали чудеса храбрости.

Ближайшим следствием этого поражения было падение Милета. Из жителей большая часть мужчин была перебита, а женщины и дети были уведены в плен в Сузы. Дарий переселил их в один из городов на Тигре. Большая часть островов и все прибрежные города покорились персам и испытали всевозможные неистовства, жертвою которых стал в конце концов и Гистией. Он попал в руки персов и был распят Артаферном на кресте; голова его была послана и отправлена в Сузы. Его не хотели доставить царю живым, так как опасались, что он может снова попасть у него в милость. Дарий приказал обмыть голову, обвязать ее и похоронить с честью.

Такова была печальная участь ионийского восстания. С чувством гордого сознания своей непобедимости надеялись персы на такое же счастье в войне с европейскими греками, к которой Дарий стал теперь готовиться.

3. Первый и второй походы Дария против греков. Битва при Марафоне.

(493...490 г. до Р. Х.).

Ничто не вызвало столь большого раздражения Дария при вышеописанном восстании, как поведение афинян. Бежавший в Сузы Гиппий, само собою разумеется, не только не старался утешить гнев царя, но употреблял все усилия, чтобы раздуть его еще больше. Когда Дарий получил первое известие о сожжении Сард, то приказал одному слуге ежедневно за обедом повторять ему слова: «Государь, помни об афинянах!»

Но не одни они, а вся Греция должна была быть наказана за участие в ионийском восстании. Наказать греков было поручено зятю Дария Мардонию, который был послан в Переднюю Азию. Сбрав здесь все военные силы, сменив тиранов во всех греческих городах и установив в них демократическое правление, чтобы привлечь греков на свою сторону, он перевез через Геллеспонт в Европу сухопутное войско на кораблях. По пути были покорены Македония и остров Фазос.

Но этим счастливым успехам вскоре был положен конец. Флот, огибая Афонский мыс, был застигнут такой сильной бурей, что погибло триста кораблей и около двадцати тысяч человек. К этой потере присоединилось бедствие и сухопутного войска. Персы были разбиты фракийским племенем бригерами, погибло много воинов, и сам Мардоний был ранен. Хотя потом он покорил бригеров и оставил во Фракии свои гарнизоны, но из-за огромных потерь вынужден был вернуться в Азию.

Приписывая неудачный исход неспособности Мардония, персидский царь не отказался от мысли о войне, а занялся новыми приготовлениями к ней. Узнав о зависти и несогласиях между греческими государствами, он, прежде чем предпринять второй поход, разослал по всей Греции вестников, поручив им требовать земли и воды. Многие жители материковой Греции и большая часть островов исполнили это требование, но афиняне бросили персидских послов в пропасть, куда бросали преступников, а спартанцы утопили их в колодце, насмешливо приговаривая, чтобы они сами достали там себе земли и воды. В Афинах же, по предложению юного патриота Фемистокла, был предан смерти и переводчик, злоупотребивший греческим языком, высказав на нем приказ варвара.

Фемистокл

В числе островов, которые подчинились персам, находилась Эгина, имевшая значительный флот. Афиняне утверждали, что эгинцы поступили так единственно из ненависти к ним и желая получить возможность напасть на них вместе с персами, а потому и обвинили эгинцев пред спартанцами в измене всей Греции. Спарта тотчас послала на Эгину царя Клеомена и потребовала от эгинцев выдачи предводителей персидской партии. Эгинцы, подстрекаемые другим спартанским царем, Демартом, не исполнили это требование. Но Клеомен ложно обвинил Демарата в незаконном рождении; Демарат был лишен царского достоинства и бежал в Персию. Вторым царем был провозглашен Леотихид. Клеомен вторично выступил вместе с ним против Эгины и принудил ее жителей выдать афинянам заложников в доказательство верности всему общему делу Греции.

Вскоре господствовавшее в Спарте мнение об Эгине изменилось, и эгинцы при посредничестве Леотихида потребовали возвращения заложников. Так как Афины в этом отказали, то между ними и Эгиной вспыхнула война, которая велась нерешительно, и афиняне под конец должны были отступить. Клеомен покончил с собой.

Между тем Дарий окончил подготовку к войне. Были назначены два новых полководца — Датис и Артаферн, которых царь считал более способными и благоразумными, чем Мардоний. Чтобы на этот раз миновать опасный Афонский мыс, все войско, состоявшее из 100.000 пехоты и 10.000 всадников, было посажено на 600 военных кораблей и множество транспортных судов. Весь этот флот от острова Самоса направился через Эгейское море к Кикладским островам. Сохранившие еще свою независимость острова принуждены были покориться. Такая участь прежде всего постигла Наксос. Жители этого острова не стали дожидаться прибытия персов, но спаслись в горы. Лишь немногие из них были захвачены персами в плен. Город и храм были преданы огню.

На острове Делосе жители также искали спасения в бегстве. Однако варвары пощадили здесь жилища и храмы из уважения к месту рождения Аполлона и Артемиды. При этом Датис в виде жертвоприношения сжег на алтаре триста фунтов ладана. Все остальные близлежащие острова покорились добровольно и выдали заложниками своих знатнейших граждан. Затем флот направился к южной оконечности Эвбеи. С неистовством накинулись персы на ослушников, предали все огню и мечу и не оставили в Эретрии целым ни одного дома. Множество жителей искало спасения в горах, многие были изрублены, остальные обращены в рабство. Затем персы снова сели на корабли и поплыли к Аттике. Гиппий указывал им путь, надеясь с помощью варваров вернуть потерянную власть над Афинами.

Афиняне не без страха узнали о приближении неприятеля. Они поспешно отправили гонца Федиппида к спартанцам с просьбой о помощи.

Мильтиад

Хотя спартанцы и были на то согласны, но не могли послать помощь немедленно, так как у них, по древнему обычаю, нельзя было выступать в поход раньше полнолуния в месяце Карнее (соответствующем нашим августу — сентябрю). Только платейцы, жители одного города в Беотии, поспешно отправили к ним на помощь тысячу человек. Афиняне наскоро сделали все, что только было в их силах, но не могли собрать более 10.000 человек. С войском из 11.000 человек выступили они к Марафону навстречу неприятелю, который после высадки расположился здесь лагерем, так как эта местность была удобна для действий персидской конницы.

Из десяти греческих предводителей пятеро находили опасным нападать на столь превосходящие силы противника, тем более что спартанцы еще не пришли на помощь. Мнения разделились, и Каллимах, облеченный властью полемарха, должен был решить спор,

Мильтиад, один из десяти предводителей, был убежден, что именно здесь, при Марафоне, необходимо дать сражение. Он обратился к Каллимаху и старался убедить его всей силой своего пламенного красноречия. Мильтиад доказывал Каллимаху, что от него одного зависит повергнуть Афины в рабство или доставить им свободу, а самому себе заслужить славу. Он говорил: «При настоящем положении дел Афины находятся в величайшей опасности. Если ты последуешь моему совету, то отечество наше останется свободным и делается первым государством в Элладе. Если же согласишься с мнением других, которые отвергают битву, то тебе известно, какая участь постигнет нас с возвращением Гиппия».

Каллимах объявил, что совершенно согласен с Мильтиадом, и было решено сражаться здесь. Договорились, что каждый предводитель будет начальствовать по очереди один день. Но Мильтиад настолько превосходил всех умом, что, по совету Аристиды, остальные девять предводителей добровольно передали ему главное руководство всем делом.

Но Мильтиад дождался дня своей очереди и только в этот день вступил в битву. По приказанию Мильтиада, войско быстро устремилось на врага, чтобы меньше пострадать от многочисленных стрелков и предоставить как можно меньше времени для действия неприятельской конницы.

Вид Марафонского поля

Персы смотрели, как на безумство, на нападение 11.000 греков на свое стотысячное войско. Они прорвали более слабый центр эллинов и, несмотря на то, что здесь храбро сражались Аристид и Фемистокл со своими гоплитами, убили рабов-оруженосцев. Но афиняне и платейцы наголову разбили находившееся против них на обоих флангах персидское войско. Затем они тотчас бросились к центру, восстановили расстроенные ряды его и сделали общее нападение на одолевавших здесь персов. Когда и здесь персы обратились под конец в бегство, афиняне и платейцы преследовали их до морского берега, захватили у них семь кораблей и разграбили весь их лагерь, который персы были вынуждены бросить со всеми хранившимися в нем сокровищами. Вся равнина была покрыта убитыми. Афиняне лишились своего полемарха, двух храбрых предводителей и многих знатных граждан, всего 192 человека. Потеря персов была несравненно значительнее: у них было убито 6.400 человек.

Персы, сев на корабли, поспешили обогнуть южную оконечность Аттики и мыс Суний, чтобы напасть на Афины с западной стороны. Но Мильтиад прибыл туда раньше сухим путем и ожидал их у Фалернской гавани. Персидский флот прибыл, бросил было якорь, но не решился сделать высадку и отправился обратно в Азию. На возвратном пути на острове Лемносе умер Гиппий. Персам удалось привезти с собой Дарию лишь одних пленных наксосцев и эретрийцев, с которыми он обошелся милостиво. Дарий назначил им для жительства один город вблизи Суз, где они проживали еще во времена Геродота, сохраняя свой язык и свои старинные обычаи.

Умиравший греческий воин, принесший весть о победе при Марафоне

Конечно, никогда еще победоносное войско не испытывало такой радости, как афинское при Марафоне. В то время, как оно преследовало бежавших персов, один воин поспешно прибежал в Афины, задыхаясь от усталости, прокричал на улицах и на площади: «Радуйтесь, мы победили!» и тут же пал мертвый. Афиняне еще долгое время спустя праздновали этот блистательный день, совершали процессии на поле сражения и приносили там жертвы. Они поставили на Марафонском поле в виде памятника десять колонн с именами павших воинов, а память десяти предводителей увековечили большой картиной. Имя Мильтиада с восторгом произносилось и старцами, и детьми. Народ принял его, как

своего избавителя, торжественными песнями.

В то самое время, когда храбрые афиняне готовились вернуться домой, явилось спартанское войско, которое после полнолуния спешно выступило на помощь афинянам. Опоздав к битве, спартанцы пожелали взглянуть по крайней мере на поле сражения. Они посетили Марафон, посмотрели на пленных, похвалили славный подвиг афинян и отправились домой.

Победа при Марафоне показала, что в состоянии был сделать незначительный отряд, состоявший из образованных людей, воодушевленных любовью к свободе и отечеству, против громадного, неповоротливого войска, которое действовало по устаревшим правилам, как бездушная машина, и было сплочено не сознанием своего долга, а лишь слепым повиновением. «Казалось, — говорит один древний историк, — что на одной стороне стояли бараны, а на другой люди!»

4. Мильтиад, Фемистокл и Аристид.

(489...488 г. до Р. Х.)

Афинянам было очень приятно, что они отстояли великое дело Эллады без помощи Спарты. До сих пор спартанцы имели решительный перевес над Афинами; теперь же афинянам представлялся случай добиться полной независимости. Славная победа над персами вдохнула в них необыкновенную смелость. Отразив страшную силу Азии, они, казалось, тем самым получили право быть руководителями тех греческих государств, которые в робости своей предали честь и свободу греков на произвол варваров. И вот в Афинах воцарился дух завоеваний. Главным сторонником такого направления явился Мильтиад. Прежде всего он постарался направить действия своих граждан на завоевание богатых островов Архипелага, которые покорились персам. Он потребовал у афинян для этого предприятия семьдесят хорошо вооруженных кораблей и, получив их, направился сначала к Паросу. Но крепкие стены города Пароса представили непреодолимую преграду не опытным еще в осадном искусстве грекам. Храбрые жители этого города отослали назад вестника, который потребовал от них 100 талантов. После двадцатидневной осады Пароса и совершенного опустошения страны Мильтиад, раненный в ногу неприятельской стрелой, отдал приказ к возвращению.

Между тем в Афинах наряду с духом завоеваний господствовало столь же сильное чувство желания сохранить внутреннюю свободу. За это в особенности стояла партия Алкмеонидов. Мильтиад еще и прежде, после своего возвращения из Херсонеса, обвинялся в стремлении к тирании. Теперь, когда он пользовался почетом и влиянием, Алкмеониды видели в нем опасного врага свободы.

Аристид

Эта партия воспользовалась постыдным возвращением героя, обвинила его перед народом в том, что он обманул его своими обещаниями и требовала его казни. Страдая от раны, Мильтиад велел принести себя в суд на носилках. Защиту Мильтиада приняли на себя его друзья. Тщетно напоминали они о великом дне Марафонской битвы. Они могли отвратить только смертную казнь. Взамен нее Мильтиад должен был заплатить пеню в 50 талантов. Так как он вскоре умер от воспаления своей раны, то пеню заплатил его сын Кимон. В это время, когда народ впервые осознал свои силы, в Афинах не было недостатка в великих людях. На первый план выдвигался Фемистокл, который превосходил умом и красноречием всех своих противников, не затруднялся особенно в выборе средств для осуществления своих планов и был настолько честолюбив, что победа Мильтиада не давала ему покоя. Он сделался первым государственным мужем своего времени. Фемистокл

совершенно верно понимал, что битва при Марафоне была не концом, а лишь началом великой войны и что Афины могли приобрести могущество, лишь сделавшись морской державой.

Война с Эгиной послужила Фемистоклу для того, чтобы он осуществил свои планы. Он предложил доходы с Лаврийских серебряных рудников, которые распределялись до тех пор между гражданами, употребить на постройку двухсот новых военных кораблей. Его совет был приведен в исполнение и в будущем послужил главной, основной причиной великой морской победы над Ксерксом и последовавшего усиления Афинского государства.

Вначале этот план нравился далеко не всем. По выражению одного древнего историка, «он отнимал у граждан щит и копье и заменял их рулем и веслом».

Аристид, который настолько прославил себя беспристрастием в третейских решениях, что получил прозвище справедливого, сделался одним из самых решительных противников Фемистокла. Он противился обращению Афин в морскую державу, полагая, что могучий флот послужит Фемистоклу средством для осуществления своих собственных честолюбивых целей.

Борьба этих двух противников и обоих мнений не была продолжительной. По предложению Фемистокла, Аристид был изгнан остракизмом на десять лет. После этого Фемистокл остался единственным государственным деятелем и с величайшим рвением занялся созданием флота.

5. Поход Ксеркса.

а) Поход через Геллеспонт, Фракию и Македонию.

(489...481 г. до Р.Х.).

Дарий не мог перенести позора своего войска в Греции. Он решил с еще большими силами напасть на афинян. С этой целью он разослал воззвания по всему своему государству, приказал строить корабли и собирать запасы. В течение трех лет во всей Азии происходило необыкновенное движение. Египет, который был всегда ненадежным владением, отложился. Между детьми Дария от его первой жены, родившимися еще до вступления его на престол, и от второй, Атоссы, с которой он сочетался браком, будучи уже царем, возник спор за право наследования престола. Спор этот Атосса, благодаря своему всемогуществу, решила в пользу своего старшего сына Ксеркса. Во время военных приготовлений Дарий в 486 году до Р.Х. умер.

Ксеркс прежде всего усмирил восстание в Египте, который должен был искупить свое отпадение еще более тягостной зависимостью. Между тем проживавшие в Сузах царь Демарат и сын Гиппия Писистрат, а в Лариссе Алевады, потомки фессалийских царей, и наконец, зять самого Ксеркса Мардоний, который желал властвовать над Грецией, подстрекали царя к войне с Элладой.

Начались приготовления. Ксеркс желал выставить такие вооруженные силы, каких не видел еще мир. Все необозримое государство пришло в движение: более пятидесяти племен, различных по языку, нравам, оружию и одежде, должны были выставить войска. Все приморские народы, от Египта до Геллеспонта, обязаны были снарядить корабли и собрать огромные запасы в прибрежных городах Фракии для прибывавшего туда войска. Для безопасности флота перешеек между Афонским мысом и материком был прорыт и сооружен канал, в котором могли разойтись два корабля. Осенью 481 года многочисленные войска собрались в укрепленном сборном пункте в Криталле, в Каппадокии, а затем были отведены к Сардам. Из Сард, где царь провел зиму, он послал вестников в греческие города, кроме Афин и Спарты, требовать «земли и воды». Решив провести войско в Европу сухим путем, Ксеркс приказал навести через Геллеспонт близ Сеста два моста на судах. Когда же буря

разорвала мосты, Ксеркс велел строителя их казнить, а морю дать триста ударов и бросить в него кандалы. Когда мосты были исправлены, царь выступил с войском из Сард и направился к северо-западу от Геллеспонта. В реке Скамандре, к которой подошло войско, нехватило воды, чтобы напоить все это бесчисленное множество людей и животных. Ксеркс посетил город Пергам к юго-востоку от Трои, чтобы осмотреть местность, где впервые сразились Греция и Азия.

Через несколько дней войско достигло последнего азиатского города — Абидоса. Здесь Ксеркс пожелал сделать общий смотр. Для этого абидосцы должны были построить возвышенное место из белых камней, с которого он мог обозреть все свое бесчисленное сухопутное войско и флот, расположившийся в открытом море. По его желанию было дано примерное морское сражение, в котором победу одержали сидоняне. Сначала Ксеркс смотрел на бесчисленную громаду людей с радостным изумлением, но потом с грустью и со слезами. Ему пришла в голову мысль, что, может быть, из всех этих людей ни один не доживет до ста лет.

Вплоть до Геллеспонта путь был усеян миртовыми ветвями, а на мосту были сожжены благовония. Ксеркс сам совершил в честь восходящего солнца жертвенное возлияние из золотой чаши, помолился и бросил в море чашу, золотой кубок и персидскую саблю. Затем началась переправа; она продолжалась непрерывно семь дней и семь ночей. Во Фракии, на обширной равнине при Дориске, у истока реки Гебра (ныне Марица) сделали подсчет всего войска. Отсчитали десять тысяч человек, поставили их плотно друг к другу и огородили забором. Потом вывели их из этого огороженного пространства и наполнили его новыми воинами; и так повторяли 170 раз, пока в огороженном месте не перебивали все воины. Таким образом вычислили, что всего в войске было 1.700.000 человек. К ним присоединились еще вспомогательные войска фракийцев и македонян. Однако с большей достоверностью можно принять показание, что Ксеркс повел против Эллады сухопутное войско в 800.000 человек и флот из 1200 военных кораблей экипажем около 250.000 человек.

Удивительно было смешение различных одежд и оружия отдельных племен. Тут можно было видеть персов в тиаарах, цветных узких кафтанах с рукавами, длинных шароварах, с копьями, луками, стрелами и кинжалами; ассирийцев в шлемах, с палицами, окованными железом; индийцев в одежде из бумажной материи, с луками и стрелами из тростника; каспийцев в шубах; сарангов в высоких сапогах; эфиопов в львиных и барсовых шкурах, с обнаженным телом, расписанным наполовину черной, наполовину белой красками; фракийцев в лисьих шапках и т.д. Геродот описывает 56 племен, принимавших участие в походе. Не меньшее разнообразие представляли корабли; финикийцы с сирийцами выставили 300 кораблей, египтяне 200, киприоты 50, киликийцы 100 и т.д. Во главе пяти карийских кораблей находилась царица Артемизия. На каждом корабле экипаж состоял из персов, мидян и саков. Знатные персы предводительствовали отрядами, составленными из отдельных народов.

От Геллеспонта войско направилось через Фракию к Стримону, через который, по приказанию Ксеркса, также был наведен мост. У Аканта сухопутное войско соединилось с флотом. Отсюда войско пошло через полуостров Халкидику к городу Фермам. На пути его беспокоили львы и другие хищные животные, которые ночью нападали на верблюдов. Во многих местах приходилось тратить целые дни на вырубку деревьев, чтобы прокладывать войску дорогу. В Фермах войско остановилось и заняло всю страну вплоть до устьев Галиокмона близ границы Фессалии. Флот же был проведен каналом от Афона, вокруг полуостровов Сифонии и Паллены в Фермейскую гавань близко к войску, которое отсюда должно было вторгнуться в Фессалию и начать, по-видимому, нетрудную войну против тех греческих народов, которые не прислали царю земли и воды по его требованию.

б) Фермопилы, Артемизия и Саламин.

(481 г. до Р.Х.).

Геродот замечает, что если бы нашествие варваров погубило Афины, то та же участь постигла бы и всю Грецию. Именно афинян должно признать спасителями Греции. Среди них самой выдающейся личностью был Фемистокл. Его заслуга состояла в сооружении кораблей, которые впоследствии, в сражении при Саламине, явились единственным спасением Эллады. Своей решительностью и мужеством он сумел воодушевить твердых, укрепить слабых и вселить в сограждан единодушие. Не все разделяли смелую надежду Фемистокла спасти греческий народ и его свободу от могущества персов. Даже сами боги через Дельфийского оракула объявили всякое сопротивление безрассудным. Но и после этого афиняне умоляли оракула до тех пор, пока жрица не объявила, что их могут спасти только деревянные стены. Фемистокл, объяснив, что под деревянными стенами следует понимать корабли, воспользовался изречением оракула для усиления флота.

Хотя благодаря стараниям Фемистокла спартанцы и вступили в союз с афинянами, зато остальные греки присоединялись к ним весьма неохотно. Там, где господствовало единовластие или государственное устройство приближалось к монархическому образу правления, как например, в Беотии и Фессалии, лица, стоящие во главе государств, надеялись при помощи варваров утвердить или распространить свою собственную власть. Мелкие государства отделились от общего национального дела и перешли на сторону персов или в надежде сохранить свою независимость, или из чувства политической зависти. Так поступили Аргос из недоброжелательства к Спарте, Фивы из зависти к Афинам, Фессалия и почти вся Беотия.

Тщетно Фемистокл, узнав, что Ксеркс находится еще в Сардах, старался собрать на Истмийском перешейке всю Грецию против общего врага. Ему едва удалось заключить мир между Эгиною и Афинами. Хотя жители острова Керкиры обещали прислать 60 кораблей, но умышленно запоздали с ними, желая выждать, чем кончится война. Гелон, тиран сиракузский, хотя и изъявил согласие оказать помощь, но только под тем условием, чтобы ему было предоставлено главное командование. На этом и прервались переговоры. Впрочем, в это самое время Гелону пришлось отражать нападение карфагенского флота.

Таким образом, только самая незначительная часть Греции отважилась на сопротивление. Ксеркс так был уверен в победе, что не только освободил греческих лазутчиков, прибывших в Сарды и приговоренных военачальниками к смертной казни, но и приказал провести их по всему лагерю, полагая, что ближайшее знакомство с его силами приведет греков к скорейшей покорности. Он также освободил два греческих корабля, захваченных в плен на пути в Геллеспонт, куда они направлялись для сбора хлеба. В этом случае Ксеркс поступил так потому, что эти корабли везли хлеб именно туда, где он сам рассчитывал быть в скором времени и где он сам нуждался в этом хлебе.

Так как македоняне и фессалийцы добровольно покорились персам, то войско пелопоннесцев и афинян, состоявшее из 10.000 гоплитов, не могло удержаться в Темпейской долине, где оно первоначально расположилось, и вынуждено было отступить. Ксеркс с сухопутным войском вторгся из Ферм в Пенейскую долину и подошел к горе Эте и к Фермопильскому ущелью. Здесь он впервые наткнулся на войско, готовое к отпору. Греки, покинув проход в Темпейскую долину, по совету Фемистокла, решили защищать Фермопильское ущелье, а флот послать к мысу Артемизии, лежащему на восток от Фермопил. Фермопильский проход был очень узок, шестьдесят шагов ширины; в одном месте он настолько суживался, что через него едва могла проехать одна повозка. С западной стороны прохода возвышались крутые, отвесные скалы, а с восточной, вдоль берега моря, дорога прилегалa к непроходимым болотам. Спартанцы неохотно согласились на это решение, ибо сначала имели намерение ограничиться защитой Пелопоннеса и с этой целью хотели даже построить стену на Истмийском перешейке. Войско при Фермопилах состояло из 7.200 человек: 4.000 пелопоннесцев, около 300 спартанцев, от 700 до 1000 лакедемонских перизков, 400 фиванцев, выставленных по принуждению, 700 феспийцев, затем локрийцы,

доряне, фокейцы. Предводителем этого маленького войска, которому предстояло совершить неслыханный военный подвиг — преградить дорогу персидскому царю, был бесстрашный спартанский царь Леонид, отличавшийся необыкновенной любовью к отечеству. Флот, для которого Афины, Эгина, Спарта, Мегара, Коринф и другие приморские города доставили все вместе 271 корабль, поплыл к Артемизии, северо-восточному мысу Эвбеи, под предводительством спартанца Эврибиада. Так как афиняне выставили для этого флота больше кораблей, чем все остальные греки вместе, то они потребовали для себя главного предводительства на море. Но спартанцы, считавшие себя главными предводителями всей Эллады, настаивали на том, чтобы командовать и флотом, и Фемистокл посоветовал афинянам согласиться ради общей пользы всего народа. Вскоре после прибытия к Фермопилам, когда эллинское войско получило более точные сведения о громадном числе неприятеля, пело-поннесцы захотели отступить к Истмийскому перешейку. Но фокейцы и локрийцы воспротивились этому, заботясь о находившемся поблизости своем отечестве. Их поддержал в этом Леонид со своими спартанцами. Спартанцы заплели волосы и устроили военные игры, как они обыкновенно делали перед битвою. В этих занятиях их застал персидский лазутчик и известием об этом привел Ксеркса в величайшее изумление. Когда царь Демарат, сопровождавший Ксеркса в этом походе, уверял его, что спартанцы готовы к бою, Ксеркс принял за безумие желание сопротивляться его войску со столь слабыми силами. В полной надежде на превосходство своих войск он ждал четыре дня добровольного отступления греков. Рассказывают, что к Леониду было отправлено посольство требовать от греков оружия; но спартанский царь отвечал с лаконичной краткостью: «Приди и возьми». Наконец, на пятый день, видя, что они упорствуют в своем безрассудстве, Ксеркс дал приказ к нападению.

Боевое расположение греков было чрезвычайно выгодно, так как враг не мог пользоваться ни всею своею массой, ни многочисленной конницей. Мидяне и киссийцы, напавшие первыми, были отброшены эллинами назад, «И царь мог убедиться, — говорит Геродот, — что у него много людей, но мало воинов». Настоящими воинами приходилось показать себя отборному персидскому отряду, 10.000 так называемых «бессмертных». Но как стремительно они нападали, так же поспешно пришлось отступить им пред спартанской храбростью. Ксеркс, сидя на высоком троне и следя издали за сражением, несколько раз вскакивал от негодования. На следующий день по его приказанию происходили новые нападения, но также безуспешно.

Выход из такого затруднительного положения доставила царю алчность одного грека. Один малиец, по имени Эфиальт, вызвался показать персам тропинку через гору Эту. Ксеркс принял предложение и приказал Гидарну следовать со своими воинами за проводником. Персы выступили ночью, рано утром достигли вершины горы, обратили в бегство стоявших там на страже фокейцев и спустились с горы, чтобы напасть на воинов Леонида с тыла в то время, как главное персидское войско нападет на них с фронта.

Когда Леонид получил от бежавших часовых известие, что его обошли, он решил остаться на своем посту до конца, так как оракул объявил, что или Лакедемон будет разрушен, или падет один из его двух царей. Большую часть союзников Леонид уволил от предстоящей битвы; только фивян он вернул назад как заложников за изменнические намерения их государства. Феспийцы с твердостью отказались удалиться. Сверх того остались триста спартанцев и состоявшие при них периэки и илоты.

Всего собралось 1200 человек, которые решились идти навстречу верной смерти.

На следующее утро Леонид выступил вперед, решив как можно дороже продать жизнь свою и своих воинов. Бесчисленное множество персидских воинов, которых приходилось гнать в бой бичами, погибло или под ударами мечей, или в море. Леонид, сражаясь во главе храбрейших, пал в числе первых. Но его отряд продолжал мужественно сражаться до тех пор, пока пробравшиеся через ущелье персы не показались у него в тылу.

Вероломные беотийцы хотели воспользоваться этим моментом для своего спасения: они с мольбой протягивали руки и уверяли в своей привязанности к персам, что подтвердили

и фессалийцы. Несмотря на это, многие из беотийцев погибли в первой свалке; остальных Ксеркс велел пощадить. Остатки спартанцев и феспийцев отступили на один холм и защищались до тех пор, пока не погибли все под ударами мечей.

Двое из спартанцев, Эврит и Аристодем, за несколько дней перед битвой были отправлены Леонидом назад по случаю болезни глаз. Но когда до них дошла весть об измене Эфиальта, Эврит потребовал свое оружие, отправился в Фермопилы и погиб там со своими товарищами. Аристодем же не был проникнут таким патриотизмом, он вернулся в Спарту. Но здесь его встретили стыдом и позором. Никто не говорил с ним, ни один спартиат не допускал его к своему домашнему очагу, и он получил прозвище труса — Аристодема. Еще один спартанец, по имени Пантит, посланный в Фессалию и не имевший возможности участвовать в сражении, увидев, что к нему относятся в Спарте презрительно, повесился с отчаяния.

В высшей степени завидным представлялся грекам жребий павших защитников отечества. Хвала им еще долгое время была на устах у всех, и Геродот, совершавший свое путешествие почти через тридцать лет после этого, слышал, как называли всех их поименно. На холме, где погибла последняя горсть спартанцев, он нашел надгробный памятник Леониду, состоявший из каменного льва, и вокруг множество других с надписями, сооруженных частью Амфикионами, частью частными лицами.

На памятнике в честь последних трехсот спартанцев находилось следующее, сочиненное Симонидом, двустишие:

Путник, пойди возвести нашим гражданам в Лакедемон,
Что, их заветы блюдя, здесь мы костями полегли.

Ксеркс распалился на Леонида таким гневом, что, совершенно вопреки персидскому обычаю, предписывающему и в неприятелях уважать храбрость, приказал отрубить у трупа Леонида голову и воткнуть ее на кол в знак того, что он ни против кого на свете не был раздражен так, как против него.

Враг, задержанный Леонидом, как яростный поток могучей плотиной, устремился теперь через узкое ущелье с удвоенным неистовством и наводнил Грецию. Ведомые фессалийцами варвары двинулись в Фокиду, которой фессалийцы хотели отомстить за постоянную вражду, а персы желали наказать ее за привязанность к делу греков. Покинутые города были обращены в груды пепла, храмы разграблены. Большинство жителей бежало в Амфиссу, остальные скрылись на вершинах Парнаса.

В Паноппе войско разделилось: главная часть его с Ксерксом пошла в дружественную Беотию, остальная в Дельфы, чтобы разграбить тамошние сокровища. Обстоятельства, послужившие к спасению Дельф, полны таинственности. На вопрос дельфийцев, следует ли скрыть от врагов сокровища храма и как это сделать, пифия отвечала: «Бог достаточно могуществен, чтобы охранить свою собственность».

По рассказу Геродота, в небе заблистала молния и загредел гром, из храма Афины раздался бранный клич, а с вершины Парнаса низринулись громадные глыбы камней и раздавили врагов. Исполненные священного ужаса, варвары обратились в бегство, и дельфийцы преследовали бегущих. Насколько во всем этом было правды, неизвестно, но боги явили тут свое покровительство и силу, по мнению благочестивых греков.

Греческие корабли под предводительством спартанца Эврибиада расположились у мыса Артемизии. Весть о приближении вражеского флота и о захвате нескольких греческих судов повергла их в такой ужас, что они пустились в обратный путь, пока не достигли Халкиды — самого узкого места в проливе. В то время, когда персидский флот находился у мыса Сепиаса, свирепствовавшая три дня буря уничтожила четыреста больших персидских кораблей. Греки вновь воодушевились мужеством и вернулись к Артемизии. Однако и тут персидский флот, несмотря на свою потерю, показался таким огромным и могущественным, что пелопоннесцы и сам Эврибиад не отважились на открытое сражение, а предпочли

направиться к берегам Пелопоннеса. Чтобы воспрепятствовать такому намерению, жители Эвбеи, страшившиеся опустошения своего острова, предложили Фемистоклу 30 талантов. Фемистокл послал пять из них Эврибиаду, три начальнику коринфских кораблей и этим убедил их остаться у Артемизии. Остальные деньги Фемистокл оставил у себя для будущих надобностей.

Чтобы отрезать путь к отступлению, персы послали 200 кораблей на южную сторону Эвбеи. По совету Фемистокла, греки воспользовались этим разделением вражеских сил, быстро напали на персидский флот и взяли 30 кораблей. В следующую ночь разразилась новая буря и не только уничтожила множество судов неприятельского флота, но истребила, и все корабли, посланные в Эвбею. Известие об этом было получено греками одновременно с подкреплением из 53 кораблей афинян и настолько ободрило их, что они решили вечером следующего дня произвести новое нападение. В результате этого нападения были уничтожены киликийские корабли.

Боязнь подвергнуться гневу Ксеркса побудила на третий день предводителя персидского флота Ахеменеса произвести общее нападение на соединенный греческий флот. Обе стороны дрались с большим мужеством, в особенности египтяне со стороны персов и афиняне со стороны греков. Среди афинян больше всех отличился Клиний, отец Алкивиада, командующий кораблем, построенным и вооруженным на его счет. Обе стороны значительно пострадали, и греки стали серьезно помышлять об отступлении. В этом решении они укрепились еще больше, получив известие об исходе сражения при Фермопилах и о дальнейшем вторжении персидского царя.

Фемистокл поспешил с легкими гребными судами вперед и написал на пристанях, где обычно запасались водой, и на скалах воззвание к ионянам перейти на сторону греков, их соотечественников, а если это невозможно, вернуться домой или, по крайней мере, не проявлять в сражении особого рвения.

Затем греческий флот направился обратно к острову Саламину.

Афиняне покидают свой город.

Благодаря вновь подошедшим подкреплениям, он возрос до 390 кораблей. Эта морская сила была спасением Греции. Между тем Ксеркс через Беотию, разрушив Феспию и Платею, приближался к незащищенным и опустевшим Афинам, главной цели своего мщения. Единственное спасение для сограждан Фемистокл видел в том, чтобы они, оставив город, перешли на корабли. Однако убедить народ в этом было очень нелегким делом, ибо он крепко держался за свои жилища и храмы, за художественные произведения и за могилы предков.

На помощь красноречию Фемистокла явилась религия. Большая змея, содержащаяся в крепости как божественная хранительница храма Афины и получавшая ежемесячно жертвенную пищу, на этот раз не приняла ее, как бы в знак того, что сама богиня оставила город. Тогда народ сам стал уходить из города. Печально было смотреть на безутешные семьи, покидающие свою родину. Всякий уносил с собой все, что было для него самого дорогого и необходимого. Матери смотрели на своих детей глазами, полными слез, и время от времени оглядывались на знакомые кровли покидаемого города, которому вскоре было суждено стать добычей пожара. Вплоть до самой гавани провожали своих хозяев оставляемые в городе верные собаки и поднимали жалобный вой, когда корабли отваливали от берега. Собака афинянина Ксантиппа бросилась в море и поплыла за кораблем, но, достигнув берега Саламина, издохла от истощения сил. На этом месте был воздвигнут памятник, долгое время сохранявший воспоминание о верном животном.

Дети, женщины и старики бежали также в Трезены в Арголиде, где их приняли необыкновенно радушно, на Саламин, на Эгину. Неприятелю были оставлены одни камни и стены. Все, способные носить оружие, по выражению Фемистокла, «превратили в свой город

200 хорошо вооруженных кораблей, сделав из них величайший город всей Греции». В Афинах остались только казначей храма да несколько старцев.

Теперь Фемистокл видел спасение всей Греции только в морском сражении и именно при Саламине, где теснота места предоставляла грекам преимущества над большими, малоподвижными персидскими судами. Но это мнение не разделяли прочие предводители. Когда пришло известие, что персы овладели афинской крепостью, город и крепость преданы пламени, а вся Аттика опустошена, то большинство начальников потребовало, чтобы флот вошел в Кенхрейскую гавань в Коринфе и таким образом в случае поражения мог иметь поддержку от войска, расположенного на Истмийском перешейке. Но непреклонный Фемистокл думал не о поражении, а о победе и с глубоким убеждением доказывал на собрании предводителей ее возможность и вероятность, если сражение произойдет именно здесь. Коринфянин Адимант, обратившись к нему, воскликнул с запальчивостью: «На играх бьют тех, которые встают прежде времени». «Да, — отвечал Фемистокл, — но запоздавшие никогда не получают наград». Когда же Адимант возразил ему, что он, как не имеющий более отечества, не имеет права участвовать в их совещании, Фемистокл произнес следующие многозначительные и угрожающие слова: «Правда, жалкий человек, мы покинули наши дома и стены потому, что не хотели ради мертвых камней сделаться рабами. Но вот эти наши 200 хорошо вооруженных кораблей составляют наш город, и величайший город во всей Греции, и если вы желаете еще спастись, то теперь он может помочь вам в этом». Обратившись затем к Эврибиаду, он продолжал: «Если пойдешь к Истму, то погубишь Элладу. И тогда мы, афиняне, заберем на корабли жен и детей, уйдем в Италию и выстроим там новый город. Но вы, прежде чем лишиться таких союзников, как мы, обдумайте мои слова».

Речь Фемистокла достигла своей цели. Эврибиад опасался, что афиняне могут навсегда покинуть Грецию, и должен был сознаться, что это была бы большая потеря. Однако вскоре после этого, когда персидский флот прошел Эврип и занял все пространство от Суния до Фалерна, а персидское сухопутное войско приблизилось к Пелопоннесу, то между союзниками вновь воцарилось неудовольствие. По их мнению, на этом месте они должны были сражаться ради Афин, поэтому они потребовали отступить к Истмийскому перешейку. Только афиняне, эгинцы и мегаряне требовали остаться у Саламина. Тогда Фемистокл тайно покинул собрание, задумав одним решительным поступком способствовать исполнению своего плана. Он скрытно отправил на лодке своего верного слугу Сицинна к Ксерксу, который как раз на собранном в то же время военном совете решал напасть на следующий день на греков на море. Под видом доброжелательства Фемистокл приказал сказать Ксерксу, что греки несогласны между собой и хотят ускользнуть; что, если царь тотчас нападет на них, то они не окажут никакого сопротивления; что Фемистокл посылает ему этот совет, ибо желает победы персам. Совет понравился Ксерксу, и он приказал в ту же ночь занять маленький остров Пситталею, лежащий между Саламином и материком, а персидским кораблям — окружить полукругом самый остров Саламин вместе с греческим флотом. Аристид, вызванный, по предложению Фемистокла, из изгнания и намеревавшийся в ту же ночь отправиться из Эгины к греческому флоту, первый заметил движение неприятеля. Забыв в эту минуту личную вражду, он поспешил к противнику своему Фемистоклу. «Теперь, — обратился он к нему, — между нами не должно существовать никакого другого спора, кроме того, кто из нас может лучше послужить отечеству». Затем он предложил сообщить военному совету, что греческий флот окружен и что никакое отступление невозможно. Фемистокл поблагодарил Аристида и объяснил, что такое стечение обстоятельств не является случайным, но подготовлено им умышленно, и просил его лично сообщить о том собранию. Аристид исполнил его просьбу. Но большая часть предводителей не верила до тех пор, пока начальник одного вражеского корабля, перешедшего к грекам, не подтвердил это.

Теперь предложение Фемистокла смело вступить в бой было принято всеми, все бросились на корабли, чтобы идти навстречу приближавшемуся неприятельскому флоту. Он

надвигался в виде громадного полукруга. На одном крыле его находились финикийцы, которые, как самые искусные, должны были действовать против афинян. Другое крыло занимали ионяне, чтобы они, ввиду недоверия к ним царя, встретились не со своими соплеменниками, а с лакедемонянами, эгинцами и другими. Ксеркс, полагая, что поражение при Артемизии произошло из-за его отсутствия, хотел на этот раз сам следить с высокой горы на берегу за ходом сражения и ободрять войска своим присутствием. На рассвете сошлись оба флота и завязался бой. Вначале персидский флот сражался храбро. Но сама многочисленность их флота в узком пространстве стала для них роковой. Передние корабли, будучи теснимы греками, привели в расстройство стоявшие позади их, а те, порываясь вперед, чтобы принять участие в битве, мешали стоящим впереди. Наоборот, греческие и в особенности афинские корабли, более легкие и подвижные, чем громадные персидские, энергично нападали на них. Греческие матросы взбирались на неприятельские суда, опрокидывали экипаж, пускали их ко дну и истребляли вместе с ними большую часть защитников. Смятение в персидском флоте вскоре сделалось всеобщим, и сражение окончилось поражением персов. Между тем Аристид перевез тяжеловооруженных афинян на остров Пситталею, уничтожил находившийся там персидский отряд. Таким образом, персы потеряли много людей, кораблей, из которых лишь немногие могли спастись у Фалерна, под защитой сухопутных войск. На одном из таких кораблей находилась царица Артемизия Галикарнасская, которая не советовала Ксерксу вступать в морское сражение. Греки обещали большую денежную награду тому, кто захватит ее живой в плен. Они считали себя очень оскорбленными, что против них сражалась женщина. Артемизия уже чуть было не была взята в плен одним из преследовавших ее афинских кораблей. Но она пустила ко дну плывший перед ней персидский корабль, и преследователь, полагая, что перед ним или афинский, или неприятельский, перешедший к грекам, прекратил преследование. Ксеркс, довольный действиями Артемизии, воскликнул: «Женщины стали мужчинами, а мужчины женщинами!»

Сражение окончилось поражением персов. Потеряв при Саламине 200 кораблей, Ксеркс, по совету Мардония, решил вернуться с большей частью своего войска в Азию, а Мардония с 300.000 воинов оставить в Элладе. К этому Ксеркса побудило главным образом опасение, что греки могут уничтожить мосты через Геллеспонт и возбудить к восстанию малоазиатские колонии. В следующую же ночь Ксеркс приказал своим кораблям двинуться к Геллеспонту. Греческий флот следовал за ним до Андроса, где предводители стали совещаться, нужно ли помешать отступлению царя. Было признано более полезным позволить царю отступить. Для того, чтобы это наверняка было исполнено, Фемистокл снова послал того же верного слугу к царю и велел передать ему, что он отговорил греков от преследования персидского флота и от разрушения моста через Геллеспонт и что Ксеркс может свободно и безопасно продолжать свой обратный путь.

В Фессалии Ксеркс оставил под начальством Мардония большое войско, состоявшее из персов, мидян, саков, бактрийцев и индийцев, чтобы в следующем году возобновить войну. С остальными войсками царь направился через Фракию и Македонию к Геллеспонту. Но недостаток съестных припасов и болезни истребили большую часть войска, и лишь немногие добрались до Геллеспонта. Мосты были уничтожены бурями, но флот стоял наготове, чтобы перевезти войска и царя. Ксеркс поспешил в Сарды, куда следовали и остатки войска. Для отражения нападения со стороны эллинов и на случай восстания ионян царь оставил флот у Самоса и Киме, а 60.000 человек расположил в Милете.

Греки радовались своей победе и не боялись вновь подымавшейся грозы. Их флот, отказавшись от преследования неприятеля, наказал острова, принявшие сторону персов. При этом Фемистокл тщетно осаждал Андрос.

По возвращении домой начались совещания о жертвоприношениях, которые следовало принести богам. Все пришли к единодушному решению принести в дар Дельфийскому храму три финикийских военных корабля, взятые при мысе Суние, Саламине и Истме, и поставить в Дельфах колоссальную статую с корабельным носом в руке. На собрании в Истме решали,

кому из предводителей следовало присудить первую и вторую награды, и разошлись, ничего не решив, потому что всякий рассчитывал получить первую награду и только Фемистоклу все соглашались предоставить вторую. Но и этой награды Фемистокл не был удостоен, так как большинство государств было исполнено зависти к Афинам. Только когда Фемистокл прибыл в Спарту, ему воздали там большие почести.

Спартанцы дали одинаковую награду, масличную ветвь, Эврибиаду за храбрость, а Фемистоклу — за благоразумие и искусство. Но Фемистоклу они кроме того подарили лучшую колесницу, какую только можно было найти в Спарте, и на возвратном пути его провожало до границы страны триста спартанских мужей, которые назывались всадниками и составляли на войне почетную стражу царей. «Такая почесть, — говорит Геродот, — еще никому до тех пор не оказывалась спартанцами».

Фемистокл получает награду за благоразумие

Но самую приятную награду получил Фемистокл, по собственному его признанию, несколько лет спустя во время празднования олимпийских игр. Когда он явился здесь среди греков с масличной ветвью,

то возбудил к себе такое внимание, что все, забыв об играх и состязаниях, смотрели и указывали друг другу только на него одного.

в) Платея и Микале.

(479 г. до Р.Х.)

Следующий год вызвал греков к новым битвам, ибо Мардоний находился все еще в Фессалии. Чтобы вернее достигнуть своей цели — подчинить Грецию, он больше всего старался склонить на свою сторону афинян. Большая часть их после отступления Ксеркса от Трезена и Саламина возвратилась в прежнее отечество и занялась восстановлением храмов и жилищ. Мардоний послал в Афины македонского царя Александра в качестве посредника. Вследствие изъявленной им покорности Ксерксу и родства с одной из знатнейших персидских фамилий, он был совершенно предан интересам персов и в то же время пользовался правом гостеприимства в Афинах. Поэтому именно он казался как нельзя более подходящим для передачи персидских предложений. Предложения эти заключались в том, что Мардоний от имени Ксеркса обещал афинянам забвение всех их проступков, утверждение прежней свободы, восстановление их разрушенных храмов и, наконец, расширение их владений, если они согласятся заключить союз с персами. Александр не упустил случая вдобавок к этим блестящим обещаниям указать на великую силу Персидской монархии, чтобы надеждой и страхом подействовать на афинян и побудить их принять предложения персов.

Возможность такого решения в особенности устрашала спартанцев. При первом же известии о переговорах они тотчас же отправили послов, прибывших в Афины как раз в то самое время, когда только что открылось собрание, в котором Александр должен был получить ответ. Афиняне, ожидая прибытия спартанских послов, намеренно затянули переговоры, чтобы дать и им возможность открыто высказывать свое мнение. Послы поднялись тотчас же после речи Александра. Они заклинали афинян не покидать дела Греции, на которую они впервые навлекли гнев варваров, и не верить обещаниям, передаваемым одним тираном (Александром) от имени другого (Ксеркса). Вместе с тем они выразили сожаление о разрушении Афин и о потере двух жатв и обещали афинянам от имени союзных греков заботиться о содержании их жен и детей во время продолжения войны.

После этого афиняне, по предложению Аристиды, дали Мардонию через Александра следующий ответ: «Пока солнце будет совершать свое обычное течение, до тех пор афиняне никогда не заключат союза с Ксерксом». Александру же они заявили, чтобы он никогда не являлся с подобными предложениями, ибо это может повести с их стороны к невольным оскорблениям его, их гостя и друга. Спартанским же послам афиняне выразили свое удивление, что они мало знают афинян, если могли опасаться такого постыдного поступка с их стороны. Никакое золото, никакие прелести какой бы то ни было страны не изменят их образа мыслей. Афиняне потребовали от спартанцев лишь одной помощи — присылки их войск для того, чтобы действовать общими силами против Мардония в Беотии, откуда тот, вероятно, немедленно откроет военные действия против Аттики, узнав об отказе.

Предположения афинян насчет Мардония действительно оправдались, надежды же их на обещания спартанцев не исполнились. Спартанцы занялись окончанием сооружений оборонительного вала на Истмийском перешейке, оставили там гарнизон, а остальные войска отправили домой. Мардоний же с войском более, чем в 300.000 человек направился в Аттику. Тогда афиняне отправили к спартанцам посольство, которое напомнило им, как искренно действуют Афины, и как коварно поступает Спарта по отношению к ним, и потребовало скорейшей присылки войска их в Аттику.

Спартанцы десять дней не давали решительного ответа и объясняли такое замедление празднеством Гиацинтий. На это афинские послы сказали: «Спартанцы могут спокойно справлять свое празднество и предавать своих союзников; в таком случае афиняне заключат союз с персами и последуют за ними туда, куда они их поведут, и тогда спартанцы увидят, что из этого произойдет для них». Это подействовало на спартанцев, тем более что один уважаемый гражданин из Тегеи обратил их внимание на то, что, если афиняне вступят в союз с персами, то всякая стена на Истмийском перешейке будет для спартанцев бесполезна, ибо персы с помощью афинского флота всюду могут высадиться в Пелопоннесе. Тогда спартанцы в ту же ночь отправили пять тысяч гоплитов и тысячу илотов, а на следующий день объявили послам, что эти войска уже выступили в поход и что вслед за ними будет послано такое же число периеков.

Между тем Мардоний подошел к Афинам, и жители вторично покинули их и нашли убежище на острове Саламине. Мардоний отправил к афинянам послов повторить свои предложения. Но афиняне упорствовали в своем отказе. Только один член совета высказался за заключение союза с персами. Народ побил его камнями, а раздраженные женщины подвергли той же участи его жену и детей. После этого Мардоний вновь превратил Афины в пепел и опустошил Аттику, но когда гонец из Аргоса сообщил ему о наступлении спартанцев, он отступил в Беотию. Обширные равнины этой области предоставляли свободный простор для его конницы, и кроме того в ней были собраны большие запасы для войска. Мардоний расположил свое войско между рекой Азопом и Теймесскою горною цепью и приказал устроить на одной высокой горе укрепленный стан для себя и своих военачальников. На противоположном берегу Азоба, на северном склоне гор Киферона расположились греки. Наконец и спартанцы, промешкав так долго на Истмийском перешейке, пройдя через Элевсин, явились в Беотию с тридцатью тысячами гоплитов и таким же числом легковооруженных илотов и подкрепили находившихся под началом Аристиды афинских гоплитов и дружины платейцев и феспийцев. Главным начальником всего этого сильного 110.000 войска был назначен Павсаний, опекун и дядя малолетнего спартанского царя Плеистарха, сына Леонида.

Обе стороны долго не приступали к решительным действиям, так как каждая из них желала воспользоваться выгодами своего расположения. Перевес сил был на стороне персов, поэтому Мардоний старался утвердиться на обширных равнинах по сю сторону Азоба. Греки занимали позицию между Азопом и горами Киферона, где они на тесном и гористом пространстве могли выгодно действовать против неприятеля и получать из Пелопоннеса необходимые припасы и новые подкрепления. Может быть, именно поэтому находившиеся в обоих войсках греческие жрецы предсказывали победу той стороне, которая будет

защищаться, а не нападать. Мардоний выставил против греков свою конницу и предпринял несколько удачных вылазок. Сперва ее мужественно отражали мегаряне, а под конец 300 отборных афинян, которые одни из всего войска добровольно сменили утомленных и опрокинутых мегарян. Афинянам удалось убить предводителя персидской конницы Масистия и тем привести ее в совершенное расстройство и обратить в бегство.

Гоплит

После этой стычки греки из-за недостатка воды сменили позицию и отошли дальше к Платее. Здесь обе стороны опять простояли долгое время спокойно друг против друга. Мардоний все еще не отваживался на решительное нападение и старался лишь так расположить свою позицию, чтобы во время нападения персы сражались с лакедемонянами, а преданные персам греки — с афинянами. По старинному обычаю, спартанцы занимали правое, а афиняне левое крыло.

Наконец через одиннадцать дней Мардонию наскучило бездействие, и он решил вступить с греками в решительное сражение.

Греки немедленно были об этом извещены. В ту же ночь Александр, царь Македонский, прискакал к афинянам и объявил им о намерении Мардония. Он убеждал их на всякий случай готовиться к нападению, но, если можно, все-таки отсрочить сражение, потому что у персов оставалось жизненных припасов лишь на несколько дней. Затем Александр просил афинян в случае благоприятного для греков исхода войны не забыть и о нём. Получив это известие, греки сделали соответствующие распоряжения.

Осторожный Павсаний, опасаясь, что греки могут сильно пострадать от нападения, особенно, если персы запрудят единственный их источник, решил сменить позицию на новую и отступить еще ближе к Платее. Отступление произошло ночью, но не в совершенном порядке. Все греческое войско, разделившись на три части, находилось уже в движении к своему новому месторасположению, когда Мардоний на рассвете узнал об отступлении греков. Приняв его за бегство, он немедленно послал конницу в погоню, а сам с пехотой поспешно двинулся через Азоп.

Прежде всего Мардоний напал на лакедемонян и тегейцев. Павсаний послал к афинянам гонца, чтобы они как можно скорее поспешили к нему на помощь. Но афиняне уже вступили в жаркий бой с македонянами, фассалийцами и другими союзными персам греками; лакедемонянам и тегейцам пришлось одним выдерживать сражение с главными персидскими силами. Вначале много воинов пало от персидских стрел. Павсаний, обратив взоры на храм Геры в Платее, в отчаянии взывал к богине о помощи. Но тут тегейцы бросились в персидские ряды и прорвали их; за ними, получив наконец от жрецов благоприятное предзнаменование, бросился и Павсаний с лакедемонянами. Возгорелась жаркая битва, в которой персы сражались с большим мужеством и энергией, но эллины превосходили их своей телесной силой и ловкостью, а также лучшим вооружением — у них были длинные копья.

Тогда Мардоний бросился на белом коне во главе своих конных телохранителей на неприятеля. Раненный в голову камнем, брошенным одним спартанцем, он упал с лошади и погиб в свалке. Вместе с ним пали и его всадники. Не могла больше держаться и пехота. Бегство сделалось всеобщим. Артабаз с сорокатысячным войском отступил в беспорядке в Фокиду, а оттуда пошел к Геллеспонту. Один отряд пелопоннесцев, вышедший из храма Геры на равнину, подвергся нападению фиванской конницы и был ею частью побит, частью рассеян. Часть войска, сражавшегося под начальством Мардония, бежала в укрепленный стан и защищалась против осадивших их спартанцев до тех пор, пока афиняне, которые разбили персидских союзников и преследовали фиванцев до их главного города, не соединились с Павсанием. Афиняне первыми взобрались на укрепления лагеря и затем открыли путь остальным грекам к огромным сокровищам, собранным здесь. Находившиеся в

стане неприятельские воины были почти все перебиты. Более 100.000 неприятелей пало в лагере и в сражении. Со стороны греков было убито 1.360 гоплитов, в том числе 91 спартанец, 16 тегейцев и 52 афинянина; число павших илотов было значительно больше. Павсаний приказал илотам собрать все сокровища. Илоты многое удержали себе и продали много золота, которое они приняли за дурную медь, эгинцам, вследствие чего те сильно обогатились. Великолепная золотая и серебряная посуда Мардония также досталась в добычу. Павсаний приказал взятым в плен поварам приготовить точно такой же обед, какой приготавлился для Мардония, но вместе с тем велел своим служителям изготовить обед в спартанском духе. Между обоими обедами оказалась, конечно, величайшая разница. Павсаний смеялся над глупостью мидянина, который, пользуясь сам таким роскошным столом, лишил обеда своих бедняков.

Добыча была поделена так: одна десятая часть отделена богам, одна назначена в подарок Павсанию; остальное было разделено между прочими государствами пропорционально численности выставленных ими войск. О награде за храбрость едва не возник спор между спартанцами и афинянами, но был прекращен тем, что эта награда была присуждена платейцам за то, что их область стала местом достославной битвы за свободу Греции.

После того, как храбрые получили почести и награды, приступили к наказанию виновных. Через одиннадцать дней после сражения победоносное войско явилось перед Фивами и потребовало выдачи главных приверженцев персов. Фи-ванцы отказывали в этой выдаче до тех пор, пока не были вынуждены к этому опустошением их области и осадой Фив. Выданные были отведены Павсанием в Истм и там казнены.

Случилось замечательное совпадение обстоятельств: в самый день битвы при Платее персидский флот был уничтожен греками при мысе Микале. Произошло именно то, чего опасался Ксеркс. Уже весной греческий флот из 110 гребных судов под начальством спартанского царя Леотихида перешел от Эгины к Делосу и даже здесь не считал себя безопасным из страха перед численным превосходством персидских кораблей. Флот оставался у Делоса, пока послы с Самоса и беглецы с Хиоса не убедили военачальников его, что они могут освободить малоазийских греков от власти варваров. С этой целью греческий флот отправился к Самосу, где находился персидский флот под управлением Манданта. Мандант не принял морского сражения, а перешел к Микале, где было сухопутное войско, предназначенное для сдерживания ионян; там он вытащил корабли на берег и приказал воздвигнуть вокруг них укрепления. Финикийские же корабли, в верности которых он сомневался, были отосланы домой.

Узнав об этом, греки решились на нападение. Но предварительно, чтобы ослабить и разделить неприятеля, Леотихид прибег к тем же мерам, что и Фемистокл при Артемизии: он прошел на корабле вдоль берега и послал вестника объявить ионянам, чтобы они во время сражения вспомнили о своей свободе. Леотихид достиг своей цели. Персы, узнав об этом, сделались еще недоверчивее к ионянам и обезоружили самосцев, которые и раньше казались им подозрительными; милетцев же они удалили под тем предлогом, что те во время сражения должны занять горный проход.

Между тем греки высадились на берег и подступили к персам, чтобы сразиться с ними за обладание Геллеспонтом и островами. Такая добыча заслуживала всевозможных усилий и напряжения с обеих сторон. Мужество греков еще увеличивали слухи о поражении Мардония в Беотии. А все усилия персов были ослаблены тем, что ионяне в сражении содействовали своим соплеменникам. Поэтому, несмотря на мужественное сопротивление персов, особенно при входе в их укрепление, победа клонилась на сторону греков. Греки нанесли поражение неприятелю, сожгли корабли и оборонительные постройки и захватили значительную добычу. Затем эллинский флот вернулся к Самосу.

Но лучше всякой добычи для греков стало освобождение ионян. Самосцы, лесбосцы, хиосцы и жители других островов были немедленно приняты в союз греков. Пелопоннесцы предложили оставить Азию варварам, а ионян переселить в города Эллады, во владения тех

греков, которые помогали персам. Но афиняне отвергли это предложение, не желая оставить во власти персов прекрасные приморские берега с их богатыми городами, столь выгодно расположенными для расширения торговли и для дальнейших завоеваний. В то время, как Леотихид возвращался домой с пелопоннесцами, афиняне завоевали остров Сеет, овладели Херсонесом Фракийским, островами Лемносом и Имбросом и возвратились в отечество с богатой добычей.

6. Война сицилийских греков с карфагенянами. Гелон.

(480 г. до Р. Х.).

В это же самое время, подобно грекам метрополии, и греческим поселенцам на прекрасном, плодородном острове Сицилии пришлось вести тяжелую войну за свое существование. Эта война затруднялась внутренними раздорами. Сицилийские города были ареной почти непрерывной междоусобной борьбы партий, которая истощала их лучшие силы. Ближайшим следствием такого положения дел была частая и гибельная перемена образа правления: то республика сменяла тиранов, то тираны сменяли республику.

Гелон

В это время почти всеми сицилийскими греческими государствами правили тираны. Среди них отличался своей мудростью Гелон, который был владельцем Гелы. Он постепенно овладел всем восточным берегом, а также частью северного и южного берегов Сицилии, завоевал город Сиракузы и расширил его переселением туда знатнейших жителей из многих других покоренных городов. В то время, как эллины вели войну против Ксеркса, Гелон отразил сильное и страшное нападение Карфагена.

Карфагенское государство вместе со многими другими колониями было основано на северном берегу Африки финикийцами еще в древнейшие времена с торговыми целями. Стремясь расширить свои торговые связи и увеличить свое морское могущество, карфагеняне неизбежно должны были столкнуться с сицилийскими греками.

Для успешного начала такой войны карфагенянам показалось как нельзя более благоприятным время, когда Ксеркс напал на Грецию с моря и суши и тем лишил ее возможности оказать какую-либо помощь сицилийским грекам.

Повод к нападению подали карфагенянам сами греки. Тиран Терилл, изгнанный из города Гимеры тираном Агригента Фероном, бежал в Карфаген и нашел там защиту и покровительство. Под предлогом восстановления власти Терилла карфагеняне делали такие огромные приготовления, что было очевидно их намерение вдобавок к своим владениям — Сардинии, Корсике и южной Испании, завоевать всю Сицилию и распространить свое неограниченное владычество на западную часть Средиземного моря. Они увеличили свой флот и, по своему обыкновению, набрали наемное войско в Африке, Испании, Сардинии, Корсике и на Балеарских островах. Численность этого войска доходила до 300.000 человек, хотя, скорее всего, эти сведения и преувеличены.

С этими силами карфагенский полководец Гамилькара прибыл в Гимеру в том же году, в котором Ксеркс выступил против Греции. Гелон и Ферон выступили против него с 50.000 пехоты и 5.000 конницы. Гелону удалось сжечь карфагенский флот. Из-за этого, а также из-за смерти Гамилькара сухопутное войско карфагенян было приведено в полное расстройство, и нападение греков увенчалось успехом. Карфаген был вынужден заключить мир, по которому он заплатил 2.000 талантов военных издержек, но удержал свои колонии в Сицилии.

Гелон пользовался большим почетом и доверием среди сограждан, и в этом вскоре сам убедился. Созвав всех вооруженных сиракузян в народное собрание, сам он без оружия

взошел на кафедру, отдал подробный отчет в своем управлении государством во время мира и войны и отдал себя и судьбу своих детей в руки народа.

Гамилькар

Народ приветствовал его громкими восклицаниями, как спасителя и благодетеля страны, и требовал, чтобы он продолжал править ими. Он умер в 478 году, и память его еще долго чтит повиновением брату его, знаменитому Гиерону (умер в 467 году). Гиерон принял в союз с Сиракузами и город Агригент, после того как отнял его у третьего брата, Фрасибула, который своим кратким, восьмимесячным, исполненным жестокости правлением представил разительную противоположность с Гелоном. Статуя Гелона, воздвигнутая ему, как народному герою, сохранялась невредимой даже и тогда, когда вновь пробудившийся всеобщий дух свободы изгнал тиранов не только из Сиракуз, но и из всех городов острова Сицилия.

7. Фемистокл, Павсаний, Аристид. Господство афинян на море.

(478...477 г. до Р. Х.).

Великая борьба, которая произвела столь сильное движение в греческом народе, должна была неизбежно повлиять на внутреннюю и внешнюю жизнь эллинов и изменить направление их истории. Несметная добыча золотом и другими драгоценностями, доставшаяся правительствам и частным лицам, изменила имущественное положение и прежнюю меру богатства и благосостояния. Явилось стремление придать внешней жизни более прекрасные формы.

Подобно тому, как отдельный человек всегда носит в себе воспоминания о прошедшей жизни, так и греки умели найти средство сохранить в сознании народа воспоминания обо всех достославных делах. Средство это доставила им религия, которая связала воспоминания о подвигах с почитанием богов. Набожные греки, приписывая свое спасение исключительно помощи богов, ежегодно праздновали достопамятные дни священными торжествами. Некоторые из этих дней сохранялись в памяти благодаря всякого рода памятникам. На Марафонском поле греческий путешественник Павсаний еще в 170 году до Р. Х. нашел два надгробных памятника: на десяти столбах одного из них можно было прочесть имена павших там афинян, на другом — имена платейцев и рабов; Мильтиад же был почтен особой гробницей. Память о нем и о других героях живо напоминали ежегодно совершаемые поминовения павших. Местность при Фермопилах была украшена памятниками, которые напоминали о погибших здесь четырех тысячах пелопоннесцев и о трехстах спартамцах.

Коринфский перешеек

Прах Леонида был перенесен самим Павсанием в Спарту, где ежегодно произносились речи в память о герое. Платейцы каждый год всенародно праздновали память павших при Платее и приносили в жертву богам-покровителям отечества и теням усопших героев первые плоды; при этих жертвоприношениях не мог прислуживать ни один раб, так как эти герои пали за свободу. Платейцы же восстановили на 80 талантов серебра, полученных ими при разделе персидской добычи, сожженный храм Афины. Этот храм и украшавшие его картины историк Плутарх видел еще шестьсот лет спустя. Все важные и часто посещаемые места, как Храм Олимпийский, Коринфский перешеек и в особенности храм в Дельфах, напоминали многими памятниками о том достославном времени, когда эллины имели право гордиться своим именем. Памятники были по большей части сооружены на вырученные от добычи

деньги.

Но больше всего прав на сознание чувства собственного достоинства приобрели Афины. Они самым блестящим образом сумели устоять в борьбе с грозной силой и соблазнами варваров. На долю Афин выпал прекраснейший памятник воспоминания — в них взошли посеянные в военную грозу, орошенные кровью варваров семена новой жизни и развития, ознаменованные блестящими подвигами. Великий творческий дух Фемистокла сумел продолжить начатое дело с тою же мудростью, искусством и способностями, которые он показал до и во время Персидской войны. В то время, как афиняне возвратились в свой разрушенный город и помышляли только о постройке жилищ, Фемистокл обратил внимание на общее благо и будущность всего государства. Теперь Афины не были защищены в случае нападения неприятеля. И как легко и скоро могла наступить для Афин опасность со стороны честолюбивой и завистливой Спарты, встретившей теперь соперника в деле старинных притязаний ее на гегемонию. Уяснив себе сущность дела, Фемистокл добился согласия народа на отсрочку постройки каких бы то ни было зданий до тех пор, пока город не будет окружен крепкой и обширной стеной.

Развалины Дельф

Эти приготовления не укрылись от бдительных взоров спартанцев. Они стали доказывать афинянам, что Пелопоннес может служить достаточным убежищем при всяких военных опасностях, что возводимые стены в случае иноземного вторжения послужат неприятелю укрепленным местом для склада запасов и оружия, каким для персов в последнюю войну были Фивы. Вместо возведения стены вокруг своего города, афиняне поступили бы благоразумнее, если бы помогли разрушить все стены, которые существуют вне Пелопоннеса.

Афиняне, по совету Фемистокла, обещали отправить в Спарту послов для рассмотрения этого дела и в то же время ревностно продолжали заниматься постройкой стен. Вместе с рабами работали свободные граждане, их жены и дети. Работники сменялись днем и ночью, кое-как складывали стены из обломков, и вся постройка носила на себе следы поспешности, с какой она возводилась.

Между тем сам Фемистокл отправился в Спарту в качестве посла, а остальные два сотоварища по посольству должны были оставаться в Афинах и не уезжать до тех пор, пока стены не будут возведены до необходимой высоты. Прибыв в Спарту, Фемистокл сказал, что он не может начать переговоры без остальных членов посольства.

Когда пришло известие об успешной постройке стен, а спартанцы сделались нетерпеливее, Фемистокл дал делу новое направление. Он предложил спартанцам самим отправить послов в Афины для исследования дела на месте. Так и было сделано. Тогда Фемистокл немедленно тайно дал знать афинянам, чтобы они задержали спартанских послов в качестве заложников за него и за прибывших в это время двух других послов: Аристида и Аброниха. Затем Фемистокл смело объявил в спартанском сенате, что город их настолько теперь окружен стеною, что в состоянии защищать своих жителей; что спартанцам и их союзникам следует смотреть на афинян, как на людей, которые сами могут решать, что полезно для них и для общего блага. Они и без приглашения спартанцев имели довольно решимости покинуть свой город и пойти на корабли, когда сочли это нужным. И теперь они сочли необходимым окружить город стеной, как для блага собственных граждан, так и для блага всех союзников. Потому что без такого равновесия в совещаниях об общих делах не будет ни права, ни справедливости. Поэтому или все союзники должны иметь открытые города, или им должно быть разрешено иметь укрепления. Спартанцам пришлось скрыть свое неудовольствие; они отпустили послов, но с этой минуты питали непримиримую ненависть к Фемистоклу.

Итак, Афины были обеспечены на случай нападения. Теперь следовало позаботиться о

том, чтобы добиться гегемонии на море. Это была цель, на которую Фемистокл еще со времени битв при Артемизии и Саламине не переставал обращать внимание народа. Для достижения этой цели афиняне устроили неподалеку гавань, воспользовавшись очень удобной Пирейской бухтой.

Работа по устройству укрепленной гавани проводилась так поспешно, что спартанцы, прежде чем успели сделать запрос по этому делу вторично, увидели возвышавшиеся стены, которые были еще крепче городских стен и делали Афины неприступными и с суши, и с моря. Кроме того, Фемистокл убедил народ вынести решение о ежегодном увеличении флота на двадцать гребных судов и об освобождении метеков, несущих морскую службу, от всяких налогов; эта мера способствовала также увеличению народонаселения.

В то время, как в Спарте не допускалось продолжительное пребывание чужеземцев, а тем более постоянное жительство их, в Афинах они пользовались свободой и довольно большими правами. Каждый чужеземец, пробывший в Афинах определенное время, поступал в разряд метеков («покровительствуемых»). Положение их в этом городе, как средоточии эллинской образованности, было настолько привлекательным, что число метеков к 309 году возросло до 10.000 человек. За государственное покровительство они платили умеренный налог: мужчины по 12, а вдовы только по 6 драхм. В отношении занятий ремеслами, торговлей и промышленностью их права были неограниченны, и государство, благодаря этому, извлекало для себя значительные выгоды от скопления в нем больших капиталов и производительных сил.

Предприимчивый дух афинян, проявившийся с такой энергией и решимостью во время Персидской войны и всего ярче выразившийся в Фемистокле, позволил им распространить свое влияние далеко за пределы их отечества. Остальные греки стали признавать, что не спартанцы с их неподвижным государственным устройством и их надменностью, а афиняне призваны быть руководителями великой Греции в борьбе с персами. Это убеждение впервые проникло в души греков, когда они уверились в измене спартанца Павсания, победителя при Платее.

Павсаний во главе союзного флота вместе с афинскими кораблями, находившимися под начальством Аристидом и юного Кимона, сына Мильтиада, отправился для окончательного освобождения островов и берегов Геллеспонта от остававшихся еще там персов. Без особого труда были изгнаны варвары с острова Кипра, из Фракии, был завоеван город Византия. Здесь были взяты в плен многие знатные персы и в числе их даже родственники самого персидского царя. Павсаний без ведома союзников, самовольно, отправил их к Ксерксу в сопровождении эретрийца Гонгила и послал царю письмо, в котором известил, что он готов подчинить Грецию власти царя, если тот выдаст за него свою дочь, и просил прислать для дальнейших переговоров надёжного человека. Ксеркс обрадовался этому предложению и отправил к Павсанию в качестве посредника сатрапа Артабаза. С этих пор Павсаний не воздерживался и выказывал своим соотечественникам презрение и недоброжелательство. Он облачился в персидскую одежду, завел персидский стол и с гордой надменностью начал сторониться своих единоплеменников. Такие поступки возбуждали всеобщее негодование. Пелопоннесские союзники вернулись домой, жители же островов и ионяне, соплеменники афинян, предложили взять командование флотом Аристиду, сумевшему приобрести их доверие своею кротостью, и отдались под покровительство Афин. Хотя Спарта тотчас же отозвала Павсания и послала на его место Доркиса, союзники отказались ему повиноваться, и спартанцы, вернув все свои войска, предоставили афинянам вести войну с персами. Афиняне заключили с ионийскими островами и городами, а впоследствии с эолийскими и дорийскими государствами большой морской союз, который превосходил своими силами союз пелопоннеский, находившийся под командованием Спарты. Однако Аристид не решился тотчас назначить сборное место для новых союзников. Чтобы отдалить всякую

мысль о господстве, он предпочел избрать для этого остров Делос как потому, что он почитался священным местом всех греков ионийского племени, так и потому, что он, благодаря знаменитому храму Аполлона и своим прославленным празднествам, служил обычным местом собрания для греков. Отныне в этом храме должны были происходить общие собрания союзных уполномоченных и храниться деньги, которые требовались для продолжения войны с персами. Распорядители этих денег назывались эллино-тамиями, то есть казначеями эллинов. В первом же собрании на Делосе Аристид удостоился со стороны союзников такого высокого доверия, что они предоставили ему почетную должность главного казначея и главного распорядителя ежегодных денежных взносов и постройки кораблей. Эти взносы достигли свыше 406 талантов.

Таким образом, Афины получили в свое распоряжение такие силы, что в скором времени стали страшны грекам и в особенности Спарте.

Между тем жалобы союзников на Павсания были рассмотрены эфорами, и Павсаний был присужден к денежному штрафу. Но доказательства, на основании которых можно было бы обвинить его в главном преступлении — государственной измене, показались недостаточными. Павсаний был освобожден и тотчас же самовольно отправился в Византию. Там он вновь вступил в подозрительную связь с Артабазом. Его вторично вызывают в Спарту по доносу одного из илотов, который показал, что Павсаний обещал им свободу и права гражданства, если они примут участие в задуманном им перевороте в Спарте. Павсаний повиновался приказанию, был заключен под стражу, но эфоры в скором времени снова выпустили его на свободу, так как не могли признать показания раба достаточным доказательством виновности столь высокопоставленного лица в таком тяжком преступлении. Эта снисходительность сделала изменника еще более смелым. Он продолжал даже из самой Спарты вести переговоры с Ксерксом. Наконец Павсаний был уличен в своих изменнических связях. Один житель Аргила должен был доставить его письмо к Артабазу. Аргильду показалось странным, что ни один из посланных для тайной передачи писем не вернулся. В нем возникло подозрение: он осторожно вскрыл письмо и нашел в нем требование, чтобы податель его был немедленно умерщвлен. Ожесточенный таким открытием, он передал письмо, содержавшее в себе целый ряд указаний на государственную измену, эфорам. Но эфоры все еще не верили; они хотели лично удостовериться в справедливости такого факта. С этой целью было решено устроить Павсанию ловушку. Аргилосец, по приказанию эфоров, удалился во двор храма Посейдона на мысе Тенаре. Здесь он поместился в хижине как просящий защиты. Хижина была разделена перегородкой, за которой спрятались несколько эфоров. Получив известие о бегстве своего слуги, Павсаний нагнал его; аргилец стал укорять Павсания в том, что он требовал убить его, своего верного слугу. Павсаний раскаялся и просил простить его и как можно скорее исполнить его поручение. Эфоры все слышали и решили взять Павсания под стражу тотчас по возвращении в город. Но когда они приблизились к нему на улице, он убежал и скрылся в храм Афины. Из такого убежища нельзя было заставить преступника выйти даже силой. Поэтому решено было разобрать крышу и запереть храм, чтобы уморить Павсания голодом. Его мать должна была принести первый камень, чтобы завалить входную дверь. Только перед самой смертью, чтобы труп его не осквернил этого священного места, его, уже умирающего от голода, вынесли из храма. Когда он умер, спартанцы хотели сначала бросить его тело в пропасть, куда бросали осужденных преступников, но, по совету оракула, похоронили там, где он умер.

Гибель этого изменника оказалась роковой и для Фемистокла. Спартанцы, ненавидевшие Фемистокла за постройку стен, обвинили его в соучастии в измене своего царя. Они могли надеяться на успех своей жалобы, так как у Фемистокла в Афинах были многочисленные и сильные противники.

Совершив такое великое дело, как возвышение своего отечества, великий человек сам преступил меру равенства, а этого демократический дух Афин не мог снести ни от одного гражданина. Вскоре он стал предметом страха и недоверчивости народа, постоянно опасавшегося за свою свободу. Чувства эти со времени Персидских войн еще более

укоренились в народе, так как после борьбы, веденной общими силами, еще сильнее чувствовалась необходимость равномерного и равноправного участия всех в общем деле. Поэтому, когда вскоре после сражений при Саламине и Платее занятие должностей и в особенности должности архонта, по всеобщему требованию и при содействии Аристиды, стало общедоступным, правом, то народ на все напоминания Фемистокла о своих заслугах возражал, что эти заслуги принадлежат не ему одному, а составляют общее достояние. Ко всему этому присоединилось неудовольствие многих знатных семейств, которые в смутное военное время лишились своих богатств и недружелюбно относились к другим и в особенности к Фемистоклу, достигшим теперь богатства и блестящего положения. Кроме того, были люди, подобные Кимону, которые смотрели с иной точки зрения на отношения Афин к Персии и Спарте. Фемистокл должен был уступить столь многочисленным, соединившимся против него силам. Однако, призванный к суду, он после блестящей защиты от спартанских обвинений был оправдан и снова приобрел полное всеобщее уважение. Но противники Фемистокла, во главе которых стоял Кимон, вскоре настояли на его изгнании остракизмом (470 г. до Р. Х.).

Фемистокл отправляется в изгнание

Фемистокл покинул Афины и поселился в Аргосе, откуда посещал многие пелопоннесские города. Спартанцы, постоянно опасаясь своего противника, тотчас после изобличения Павсания в измене возобновили свои жалобы в Афинах, вследствие чего оба государства послали людей в Аргос арестовать Фемистокла. Узнав об этом, Фемистокл бежал сначала на остров Керкиру, жителям которого он в прежнее время оказал значительные услуги. Страшась гнева Афин и Спарты, те не решились доставить ему у себя убежище, но зато помогли ему скрыться в Эпир. В таком затруднительном положении он решился искать убежища у Адмета, молосского царя, с которым прежде находился в неприязненных отношениях. Фемистокл не застал его дома и в ожидании царя сел, по совету царицы, с малолетним сыном на пороге, как проситель. Тронутый его видом, Адмет обещал изгнаннику свое покровительство и сдержал слово даже тогда, когда афиняне и спартанцы потребовали его выдачи. Затем, отпустив Фемистокла по собственному его желанию к персидскому царю, он отправил его под защитой стражи в македонский город Пидну.

Отсюда Фемистокл отправился на корабле в Ионию. Но буря пригнала его к Наксосу, где был расположен афинский флот. Страшась за свою судьбу, если его узнают, Фемистокл объявил свое имя корабельщику и обещал ему большую награду, если тот спасет его. Корабельщик исполнил желание Фемистокла и благополучно доставил его в Эфес. Отсюда Фемистокл отправился в Сузы и в то же время письменно известил о своей судьбе только что вступившего на престол персидского царя Артаксеркса I.

Фукидид

Письмо, посланное Фемистоклом, гласило:

«Я, Фемистокл, являюсь к тебе. Из всех греков я причинял всего больше несчастья вашему дому, пока должен был защищаться от нападения твоего отца; но как только я очутился в безопасности, а он подвергнулся беспрестанным опасностям, то я оказывал ему больше всех добра. Теперь, преследуемый эллинами за дружбу к тебе, я являюсь, чтобы оказать тебе величайшую услугу. Но о цели моего прибытия открою только лично тебе по прошествии одного года».

Достаточно ознакомившись в течение года с персидским языком и обычаями, он испросил у царя аудиенцию. Царь хорошо его принял и, по персидскому обычаю, назначил

ему доходы с трех городов: Магнесия должна была доставлять ему хлеб, Лампсак — вино, а Мий — рыбу и овощи. Владея этими городами, Фемистокл жил и умер в Магнесии в 460 году то ли от болезни, то ли от принятого им самим яда. На последнюю причину указывают те, которые утверждают, что будто бы Фемистокл обещал царю покорить Грецию, но, когда пришлось приступить к делу, нашел это невозможным и непатриотичным. Из того обстоятельства, что родственники Фемистокла, по его завещанию, перенесли останки его в Аттику, можно заключить, что любовь к отечеству никогда в нем не умирала. Да и не может быть сомнения в том, что такой человек, как Фемистокл, — о котором Фукидид говорил, что он одною душевною силою, без научного образования, лучше всех умел найтись в минуту крайности и вернее всех предугадывал будущее, — и в Азии размышлял и действовал сообразно своей прежней достославной жизни.

8. Правление Кимона. Победа при реке Эвримедонте.

(473...469 г. до Р. Х.).

Кимон, сын Мильтиада, благодаря своему происхождению и способностям, сумел вместе с Фемистоклом и Аристидом рано обратить на себя внимание народа. Когда при вторжении персов Фемистокл старался убедить афинян покинуть город и искать спасения на кораблях, Кимон со своей стороны постарался склонить народ к этому решению. С этой целью он отправился со своими друзьями в храм Афины и повесил там уздечку в знак того, что теперь нет больше надобности в верховой езде. Когда Фемистокл был изгнан, Кимон избавился от соперника своей славы и противника своих политических убеждений и стал самым влиятельным лицом во главе афинского государства. Теперь он получил возможность совершенно спокойно проводить свои идеи.

Каковы были его политические убеждения, можно заключить уже из того, что Кимон принадлежал к партии Аристида и, пока тот был жив, действовал с ним сообща и совершенно согласно. Затем в стремлениях Кимона проявились два определенных направления. В делах внутреннего государственного управления он старался противодействовать дальнейшему развитию демократических начал и сохранить первоначальное устройство Солона. Это устройство по своей суровости и твердости больше приближалось к спартанским учреждениям, к которым Кимон всегда относился с уважением. Он умел привлечь на свою сторону народ щедро раздаваемыми подарками. Часто одному из его провожатых приходилось снимать с себя верхнюю одежду, чтобы отдать ее бедному. Он держал для сограждан ежедневно открытый стол и приказал сломать заборы, окружавшие его сады, чтобы каждый мог пользоваться их плодами. Его всегда сопровождали слуги с деньгами, чтобы можно было тотчас подать что-нибудь каждому, просящему милостыню. В делах внешних Кимон постоянно старался продолжать наступательную политику Греции против Персии и с этой целью заботился о поддержании прочных и мирных отношений между греческими государствами и в особенности между Афинами и Спартой, как двумя главными, взаимно друг друга дополнявшими, государствами Греции. Война с Персией была основной идеей Кимона, на осуществление которой он отдал все свои силы. Первым подвигом его было завоевание города Эйона на фракийском берегу.

Благодаря этому приобретению, Афины завладели плодородной областью, в которой афинские граждане, привлеченные изобилием в стране строевого леса, золотыми и серебряными рудниками, основали впоследствии важную колонию Амфиполь. Потом Кимон покорил разбойничий остров Скирос, поселил там афинских граждан, а оттуда привез в Афины останки царя Тезея. Были завоеваны также город Карист на Эвбее и остров Лемнос. Самым славным подвигом Кимона была его победа над персами при реке Эвримедонте в Памфилии в 466 году до Р. Х. В это время в Персии среди царствовавшей фамилии свирепствовали кровавые раздоры. Сам Ксеркс совершенно погряз в роскошной и преисполненной интриг жизни своего двора и не обращал никакого внимания на управление

государством. Персы не предпринимали действенных мер, чтобы остановить завоевания греков. Только тогда, когда Кимон необыкновенно счастливо начал наступательную войну в Карий и Ликий, покорил многие города и изгнал оттуда персидские гарнизоны, персы обратили на него свое внимание. Они собрали на реке Эвримедонте сухопутное войско и флот, которые должны были значительно усилиться с прибытием восьмидесяти финикийских кораблей. Узнав об этом, Кимон решился, прежде чем персы получат это подкрепление, вступить с ними в морское сражение. Персы, боясь вступить в бой без финикийцев, ввели свои корабли обратно в реку, после непродолжительной схватки отдали значительную часть их в руки греков и соединились с сухопутным войском. Кимон немедленно повел против персов своих воинов, воодушевленных успехом. Произошла упорная битва, и одержанная наконец греками победа была куплена ими потерей многих способных и храбрых мужей. Оставшиеся в живых и в особенности Кимон, кроме богатой добычи, приобрели себе редкую славу, в один день одержав две победы. Кимон довершил свой блистательный подвиг тем, что тотчас же поспешил к Кипру и потопил находившиеся здесь финикийские корабли.

Кимон

Таким образом персы на долгое время были вытеснены из греческих морей, а малоазийские греческие города освободились от уплаты дани «великому царю». Однако война продолжалась, даже несмотря на то, что персы, истощив военные средства, вынуждены были приостановить со своей стороны военные действия.

Равноправие в отношениях между Афинами и союзными городами и островами постепенно исчезло, и их отношения стали отношениями господствующих и подвластных. Афиняне находили это совершенно естественным и оправдывали новые отношения своими прежними заслугами. Происходившие до тех пор в Делосе общественные совещания теперь были заменены распоряжениями и приказами из Афин. Денежные взносы и поставка кораблей и войск требовались с беспощадной строгостью. Тем, кто вздумал бы сопротивляться, грозил пример Наксоса и Фасоса: оба эти острова были покорены силой оружия и должны были заплатить большую денежную пеню, выдать свои корабли и срыть стены.

Стесненное положение союзников стало следствием их собственного неблагоразумия. Из-за лени и привычки к спокойствию они скоро утомились трудной морской службой и согласились на хитрое предложение Кимона заменить поставку кораблей и экипажа денежными взносами. Союзники не замечали, что из-за этого сами они теряли воинственный дух и передавали полную власть над собой афинянам, которые строили на их деньги корабли и вооружали их своими людьми. Союзники заметили это только тогда, когда они оказались полностью под властью афинян, и всякая попытка освободиться от тяжелого гнета стала невозможной вследствие их собственного бессилия. Теперь им ничего больше не оставалось, как искать спасения в посторонней помощи. Возвышение могущества Афин пробудило с новой силой старинную зависть их соперницы Спарты, и на ее-то помощь возложили союзники все свои надежды. Спартанцы были готовы вмешаться в дело еще тогда, когда фасосцы во время своей войны с Афинами предлагали им напасть на Аттику. Но внезапное собственное несчастье — землетрясение и восстание илотов — поставило спартанцев в такое положение, что они сами вынуждены были обратиться за помощью к афинянам.

9. Перикл. Третья Мессенская война. Падение Кимона.

(464...461 г. до Р. Х.).

Гениальный и творческий дух Фемистокла как будто бы возродился с новой и более

совершенной силой в Перикле, сыне Ксантиппа, победителя при Микале. Этот единственный в своем роде человек был наделен всеми правами знатного происхождения и высшими природными дарованиями. Уроки философа Анаксагора развили в Перикле в высочайшей степени способность мышления и необыкновенные благородство и глубину мыслей. В этой же философской школе он приобрел такое увлекательное красноречие, что силу его речи современники сравнивали с громом и молнией, а слушатели пленялись им, как произведением расцветавших в Афинах наук и искусств. Завоевав себе славу продолжительным участием в военных предприятиях, Перикл вступил в управление государством, но с совершенно иными политическими убеждениями и взглядами, чем Кимон. Он воспользовался для проведения своих идей частым и продолжительным отсутствием Кимона по случаю военных предприятий. С какой ревностью занимался Перикл государственными делами, свидетельствует Плутарх, говоря, что Перикла можно было увидеть только по дороге на площадь и в здание совета. Он отказывался почти от всех приглашений и отдал на откуп все свои имения для того, чтобы управление ими не мешало ему заниматься делами государственными.

Перикл

Первым и важнейшим делом, предпринятым Периклом для большего развития демократии, была попытка ограничить права ареопага. Это учреждение было самой большой и самой прочной опорой аристократической партии, когда во главе ее стоял Кимон. Для того, чтобы сделать государственное устройство полностью демократическим, надлежало сокрушить силу ареопага. Но к этому Периклу приходилось приступить со всею осторожностью, как так, добившись успеха, он, благодаря силе своего таланта, получил бы возможность управлять государством, как самодержавный монарх. Поэтому в то время, когда Кимон во главе своего войска находился во Фракии, Перикл поручил Эфиальту (в чем также выразилось благоразумие Перикла — выставляться самому на вид как можно реже) предложить народу отнять у ареопага высший надзор над государственными учреждениями и нравами граждан — то есть лишить его той деятельности, за которую он был прозван «совестью афинского народа»; Перикл также хотел, чтобы ареопаг не распоряжался государственной казной, и круг его действий ограничивался бы только отправлением правосудия. Народ, к которому вследствие такой перемены переходила высшая неограниченная власть, согласился на предложение — и с этих пор ареопаг стал существовать лишь в качестве судебного учреждения. Этим распоряжением уничтожался благотворительный противовес власти народного собрания, и грозная опасность вырождения демократии в охлократию (владычество черни) не могла больше встретить на своем пути никакой задержки.

Кимон не скрывал своего недовольства на законодательную реформу, но не мог ее уже остановить. Его собственная звезда уже начинала склоняться и должна была вскоре совершенно закатиться вследствие внезапных происшествий в Спарте.

Ужасное землетрясение 465 года привело Спарту на край гибели. Почти весь город был разрушен, множество людей погибло. Это неожиданное несчастье произвело всеобщее замешательство, которым как благоприятным случаем воспользовались тысячи илотов, пребывавших в гнетущем рабстве. Они вооружились и готовы были общими силами напасть на Спарту. Опасность была велика, но ее предотвратило благоразумие царя Архидама. Предвидя возможность такого нападения, он призвал спартанцев к оружию и расположил их на городской площади в боевом порядке. Илоты, рассчитывающие напасть на Спарту врасплох, скоро отступили, но заняли хорошо укрепленную мессенскую крепость Итому, стены которой при неискусстве спартанцев в осадном деле могли служить им прочной защитой. Так началась третья мессенская война (465...455 г. до Р. Х.). В такой опасности спартанцы обратились за помощью ко всем союзникам и в особенности к афинянам, которые

считались самыми опытными в осадном искусстве. Перикл и Эфиальт самым решительным образом высказались против посылки вспомогательного войска, так как в унижении Спарты они видели торжество афинян и демократии. Но Кимон, дружески расположенный к спартам и их государственным учреждениям, убедил афинян принять противоположное решение. Он утверждал, что «не следует лишать Грецию одной ноги и делать ее хромою, а Афинам допустить погибнуть коню, составляющему с ними одну упряжку». В порыве патриотизма было решено послать на помощь спартам 4.000 гоплитов под начальством Кимона. Но афиняне обманулись в своих ожиданиях на подобную же патриотическую встречу со стороны спартацев. Когда осада Итомы, несмотря на афинскую помощь, затянулась, спартацы сделались подозрительны: они опасались, что предприимчивые, склонные к нововведениям афиняне могут войти в соглашение с неприятелем и стать для них весьма опасными. Удержав при себе остальных союзников, спартацы отпустили афинян под предлогом, что больше в них не нуждаются.

Это оскорбление, по мнению афинян, несколько ими не заслуженное, возбудило в них величайшее неудовольствие, и этот случай можно считать моментом, с которого началась столь долго сдерживаемая вражда между обоими государствами. Афины немедленно расторгли союз со Спартой, заключенный во время Персидской войны, и заключили новый с Аргосом, наследственным врагом Спарты и соперником ее могущества в Пелопоннесе. Что касается Кимона, то он в насмешку был прозван «другом лакедемонян» и в скором времени изгнан из Афин на десять лет остракизмом разгневанного народа.

Без сомнения, неприятельские действия между Афинами и Спартой начались бы тотчас же, если бы все силы обоих противников не были отвлечены в это время в другую сторону. Спарта была занята осадой хорошо укрепленной и мужественно защищаемой Итомы и поэтому допустила своего смертельного врага, Аргос, покорить и разрушить города Микены и Тиринф. Десять лет держались мессенцы в Итоме. Наконец, они сдали крепость спартам, выговорив себе свободный выход с женами, детьми и со своим имуществом. Афинский полководец Толмид охотно принял беглецов и отвел им для жительства только что завоеванный перед тем приморский город Навпакт.

Афины еще до этого времени были заняты смелым предприятием в Египте. Желая поддержать восстание против персов ливийского царя Инара, они отправили к нему на помощь 200 трирем. Этим обстоятельством воспользовалась всегда враждебная им Эгина, но совершенно безуспешно. Афиняне победили эгинцев в морском сражении, высадились на их остров и осадили их главный город. Эгинцы были вынуждены покориться, выдать корабли, срыть свои стены и обязались платить афинянам ежегодную дань (456 г. до Р. Х.).

Но египетский поход закончился несчастливо (457 г.). Артаксеркс I, по прозванию «Макрохир» (Долгорукий), снова ожививший силы своего государства, послал в Египет сильное войско и скоро одолел египтян. Греки были выгнаны из Мемфиса и заперты на остров Просопитиде. Здесь персидский полководец Мегабаз осаждал их полтора года и победил, наконец, тем, что отвел течение Нила, вытащил корабли на берег и завладел островом. Афиняне потерпели полное поражение; только немногие из них спаслись бегством через Ливию в Кирену. Ливийский царь Инар был распят на кресте, и Египет, кроме некоторых болотистых мест, где держался некто Амиртей, снова попал под власть персов.

10. Борьба между Спартой и Афинами. Сражение при Танагре. Смерть Кимона.

(456...449 г. до Р. Х.).

Впрочем в скором времени произошло и непосредственное враждебное столкновение между Спартой и Афинами.

Когда возникла вражда между Доридой и Фокидой, спартанцы пошли на помощь к первой из них, как своему древнему отечеству, и после непродолжительной борьбы вытеснили фокейцев из одного завоеванного ими дорийского города. Афинянам показалось, что этот поход был предпринят не без задней мысли. Действительно, спартанцы имели ввиду возвратить при этом Фивам утраченную ими во время Персидских войн силу, чтобы иметь возможность воспользоваться ею против Афин. Поэтому афиняне преградили спартанцам обратный путь на море и на суше. Афинский флот занял Криссейский залив, а сухопутное войско — перешеек. Сверх того, под начальством Перикла было собрано войско, подкрепленное тысячею аргивян и отрядом фессалийских всадников. Просьба Кимона о разрешении участвовать в предстоявшем сражении в качестве гоплита была отвергнута из подозрения его в пристрастии к лакедемонянам. Битва произошла в 456 году при Танagre в Беотии. Из-за измены фессалийцев, которые во время самого сражения перешли к спартанцам, она была проиграна афинянами. Таким образом, спартанцам был открыт путь к отступлению. Они выступили в обратный путь, не отваживаясь на дальнейшие предприятия и удовольствовавшись опустошением Мегарской области в наказание Мегары за ее союз с Афинами.

Но уже через два месяца после сражения при Танagre Миронид явился в Беотию с новым афинским войском и в сражении при Энофите одержал полную победу над фиванцами. Большая часть городов Беотии вступила в союз с Афинами и упрочила этот союз введением у себя сходного с афинским демократического государственного устройства. Примеру их последовали Фокида и Опунтские Локры, причем последние, много содействовавшие союзу, в обеспечение своей верности выдали Мирониду сто заложников.

Благородное поведение Кимона и самоотверженное мужество его сторонников в битве при Танagre вполне оправдало его в глазах народа, и сам Перикл в 454 году предложил возвратить его. Тотчас по своем возвращении Кимон, следуя своей политической системе, обратил всю свою деятельность на достижение двух целей: на заключение союза между Афинами и Спартой и на продолжение войны против персов. Но только в 451 году, после трехлетних переговоров, Афины и Спарта заключили между собой пятилетнее перемирие.

Чтобы загладить свою неудачу в Египте, афиняне решились на новый поход против персов. Прежде всего нужно было завоевать остров Кипр, являвшийся главной опорой персидского владычества на море, так как он доставлял все необходимое для снаряжения кораблей. Затем нужно было побудить к восстанию против персов египтян, где еще держался Амиртей. С флотом из 200 трирем начал свой поход Кимон. Шестьдесят кораблей были посланы в Египет, а с остальными он осадил Китию на Кипре.

Но здесь в 449 году Кимон умер, по словам одних — от тяжких ран, а по другим сведениям — от болезни. Умирая, Кимон приказал скрыть свою смерть от войска, чтобы оно, думая, что все еще находится под начальством своего победоносного полководца, могло с большею уверенностью противостоять наступающему врагу. Так и случилось, и победа над флотом, состоявшим из киликийских, финикийских и кипрских кораблей, и над сухопутным войском при Саламине (приморский город на Кипре) была лучшим поминовением славному герою. После этого флот, увозя с собою останки своего предводителя, возвратился в Афины.

11. Величие Афин во время правления Перикла.

(450...431 г. до Р. Х.).

После смерти Кимона первенствующее положение в политике стало принадлежать Периклу, хотя первое время у него и были соперники. Ими были Миронид, Толмид и Фукидид, принадлежавшие к аристократической партии. Несмотря на их нападки, власть и значение Перикла остались непоколебимы. Даже самый значительный противник, Фукидид, родственник Кимона, далеко уступающий ему в военных дарованиях, в 444 году был изгнан

остракизмом. Теперь у Перикла не осталось соперников. Он властвовал над переменчивым народным собранием своим могучим красноречием и управлял народом по своему произволу. Бескорыстие Перикла, в котором не превосходил его даже сам Аристид, простиралось до того, что, по словам Плутарха, во все время своего управления он не увеличил своего состояния ни на одну драхму. Эта добродетель оказалась тем величественнее, чем богаче становилось государство и чем блистательнее было употребление, которое сделал из этого богатства художественный вкус Перикла.

Уже Кимон начал заботиться о развитии искусств в Афинах. Но то, что было стремлением лишь отдельного частного лица, теперь должно было стать одним из главных призваний всего государства. Афины, проявлявшие до сих пор свое величие в военных победах и расширении государства, должны были оставить по себе вечные памятники и в произведениях искусства. Наряду с военным господством должно было существовать и господство мирное, из которых первое, несомненно, служило основанием последнему.

Перикл, раздающий венки художникам

С окончательным установлением зависимости союзников от Афин все их богатые сокровища поступили в полное распоряжение афинян. Последний шаг в этом деле был сделан перенесением в Афины общественной казны, которая до тех пор хранилась на острове Делосе. Этими сокровищами Перикл воспользовался, чтобы покрыть издержки на новые произведения искусства. Его план состоял в том, чтобы сделать свой город столицей объединенной Греции. Для этого Афины должны были внушать союзникам уважение своей роскошной внешностью. Но не частные дома, а лишь общественные здания должны были предстать во всем художественном великолепии. Судьба послала Периклу друга и помощника, которой помог ему достичь в его предприятии высшего идеала художественной правды и красоты. Этим другом был знаменитый скульптор Фидий, бывший главным руководителем реконструкции Афин; ему помогали другие известные мастера: строители Иктин, Калликрат и Мнесикл, живописцы Полигнот и Панен, ваятель Поликлет из Аргоса. Самыми выдающимися произведениями искусства времен Перикла были следующие: Одеон — открытое круглое здание, в котором во время панафинейских празднеств происходили введенные Периклом музыкальные состязания. У подножия Акрополя Мнесикл построил Пропилеи. С правой стороны к этому зданию примыкал небольшой храм богини победы — Ники, а левый флигель заключал в себе картинную галерею — Пинакотеку. Посредине, поднимаясь вверх широкими ступенями, шла беломраморная лестница с пятью проходами, поддерживаемыми колоннами. Наверху стоял Парфенон — храм девственной богини Афины из белого мрамора. Заднее здание служило хранилищем государственной казны. Там же возвышалась статуя Афины из золота и слоновой кости. Богиня была изображена стоящею в длинной, ниспадающей до земли одежде, с шлемом на голове, в одной руке она держала копье, а в другой — статую богини победы; у ее ног лежал щит. На самом вершине крепости находилась, другая медная колоссальная статуя той же богини Афины, покровительницы города; эта статуя, как и первая, была работы Фидия. Она держала меч, как бы готовый для защиты. Едущему в Афины уже у мыса Суния были видны позолоченное острие копья и перья, развевавшиеся на шлеме богини. Статуя Зевса Олимпийского также была произведением Фидия. Сооруженная из золота и слоновой кости, в сорок футов вышиною, она возвышалась над всеми другими статуями. Лицо имело выражение сознания всемогущества, величия, спокойствия и доброты.

Конечно, противники Перикла обвиняли его за все эти сооружения и упрекали его в расточительности и растрате общественных сокровищ. Сам народ был поражен огромностью

издержанных им сумм. Но когда Перикл заявил, что он готов покрыть все расходы из своего собственного имущества с тем условием, чтобы на всех сооружениях были сделаны надписи, что они составляют его дар, то народ, весьма чувствительный к подобного рода славе, воскликнул, что он может издержать все и ничего не жалеть.

Популярность Перикла основывалась не только на том, что под его руководством создавались произведения искусства. Благодаря расцвету художественной деятельности, многие тысячи ремесленников и художников нашли выгодные для себя занятия. Вместе с тем возник новый источник богатства — торговля. В Пирейской гавани был построен новый город с самой оживленной торговлей. Сюда приходили корабли с грузами хлеба и других продуктов из плодоносных стран Черного моря и со строевым лесом из Фракии. На торговой площади было постоянное оживленное движение. «Кто не нуждался в городе Афинах? — говорит Ксенофонт. — Не все ли страны, богатые хлебом и стадами, маслом и вином? Не все ли, имевшие возможность нажиться по своему уму и своим средствам: ремесленники, софисты, философы, поэты? Все, жадные до всевозможного рода зрелищ и развлечений, все желавшие многое быстро купить или продать — где могли они найти для всего этого место лучшее, чем Афины?»

Благосостояние беднейших классов населения составляло также предмет заботы Перикла. Множество беднейших жителей он поселил во вновь основанных колониях. Для того, чтобы успокоить недовольных граждан, он установил раздачу хлеба. Затем, чтобы дать и бедным людям возможность доставлять себе удовольствие, Перикл установил выдачу им так называемого «теорикона», то есть зрелищных денег для входа в театр. Чтобы бедные граждане могли пользоваться своими общественными правами, не тратя на это непроизводительно время, необходимое для изыскания средств на пропитание, он ввел жалование судьям и воинам в таком размере, что они при тогдашней дешевизне жизненных припасов могли жить в полном довольстве.

Аспасия

Эти установления имели в то же время и политическую цель — заменить опасную щедрость частных лиц, чему пример был подан Кимоном, щедростью государства и теснее привязать граждан к демократическим учреждениям.

Пока Перикл, благодаря своему личному влиянию, управлял народной толпой, введенные им меры не представлялись опасными. Но дела могли принять совсем иной оборот после удаления его с политического поприща. Скоро должны были оправдаться слова, что «Перикл своими денежными подачками сделал афинян ленивыми, трусливыми, суетными, болтливymi, алчными и падкими к наслаждениям».

Под конец своей жизни Периклу пришлось перенести еще более горькие испытания. Так как враги Перикла, которого слишком любила толпа, не могли повредить ему лично, то они обратили свои нападки на его любимцев, в частности, на его подругу, гетеру Аспасию.

Статуя Афины в Парфеноне

Гетеры были иностранки, которые в противоположность греческим женщинам, жившим в уединении, пользовались свободным общением с мужчинами и нередко отличались умом и образованностью. Кроме Аспасии, с которой сам Сократ находился в дружеских отношениях, были замечательны: Таис, Таргелия, Лаиса и Фрина. И вот враги Перикла стали обвинять ее, философа Анаксагора и Фидию в безбожии.

Фидий

Только благодаря защите самого Перикла Аспасия была оправдана. Фидия, кроме того, обвинили и в утайке части золота, предназначенного для статуи Афины. Но Фидий вел свое дело с такой предосторожностью, что во всякое время можно было снять и взвесить все золото, благодаря чему он и очистил себя от всякого подозрения в недобросовестности. Второй обвинительный пункт состоял в том, что на щите Афины Фидий поместил свое собственное изображение и изображение Перикла. На этом щите была представлена битва Тезея с амазонками; одной из прекраснейших мужских сражающихся фигур Фидий действительно придал черты лица Перикла, а себя самого представил обнаженным воином. Он был изгнан и, по преданию, умер в Олимпии. Анаксагор также был вынужден покинуть Афины.

12. Военные действия Афин до начала Пелопоннесской войны.

(450...431 г. до Р. Х.)

В то время, как Афины под управлением Перикла достигали своего высшего внутреннего процветания, им приходилось вести различные войны. С одной стороны было необходимо противодействовать завистливой Спарте, с другой — удерживать союзников в верности и зависимости. Осторожный Перикл старался достичь того и другого заботой о сохранении лишь ближайших интересов. Он не стремился к новым завоеваниям, и его не соблазняли рискованные предприятия, каким был, например, египетский поход. Влияние, приобретенное Афинами после победы при Энофите, было потеряно по вине отважного Толмида. Он хотел выгнать бежавших из демократических государств аристократов из захваченных ими городов Орхомена, Херонеи и других беотийских местностей. Но со своей тысячей гоплитов и присоединившимися к ним некоторыми союзниками он был разбит наголову при Коронее, а сам убит (447 г.). Ободренные этим аристократы снова уничтожили в Беотии демократические учреждения. Афиняне, чтобы спасти жизнь своим согражданам, попавшим в плен, вынуждены были заключить мир и признать как независимость Беотии, так и гегемонию Фив над некоторыми другими городами.

Ближайшим следствием этого поражения стало отпадение Эвбеи и Мегары от афинского союза. Мегаряне напали на афинский гарнизон, уничтожили его и призвали себе на помощь спартанцев. Периклу пришлось оставить Мегару быстро подросшим к ней спартанцам. Но он подкупил спартанского царя Плестоанакса и его советника Клеандрида, и спартанцы, опустошив некоторые местности в Аттике, удалились.

Тогда Перикл поспешил к отпавшей Эвбее. Из города Гистиеи он выгнал всех жителей и разделил его земли между афинскими гражданами за то, что при начале неприятельских действий гистиейцы умертвили весь экипаж одного афинского корабля. Из города Халкиды Перикл изгнал всех знатных и богатых граждан и передал управление городом в руки местных демократов. В сходстве государственных учреждений Перикл полагал найти более крепкую связь между господствующим государством и подчиненными ему областями. Так как Фокиде и Локриде также удалось достигнуть самостоятельности, и на материке оставались верными союзниками только платейцы, то власть Афин была сильно поколеблена. Чтобы иметь время для приобретения новых сил, Перикл заключил со Спартой в 445 году тридцатилетнее перемирие, по которому афиняне должны были очистить занятые ими города Никею, Паги и Трезен, а Мегару признать свободной от союзной зависимости. Афинский морской и пелопоннесский союзы были признаны двумя самостоятельными государственными группами, причем в каждой из них первенствующие государства — Афины и Спарта — пользовались по отношению к своим союзникам самодержавной властью и наказывали за всякую попытку к отпадению.

Афинскому господству на море скоро стали угрожать новые опасности. В надежде на персидскую помощь восстал Самос, во главе которого стоял замечательный своим умом

Мелисс. Примеру Самоса последовала Византия. Персидско-финикийский флот должен был прибыть на помощь самосцам. Перикл отправился к Самосу с шестьюдесятью кораблями, и хотя он отослал шестнадцать из них для наблюдения за финикийскими кораблями и за получением подкрепления с Хиоса и Лесбоса, все-таки отважился вступить в битву с самосским флотом, который состоял из семидесяти судов. Опытность и искусство афинских моряков доставили победу Периклу. Он высадился на остров и приступил к осаде города, обложив его с моря и с суши. Затем с большей частью флота Перикл направился в Карию на розыски финикийских кораблей. Этим воспользовался Мелисс: он напал на оставленный для осады отряд и разбил его. Но Перикл, не найдя финикийян и получив подкрепление кораблями из Афин, Хиоса и Лесбоса, вернулся к Самосу, разбил неприятельский флот и после девятимесячной осады принудил самосцев к сдаче города. Самосцы вынуждены были скрыть стены, выдать корабли и заложников, уплатить военные расходы и ввести у себя демократические учреждения. В то же время была покорена и Византия. Вследствие этого Афины снова, могущественно и победоносно, стали во главе союза ионийских островов и городов. Спарта, стоявшая во главе пелопоннесского союза, смотрела теперь с завистью и недоверчивостью на увеличившееся значение Афин. Между этими двумя союзами было различие в государственном устройстве, в племенном происхождении и в образовании; но в то же время оба они были преисполнены одинаковым влечением к расширению своей власти и к верховному владычеству над всей объединенной Грецией.

Таким образом, в силу роковой необходимости между Афинами и Спартой должна была произойти борьба для разрешения вопроса, кто будет господствовать в Греции. Эта борьба составляет в истории Греции такую же знаменательную эпоху, какую составила в свое время борьба с персами. То была так называемая Пелопоннесская война.

13. Пелопоннесская война.

(431...404 г. до Р. Х.)

а) Начало войны. Чума в Афинах. Никиев мир.

(431...421 г. до Р. Х.).

Более глубокая причина этой войны заключалась в постоянно возрастающих напряжении и зависти между дорийской и ионийской государственными группами. Обе стороны не без тревоги смотрели на приближение решительной борьбы, в которой вся Эллада должна была быть поколеблена в своем основании, и поэтому, насколько могли, старались отдалить ее начало. Но, как это обычно бывает, достаточно было самого незначительного повода для того, чтобы так долго копившийся горючий материал вспыхнул ярким пламенем.

Непосредственным поводом к началу войны было вмешательство Афин в коркиро-коринфскую распрю. Начало этой распри положил греческий колониальный город на иллирийском берегу — Эпидамн. Этот город, основанный коркирянами, достиг цветущего состояния в правление коринфянина Фалия, но, подобно всем греческим государствам, его обуревали внутренние раздоры партий. Как раз в это время народ одержал верх и изгнал из города знатнейших граждан. Они бежали к соседнему варварскому племени, тавлантиям, и стали жестоко теснить жителей Эпидамна с моря и с суши. В таком бедственном положении Эпидамн обратился за помощью к своей метрополии — городу Коркире, но получил отказ, потому что и изгнанники происходили из Коркиры.

Тогда, по совету дельфийского оракула, жители Эпидамна просили защиты у города Коринфа, который в качестве метрополии Коркиры принимал деятельное участие в основании Эпидамна.

Коринф с Акрокоринфом

Коринфяне охотно на это согласились и послали в Эпидамн гарнизон и новых поселенцев. Коркиряне сочли это за нарушение своих прав и потребовали от жителей Эпидамна возвращения изгнанников и удаления как коринфского гарнизона, так и новых поселенцев. Так как Эпидамн воспротивился этому, то коркиряне приступили к осаде города. Коринфяне поспешили на помощь с флотом из семидесяти пяти кораблей, но коркиряне, которые находились в то время в расцвете сил и владели ста двадцатью гребными судами, пошли с восьмьюдесятью кораблями навстречу коринфянам и одержали над ними блестящую победу при мысе Акции в 435 году. С остальными сорока кораблями они направились в тот же день к Эпидамну и принудили его к сдаче.

Пристыженные коринфяне, опасаясь, чтобы коркиряне, получив господство на море, не причинили большого вреда им и их союзникам, приступили к серьезным приготовлениям для продолжения войны. Обеспокоенные коркиряне решили обратиться к афинянам и заключить с ними союз. Афиняне, не приняв их в общий союз, заключили с ними союз оборонительный, по которому оба государства взаимно обязались отражать соединенными силами всякое нападение как на собственные свои области, так и на области своих союзников, и послали на помощь коркирянам на первый раз десять кораблей. Коринфяне со ста пятьюдесятью кораблями приблизились к Коркире, а коркиряне пошли к ним навстречу со ста десятью кораблями, в числе которых находились и десять афинских кораблей, и вступили в упорную битву при Сиботе (в 432 году). Коркиряне, казалось, должны были быть разбиты, но к ним на помощь явились еще десять афинских кораблей под командованием Лакедемония, сына Кимона. Несмотря на то, что преимущество было на стороне коринфян, они, увидев, что на помощь, кроме этих десяти, приближаются еще двадцать, внезапно отступили. Сражения не произошло. Коринфяне возвратились домой, исполненные ненависти к афинянам, которые первыми начали враждебные действия против пелопоннесцев.

В скором времени новое столкновение произошло на фракийском берегу. Чтобы отомстить афинянам, Коринф в союзе с македонским царем Пердиккой, который находился в состоянии войны с Афинами, старался возмутить афинских союзников на Халкидском полуострове. Эти происки не укрылись от афинян. Они особенно опасались за Потидею, которая, хотя и платила им дань, но была коринфской колонией. Поэтому, желая предупредить надвигающуюся грозу, афиняне потребовали, чтобы потидейцы срыли свои стены, дали заложников в залог своей верности и больше не принимали правительственных лиц, посылаемых к ним Коринфом как метрополией. Такие тяжелые требования дали делу решительный оборот. Потидея, ободренная подошедшим в это время вспомогательным коринфским войском, открыто отложились от Афин. Тогда афиняне поспешно увеличили свои морские силы, которые находились у македонских берегов, и двинулись на Потидею. С большим сухопутным войском из трех тысяч тяжеловооруженных воинов и с семьёдесятью кораблями подступили они к городу. Союзники отважились вступить в сражение при входе в гавань, но, проиграв его, укрылись в Потнее, где были окружены и осаждены афинянами.

Тогда коринфяне поспешили превратить войну, до сих пор веденную только ими, в общее дело всех пелопоннесцев, и в особенности Спарты. Для этого в созванном ими союзном собрании они старались доказать, что Афины своими поступками нарушили перемирие. Наконец, и сама Спарта согласилась с этим мнением и начала переговоры. Переговоры эти, хотя и имели еще вид не существовавшего уже более миролюбия, велись с целью свалить на противника упрек в нападении. Лакедемоняне потребовали, чтобы афиняне изгнали из своего города тех, чьи предки участвовали в злодеянии Килон, при этом они имели ввиду главным образом удаление Перикла, который, как и Килон, принадлежал к роду Алкмеонидов. При вторичном посольстве они потребовали, чтобы Афины возвратили свободу всем подвластным им городам, что означало уничтожение афинского морского

союза. Афиняне, сознавая свою силу, по совету Перикла, отвечали, что они никогда не послушаются приказаний и только тогда возвратят самостоятельность своим союзникам, когда Спарта уничтожит пелопоннесский союз.

На этом переговоры прекратились. Фиванцы внезапно напали на дружественную Афинам Платею (431 год). Платейцы оказали им достойное сопротивление. Захваченные при этом в плен сто восемьдесят фиванцев были казнены, что вызвало большое ожесточение с противной стороны. Так началась роковая война, которая разделила Грецию на две большие партии. Во главе партий находились Афины и Спарта, обладавшие силами не однородными, но полные каждая надежды на блестящую победу. На стороне спартанцев, за исключением Аргоса и почти всей Ахайи, находился весь Пелопоннес, имевший возможность выставить в поле 60.000 человек тяжеловооруженного войска, Коринф и Мегара с их флотом, Беотия, Фокида и Опунтские Локры. Но зато у спартанцев было меньше денег и кораблей, чем у их противников. Афиняне имели союзниками фессалийцев, острова Коркиру, Закинф, Хиос, Лесбос, города Платею, Навпакт и множество покоренных и плативших дань городов и островов, которые в течение всего времени, пока находились под властью Афин, доставляли им войска и деньги. Кроме того, в Акрополе хранилось 6000 талантов наличными деньгами. Доходы, налоги и таможенные пошлины доставляли 400 талантов, дань — 600, всего — 1.000 талантов ежегодного дохода. На эти средства Афины содержали сухопутное войско из 30.000 тяжеловооруженных воинов и флот из 300 кораблей. Как ни благоприятны были все эти обстоятельства, но они таили в себе большую опасность — недовольство обращенных в подданных союзников. Можно было опасаться, что в случае, если война затянется на долгое время, или при неудаче Афин, они сделают попытку сбросить с себя ненавистное иго и вернуть независимость.

Перикл предложил жителям Аттики оставить страну открытой, отвезти свои стада на остров Эвбею, все свое движимое имущество перенести в Афины и принял все меры к оборонительной войне.

Медленное наступление миролюбивого царя Архидам, который выступил против Афин с войском в 60.000 пелопоннесцев, дало жителям Аттики время последовать советам Перикла. Но когда Архидам вторгся в пределы Аттики, покрытой виноградниками, миндальными, гранатными, лимонными, туловыми, оливковыми и фиговыми деревьями, и опустошил страну, а со стен Афин увидели зарево пылавших в огне зданий, то большинство граждан с ругательствами потребовало от Перикла, чтобы он вел их в битву. Но Периклу удалось успокоить волнение, и пелопоннесцы из-за недостатка в съестных припасах вскоре вынуждены были вернуться в свое отечество. Тогда Афины воспользовались правом возмездия. Жители Эгины были выселены со своего острова, а на их место поселены переселенцы из Аттики. Мегара и Локрида подверглись опустошению. Флот из ста двадцати кораблей направился ко многим местам Пелопоннеса и разорил прибрежные области. Хотя осада города Метоны не удалась вследствие мужества спартанского полководца Брасида, но зато остров Кефалония должен был вступить в Афинский союз. К вступлению в этот союз удалось искусными переговорами склонить и фракийского царя Ситалка. Равным образом на сторону афинян перешел и непостоянный македонский царь Пердикка. Он помог снова покорить те города, отпадению которых сам прежде содействовал.

Весной 430 года Архидам снова явился со своими спартанцами в Аттику, подвергнув ее новому опустошению. На этот раз к нему присоединился самый ужасный враг — заразная, ядовитая лихорадка, вероятно завезенная в Афины кораблями из Азии или из Африки. Она произвела чрезвычайное опустошение среди жителей Афин вследствие летнего зноя, огромного скопления людей и необходимости для большинства из них жить в сырых хижинах. У больных воспалялись глаза, язык и горло; палящая жажда выгоняла несчастных к общественным колодцам, около которых каждое утро можно было видеть множество трупов. Нарывы на внутренностях и на коже увеличивали боль, а убийственное уныние усиливало страдание. Страшно было опустошение, производимое заразой, но еще ужаснее было ее влияние на умы граждан. Они снова обрушились на Перикла с упреками, перестали уважать

законы, не помышляли уже больше о чести и величии отечества, а заботились лишь о своем личном спасении.

Перикл действовал по-прежнему. Он настолько успешно противодействовал неприятелю своей обыкновенной оборонительной системой, опустошением берегов Пелопоннеса, что Архидам, после сорокадневного пребывания в Аттике вторично должен был ее покинуть.

Что касается до недовольных и приходивших в отчаяние городских жителей, то Перикл старался успокоить их словом и собственным примером.

С достойным мужеством и присутствием духа он перенес потерю своих лучших друзей и опустошение почти всего своего дома. Только возлагая, по греческому обычаю, венок смерти на своего последнего и любимейшего сына Парала, он не устоял против скорби и разразился потоком слез.

Пятидесятивесельное судно

Вскоре на Перикла обрушилась ярость его врагов, и он был приговорен к уплате значительной пени и больше не был выбран главным военачальником. Но неспособность его преемников скоро привела афинян к заключению, что спасти город может только один Перикл, и они предоставили ему главное командование войском с неограниченными полномочиями. Ему довелось пережить еще два утешительных события: во Фракии было задержано спартанское посольство, которое собиралось проехать оттуда в Азию просить денежной помощи у персидского царя (посланники были привезены в Афины и казнены) и сдалась Потидея, вынужденная из-за голода отказаться от своей упорной защиты.

Но в это время Афины поразил самый тяжелый удар, какой только мог поразить их: беспощадная болезнь унесла самого Перикла. Последние слова его были: «Ни один афинянин не был вынужден по моей вине облечься в одежду печали. В этом моя лучшая слава; мои же блестящие дела составляют лишь дар богов». Государственный корабль потерял своего кормчего. Перикл в своем благоразумии, с общим к нему уважением, при своей неподкупности, держал народную толпу в добровольном повиновении и постоянно руководил ею, не смущаясь ее прихотями. Достигнув власти не противозаконными средствами, он не только не имел нужды льстить народу, но в силу уважения, которым пользовался, нередко очень резко противоречил ему. Поэтому, как говорит Фукидид, народ властвовал только по имени, а на деле правил Перикл как первый человек в государстве. После смерти могущественного Перикла не находилось личности, которая, подобно ему, умела бы направлять противоположные стремления к одной общей цели. На сцену вновь выступили две партии: демократическая под предводительством Клеона, а другая — аристократическая, руководимая Никием. Каждая из них помышляла лишь о том, чтобы вытеснить другую, из-за чего единство в делах государственных, столь необходимое во время такой тяжелой войны, сделалось невозможным. Несколько застенчивый Никий не мог успешно противодействовать дерзкому Клеону, который увлекал народную толпу своим неукротимым красноречием. Война шла уже третий год и свирепствовала главным образом в отдаленных областях обеих стран, во Фракии и Акарнании, но вскоре вследствие обоюдного истощения должна была на время прекратиться.

Летом 429 года спартанцы, по предложению фиванцев, решили вместо ежегодного вторжения в Аттику осадить Платею. Город этот после описанного выше нападения фиванцев был занят афинским гарнизоном. Чтобы надежнее организовать защиту, все старики, дети и женщины были выселены из города в Афины, и в нем остались 110 женщин, которые приняли на себя заботу о продовольствии гарнизона. Этот гарнизон состоял из 400 платейцев и 80 афинян. Архидам подступил к городу с союзными пелопоннесским и беотийским войсками. После двухлетней осады, в 427 году, город вынужден был сдаться. Победители, вопреки своему обещанию наказать только виновных и то не иначе как по суду,

умертвили 200 платейцев и 25 афинян. Женщины были проданы в рабство, Платея и ее округ отданы фиванцам, а все здания, за исключением храмов, сравнены с землей. Афиняне не могли спасти платейцев. В это время они охраняли свое господство на море. Их полководец Формион с 20 кораблями разбил в Коринфском заливе коринфско-сикионский флот, состоявший из 70 судов, и обеспечил за Афинами обладание важнейшей Навпактской гаванью. На четвертом году войны последовало отпадение от Афин лесбосцев. Один из них по имени Доксандр, будучи преданным афинянам, принес известие, что могущественный остров Лесбос, за исключением города Метимны, намерен отложиться от афинского союза и соединиться с пелопоннесцами и что стоящая во главе аристократическая партия приняла для этого все нужные меры: усилила укрепления, собрала оружие и припасы и наняла на службу фракийских стрелков. Известие это вполне подтвердилось. Лесбосские посланники уже отправились в Пелопоннес. Им было приказано причиной отпадения выставить то обстоятельство, что жители Митилены, главного города Лесбоса, устали повиноваться афинским демократам и должны постоянно опасаться, что будут обращены в полное подданство и обложены данью. Лесбосцы были приняты в пелопоннесский союз, и им была обещана скорая помощь.

Но помощь явилась поздно. Приняв быстрое решение, афиняне послали сильный флот под командованием Паха, чтобы обложить Митилену с суши и с моря. Скоро город стал страдать от голода и болезней; к этому присоединились внутренние раздоры партий. Жители города, угрожая восстанием, потребовали или всеобщей раздачи съестных припасов, или присоединения к афинянам. Свергнутым аристократам не оставалось ничего другого, как беспрекословно сдаться Паху. Он разрешил им отправить в Афины послов, которые должны были ходатайствовать там за свой город. Послы изложили свое ходатайство в народном собрании. Свирепый Клеон потребовал примерного наказания города Митилены. «Не поддавайтесь состраданию; не допускайте, чтобы красноречием и лестью этих людей вы были вовлечены в гибельную ошибку; накажите их, как они того заслуживают, и покажите остальным союзникам должный пример, что отпадение будет так же жестоко наказываться». Так закончил он свою речь, которая еще больше содействовала ожесточению и без того уже раздраженных умов. Было решено всех мужчин, виновных и невиновных, предать смерти, а женщин и детей продать в рабство. Был отправлен быстроходный корабль, чтобы как можно скорее доставить в Митилену это кровавое повеление. Но уже вечером того же дня произошло более спокойное обсуждение дела. Граждане потребовали созвать новое народное собрание и приняли более снисходительное и более отвечающее народному характеру решение. Первоначальное решение было изменено в том смысле, что смертной казни должны были подлежать только главные руководители аристократической партии, которых было около тысячи человек. Стены города Митилены должны быть срыты, корабли отобраны, а земельные участки разделены между афинскими гражданами. Второй корабль был послан вслед за первым и только с напряжением всех сил ему удалось прибыть на место вовремя, чтобы помешать исполнению первого решения.

Война все более и более принимала характер взаимного уничтожения. Повсюду восставали одна против другой аристократическая и демократическая партии и терзали друг друга: аристократическая с помощью пелопоннесцев, а демократическая с помощью афинян. Ужасный пример подобного извращения войны представляют события в городе Коркире на острове того же имени в 427...425 г. Здесь произошла уличная резня, в которой принимали участие даже женщины, бросая из домов кирпичи на головы неприятелей. Наконец с прибытием сильного афинского флота народная партия одержала верх. Демократы в течение семи дней страшно неистовствовали над аристократами. Многие из аристократов искали спасения в храме Геры, но и это неприкосновенное убежище не могло защитить их: одни были оторваны от алтарей и убиты, другие в отчаянии сами лишали себя жизни. Около 500 беглецов спаслись и укрепились на горе Истоне. Отсюда они нападали на окрестности города и опустошали их, вследствие чего там настал страшный голод. Тогда против них выступил афинский отряд, окружил их со всех сторон и принудил к сдаче. Сначала они под

стражей были отвезены на остров Птихию, чтобы оттуда быть отправленными в Афины с условием не делать попытки к бегству. Жители Коркиры, опасаясь, что афиняне могут помиловать пленных, распушенными втихомолку угрожающими слухами побудили пленников к побегу, но приняли заранее все меры, чтобы побег не удался. Тогда афинские полководцы выдали несчастных народу, который предал их жестокой мести. Всех пленных заключили в одно большое здание, перед дверьми которого в два ряда были поставлены воины. Затем выводили по 20 пленников, проводили между рядами воинов и убивали. 60 человек уже было убито, когда остальные, узнав, какая судьба ожидает их, решительно отказались выходить. Но народ взобрался на крышу здания и стал бросать в несчастных камни и стрелы. Многие были убиты таким образом; остальные сами себя лишили жизни в продолжение ночи, приостановившей это избиение: одни закололись брошенными в них стрелами, другие удавились.

Описанные явления, где всякое человеческое чувство было подавлено, все узы дружбы и благочестия порваны, были следствием взаимной враждебной деятельности партий, достигших своего высшего развития благодаря основанию и распространению по всей Греции так называемых гетерий (товариществ, клубов, тайных обществ).

Дорога из Элевсина в Афины

Фукидид следующим образом описывает безнравственные последствия гетерий:

«Настоящий смысл слов произвольно искажался в гетериях: безрассудную дерзость называли самоотверженным мужеством, благоразумную медлительность — скрытой трусостью, сдержанность — личиной малодушия. Родство уступало дружбе с тем, кто готов был покуситься на все без размышления. Верность укреплялась не святостью данного слова, а сообщничеством в преступлении. Присяге оставались верны лишь до появления посторонней помощи. Кто первый признавал себя сильнее, тот мстил другому, как только тот, полагаясь на заключенный договор, считал себя в безопасности и забывал об осторожности».

В следующие годы войны, блестящую деятельность проявил афинский полководец Демосфен. Он победил войска спартанцев и этолийцев, взял мессенский приморский город Пилос, отбил нападение спартанцев на суше и на море и запер 420 спартанцев и значительное число илотов на лежащем против Пилоса острове Сфактерии (в 425 г.). Для их спасения спартанцы предложили афинянам заключить с ними мир и союз, но Клеон убедил народ поставить такие чудовищные условия, что переговоры были прерваны. После этого Клеон и Демосфен высадились на Сфакторию и напали на находившихся там спартанцев и илотов. Потеряв многих убитыми, остаток отряда, состоявший из 292 человек, в числе которых находилось 120 знатных спартиатов, сдался и был привезен в Афины. В руки афинян также попал и остров Кифера. Был завоеван и пелопоннесский город Фирея, куда в начале войны были переселены изгнанные афинянами эгинцы, и жители его были частью убиты, частью проданы в рабство.

Эти многочисленные неожиданные бедствия сделали спартанцев малодушными. Успехи же афинян сделали их настолько надменными, что, по выражению Фукидида, они думали, что уже ничто не могло противостоять им и все должно им удаваться. При такой преувеличенной самонадеянности афинян рушились все попытки спартанцев завязать какие-либо мирные переговоры. Однако война, благодаря одному смелому предприятию, приняла другое направление. Мужественный и прямодушный Спартанский полководец Брасид повел пелопоннесское войско через Фракию на полуостров Халкиду, чтобы заставить отложиться от афинян их тамошних союзников (424 г.). Никто не мог выполнить такого поручения лучше, чем он. Весть о том, что Брасид явился в качестве избавителя от афинского ига, доставила ему всеобщее доверие. Города Аканф и Стагира немедленно

присоединились добровольно к пелопоннесскому союзу; Скион и Торон последовали их примеру; важный по своему местоположению Амфиполь также открыл свои ворота спартанцам. Один только Эйон был удержан Фукидидом за афинянами.

В то же время и афиняне старались отнять у спартанцев их союзников. Но вторжение их в Беотию окончилось неудачей. В 424 году при Делии в Беотии они потерпели чувствительное поражение. Здесь сражались рядом Сократ и его ученик Алкивиад; Сократ получил награду за храбрость как гоплит, а Алкивиад — как всадник, он спас жизнь своему учителю.

Оправившись, афиняне в марте 422 года послали во Фракию Клеона, к которому со времени победы при Сфактерии питали неограниченное доверие. Он быстро завоевал Торон и Галепс и остановился в Эйоне. Тут между его воинами открылось неудовольствие, и они потребовали, чтобы он вел их к Амфиполю. Там находился Брасид. Клеон появился перед городскими воротами. Все было тихо, и город казался покинутым своими защитниками. Клеон пожалел, что не имел при себе штурмовых лестниц, чтобы взобраться на стены; и дал приказ к отступлению. Но едва он начал отходить от города, как из одних ворот показался Брасид, а с другой стороны с значительным вспомогательным отрядом выступил другой спартанский полководец — Клеарид. Афиняне пришли в замешательство и после непродолжительного сопротивления бросились бежать к Эйону. Клеон был настигнут в бегстве и убит. Но и Брасид был смертельно ранен. Афиняне потеряли 600 человек, у спартанцев же убитых было только 7.

Со смертью Брасида и Клеона главнейшие препятствия к миру были устранены. Как в Спарте, так и в Афинах находилось все больше и больше людей, которые громко требовали прекращения военных действий. В Спарте было неотступное желание освободить пленников, захваченных на Сфактерии. Кроме того, там опасались восстания илотов, которое легко могло случиться при содействии афинских гарнизонов в Пилосе и на Кифере. В Афинах же боялись, что с дальнейшим отпадением союзников власть государства может быть сильно поколеблена. Самым убедительным ходатаем за мир был комедиограф Аристофан, поставивший в это время в театре свою первую комедию «Мир». При таких обстоятельствах начались переговоры между спартанским царем Плейстонактом и предводителем партии порядка в Афинах Никием. В апреле 421 года был заключен так называемый «Никиев мир» сроком на 50 лет. Постановили, что каждая сторона получает обратно все то, чем владела до войны, а следовательно, возвращает все завоевания и освобождает всех пленных. Все спорные вопросы, могущие возникнуть впоследствии, должны решаться мирным путем. Весьма скоро выяснилось, что этот мир был, собственно, только перемирием и что ни одна из сторон не имела никакого намерения соблюдать его.

б) Алкивиад. События до Сицилийской экспедиции.

(422...415 г. до Р. Х.).

В это время в Афинах явился человек, которого судьба предназначила стать злым гением своего народа. Еще ребенком Алкивиад обращал на себя внимание своим лицом, выражавшим смелость, энергию и ум. Он родился в 450 году до Р. Х. и по матери происходил от знатного и богатого рода Алкмеонидов. Отец Алкивиада Клиний умер, когда мальчику было три года, и опекуном его был назначен знаменитый Перикл. О детстве Алкивиада рассказывают много анекдотов.

Алкивиад

О некоторых из них упомянем. Одному боровшемуся с ним и готовому уже повалить

его мальчику он так укусил руку, что тот выпустил его и вскричал: «Ты кусаешься, как женщина!» «Нет, — возразил Алкивиад, — как лев». Однажды, когда он играл с мальчиками в кости в тесном переулке и подошла его очередь бросать кости, подъехала нагруженная телега. Когда извозчик не обратил внимания на крик Алкивиада, тот кинулся на землю поперек дороги перед телегой и воскликнул: «Теперь проезжай!» Испуганный извозчик осадил лошадей.

В молодости Алкивиад долгое время пользовался уроками и поучительным знакомством с Сократом, но нравственная строгость этого философа не имела на него глубокого влияния. Напротив, Алкивиад сохранил в себе склонность к беспорядочной, распутной жизни, а его необузданное себялюбие не знало никаких пределов. Тщеславие Алкивиада вошло в пословицу. На улице он появлялся в дорогом пурпурном плаще, волочащемся по земле, а в бою имел обыкновение носить щит с изображением на нем бога любви Эроса, несущего молнию. Он привлекал к себе народ своей прекрасной, благородной наружностью, изящными манерами и красноречием; был очень храбр на войне. Таким образом, он совмещал в себе все качества, чтобы стать любимцем народа. Но свое обаяние Алкивиад употреблял во зло. Увлекаясь опасными предприятиями, находя величайшее наслаждение участвовать в смелых похождениях, он не обращал внимания на то, попираются ли при этом права божеские или человеческие, или нет. Народ снисходительно относился к его недостаткам. С расточительной щедростью раздавал Алкивиад подарки. Театральные зрелища и процессии, которые он устраивал, по афинскому обычаю, на свой счет, превосходили все своим вкусом и великолепием.

Так как Никиев мир служил помехой планам Алкивиада, он решил сделать все возможное, чтобы его нарушить. Положение дел благоприятствовало его намерениям, потому что несогласие между Афинами и Спартой было скорее приглушено только на время, но не разрешено. Союзники Спарты больше всего были недовольны потому, что при заключении мира не учитывались их интересы. Коринфяне, мегаряне и фиванцы негодовали за это на главу союза — Спарту. Этим неудовольствием воспользовались аргосцы, чтобы наряду с пелопоннесским и афинским союзами создать аргосский военный союз, в котором приняли участие Элида и Мантиней; по совету Алкивиада, к нему примкнули и Афины. Коринфяне также присоединились было к этому союзу, но из-за старинного нерасположения к афинянам скоро снова перешли на сторону Спарты.

Военные действия начались тотчас после избрания Алкивиада полководцем. В 419 году он вступил с войском в Пелопоннес, склонил приморский город Патры присоединиться к аргосско-афинскому союзу, переселил мессенцев в Пилос и вторгся в область Эпидавра. Тогда и Спарта решила взяться за оружие. Царь Агис двинулся в Аргос; но вместо того, чтобы начать военные действия, он из неуместного миролюбия согласился вступить в переговоры и заключил четырехмесячное перемирие. Возмущенные этим спартанцы присудили его к большому денежному штрафу и разрушили его дом. Прибывшее под начальством Алкивиада вспомогательное войско не признало перемирия на том основании, что этот договор, как заключенный без предварительного согласия союзников, не мог иметь никакой силы. Союзники заняли Орхомен и стали угрожать Мантинее.

Тогда Агис, которому был прощен штраф, вторично выступил в поход, но на этот раз его сопровождали десять военных советников для надзора за его распоряжениями. Сражение произошло при Мантинее, и Агис одержал блестящую победу.

Это произошло в 418 году. Военная честь Спарты, несколько пострадавшая в глазах греков после сдачи Сфактерии, была восстановлена. «Спартанцы показали, — говорит Фукидид, — что, хотя их счастливая звезда была уже на закате, они не утратили еще своих прежних способностей».

Однако Плутарх справедливо замечает: «Это было такого рода сражение, которое в случае победы спартанцев не принесло бы им никакой пользы; в случае же поражения их — могло бы повести к падению Спарты». Вследствие победы при Мантинее аристократическая партия в Аргосе, расположенная к Спарте, получила на некоторое время перевес. Но вскоре

демократическая партия снова захватила правление в свои руки и восстановила свою прежнюю связь с Афинами. Новый поход спартанцев против Аргоса окончился неудачно: 300 аргосцев, приверженцев Спарты, были увезены Алкивиадом на кораблях и размещены под надзор в разных местах. Остров Мелос, жители которого не пожелали в прежней войне принять чью-либо сторону и воспротивились требованию афинян вступить в афинский союз, в 416 году был подвергнут жестокому наказанию: по предложению Алкивиада, все взрослые мужчины были преданы смерти, женщины и дети проданы в рабство, а на остров Мелос были переселены афинские граждане.

в) Сицилийская экспедиция афинян.

(415...413 г. до Р. Х.).

Военная партия, главой которой был Алкивиад, одержала в Афинах полный перевес. Лишь немногие робко прислушивались к тем, которые, подобно Никию, предостерегали от насилий и слишком поспешных действий. Выросло новое поколение, с юношеским увлечением стремившееся к военным победным лаврам. Истощенная казна была пополнена, а флот, не уменьшившийся числом, казался, подавал самые смелые надежды. Поэтому нет ничего удивительного, что афиняне в своем тщеславии склонились на заманчивое предложение Алкивиада (которое по своей смелости и сумасбродству являлось полным отражением его) — завоевать Сицилию. Афины уже давно обращали свои жадные взоры на этот богатый остров, вели с ним торговлю и хотели теперь под предлогом оказания помощи городу Эгесте против Селенунта и союзных с ним Сиракуз послать туда огромные силы и при помощи их достигнуть главной своей цели — покорения острова.

Плутарх считает, что завоевание Сицилии было только частью широких планов Алкивиада; оно служило только началом дальнейших предприятий против Карфагена и Италии, чтобы утвердить владычество Афин в этой части Средиземного моря. Обогадив себя этим победоносным походом, предполагалось уничтожить последнее препятствие к полному господству над всей Грецией — противодействие Спарты и союзного ей Пелопоннеса.

В таких сладостных и фантастических мечтах утопал афинский народ, отуманиваемый речами Алкивиада. Но когда все уже было готово к отправлению, неожиданно в одну ночь были изуродованы все статуи Гермеса, которые во множестве находились в Афинах и стояли перед домами и храмами, на площадях, улицах и перекрестках. Это кощунство было приписано Алкивиаду и двум его друзьям, так как некоторые рабы и простолюдины свидетельствовали, что он осквернял и Элевсинские мистерии тем, что со своими товарищами, дерзко насмехаясь, подражал священным церемониям. При необыкновенном благоговении, питаемом к этим таинствам, напоминавшим об изобретении Деметрой искусства земледелия, врагам Алкивиада было легко заставить народ поверить, что в этом поступке скрывается замысел Алкивиада низвергнуть демократию. Алкивиад требовал, чтобы ему было позволено явиться в суд. Но враги его очень хорошо знали, что войско, готовое к походу и преданное своему вождю, и желавший войны народ оправдают Алкивиада при любом обвинении. Поэтому противники Алкивиада прибегли к крайнему средству, принятому народом по причине видимой его справедливости. Они объявили, что не хотят теперь этим судом замедлить отправление войска и откладывают обвинение до возвращения Алкивиада из похода. Алкивиад должен был на это согласиться, хотя и разгадал враждебную цель такого замысла, которая вскоре и обнаружилась.

Афины подготовили самый дорогой и самый красивый флот из 134 трирем с 6.000 гоплитов. Поэтому народ, как на театральное зрелище или тщеславную выставку, спешил в Пирей полюбоваться на отплытие этого войска. При виде такой военной громады народ испытывал и страх, и надежду и с участием следил за молитвой воинов и за жертвенными возлияниями, совершаемыми из золотых и серебряных чаш.

Во главе отправлявшегося войска были поставлены три вождя: Никий, все время не одобрявший этого предприятия, Алкивиад, главный зачинщик его, и храбрый Ламах, который должен был служить посредником между ними. Опасения Никия скоро оправдались. Жители Регию в Нижней Италии, на содействие которых в особенности рассчитывали, выказали полнейшее равнодушие и с их стороны нигде не было встречено сочувствия. На совете трех полководцев Никий предложил, уладив спор между Селинунтом и Эгестом и продемонстрировав перед сицилийскими государствами страшное могущество Афин, удовольствоваться этим и вернуться домой. Алкивиад, который не желал отказаться от своих блестящих замыслов и надеялся на свою ловкость и искусство в переговорах, советовал возбудить восстание местного племени сиколов против Сиракуз и завязать отношения с эллинскими городами, за исключением Сиракуз и Селинунта. Ламах под влиянием своей личной храбрости требовал немедленного нападения на Сиракузы, чтобы воспользоваться первым замешательством. Верх одержал совет Алкивиада. Но едва приступили к его исполнению, как Алкивиад был отозван в Афины.

Враги Алкивиада во время его отсутствия так сильно сумели подействовать на народ, что он, забыв первое решение, постановил послать почтовое судно «Саламинию» вслед за Алкивиадом, чтобы привезти его в Афины. Алкивиад не решился довериться отечественному правосудию, и хотя и пересел на присланный корабль, но с дороги бежал в Фурии. Он слишком хорошо знал своих, сограждан и на вопрос, неужели он не верит своему отечеству, отвечал: «Там, где дело идет о моей жизни, я не верю даже своей матери, ибо и она может бросить по ошибке в урну черный камень вместо белого». Спасая себя от угрожавшей ему смерти, он в то же время замыслил великое предприятие. Узнав о своем смертном приговоре, он воскликнул: «Я покажу им, что я еще жив!» Вскоре обстоятельства доставили ему возможность доказать всю справедливость этой угрозы.

Афинский флот перед Сиракузами

Сначала Алкивиад отправился в Элиду, а затем, получив надежную охрану, в Спарту. С удивительной легкостью усвоил он себе строгий спартанский образ жизни. Приобретая, благодаря очаровательной любезности, расположение женщин, которые имели большую силу в Спарте, Алкивиад вскоре достиг там огромного влияния. В это время в Спарту прибыли из Сиракуз послы просить помощи спартанцев и коринфян против Афин. При изложении их дела в народном собрании присутствовал и Алкивиад. Когда ему предложили высказать свое мнение, он дал спартанцам совет тотчас возобновить войну с Афинами и занять местечко Декелею в нескольких милях от Афин, чтобы иметь возможность чувствительнее вредить афинянам, и оказать сиракузянам просимую ими помощь. Эфоры сначала медлили, несмотря на соблазнительные и выгодные последствия, которые Алкивиад оказал им со всем, свойственным ему красноречием. Согласившись наконец с его предложением, они послали только два спартанских и два коринфских корабля, но зато под начальством необыкновенно способного полководца — Гилиппа.

Афинским флотом и военными действиями руководил в это время Никий, как старший и более уважаемый предводитель. Ламах был за решительные действия, Никий же предпочитал осмотрительность и осадил Сиракузы.

В одном из сражений, происходивших перед городом, пал Ламах. В Сиракузах народ уже отчаивался в своем спасении и требовал, чтобы с Никием были начаты переговоры. Но в это время подоспел Гилипп, высадился в Гимере, усилил здесь свой отряд и известил сиракузян о своем прибытии. Затем он подошел к Сиракузам, захватил оставленный Никием незанятым холм Эвриал и, поддержанный присоединившимися к нему жителями города, взял приступом Эпиполейские высоты. В сиракузском войске он ввел спартанскую дисциплину и порядок и внес единство в военные действия, которого до тех пор не было, так как было много начальников.

Никий, и без того сознававший свою слабость, потерял теперь всякую самоуверенность. Он рассчитывал устроить на берегу безопасное место для склада припасов и для флота и для этого укрепил крутой мыс Племмирий у входа в обширную гавань. В то же время Никий дал знать в Афины о своем безвыходном положении и просил, чтобы ему прислали новые подкрепления, освободили его от командования, так как болезнь сильно мешает ему управлять военными действиями, а главным образом, просил об отозвании всего войска.

Афинянам и без того угрожала большая опасность, так как спартанцы, по совету Алкивиада, заняли и укрепили город Декелею, находившийся всего в трех милях от Афин. Близость этого укрепления содействовала побегу от афинских господ целыми толпами рабов; их бежало около 20.000. Был также затруднен подвоз многих необходимых предметов потребления из Эвбеи через Ороп. Несмотря на это, афинский народ решил продолжать войну против Сиракуз и послать в Сицилию значительное подкрепление под начальством двух испытанных уже полководцев — Демосфена и Эвримедонта. Они еще до наступления зимы поспешно отправились в поход с десятью триремами, но, прежде чем Демосфен прибыл к Сиракузам, положение находившихся там афинян значительно ухудшилось. Гилипп произвел неожиданное нападение на Племмирий и овладел этим укреплением и всеми находившимися в нем богатыми запасами.

Вызванная этим успехом радость сиракузян была несколько омрачена, когда Демосфен прибыл со своим внушительным флотом из 73 кораблей и с подкреплением из восьми тысяч человек. Демосфен сознавал, что быстрое и искусное нападение должно решить все; в противном случае следовало оставить все предприятие. Поэтому он решил в первую же лунную ночь попробовать вновь овладеть Племмирием. Однако и эта попытка не удалась вследствие быстроты, с какою подоспел Гилипп. В этой ночной битве афиняне потеряли до двух тысяч человек. Тогда Демосфен потребовал прекратить войну против Сиракуз и вернуться домой, если же на это нельзя решиться без согласия Афин, то покинуть гавань и расположиться у Тапса и Катаны. Но Никий отверг первое предложение из боязни гнева афинского народа и согласился занять позицию у Тапса и Катаны, но с тем, чтобы это было исполнено до получения сиракузянами подкреплений из Пелопоннеса. Но отплытию Никия помешал сверхъестественный страх: случилось лунное затмение. По совету гадателей, Никий настоял на том, чтобы подождать, пока пройдут трижды девять дней для того, чтобы выждать более благоприятного предзнаменования. Между тем положение афинян с каждым днем ухудшалось. Сиракузяне видели отчаянное положение афинян, и решили тотчас приложить все усилия, чтобы истребить их. Уже на третий день они напали на афинян на море и на суше. В морском сражении сиракузяне победили и захватили 18 кораблей; в числе убитых был и Эвримедонт. Чтобы отрезать афинянам отступление, сиракузяне загородили вход в гавань плотно связанными между собою триремами и транспортными судами.

Никий, сознавая, что дело идет о жизни и смерти, решил дать морское сражение. Возведенные против города укрепления были очищены. Вблизи гавани был занят только один пункт для перенесения в него больных и тяжестей. Гоплиты, пращники и стрелки были размещены на палубах кораблей.

Приготовившись таким образом, Никий произвел нападение. С обеих сторон сражались с величайшим одушевлением и храбростью. Однако победа склонилась на сторону сиракузян, и афиняне после отчаянного сопротивления были вынуждены искать спасения на берегу. Их мужество настолько ослабело, что предложение Демосфена пробиться на следующее утро с 70 кораблями, которые еще оставались у них и давали им перевес над сиракузянами, было отвергнуто. Не доверяя больше непостоянной стихии, афиняне решили отступить внутрь острова к дружественным им сикулам. Но Гилипп и сиракузский полководец Гермократ постарались отрезать им этот путь спасения. Боясь, чтобы афиняне не ушли в ту же ночь, Гермократ подослал к ним людей, которые под видом дружбы посоветовали Никию не уходить, так как, по их уверению, все дороги были заняты сиракузянами.

Несчастные, действительно, поддались обману. Когда наконец они выступили на третий день, то сиракузяне успели уже выполнить все то, чем они ложно устрашали раньше. Выступление войска представляло раздирающую душу картину. Остающиеся раненые и больные подняли жалобные крики, уцепились за выступающих и следовали за ними, пока не падали от истощения сил. Со слезами на глазах и с болью в сердце храбрые воины должны были расставаться со своими злополучными товарищами и братьями и бросить их на произвол судьбы. На пути своего бегства войско стало терпеть недостаток в съестных припасах. К довершению несчастья, аррьергард под начальством Демосфена не мог поспевать за главным войском, был отрезан, окружен и в количестве 6.000 человек попал в руки неприятеля. Окончательная катастрофа разыгралась на берегу реки Асинара. Измученные усталостью и жаждой, воины бросились в реку, чтобы напиться и достигнуть противоположного берега. Во время происшедшего здесь беспорядка они были настигнуты неприятельскими стрелками и всадниками и пали частью от стрел, частью под ударами мечей неприятеля. Многие погибли в волнах. Наконец Никий сдался, и Гилипп прекратил страшную резню. Демосфен и Никий, вопреки данному Гилиппом слову, были присуждены сиракузянами к смерти и казнены. По другим сведениям, они сами лишили себя жизни. Остальные 7.000 пленных были заперты в каменоломни, где мучимые днем палящим солнцем, а ночью холодом погибли от голода и жажды. Так плачевно окончилось предприятие, начатое столь смело и горделиво. Афинянам, лишенным своих кораблей, уже представлялась потеря приморских берегов и островов. Потеряв цвет своего юношества, они дрожали за безопасность родного города, так как царь Агис все еще находился в Декелее. Народ, полный отчаяния, негодовал на жрецов, возвестивших благоприятные знамения, и на ораторов и руководителей, которые своим красноречием убедили его предпринять поход на Сицилию.

г) Военные действия Афин и внутренние смуты в них до возвращения Алкивиада.

(413...408 г. до Р. Х.).

Первое известие о понесенном афинянами ужасном поражении было принесено одним чужестранцем, сошедшим на берег в Пирее; затем эту весть распространил один человек из Пирейской гавани. Но так как он не мог найти и назвать имени того, кто передал ему это известие, то народ предал его пытке, как легкомысленного распространителя зловердных слухов. Но вскоре явились беглецы и путешественники, которые вполне подтвердили этот слух. Отчаяние сделалось всеобщим.

Но понемногу афиняне ободрились. Из пожилых и известных своим благоразумием людей был составлен комитет в числе десяти человек. Этот комитет должен был следить за тем, чтобы все излишние расходы в государстве были ограничены, чтобы за Афинами было удержано обладание столь важным для них островом Эвбеей и чтобы как можно быстрее было сооружено большое количество военных кораблей для обеспечения господства над союзниками и господства на море. Хиос, Милет и другие города замыслили отпадение, а сатрапы Фарнабаз и Тиссаферн желали при содействии спартанцев снова овладеть греческими городами в Малой Азии. Со своей стороны и Спарта, помимо своего господства в Пелопоннесском союзе, имела все шансы достичь гегемонии на море и, таким образом, сделаться повелительницей всей Эллады. Хиос, Клазомены, Милет и другие города присоединились к пелопоннесскому союзу. При посредстве Алкивиада между Спартой и персами было заключено соглашение, по которому признавались права персидского царя над греческими городами Малой Азии; поэтому Милет был передан Тиссаферну. Спартанцы предпочитали видеть эти города во власти персидского сатрапа, чем в руках афинских демократов.

Сам Алкивиад посоветовал спартанцам овладеть господством на море, подчинить себе

отпавшие ионийские и геллеспонтские города и послать флот к берегам Азии. План Алкивиада состоял в том, чтобы с помощью неприятельских войск заставить почувствовать в Афинах его собственную силу, низвергнуть там демократию и при содействии нового, составленного из самых уважаемых граждан правления настоять на своем возвращении.

Между тем афиняне упрочили свою власть на острове Самосе. Затем им удалось удержать Лесбос, напасть на Хиос, опустошить его и дать победоносное сражение у Милета ионянам и пелопоннесцам, бившимся под начальством Алкивиада. Они уже могли надеяться возвратить себе ионян, так как в это время хорошие отношения между Тиссаферном и спартанцами снова сильно поколебались, и условия заключенного между Спартой и персами соглашения не вполне соответствовали желаниям сатрапа относительно малоазиатских городов.

Этой внезапной перемене содействовал и Алкивиад. Со времени несчастного морского сражения при Милете он стал казаться спартанцам подозрительным, вследствие чего было приказано тайно убить его. Но вовремя предупрежденный, Алкивиад успел спастись бегством. Он отправился к Тиссаферну и убедил его, что своею одностороннею помощью спартанцам он усилит только их могущество.

Тиссаферн начал действовать согласно его желаниям. То было первое благодеяние, оказанное изгнанным Алкивиадом своим согражданам. При таких обстоятельствах между ним и начальниками стоявшего у Самоса афинского флота начались переговоры. Афинские триерархи и другие значительные лица во флоте ревностно желали уничтожить демократию. Алкивиад обещал афинянам посодействовать получить помощь от персидского царя и сатрапов. Но он обещал эту помощь не раньше, чем в Афинах будет уничтожено не внушающее ему доверия народное господство и власть перейдет в руки «лучших» людей, то есть аристократического меньшинства. Из числа бывших в афинском флоте стратегов один Фриних догадывался о сокровенных намерениях Алкивиада и сомневался в искренности его обещаний. Остальные приняли сторону Алкивиада в надежде на достижение власти и богатства.

Писандр вместе с некоторыми другими в 412 году был отправлен из Самоса в Афины объявить и привести в исполнение принятое войском решение. Хотя народ и горячо протестовал против возвращения Алкивиада и уничтожения демократии, но убеждение, что это было единственным средством спасти государство, заставило его умолкнуть. Решением народного собрания Фриних как главный противник Алкивиада, был отведен от должности полководца. Писандр и десять других лиц были посланы в Азию для переговоров с Тиссаферном о заключении союза.

Сатрап предъявил непомерные требования. Он потребовал за персидским царем утверждения верховной власти над ионянами и права отправлять к Аттике и соседним с нею берегам столько кораблей, сколько ему заблагорассудится. Послы не могли согласиться на такие условия, и переговоры были прерваны. Тогда Тиссаферн немедленно снова сблизился со спартанцами. Несмотря на это, Писандр со своими товарищами по прибытии на Самос, у которого все еще находился флот, продолжал хлопотать о низвержении демократии. Они не отступали даже перед кровавым насилием. Множество друзей народа были убиты. Но когда аристократическая партия из 300 лучших и отборных людей попробовала напасть на настроенный в пользу демократии экипаж правительственного почтового судна «Парала», то это нападение было отбито с большим уроном. Один из руководителей демократов, Хаирей, поспешил в Афины, чтобы возвестить о победе демократической партии во флоте. Но здесь, к крайнему своему удивлению, он нашел дела в совершенно новом положении. Ораторы Антифон и Ферамен, честолюбивые интриганы, к которым присоединился и бесхарактерный Фриних, хитростью и насилием привели демократию к падению. Возвратившись в Афины, Писандр нашел дело наполовину уже сделанным. Теперь, по его предложению, прежнее государственное устройство было отменено. Вместо совета пятисот был учрежден избранный в духе олигархии и с неограниченной верховной властью совет четырехсот. Чтобы сохранить для народа видимость участия его в управлении, были избраны пять тысяч

граждан, которых новый совет собирал «в случае надобности». Новый порядок вещей прямо поддерживался силой страха. Всякий, кто выказывал дух противоречия, был умерщвляем.

Уничтожение государственного устройства, приобретенного афинским народом сто лет назад после изгнания тиранов, объясняется двумя причинами. Во-первых, выдающиеся умы того времени были вполне убеждены в вырождении демократии, вследствие чего неразумная народная толпа слишком часто увлекалась красноречием честолюбивых демагогов. Во-вторых, сами граждане истомились от непрерывных беспокойств, которые им причинял укрепившийся в Декелее неприятель. Ожидая облегчения от перемены образа правления, граждане не оказывали никакого сопротивления.

Олигархическая партия, захватившая в свои руки власть в Афинах, не замедлила связаться со своими единомышленниками в Спарте и с персами. Но, прежде чем дело дошло до формального союза, в положении дел произошла новая, неожиданная перемена.

Стоявший у Самоса и находившийся под начальством Фрасибула и Фрасила флот, узнав о насилиях олигархов, открыто высказался в общем собрании против нового правления в Афинах. Затем предложили вновь призвать Алкивиада, так как надеялись с его помощью доставить персидские отряды находившемуся у Самоса афинскому флоту. Войско охотно согласилось на такое предложение. В состоявшемся затем собрании войска Алкивиад распространился о своем сильном влиянии на Тиссаферна и в доказательство его благосклонного расположения к афинянам обещал, что финикийский флот, который в то время стоял уже у Аспенда в Памфилии, соединится с афинским флотом. Войско предалось самым радостным надеждам, избрало Алкивиада своим вождем и пожелало немедленно отправиться в Пирей, чтобы отомстить олигархам. Но Алкивиад доказал все безрассудство такого требования, говоря, что не следует оставлять ионян, чтобы они не стали добычей народного врага. Убедив в этом воинов, он отправился к Тиссаферну, чтобы переговорить с ним о дальнейших действиях или, по крайней мере, показать войску вид, что он намерен вступить в такие переговоры. Теперь он достиг цели всей своей предшествующей политики. Как предводитель афинян он был страшен Тиссаферну, как его друг он сделался необходимым для афинян, и в то же время он разрушал всякое доверие между Спартой и персидскими сатрапами.

Весть о положении дел у Самоса устрасила афинских олигархов. Они поспешно занялись постройкой новых укреплений на северо-западной оконечности Пирея, чтобы иметь возможность удалиться туда в случае опасности. Они страшились возможности возвращения флота в Афины и предпочитали принять в город спартанцев, чем впустить в Пирейскую гавань свой флот. Для переговоров об этом отправили посольство в Спарту. Но Антифон и Фриних вернулись, не исполнив поручения. Спартанцы, по своей недалекости, не поняли всей выгоды такого предложения.

Некоторые из олигархов, которые желали умеренной демократии и имели во главе Ферамена, воспользовались этим обстоятельством, чтобы посеять недоверие и ненависть против остальных олигархов. Они распустили слух, что олигархи хотят сдать город спартанцам. Последовало страшное волнение. Фриних был заколот среди бела дня. Убийца скрылся. Соучастник его, подвергнутый пытке, признался, что происходили тайные собрания. Опасаясь увеличения волнений, совет четырехсот отказался от дальнейшего расследования. Ферамен и его единомышленник Аристократ решили, что пришло время действовать. Они явились в Пирей и потребовали, чтобы возводимые там укрепления были разрушены. Предложение это было принято с радостью, и народная толпа, все увеличиваясь и увеличиваясь на своем пути, направилась к зданию совета четырехсот и громко требовала созыва пяти тысяч в народное собрание. Испуганный угрожающим видом народа совет четырехсот исполнил его требование. В то время, как в народном собрании было принято постановление о перемене образа правления, спартанский флот под командованием Агесандрида приблизился к городу, чтобы воспользоваться господствовавшим в нем замешательством. При этом известии, забыв все прежние ссоры, все бросились на корабли и на стены. Но Агесандрид неожиданно переменял направление и, обойдя мыс Суний,

направился к Эвбее. Чтобы предупредить потерю этого острова, афиняне тотчас же послали 36 кораблей под командованием Тимохара. Но этот флот из-за измены эретрицев и неспособности экипажа потерпел поражение. Эвбея, бывшая для Афин, по выражению Фукидида, «всею», так как афиняне получали оттуда большую часть съестных припасов, была потеряна.

Это был самый жестокий удар, испытанный Афинами в течение всей войны, и больше не было никакого сомнения в том, что теперь легко завладеть Пиреем и совершенно уничтожить самые Афины. Осторожность спартанцев и на этот раз спасла афинян. Они скоро пришли в себя и проявили необыкновенную деятельность в водворении внутреннего порядка. В народном собрании было принято решение уничтожить совет четырехсот и передать правление в руки 5.000 граждан. Из олигархов только Антифону и Архептолеу пришлось искупить смертью и потерей всего имущества свои действия, направленные ко вреду народа. Писандр и Аристарх успели спастись бегством. Теперь была возобновлена порванная было связь между находившимся у Самоса флотом и Афинами. Отправленное из Афин посольство восстановило полное согласие с войском и возвратило его вождю Алкивиаду все его права и почести. Вернувшись, послы объявили о превосходном результате своего посольства и к этому присоединили радостную весть о том, что афинское оружие вновь оказалось победоносным в северных морях.

Казалось, счастье снова обернулось к афинянам. В том же 411 году под предводительством Фрасибула и Фрасилла афиняне выиграли два сражения со спартанцами — при Абидосе и Геллеспонте, где они помогали сатрапу Фарнабазу. Алкивиад, который также принимал участие в сражении при Абидосе, в 410 году одержал блестящую победу над спартанцем Миндаром при Кизике, в Пропонтиде. Сам Миндар пал в этой битве. Этот удар и потеря всех кораблей привели спартанцев в полное отчаяние, выраженное откровенно следующими словами из перехваченного письма к спартанскому правительству: «Счастье отступило; Миндар убит; люди голодают; не знаем, что делать!» Фарнабаз употреблял все старания, чтобы утешить спартанцев в их поражении. Он снабдил их одеждой, съестными припасами, оружием и деньгами и старался защитить берега Геллеспонта и Пропонтиды. Но Фарнабаз потерпел чувствительное поражение при Абидосе в 408 году. Алкивиад взял Халкедон, Византию и другие города и вновь вернул Афинам господство на море и денежные источники.

Озаренный блеском своих подвигов, Алкивиад после восьмилетнего отсутствия вновь пожелал увидеть свое отечество. Он мог с гордостью поднять голову: ведь Афины были подняты им из такой глубокой бездны и вознесены на такую высоту, что народ мог преисполниться самыми светлыми надеждами на будущее. С многочисленным флотом военных и транспортных кораблей вступил Алкивиад в Пирей в 407 году. Его ожидал самый пышный прием. Бесчисленная толпа народа, родственники, друзья и приверженцы приветствовали его восторженными криками, как своего избавителя. Окруженный друзьями, среди тесной толпы ликовавшего и смотревшего на него народа прошел он сначала в совет, а затем в народное собрание. Здесь он произнес защитительную речь в свое оправдание, и был избран народом неограниченным предводителем сухопутных и морских сил. Было решено возвратить ему его имущество, а высший жрец должен был снять проклятие, наложенное на него, как на осквернителя элевсинских таинств. Чтобы еще решительнее оправдаться в глазах народа в этом последнем обвинении и расположить к себе всех почитателей элевсинских таинств, Алкивиад остался в Афинах до наступления девятидневного торжества их. На шестой день этого праздника в торжественной процессии пронесли статую Диониса по священной дороге — из предместья Афин Керамика в Элевсин. Сопровождали процессию тысячи народа, выкрикивая имя Диониса. Со времени появления спартанцев в Декелее процессия эта ни разу не могла состояться. Чтобы спартанцы не осмелились воспрепятствовать процессии, Алкивиад прикрывал ее своим войском и этим оказал такую услугу, что в глазах толпы она равнялась одержанной им победе.

Враги Алкивиада были крайне раздражены обожанием его со стороны народа, но ни

один из них не отважился возвысить против него голос. Они почувствовали сильное облегчение, когда ненавистный им народный любимец после трехмесячного пребывания на родине в сопровождении Фрасибула покинул Афины и отправился снова к Самосу со 100 хорошо вооруженными триремами, 1.500 гоплитами и 150 всадниками. Алкивиад надеялся представить народу новые доказательства своего неизменного счастья. Никто не предчувствовал, с каким искусным противником придется ему иметь дело на театре военных действий.

д) Лисандр; сражение при Эгоспотамах. Падение Афин.

(407...404 г. до Р. Х.).

Непрерывные несчастья заставили спартанцев обстоятельно подумать о том, какими средствами они должны предупредить угрожавшие им бедствия. Они нуждались в выдающемся государственном человеке и военном предводителе. Таким был Лисандр. Чисто спартанской суровостью образа жизни и твердостью характера он резко отличался от тщеславного и мягкого Алкивиада, но был похож на него в отношении хитрости, с которой умел составлять дальновидные планы, в отношении настойчивости и энергии, с какими приводил в исполнение эти планы. Коварство, приписываемое Спарте в отношениях с друзьями и другими государствами, Лисандр довел до бессовестности. Доказательством этого может служить его правило: «детей должно обманывать игрушками, а взрослых клятвами». Он также говорил: «Там, где недостаточно львиной шкуры, надобно надевать лисью». Лисандр и Алкивиад сходились между собою и в том, что оба желали не только служить своему отечеству, но и управлять им. Важной ступенью для достижения Лисандром власти послужило учрежденное спартанцами новое достоинство наварха — предводителя флота, которое не могли занимать цари.

Между тем в это время отношения с Персией приняли для Спарты весьма благоприятный оборот. Место Тиссаферна, которого Алкивиад сделал если не полезным, то, по крайней мере, безвредным для афинян, занял младший сын персидского царя — Кир. Любимец своей матери Парисатиды, вполне управлявшей своим супругом, слабым Дарием II, он был назначен благодаря ее влиянию сатрапом всей передней Азии. Вероятно, это было сделано Парисатидой с той целью, чтобы Кир мог подготовить здесь средства для вступления впоследствии на престол, на котором она желала видеть его, а не старшего своего сына Артаксеркса. Едва Кир успел прибыть в Сарды, как Лисандр поспешил туда приветствовать его. Мужественный Кир, издавна чувствовавший влечение к храбрым соотечественникам Лисандра, был необыкновенно польщен таким придворным обращением спартанца. Он не ограничился тем, что выдал матросам уже заслуженное ими жалование, но дал Лисандру средства заплатить им за месяц вперед. В пылу своего рвения Кир обещал даже в случае нужды расплавить и обратить в монету свой золотой трон.

Лисандр расположился у Эфеса; недалеко оттуда, у мыса Нотия, находился со своим флотом и Алкивиад. Алкивиаду стоило больших забот и трудов доставать деньги, и для сбора их он нередко был вынужден прибегать к жестоким мерам в отношении городов. Однажды для сбора денег Алкивиад отправился в Карию. Уезжая, он дал своему помощнику Антиоху решительное приказание не вступать в его отсутствие в битву со спартанцами. Несмотря на такое повеление, Антиох сам вызвал на бой спартанский флот, был разбит Лисандром при Нотии, потерял 15 кораблей и сам пал в битве. Получив известие об этой неудаче, Алкивиад поспешно вернулся к Самосу и тщетно вызывал Лисандра на новую битву. Враги Алкивиада воспользовались поражением при Нотии, чтобы погубить его и, приписывая это поражение его небрежности, заговорили даже о его измене. Они добились того, что Алкивиад был лишен звания предводителя. Вместо него были избраны 10 предводителей и в числе их Конон. Эта мера сделала невозможным единство управления в

военных действиях. Алкивиад возвратился в свою крепость Визант при Византионе, чтобы оттуда следить за ходом дела.

Со своей стороны и Спарта сменила наварха. Лисандр по истечении установленного законом годовичного срока был отозван и замещен Калликратидом. Представляя совершенную противоположность с Лисандром, Калликратид отличался суровым, но правдивым и мужественным характером и считал, что греку стыдно унижаться перед варваром из-за денег. Кир не принял его в Сардах, и он через несколько дней покинул этот город. Вначале ему посчастливилось: разбив бывший под начальством Конона и состоявший из 70 кораблей афинский флот, он запер его в Митиленской гавани; при этом афиняне потеряли 30 трирем (406 г.). Но афиняне в скором времени усилили свой флот 150 кораблями и вступили под начальством Конона при Аргинусских островах вблизи Лесбоса в новое сражение, в котором пело-поннесцы лишились 70 кораблей, а сам Калликратид был убит.

В Афинах с помощью происков враждебных группировок победоносные предводители были обвинены в том, что они не спасли обломки 25 разбитых судов и не вытащили из воды мертвых. Эти предводители были тотчас же отрешены от должностей, и какой-то Калликсен даже требовал их казни. Несмотря на мужественную защиту Сократа и на то, что предводители доказывали своим обвинителям Ферамену и Фрасибулу, что ими были даны соответствующие распоряжения и что главной причиной, которая воспрепятствовала спасению погибавших, была буря, противники не приняли во внимание этих объяснений и употребили самые постыдные средства, чтобы погубить их. Для достижения этой цели в народное собрание призвали одного спасшегося при кораблекрушении матроса, который сказал, что потерпевшие крушение поручили ему обвинить предводителей в неподании им помощи. Затем перед народом явилось множество родственников погибших в черных одеждах, с остриженными волосами, чтобы возбудить сожаление к себе и жажду мщения к предводителям. Все это настолько подействовало на народ, что предводители были приговорены к смерти и шестеро из них, прибывшие в Афины, должны были выпить чашу с ядом.

Вслед за этим приговором началось последнее действие этой кровавой драмы. В числе новых предводителей самым способным и опытным был Конон; но он лишь с величайшим трудом мог противодействовать зависти соединившихся против него остальных предводителей. К этому присоединилось и то обстоятельство, что каждый способный предводитель мог ожидать для себя такой же печальной участи, какая недавно постигла его предшественников.

У спартанцев главную роль снова занял хитрый Лисандр. Хотя спартанскими законами было запрещено давать одному человеку вторично звание наварха, нашли средство обойти закон, чтобы угодить общему желанию всех союзных городов и самого Кира. Лисандр был назначен помощником нового наварха Арака, который был навархом только по имени, в действительности же военачальником сделался Лисандр. Его деятельность тотчас внесла новую жизнь в военные действия. Получив благодаря Киру обильный запас платья и обуви, в чем в особенности нуждалось его войско ввиду приближавшейся зимы, Лисандр собрал у Геллеспонта все корабли и завладел богатым городом Лампсаком. Афиняне со 180 кораблями поспешили за Лисандром и расположились напротив Лампсака у Эгоспотамов. Их положение было невыгодным: вблизи вовсе не было гаваней, а значительная отдаленность города Сеста, откуда они получали съестные припасы, заставляла воинов покидать корабли и разбегаться по берегу, что было весьма опасно на виду у постоянно и зорко наблюдавшим за ним противником. Алкивиад, все еще преданный своему отечеству, прибыл из своей крепости к стратегам, обратил их внимание на опасность занимаемого ими положения и предлагал им перейти к Сесту. Но стратеги приказали ему удалиться, так как теперь не он, а они начальствовали, и Алкивиад вернулся к себе. С прибытием афинян Лисандр держал в гавани свой флот и войска постоянно готовыми к бою, но не вступал в сражение, несмотря на то, что афиняне ежедневно вызывали его сразиться с ними. Афиняне каждый вечер разбегались по берегу для закупки съестных припасов и при виде притворной

робости неприятеля делались все беспечнее и самонадеяннее. Но именно этого и желал Лисандр, сменивший на этот раз львиную шкуру на лисью. Посылая каждый раз корабль для наблюдения за удалявшимися афинянами, он из получаемых сведений убеждался все в большей и большей их беспечности. Наконец на пятый день, увидав издали с посланного им корабля условный знак о том, что афинское войско, по своему обыкновению, оставило корабли и рассеялось по окрестностям, Лисандр со своими судами быстро двинулся вперед и без боя овладел неприятельским флотом, оставшимся почти без всякой защиты. Один только Конон с восемью кораблями спасся бегством на Кипр, к царю Эвагору, а девятый корабль послал в Афины с известием о совершенном истреблении афинского флота.

Весть об этом поражении произвела в Афинах удручающее впечатление. Почтовое судно «Парала» прибыло в Пирей ночью. Крик отчаяния пронесся от гавани до Афин, и «никто не мог в эту ночь заснуть спокойно».

Но сильнее этой скорби был страх возмездия за все притеснения со стороны афинян во время господства их на море. Первый акт мщения разыгрался в военном суде в Лампсаке, когда Лисандр появился после сражения. Здесь он казнил 3.000 пленных афинян и первым из них стратега Филоклеса. Последней жертвой должны были пасть сами Афины. Сначала Лисандр покорил принадлежавшие Афинам города на Геллеспонте и среди них Византию и Халкедон. Другая часть его флота в то же время без труда завладела фракийскими городами. Во всех покоренных городах была введена олигархия. Управление в этих городах было поручено какому-нибудь спартанцу в качестве гармоста (правителя), при котором состоял совет десяти мужей, выбранных из образованных в них перед тем обществ — гетерий. Были покорены также и острова, за исключением Самоса, который оказал сопротивление. Всех попадавших в плен афинян и афинские гарнизоны покоренных городов Лисандр отпускал в Афины, рассчитывая, что скопление людей произведет там недостаток в съестных припасах и голод.

Создав новые порядки на Геллеспонте и островах, Лисандр приступил к осаде Афин. Он расположился со 150 кораблями перед Пиреем. Явившийся для той же цели с сухопутным войском Павсаний соединился в Декелее с войском Агиса и обложил город с суши. В городе, переполненном людьми, скоро наступил страшный голод. Решено было вступить в переговоры с Агисом. Он отправил послов с предложением мирных условий в Спарту. Но по прибытии в Селласию ввиду того, что просьба их о пощаде гавани и стен не была уважена, они были отправлены эфорами назад. Это произвело в Афинах новый ужас и замешательство. Спартанцы соглашались на заключение мира только при условии срытия стен в Афинах на протяжении десяти стадий. Некто Архестрат высказал в народном собрании мысль, что лучше быть заключенным в темницу, чем согласиться на эти условия. После этого никто из афинян не решался высказаться за принятие предложенных спартанцами условий.

Тогда выступил Ферамен, который, хотя и покровительствовал прежде аристократии, но, несмотря на это и частую смену своих политических убеждений, все-таки был любим народом. Он обещал заключить почетный мир, если ему дадут полномочия. Они были ему даны. Ферамен отправился к Лисандру и поневоле или с умыслом пробыл у него три месяца. В продолжение этого времени нужда и неистовая борьба партий в злополучном городе достигли высшей степени. Лисандр добился своей цели: афиняне смирились. Когда наконец Ферамен возвратился и объявил, что вопрос о мире может быть решен только в Спарте, — народное собрание предоставило ему неограниченные полномочия и отправило его с девятью другими уполномоченными в Спарту.

Здесь собрались все пелопоннесские союзники для решения участи Афин, и некоторые из них, особенно коринфяне и фиванцы, требовали полного их уничтожения. Но спартанцы решительно объявили, что жители эллинского города, которые оказали Греции в минуты величайшей опасности столь огромные услуги, не могут быть обращены в рабство. Затем афинянам были предложены следующие условия мира: они должны срыть стены укрепления Пирейской гавани, выдать, кроме двенадцати, все корабли, возвратить всех изгнанников,

отказаться от господства над союзниками и помогать спартамцам во всех их войнах на суше и на море.

Против принятия этих условий выступили лишь немногие; большинство же, понуждаемое голодом, изъявило на них свое согласие, и народ решился принять предложенные условия.

Лисандр в сопровождении многих афинских изгнанников вступил в Пирей. Флот был уведен, а стены и укрепления разрушены под звуки музыки. Затем в народное собрание было внесено предложение, принятое по настоянию Лисандра, об избрании 30 мужей, которые должны были устроить вместо демократической новую форму правления и вступить в управление государством. Большинство из этих тридцати были аристократы, возвращенные Лисандром из изгнания. Во главе их стояли сварливый Ферамен и честолюбивый Критий. Для устрашения народа в Акрополе был оставлен спартанский гарнизон и гармост, присланный из Спарты. Тридцать мужей, избранные для установления нового государственного устройства, вместо этого вскоре занялись утверждением своей собственной власти, поэтому возненавидевший их народ прозвал этих мужей «тридцатью тиранами».

Эти тридцать тиранов, равно как и Спарта, не считали свое господство прочным до тех пор, пока не падет последняя опора демократии — Алкивиад. Он покинул свою крепость в Хёрсонесе Фракийском и, боясь преследования, искал защиты у Фарнабаза — сатрапа Фригии. Отсюда Алкивиад намеревался отправиться в Сузы ко двору нового царя Артаксеркса Мнемона, чтобы сообщить ему о предательских планах его брата Кира и о настоящем положении Греции. Чтобы воспрепятствовать этому, спартамцы и олигархическая партия в Афинах приложили все усилия и довели наконец Фарнабаза до того, что он приказал убить Алкивиада, который находился в то время в одной фригийской деревне. Были посланы убийцы. Но они, боясь приблизиться к Алкивиаду, ночью подожгли его дом. Алкивиад хотел бежать и с обнаженным мечом выскочил из дома. Но убийцы издали поразили его стрелами и копьями. Находившаяся при Алкивиаде его подруга Тимандра воздала труп последним почести. После покорения Афин Лисандр приплыл к Самосу, овладел этим островом, сверг там демократию и ввел олигархию. В это же время Локрам был возвращен город Навпакт, а поселенные в нем афинянами мессенцы изгнаны. После всех этих действий Лисандр возвратился в Спарту.

14. Гегемония Спарты. Грозное правление «тридцати» в Афинах. Фрасибул.

Пелопоннесская война имела ближайшим последствием для Афин уничтожение их внешнего могущества и преобразование их государственного устройства из демократического в олигархическое. В Спарту эта война внесла также коренные внутренние перемены. Изменился сам дух Спарты. Будучи прежде лишь сухопутной державой, в результате войны Спарта сделалась и морской. Предназначенная законодательством Ликурга к замкнутости, Спарта теперь вступила в непрерывные связи с другими государствами. Черпая прежде свою силу в отличительных добродетелях народного характера, в простоте и в воздержании, в бедности и презрении ко всякой роскоши, теперь она увлеклась пагубной страстью к богатству и роскоши. Лисандр привез в Спарту множество золотых венцов и 470 талантов наличными деньгами, полученными им частью в виде подарков и дани от покоренных городов, частью от Кира в виде вспомоществования. Многие возражали против этого, сознавая, что такой наплыв богатств вредно отразится на народном характере. Они опасались, чтобы дух корыстолюбия и продажности, уже неоднократно проявленный частными лицами, не проник бы в управление государством. Но так как без денежных средств Спарте не представлялось возможности утвердить только что приобретенное господство, желание Лисандра и его партии в конце концов восторжествовало. В Спарте была учреждена общественная казна. Но с этого момента началась действительно порча

нравов, и на протесты сторонников Ликургова законодательства обращали все меньше и меньше внимания.

Между тем в Афинах началось грозное правление тридцати тиранов, руководимых Критием. Опираясь на находившийся в городе спартанский гарнизон, они обратили свое неистовство против всех лиц, подозреваемых ими в политическом отношении и имевших достаточное состояние. Многие были казнены, другие изгнаны и лишены имущества. Жертвами кровожадности Крития пали все, которые осмелились возражать ему; в числе их был и один из тридцати — Ферамен.

Критий обвинил его перед советом в измене олигархии. Для того, чтобы никто не осмелился защищать Ферамена, в зале суда были поставлены юноши с короткими мечами, скрытыми под платьем. Ферамен искал спасения у алтаря. Но Критий приказал силой оттащить его, и Ферамен должен был выпить чашу с ядом. Последние капли смертельного напитка Ферамен вылил на землю со словами: «Это для милого Крития».

От таких злодеяний все, кто только мог, спасались бегством в соседние города. Напрасно спартанское правительство под угрозой наказания требовало выдачи беглецов. Сострадание к несчастным и ненависть к властолюбивой Спарте заставляли Аргос, Фивы и другие города давать им у себя убежище.

Тайно поддерживаемый Фивами, Фрасибул решился с несколькими бежавшими с ним афинянами явиться на помощь своим согражданам, жаждавшим спасения. Сначала он овладел горной крепостью Филою, находившейся близ Аттики. Вскоре здесь собралось множество изгнанников. После небольших удачных стычек с войсками «тридцати» изгнанникам удалось наконец овладеть Пиреем. Затем они дали большое сражение на вершине Мунихия. Здесь пал Критий. В Афинах произошло возмущение. Большинство из вооруженных трех тысяч полноправных граждан — остальные в начале грозного правления были обезоружены — отказались повиноваться тиранам, и те, за исключением Фейдона и Эратосфена, удалились в Элевсин. Место их в управлении заняли десять мужей, которые и продолжали вести войну с демократами, укрепившимися в Пирее. На помощь олигархам явился с войском Лисандр. Но зависть царя Павсания и эфоров спасла Фрасибула от всемогущего Лисандра. Прибывший на театр военных действий Павсаний решил положить конец злополучной войне. Он вступил в переговоры с демократами в Пирее и склонил наконец обе стороны к примирению. В силу этого соглашения Фрасибул и все изгнанники и беглецы получили право возвратиться, и для обеспечения спокойствия была объявлена полная амнистия, из которой были исключены только тридцать тиранов, пришедшие им на смену десять мужей и еще одиннадцать человек, которые требовали казней.

Местом пребывания тридцати был назначен Элевсин. Но когда они попытались снова захватить власть в Афинах, Фрасибул осадил Элевсин и большинство их было убито.

В Афинах под наблюдением архонта Эвклида было восстановлено древнее Солоново государственное устройство, из которого было устранено все устаревшее и несоответствовавшее времени и современному развитию. После продолжительных тревожений началась снова свободная жизнь, исполненная новых упований.

15. Умственная жизнь греков в цветущий период их истории

Насколько греки были разьединены на других поприщах, в особенности на политическом, настолько они были единомысленны на одном поприще — на поприще наук и искусства. Изящные искусства и науки находились у греков в теснейшей связи с их государственной и религиозной жизнью. Великие мастера архитектуры и ваяния, созидая величественные храмы, портики, гимназии, статуи и памятники, служили государству и религии. Этому же служили и великие поэты, в особенности трагики. Содержанием своих

произведений они избирали сказания о богах и героях, глубокие нравственные и религиозные идеи и своими возвышенными произведениями старались образовать хороших граждан. Изображения богов и героев, сцен из мифологии, которыми греки обычно украшали фронтоны храмов, имели целью возвышение души, воспитание и облагораживание эллинского духа в стремлении к прекрасному. Выше уже было рассказано о процветании творческого искусства во времена Перикла.

В Мнесикле, Иктине и Калликрате архитектура нашла своих самых выразительных представителей. Место дорического и ионийского ордеров колонн с течением времени не только в общественных, но и в частных зданиях занял новый архитектурный ордер — коринфский. Благородное достоинство колонн дорического ордера с безыскусственной капителью и гладкими архитравами, стройность и нежность колонн ионийского ордера с их разукрашенной капителью уже не удовлетворяли требованиям, предъявляемым богатыми людьми для их роскошных построек. Появился коринфский ордер с тонко и богато разукрашенной капителью и с более совершенной соразмерностью отдельных частей. Позднее он был особенно любим римлянами. В скульптуре неподражаемым остался Фидий. Ближе всех к нему стоит его современник Поликлет из Аргоса. За ними следуют Скопас и Мирон, позднее — Пракситель. Необыкновенной славой пользовалась его статуя Афродиты в Книде. В живописи особенно выдавался Полигнот с острова Фасоса. Позднее творили Зевксид и Паррасий, но только при Александре Великом живопись достигает своего совершенства в лице Протогена и его современника Апеллеса.

Что касается поэзии, то поэзия эпическая уже находилась в цветущем состоянии, между тем как в лирике появляется имя одного только великого фиванца Пиндара. Афинскому народу принадлежит составляющая отличительную особенность его творческого духа — драма. Она развилась из хоровых песнопений на празднествах Диониса, бога вина. Поэтому театральное представление оставалось по-прежнему видом богослужебного празднества, который прославлял оба праздника: Диониса и Панафиней, справляемые в честь прославления богини Афины, покровительницы города. Около 530 года Феспид на празднествах Диониса в Аттике впервые присоединил к хвалебным хоровым песням рассказ, сопровождаемый мимикой и аккомпанементом на музыкальных инструментах. Так была создана драма. Первым дошедшим до нас трагиком является Эсхил (525 — 455 г. до Р. Х.). Он заставил выходить актеров в париках и высоких башмаках — котурнах, вследствие чего они приобретали сверхъестественный, величественный вид. У Эсхила являются уже два актера. Затем следует хор, который состоит из 12 человек, выступающих в роли испытанных, благоразумных мужей, старцев или женщин и молодых девушек.

Дорический орден колон. Ионийский орден колон

Хор вступает в диалог с действующими лицами и, не принимая непосредственного участия в действии, то дает им свои советы или утешает их, то ободряет или предостерегает.

Из 70 написанных Эсхилом трагедий сохранилось только семь, в их числе «Прометей прикованный», «Семеро против Фив», «Орестейя», «Персы». Трагедии Эсхила отличаются важностью, благородством и величием. Язык их смел и необыкновенно выразителен. По своей форме трагедии Эсхила просты и сохраняют почти прежний характер эпических повествований. Во всех драмах он говорит о власти неумолимой судьбы, которая стоит даже выше богов; из страха перед ней люди должны остерегаться переступить предназначенные им границы.

Полного совершенства трагедия достигает у Софокла (496 — 406 г. до Р. Х.). Освободившись от свойственной Эсхилу эпической много-словности, он придал речи персонажей художественность и изящество. Действие у него развивается естественно, последовательно и притом так, что внутренние побуждения действующих лиц еще до наступления катастрофы выступают ясно и определенно. Характеры действующих лиц

достигают у него художественной отделки, а внутренние чувства изображаются с психологической тонкостью.

Коринфский орден колон

Для достижения разнообразия в изображениях характеров Софокл ввел третьего актера. Среди сохранившихся семи трагедий Софокла особенно замечательны «Эдип-царь», «Антигона», «Эдип в Колонне» и «Аякс».

Третье место в ряду великих греческих трагиков занимает Еврипид: (480 — 406 г. до Р. Х.). По благородству и смелости он примыкал к Эсхилу, а по изяществу языка и глубине мысли к Софоклу. Еврипид является истинным сыном своего времени. Прежний идеальный характер трагедии он перенес к истинной правде действительной жизни и изображал людей такими, какими они являются на самом деле. При этом в своих трагедиях Еврипид проводил основные положения тогдашней философии и пользовался софистическими рассуждениями. Длинные рассказы вместо драматического действия в соединении с частой развязкой в виде неожиданного появления божества показывают, что Еврипид не особенно заботился о естественном и последовательном развитии событий в трагедии. Хоровые песни у него уже не имеют тесной внутренней связи с действием и характером действующих лиц; хор сохраняется, лишь по традиции, а не в силу необходимости. Но зато Еврипид отличается необыкновенным пониманием человеческого сердца и его страстей. Главною целью его было возбуждение сострадания и умиления, он был еще древними назван самым трагичным из всех поэтов. Как последователь Анаксагора, Еврипид часто впадает в противоречия с мифами. От него сохранилось восемнадцать трагедий и одна сатировская драма; среди них особенно замечательны «Орест», «Ифигения в Авлиде», «Медея».

Еще глубже проникся афинским народным духом комедиограф Аристофан (445 — 386 г. до Р. Х.). Оставшиеся после него одиннадцать комедий отличаются как необыкновенно живым изображением афинской государственной и народной жизни, так и замечательной художественностью.

Эсхил (с античной камеи)

Пиндар

В одной из самых остроумных своих комедий «Всадники» предметом нападок Аристофан избрал тип только что народившегося государственного деятеля, к которому принадлежал Клеон, и так как из страха перед Клеоном ни один мастер не соглашался делать его маску, поэт сам играл его роль, расписав себе лицо. В «Облаках» Аристофан в лице Сократа страшно бичует новую философию софистов и ее опасные последствия. Комедии «Мир» и «Ахарняне», написанные в период Пелопоннесской войны, направлены против ужасов войны. В «Лягушках» Аристофан обвиняет Еврипида в упадке трагического искусства. Таким образом, от внимания и критики поэта не ускользнуло ни одно явление общественной жизни. Шутка и остроумная насмешка не составляют исключительного содержания комедий Аристофана и не служат одной только забаве, но имеют цель более возвышенную и благородную. В Афинах был обычай на празднествах Диониса предоставлять безграничную свободу высказываний. Аристофан пользовался этим обычаем, чтобы способствовать политическому и нравственному благополучию своих сограждан.

Аристофан

Софокл

В его произведениях отражается вся общественная и частная жизнь Афин. Аристофан неустанно рисует неблагоприятное и заблуждение своего времени, в особенности необузданные и честолюбивые побуждения демагогов, промахи в политике плохих государственных деятелей, испорченность народного характера в общественной и семейной жизни и ужасающие размеры падения всех религиозных и нравственных начал.

Еврипид

В это же время впервые появляются прозаические повествования. Геродот из Галикарнаса (484 — 425 г.), которого называли отцом истории, создает большое историческое произведение. Это сочинение, отличающееся простотой изложения и достоверностью, изображает в девяти книгах, из которых каждая носит название какой-нибудь музыки, борьбу греков и варваров. При этом здесь проводится мысль, что в этой борьбе главным образом проявляется божественное правосудие, которое наказывает человеческую самонадеянность. История Геродота вся проникнута религиозным и патриотическим пафосом. Когда Геродот читал на Олимпийских играх отдельные части своей истории, среди слушателей находился и его великий преемник Фукидид (460 — 396 г.) и проливал при этом слезы умиления. Вдохновленный Геродотом, он приступил к созданию своего великого исторического творения. Историей «Пелопоннесской войны» Фукидид желал оставить вечное достояние в назидаение государственным мужам. На это Фукидиду давали право как строгая правдивость и беспристрастность, которые не допустили его стать приверженцем тогдашней демократии, так и проникательный исторический взгляд, с помощью которого он постигал связь и основные причины событий.

Историком был и ученик Сократа Ксенофонт (430 — 355). В своей «Греческой истории» он представил нечто вроде приложения к сочинениям Фукидида. Это историческое сочинение просто и безыскусственно и не освещается какой-либо высшей идеей. Несмотря на это, оно еще в древности пользовалось вполне заслуженной громкой славой. Ксенофонта называли «аттической пчелой» за благозвучность речи, плавность, изящество и простоту изложения. Не принадлежа к особенно выдающимся умам древности, он тем не менее, благодаря прекрасным качествам своего характера, является выразителем греческого идеала человеческого совершенства. Из сочинений Ксенофонта замечательны следующие: «Воспоминание о Сократе», представляющее верное изображение этого философа, и «Киропедия», которая рисует воспитание и характер образцового государя в лице персидского царя.

Гиппократ

Блестящим памятником деятельности Ксенофонта как полководца, который обеспечил ему навсегда выдающееся место в военной истории, служит его «Анабасис». В нем он описывает знаменитое отступление 10.000 греков после сражения при Кунаксе. Философия уже и раньше имела видных представителей. То были ионяне, пролагавшие новые пути своими исследованиями. Ряд таких «натуральных философов» (исследователей природы) перечислен выше. Фалес Милетский, Гераклит Эфесский (554 — 483 г.), прозванный «темным» за глубину и загадочность мыслей; Анаксагор из Клазомен (500 — 428 г.), Демокрит из Абдеры (460 — 371 г.), главный представитель античной атомистики. Они старались проникнуть в таинства природы и отыскивали начало вселенной и законы

отдельных, частных явлений. С расширением исследований природы неизбежно должна была возвыситься и врачебная наука. Первое научное изложение этой области знания приписывается Гиппократу (470 — 370 г.), уроженцу острова Коса. Так как, по понятиям греков, природа была населена богами, то народ не допускал, чтобы явления природы, которые казались ему происходящими от непосредственной деятельности божества, рассматривались бы как простые действия законов природы, какими они являются, например, у Анаксагора. Поэтому Гиппократ подвергся обвинению и преследованию как разрушитель народной религии.

Во времена Перикла появился род философов, которые видели в философии не путь к отысканию истины, а лишь средство к достижению своих ближайших целей: богатства и чувственных наслаждений. Их называли софистами, то есть учителями мудрости. Главным их занятием была риторика, в которой некоторые из них достигли замечательного совершенства. Софисты поражали слушателей так же, как удивляет зрителей акробат. На каждый вопрос у них был ответ, на каждое возражение — отговорка, для каждого утверждения — основание или, по крайней мере, мнимое основание. В крайнем же случае они опутывали и приводили в замешательство противника целым рядом быстрых и тончайших ложных выводов.

Первым софистом считался Протагор из Абдеры (480 — 410 г.). За ним следует Горгий (485 — 380 г.), уроженец острова Сицилии. Его современниками были Гиппий из Элиды и Продик из Кеоса. Первые софисты оказали большую услугу формальному развитию литературного греческого языка, но, уже их ближайшие ученики и последователи представляют картину глубокого нравственного и научного падения, достаточно объясняемого словами «софизм» (ложный вывод) и «софистика» (остроумное, обманчивое доказательство); слова эти сохранили свое значение и до настоящего времени. С непозволительным легкомыслием употребляли софисты все средства, чтобы давать понятие и объяснение всему видимому и невидимому. За деньги они учили всевозможным уловкам в речи и спорах, учили говорить так, «чтобы самое дурное обращать в хорошее». Таким образом, они производили самое губительное влияние на нравственные понятия народа. Когда, наконец, софисты осмелились издеваться над религией, то, конечно, против них выступали люди с возвышенными мыслями, и больше всех — философ Сократ.

16. Сократ и его последователи

Сократ (470 — 399 г.) был сыном скульптора Софрониска и повивальной бабки Фенареты, поэтому впоследствии свой метод преподавания он называл в шутку повивальным искусством, так как посредством вопросов и ответов старался развивать самого человека. Его великий и блестящий ум ратовал за благородство человеческой природы, и он противопоставлял пагубным и соблазнительным основным положениям софистов свою воодушевленную веру в богов, добродетель, истину и справедливость, а их наружной легкомысленности и невнимательности — величайшую душевную искренность. Побуждаемый внутренним голосом, «даймонионом», Сократ считал своим призванием вращаться в толпе, вступать в разговоры с людьми всех состояний и рассуждать преимущественно о сущности божества, обо всем разумном, истинном и добром, самому учиться у них или задавать им такие вопросы, которые побуждали бы к самопознанию, к исканию истины и нравственному самоусовершенствованию.

Сократ

В противоположность надменным софистам, воображавшим, что они все знают, он был убежден в недостаточности познания. «Я знаю, что я ничего не знаю», — часто говорил он и со свойственной ему иронией указывал на неясность многих общепринятых понятий. Люди,

по его мнению, должны следовать изречению, начертанному на храме Аполлона в Дельфах: «Познай самого себя». К этому Сократ присоединял свое главное правило: добродетель есть знание. То есть человек должен понять, в чем заключается благочестие, справедливость, мужество и другие добродетели. Когда человек вполне уяснил себе сущность этих добродетелей, он может пользоваться ими. Люди заблуждаются лишь вследствие своего невежества, но, познав истину, справедливость и благо, они не могут не полюбить их. Таким образом, источник зла в мире это недостаточность мышления и знания. Однако в том, что высшее знание не влечет за собой неизбежно нравственного совершенства, Сократу пришлось убедиться на своих собственных учениках Алкивиаде и Критии. В то время как софисты стремились к выгоде и чувственным наслаждениям, Сократ бескорыстно отдавал свое время и свой труд на пользу других. Вспыльчивость своей жены Ксантиппы он переносил с величайшей покорностью. Свои обязанности гражданина он исполнял как на войне, так и во время мира самым добросовестным образом и всегда был готов жертвовать жизнью за отечество. Он участвовал в походе против Потидеи во Фракии и сражался при Делии. Сократ везде являлся образцом умеренности, воздержания и безропотного перенесения всяких лишений. Во время похода в Потидею, хотя зима была такая суровая, что никто не решился отправиться в этот поход без теплой одежды, Сократ шел босиком и в своем обычном плаще. Несмотря на почти безобразную внешность — толстый вздернутый нос и плешивая голова — ученики Сократа испытывали на себе очарование своего учителя. Для того, чтобы побывать в обществе Сократа, Антисфен не пугался пути, совершаемого им ежедневно из Пирея в Афины, а Эвклид, уроженец Мегары, не останавливался перед опасностью, которой подвергался, так как во время Пелопоннесской войны ни один меганянин под страхом строжайшего наказания не смел являться в Афины.

Прощание Сократа с семьей

Сократ дожил до семидесяти лет и пал жертвой своих врагов. На его жизнь посягали не столько софисты, сильно ненавидевшие его за славу мудрейшего из смертных, сколько политические противники, которые видели в нем главного врага демократического политического устройства. Три человека: Ликон, Анит и Мелит обвинили Сократа в том, что он проповедует «новых богов и развращает юношество», поэтому он должен быть признан врагом государства. В своей защитительной речи, произнесенной, по греческому обычаю, им самим, Сократ отверг все ораторские и софистические уловки, которыми мог бы склонить судей на свою сторону. Наоборот, он старался убедить их в своей невиновности со спокойствием, всегда сохраняемым им во всех рассуждениях о житейских делах.

За обвинение Сократа высказалось незначительное большинство голосов. Подсудимый имел право просить о назначении ему более легкого наказания, и таким образом, между двумя наказаниями выбиралось среднее и более справедливое. Сократ сказал в суде следующее: «Наказанием мне этот человек назначает смерть. Хорошо! Какое наказание должен я противопоставить со своей стороны? Чем должен я заплатить за то, что я всю свою жизнь не давал себе покоя и пренебрег всем тем, о чем заботится большинство, — выгодах, домашними делами, военными чинами, речами в народном собрании, участием в управлении, в заговорах и восстаниях, какие бывают в нашем городе, я направлял свою деятельность к тому, чтобы оказать каждому величайшее благодеяние, ибо я каждого отдельного человека старался убедить, прежде чем заботиться о своем положении, изучить как можно лучше и беспристрастнее самого себя и, прежде чем вмешиваться в политику, вникнуть в сущность государства? Итак, чего же я заслуживаю за то, что я такой? Такой человек, как я, без сомнения, имеет больше права получать от государства пожизненное содержание в Пританее, чем одержавший на Олимпийских играх победу в скачках; ведь он дает вам мнимое счастье, а я — подлинное, он не нуждается в пропитании, а я нуждаюсь. Итак, если я должен по справедливости оценить мои заслуги, то вот к чему я присуждаю

себя — к обеду в Пританею».

При таком гордом поведении подсудимого судьи почувствовали себя настолько оскорбленными, что при вторичном голосовании 80 голосов, которые высказались прежде за Сократа, перешли на сторону его противников и, таким образом, Сократ был приговорен к смерти 361 голосом против 198. Он выслушал приговор с тем же достоинством, с каким держал себя во все время процесса, и выразил сожаление о городе, который опозорил себя таким осуждением. Свою речь Сократ заключил следующими словами: «Если вам будет казаться, что мои сыновья, повзрослев, заботятся о деньгах больше, чем о доблести, воздайте им за это, донимая их тем же самым, чем и я вас донимал; и если они будут много о себе думать, будучи ничем, укоряйте их так же, как и я вас укорял, за то, что они не заботятся о должном и много воображают о себе, тогда как сами ничего не стоят. Если станете делать это, то воздадите по заслугам и мне, и моим сыновьям. Но пора нам идти: мне к смерти, вам — к дальнейшей жизни. Чья доля лучше, это никому не ведомо, кроме Бога».

После этих слов Сократа увели в темницу. Приговор был бы исполнен на следующий же день, если бы как раз накануне не отправилась на остров Делос на корабле Тезея священная процессия, до возвращения которой в Афинах не исполнялся ни один смертный приговор. Противные ветры задержали корабль дольше обычного, и это обстоятельство позволило ученикам Сократа ещё 30 дней наслаждаться его беседой. Они посещали его в темнице ежедневно. Сократ старался добродушными шутками рассеять их печаль. Когда более других безутешный Аполлодор однажды воскликнул в отчаянии: «Нет, неужели ты, невинный, должен умереть!» Сократ возразил, улыбаясь: «Разве тебе больше хотелось, чтобы я умер виновным?»

За день до смерти Сократа Критон сказал ему, что он собрал некую сумму денег и намерен подкупить стражей, чтобы они оставили двери незапертыми. «О Критон! — ответил ему Сократ, — в какой стране мог бы я спастись от смерти?» И Сократ решительно отказался от предложения Критона и доказывал ему, что никакая несправедливость не должна побуждать нас к неповиновению законам отечества.

В последний день ученики сошлись у Сократа раньше обычного. Сократ с полнейшим спокойствием рассуждал с ними о бессмертии души и о смерти, которая представлялась ему переселением из здешнего в иной мир. Когда он выпил чашу с соком цикуты, все залились слезами. Но Сократ сказал: «Я нарочно выслав женщин для того, чтобы они не нарушали спокойствия, ибо я слышал, что умирать следует в благочестивой тишине. Поэтому будьте спокойны и мужественны!» Услыхав эти слова, ученики устыдились и воздержались от слез. Между тем Сократ ходил взад и вперед, а когда почувствовал тяжесть, то лег на спину, как советовал ему служитель, принесший яд.

Александр и Диоген

Служитель время от времени ощупывал Сократа и осматривал его ноги и бедра; потом он показал Ученикам, как тот постепенно холодеет и сказал, что когда оцепенение дойдет до сердца, то он скончается. Живот уже похолодел. Тогда Сократ, открыв свое, закрытое до тех пор лицо, сказал: «Критон, мы Должны петуха Асклепию». «Это будет исполнено, — отвечал Критон, — но не имеешь ли ты еще что-нибудь сказать?» На это Сократ уже ничего не отвечал. Своей последней, просьбой он дал понять что переходом от жизни к смерти он избавляется от постоянной болезни и потому хотел принести обычную жертву Асклепию за такое исцеление.

Афиняне скоро раскаялись, что обвинили такого человека. Обвинители Сократа были изгнаны, а ему самому была воздвигнута медная статуя. В народном представлении образ Сократа постепенно сделался идеалом высшего человеческого достоинства и добродетели. Его ученики распространили в речах и сочинениях идеи своего учителя.

Среди философов сократовской школы четыре человека основали четыре различные

системы: Платон основал академическую школу, Антисфен — киническую, Аристипп — киренейскую, а Эвклид — мегарийскую. Аристипп высшим благом на земле провозглашал блаженство, которое понималось одними больше в духовном, другими больше в чувственном смысле. Основным положением Эвклида было то, что высшее благо дается только одной истиной, которая называется и другими именами: бог, разум и т.д.

Платон

Антисфен ставил выше всего воздержание и довольство лишь необходимым, поэтому его называли киником, то есть «живущим по-собачьи». Его ученик Диоген из Синопа развил киническое учение до крайних пределов. Днем он ходил без башмаков, без плаща, с палкой в руке и с мешком за плечами. Увидев, как мальчик пьет воду руками из ручья, он выбросил кружку. Ночью он спал под портиком, а по уверению некоторых, в бочке. О Диогене рассказывают много анекдотов. Однажды Антисфен, рассерженный нерадивостью своих учеников, выгнал их от себя. Остался один Диоген. Антисфен и его хотел прогнать палкой. Тогда Диоген воскликнул: «Бей меня, сколько тебе угодно; ты все-таки не найдешь такой твердой палки, чтобы помешать мне жить в соседстве с тобой и пользоваться твоим учением!» Захваченный в плен морскими разбойниками, Диоген был выведен для продажи на базарную площадь. На вопрос, что он умеет, Диоген ответил: «Повелевать людьми». Глашатаю он приказал выкрикивать: «Кто хочет купить господина?» Среди белого дня Диоген вышел на улицу с зажженным фонарем. Когда его спросили, что он делает, он отвечал: «Человека ищу».

Истинным последователем учения Сократа был Платон (427 — 347 г. до Р. Х.). По своим воззрениям на Бога, свойство души и ее бессмертие он приближается к христианству. Его сочинения большей частью выполнены в разговорной форме, поэтому названы диалогами. В высшей степени замечательно учение Платона о предсуществовании души. По этому учению всякое представление об истине, знании, справедливости и красоте есть ни что иное, как воспоминание о том, что восприняла душа от созерцания богов во время совместной жизни с ними. Таким образом, истина, красота и прочее есть лишь слабое отражение существовавшего когда-то об этом представления — идеи». Свои занятия Платон вел в Академии — прекрасном здании в одном из предместий Афин, посвященном герою Академу.

17. Поход Кира младшего против Артаксеркса Кунакса; отступление десяти тысяч греков.

(401 г. до Р. Х.).

Насколько персидская монархия с ее разнородным населением была близка к своему падению, указывают раздоры, которые господствовали в самой царской семье. Младший Кир, по уму, силе характера и нравственным качествам достойный носить имя своего знаменитого предка, полагал, что он больше имеет прав на престол, чем его старший брат Артаксеркс. Для достижения своей цели Кир возлагал большие надежды на помощь греков и в особенности спартанцев, которых он поэтому и поддерживал так ревностно в конце Пелопоннесской войны.

Из спартанцев Киру дороже всех был друг его друга Лисандра — Клеарх, который прежде был гармостом в Византии и являлся даровитым военачальником. Кир посвятил его в свои планы. С помощью полученных от Кира денег Клеарх незаметно собрал для него в Херсонесе Фракийском, где он в то время вел войну с фракийцами, прекрасное и опытное войско из греческих наемников. Подобные же отряды явились и из других местностей, прельщенные с одной стороны высокой платой и надеждой, с другой громкой славой имени

Кира, сумевшего приобрести всеобщее расположение своей обходительностью, щедростью и возвышенным образом мыслей.

Спартанский флот под начальством Самия направился к берегам Киликии, а полководец Херисоф с 700 гоплитами присоединился к сухопутному войску. В войске этом было около 13.000 греков и 100.000 азиатов. Сборным местом назначили город Сузы.

В виду трудности и опасности предприятия, которые могли напугать многих греков, Кир не решился сразу открыть им настоящую цель своего похода, но распустил слух, что предпринимает его против восставших писидян. Поступая таким образом, он имел в виду скрыть истинные свои замыслы и от властей Суз. Поход начался в марте 401 года. Весело двигались войска по равнинам Лидии и Фригии, направляясь к востоку. Наступление совершалось через города Колоссы, Келены, Иконной — к Тарсу. Здесь, в главном городе — Киликии, Кир произвел блестящий смотр всему войску в честь прекрасной супруги сатрапа Сиенесия, прибывшего к нему в стан с большой суммой денег. При виде проходивших греков в их медных шлемах, красных плащах, блестящих набедренниках, с устремленными вперед копьями, зрители преисполнились восхищением. Но когда греки по данному знаку сплошной фалангой при бранном клике и звуках труб быстро устремились вперед, то у зрителей и азиатских войск вырвался всеобщий крик ужаса. Киликийская принцесса в страхе соскочила со своей колесницы и бросилась бежать, торговцы побросали свои товары и тоже разбежались. Вся эта сцена возбудила у греков громкий смех.

Но когда греки заметили, что Писидии остались далеко позади, то стали догадываться о действительной цели похода. Они отказались идти вперед. Тогда Клеарх в самых мрачных красках изобразил им трудности отступления, а Кир снова привлек их на свою сторону увеличением жалованья и ложным заверением, что намерен воевать с враждебным ему сатрапом Сирии. Греки успокоились, и поход продолжался все далее на восток до города Тамсака на реке Евфрате.

Когда сделаны были приготовления к переходу и этой реки, то о дальнейшем сокрытии цели предприятия не могло быть более речи. Когда цель эта стала известна, раздалось множество недовольных голосов. Но теперь было ясно, что зайдя так далеко, не было уже возможности возвратиться назад без помощи Кира. Фессалиец Менон первым перешел реку со своим отрядом. Его примеру последовали остальные. Теперь направились Месопотамской равниной к Вавилону, чтобы помешать, если возможно, вооружениям Артаксеркса. Но Артаксеркс, получив от Тиссаферна известие о выступлении Кира, успел собрать из областей своего государства огромное войско.

Оба войска сошлись у Кунаксы, милях в десяти к северу от Вавилона. Боевые линии в своем протяжении были так неравны, что центр Артаксеркса далеко заходил за левое крыло Кира. На этом месте стояли Менон и начальник конницы — Арией. Клеарх, который командовал правым крылом, бросился на находившийся против него левый фланг неприятеля и обратил его в бегство. В то же время неприятельский центр, где был сам Артаксеркс и Тиссаферн, напал на греков. Чтобы прикрыть их, Кир бросился со своей конницей в ряды неприятеля. Вдруг он увидел перед собой своего брата. С криком: «Я вижу его», он кинулся на брата и, пробив мечом панцирь, нанес Артаксерксу рану в грудь. Рану эту впоследствии залечил врач Ктесий. Но в ту же минуту сам Кир, раненный дротиком в глаз, упал с лошади и был убит. Увидав его мертвым, персидские войска обратились в бегство, оставив свой лагерь на разграбление неприятеля. Затем Тиссаферн напал на греков. Но греки дали победоносный отпор, и нападающие обратились в бегство. Клеарх со своим войском спокойно вернулся в лагерь. Только на следующее утро греки узнали о смерти Кира. Положение их было опасным. Только смелость и решительность могли спасти их. Послам царя, потребовавшим сдачи оружия, Клеарх, принявший главное начальство, с гордостью отвечал: «Как друзья царя, греки нуждаются в своем оружии, чтобы иметь возможность служить ему; в качестве же врагов они нуждаются в оружии, чтобы сражаться против него». Вопрос о том, что надлежало теперь делать, был скоро разрешен принятием предложения Ариея, который вызвался провести греков домой другой, немного более дальней, но зато

безопасной дорогой. Отступление по другому пути, вследствие недостатка жизненных припасов, было невозможно, в особенности в виду приближавшейся зимы. И вот, греки снова выступили в поход и направились против неприятеля. Это до такой степени напугало последнего, что Артаксеркс на следующее же утро предложил перемирие. На происходивших по этому случаю переговорах Клеарх решительным и уверенным тоном настолько сумел внушить послам уважение к своей особе, что Артаксеркс для того, чтобы он оставил его в покое, подарил грекам богатые запасы пшеницы, пальмового вина и фиников. Тиссаферн лично явился к грекам и уверил их в благоволении к ним царя. Вместе с тем он объявил, что имеет приказание сопровождать греков до самой Ионии, если они обяжутся во время похода по областям воздерживаться от всякого насилия и платить за все наличными деньгами.

Клеарх согласился, и договор был торжественно заключен и утвержден обращенными к богам клятвами. Но скоро обнаружилось скрывавшееся за ним коварство. Тиссаферн явился со значительным войском для прикрытия греков. Но первым делом его было отделить от них Ариея с его отрядом. Таким образом, три главных отряда Клеарха, Тиссаферна и Ариея выступили в поход, разобщенные друг с другом и не без недоверия один к другому. Пошли далее через Тигр и дошли до реки Цаба. Взаимные несогласия сделались нестерпимы. Тогда Клеарх отправился к Тиссаферну для открытых объяснений. Объяснения эти приняли с обеих сторон мирное направление. Было высказано обоюдное доверие, и Тиссаферн пригласил Клеарха приехать к нему снова на другой день со своими главными предводителями и другими начальниками, чтобы разыскать и устранить инстинных нарушителей мира. Клеарх совершенно справедливо предполагал, что виновником всех несогласий не мог быть никто иной, как коварный фессалиец Менон и заранее радовался скорому изобличению клеветника. Но едва Клеарх вошел с четырьмя другими военачальниками в шатер Тиссаферна, как они были схвачены и закованы в цепи; оставшиеся перед шатром начальники и около 200 простых воинов были умерщвлены. Затем пленных привели к царю, который приказал казнить их за исключением изменника Менона. Последний был умерщвлен после годичного тюремного заключения.

Ярость греков на вероломство сатрапа была безгранична. К этому присоединилось тревожное опасение вследствие наступившего отчаянного положения. Они находились за 300 миль от ионических берегов, окруженные неприятелем и угрожаемые нуждой, без надежного проводника и опытного военачальника. Но в эту минуту выступил из ряда афинянин Ксенофонт, который участвовал в походе в качестве волонтера, и своей речью к вождям вновь вдохнул в греков упавшее у них мужество. После этого Ксенофонт при воодушевленных восклицаниях был избран главным военачальником. По его совету, чтобы не дать спартанцам повода к зависти, престарелый спартанец Херисоф был назначен начальником авангарда, а сам Ксенофонт принял на себя командование арьергардом, а Клеанор должен был прикрывать фланги. Затем сожгли все повозки, палатки и всю поклажу. Оставив только самое необходимое, чтобы ничто не затрудняло движения, решили во избежание новых обманов не вступать ни в какие переговоры. Наконец, составили небольшой отряд всадников и стрелков, в обязанности которого входило держать на почтительном отдалении постоянно тревожившего греков неприятеля. После перехода через реку Цаб, Ксенофонт, непрерывно сражаясь с дикими горными жителями и коварными сатрапами, повел греческие войска через быстрые потоки и снеговые горы, через области кардухов (курдов), армян и халибов и привел их к Черному морю, при виде которого они подняли крик: «Таласса, Таласса!» (море). Победив калхидян, греки в числе 8.600 человек из 10.000 достигли первого греческого города Трапезунта, где и выразили свою радость жертвоприношениями и гимнастическими играми.

Но греков ожидали еще многие испытания, которые происходили частью вследствие их собственных несогласий, частью вследствие коварства Фарнабаза и спартанских навархов Анаксибия и Архистарха. Наконец, Ксенофонту удалось найти убежище всеми покинутым и окруженным отовсюду врагами грекам. Они поступили на службу к фракийскому владетелю

Севфу, который с их помощью вновь завоевал отцовское наследие. По истечении месяца им было предложено спартанскими посланцами служить в качестве наемников под начальством Тимброна, предводившего войсками в только что начавшейся войне между Спартой и Персией. За поступление со своим отрядом в спартанскую службу, Ксенофонт пришлось заплатить изгнанием из Афин. Впоследствии мы находим его в Азии у Агесилая, с которым он очень подружился. Когда Агесилай был отозван из Азии, Ксенофонт вернулся с ним в Грецию и сражался в битве при Коронее против фиванцев и афинян. Затем он удалился в Спарту и получил от спартанцев поместье в Скилле, близ Олимпии в отнятой у элийцев области. Здесь Ксенофонт занимался земледелием, охотой, коневодством и составлением большей части своих исторических сочинений. За испытанную им неблагодарность он был отчасти вознагражден тем, что на Олимпийских играх имя его было провозглашено, как имя победителя. Таким образом, правдивый голос всей Греции, возвысившись над крамолами партий и своекорыстными страстями, воздал заслуженную хвалу подвигу, который прославил более, чем когда-либо прежде, превосходство греческого духа и мужества над Азией. Ксенофонт умер в Коринфе в 354 или 353 году.

18. Борьба Спарты с Персией. Агесилай и Тиссаферн.

(400...394 г. до Р. Х.)

В Спарте положение дел было не лучше, чем в Афинах. В ней постепенно образовалась олигархия, которая с такой суровостью угнетала неполноправных граждан, что возбудила их к восстанию под предводительством некоего Кинадона против так называемых гомойев-полноправных. Хотя Агесилай и подавил восстание в самом его зародыше, тем не менее незаглушенная злоба кипела в сердцах перизков и илотов. Они, по выражению Ксенофонта, «не могли думать ни об одном гомое без желания растерзать его собственными своими зубами».

Такое же неудовольствие внушало господство спартанцев и в других государствах, зависевших от Спарты, ибо господство последней было еще ненавистнее прежнего, афинского. Афины, господствуя над островами и городами, в то же время доставляли им большие выгоды своей торговлей и оживленной меной взаимных потребностей. Дела приняли совсем другой оборот при спартанских гармостах, которые помышляли только об удовлетворении своего корыстолюбия. Вследствие этого власть Спарты в зависевших от нее государствах была сильно поколеблена.

Всемогущая олигархия, главнейшим орудием которой был совет эфоров, постепенно отодвигала на задний план царскую власть. Даже Агесилай вынужден был считаться с желаниями олигархии и заискивать у эфоров и геронтов. Хотя, как царь, он и стоял по своему положению выше эфоров и геронтов, но для того, чтобы спорами с ними не умалять верховной царской власти, он ничего не делал, не посовествовавшись с ними предварительно, и поддерживал подарками дружеские с ними отношения.

Агесилай вступил на престол после устранения племянника своего Леотихида с помощью Лисандра, который желал воспользоваться хромоногим и, по-видимому, неспособным Агесилаем для своих собственных честолюбивых планов (отмены наследственной царской власти). Отличаясь достоинствами истинного спартанца доброго старого времени, Агесилай правил государством Твердой рукой и придал новый блеск царской власти. Но замыслы его далеко не ограничивались господством над одной только Грецией. Ему очень хотелось предпринять поход против Персии во главе спартанского войска.

Как раз в это время Тиссаферн готовился наказать грекоазиатские города за помощь, оказанную ими Киру. Тогда города эти обратились за помощью к Спарте. Просьба их была принята с величайшей готовностью. Сперва Фиброн привел к ним вспомогательное войско, которое состояло из тысячи лакедемонян (спартанцев), 4000 пелопоннесских союзников и

300 афинян. Одержав некоторый успех в Мизии, Фимброн был обвинен хитрым Деркиллидом в том, что допустил свои войска разграбить греческие города и был отрешен от должности в 399 г. Деркиллид сумел благоразумно воспользоваться завистью и несогласиями, существовавшими между сатрапами Фарнабазом и Тиссаферном, чтобы обессилить их обоих, он счастливо продолжал войну и в 8 дней взял 9 городов. Деркиллид принудил Фарнабаза заключить с ним перемирие, к которому присоединился и Тиссаферн, помирившийся в это время с Фарнабазом. Тиссаферн, конечно, решил на это с обыкновенным своим коварством, чтобы иметь время как следует вооружиться.

Но прежде чем Тиссаферн успел закончить свои вооружения и когда он поджидал еще прибытия флота, который вооружался в финикийских гаванях, в Азию явился с новым войском и в сопровождении Лисандра — Агесилай (в 396 г.). Своей главной квартирой Агесилай избрал Эфес. Лисандр, хотя и не был главным военачальником, тем не менее надеялся, с помощью своих прежних друзей в среде олигархов, снова достигнуть прежней власти, а Агесилая отодвинуть на второй план. Но Агесилай выказал гораздо большую самостоятельность, чем ожидал Лисандр. Увидев, что все стремятся к всецельному Лисандру, Агесилай решительным поведением дал ясно понять своему другу и окружающим лицам, что не намерен играть второстепенную роль. Затем он оставлял совершенно без всякого внимания все представления, просьбы и советы, предлагаемые ему Лисандром. Униженный и разочарованный в своих надеждах, Лисандр в скором времени удалился от царя в Геллеспонт.

По окончании перемирия Тиссаферн потребовал, чтобы Агесилай со своими войсками очистил Азию, а сам, заключая из приготовлений Агесилая, что тот хочет напасть на Карию, повел свое войско к Маиандру. Но Агесилай хотел только обмануть Тиссаферна. Внезапно направился он во Фригию против Фарнабаза и вернулся в Эфес с огромной добычей. Недостаток в коннице, оказавшийся весьма чувствительным во время этого похода, задержал дальнейшие действия Агесилая на всю зиму.

Весной 395 года повторился обман предыдущего года. В то время, как Тиссаферн снова ожидал Агесилая в Карий, тот неожиданно вторгся в Лидию. Беспрепятственно прошел Агесилай до Сард. Хорошо подготовленная и тактически обученная им конница, поддержанная в решительную минуту пехотой, нанесла полное поражение персидской коннице (персидская пехота находилась еще в Карий). Теперь ничто уже не препятствовало спартанскому царю опустошить эту персидскую область. Таким образом, ближайшим следствием победы была богатая добыча в количестве 70 талантов.

Негодование персидского царя Артаксеркса обратилось против Тиссаферна. Мать царя Парисатида, которая поклялась отомстить сатрапу за то, что он был противником ее любимого сына Кира, раздувала, насколько возможно, гнев царя. И Тиссаферну пришлось заплатить за поражение головой. Упомянутый выше Арией захватил его в Колоссах и казнил. Преемник Тиссаферна Тифравст тотчас же обратился к Агесилаю с мирными предложениями, в силу которых все греческие города в Азии должны были получить свободу под условием платить прежнюю дань. Агесилай возразил, что не может решить этого дела, не посоветовавшись предварительно со своим правительством. Но вместе с тем он изъявил готовность заключить перемирие, если Тифравст даст ему тридцать талантов для уплаты жалования войскам и не помешает напасть на область Фарнабаза. Тифравст согласился, и Агесилай прошел всю Фригию, предавая все на пути грабежу и опустошению. После безуспешных переговоров с Фарнабазом Агесилай направился в Троаду, намереваясь отсюда в следующем году двинуться внутрь Азии. Но в это время он получил из Спарты повеление вернуться в Грецию для спасения отечества от угрожавшей ему опасности.

19. Коринфская война. Смерть Лисандра. Конон. Анталкидов мир.

(397...396 г. г. до Р. Х.)

Повинуясь призыву отечества, Агесилай не без огорчения покинул Восток, где военные действия его являлись уже предвестием великой победы и великих завоеваний, и обратил свое внимание на Запад, где его народу угрожала большая опасность.

На этот раз гроза надвигалась из Беотии. Гегемония спартанцев и введенное ими олигархическое правление сделались повсеместно ненавистны. По этой причине Фивы, равно как и Коринф, чтобы не содействовать увеличению могущества Спарты, не участвовали в походе Агесилая в Азию. Мужество ожило и в Афинах, в особенности, когда афинский гражданин Конон, непримиримый враг Спарты, бежавший после битвы при Эгос-Потамосе на остров Кипр, стал во главе персидского флота у острова Родоса, чтобы захватить посланные туда для спартанцев египетские корабли с хлебом.

Да и персидское правительство постаралось везде усилить враждебное настроение против Спарты. Для достижения этой цели воспользовались и подкупом. Родосец Тимократ был послан с 50 талантами в Фивы, Коринф и Аргос, и его «золотая стрела» проникла в ожесточенные сердца.

В это время между Спартой и Фивами готовилась вспыхнуть война. В одном пограничном споре между Опунтскими Локрами и фокидянами Фивы приняли сторону Локров. Тогда фокидяне обратились за помощью к Спарте. Лисандр, возвратившийся в сильном негодовании из Азии, с радостью приветствовал этот союз, который открывал ему новое поле деятельности и возможность приобретения новой славы. Он был послан эфорами в Фокиду с приказанием соединиться у города Галиарта с выступившим после него царем Павсанием и оттуда следовать с ним в Фивы. Узнав об этом, фиванцы заключили союз с афинянами и также направились к Галиарту, который после покорения Орхомена и Ливадии был осажден Лисандром. Приступ к Галиарту был отбит. Осажденные сделали вылазку, фиванцы в то же время напали на Лисандра и нанесли ему поражение, причем сам Лисандр был убит (в 395 г.) Павсаний прибыл уже после сражения. Не отваживаясь на новое нападение, он заключил перемирие, по которому получил тела убитых, взамен чего обязался очистить Беотию. В скором времени Павсаний, обвиненный правительством в трусости, а партией Лисандра в измене, вынужден был покинуть свое отечество. Только бегством удалось ему спастись от казни, которой угрожали ему спартанцы, разгневанные полученным поражением.

Напротив того, враги еще более воодушевились победой. Коринф был назначен местопребыванием общего союзного и военного совета, и опорным пунктом для нападения на Пелопоннес.

Теснимая таким образом Спарта вызвала Агесилая из Азии. Оставив отряд в 4.000 человек для охранения городов, он поспешно двинулся через Геллеспонт в Европу, прошел через Фракию и Македонию, разбил фессалийскую конницу, перешел Фермопильское ущелье и вступил в Фокиду и Беотию. Между тем, спартанцам удалось уже разбить медленно двигавшихся союзников при Немее (в 394 г.). Но в том же году Конон, предводительствуя персидским флотом, нанес при Книде жестокое поражение спартанскому флоту, которым командовал зять Агесилая Писандр. Причем пал и сам Писандр. Агесилай скрыл это поражение от своих войск, распуслав слух о якобы одержанной победе и воздал богам жертвоприношения.

При Коронее (авг. 394 г.) между Агесилаем и союзниками, в особенности фиванцами, произошло кровопролитнейшее сражение, в котором Агесилай, хотя и одержал верх, но потерял столько людей, что не пошел дальше в Беотию, а двинулся в Фокиду, откуда морем вернулся в Пелопоннес.

Гораздо важнее сухопутных сражений были действия на море с тех пор, как им овладел Конон со своим флотом. Вслед за победой при Книде многие приморские города и острова снова отложились от спартанского союза, в особенности, когда Конон убедил Фарнабаза, бывшего только по названию начальником персидского флота, объявить, что все греческие города, которые перейдут на сторону персов, получают свободу и самостоятельность. Затем Фарнабаз и Конон направились в Грецию, покорили Киклады, опустошили берега Лаконии и

взяли остров Киферу. Фарнабаз, подкрепив союзников большой денежной суммой, возвратился в Азию. Со своей стороны Конон, так же снабженный значительными денежными средствами, поспешил в Афины и восстановил разрушенные стены как в Афинах, так и в Пирее.⁴ Города изгнали ненавистных спартанских гармостов, и только Деркилид удержал за Спартой Сеет и Абидос, куда спаслась бегством большая часть изгнанных гармостов.

Положение Спарты сделалось чрезвычайно опасным. Надлежало во что бы то ни стало воспрепятствовать новому возвышению Афин. Для этого спартанская хитрость старалась отыскать в политике место, где бы можно было навредить афинянам. Спартанцы направили к Тирибазу, новому наместнику Сард, послов и в их числе Анталкида, который отличался своим дипломатическим искусством. Спартанцы представили Тирибазу, что деятельность Конона направлена лишь к выгоде Афин и в то же время предложили сатрапу самые выгодные мирные условия. В силу этих предложений греческие города в Малой Азии предоставлялись персам, а прочие государства, города и острова оставались независимыми. Условия эти настолько прельстили Тирибазу, что он заключил Конона в оковы, дал спартанцам денег на постройку кораблей и отправился к царю, чтобы склонить его на принятие спартанских предложений.

Но в то самое время, как Тирибаз ехал в Сузы с самыми враждебными намерениями против Афин, персидский полководец Стругас напал на предававшегося в Азии грабежу спартанского военачальника Фимброна и разбил его, причем последний был убит (в 392 г.). Афиняне под предводительством Фразибула снова получили перевес в Геллеспонте, Халкедоне и Византии. Фразибул же вновь овладел Лесбосом. В скором времени Фразибул был схвачен и убит в городе Аспенде жителями этого города, возмущенными неистовствами его воинов.

Сухопутная война велась не с таким определенным планом, как война на море и, состоя из ряда нападений и опустошительных набегов, сосредоточилась в области Коринфа. Хотя союзники и потерпели значительное поражение при Лехее (в 392 г.), но афинянин Ификрат со своим наемным легковооруженным отрядом пельтастов (названных так по их маленьким щитам — пельтам) сумел неустойчивой энергией и удивительным искусством не только поддержать «малую войну», но и нанести нападением при Коринфе чувствительное поражение спартанским гоплитам. Так же счастливо сражался он и в Геллеспонте, куда был послан в качестве преемника Фразибула. Он разбил спартанского гармоста Анаксибия в Абидосе и снова доставил афинянам богатую таможенную пошлину. Но за помощь, оказанную отложившемуся от Артаксеркса кипрскому царю Эвагору афиняне совершенно потеряли благосклонность персидского царя. Лишив их всякой денежной поддержки, Артаксеркс снова принял сторону спартанцев. Анталкид, благодаря сделанным им Тирибазу мирным предложениям, получил в Сузах, у персидского царя самый радушный прием. Артаксеркс через Тирибазу разослал во все государства приглашения прислать в Сарды послов для переговоров о мире. Собравшимся здесь послам было прочитано вслух следующее царское послание: «Артаксеркс, царь персов, признает справедливым, чтобы греко-азиатские города и острова Клазомены и Кипр оставались у него в подданстве, а прочие города и все острова, как малые, так и большие, были бы автономны, то есть свободны жить по своим собственным законам, за исключением Лемноса, Скироса и Имброса, которые должны оставаться во власти Афин. Кто не примет этих мирных условий, так принудит их принять их царь персов силою оружия». На счет этих мирных условий у эллинов могло существовать одно лишь мнение, что первый пункт их — предоставление Малой Азии врагу нации — позорит честь греческого имени. Еще большую досаду возбуждало то, что второй пункт совершенно очевидно был составлен к выгоде одной только Спарты. Пелопоннесский союз под гегемонией Спарты не уничтожился, ибо спартанцы удерживали за собой принадлежавшие им города и государства, которые до этого были

автономны. Мессения оставалась за спартамцами, между тем, как Афины, Фивы и Аргос должны были совершенно или большей частью отказаться от господства над другими государствами. Но кто мог отважиться не присоединиться к приговору персидского царя? Продолжительная братоубийственная война истощила все силы: поля были опустошены, жители разорены, торговля и мена пали. Повсюду чувствовалось такое страстное желание мира, что при притуплённом и без того национальном чувстве было весьма легко побороть в себе такие тягостные размышления.

20. Фиванская гегемония. Пелопид, Эпаминонд, Левктры, Мантинея

(379...362 г. до Р. Х.)

Условия Анталкидова мира были строго приведены в исполнение не только в области Пелопонесского союза, но и во всей остальной Греции. Союзы государств были уничтожены, и Греция распалась на множество независимых, самоуправляемых, но мелких и поэтому слабых государств. Внешне Греция казалась успокоенной. Но внутри, в отдельных городах, с возвращением множества беглецов раздоры партий возобновились с новым ожесточением. Со своей стороны спартамцы под видом охранения мира хотели иметь предлог вмешиваться во всякие жалобы и ссоры в качестве третейских судей. Как понимали спартамцы в этом отношении свою роль, выказалось тотчас же при первом опыте в обращении с Мантинеей в Аркадии (в 385 г.). Республика эта при всяком удобном случае выказывала к Спарте свое отвращение и в особенности в последнее время не могла скрыть своего злорадства при победе Ификрата над спартамскими гоплитами. Лозунгом Спарты сделалось теперь мщение. Мантинеянам было предписано срыть свои городские стены, когда же они отказались выполнить это требование, то город был окружен Агесилаем и вынужден был покориться. Затем стены были срыты, а жители должны были покинуть свой город и поселиться в пяти открытых деревнях. Вследствие этого политическое их значение было уничтожено.

Аргос был истощен последней войной. Коринф находился в полной власти всесильной спартамской партии. Таким образом, всякое сопротивление в Пелопоннесе являлось невозможным, и Спарта обратила уже свои смелые взоры за его пределы. На Халкидском полуострове греческая колония Олинф, усилившаяся торговлей, проявляла смелые стремления, невыносимые для спартамской гордости. Олинф изгнал царя македонского Аминта II из большей части его владений, присвоил себе род гегемонии над греческими городами в тех странах и подружился с соседними храбрыми и воинственными фракийцами. Пользуясь богатыми запасами корабельного леса и золотыми рудниками и рассчитывая на сильное войско вновь образованного халкидского союза, Олинф намеревался распространить свое господство еще далее. Но города Аканф и Апл-Аполлония отказались присоединиться к союзу и отправили в Спарту послов с просьбой о помощи. Спарта с радостью согласилась на их просьбу и выслала войско против Олинфа. Но прошло три года, прежде чем удалось принудить город этот к покорности (в 380 г. до Р. Х.) Халкидский союз был уничтожен, Аминт получил обратно отнятые у него владения, а Олинф и другие завоеванные греческие города должны были присоединиться к Пелопоннесскому союзу.

Во время похода против Олинфа спартамский полководец Фебид, следуя, со своим войском за братом своим Эвдамидом, совершил постыдное нарушение международного права. Когда он во время похода достиг Беотии и расположился на продолжительный отдых как раз перед стенами Фив, в лагерь к нему явился предводитель спартамской партии в городе Леонтиаде и предложил овладеть замком Кадмеей. Нападение на замок врасплох было совершено в жаркий летний день (в 383 г.), когда улицы были безлюдны, мужчины были в народном собрании, а женщины присутствовали на празднестве в Кадмее. Женщины были взяты заложницами, а предводитель демократов Исмений был заключен в оковы. Остальные демократы под предводительством Пелопида успели спастись бегством в Афины. В Фивах было введено олигархическое правление, и во главе его стали Леонтиад,

единомышленник его Архий, Филипп и Гипаг. Хотя спартанское правительство и сделало вид, что недовольно насильственным поступком своего полководца и государственным переворотом Леонтиада, но легко убедило последнего убедить себя, что фиванцы только при олигархическом правлении могут быть надежными друзьями Спарты. С этим совершенно согласился и Агесилай, который при этом сослался на часто употреблявшееся старинное правило — что выгодно государству, то и справедливо. Тогда без дальнейшего промедления признали новое правление в Фивах и для охраны его расположили в Кадмее гарнизон в 1.500 человек. Для виду Фебид был присужден за свой своевольный поступок к денежному штрафу.

Вид Фив с Кадмеей.

Что касается до Исмения, то он был обвинен Леонтиадом в государственной измене за то, что принимал в качестве друга варваров (персов) участие в войне против Спарты. Тогда Леонтиад и его партия, подобно бывшим тридцати тиранам в Афинах, стали неистовствовать над своими противниками, прибегая к убийству, заточению в тюрьму и лишению имущества. Кто мог бежать, спасался бегством. Афины, хотя могли предложить беглецам убежище, не были в состоянии оказать какую-либо открытую помощь, так как, лишённые союзников, не отваживались вступать в войну со всемогущей Спартой. Но подвиг Фразибула, спасшего Афины, послужил примером фиванским беглецам, которому они решились последовать.

Почти четыре года продолжалось в Фивах грозное правление тиранов, когда беглецы, воодушевляемые отважным призывом пламенного Пелопида, договорились между собой и приняли великодушное решение пожертвовать своими жизнями для избавления родного города от тирании. С этой целью они вошли в соглашение с единомышленниками в Фивах: с Филлидом, Хароном и Горгидом. Возглавил заговор Филлид, который мог с успехом выполнить эту роль, потому что состоял тайным советником при обоих полемархах, Архией и Филиппе. В тот вечер, когда положено было исполнить замысел, Филлид должен был пригласить к себе на пир обоих полемархов, а другой знатный афинянин, Харон, назначил свой дом сборным местом заговорщиков. Со своей стороны изгнанники, которые должны были явиться на помощь к своим единомышленникам, условились с ними, что большая часть их (300—400 чел.) соберется на границе Беотии, а двенадцать, в том числе Пелопид и Меллон, поспешат в Фивы, чтобы сначала умертвить ночью фивских тиранов.

Переодевшись крестьянами и взяв с собой собак и охотничьи принадлежности, двенадцать заговорщиков отправились в Фивы. В сумерки разными воротами проникли они в город и поодиночке вошли в дом Харона. Здесь провели они ночь в ожидании следующего дня. Прежде всего должны были быть убиты Архий и Филипп, пировавшие в это время в доме Филлида. В то время, как заговорщики ожидали с душевным беспокойством в доме Харона, последний был позван к полемархам, которые обратились к нему с вопросом, правда ли, что в городе находятся заговорщики. Харон успокоил их и обещал обстоятельно исследовать это дело. Вслед за тем от главного жреца в Афинах, Архия, к олигарху Архию прибыл гонец с письмом, в котором разоблачался план заговора. На замечание посланца, что в письме содержатся чрезвычайно важные известия, пьяный Архий сказал: «Оставим серьёзные дела до завтра». Вскоре в дом Филлида явились Харон, Меллон и прочие заговорщики, переодетые в женское платье. Филлид предложил полемархам пригласить прекрасных женщин. Войдя в залу, заговорщики выхватили мечи и поразили Архия и Филиппа. Вместе с ними пал и осмотнитель храма Каберих, бросившийся с мечом на заговорщиков. Между тем Пелопид и Кефисодор взяли на себя трудное дело справиться с Леонтиадом, человеком сильным и мужественным, в его собственном доме. Когда на их стук отворились двери, они ворвались в дом, повалили слуг и поспешили в спальню Леонтиада. Тот бросился к дверям и поразили Кефисодора. Но Пелопид, несмотря на полученную им рану, повалил Леонтиада на пол и убил его. Гипат пытался спастись бегством, но его также настигли и убили.

Затем заговорщики отправились в темницу, освободили находившихся там 150 узников, отправили гонцов за границу к своим сподвижникам и в Афины и провозгласили на улицах и торговой площади, что тираны убиты, а город свободен. В городе поднялся шум: одни ликовали, другие пришли в смятение. В эту минуту явились Эпаминонд, Горгид и остальные соучастники заговора и постарались восстановить в городе порядок и спокойствие.

На следующее утро было созвано народное собрание, и Меллон, Харон и Пелопид были назначены союзными начальниками. Они тотчас же собрали войско, осадили крепость и находящийся в ней гарнизон. Им удалось принудить гарнизон к сдаче прежде, чем спешившее к нему на выручку спартанское войско достигло границ Беотии. Спарта осудила на смерть двух гармостов за то, что они не дождались прибытия посланных им на помощь войск, а третьего наказал денежным штрафом и изгнанием из Пелопоннеса. Став снова свободными и опираясь на Пелопида и Эпаминонда, Фивы устремились к достижению гегемонии не только над Беотией, но и над всей Грецией.

Пелопид был знатного происхождения, владел большим состоянием, был горячим патриотом и ненавидел надменные притязания Спарты.

Эпаминонд

Излюбленным полем его деятельности была палестра (школа гимнастики), воинские упражнения и жизнь на войне. Эпаминонд также происходил из благородного рода, но был беден и никогда не пользовался случаем к обогащению. Он также прилежно посещал палестру, но любимым его занятием были беседы с философами, в особенности с пифагорейцем Лисисом. Высокое образование Эпаминонда, его скромность и воздержание, справедливость и возвышенный характер в соединении со свободой в обращении, патриотизмом, храбростью и военными дарованиями ставят его в ряд с величайшими людьми эллинской истории. Пелопид и Эпаминонд были связаны неразрывными узами дружбы и единственным предметом их соперничества могло быть величие отечества. В войне со Спартой им представился случай показать это.

Получив известие об освобождении Фив заговорщиками, спартанский царь Клеомброт поспешил с войском в Беотию, но нашёл крепость Кадмею уже занятой. После нескольких незначительных стычек он вернулся в Пелопоннес, оставив в Беотии часть войск под начальством феспийского гармоста Сфодрия. Между тем Фиванцы не только занимались оборонительными сооружениями вокруг города, но и старались усилить себя союзами с другими городами и в особенности с Афинами. Но афиняне колебались. Одна партия отвергала всякие враждебные действия против Спарты. Другая партия, как прежде помогала заговорщикам, так и теперь охотно была готова оказать всякое содействие освобождённым Фивам. Спарта пожаловалась на это, вследствие чего оба полководца, поспешившие на помощь Фивам, были приговорены к смерти и один из них, не успевший спастись бегством, был казнён.

Но положение дел быстро изменилось, когда Сфодрий, соблазнённый предшествовавшим поступком Фебида и в подражание ему, выступил ночью из Феспий и вторгся в Афинскую область с намерением напасть врасплох на не вполне ещё укреплённый Пирей. Но он успел дойти только до Элевсина; здесь его застал рассвет, и он возвратился, опустошив и разорив Аттику. Афиняне пришли в негодование, и старая вражда к Спарте пробудилась с новой силой. Когда же узнали, что в ответ на жалобу афинян последовало полное оправдание Сфодрия, то фиванская партия одержала полнейший перевес. Союз с Фивами был немедленно заключён.

Впрочем, все усилия Афин были направлены главным образом на восстановление своего флота. Они призывали все города и острова к отпадению от Спарты, обещая им взамен полную свободу и равноправие. На это воззвание с величайшей готовностью отзывались

хиосцы, византийцы, родосцы, митиленцы и все города Эвбеи. Афины, больше всех ненавидевшие господство Спарты, были выбраны сборным местом всех союзников. Каждый из них получил голос в союзном совете, сделал соответствующий взнос, а Афинам было предоставлено ведение всего дела. На призыв отечества явились два искусных полководца: отважный Хабрий и храбрый Тимофей, сын Конона. Тимофей с необыкновенным дипломатическим искусством привлёк 24 города к новому Афинскому союзу.

Весной 378 года Агесилай предпринял первый поход в Фивы, но был побеждён новой тактикой Хабрия. Хабрий приказал легковооружённым воинам опуститься на одно колено, упереть на него щит и, прикрыв таким образом своё тело, встречать неприятеля наклонённым копьём. Это новое построение привело Агесилая в такое изумление, что он не решился напасть, но с неудовольствием отступил в Феспию, а затем возвратился в Пелопоннес. Занявший его место в Феспиях Фебид был заманен фиванцем Горгидом в засаду и разбит им. Безуспешен был и второй поход Агесилая в Беотию в 377 году. И заменивший Агесилая Клеомброт, который попытался взять приступом в 376 году Киферонский горный проход, вынужден был отступить, не достигнув цели. На горьком опыте пришлось убедиться Спарте, что храбрые воины есть не только у них. Теперь все свои надежды она перенесла на морскую войну. Но Хабрий в 376 году одержал блестящую победу при Наксосе над спартанцем Поллидом. Тимофей разбил спартанский флот при Левкадии в Акарнании в 375 году. Когда же в довершение всего Хабрий присоединил к Афинскому союзу и греческие города на Фракийском берегу, Ификрат произвёл опустошительный набег на берега Пелопоннеса, а Пелопид, командуя «священным отрядом» (состоявшим из 30 соединённых между собой дружбой юношей) при Орхомене, разбил сильное спартанское войско, то Спарта почувствовала утомление от войны. Желание мира сделалось в Спарте всеобщим. Надежда встретить такое же желание в Афинах оправдалась. Вдобавок возникли распри между участниками нового союза. Кроме того, богатые афивские граждане были обременены денежными взносами на военные потребности, и все эти причины увеличили стремление к миру и по будили афинян вновь сблизиться с Спартой. В 371 году был заключён мир. Главным условием этого мир была совершенная независимость всех государств. Спартанцы обязались отозвать отовсюду своих гармостов и гарнизоны. Этому мир воспротивились только Фивы, понимая, что именно у них он отнимет власть над беотийскими городами. В собрании Эпаминонд беспощадно изобличал лицемерие спартанцев, говоря, что они пользуются условиями мира лишь в своих собственных интересах. Он сказал, что только тогда даст свободу городам Беотии, когда спартанцы освободят перизков. Агесилай после этого вычеркнул Фивы из числа союзников. Остальные послы приняли мирные условия и разъехались по домам. Согласно желанию Спарты, все союзники отпали от Фив.

В июле 371 года спартанское войско под предводительством Клеомброта выступило против Фив, имея в своём составе 10.000 гоплитов и 1.000 всадников. У Эпаминонда было 6.000 пехоты и 400 всадников. Оба войска встретились при Левктрах. Столкновение было ужасно. В самом начале боя фиванская конница опрокинула спартанскую, которая, отступая, натолкнулась на свою пехоту. Произошло замешательство. Этим воспользовался Пелопид и стремительно напал со своим священным отрядом. В то же время Эпаминонд двинул вперёд своё левое крыло, построенное глубоким строем по 50 человек в ряду, чтобы нанести решительный удар. Правое крыло Эпаминонда было построено в косом порядке, чтобы иметь возможность в случае надобности направить его вперёд или назад. Этот «косой» боевой порядок служил собственной своей защите. Спартанское войско не выдержало сильного натиска. Мёртвые тела рядами громоздились друг на друга. Пали смертельно раненные царь Сфодрий и его сын Клеоним. Мужество покинуло спартанцев, они начали отступать и, наконец, обратились в бегство. Разбитое войско просило через вестников о выдаче мёртвых тел и о заключении перемирия для их погребения, что означало торжественное признание своего поражения.

Велико было смущение и горе в Спарте при известии об этом поражении. Но

правительство и народ не изменили своему врождённому достоинству, и даже только что начавшееся гимнастическое празднество не было прервано. Только вечером по домам разослали список убитых с приказанием воздерживаться от громких сетований. Вместо бесполезной скорби, немедленно приступили ко всеобщему вооружению. Были вооружены все мужчины до шестидесятилетнего возраста и даже должностные лица, освобождённые ранее от военной службы. Но обстоятельства сложились так, что на некоторое время военные действия приостановились.

На собрании союзных городов при содействии в качестве третейского судьи тирана города Фер, Ясона, было решено предоставить спартамцам спокойно отступить в своё отечество. На этом возвратном пути спартанцы встретили вновь набранные войска под начальством Архидама. Возникло большое затруднение: спартанцы не знали, как при настоящих обстоятельствах соблюсти строгий древний закон, который требовал публичного лишения чести бежавших с поля сражения. Множество лиц подлежало такому наказанию, а между тем воины были чрезвычайно необходимы. Когда за разрешением этого затруднения обратились к Агесилаю, он воскликнул в собрании: «Оставьте на этот раз законы в покое!»

Мирное посредничество Ясона только на время прекратило военные действия. Блеск победы при Левктрах придал бодрости всем противникам Спарты. Самым сильным воодушевлением был охвачен Пелопоннес. Многие города, утомлённые спартанским игом, стали делать попытки приобрести самостоятельность. Жители Мантинеи восстановили свой город, окружили его стенами и снова переселились в него из деревень, не обращая внимания на угрозы Агесилая.

Кроме того, было решено соединить всю Аркадию в одно государство» столицей и местопребыванием его правительства был назначен вновь построенный город Мегалополь. Здесь должны были происходить все собрания представителей городов и деревень аркадийского союза и решаться все вопросы, касающиеся управления и правосудия.

Чтобы воспрепятствовать осуществлению этого замысла, Агесилай вторгся со спартанским войском в Аркадию. Но жители Аркадии призвали на помощь Фивы. Эпаминонд и Пелопид повели войско в Пелопоннес. Хотя при своём прибытии они уже не застали здесь Агесилая, желание положить конец владычеству Спарты было так велико, что Эпаминонд и Пелопид с 70.000 войском перешли окружающие Лаконию горы и вступили в область Спарты. В течение пяти столетий ни одна вражеская нога не ступала на эту землю. Спартамцы преисполнились ужасом при виде поднимавшихся облаков пыли, который обличал приближение неприятеля, опустошавшего все на своем пути огнем и мечем. Агесилай явился спасителем своего родного, лишённого стен города. С мужеством и благоразумием приступил он к организации обороны. Были призваны все свободные мужчины, способные носить оружие. Агесилай также вооружил 6.000 илотов, обещав им за это свободу. Это был рискованный шаг. И действительно, вскоре илоты взбунтовались и только решительные меры, предпринятые бдительным Агесилаем, позволили подавить бунт в самом его начале. Хотя Эпаминонд и пытался взять приступом высоты, господствовавшие над Спартой, но безуспешно. Узнав о приближении войск, спешивших на помощь из Сикиона, Эпидавра и Коринфа, он отступил и затем ограничился тем, что разорил всю Лаконию и уничтожил даже корабельную верфь в Гифии. Теперь наступило время, когда он получил возможность осуществить давно лелеянный, излюбленный им план восстановления Мессении. Послы его отовсюду спешили призвать к возвращению на родину рассеянных потомков древних мессенцев. Многие из них отзывались на призыв Эпаминонда, собрались в страну своих предков, соединились с массой бежавших из войска илотов и периэков и построили у подошвы горы Итомы новый город Мессению, который сделался местопребыванием правительства самостоятельного государства.

Дурное время года, вследствие чего войско Эпаминонда начало терпеть лишения, и весть о приближавшемся к спартамцам вспомогательном афинском отряде заставили его очистить Пелопоннес. Восстановлением независимого мессенского государства, присоединившимся к враждебным Аркадии и Аргосу, Эпаминонд нанес Спарте

смертельный удар.

На возвратном пути Эпаминонд столкнулся на перешейке с афинским отрядом под командованием Ификрата. Но Эпаминонд искусно обошел его и благополучно вернулся в отечество. Здесь его ожидал неутешительный прием. Низкие завистники, во главе которых находился народный оратор Менеклид, обвинили Эпаминонда и Пелопида в том, что они пробыли в звании виотархов больше установленного законом срока. Эпаминонд принял всю вину на себя, явился в суд и с достоинством сказал: «Закон обвиняет меня. Хорошо, я заслуживаю смерти. Но требую, чтобы на моей могиле вы написали следующее: „Фиванцы казнили Эпаминонда за то, что он при Левктрах повел их на лакедемонян, которым они прежде не смели показаться на глаза и доставил над ними победу, за то, что спас отечество, осаждал Спарту, которая почла себя счастливой, избегнув своего падения, и за то, что он построил Мессену и окружил ее крепкими стенами“. Пристыженные судьи удалились один за другим, даже не попробовав что-либо возразить Эпаминонду. Против аркадийского союза и мессенского государства, возникших благодаря победоносным действиям Фив, восстали многочисленные враги. К спартамцам присоединились афиняне, побуждаемые завистью к Фивам, ахейцы, сикионяне и коринфяне. Вследствие этого Эпаминонду пришлось предпринять второй поход в Пелопоннес. С войском из 8.000 гоплитов ему удалось прорвать неприятельскую линию на перешейке, состоявшую из 20.000 человек и восстановить уничтоженную было связь с Аркадией и Мессенией.

Между тем Пелопид перенес фиванское оружие и на север, где он явился решителем всевозможных споров. Так, он играл роль третейского судьи между враждовавшими соискателями македонского престола и в обеспечение мира взял с собой в Фивы в качестве заложника юного Филиппа, будущего царя Македонии. Вскоре новые замешательства вызвали Пелойида в Фессалию, где Александр, тиран Ферский, свирепствовал с бесчеловечной жестокостью. Призванные на помощь преследуемыми, Пелопид и Исмений отправились в качестве послов ко двору Александра, но здесь они были схвачены и заключены в темницу. Для освобождения их фиванцы отправили войско, в котором Эпаминонд, не выбранный более в виотархи по окончании срока занятия им этой должности, служил простым воином. Под предводительством других виотархов войско чуть было не потерпело поражение от Александра. К счастью, воины единогласно избрали Эпаминонда своим начальником. Он спас войско, появился перед воротами Фер и принудил тирана немедленно освободить пленных. (367 г.).

Эти внутренние раздоры дали иностранным государствам повод к вмешательству. Сами греческие государства искали благосклонности персидского царя Артаксеркса Мнемона. Афины и Спарта отправили послов в Сузы, туда же поспешил и Пелопид со стороны Фив. Каждое из этих государств домогалось получить от царя выгодное право посредничества. Пелопид своим мужественным поведением и дипломатическим искусством изобразил в самых блестящих красках настоящее могущественное положение Фив и настолько сумел отодвинуть на второй план остальных послов, что право посредничества было предоставлено Фивам. Постановление об этом гласило: «Все греческие государства, в том числе и Мессения, признаются независимыми, афиняне обязуются отозвать свой флот, другими словами, отказаться от своего господства на море, не желающие же подчиняться этому решению должны быть принуждены к этому силой оружия».

Приведение в исполнение этого мирного договора и право решать споры в качестве третейского судьи было предоставлено фиванцам. Весной следующего года для заслушивания условий мирного договора и для клятвенного их утверждения были созваны в Фивы уполномоченные всех греческих городов.

Смерть Эпаминонда.

Но здесь вполне обнаружилось, как мало еще укрепилось значение Фив, несмотря на

недавние их победы. Послы отказались утвердить мирный договор, посол же аркадиан, Ликомед, утверждал, что место собрания должно быть там, где происходила война, а именно, в Аркадии. Собрание разошлось, не придя ни к какому соглашению, и война и борьба партий снова возобновилась.

И третьим походом в Пелопоннес, направленным в Ахайю, не удалось Эпаминонду утвердить порядка, напротив того, внутренние неурядицы в государствах повсюду еще более усилились. Дикие и суровые аркадиане после смерти способного Ликомеда доказали, что они не способны еще играть столь смело принятой ими на себя важной роли. Вместо того, чтобы действовать в общем единодушном согласии, отдельные города союза терзали друг друга в кровавых распрях. Мантинея и Тегея, стремясь каждая завладеть Мегалополем, вступили во вражду между собой. Между аркадианами и жителями Элии вспыхнула открытая война. В Олимпии во время спортивных игр обе стороны вступили в вооруженную схватку. Между тем, Фивы лишились одного из своих великих руководителей — Пелопида. В одном сражении с Александром Ферским, преследуя в азарте обратившегося в бегство тирана, он слишком оторвался от своих и был поражен копьем одним из телохранителей Александра (364 г.).

Но еще бодрствовал великий дух Эпаминонда. Для того, чтобы уничтожить государство афинян на море, Эпаминонд построил 100 кораблей и убедил Хиос, Родос и Византию отложиться от Афин. Теперь он сознавал необходимость ввести порядок в запутанные отношения Пелопоннеса и упрочить за Фивами положение между тамошними союзниками. Он вступил в Пелопоннес с войском, усиленным фессалийцами и эвбеянами. Аргос, Сикион, Мессена, Мегалополь и Тегея присоединились к нему. Эпаминонд расположился у последнего из этих городов. Противники, подкрепленные афинянами, находились у Мантинеи и ожидали прибытия спартанского отряда под начальством Агесилая. Эпаминонд, узнав о выступлении Агесилая, пошел прямо на Спарту. Но Агесилай, получив об этом известие от одного перебежчика, уведомил о том сына своего Архидаму, приказав ему вместе с тем укрепить город, а сам поспешил с конницей форсированным маршем к Спарте. Хотя Эпаминонд проник до городской площади, здесь его встретили находившиеся под начальством Агесилая и его сына, готовые на отчаянный бой спартанцы и остановили его. Тогда Эпаминонд выступил в обратный поход и направился к Мантинее, чтобы напасть на стоявшее там неприятельское войско. Победа была необходима, чтобы загладить стыд отступления от Спарты и ободрить воинов. Нападение было совершено с величайшим ожесточением. С самого начала предводимое самим Эпаминондом крыло обратило неприятеля в бегство. Он преследовал его с излишней запальчивостью и был поражен в грудь дротиком. Древко выпало, но железное острие осталось в груди. Когда Эпаминонда принесли в стан, врачи объяснили, что он умрет тотчас, как вынут железо из раны. Прижимая рану рукой, он попросил принести свой щит. Его просьбу исполнили и объявили о победе фиванцев. «Хорошо, — сказал он, — итак, я довольно прожил. Позовите Диафанта и Иоллида». Ему отвечали, что оба храбрые полководцы убиты. «О, в таком случае посоветуйте фиванцам заключить мир!» После этого Эпаминонд приказал вынуть железо из раны. В эту минуту один из неутешных его друзей воскликнул: «Ты умрешь, Эпаминонд! О, если бы по крайней мере после тебя остались сыновья!» На это восклицание, испуская последний вздох, Эпаминонд отвечал: «Я оставляю после себя двух бессмертных дочерей: победы при Левктрах и Мантинее».

Победа при Мантинее не принесла Фивам ожидаемых плодов. Все осталось в прежнем беспорядке и нерешительном положении. Хотя и наступило спокойствие, но это было спокойствие изнеможения и следствие персидского посредничества. Но так как мир этот утверждал независимость Мессении, то Спарта не присоединилась к нему. Восьмидесятилетний Агесилай не мог примириться с мыслью мирно окончить дни свои в своем униженном родном городе. Эта мысль подвигла его на новую деятельность. Он надеялся, что, может быть, милостивая судьба позволит ему сделать еще что-нибудь полезное для отечества. Смятение в персидской монархии подавало Агесилаю сладкую

надежду стяжать новую воинскую славу. Наместники безнаказанно восставали против персидского царя или воевали друг с другом, причем многократно пользовались услугами греческих наемных войск и предводителей.

Самой мятежной областью проявил себя в это время Египет. В то время, как персы вели войну на острове Кипре против Эвагора, себенитский князь Нахтхор-хлеб привел страну в оборонительное положение и набрал в Греции войско и предводителей. Главное начальство вверил он одному из знаменитейших наемных вождей — афинянину Хабрию. Хабрий занял твердую позицию на Целузийском рукаве Нила и укрепил ее окопами. Отсюда он наблюдал за всеми выходами из Сирии и овладевал всем, что приближалось к нему из пустыни. Артаксеркс Мнемон послал Фарнабаза с войском в 200.000 человек, но во главе его также поставил одного афинянина по имени Ификрат. В то же время Артаксеркс настоял в Афинах на отозвании Хабрия из Египта. Сначала все шло хорошо. Египетские войска, охранявшие берега, были опрокинуты и открыли дорогу в Мемфис. Но медленность Фарнабаза испортила все, что было так хорошо сделано Ификратом. Между тем, Нахтхор-хлеб оправился, совершенно разбил при Мендесе персов и принудил их к отступлению. Фарнабаз вновь отправился в Сирию, Ификрат отплыл в Афины, а Египет на четверть столетия освободился от персидского ига. Нахтхор-хлеб умер в 364 году. Его преемник Тахо равным образом пользовался каждым удобным случаем выказать свою ненависть к Персии! Он соединился с восставшими враждебными сатрапами передней Азии и с 8.000 египетских воинов, 10.000 греческих наемников и 200 кораблями бросился на Финикию. К этому-то Тахо отправился престарелый Агесилай и поступил к нему на службу, чтобы получить возможность отомстить Персии.

Но вместо того, чтобы назначить Агесилая главным командующим войсками, Тахо доверил ему лишь вспомогательные войска, что весьма оскорбило Агесилая. Едва Тахо высадился в Финикии, как в Египте, в тылу у него вспыхнуло восстание, возглавленное неким Нахт-небефом. Агесилай немедленно присоединился к Нахт-небефу. Он примкнул к нему со своими войсками, помог победить Тахо и упрочил захваченную им власть. В награду за столь счастливую поддержку новый царь подарил Агесилаю 250 талантов. С этими средствами Агесилай надеялся снова помочь своему отечеству при смутах, которые в это время охватили Пелопоннес. На обратном пути Агесилай был выброшен бурей на ливийский берег. Здесь он умер на восемьдесят четвертом году своей жизни (361 г.), и с ним рушилась надежда Спарты восстановить прежнее свое положение в Пелопоннесе. Но и величие Фив со смертью Эпаминонда тоже пришло в упадок. Что касается Афин, то, они, по словам одного современного государственного мужа, представляли только обломки того корабля, которым некогда правил Перикл. Греция лежала теперь бессильная, истекая кровью из тысячи ран, нанесенных неистовством партий и себялюбием. Не менее изнеможено и потрясено во всех своих основах было государство ее исконного, непримиримого врага — персов. Богатство Персии никого уже более не устрашало, а только привлекало к себе, как добыча. Но для нового оживления мира судьба уже предназначала царство, которое вмещало в себе спартанскую мощь и усвоило в фивских войнах необыкновенное военное искусство. Вместе с тем оно было достаточно сильно, чтобы покорить Грецию, овладеть персидской добычей и предоставить всем творческим силам более широкое поприще. Этим государством, до тех пор не только не обращавшим на себя внимание, но даже презиравшим, была Македония. Ее возвышение связано с именем одного из величайших полководцев всех времен Александра Македонского. С его завоеваний, преобразивших весь тогдашний мир, начинается новый период древней истории.

21. Филипп Македонский. Демосфен. Священная война. Херонея.

(359...336 г. до Р. Х.).

Македония уже с давних пор, в особенности со времени Пелопон-неской войны,

пришла в соприкосновение с Грецией. И в позднейших раздорах она тоже принимала участие. Греки считали македонян полуварварами. Македоняне жили большей частью в хижинах и занимались земледелием и скотоводством. Одевались они преимущественно в звериные шкуры и отличались довольно грубыми нравами.

Греки презирали их также и за то, что они долгое время признавали над собой власть персов и всегда находились под управлением царей. Царь Архелай (413 — 399 г.) первый попытался ввести в своей стране греческую образованность. Он пригласил к себе художников, поэтов, философов. При его дворе долгое время жил живописец Зевксид и поэт Еврипид. Он проложил в своей стране большие хорошие дороги и построил крепости. Войско свое Архелай преобразовал по греческому образцу. Когда Архелай был убит, в Македонии настало время кровавых смут и насильственного захвата власти. После смерти царя Аминта II в споры о престолонаследии, как об этом было упомянуто выше, вмешались Фивы. Пелопид поставил на престол старшего сына умершего царя, Пердикку III, младшего же, Филиппа, в качестве заложника взял в Фивы. В скором времени Пердикка III пал в сражении против иллирийцев, и на престол вступил Филипп (360...336 г. до Р. Х.).

Пребывание в Фивах, бывших средоточием тогдашней эллинской борьбы и родиной военного искусства, доставило царю Филиппу, одаренному необыкновенным умом, случай получить прекрасное образование. Пелопид и Эпаминонд послужили ему примером, чего может достигнуть истинный муж. В надлежащей же энергии, благоразумии и политической проницательности, верно оценивающей положение дел, у Филиппа не было недостатка. В выборе средств для достижения своих целей он не был разборчив и не стеснялся прибегать к коварству, нарушению данного слова, измене и подкупу. В отношении подкупа замечательно вошедшее в пословицу его выражение: «Осел, нагруженный золотом, перейдет через самую высокую стену».

Филипп вступил на престол при самых неблагоприятных обстоятельствах. Со всех сторон у него оспаривали все. Но переговорами и подарками он привлек на свою сторону пеонян и фракийцев, дружелюбием и предупредительностью обманул афинян, а блистательной победой над иллирийцами распространил свои владения до озера Лихнита.

В этих битвах Филипп образовал тех храбрых воинов, которые впоследствии одержали ему блестящие победы. Введением фаланги он сделал войска свои непобедимыми. Этот знаменитый боевой порядок применялся, хотя и не с таким совершенством, еще Эпаминондом при Левктрах и Мантинее. Его вид и действие производили такое ужасное впечатление, что впоследствии один римский полководец утверждал, что никогда в жизни не видал ничего величественнее и страшнее.⁵ Из македонской знати Филипп образовал многих способных полководцев.

Таким образом Филипп обладал страной, служившей ему исходным пунктом, и войском, готовым по его приказанию жертвовать своей силой и жизнью, не доставало у него только денег. Но их получил он, когда ему удалось вновь овладеть берегами своей страны, занятыми греческими колониями, и приобрести богатые рудники в горах Пангейских. Но предварительно Филиппу необходимо было завладеть господствовавшим в тех областях Амфиполисом. Он скоро нашел повод к ссоре, напал на этот город и овладел им. Теперь он приобрел твердый опорный пункт для дальнейших завоеваний.

Новоприобретенные рудники Филипп разрабатывал с такой энергией, что, по удостоверению некоторых писателей, они приносили ему ежегодно до тысячи талантов. (3.750.000 рублей). Эти суммы, увеличенные еще доходами от налогов и пошлин, употреблял он частью на военные потребности, частью на подкупы, с помощью которых он устроил почти в каждом большом эллинском городе македонскую партию.

Филипп Македонский

Лицемерное дружелюбие царя ввело в обман афинян. Но вскоре, когда Филипп изменой захватил и Пидну, они с ужасом заметили свое ослепление. Афиняне охотно бы обратились теперь против Филиппа, если бы в это время не были заняты войной с отпавшими от них союзниками: Хиосом, Косом, Родосом и Византией. В этой союзнической войне (358...355 г.) Афины истощили последние силы. Они потеряли трех своих способнейших полководцев: Хабрия, Тимофея и Ификрата. Хабрий пал в морском сражении при Хиосе. Тимофей и Ификрат сделались жертвой другого, командовавшего вместе с ними полководца, Хареса. Он обвинил их в измене и подкупе, они были осуждены судом народа и покинули неблагодарное отечество. Тимофей и Ификрат умерли вскоре в изгнании. Сделавшись единственным главным предводителем, Харес продолжал войну, но без всякого успеха. Он не мог спасти Потидею от напавшего на нее Филиппа, а поддержкой, оказанной отложившемуся сатрапу, Артабазу, приобрел в персидском царе врага Афинам. Этот последний стал не менее Филиппа поддерживать теперь возмущившиеся острова — и Афины вынуждены были бесславно окончить войну, признав независимость отложившихся государств (355 г.). То был удар, от которого они не могли уже больше никогда оправиться. Филипп увидел теперь, на что он мог отважиться при разъединенности и печальном положении Греции, не ожидая от нее серьезного сопротивления. Предлог к тому скоро нашелся. Фокидяне, храбрый горный народ, который не участвовал в духовном развитии других эллинов, занимался земледелием и охотой, жил правильной, свободной жизнью и умел до сих пор сохранить от фиванцев свою независимость. Но около этого времени фокидяне завладели посвященными Аполлону Дельфийскому полями Кирры и возделали их. Дельфийцы принесли жалобу совету амфикионов, побуждаемые к тому фиванцами, которые имели в то время в этом совете почти исключительное влияние и употребляли его для преследования своих честолюбивых замыслов. Фокидяне были присуждены к тяжелой денежной пене, превысившей их слабые возможности. В отчаянии под предводительством Филомела напали они на город Дельфы и на дельфийский храм и отняли деньги у богатых жителей. А так как им для набора наемников требовалось денег гораздо более, то они захватили и сокровища храма, состоявшие из золотых сосудов, треножников, венцов и т.п. Большое жалованье, обещанное Филомелом, привлекло к нему многочисленные толпы «людей нечестивых, не уважавших богов, когда речь шла о наживе», говорит Диодор, и скоро Филомел собрал войско, состоявшее из 10.000 человек. В то же время Филомел обратился за помощью к Афинам и Спарте, которые согласились оказать ее грабителям храма из ненависти к Фивам. По крайней мере, согласно желанию Филомела, они нисколько не задумались признать за фокидянами, «в силу древнего обычая», право надзора за пифийским храмом. На стороне фиванцев находились локрийцы, большая часть беотийцев и фессалийцы. Началась Священная война (355 г.), которая свирепствовала 10 лет и превзошла своими ужасами все предшествовавшие войны. Борьба продолжалась с переменным успехом, пока Филомел, который действовал против превосходных сил неприятеля, не потерпел, вследствие собственной неосторожности, тяжелого поражения при Неоне (354 г.). Чтобы не попасть пленником в руки фиванцев, объявивших, что они будут казнить всякого участника в совершенном против богов преступлении, он бросился со скалы и погиб. Оставшийся после него брат его Ономарх не смутился этим и продолжал войну. Беспощадно ограбил он остававшиеся еще в Дельфийском храме сокровища. Из меди и железа он приказал сделать оружие, а из золота и серебра отчеканить монету. Таким образом, Ономарх получил возможность настолько увеличить жалованье своим войскам, что удалыцы и искатели приключений, посвятившие себя чужеземной военной службе, стекались к нему толпами из всех греческих племен. Необыкновенная удача благоприятствовала предприятиям Ономарха. Он вторгся в Беотию, разбил фиванцев и отнял у них Коронею. Затем он победоносно вступил в Фессалию, тираны которой Ликофорн и Ферский надеялись с помощью фокидян восстановить прежнюю свою власть. Притесненные фессалийцы обратились за помощью к Филиппу и вызвали его из северных областей, где он вел тайную и

открытую войну против господства Афин на море. В это время Филипп успел завоевать союзный с Афинами приморский город Мефону с целью постепенно проложить дорогу к весьма важному как для него самого, так и для афинян Геллеспонту. Хотя при осаде Мефоны Филипп и был ранен стрелой в глаз, тем не менее он поспешил на призыв фессалийцев о помощи. Сначала, не ознакомившись достаточно с силой своего противника, он проиграл два сражения. Тогда он усилил войско до 20.000 пехоты и 3.000 конницы и с этими силами одержал решительную победу в южной Фессалии. Войско Ономарха было совершенно уничтожено. 6.000 человек было убито, а 3.000 взято в плен. Остатки войска частично спаслись на афинском флоте, которым командовал Харес и держался поблизости от фокидян для оказания им поддержки. Сам Ономарх погиб. Тело его, по приказанию Филиппа, было распято на кресте, а пленные, как грабители храма, были брошены в море. К прискорбному изумлению фессалийцев, Филипп выказал к собственным своим интересам не меньшее рвение, чем к оскорбленным богам. Так, он оставил за собой приморский город Пагасею, весьма важный по доходности взимаемых в нем пошлин, для своих дальнейших предприятий. Таким образом Филипп сделался фактическим властелином Фессалии.

Под предлогом нападения на разбитых уже фокидян в их собственной области Филипп выступил из Фессалии и замышлял овладеть ключем к Греции — Фермопильским проходом. Но по настоянию оратора Демосфена афиняне заняли южный проход отрядом гоплитов из 5.000 человек и 400 всадников под командованием Навсикла. К ним присоединились еще 1.000 спартанцев и 2.000 ахейян. Даже со стороны фокидян явился под командованием Фаилла, брата Ономарха вспомогательный отряд, радушно принятый афинянами.

Филипп не отважился напасть на такое сильное войско и отступил обратно в Македонию. Афины с недоверчивостью следили за его действиями и было очевидно, что этот город сделается средоточием противодействия его честолюбивым замыслам. Задача Филиппа сделалась еще труднее с тех пор, как в Афинах выступил муж, который напомнил афинянам о старинном их призвании быть спасителями эллинской свободы, муж, разгадавший планы Филиппа и в своих речах постоянно доказывавший афинянам, что стремления царя направлены на уничтожение эллинской свободы и основание македонского владычества. Этот муж был Демосфен.

Демосфен происходил не из знатной афинской фамилии, как Кимон, Перикл, Фукидид и Алкивиад. Отец его был владельцем большой оружейной мастерской. Рано осиротев, Демосфен посвятил себя изучению красноречия в школе Исея. Впервые он выступил в судебном процессе против своих опекунов, захвативших имущество его отца. При произнесении своей первой речи в народном собрании Демосфен был освистан. Тогда его друг, актер Сатир, дал ему уроки дикции и мимики. С неутомимым прилежанием стал Демосфен изучать искусство красноречия. Имея короткое дыхание и слабый голос, он решил исправить эти недостатки. Часто ходил он на берег моря, туда, где сильнее всего бывал морской прибой, и старался заглушить его шум своим голосом. Народное собрание, перед которым он должен был выступить, представлялось ему морем, бушующим, бурным и волнующимся вокруг оратора. Чтобы в таких условиях достигнуть своей цели, нужно было обладать необычайной смелостью и мощным голосом. Поэтому Демосфен наполнял рот камешками и старался говорить чисто и ясно. Он также поднимался на крутые горы и там произносил громким голосом длинные речи, чтобы приучить себя как можно дольше не переводить дыхания. Наконец он переселился в подземелье, где, отказавшись от всякого общения с людьми, стал неутомимо изучать перед большим зеркалом различные положения и движения тела и лица. Плутарх рассказывает, что Демосфен даже обрил себе часть головы для того, чтобы лишить себя соблазна покинуть свое уединение, и провел несколько месяцев в своей подземной пещере в неутомимых занятиях и размышлениях об ораторском искусстве.

При исполнении обязанностей народного оратора Демосфен проявил ту же твердость, какую выказал при подготовке к этой должности. Так, в то время, когда один из его главных соперников, сторонник Македонии Демад часто появлялся перед народом в нетрезвом виде и

говорил без подготовки, хотя и с большим искусством, Демосфен, напротив того, отличался строгой воздержанностью и, как некогда Перикл, всегда готовился к своим речам, про которые говорили даже, что они пахнут ночной лампой. Речи Демосфена отличались силой и убедительностью. Презирая всякое излишнее влереchie, он говорил только о сути дела. Предмет речи у него определялся ясно, мысли развивались остроумно, твердостью убеждения была проникнута вся речь, которая по свидетельству Дионисия Галикарнасского, была величественна и в то же время проста, серьезна и слушалась легко, сжата и плавна, приятна и убедительна.

При вступлении Демосфена на политическое поприще нравственное состояние народа было далеко не утешительно, все предвещало близкую катастрофу. «Афинские юноши проводили целые дни в домах флейтисток и гетер, пожилые люди предавались только игре в кости и подобным безнравственным занятиям. Для народа же гораздо важнее были общественные обеды и даровая раздача мяса, нежели заботы о государстве».

Фокион

Некоторые благородные граждане, с негодованием замечавшие, что управление всеми государственными делами отдано на произвол партий, а руководители народа стараются только потакать его страстям, отчаиваясь в возможности возрождения своего отечества, заботились лишь о сохранении в чистоте своих собственных добродетелей, а не об улучшении государственного управления. Хотя, люди эти и не содействовали умышленно планам Филиппа, как то делали подкупленные изменники Эвбул, Демад, Филократ, Стратокл и др., но они находили невозможным сопротивляться им и полагали, что завоевательная политика Филиппа не воспрепятствует свободному существованию их отечества.

Такого мнения держался и правдивый, но смотревший на все с идеальной точки зрения Фокион. Как человек, отличавшийся при всеобщей развращенности нравов строгой честностью и суровой нравственностью, он без сомнения заслуживает нашего внимания. «Никто, — говорит один древний писатель, — не видал, чтобы он когда-нибудь плакал или смеялся, и никто не встречал его в общественных банях — обычном месте сборища праздных афинян. В поле ходил он босиком и без плаща, когда же отступал от этого правила, то воины заключали, что холод должен быть очень силен. В народном собрании Фокион, известный своей безукоризненностью и благоразумием, был страшен для ораторов, ибо народ часто охотнее склонялся на его краткие решения, чем на длинные и искусные речи людей, подобных Демаду и Демосфену. Поэтому Демосфен, видя, как после произнесения им речи, против него выступает со своим кратким возражением Фокион, иногда говорил: „Вот идет палач моих речей“. Фокион верил, что он окажет величайшую услугу своему отечеству, если всеми силами будет отстаивать мир. Когда же противники его восторжествовали, а он сам выбран был главным военачальником, то с готовностью принял возложенное на него государством поручение и со всевозможной осторожностью вел начатые против его желания предприятия. Действуя таким образом, он со славой предводительствовал в сорока пяти походах, ни разу сам на то не напрашиваясь.

Другие, подобно Исократу и его приверженцам, заботились о благе всей Греции. Они с величайшей горестью замечали повсюду одни лишь войны, кровопролития, смуты, с прискорбием видели, сколько терпели азиатские греки от варваров и греческих искателей приключений, — и Филипп являлся им в еще более привлекательном свете. В виду ослабления Афин и унижения Спарты, они только на Македонию и на Филиппа возлагали надежду спасти Грецию и получить возможность наказать Персию.

Демосфен не разделял ни одного из этих двух мнений. Поддерживаемый своими друзьями, знаменитыми ораторами того времени Гиперидом, Ликургом, Гегезиппом и другими, он смотрел совсем с другой точки зрения на события своего времени. Исполненный ни в чем не сомневающимся духом, он надеялся вновь вдохнуть в заснувший народ

мужественные чувства и воскресить в нем древние добродетели. Подобно Аристиду, Периклу и другим, заботясь более о благе государства, нежели о похвалах своих слушателей, Демосфен то говорил народу тоном ласкового поучения и совета, то действовал на него убедительной силой своих доказательств. Он не щадил ни дружеских увещаний, ни строгих укоров, ни язвительных насмешек. Он то напоминал афинянам о достославных деяниях предков, то представлял им в истинном свете современное безотрадное положение, приподнимал завесу мрачного будущего и предсказывал неизбежное бедствие их потомков, если они не станут помышлять о действительных своих интересах и о своем собственном спасении. «Вы радуетесь, — восклицал он, обращаясь к афинянам, — когда прославляют ваших предков, перечисляют их подвиги и победы, но знайте, что предки ваши совершили все это не для того только, чтобы вы удивлялись им, но для того, чтобы вы и подражали их добродетелям». «Вы, афиняне, — говорит он в другом месте, — обессилены и лишены своего достояния и союзников, вы только слуги и приверженцы ваших руководителей и вполне довольны, когда последние наделяют вас деньгами для присутствования на зрелищах и скудной пищей. Они держат вас запертыми в городе, приучают к себе и делают вас кроткими и послушными. Но разве живущие в зависимости и нищете, вы сможете сохранить в себе возвышенные и смелые помыслы. Каков образ жизни, таков и образ мыслей».

Замечая все более приближающуюся со стороны Филиппа опасность, Демосфен все настойчивее и настойчивее требовал более энергичной деятельности, пока еще оставалось время. Когда афиняне, узнав о болезни Филиппа, преисполнились радости и надежд, Демосфен сказал им, что они не должны пребывать в праздности и надеяться на скорое спасение. «Потому что, если этот и умрет, то скоро вы наживете себе другого Филиппа, если будете вести свои дела по-прежнему». Поэтому афиняне должны отказаться от праздности и, как в былые времена, снова, не щадя жизни, сражаться за отечество и жертвовать своим достоянием на пользу государства. Демосфен осмелился даже предложить народу, чтобы часть государственных доходов, предназначенных на уплату за места граждан на театральных зрелищах, была обращена на военные потребности, хотя по закону, принятому народом по предложению демагога Эвбула, всякий, делавший такое предложение, подвергался смертной казни. Не обращая внимания на представления и угрозы богачей, он предложил также законы, которые имели целью уменьшить и уравнять расходы по вооружению кораблей, составлявшие государственную повинность. Если бы афиняне исполнили все это, то могли бы с успехом сопротивляться Филиппу, которого Демосфен называл варваром.

Из всех государственных повинностей (литургий) самой обременительной была триерархия. Из среды богатейших граждан выбирались триерархи, и каждый из них обязан был снарядить и содержать за свой счет трирему (трехъярусную галеру, то есть военный корабль с тремя рядами отверстий для весел и соответственно одна над другой расположенными скамьями для гребцов). Триерарх был главным начальником над кораблем. С 358 г. до Р. Х. 12.000 богатейших граждан были обязаны отбывать триерархию. Но в скором времени обнаружились злоупотребления: многие не сами занимались снаряжением, а отдавали его с подряда по более дешевым ценам другим предпринимателям и тем освобождали себя от известной части издержек. Самые богатые из участвующих в снаряжении кораблей, которые имели большую власть, ссужали деньгами других за большие проценты и почти покрывали свои собственные издержки. Таким образом, те, на которых должна была ложиться большая тяжесть при отбывании повинностей, сумели свалить с себя ее и сверх того были освобождены от других повинностей. Вследствие этого снаряжение кораблей производилось самым неудовлетворительным образом. Около 340 г. по предложению Демосфена было постановлено, что каждый сообразно своему имущественному цензу обязан был снаряжать одну, а иногда и несколько трирем, менее же зажиточные соединялись вместе в общества (синтелии) и снаряжали одно судно сообща.

Демосфен не скрывал от своих сограждан всей опасности, исходившей от Филиппа,

который имел то преимущество, что, являясь одновременно и государем, и полководцем, и казначеем, сам распоряжался своими тайными и явными действиями и много выигрывал от быстрого и своевременного исполнения своих замыслов. «Подивитесь, — говорил Демосфен, — искусству этого государя: как хорошо умеет он пользоваться каждым обстоятельством! Употребляя то благоразумную снисходительность, то угрозы (а его угрозы несомненно внушительны), пользуясь нашим отсутствием и распуская на нас клевету, он обращает все обстоятельства к своей пользе».

Но вместе с тем Демосфен снова убеждал афинян не падать духом и умел искусно воспользоваться даже предшествовавшими несчастьями. «Прежде всего, — восклицает он в первой своей речи против Филиппа, — как бы наше настоящее положение ни казалось отчаянным, не следует терять мужества. Ибо именно то, что оно было до сих пор так дурно, позволяет надеяться на лучшее в будущем. В чем же заключается эта надежда? В том, что дела находятся в таком дурном состоянии вследствие беспечного вашего отношения к своим обязанностям. Будь они также дурны и при исполнении вами ваших обязанностей, тогда не было бы уже никакой надежды на их поправление».

Далее в той же речи он продолжает:

«Вы видите, мужи афинские, до чего человек этот доходит в своей дерзости. Желая лишить вас всякой возможности действовать или оставаться в бездействии по нашему собственному усмотрению, он влияет на вас то угрозами, то своими высокомерными речами. Не довольствуясь сделанными уже завоеваниями, он, в то время как мы пребываем в нерешительности и бездействии, распространяет их все далее и далее, чтобы окружить нас как тенетами. Когда же, мужи афинские, когда же вы будете делать то, что необходимо делать? Чего вы еще ожидаете? Вероятно, минуты, когда необходимость заставит вас действовать? За что же нужно почитать настоящее положение вещей? Я по крайней мере полагаю, что для свободных мужей не может быть более сильной необходимости, чем позор их положения. Или желаете вы, спрашиваю я вас, топтаться на одном месте и обращаться друг к другу с вопросом: „нет ли чего нового?“ В таком случае, вам ничего не сообщает новее того, что македонянин побеждает афинян и распоряжается судьбой эллинов».

К каким же результатам привели все старания Демосфена? Пока было еще время, ничего, за исключением некоторых слабых попыток, не было предпринято, что указывало бы на серьезное сопротивление. Народ по-прежнему коснел в своей беспечности и хотя иногда, благодаря предостережениям Демосфена, пробуждался и принимал блестящие решения, но все еще не имел достаточно энергии для приведения их в исполнение. Затем, когда уже невозможно было оставаться долее в бездействии и решено было вести борьбу, то решение это оказалось слишком поздним и борьба по этой причине должна была закончиться поражением.

При обозрении хода событий этого времени, сам собой возникает вопрос, как могло случиться, что такой здравомыслящий народ, как афиняне, в полном сознании и открытыми глазами стремился навстречу своей гибели? Но эта пагубная бездеятельность и равнодушие сделаются понятными, если представить себе полную перемену, произошедшую в состоянии Афин. Со времен Пелопоннесских войн Афины являлись лишь тенью того, чем они были когда-то. Прошли те времена, когда дух общности, имевший лозунгом: «каждый за всех и все за одного», заставлял жертвовать жизнью и достоянием на благо отечества. Полное отсутствие единодушия и сознания государственных интересов в особенности ярко обнаруживалось в военных делах и управлении. Низкое себялюбие тормозило всякое начинание, хотя бы сколько-нибудь намекавшее на общее дело. Теперь лозунгом сделались — покой и наслаждение. Подвергаться опасности для других или даже для собственной пользы почиталось безумием. Кроме того было достаточно число желавших поступить на военную службу только ради жалованья и наград.

Заставив эллинов притворной бездеятельностью забыть неудачную попытку

проникнуть через Фермопильский проход, Филипп обратился против могущественного и цветущего города Олинфа, который стоял во главе халкидского союза, блистательно состязался за господство со Спартой и часто угрожал македонским царям.

Дружеский прием, оказанный олинфянами двум побочным сыновьям Аминта, действовавшим против Филиппа, послужил царю предлогом для объявления Олинфу войны. Со свойственной ему быстротой Филипп вторгнулся в округ этого города. Устрашенные олинфяне обратились за помощью к Афинам. Демад был против союза с ними, но Демосфен в трех своих «олинфских» речах настоятельно убеждал оказать просимую помощь. Он верил, что боги оказывают благодеяние, восстанавливая против царя такого врага. Враг этот граничил с владениями Филиппа, обладал значительной силой и был твердо убежден, что всякий союз с царем является неверным и гибельным.

Афиняне, хотя и вступили в соглашение, но не послали к союзникам хорошего вспомогательного войска. Отправленные же ими отряды, сперва под командованием Хареса, а после под предводительством Харимеда, состояли из вольных наемников. Когда, наконец, после третьего посольства олинфян было послано под предводительством Хареса войско, состоявшее из афинских граждан, то город, еще до прибытия его попал в руки Филиппа, вследствие измены двух подкупленных начальников олинфской конницы Ласофена и Евфикрата. Все дома были разрушены, а жители проданы в рабство. Таким образом, афиняне, вследствие своей беспечности допустили даря завладеть этим важным городом. Они старались побудить пелопоннесцев заключить с ними союз против Филиппа, но когда это не удалось, вступили в переговоры с царем и заключили с ним мир.

Между тем Филипп продолжал свои завоевания во Фракии и по приглашению самих фиванцев и фессалийцев покорить фокидян, быстро перешел через Фермопилы, вступил в Фокиду и принудил ее жителей к покорности. Затем он созвал в Дельфах суд амфикионов, на котором была решена участь ограбивших храм фокидян: 22 города их были разрушены, жители расселены по деревням, Фокида была исключена из союза амфикионов, а принадлежавшие ей до тех пор два голоса были переданы Филиппу и его преемникам. События эти произвели в Афинах сильное смущение. Но им, вследствие изолированного положения их, ничего не оставалось более, как покориться обстоятельствам.

Таким образом Филипп⁶ явился теперь увенчанный славой завершителя Священной войны и поборника дельфийского божества, но он смотрел на это лишь как на переходную ступень на пути к господству над всей Грецией. Частью совершенное ослепление в отношении угрожавшей опасности, частью равнодушие и бессилие затрудняли все стремления патриотов, старавшихся противодействовать замыслам Филиппа. Кроме Демосфена самыми искренними защитниками национальных интересов явились: достойный уважения оратор Ликург, искусный и веселый Гиперид, Гегесипп, Тимарх и некоторые другие. Само собой разумеется, что Демосфен и теперь не приходил в отчаяние, несмотря на то, что Филипп представлялся ему «распространяющим свою власть подобно пожару и горячке». «Доколе судно, — говорил он, — все равно, большое оно или малое, еще на воде, дотоле кормчий должен заботиться, чтобы никто не погубил его умышленно или по неосторожности». «Когда же волны поглотят его, — продолжал он далее, — тогда всякие старания бесполезны. Но что же надлежит делать нам, мужи афинские, пока мы находимся еще в безопасности и обладаем столь важным городом с богатыми вспомогательными источниками и с достославным именем? Вот вопрос, который давно уже у многих из нас вертится на языке. Я дам вам ответ на этот вопрос и представлю вам на рассмотрение свое предложение. Прежде всего нам следует самим стать в оборонительное положение и в то же время снарядить корабли и собрать деньги и войска. Ибо, если даже все остальные склоняются под ярмом, то мы все-таки должны сражаться за свободу. Вполне вооружившись сами, мы должны призвать и остальные государства. Было бы глупо выказывать заботливость к чужим интересам и в то же время оставлять свои собственные на произвол

судьбы. Итак, я предлагаю вам послать находящемуся в Херсонесе войску деньги и удовлетворить все прочие его требования. Далее, вооружиться самим и призвать остальных эллинов, чтобы соединить их, вразумить и уговорить: так подобает поступать государству, занимающему положение равное нашему. Если же вы будете безучастно выжидать, чтобы Элладу спасли жители Халкиды или Эретрии, то вы заблуждаетесь, ибо они почтут себя довольными и тогда, когда будут в состоянии спасти самих себя. Нет, это ваше дело: предки ваши приобрели это почетное призвание ценой бесчисленных и тяжких битв и оставили вам его в наследие. Но если все мы будем сложа руки в ожидании исполнения нашего желания стараться лишь о том, чтобы самим ничего не делать, то я думаю, во-первых, что вряд ли удастся найти охотника, который бы согласился заместить нас, а во-вторых, опасаясь, что в конце концов мы будем вынуждены делать все возможное, что противоречит нашим желаниям. Вот то, что я устно и письменно советую вам и верю в то, что, если совет мой будет исполнен, то дела наши могут и теперь еще поправиться. Если же кто имеет предложение лучшее, то я предоставляю это на ваше усмотрение, и что будет решено вами, то да обратят боги к вашему благополучию».

Но усилия могучего оратора не были в состоянии вдохнуть в афинян продолжительного воодушевления к интересам общего отечества. Только тогда, когда действия Филиппа стали угрожать Афинам близкой опасностью, Демосфену удалось быстро возбудить в афинянах воинственный боевой дух. Вследствие этого, благодаря посылке вспомогательного войска, им удалось уничтожить замыслы Филиппа и стать твердой ногой в Мегаре и на острове Эвбее. Еще большей угрозой для Афин было то, что Филипп показал вид, как будто желает закрыть для них торговый путь в Геллеспонт и Херсонес и даже отрезать им всякое с ними сообщение. Однако Филипп не искал еще полного разрыва с Афинами и, колеблясь между войной и миром, считал последний более для себя выгодным. Но замыслы его не могли долее оставаться скрытыми, когда он напал на торговый город Перинф и стал угрожать Византии. До сих пор оба эти города опасались покушений на свою самостоятельность со стороны Афин и отвергали всякие предложения их. Только теперь, когда участь, постигшая Олинф, стала угрожать и этим городам, они с нетерпением ожидали помощи от афинян. Сначала византийцы поспешили на помощь к соседнему городу Перинфу. Персидский царь Артаксеркс Ох также послал им денег и хлеба. Наконец и в Афинах решили начать действовать, несмотря на полученное от Филиппа угрожающее письмо. По предложению Демосфена, мирный договор с Филиппом был расторгнут и сперва под командованием Хареса, а потом Фокиона были отправлены флот и войско. Филипп вынужден был снять осаду с обоих городов, совершил опустошительный поход на нижний Дунай, в страну скифов и, подвергнувшись на обратном пути нападению трибаллов, которые отняли у него большую часть добычи, вернулся в Македонию. Еще раз явились Афины в прежнем своем блеске, и спасенные государства выразили им признательность присылкой золотых венков и значительных денежных сумм. Влияние Филиппа во Фракии было потеряно. Ему необходима была новая победоносная война. Поводом к ней послужила так называемая Священная война Амфиссы против локрийцев (339 г.)

По всей вероятности, вследствие происков подкупленных Филиппом изменников, к которым в особенности принадлежал Эсхин, облеченный в то время в звание пилагора (уполномоченного в Дельфах при суде амфикионов), со стороны Амфиссы была возбуждена жалоба на локрийцев в том, что они вспахали священный округ Кирры. Поднялись все дельфийцы, способные носить оружие, и под командованием призванных в совет амфикионов послов, вступили в область Кирры, чтобы разорить возделанный округ, но были отражены жителями Амфиссы. Тогда в собрании решено было наказание локрийцев обратить в общее дело всех государств, принадлежавших к союзу амфикионов. Демосфен, предвидя опасность для Аттики, убедил афинян не принимать никакого участия в этих совещаниях. Прочие государства, в особенности Фессалия, решили объявить локрийцам войну, и чтобы придать более веса бессильным решениям амфикионов, избрали Филиппа главным вождем священного ополчения. Филипп тотчас же выступил в поход с 30.000

пехоты и 2.000 всадников, прошел Фермопилы, разбил локрийцев в Амфиссе, вернулся в Фокиду, внезапно занял пограничный город Элатею, служивший центральным пунктом нескольких стратегических путей, и стал угрожать отсюда Беотии и Аттике: Демосфен сам описывает нам впечатление, произведенное в Афинах известием об этом: «Был уже вечер, когда вестник принес в совет известие о том, что Элатея взята Филиппом. Тотчас же все члены совета поднялись из-за ужина. Некоторые из них вызвали из лавок торговых людей и зажгли сигнальные костры, чтобы призвать в город поселян, другие послали за вождями и подняли тревогу. Весь город пришел в величайшее волнение. На рассвете следующего дня члены совета созвали народное собрание в здании совета. Граждане собрались на Пниксе (возвышенном месте в юго-западной части Арейского холма). Члены совета привели в народное собрание вестника, и он подтвердил известие. Тогда глашатай собрания спросил: „Кто желает говорить?“ Но никто не изъявил такого желания, хотя в собрании и присутствовали военачальники и государственные мужи. Никто не осмеливался подать какой-либо совет. Тогда выступил Демосфен и энергически оспаривал мнение тех, которые надеялись поспешной покорностью снискать себе умеренные условия, равно и мнение тех, которые считали безумным сопротивляться македонскому войску. Он говорил только о защите, старался внушить мужество своим согражданам, побуждал их к сопротивлению и подавал им надежду на успех. Затем он предложил отправить в Элевсин всех молодых людей, способных носить оружие, и пеших и конных, и, доказав этим твердое намерение оказать решительное сопротивление, предлагал пригласить к союзу Фивы. Демосфен полагал, что теперь, при наступлении общей опасности, легко можно будет сделать то, чего прежде нельзя было достигнуть при взаимной ненависти между обоими государствами. Все предложения Демосфена были приняты, и он сам был отправлен во главе посольства в Фивы.

Тут ему пришлось вступить в состязание с посланниками царя, также отправленными в Фивы. Находившийся в числе их Пифон, отличнейший оратор, родом из Византии, выступил в народном собрании. Он старался как можно ярче изобразить фиванцам выгоды союза с Филиппом, напомнил о вынесенных ими оскорблениях со стороны Афин и сулил им победу и богатую добычу. Демосфен, напротив того, умолял фиванцев забыть причиненные друг другу неприятности и подумать, что они, как греки, со славой соперничали о гегемонии, а теперь, когда чужеземец хочет господствовать в Греции, должны соединиться против общего врага. Он напомнил им о славе эллинского имени и о мужестве предков, представил, какую сильную помощь готовы оказать им Афины, изобразил стыд рабства, если Филипп восторжествует, и обманчивость всех его обещаний.

Речь Демосфена увлекла колебавшихся еще фиванцев в сторону Афин. Всякая недоверчивость исчезла до такой степени, что фиванцы впустили в свой город афинское войско, шедшее поспешно под командованием Хареса и Лисикла. Затем и фиванцы вооружились такой же энергией и поспешили вместе с афинянами навстречу царю. Филиппу в Фокиду. Две первые стычки были счастливы для союзников, и в Афинах назначены были уже по этому случаю празднества и благодарственные жертвоприношения. Решительная битва произошла на развалинах при Херонее (в августе 338 г.). Но союзные войска, собранные поспешно, недостаточно опытные, составленные из различных народностей, хотя и превосходили своей численностью войска царя, не могли состязаться с ними в привычке к перенесению военных трудностей и в боевой опытности. Сам Филипп далеко превосходил и талантом военачальника и боевой опытностью греческих полководцев, между которыми лучшими были афинянин Стратокл и фиванец Феаген. Таким образом, от этого самого главного сражения нельзя было ожидать ничего хорошего. Однако союзники сражались с отчаянной храбростью. Блистательнее всех действовал священный фиванский отряд. В ряду же афинских гоплитов сражался и Демосфен в качестве простого воина. Но сын Филиппа Александр с фессалийской конницей уничтожил священный фиванский отряд, а сам Филипп стремительным натиском своей фаланги разбил афинян. Скоро все обратились в бегство. Кровавопролитие было ужасное. 1.000 афинских граждан было убито, триста человек священного фиванского отряда, вместе с предводителем их Феагеном пали все до одного.

Впоследствии в честь павших воинов на их могиле была воздвигнута колоссальная фигура льва, упирающегося на передние лапы, с гордо поднятой головой и пристальным взглядом, как бы обращенным на неприятеля.

Последнее сопротивление в открытом поле, которого боялся Филипп, было сломлено. Но самый город Афины еще не был взят. Здесь самым ревностным образом готовились к отчаянной обороне. Освободили даже рабов и поставили их в ряды защитников. Изгнанникам и преступникам было обещано возвращение на родину и восстановление прав, если они пожелают сражаться за отечество. Жители Трезена, Эпидавра, Коса и Андроса были призваны на помощь. Пирейская гавань была укреплена, стены исправлены, вырыты рвы и возведены валы. Такой решительный образ действий афинян не преминул оказать влияние на Филиппа. Вместо того, чтобы предпринять продолжительную осаду, он благоразумно предпочел вступить в мирные переговоры. Вместе с тем он отпустил 2.000 пленных афинян без всякого денежного выкупа, а трупы павших воинов отправил на родину. Здесь Демосфену, несмотря на все насмешки сторонников македонской партии, поручено было произнести над павшими надгробную речь.

Умеренность, проявленная Филиппом после одержанной им победы, намного смягчила горечь поражения. При посредстве Демада, весьма любимого царем, являлась возможность прийти к соглашению, которое удовлетворило бы обе стороны. Афины согласились отказаться от своей гегемонии на море, освободить от обязательств своих союзников и присоединиться самим к вновь образованному македоно-эллинскому союзу. Взамен Филипп приносил обязательство не посягать на независимость Афин и не вводить в них своего гарнизона. Зато Фивы испытали на себе всю строгость победителя. За возвращение пленных и убитых они должны были внести значительный денежный выкуп. Крепость Кадмея была занята македонским гарнизоном. Сами Фивы были лишены гегемонии над беотийскими городами и обязались дозволить гражданам, изгнанным из их городов Платей, Орхомена и Феспии возвратиться на родину, а города эти признать независимыми. Предводители патриотической партии были частично казнены, частично изгнаны, а имущества их отобраны в казну.

Затем Филипп отправился в Пелопоннес и нашел здесь со стороны коринфян, аргеев, аркадян, мессенцев и элейцев самый восторженный прием. Одни спартанцы оказали сопротивление и поплатились за это опустошением своей страны и потерей гегемонии. С этих пор владения Спарты были ограничены обоими берегами реки Эвроты. В самый же славный город Спарту Филипп не вступал. Он даже спокойно отнесся к отказу спартанцев отправить послов в собрание в Коринф, где в скором времени был прочно установлен новый порядок вещей в Греции (в 337 г.). В этом собрании Филипп объяснил, что действительной целью всей предшествовавшей его деятельности было покорение Персии, потребовал от всех эллинских государств людей и корабли в качестве средства для достижения названной цели и залога их верности и вместе с тем заставил провозгласить себя главным вождем всех эллинов. Вслед за тем Филипп целый год готовился к этому великому предприятию и отправил наперед в Малую Азию Пармениона и Аттала с македонским войском, чтобы склонить на свою сторону прибрежные греческие города. Но тут кинжал убийцы положил неожиданный конец его жизни и планам (336 г.).

Перед отъездом в Азию Филипп праздновал бракосочетание дочери своей Клеопатры с милосским вождем Александром. В Эгее были даны великолепные празднества. В доказательство своей уверенности в личной безопасности Филипп совершенно один отправился из своего дворца в театр. Телохранители же его должны были следовать за ним лишь в отдалении. При входе в театр один из телохранителей знатного рода по имени Павсаний, оскорбленный Атталом и не получивший от Филиппа удовлетворения на свою жалобу, бросился на царя и пронзил его одним ударом. Убийца был настигнут телохранителями Филиппа и изрублен ими в куски.

Данное дельфийским оракулом изречение: «Видишь, телец увенчан, конец его близок, идет жертвоприношение», получило через это злодеяние совершенно другое толкование, а

не то, которое прежде давали ему, относя к Персии. Внезапная кончина этого великого государя вызвала разнородные волнения. В Афинах господствовала величайшая радость. Демосфен явился в народное собрание в великолепном плаще с венком на голове. Он полагал, что ему нечего опасаться «мальчика» Александра, сына Филиппа. Однако ему скоро пришлось испытать, что дух великого отца перешел в сына и что Фокион был прав, когда говорил, что сила, победившая при Херонее, уменьшилась теперь лишь на одного человека.

22. Александр Македонский

(356 — 323 г. до Р. Х.).

а) Юность — Разрушение Фив.

Не будучи эллином по рождению, Александр всецело принадлежит к эллинам по своему образованию. Он был именно тем человеком, которому суждено было выполнить дело национального призвания эллинов — ниспровержение Персидской монархии. Он родился в Пелле, в 356 году до Р. Х. от Олимпиады. Как на знамение высшего призвания Александра древние указывали на тот факт, что в ночь его рождения некто Герострат, желая из безумного тщеславия обессмертить свое имя, поджег храм Артемиды в Эфесе. Узнав о рождении сына, Филипп тотчас написал философу Аристотелю из Стагиры, величайшему мыслителю и ученому древности, письмо следующего содержания: «Знай, что у меня родился сын, я благодарю богов не столько за то, что они дозволили ему родиться, сколько за то, что он родился в твоё время. Надеюсь, что воспитанный под твоим руководством и в твоей школе, он сделается достойным предназначенного ему трона».

Аристотель

О юности Александра рассказывают множество историй. Он укротил прекрасного, но дикого фессалийского коня Буцефала (что означает бычья голова — названного так, как говорят, потому, что у него на лбу было белое пятно, похожее на голову быка). Заметив, что Буцефал боится своей собственной тени, Александр повел его против солнца, неожиданно вскочил на него и пустил нестись, куда ему вздумается. Узнав об одержанной Филиппом победе, Александр воскликнул: «Отец мой не оставит мне никакого дела!» Ум Александра питался творениями эллинского гения, и из них всех он предпочитал поэмы Гомера, этот прообраз всей эллинской жизни. Александр знал почти всего Гомера наизусть и творения его вместе с мечом всегда лежали у него под изголовьем.

Первым делом Александра после смерти отца был визит в Коринф, где в собрании представителей всех греческих государств он заставил утвердить себя, подобно отцу, в звании главного вождя всех эллинов против персов. Все, за исключением Спарты, согласились на это. Спартяне же с упрямством велели ответить ему, что не в их обычаях позволять кому-либо начальствовать над собой, а что, напротив того, они сами привыкли предводительствовать другими.

В то же время повсюду вспыхнули волнения — и среди покоренных отцом Александра варваров, и среди подчинившихся македонскому царю эллинов, которые задумали поколебать основания созданного им государственного устройства. Александр вынужден был силой оружия привести к покорности иллирийцев, трибаллов, фракийцев и другие северо-восточные народы. Между тем в Греции распространился слух о его мнимом поражении и даже смерти и тотчас же произвел в этой стране сильное волнение. Фивы первые начали войну, напав на македонский гарнизон в Кадмее и пригласили все остальные греческие государства присоединиться к ним для восстановления свободы. Граждане стали

вооружаться в Пелопоннесе, в особенности в Аркадии и Элиде, а также в Этолии. Надежды Демосфена вновь ожили, и он заклинал афинских граждан воспользоваться благоприятным моментом и подняться за свою независимость, причем можно было рассчитывать и на помощь Персии.

Но прежде чем отдельные государства пришли к общему решению, Александр стоял уже под Фивами. Однако фиванцы не хотели добровольно согласиться на мирные условия и решились вступить в отчаянную битву. Они сражались с необыкновенным мужеством, но не могли противостоять не меньшей храбрости и превосходству сил Александра. Им пришлось испытать на себе не только весь его гнев, но еще более старинную ненависть, которой теперь вполне предались находившиеся в союзе с македонским царем беотийские города, фокее и др. Фивы совершенно были разрушены. Пощажены были только храмы и дом поэта Пиндара. За исключением потомков этого поэта и граждан, дружелюбно расположенных к Македонии, все жители (30.000) были проданы в рабство.

Такая жестокая кара не только уничтожила средоточие будущих смут, но и послужила устрашающим примером всем эллинам. Тем легче было теперь царю выказать кротость в отношении других греков. Афинским послам, в числе которых находились Фокион и Демад, удалось исходатайствовать прощение своему городу, несмотря на то, что афиняне обнаружили перед тем неприязненные намерения и приютили у себя многих фиванских беглецов. Афинянам не пришлось даже выдать потребованных было сначала Александром десяти мужей, частью ораторов, частью полководцев (Демосфена, Ликурга, Гиперида и др.). Щадя и уважая, подобно своему отцу, знаменитый город, Александр полагал, что этим он лучше всего обеспечит спокойствие Греции.

б) Александр в Малой Азии, Граник и Исс.

(334...333 г. до Р. Х.)

Усмирением восстания в Греции Александр обеспечил себе тыл. Однако, на всякий случай, он оставил в Македонии Антипатра с войском, сам же с юношеским пылом устремился к задуманной цели: к покорению и подчинению Персии. Во главе 30.000 пехоты и 5.000 конницы, окруженный талантливыми полководцами Парменионом, Пердиккою, Кратером, Птоломеем, к которым в качестве царского секретаря присоединился опытный в делах политических грек Эвмен, выступил Александр в поход. Но прежде выступления Александр пожелал узнать мнение дельфийского оракула. Пифия упорно отказывалась дать ответ, потому что в тот день закон запрещал ей прорицать. Тогда он схватил Пифию, и, несмотря на ее сопротивление, силой затащил ее в святилище. «Ты непобедим, сын мой!» — воскликнула она наконец. Александр тотчас же выпустил ее, с радостью удостоверившись, что ему не добиться более никакого другого предсказания. Переплыв через Геллеспонт, Александр совершил с корабля своего из золотой чаши возлияние богам. Он первый сошел на берег Азии и, подобно древнему герою Протесилаю, принес пред Илионом жертвы всем эллинским героям, образцам своим, и возложил венок на могилу Ахиллеса, которого провозгласил счастливым, «так как он при жизни нашел себе друга (Патрокла), а по смерти достойного певца своих подвигов (Гомера)». Друга имел Александр в Гефестионе, также увенчавшего могилу Патрокла. Александр надеялся, что и второе его желание исполнится, так как он взял с собой в поход ораторов, философов и художников всякого рода, например, Анаксимена, Каллисфена, Аристобула и других.

Между тем при персидском дворе, который служил отражением беспорядков, господствовавших во всей монархии, произошли события самого печального свойства. Сын и преемник Артаксеркса II — Артаксеркс III Ох для утверждения за собой власти истребил большую часть царского семейства, но был сам отравлен наперсником своим Багоем (338 г.). Багой возвел на престол единственного сына Артаксеркса Ареса, но в 336 году умертвил и

его. Затем он провозгласил царем одного дальнего родственника царского дома Дария Кодомана (336...330 г.). Дарий Кодоман, заслуживший бедственной судьбой своей, которой ему пришлось искупить злодеяния своих предшественников, снисходительный суд потомства, обладал кротким характером и другими хорошими качествами, но он не имел воинственного духа, чтобы по крайней мере затруднить победоносное шествие Александра.

Смуты, которые ослабляли Грецию, были спасением для Персии, так как устраняли опасность нападения со стороны греков. Лишь против возрастающей силы Филиппа начаты были вооружения. Но в надежде на успех восстаний против молодого Александра, вызванных отчасти благодаря персидскому золоту, вооружения эти снова были приостановлены. Только быстрые успехи царственного юноши и его явные замыслы против Азии обратили, на себя должное внимание персидского правительства и побудили его приняться за поспешные приготовления к обороне.

Собранное сатрапами Малой Азии и состоявшее из 20.000 всадников войско, подкрепленное 20.000 греческих наемников, предводительствуемых превосходным полководцем Мемнионом, родом из Родоса, ожидало на берегах Граника македонского царя, чтобы преградить ему путь в Переднюю Азию. Мемнон, отличавшийся проницательностью, был того мнения, что следовало, не вступая в решительное сражение, медленно отступать и истреблять запасы, так что Александру при его наступлении пришлось бы встретить одну пустыню. В тылу же флот должен был отрезать путь к отступлению. Таким образом, неприятель в скором времени очутился бы в величайшей опасности. Но сатрапы, не доверяя греку, полагались на численность своих сил, между тем, как Александр рассчитывал на превосходство своего войска. На совет Пармениона не переходить реки в виду неприятеля, Александр ответил, что «ему, перешедшему без труда Геллеспонт, было бы стыдно оставаться перед переходом через этот маленький ручей».

Здесь, построив с обычным искусством свои войска, с громким, радостным криком двинулся Александр на неприятеля. Конница овладела переправой, а следовавшие за ней фаланги довершили победу, в особенности над храбрым греческим наемным отрядом. Александр сам участвовал в атаке крутого берега, сражаясь в передних рядах, но едва не погиб в сражении. В то время, как он сшиб с коней Митридата и Ройсака, пробившего ему шлем, Спитридат замахнулся мечом, чтобы поразить Александра сзади. Но в эту минуту «черный» Клит одним взмахом меча отрубил Спитридату руку, — и Александр был спасен. Взятых в плен греческих наемников в наказание за то, что они сражались против него в рядах варваров, Александр отправил в цепях в Македонию. В память двадцати пяти своих всадников, погибших при первом нападении, повелел он Лисиппу воздвигнуть медные статуи, а родственникам прочих убитых даровал свободу от всех податей. В Афины Александр послал в дар богине Афине 300 полных воинских доспехов. Они были повешены на стенах крепости со следующей надписью: «Александр, сын Филиппа, и греки, исключая лакедемонян, отняли сие оружие у варваров Азии».

Последствием этой победы было завоевание всей Малой Азии. Даскилий, главный город фригийской сатрапии, отворил ворота Пармениону, а лидийские Сарды — самому Александру. Большая часть греко-азиатских городов приняли своих соотечественников с радостью. Чтобы обеспечить себе их верность, Александр учредил во всех сдавшихся ему городах народное правление, потому что аристократическая партия большей частью была предана персам.

Два важных города, Милет и Галикарнас, из которых в последнем начальствовал Мемнон, оказали сильнейшее сопротивление, и их пришлось брать приступом. Мемнон, имевший в своем распоряжении многочисленный флот, составил план отрезать Александру всякое сообщение с Европой и возбудить в Греции против Македонии восстание. Но он умер во время осады Митилены. Теперь у Дария не оставалось ни одного сколько-нибудь достойного и искусного полководца. В начале зимы Александр отпустил на родину женатых воинов, приказав им вернуться к нему весной с новыми войсками. Сам же он пошел через Ликию и Памфилию к пограничному греческому городу Сиде, отбросил воинственных

писидян в их горную область, обуздал непокорных аспендиев и через город Перге направился к северу, в великую Фригию. В Гордионе он соединился с Парменионом, который выступил к нему навстречу из Сард с прибывшими к нему из Македонии войсками. В крепости Гордиона с незапамятных времен находилась пользовавшаяся необыкновенным почитанием святыня. Мидас, которому позднейшее предание приписывает «ослиные уши», сын бедного фригийца Гордия, избранный впоследствии фригийцами в цари, принес в дар Зевсу и поставил в городе Гордионе колесницу, на которой отец его Гордий въехал в этот город. Ремни для запряжки коней были привязаны к дышлу таким искусным узлом, что концов этих ремней нельзя было видеть. По народному верованию тот, кто развяжет этот узел, должен был сделаться властителем всей Азии. Александр разрубил узел мечом и сказал при этом, что теперь узел развязан.

Для Александра было особенно важно завладеть узким проходом в Киликию, прежде чем персидский царь успел бы достаточно укрепить его. Достижение этой цели было значительно облегчено добровольным подчинением Пафлагонии. Затем Александр выступил из Фригии со всем своим войском к этому проходу, взял его приступом, после чего овладел Тарсом, главным городом Киликии.

Вследствие трудностей этого похода, а по другим сведениям оттого, что он выкупался в прозрачной и холодной реке Кидне, протекающей через Таре, Александр внезапно заболел. Болезнь была опасной, врачи не надеялись спасти его. Один лишь придворный врач его, Филипп из Акарнании, обещал приготовить питье, которое должно излечить царя. Но как раз в это самое время Парменион написал из лагеря Александру, что он не должен доверять Филиппу, так как он, подкупленный Дарием, обещал отравить его. Но Александр не потерял доверия к своему врачу, взял от Филиппа чашу, отдал ему в обмен письмо Пармениона и в то время, как Филипп читал письмо, выпил принесенное питье. Невинность Филиппа подтвердилась быстрым выздоровлением царя. Вскоре Александр при радостных кликах своих воинов выступил из лагеря, чтобы продолжать свой поход против Дария.

Александр в битве (Мозаика в Помпеях)

Между тем Дарий собрал войско в 600.000 человек, в числе которых находились 30.000 греческих наемников. С этим войском он расположился на гористой позиции по берегу реки Иссы в восточной Киликии, весьма невыгодной для его многочисленной конницы. (333 г.) Александр двинулся ему навстречу. Напомнив войскам своим их прежние блестящие подвиги, указав, что наградой за победу послужит обладание всей Азией, и вдохнув в них этим величайшее мужество, отдал распоряжение к выступлению.

Сам Александр напал на центр неприятельского войска, где находился Дарий в своей колеснице. Здесь произошла самая горячая схватка. Увидев вокруг себя множество павших благородных персов, Дарий в страхе за свою безопасность обратился в бегство. Это послужило сигналом к всеобщему расстройству. Фессалийская конница бросилась преследовать неприятеля. Все лощины и овраги переполнились трупами. Преследуемый по пятам Александром, Дарий бросил свою колесницу. Колесница эта, лук, верхняя одежда царя, весь лагерь с неисчислимыми сокровищами (1.000 талантов) и даже царская палатка сделались добычей победителя. Найденная при этом драгоценная шкатулка была назначена Александром для хранения сочинений Гомера, для того чтобы «прекраснейшее творение человеческого гения заключалось в прекрасном хранилище». В числе пленных находилась мать Дария (Сисигамбия), жена его Статира, малолетний сын и две дочери. Успокоив предварительно через Леоннату обеих женщин насчет участи Дария, Александр, по словам Арриана, посетил их на другой день после битвы в сопровождении Гефестиона. Сисигамбия преклонила колени перед Гефестионом, приняв его за Александра, так как тот был выше царя ростом. Когда Гефестион указал ей на Александра, то Александр сказал: «Мать, ты не ошиблась, и он также Александр». Дарий еще до сражения отправил в Дамаск огромные

сокровища и много драгоценностей, но вместе с этим городом все попало в руки Пармениона, посланного туда именно с целью захватить их. Александр наградил воинов по-царски. Хотя он сам был ранен в бедро, на другое же утро он посетил раненых, велел торжественно похоронить убитых, сам присутствовал при погребении их во главе своего победоносного войска и поименно отличил при этом всех, кто каким бы то ни было образом доказал свое мужество и искусство.

Этой победой была сокрушена сила Персидской монархии и уничтожена вера в ее страшное могущество. Дарий, бежавший за Евфрат, писал Александру, жаловался на несправедливое нападение, просил об освобождении своего семейства и предлагал свою дружбу. Но Александр, преисполненный горделивого сознания только что одержанной им победы, отвечал ему, что в звании вождя всех греков он пришел для отмщения за те бедствия, которые персы некогда нанесли Греции, а как сын Филиппа должен отомстить за оскорбления, нанесенные ему царем Артаксерксом, который поддерживал врагов отца его. «Впрочем, — присовокуплял Александр, — Дарий может написать ему как царю Азии и своему повелителю и явиться сам, чтобы получить обратно свое семейство». Однако Дарий не считал себя еще павшим так низко. Он написал вскоре еще раз Александру и предлагал ему за семейство большой выкуп, руку своей дочери и Азию до берегов Евфрата. Но Александр ответил ему в том же духе, что и в первый раз. Таким образом семейство Дария осталось в плену у Македонского царя, который, впрочем, обходился с ним с уважением и кротостью.

в) Александр в Тире и Египте.

(332...331 г. до Р. Х.).

Прежде чем преследовать разбитого Дария в Евфратской равнине, Александр решил покорить Финикию и Египет для того, чтобы при последующих действиях против Востока не оставить на Западе ни одного врага. Последствия вполне оправдали такое решение царя. Когда он пошел вдоль финикийских берегов, то тамошние небольшие государства, более заботившиеся о своей торговле и своих богатствах, чем об интересах Персии, подчинились ему добровольно. Некогда могущественный Сидон также покорился ему. Только один Тир, знаменитый своей морской торговлей и промышленностью, оказал сопротивление и отказал Александру, когда тот потребовал впуска его в город под тем предлогом, что он хочет принести жертву местному национальному божеству, так называемому «тирскому Геркулесу». Тириане тем более надеялись на успешную оборону, что город их был расположен на острове, отстоявшем от материка на тысячу шагов и был окружен высокими стенами. Александр приказал соорудить через пролив плотину из дерева и камня. Но тириане сделали вылазку, сожгли плотину и уничтожили осадные машины. Была проведена новая плотина, достигавшая стен города. На плотине были вновь установлены осадные орудия и затем были употреблены средства тогдашнего осадного искусства для овладения городом. Наступательные действия осаждающих были поддержаны со стороны моря киликийским и кипрским флотами. После восьмимесячной осады удалось наконец сломить упорство защитников города. Тир был взят приступом и дорого заплатил за свое мужественное сопротивление: 8.000 тириан были убиты во время осады и штурма, 2.000 человек распяты на крестах, 20.000 проданы в рабство.

На пути в Египет, в то время как Иудея покорилась добровольно, Александра задержала только осада филистимского города Газы, который упорно обороняли наемные арабские войска под командованием Батиса. После падения и этого города Александр без всякого труда покорил Египет. Персидский сатрап не оказал ни малейшего сопротивления, так как опасался взрыва народной ярости, которая при недостаточности имевшихся в его распоряжении войск, могла оказаться для него гибельной. Александр беспрепятственно

достиг Мемфиса и принес здесь жертвы египетским богам, а также и апису (священному быку — главному божеству египтян). Высказанное им уважение к религии и снисходительность к нравам и обычаям снискали ему доверие египтян. Они приветствовали его как избавителя от ненавистного ига персов, которые относились к их религии лишь с насмешкой и презрением. Управление страной Александр передал частично македонянам, частично эллинам, а частично египтянам, военная же власть была сосредоточена в руках начальников македонских гарнизонов, размещенных в Мемфисе, Пелузии и других городах.

Александр в образе Юпитера Аммонского

Политические же причины побудили царя совершить трудный поход в оазис Сивах, к знаменитому капищу и оракулу Юпитера Аммонского в Ливийской пустыне. Путь пролегал по бесплодной, песчаной пустыне, часто песчаные ураганы настолько застилали дорогу, что войско заблудилось бы, если бы, как рассказывает Арриан, два ворона не указывали ему дорогу. Наконец удалось достигнуть столь пламенно желанной цели, оживить усталые члены в прохладном источнике и отдохнуть от ужасного утомления под сенью пальм и оливковых деревьев. Жрецы очень радушно приняли Александра, а верховный жрец приветствовал его, как «сына Юпитера». Этим Александр достигал своей цели окружить себя в глазах суеверных жителей Востока таинственным ореолом и тем внушить к себе большое уважение. Сам он к своему мнимому божественному происхождению относился шутливо. Так, однажды, когда из полученной им раны брызнула кровь, он, цитируя «Иллиаду» Гомера, сказал:

«Это кровь, а не влага, какая струится у жителей неба счастливых».

В Египте Александр основал город, названный им в честь своего имени Александрией. Местом для него он выбрал косу между Средиземным морем и прибрежным Мареотидским озером с такой удивительной прозорливостью, что город этот сделался важнейшим торговым центром и связующим звеном между Востоком и Западом, каковым остался и поныне. Ни в каком другом городе не слился так тесно в последующие времена дух Греции с духом Востока.

г) Битва при Гавгамелах. Вавилон и Персеполь.

(ноябрь 331 г. до Р. Х.).

Благодаря завоеванию Египта и Финикии Александр получил в свое распоряжение огромные морские силы, которых теперь не было у Персии. Вследствие этого ему представилась возможность большую их часть отправить на помощь к Антипатру в Пелопоннес для подавления спартанцев, которые под руководством царя своего Агиса постоянно выступали против Александра. Поддержанный греческими наемниками, бежавшими с поля сражения при Иссе, царь Агис II поднял восстание и с 20.000 пехоты и 2.000 конницы выступил против дружественного македонянам Мегалополя. Антипатр пошел против него с 40.000 войском, освободил Мегалополь и разбил лакедемонян наголову. Агис пал весь покрытый ранами, спартанцы потеряли 5.000 человек убитыми.

Получив морем же подкрепления из Греции и Македонии, Александр выступил из Египта и направился через Финикию к берегам Евфрата для отыскания Дария. При Тапсаке он перешел Евфрат, выше нынешнего города Мосула — Тигр и на равнине этой реки встретился с войском царя Дария. Решительная битва произошла между Гавгамелами и Арбеллами. Под начальством Дария собрались все воинственные племена восточной

половины Персидской монархии, от албанцев до индусов, от скифов до обитателей берегов Красного моря. Парменион советовал Александру напасть на неприятеля ночью врасплох, но тот возразил: «Стыдно красть победу. Александр должен побеждать открыто и без хитрости». Левое крыло, которым командовал Парменион, долгое время было сильно теснимо начальником персидской конницы Масаем. Сражение решено было на правом крыле Александром. Дарий, увидев, с какой стремительностью совершил Александр нападение во главе своей конницы, а своего возничего повергнутым на землю, — обратился в бегство. Наступило всеобщее замешательство, все пустились бежать. Более 100.000 неприятелей пало, македоняне же потеряли только 500 человек. В то время как Дарий бежал на северо-восток в Экбатану, Александр направился в Вавилон, где был принят с восторгом, а оттуда в главный город Сузы. Здесь нашел он 50.000 талантов, большей частью золотом и серебром в слитках, и увезенные Ксерксом медные статуи Гармодия и Аристокитона. Затем Александр прошел горным проходом, разгромив 40.000 отряд персов под командованием Ариобарзана и вступил в древнюю столицу Персеполь, где нашел 120.000 талантов серебра. Царский замок с дворцами в этом священном для персов городе и царскими усыпальницами он велел, по предложению, как говорят, афинской гетеры Таис, предать пламени «в отмщение за злодеяния, совершенные Ксерксом в Греции». Сдался также богатый город Пасаргада; устроив в завоеванной стране гражданское и военное управления, из которых первое было вверено знатым персам, а второе македонским и эллинским полководцам, Александр выступил из Персепполя для преследования Дария.

д) Смерть Дария. Александр в северо-восточной Персии. Филот и Клит.

(330...328 г. до Р. Х.)

В Экбатане, столице Мидии, Дарий снова собрал войско. Но получив известие о наступлении Александра, он с 9.000 отрядом и со своими сокровищами, бежал далее к северу, чтобы спастись в лежащей на востоке от Каспийского моря Бактриане. Александр оставил все захваченные им сокровища в крепости Экбатаны, назначил Гарпала хранителем их, Пармениона — начальником города, а сам с отрядом благородных всадников и лучшей частью легковооруженной пехоты пустился в погоню за Дарием. Но во время этого преследования до него дошло известие, что между лицами, окружавшими царя, возник заговор, что Бесс, сатрап Бактрии и другие вельможи взяли Дария в плен и везли его, заключенного в оковы, в колеснице. Вместе с тем он узнал, что Бесс захватил уже главное начальство над войском в свои руки, был признан своими приверженцами царем и что оставшиеся верными Дарию и бывшие под начальством Артабаза греческие наемники и некоторые отряды персов отделились от войска Бесса. Вследствие этих обстоятельств Александр решил со всевозможной поспешностью преследовать заговорщиков. Без отдыха, день и ночь спешил он вперед по непроходимым местностям и, заметив, что пехота не поспевает за ним, приказал 500 всадникам спешиться, отдать своих коней под начальников пехоты и самых выносливых пехотинцев и с этой конницей всю ночь продолжал преследование. К утру настиг он при Гекатомфиле, в области Гиркании отступавших в беспорядке варваров. Лишь немногие из них оказали слабое сопротивление, большая же часть обратилась в бегство. В это время Набарцан и Борзоент напали на Дария, нанесли ему несколько смертельных ран, оставили его в колеснице, а сами с Бессом и несколькими сотнями всадников ускакали дальше. Когда македоняне подошли к колеснице, Дарий был уже мертв. Александр снял с себя пурпуровую одежду, покрыл ею труп, отправил его в Персеполь и велел похоронить в царской усыпальнице. После смерти Дария Александр был признан всеми персидскими вельможами законным государем Персидской империи. Он направился против Бесса через лежавшие в нынешних Персии, Афганистане и Туране области — Гирканию, Парфию, Ариану, Дрангиану, Ара-хозию, перешел через Паропамиз,

завоевал сатрапию Бесса Бактриану и, перейдя Оксус (Аму-Дарью), преследовал его до Согдианы. Бесс между тем провозгласил себя царем под именем Артаксеркса I и собрал значительное войско, но изменник сам погиб от измены. Несколько знатных вельмож решились выдачей его снискать благоволение Александра, заключили Бесса в оковы и выдали его людям македонского царя. Александр приказал отвести Бесса в Бактру и собрал там местных вельмож, которые должны были судить его. Как государственный изменник, он был приговорен к смерти, и после того, как ему по персидскому обычаю отрезали нос и уши, он был распят на кресте. Затем, вступая в многочисленные и часто упорные битвы, Александр дошел до пограничной реки Согдианы — Яксарта (Сыр-Дарья) и перешел через нее, чтобы покорить скифов. Хотя он несколько раз счастливо сразился с ними, но сам был ранен и, заболев от чрезмерных трудов, был отнесен наконец в стан. Затем Александр заключил мир со скифами, отправившими к нему посольство. Для защиты от нападений скифов он построил на их границе «Александрию Эсхату» (крайний город Александра).

Затем Александру пришлось подавить восстания в Бактриане и Согдиане и взять приступом несколько сильных крепостей. При взятии одной из них он пленился отличавшейся необыкновенной красотой Роксаной, дочерью царя Оксиарта. К величайшему удовольствию местных вельмож, он сочетался с ней браком. Александр сделал это также и из политических видов. Как видно из всех его распоряжений, для него было очень важно не только не казаться персам чуждым царем — притеснителем и завоевателем, но напротив того, убедить их в том, что он не смотрит на них, как на поработанный народ. Для этого он окружил себя азиатским дворцом, принял персидские обычаи, в особенности бывшие в употреблении коленопреклонение перед царем, сам носил царскую повязку на голове, принял в свою свиту знатных персов, доверил им важные должности и приказал обучить 30.000 персидских юношей греческому языку и македонскому военному искусству. Слить Запад с Востоком, открыть и подчинить Западу сокровища последнего, связать их обоим узами эллинской образованности — вот в чем заключались стремления Александра. Но привыкшие к республиканским учреждениям греки и гордое македонское благородное сословие смотрели с презрением и негодованием на персидский образ жизни Александра и не хотели и слышать о коленопреклонении. Они называли его неблагодарным за то, что он после того, как они отслужили ему свою службу, предоставил следовавшие им в награду отличия побежденным. Лишь немногие из друзей Александра, как например, Гефестион и Кратер, не только не сердились на него, но с самоотвержением разделяли его планы, хотя в то же время не могли скрывать от себя, что подобное настроение македонян могло привести к серьезным столкновениям. Александр позволял себе такие поступки, которые бросали значительную тень на его героический образ.

Первым прискорбным поступком подобного рода была казнь Филета — сына престарелого, прославленного Пармениона. Филот, который сам пользовался большим уважением царя и командовал отрядом, был обвинен в том что, зная о заговоре против царя в стране дрангов, не раскрыл его. По обычаю македонскому, обвиненный царем перед войском, он был признан виновным и пронзен копьями. Смерть его повлекла за собой и смерть Пармениона. Он был действительным главой недовольных. В свое время Парменион советовал Александру согласиться на предложенные Дарием условия, ибо сам желал возвратиться в отечество и сумел возбудить в войске страстное желание окончания тягостного похода. В описываемое время он командовал в Эктабани значительным военным отрядом, охранявшим собранные в этом городе сокровища. Александр мог опасаться мщения этого могущественного полководца, почему и решил отделаться от него. К находившимся на службе у Пармениона двум военачальникам Клеандру и Мениду, был послан гонец с приказанием умертвить Пармениона. Они тотчас исполнили повеление. В то время, когда Парменион, ничего не подозревая, спокойно прогуливался в саду, они приблизились к нему, передали письмо царя и, когда Парменион стал читать, Клеандр нанес ему смертельный удар. Голова Пармениона была отослана Александру.

Другая не менее ужасная сцена разыгралась в Мараканде (Самарканде). На одном

празднестве, когда вино разгорячило головы пирующих, льстецы стали уверять, что деяния Александра превосходят подвиги Геркулеса, Кастора и Поллукса и царя Филиппа. Клит с гневом объявил, что без деяний Филиппа Александр никогда не достиг бы той высоты, на которой находится. Затем, изливая на Александра целый поток бранных слов, он воскликнул: «Эта рука спасла тебя!» Клита увели из комнаты, но он снова вернулся через другую дверь и продолжал браниться. Воспаленный гневом Александр воскликнул, что его постигнет участь Дария, выхватил у одного из телохранителей копье и прежде, чем кто-нибудь успел удержать его, поразил Клита. В то же мгновение гнев и опьянение Александра прошли. Поступок его показался ему вдвойне ужасным, ибо Клит спас ему жизнь при Гранике, а сестра его была его воспитательницей. Три дня он не хотел ни есть, ни пить и, плача и вздыхая, лежал на одре своем. Только утешения друзей и занятия делами рассеяли его горечь.

Одним из самых низких льстецов царя был софист Анаксарх из Абдеры. На одном веселом пиру он завел речь о том, что Александру за совершенные им подвиги следует при жизни воздать божеские почести, под которыми он понимал боготворение и коленопреклонение. Но против этого предложения сильно восстал философ Каллисфен из Олинфа, ученик и зять Аристотеля. Он доказывал, что этим будет нанесено оскорбление богам и греческой свободе. Македоняне присоединились к его мнению. Но Александр глубоко оскорбился поступком Каллисфена и скоро ему представился случай отплатить философу жестоким образом. Между македонскими благородными юношами составилась заговор против царя.

Заговор был раскрыт, и так как главный руководитель заговорщиков, друг Каллисфена Гермолай, казалось, был возбужден к тому его речами, то и Каллисфен был замешан в дело и вместе с ним подвергся наказанию. Гермолай был побит насмерть камнями, а Каллисфен, закованный в цепи, следовал за Александром в Индию, где под конец и умер от дурного обращения.

е) Александр в Индии.

(327...326 г. до Р. Х.).

Весной 327 г. до Р. Х. призванный на помощь одним из индийских царей Таксилем, Александр решил совершить поход в Индию. С войском в 120.000 человек выступил он снова из области реки Оксуса на юг, перешел Паропамиз, прошел нынешний Кабул и вступил в Пятиречье, ныне Пенджаб. Покорив страну, лежащую между горами Гиндукуша и рекой Индом и, взяв приступом многие горные укрепления, он в 326 году перешел Инд, через который Гефестион, посланный вперед кратчайшей дорогой, построил мост на судах. При вступлении в Таксилу, столицу царя Таксила, Александр получил от последнего богатые подарки и был встречен перед самым городом блестящим образом. Многие из соседних князей прислали ему подарки и искали его дружбы. Отсюда Александр направился к реке Гидаспу против могущественнейшего из владетелей Пенджаба — Пора, который выступил против него с многочисленным войском, с 300 слонами и таким же числом боевых колесниц и расположился на восточном берегу реки. В виду неприятеля перешел Александр полноводную реку по мосту, устроенному на судах, напал на войско царя Пора и после жаркой битвы разбил его, а сам Пор был взят в плен. «Как ты хочешь, чтобы с тобой обращались?» — спросил его Александр. «Как с царем», — последовал ответ. «Хорошо, я на это согласен», — сказал Александр, — проси, чего ты желаешь». «В словах: как с царем, заключается и все остальное», — отвечал Пор. Александр оставил его владеть царством под контролем Рима и прибавил к его владениям большой участок пограничной области.

После этой победы войску был дан тридцатидневный отдых, были совершены блестящие жертвоприношения, убитые погребены с почестями и устроены состязания. Два вновь построенных города должны были увековечить собой память о совершенных здесь

деяниях. Один из них, построенный на самом поле битвы, был назван Никеей (городом победы), другой Буцефалой в честь царского верного коня, павшего в битве от истощения сил. Затем Александр перешел через реки Ацезин и Гидраот, разбил индийское войско при Сангале, овладел этим городом и покорил всю страну до Гифазиса, пограничной реки Пенджаба. Но когда Александр захотел продолжить поход еще далее на Восток и завоевать страны по реке Гангу, то воины, сильно пострадавшие от тропических дождей на реке Гифазисе и изнуренные непрерывными походами, отказались идти далее. Тщетно пытался Александр представить им этот новый поход с самой блестящей стороны. Страстное желание мирной жизни на родине и спокойного пользования полученными сокровищами было так велико, что даже изображенная самыми заманчивыми красками будущность не была в состоянии изменить их решения. Один старый воин и начальник телохранителей — Цен высказал от имени воинов единодушное желание возвратиться на родину. Царь покинул собрание. На следующий день Александр снова собрал воинов и строго объявил им, что он пойдет далее с теми из храбрых, которые согласятся следовать за ним добровольно; остальные же могут отправиться домой и сказать своим соотечественникам, что они оставили своего царя среди врагов. Затем он удалился в свою палатку и не показывался три дня в надежде, что воины устыдятся и изменят свое решение. Но и это средство оказалось недейственным. В стане царствовала глубочайшая тишина, воины жалели об огорчении царя, но не обнаруживали желания переменить свое решение. На четвертый день Александр приказал совершить жертвоприношения перед переправой через реку, но так как предзнаменования не были счастливы, то он воспользовался этим и объявил, что, уступая не желанию войска, а лишь воле богов, намерен возвратиться. Всеобщий крик радости раздался по всему стану. Между царем и войском вновь установились добрые отношения.

Перед выступлением в обратный поход, в ознаменование того, как далеко он прошел победоносно, Александр приказал воздвигнуть двенадцать жертвенников. Высотой они были равны величайшим крепостным башням. Тут были принесены жертвы богам и устроены воинские игры. Потом Александр установил порядок в покоренных государствах, устроил связь их со своей всемирной монархией и присоединил к ней и другие государства в качестве союзных. После этого Александр выступил обратно в Ги-даспу и спустился по нему вместе с флотом, который находился на этой реке под командованием Неарха. Другая же часть флота, предводимая Гефестионом и Кратером, пошла берегом.

Весьма серьезное сопротивление встретил Александр у столицы маллов — племени, известного своей воинственностью. Город был занят, но расположенную над ним крепость пришлось брать приступом. Александр сам приставил штурмовую лестницу, первый поднялся по ней и с тремя товарищами, в числе которых были Певкест и Леоннат, вскочил на крепостную стену. Окруженный неприятелем, он был тяжело ранен стрелой в грудь. Оба его друга защищали его до тех пор, пока воинам царя не удалось наконец взобраться на стены, прогнать неприятеля и отнести лишившегося чувств царя в его палатку. По всему войску распространился слух, что царь умер и что смерть его скрывают от воинов. Но уже на седьмой день Александр мог снова предстать перед войском. При дальнейшем следовании вниз по Инду ему покорились все жившие по берегам его народы. Во всех этих областях Александр назначил наместников. Из города Патталы, имевшего важное значение по положению своему у начала дельты Инда, он направился к Эритрейскому (Аравийскому) морю, где принес жертвы греческим божествам. Весть о восстаниях в Бактрии и в других областях заставила Александра поспешить со своим обратным походом. Против мятежников он послал вперед, с частью войск, Кратера, сам же решил продолжить поход через Гедрозию (Белуджистан), а Неарх должен был следовать вдоль берегов Персидского залива.

ж) Возвращение и смерть Александра.

(326...323 г. до Р. Х.).

Путь, по которому Александр предпринял обратный поход, был затруднителен и опасен, потому что всю южную часть Гедрозии составляла песчаная пустыня, и только изредка, по берегам рек, попадались населенные места. Александр избрал дорогу через пустыню с той целью, чтобы быть ближе к выступившему несколько позже сухопутного войска флоту, который должен был собирать необходимые для него запасы. Но на этом пути ему пришлось бороться с трудностями, громадность которых он не предвидел.

Повозки, на которых по приказанию царя везлись для войска и флота съестные припасы, лошадей, большую часть пожитков — все это пришлось бросить в глубоких, едва проходимых песках. Летучий песок, носимый ветром, заметал всякий след, и немало людей, отстав из-за усталости и изнурения, не находили более никакой дороги. Почти всех бывших при войске животных: лошадей, верблюдов и мулов пришлось убить, а больных с повозками оставить на произвол судьбы. Жажда при нестерпимой жаре причиняла огромные мучения. Встречались ли источник или река, все кидались туда и многие поплатились жизнью за неумеренное употребление воды. Наконец после 60-дневного похода, потеряв три четверти людей, Александр достиг Пуры, столицы Гедросии. После восьмидневного отдыха, в изобилии снабженный съестными припасами, царь пошел в Караманию, где соединился с Кратером, который пришел севернее через Арахозию и Дрангиану и таким образом обошел Гедрозию. Туда же прибыл и Неарх, представил царю доклад о своем морском плавании и затем поплыл далее к Персидскому заливу. В то время как Гефестион выступил в Сузы с главным войском, царь с конницей и легковооруженными войсками поспешил туда же вдоль берегов, через Персеполь и Пасаргаду. Прибыв в Сузы, царь учинил строгий суд над сатрапами, которые за время пребывания его в Индии, — откуда, думали они, он уже не вернется, — позволили себе совершить много несправедливостей и нарушить верность. Даже гробница Кира, почитаемая персами как святыня и постоянно охраняемая магами, была разрушена и ограблена. Александр приказал разыскать виновных и восстановить гробницу. Гарпал, чтобы избежать наказания за чрезмерную расточительность, бежал с 5.000 талантов в Грецию. Афиняне, по совету Демосфена, не впустили его в Пирей. Они позволили ему пристать только с одной триремой и, не выдавая Антипатру, несмотря на требования последнего, решили заключить Герпала в тюрьму, а сокровища его хранить в Акрополе впредь до получения на счет их приказания Александра. На места смещенных сатрапов Александр большей частью назначил местных уроженцев, только наместничество в Персиде передал он Пеквесту, единственному из македонян, который принял персидские образ жизни и одежду. Стараясь теснее слить греков и македонян с персами, Александр устроил между ними множество браков. Сам он женился на Статире (по другим источникам на Роксане), старшей дочери Дария, а за Гефестиона выдал младшую дочь его Дрипетис. Затем он соединил браком 80 своих сподвижников со знатными персиянками и около 15.000 македонских воинов с персидскими женщинами, награжденными при этом богатейшим приданым. Все эти свадьбы были устроены в Сузе и сопровождались празднествами. В это же время индийский подвижник Калан, который следовал с войском царя и заслужил своим умом и благочестием всеобщее уважение, заболел и приказал сжечь себя на костре перед всем войском.

Для того, чтобы уничтожить всякое различие между победителями и побежденными, Александр собрал вокруг себя тридцать тысяч юношей одного возраста, избранных из различных завоеванных областей, обученных и вооруженных по-македонски. С этой же целью знатные молодые люди и храбрейшие воины из Арии, Парфии и Персиды были включены в отряд македонских всадников, называвшийся дружиной друзей (гетерия), азиатские князья были приняты даже в число самых приближенных царя. Так начал Александр осуществлять идею: уничтожить неприязнь, существовавшую с незапамятных времен между Европой и Азией, заполнить разделявшую их пропасть взаимным сближением и таким образом создать великую эллинско-македонско-персидскую всемирную монархию, граждане которой по-возможности были бы сходны между собой в одежде, вооружении,

правах и образовании.

Македоняне не были довольны всеми, этими переменами. Они опасались, что Александр, удалив их, мало-помалу совершенно окружит себя почти исключительно азиатскими войсками, которые таким образом пожнут плоды их трудов. Узнав об этом, Александр стал укорять их в недоверии к себе и при этом сказал, что царь должен действовать всегда откровенно. Затем он велел расставить в различных местах стана столы с деньгами, и каждый воин, не называя своего имени, получал немедленно по предъявлении долгового счета указанную в нем сумму. По показанию Арриана, таким образом было истрачено до 20.000 талантов (36 с четвертью миллиона рублей). Хотя поступок этот и усилил радость и любовь воинов, но не уничтожил ропота и неудовольствия на выказанное царем презрение к древним македонским обычаям. Неудовольствие это в городе Описе перешло в открытое возмущение.

Занятый своими торговыми планами, Александр из Суз отправился на корабле вниз по Тигру, осмотрел море и устье этой реки и затем вновь поднялся вверх по течению к Опису. Сюда же приказал он идти и остальным войскам, находившимся под руководством Гефестиона.

Здесь созвал он воинов и объявил им, что намерен отпустить домой всех, кто от старости и от ран сделался неспособным к военной службе. Но македоняне, столь нетерпеливо желавшие в Индии возвращения на родину, теперь далеко не были обрадованы таким предложением, усматривая в нем презрительное к себе отношение. Поднялся общий ропот, и все войско шумно требовало своего увольнения. «В нас уже не нуждаются больше, — кричали некоторые, — пускай же царь с отцом своим Аммоном и новыми солдатами из персов ведет войну».

Это раздражило царя в высшей степени. С выражением сильнейшего гнева указал он собственной рукой телохранителям на главных крикунов и приказал их, в количестве тридцати человек, отвести на казнь. Затем он поднялся на приготовленное для него возвышение и, обратясь к остальным воинам, произнес сильную и полную достоинства речь. «Не для того, — начал он, — говорю с вами, чтобы удержать вас от возвращения на родину, по мне вы можете идти куда хотите. Я желаю только напомнить вам, чем вы были прежде и чем стали теперь». Затем он указал на то, что сделал для них отец его Филипп. Как из бедного, одевавшегося в звериные шкуры пастушеского народа, с трудом защищавшего себя от соседних варваров, обратил в граждан хорошо укрепленных городов и наконец во властителей Фессалии, Фокины, Фив и Афин. «И когда мой отец, — продолжал Александр далее, — был признан в Коринфе неограниченным предводителем греков против персов, то он приобрел эту честь не столько для себя самого, сколько для народа македонского». Потом он перечислил собственные свои дела, перенесенные им труды и полученные им раны, изобразил свои победоносные походы и приобретенные для них сокровища, почести и отличия. «Вы сатрапы, вы полководцы и начальники, — присовокупил он, — а мне от всех этих трудов не осталось ничего, кроме этой порфиры и диадемы. Многие из вас украшены золотыми венками, как знаками своей храбрости и моего уважения. Умирал ли кто из вас, тот был с честью погребен. Многим поставлены на родине медные статуи. Ваши родители пользуются особыми почестями и освобождены от всех податей и налогов. А теперь ступайте домой, — заключил он, — и скажите там, что вы оставили царя вашего Александра после того, как он победил персов, бактриян, перешел Танаис, Оксус и даже самый Инд и вернулся в Сузы через пустыню Гедросии, — что вы покинули его там и предоставили охранение его побежденным варварам. Этим, без сомнения, приобретете вы славу у людей и сделаете угодное богам. Ступайте!»

Сказав эти слова, Александр быстро сошел с возвышения, отправился во дворец и два дня не показывался. На третий день он велел придти к себе избранным персам, раздал им места военачальников, разделил войско персидское на отряды по образцу македонскому и выбрал из них по обычаю персидскому, существовавшему при прежнем дворе, несколько человек, которые назывались родственниками царя и имели к нему свободный доступ.

Сильное впечатление речи и эти нововведения царя произвели полнейшую перемену в настроении македонян. Они толпами осадили ворота дворца, умоляли царя сжалиться над ними и просили его показаться им. Наконец Александр вышел, и зрелище такого множества воинов, с печальным видом стоявших перед ним на коленях, тронуло его до слез.

Тут выступил вперед один из воинов по имени Каллин и сказал Александру: «Македонян огорчает только то, что ты персов сделал своими родственниками и позволяешь им целовать себя, какой чести не удостоивался ни один македонянин». «Так я всех вас признаю своими родственниками, — ответил ему Александр, — и с этих пор буду всегда звать вас этим именем». Затем поцеловал его Каллин, а за Каллином все, кто хотел. Воины были в восторге, а царь устроил большое пиршество, в котором участвовало 9.000 македонян и персов.

Ветераны числом до 10.000 согласились вернуться в Македонию. Но они должны были оставить всех детей, прижитых с азиатскими женами для того, чтобы не произошло каких несогласий в их семействах. Александр обещал им позаботиться о том, чтобы дети эти были воспитаны как македоняне. Кроме жалованья, которое выдано было ветеранам по расчету до прибытия их в Македонию, каждый из них получил в подарок по таланту. Сверх того Александр предоставил им то преимущество, что они получили право занимать на всех общественных празднествах и играх почетные места. Руководство отрядом отправлявшихся на родину ветеранов было поручено Кратеру и Полисперхону. Кратер должен был заступить в качестве правителя Македонии, Антипатра, который находился в постоянных раздорах с матерью Александра Олимпиадой. Антипатр же получил приказание привести в Азию свежие войска. Александр послал также повеление и о том, чтобы всем греческим изгнанникам, число которых простиралось до 20.000, было разрешено вернуться в свои государства. Этой мерой он составил почти в каждом городе довольно значительную приверженную к нему партию. Еще многое думал совершить Александр. Под его творческой рукой Восток снова должен был возродиться и стать на высшую ступень цивилизации. Были проложены дороги, основаны города, устроены гавани. Торговля составила предмет особой, всесторонней заботы. Были задуманы отдаленные путешествия с целью новых открытий. Центральным пунктом монархии в умственном и коммерческом отношении был избран Вавилон. Но этой животворной, великой деятельности внезапно был положен предел. Сначала в Эктабане, среди празднеств, устроенных Александром в честь Диониса, смерть похитила любимейшего и вернейшего из друзей царя — Гефестиона. Скорбь царя была так велика, что он три дня не принимал ни пищи, ни питья и отвергал все утешения. Он чувствовал себя осиротевшим в своем огромном государстве. Десять тысяч талантов употребил он на сооружение костра, на котором труп Гефестиона был сожжен в Вавилоне, костер этот представлял собой верш искусства.

Великие планы, как например: исследование Каспийского моря, замышляемый поход в Аравию, заботы о всемирной торговле занимали царя в Вавилоне. Но здесь от слишком неводержанной жизни и в особенности вследствие пристрастия к вину, он внезапно занемог. На пиру у одного из самых дурных своих приближенных, фессалийца Медия он заболел смертельной лихорадкой. Воины желали еще раз его увидеть. В то время, как они поодиночке проходили перед ним, он уже тяжело больной прощался с каждым из них взглядом и едва заметным кивком головы. На вопрос, кому он оставляет государство, царь отвечал: «Достойнейшему». Александр скончался в июне 323 года после почти 3-летнего царствования 32 лет и 8 месяцев от роду. История не знает другого героя более великого, чем он. Только по прошествии двух лет состоялось его погребение, и прах Александра на роскошной колеснице был перевезен в Александрию, где был погребен наместником Египта Птолемеем в сооруженном для этого храме.

23. Сиракузы. Два Дионисия. Дион. Тимолеон. Агафокл.

(408...317 г. до. Р. Х.)

Подобно отдельным государствам Греции, и греческие колонии на острове Сицилия, вследствие взаимных междоусобий и внутренних; смут, подали повод к внешнему вмешательству и окончательному порабощению. Соседние карфагеняне уже давно выжидали благоприятного случая, чтобы стать твердой ногой на острове. Первая их попытка к тому была пресечена тираном Сиракуз — Гелоном. Но когда поход афинян против Сиракуз потерпел неудачу, то карфагенянам представился удобный случай к вмешательству.

Город Сегеста, вновь притесняемый жителями города Селинунта, обратился за помощью к Карфагену. Предложение это как нельзя соответствовало замыслам карфагенян. Они явились с 1.000.000 войском, с намерением утвердить на острове свое владычество. Селинунт стал первой их жертвой. Он был разрушен в 408 г. Ту же участь испытала Гимера. Наконец пал и могущественный, населенный, цветущий Агригент. Эти успехи настолько устрешили сиракузцев, что они вверили одному своему согражданину Дионисию неограниченную власть над своими войсками. Дионисий злоупотребил доверием своих сограждан самым наглым образом. Он составил себе отряд телохранителей из чужеземцев и наемников и овладел важнейшими местами города. Вместо того, чтобы действовать против карфагенян, овладевших к этому времени Гелою и Камарином, он заключил с ними мир, по которому они удержали за собой Селинунт, Агригент, Гелу, Камарин и признали Дионисия властителем Сиракуз.

Обезопасив себя таким образом от внешнего врага, Дионисий занялся усмирением внутренних врагов. Он укрепил остров Ортигию при входе в обширный Сиракузский залив, обезоружил сиракузских граждан, усилил сухопутное войско и флот и переселил в Сиракузы жителей завоеванных городов. После долгих приготовлений Дионисий решился, наконец, уничтожить господство карфагенян в Сицилии. Но несмотря на огромные военные средства, собранные им для этого предприятия, в трех войнах с карфагенянами он не достиг своей цели и при вторичном заключении мира вынужден был оставить за ними области Селинунта и Агригента и всю страну на запад от реки Галика. Гораздо удачливее оказался Дионисий в своих военных походах против ниже-италийских греков. Жители Кротона были побеждены, Регий после одиннадцатимесячной осады был принужден к сдаче голодом и подвергся жестокому наказанию. За жестокость, безбожие и за недоверчивость к своим окружающим древние считали Дионисия тираном в самом худшем смысле этого слова. О постоянном страхе Дионисия перед возможностью насильственной смерти Цицерон передал нам много рассказов. Так, он позволял брить себе бороду только дочерям своим, но и то не бритвой, а раскаленной ореховой скорлупой. С народом Дионисий говорил не иначе, как с высокой башни.

Сын Дионисия I (Старшего), Дионисий II Младший, наследовавший ему в 367 году, не мог продолжать войну против карфагенян, так как все его внимание и все его силы были отвлечены внутренними смутами. В самом начале своего правления он поссорился с дядей своим Дионом, другом знаменитого Платона. Дион должен был покинуть Сиракузы и отправился в Грецию, где и проживал в обществе философов.

Десять лет спустя, рассчитывая на раздражение народа против Дионисия, Дион решил силой вернуться в Сиракузы. Попытка увенчалась успехом. По прибытии Диона с небольшим отрядом, жители города отворили ворота и передали ему власть. Дионисий удержался с гарнизоном в замке Ортигии, но вскоре, оставив там своего сына, отправился в Локры. Но при разнузданности сиракузян, которые не могли уже ни подчиняться власти, ни пользоваться свободой, Дион при своей строгой требовательности в отношении исполнения законов, не был в состоянии долго удержаться. Народные льстецы, в особенности Гераклид, лишили его расположения народной массы и вынудили оставить город. Дион с оставшимися ему верными наемниками отступил в Леонтины. Пользуясь замешательством в городе и беспечностью населения, гарнизон замка сделал несколько вылазок, разрушил часть города и убил множество граждан. В этом бедственном положении сиракузяне обратились в Леонтины к Диону и просили его спасти их. Он тотчас же вернулся, оградил город от

дальнейших нападений, снова водворил в нем спокойствие и принудил к сдаче гарнизон замка.

Облеченный неограниченной властью, Дион хотел ввести аристократическую форму правления и уничтожить необузданную демократию, влияние которой было столь пагубно для Сиракуз. Но в исполнении этого плана ему помешал прежний друг и поверенный его афинянин Калипп. В надежде захватить власть в свои руки, он напал с шайкой убийц на Диона в его собственном доме и умертвил его (в 353 г.).

Правление Калиппа продолжалось лишь 13 месяцев, затем он был изгнан. После этого в течение восьми лет в Сиракузах продолжались ужаснейшие смуты. Сменявшие беспрерывно друг друга партии старались удержать за собой власть нагоняющим страх правлением. Казнь и лишение имущества составляли ежедневное явление при непрерывно сменявшихся правителях, и тот, кто заседал сегодня в совете и произносил смертные приговоры, не был уверен, что не лишится на другой же день своей собственной головы. Эти замешательства оказались благоприятными для находившегося в изгнании Дионисия. Он воспользовался благоприятным моментом и во главе вновь набранных наемников, снова вступил в город, чтобы возобновить прежнюю преступную игру с жизнью и достоянием своих подданных. Однако лучшие граждане утомились его жестокостью и обратились за помощью к метрополии Сиракуз, Коринфу. Здесь жил муж по имени Тимолеон преисполненный республиканского духа, к тому времени почти уже угасшего. Незадолго до этого Тимолеон отличился тем, что организовал убийство своего родного брата, единовластителя Коринфа, и коринфяне пребывали в сомнении — наказать ли Тимолеона за его преступление или признать верными побуждения, с которыми оно было совершено. Но тут явились сиракузцы с просьбой о помощи. Тогда было решено послать Тимолеона с 1.000 гоплитами в Сиракузы, предоставив ему тем самым возможность осуществить там свои свободолюбивые идеи и искупить свою тяжкую кровавую вину угодным богам подвигом — освобождением народа от ига и тирана.

Тимолеон прибыл в Сицилию с десятью кораблями и тотчас напал на Сиракузы, в которых властвовал утвердившийся с помощью карфагенского флота тиран города Леонтин — Гикет. Раньше всех сдался замок, куда скрылся было Дионисий. Тимолеон принудил его отказаться от власти и снова вернуться к частной жизни. Дионисий поселился в Коринфе и продолжал там свою распутную жизнь, пока не обеднел до такой степени, что вынужден стал принимать милостыню и зарабатывать на жизнь, обучая детей.

Скоро и Гикет вынужден был покинуть город, а карфагенянам пришлось вернуться в Африку. Но когда-то столь цветущие и богатые Сиракузы представляли теперь вид величественных развалин. Повсюду виднелись следы продолжительной войны. Многие дома лежали в развалинах, город казался вымершим, торговая площадь заросла травой.

Развалины Селипунта.

Тимолеон обратился к Коринфу с просьбой о новых переселенцах для опустевших Сиракуз. Коринфяне сделали публичное объявление, что всякий сицилийский изгнанник, всякий грек, изъявивший желание туда возвратиться, найдут там дружеский прием и поддержку. На это предложение отозвались все изгнанники и стали возвращаться целыми толпами. Дома вновь были отстроены, Тимолеон распределил между изгнанниками земли, установил республиканский способ правления, а страшный замок, местопребывание тирана, со всеми его укреплениями приказал сравнять с землей.

Но Тимолеону приходилось бороться с тиранами Мессаны, Катаны, Леонтин и других городов, а также карфагенянами, которые высадили в Сицилии 70-тысячное войско. Только гений Тимолеона и мужество его храбрых коринфян могли одолеть столько врагов. Гикет леонтинский был схвачен собственными своими подданными, выдан и казнен, как государственный преступник. Та же участь постигла и тирана Катаны — Мамерка. Гиппон,

тиран Мессаны, был умерщвлен собственными подданными в театре. Карфаген после понесенного на реке Кримессе решительного поражения, заключил мир (в 340 г.), по которому река Галик была назначена границей его владений на острове. Таким образом Тимолеон прославился тем, что с незначительными силами менее, чем за восемь лет освободил от всех тиранов страну, поработленную и долгое время опустошаемую внутренними и внешними врагами и вновь даровал ей спокойствие и благосостояние. При этом он настолько был лишен самомнения, что благочестивой скромностью говорил иногда, что «благодарит богов за то, что, когда они решили восстановить Сицилию, он именно был избран ими для этого полководцем». Однажды один сиракузец по имени Леместий осмелился потребовать у него отчета в управлении. Граждане были так возмущены подобным бесстыдством, что подняли шум, но Тимолеон спокойно сказал: «Оставьте его! Я потому и принял на себя столько трудов и опасностей, чтобы Ламестию и ему подобным людям было дозволено так поступать».

Сложив с себя звание полководца, Тимолеон еще три года жил простым гражданином в кругу своей семьи в прекрасном имении, подаренном ему сиракузцами. К концу своей жизни он ослеп и его вынуждены были возить в народное собрание, когда ему приходилось высказывать свое мнение о государственных делах.

После смерти Тимолеона (336 г.) ему был поставлен величественный памятник на торговой площади в Сиракузах, и память о нем праздновалась ежегодными играми.

После Тимолеона возобновились прежние беспорядки. Под конец появился новый тиран Агафокл, сын горшечника Каркина, родом из Регия. Он сам обучался ремеслу отца, но впоследствии посвятил себя военной службе. Скоро достиг он высших должностей и во главе отряда преданных ему воинов захватил неограниченную власть в Сиракузах, уничтожив при этом до 4.000 граждан. Утвердившись в своей власти, он довел несколько победоносных войн против карфагенян, перенес свое оружие в Африку и угрожал даже самой столице своего врага. Но постоянные взаимные раздоры сицилийских городов заставили Агафокла приостановить военные действия и вернуться на родину. То, что Агафокл приобрел в Африке, было потеряно его сыновьями, и он был вынужден войти с карфагенянами в соглашение, по которому уступил им за известную денежную сумму многие сицилийские города. Таким образом, грекам не суждено было смирить Карфаген. Покорение его, как мы увидим ниже, судьба предоставила римлянам.

IX. ДРЕВНИЙ МИР.

После смерти Александра Македонского

(323...300 до Р. X.)

1. Битва при Кранноне. Борьба полководцев Александра

(323...311 г. до Р. X.)

Неожиданная смерть великого царя вызвала всеобщее замешательство. Возникла атмосфера ожидания великих бед. Прямого наследника престола, способного к управлению, не было, так как Александр оставил после себя лишь слабоумного сводного брата Филиппа Аридея, а Роксана уже после смерти Александра родила сына Эга, который был слишком мал. Таким образом, открывался простор для авантюры и интриг, для проявления честолюбия и эгоизма. Полководцы заботились только о том, чтобы силой или хитростью закрепить за собой какую-нибудь часть завоеванных земель. Греция ликовала, надеясь возвратить себе

свою утраченную свободу. Афиняне преисполнились радостных надежд и воинственного настроения, но Фокион предостерегал: «Не торжествуйте слишком рано, а дождитесь более верных известий. Если он умер сегодня, значит, он будет мертв и завтра, и послезавтра, и поэтому будет время принять надлежащие меры». Несмотря на это, афиняне с триумфом вернули из изгнания Демосфена и вступили в союз с этолиями, акарнянами и фессалийцами. Поначалу все шло хорошо. Афинский полководец Леосфен разбил Антипатра и запер в Ламии, почему война эта была названа «ламийской». Из-за наступившего вслед за тем голода Антипатр вынужден был вступить в переговоры, и гордые афиняне потребовали безусловной покорности. Но в это время случилось несчастье, которое послужило самым недобрым предзнаменованием: погиб Леосфен, пораженный камнем из пращи во время вылазки осажденного гарнизона. Под командованием его преемника Антифила греки, однако, отбили нападение Леонната, который привел на помощь осажденным 2.000 македонян. В этом сражении Леоннат был убит. Но в это время приближался с ветеранами Кратер. При Кранноне произошла решительная битва (322 г.). Уступавшая в численности эллинская пехота не выдержала натиска македонской фаланги и была разбита. Большая часть побежденных государств тотчас же направила к Антипатру послов, желая окончить возникшую между ними распрю полюбовным соглашением. Хитрый Антипатр отвечал, что не намерен заключать общего мира и что каждое государство должно прислать к нему особого уполномоченного. Некоторое время союзники противились этому. Но когда фессалийские города покорились один за другим, то остальные, охваченные страхом, каждый запросили о мире. Мир был дарован им всем, за исключением афинян и этолян, продолжавших военные действия до последней возможности. Скоро Антипатр стоял в Фивах и угрожал оттуда Афинам. Из Афин были отправлены к Антипатру послы для переговоров о мире. Он потребовал безусловной сдачи города и афиняне вынуждены были согласиться на это. Афиняне присуждены были к уплате военных издержек и денежной пени, у них было введено олигархическое правление с Фокионом во главе, преданное македонянам. 1.200 беднейших жителей были лишены своих политических прав и переселены во Фракию. Гавань же и укрепление Мунихия были заняты македонским гарнизоном.

Ораторам и прежде всех Демосфену и Гипериду пришлось испытать на себе мщение Антипатра. Чтобы избежать выдачи, они бежали, но были пойманы Архией, начальником македонского полицейского отряда, который прежде был актером. Архий доставил их в Клеонию, в македонский стан, где все они кончили жизнь мучительной смертью. Гипериду был вырезан язык. Демосфен искал спасения в храме Посейдона на острове Калабрии. Там настигли его преследователи. Сначала Архий уговаривал его последовать за ним добровольно, когда же это не подействовало, стал грозить гневом Антипатра. Демосфен произнес: «Теперь только слышу я речь македонского оракула, прежде были слова актера». Затем он высосал скрытый в его стиле (тростниковом пере) яд и упал мертвый у алтаря.

Только Фокиону удалось завоевать уважение Антипатра. Но собственные граждане осудили Фокиона на смерть. Достойный старец был обвинен в государственной измене и вместе со своими друзьями был приговорен выпить чашу с ядом. Судьи были так враждебно настроены к осужденным, что не желали слушать ни о какой защите. Один из осужденных был неутешен и тяжело переживал приговор.

И тогда Фокион спокойно сказал: «Разве тебе не приятно, что ты умрешь вместе с Фокионом?». Когда его спросили в темнице, не имеет ли он что-нибудь передать своему сыну, то он произнес: «Да, я запрещаю ему мстить за меня афинянам».

Пока Пердикка, которому Александр, умирая, передал свой перстень с печатью, занимал должность правителя (323...321 гг.), единство государства кое-как еще поддерживалось. Полководцев удовлетворили на некоторое время раздачей наместничеств. Таким образом получили: Антипатр — Македонию, Кратер — Грецию, Птолемей — Египет и Ливию, Антигон — Памфилию, Киликию и Великую Фригию, Лисимах — Фракию, тайный секретарь и полководец Эвмен — Каппадокию и Пафлагонию. Но скоро Пердикка показался остальным слишком могущественным. Антигон, Птолемей и Антипатр

соединились против него и во время похода в Египет Пердикка был убит подосланными убийцами. Он был умерщвлен в стане под Мемфисом, в своей палатке, несколькими своими всадниками. На следующий день Птолемей явился в стан, дружески приветствовал македонян, извинился за свое поведение и щедро снабдил съестными припасами изголодавшихся воинов. Войско провозгласило его правителем государства. Однако он благоразумно предпочел бесспорное обладание Египтом ненадежному и возбуждавшему сильную зависть званию правителя государства. Сан этот был передан Антипатру (в 321 г.), который пребывал в нем до своей смерти в 315 г. Назначение Антипатром своим преемником старого полководца Полисперхона привело к полному распаду государственного единства. Собственный сын Антипатра Кассандр восстал против Полисперхона и соединился с Птолемеем и Антигоном. Последовал ряд кровавых сцен и наступил полнейший беспорядок. По наущению Кассандра все царское семейство было постепенно истреблено за то, что держало сторону Полисперхона. Олимпиада также попала в руки Кассандра. С уцелевшими членами царской семьи она бросилась было искать спасения в хорошо укрепленной Пидне, но Кассандр осадил ее и принудил голодом к сдаче. Несмотря на обещанную безопасность, он коварно умертвил ее, подобно тому, как впоследствии умертвил Роксану и ее малолетнего сына Александра. Теперь Кассандр твердой рукой захватил власть в Македонии и прошел Грецию, чтобы уничтожить последние остатки приверженцев Полисперхона. Афины еще до этого заключили мир с Кассандром. Кассандр согласился на мир с ними на следующих умеренных условиях: афиняне сохраняли все свои права и имущество, всякий гражданин, имевший не менее десяти мин, принимал участие в управлении государством, и один из них, которого Кассандр почитал способным к такому управлению, должен был, в качестве представителя города, быть ответственным за все лицом. На эту должность Кассандр избрал некоего Дмитрия Фалерийского из города Фалера.

Что касается до двух союзников Кассандра, то один из них Птолемей, собирал в это время втихомолку свои силы, а Антигон начал истребительную войну против царского войска в Азии, последней опоры царского дома. Храбрый предводитель этого войска Эвмен вместе со своими союзниками нанес несколько поражений Антигону, но в новой битве в 316 году был покинут собственными своими воинами. В то время, когда он с ветеранами Александра, вооруженными серебряными щитами, прорвался сквозь неприятельский центр, конница его была отброшена назад, а стан его с женами и детьми ветеранов, сокровищами главного военачальника и войсковым имуществом был захвачен конницей Антигона. Тогда 3.000 ветеранов тайно уведомили Антигона, что готовы выдать ему Эвмена, если им будут возвращены их жены и имущество. Антигон согласился на предложения, Эвмен был выдан ветеранами и заключен в темницу. Войско Эвмена большей частью перешло на сторону Антигона, который уже считал себя властителем всей Азии. Из вождей Эвмена он приказал умертвить Антигена, Эвдема и Пифона. Селевк, которого он тоже собирался уничтожить, бежал в Египет к Птолемее и соединился с ним для борьбы с Антигоном. К ним присоединился Асандр, наместник Карий, Лисимах Фракийский и Кассандр Македонский. Все они к этому времени значительно увеличили свои владения новыми завоеваниями. Эти пять полководцев отправили к Антигону посольство, которое предложило установить соглашение на следующих условиях: Птолемей удерживает за собой Сирию и Финикию, Кассандр — Македонию и страны, управлявшиеся до того времени Полисперхоном, Асандр — Каппадокию и Ликию, Лисимах — Фригию, Селевк снова восстанавливается в своем вавилонском наместничестве, которого чуть было не лишился, кроме того, Антигон обязывается разделить с ним сокровища, захваченные им в Передней Азии.

Антигон не согласился на эти условия и потребовал, чтобы его признали правителем государства. В то же время он вторгся в Сирию и Финикию, отнял у Птолемея обе эти области и принудил Асандра, наместника Карийского, к покорности.

Но поражение, нанесенное Птолемеем сыну Антигона — Димитрию в битве при Газе в 312 году, снова вырвало из рук Антигона эти завоевания. Птолемей отнял у него Сирию и

Финикию, а Селевк пошел в Вавилон и завоевал все наместничество. Вавилоняне, помня четырехлетнее кроткое управление Селевка, встретили его с любовью. Дальнейшие победы доставили Селевку обладание значительными государствами, Сузианой и Мидией, и этот полководец, который незадолго перед этим искал спасения в бегстве, мог теперь померяться с Антигоном в силе.

Имея в тылу такого врага, Антигон вынужден был пойти на соглашение с остальными своими противниками. Эти последние предъявили умеренные условия, пожертвовали Асандром и Селевком, признали Антигона властителем Азии и потребовали лишь утверждения за собой своих владений. Лисимах удержал Фракию, Птолемей — Египет и завоеванные им страны, Кассандр — Македонию до совершеннолетия юного Александра. Греческие же государства должны были оставаться независимыми и быть свободными от гарнизонов Кассандра. Таким образом в 311 году состоялся мир, но лишь на короткое время. Кассандр, сочетавшийся браком с младшей сестрой Александра Македонского — Фессалоникой, чувствовал себя крайне стесненным, пока был жив сын Александра Македонского. По приказанию Кассандра, наместник Амфиполя, которому был поручен надзор за царицей Роксаной и сыном ее, тайно умертвил их обоих и похоронил. Несколько лет спустя Кассандр заключил мир с престарелым Полисперхоном под тайным условием, чтобы Полисперхон устранил с помощью яда и семнадцатилетнего Геркулея, сына Александра от Барсины. Совершив это злодеяние, Полисперхон сошел с политической сцены и остаток жизни провел в поместьях, предоставленных ему в Этолии и Эпире. Старшая сестра Александра Македонского, вдовствующая царица эпирская, Клеопатра, которая проживала в Сардах и руки которой стал домогаться Птолемей, по приказанию Антигона была умерщвлена собственными служанками. После этого Антигон приказал убить и служанок, а царицу похоронить с необыкновенным великолепием.

Теперь разгорелась борьба между Антигоном и Птолемеем. Ее арена была перенесена в Грецию. Антигон послал туда с флотом своего сына Димитрия Полиоркета, то есть покорителя городов. Отважный юноша, в котором горел дух Алкивиада, своими новыми изобретениями в постройке кораблей и в устройстве осадных машин, вознес военное и кораблестроительное искусство своего времени на невиданную до тех пор высоту. В этом отношении он настолько превзошел остальные народы, что разбил и уничтожил в морском сражении близ берегов Кипра флот Птолемея. Грек Аристодем, посланный с известием об этой победе в Азию, к отцу юного героя, начал свою речь словами: «Поздравляю, царь Антигон!» Это обращение заслужило такое всеобщее одобрение, что с этого времени Антигон требовал его от всех и на первом же письме сыну написал: «Царю Димитрию». Следуя его примеру, Птолемей, Лисимах, Селевк и Кассандр также приняли царский титул.

Димитрий вытеснил из Афин назначенного Кассандрой в этот город правителем Димитрия Фалерийского и, под видом восстановления демократического правления в Афинах, стал укреплять по своему произволу, а вскоре задумал уничтожить Кассандра. Как некогда Филипп и Александр, он созвал греков в Коринф и заставил провозгласить себя их главным предводителем против Македонии. С войском в 56.000 человек выступил он в Фессалию. Кассандр обратился к Азии с мирными предложениями. Но восьмидесятилетний Антигон приказал ему ответить, что пока он сам не сдастся безусловно и не сдаст своих земель, о мире не может быть и речи.

Остальные цари сочли, что ответ этот должен относиться и к ним. Вследствие этого Птолемей, Селевк и Лисимах заключили союз против Антигона и его сына Димитрия. Лисимах вторгся из Фракии в Малую Азию. Сюда же явился Селевк с более чем 100 боевыми колесницами и с еще неслыханным до тех пор числом слонов — 480. Соединившись, они дали Антигону и Димитрию при Иссе во Фригии сражение, в котором благодаря превосходству в слонах одержали победу. Антигон был убит, а Димитрий с остатками разбитого войска из 4.000 всадников и 5.000 пехоты спасся на морской берег. Таким образом, самый гордый и могущественный из преемников Александра был уничтожен, сын его, вознесенный в Афинах в ранг божества, стал беглецом, а азиатское

царство сделалось добычей обоих победителей, которые поделили его между собой, не заботясь об отсутствующих союзниках. Лисимах удержал за собой всю Малую Азию, а Селевк — все страны по ту сторону Тавра, вплоть до Инда вместе с Сирией и Финикией. Нечего и говорить, что вражда между образовавшимися теперь пятью царствами не прекращалась. После многих неурядиц остались три могущественных государства: Египет под управлением Птолемея, Македония под властью Антигонов и Сирия под управлением Селевкидов. Рядом с ними образовались второстепенные и третьестепенные государства: Вифиния, Пергам, Понт, Армения, Каппадокия и т.д., которые вследствие своей незначительности вынуждены были прибегать к покровительству то одной, то другой могущественной державы с тем, чтобы впоследствии сделаться верной добычей всепоглощающих римлян. В таком же зависимом положении находились и греческие города, оставались ли они разъединенными, или соединялись в союзы.

2. Димитрий Полиоркет

Дух тогдашнего времени и расстроенное состояние Греции вполне отразились в характере и истории, жизни Димитрия Полиоркета. Димитрий Полиоркет был смел до дерзости, пылок до безрассудства, полон самых горделивых замыслов. Вместе с тем он отличался сообразительностью и остроумием, необыкновенной привлекательностью и изысканным образованием и в то же время был человек развратный, капризный, менявший ежеминутно свои решения. История его жизни полна самых невероятных приключений.

Как было упомянуто уже выше, Димитрий Полиоркет 22-летним юношей в первый раз отцом своим Антигоном был послан с войском против напавшего на Сирию Птолемея египетского. Первый опыт на военном поприще был неудачен, и в сражении при Газе в 312 г. Димитрий потерял 13.000 человек и весь обоз, из которого Птолемей возвратил лично принадлежавшее ему имущество и всю захваченную военную казну со следующим объяснением: он не питает личной вражды ни против него, ни против его отца, но борется лишь за свое право участвовать в добыче, которая составляет общую собственность всех противников Пердикки.

Димитрий был пристыжен, но не потерял мужества. Он упросил отца позволить ему еще раз напасть на неприятеля. Получив разрешение, он напал на одного из полководцев Птолемея, полностью разбил его при Мии, захватил весь его стан и взял в плен его самого с 7.000 воинов. Теперь Димитрий со своей стороны выказал великодушие перед Птолемеем, возвратив ему его полководца и друзей последнего без выкупа и щедро одарив их при этом подарками.

В это время Греция изнемогала под тяжким игом Кассандра. Димитрий пожелал прославиться освобождением ее. С флотом своего отца он направился к афинской гавани, овладел городом и принудил македонский гарнизон вместе с Димитрием Фалерийским к отступлению. Афиняне осыпали его необычайными почестями. Они провозгласили Димитрия Полиоркета и его отца «богами покровителями» своего города, воздвигли им алтари, а скульпторы соперничали между собой в изображении их в виде богов.

Упоенный столь щедро расточаемым фимиамом, юный герой предался всем позволительным и непозволительным наслаждениям. Когда он в 306 году был вызван своим отцом в Малую Азию, Кассандр овладел городом Халкидой на острове Эвбее, чтобы оттуда вновь покорить Грецию. Тогда афиняне вновь призвали на, помощь Димитрия. Он явился перед Халкидой, принудил Кассандра к отступлению, а город к сдаче. Затем Димитрий вторично вступил в Афины. Народ постановил предоставить ему для жительства часть храма Афины, ибо никакой дворец не был достоин его божественной особы. Его начали вопрошать о будущем, как божественное прорицалище, воздвигли ему алтари и решили, что все, что он будет делать, должно почитаться как богами, так и людьми священным и непреложным. Димитрий вступил в храм и в упоении своего счастья обратил его в жилище невоздержанности и сладострастия.

Затем Димитрий предпринял поход в Пелопоннес, очистил эту область от всех неприятельских войск и вновь даровал городам свободу. За это на Истмийских играх он был провозглашен верховным вождем Греции. Его закружившаяся голова была не в состоянии перенести столько славы. В безумных поступках, в надменности и распутстве он далеко оставил за собой всех своих предшественников.

Но вырваться из омута удовольствий и в случае надобности обратиться в самого закаленного воина не представляло для Димитрия ни малейшего затруднения. Он был хорошим полководцем и воодушевлял своих воинов невероятным рвением. В особенности был он остроумен в изобретении огромных и в то же время подвижных кораблей и осадных машин, которые вызывали удивление даже у его врагов и принесли ему прозвище Полиоркета, то есть покорителя городов.

Быстро поднялся Димитрий, когда союзники Лисимах и Селевк задумали изгнать престарелого Антигона из его царства. Он соединился с войском своего отца, но потерпел поражение в битве при Ипсе во Фригии в 301 году. Тогда Димитрий возложил свои надежды на флот и на афинян. Но афиняне направили навстречу Димитрию послов с извещением, что желают остаться нейтральными и поэтому уже отослали его супругу и двор в Мегару.

Чтобы обеспечить содержание войска, Димитрий отплыл тогда к Херсонесу и опустошил принадлежавшие Лисимаху области. Вскоре после этого новый царь Сирии Селевк, не доверявший больше Птолемею и Лисимаху, стал искать союза с Димитрием. Он сделал предложение его молодой дочери Стратонике и женился на ней в Антиохии, причем оба давних противника во время брачного торжества примирились.

Затем Димитрий отплыл с флотом к Афинам, защищаемым тираном Лахаритом, и после продолжительной осады принудил город голодом к сдаче. Он не только не стал мстить афинянам за неверность, но подарил им много съестных припасов.

Отсюда Димитрий отправился в Спарту, разбил спартанцев и замышлял основать греческое царство. В это время умер Кассандр. Смерть его послужила сигналом к большим замешательствам. Старший сын его Антипатр умертвил мать свою Фессалонику за то, что предпочитала ему брата Александра. Александр призвал к себе на помощь царя эпирского Пирра и Димитрия. Пирр явился первым и убедил братьев мирно разделить царство между собой. Когда прибыл Димитрий со своими войсками, то Александр старался склонить его удалиться и сопровождал его до Лариссы. Но так как из недоверия к Димитрию Александр задумал отделаться от него, то Димитрий приказал изрубить его во время одного пиршества. Македоняне тотчас же провозгласили Димитрия царем на место Александра. После этого Антипатр бежал к тестю своему Лисимаху, а Димитрий был признан всеми царем Македонии.

Утвердив свое господство в Греции и после неудачной войны с Пирром, он сделал громадные приготовления для похода в Азию с целью завоевать ее. Его старинные противники Селевк, Птолемей и Лисимах, узнав об этом, заключили между собой союз, к которому присоединился и Пирр. Лисимах вторгся в Македонию с востока, а Пирр с запада, египетский же флот старался отторгнуть от него Грецию. Димитрий сначала обратился против Лисимаха, а затем против Пирра, своих опаснейших противников. Но македоняне, недовольные образом его жизни, с восточной роскошью и деспотическим правлением, предались Пирру и провозгласили его своим царем. Димитрий бежал с немногими оставшимися ему верными в лагерь своего сына Антигона Гоната. Его царство разделили между собой Пирр и Лисимах. Димитрий никогда более не возвращался в него. Собрав в Греции войско и флот, Димитрий отправился в Азию. В Милете он вступил в брак с одной из дочерей Птолемея и затем, опустошая все на пути своем, прошел Карию и Лидию, намереваясь основать для себя царство в Азии. Но сын Лисимаха — Агафокл выступил ему навстречу и, разбив его в нескольких сражениях, преследовал до Тарса в Киликии. Тогда Димитрий обратился с просьбой о помощи к своему зятю. Селевк убедил Агафокла отступить, за что Димитрий заплатил тем, что снова совершил опустошительный поход и произвел ночное нападение на стан Селевка. Но Селевк, вовремя извещенный о таком

намерении, успел подготовиться к отпору. Войска Димитрия по приглашению Селевка перешли на его сторону, и Димитрий, бежавший в лесистые горы и окруженный со всех сторон, вынужден был сдаться. Селевк обошелся с ним великодушно: он назначил ему местом жительства город Апамею в Сирии, разрешил пользоваться всеми удовольствиями, но приказал наблюдать за ним строжайшим образом. Димитрий II проводил все время на охоте, играх, в пьянстве и умер на третий год своего заточения в возрасте 54 лет, в 284 году.

3. Египет под властью Птолемеев

(328...200 г. до Р. Х.)

Через год после Димитрия умер царь египетский Птолемей I Лаг, то есть сын Лага. Он носил название Сотера, то есть избавителя. Родосцы даровали ему этот почетный титул в благодарность за защиту города от Димитрия Полиоркета, который пытался овладеть им с помощью своих осадных машин.

Птолемей возвысил Александрию, сделав ее столицей Египта, построил в квартале Брухейе царский дворец, покровительствовал торговле и ремеслам, создал флот и войско, проложил дороги, соорудил гавани и каналы. Сыну своему Птолемею II Филадельфу он оставил царство в цветущем состоянии. В царствование Птолемея II Александрия еще более, чем при его отце возвысилась и обратилась в главный центр греческих наук и искусства. Он завершил начатое его отцом строительство музейона, здания для ученых, где они имели залы для занятий и получали хорошее содержание. Многие талантливые люди, вынужденные покинуть Грецию вследствие непрерывных в ней смут, нашли здесь покровительство и почетный прием. Затем Птолемей II настолько увеличил начатую его отцом и хранившуюся в музейоне публичную библиотеку, что она насчитывала 400.000 томов или свитков, которые заключали в себе все существовавшие в то время литературные сокровища. Надзор за ними он поручил библиотекарям. Своими критическими исследованиями они впервые восстановили в подлинном виде древние греческие творения, например Гомера, отметили чертами недостоверные и сомнительные места, самые выдающиеся — звездочками и снабдили их комментариями. В составленном ими каталоге библиотекари расположили по классам различные произведения человеческого ума в соответствии с их достоинствами. Так, например, в первый класс трагических поэтов они поместили только троих: Эсхила, Софокла и Еврипида, а в первый класс лириков внесли девятых: Алкмана, Алкея, Сафо, Стесихора, Ивика, Анакреонта, Пиндара, Симонида и Бакхилида. Таким образом, на основании авторитета александрийских ученых, составил законченный канон классических писателей, книги которых впоследствии переписывались, почему и сохранились до нашего времени, между тем как остальные большей частью затерялись. Из числа этих библиотекарей-критиков более всех прославились Аристарх, Зенотот и Зоил. Последний известен также под прозвищем Гомера Мاستикса (бич Гомера) за безжалостное обращение с текстом этого поэта. При дворе Птолемея Филадельфа жили еще дидактический поэт Арат, певец гимнов Каллимах и изящный идиллический поэт Феокрит.

Смерть второго Птолемея последовала в 247 году до Р. Х. Ему наследовал сын его Птолемей III Эвергет, то есть благодетель, достойный преемник обоих своих замечательных предшественников. В царствование этих трех царей Египет был богатейшим и счастливейшим государством. Постоянные военные силы, по свидетельству Аппиана, состояли из 200.000 человек пехоты, 40.000 всадников, 2.000 боевых колесниц, 15.000 военных кораблей и 300 слонов, а в государственном казначействе при Птолемеях II находились 740.000 египетских талантов (около 1.350.000.000 рублей). Александрия была средоточием всемирной торговли, наук, искусств и всевозможной роскоши. Она властвовала на море, а Финикия, Келесирия, Кирена и Кипр составляли внешние провинции египетского государства. Податная система была обременительна для жителей. Все налоги ежегодно сдавались на откуп, и в помощь откупщикам для взимания их

предоставлялась военная сила. Понятно, само собой, что при этом не обходилось без жестокого грабительства. В особенности подобного рода финансовыми операциями занимались евреи, во множестве переселившиеся в Египет. При Птолемее II налоги Египта, за исключением поставки хлеба, простирались до 14.800 талантов, но при его преемнике Эвергете, который завоевал многие области в Африке и Азии, налоги с Сирии, Финикии и с новых провинций были удвоены. Здесь можно упомянуть, что супругой этого третьего Птолемея была прекрасная Береника. В честь ее красивых блестящих волос, много раз воспетых поэтами, названо одно из созвездий северной части неба.

С четвертого Птолемея начинается упадок государства, достигшего к тому времени расцвета. Птолемей I Филопатор (240...221 г.) начинает собой ряд дурных правителей. Бессилие, слабоумие, распутство и жестокость, господство любимцев, кровавые распри за обладание престолом составляют содержание этого печальнейшего периода египетской истории. Род Птолемеев, из которых Птолемей I Фискон, то есть толстобрюхий, был настоящим чудовищем, продолжался до Птолемея XIII, ему наследовала сестра его — знаменитая Клеопатра, о которой еще пойдет речь в римской истории.

4. Сирия при Селевкидах

(301...64 до Р. X.)

В состав Сирийского царства храброго Селевка I Никатора, то есть победителя, в конце его царствования входили страны от Геллеспонта до Евфрата. Последним завоеванием старого воина, который обладал такой силой, что голыми руками мог усмирить быка, было царство Лисимаха, причинившего вследствие женских интриг великое бедствие всему своему дому и погибшего в битве против Селевка при Корупедии в 282 г. За Лисимаха мстителем явился Птолемей Керавн, сын Птолемея I. После того, как отец Керавна передал правление младшему своему сыну от второй жены, Керавн покинул Египет и нашел убежище у Лисимаха. Когда Селевк семь месяцев спустя после своей победы при Корупедии вступил в Европу с целью завоевать свое отечество Македонию, то был коварно убит Керавном.

В мирные годы своего правления Селевк много сделал для устройства своего громадного государства. Он сделал Сирию первенствующей областью, сам же жил в основанных им — или в Антиохии на реке Оронте, в Верхней Сирии или в Селевкии на Тигре, которая заняла место приходившего в упадок и оставленного жителями Вавилона. Селевкия насчитывала 600.000 жителей и сделалась столицей Верхней Азии.

Все царство Селевкидов было разделено еще Селевком на 72 сатрапии, но при этом не было соблюдено мудрое правило Александра: не была установлена крепкая связь сатрапий с населявшим их туземным населением, а командование войсками было отделено от гражданской правительственной власти. С самого начала Селевк стал опираться на греческо-македонский элемент и не мог при этом решиться на уравнивание в правах победителей и побежденных. Вследствие этого отношения между теми и другими постоянно были натянутыми и нередко переходили в кровавые столкновения.

Уже при сыне Селевка, Антиохе I Сотере (281...261 г.) из части его государств образовалось новое царство, и он не мог этому препятствовать. Филетер, казначей Лисимаха, с помощью щедро оплачиваемых наемных войск, для уплаты жалованья которым он употребил богатые сокровища своего умершего повелителя, провозгласил себя независимым и утвердился в Пергаме,⁷ хорошо укрепленном городе в Мизии, и положил основание Пергамскому царству, которое приобрело себе почетное имя как средоточие греческих наук и искусств. Аттал I, третий из его преемников, первым принял царский титул (224 г.). Правление третьего сирийского правителя с царским титулом, Антиоха II, которого милетцы

с наглой лестью прозвали Феосом, то есть богом, за изгнание тирана их Тимарха, было правлением женщин (262...247 г.). В это время, когда двор утопал в постыдной роскоши, а унылый, удрученный народ изнемогал, отделились две самые могущественные сатрапии и образовали независимые царства — Парфянское и Бактрийское. Основателем Парфянского царства стал храбрый парфянин Арсак. Он убил жестокого наместника Антиоха и прогнал из своей страны сирийцев и македонян. В оборонительной войне против сирийского царя увеличились силы и размеры Парфянского царства. Столицей его стал Ктесифон. Четвертый сирийский царь Селевк II (Калинник) пал в 227 г. в сражении с пергамским царем Атталом. Шестой царь Антиох III (222...187 г.), сын Селевка Калинника, заслужил своими доходившими до самой Индии завоевательными походами прозвание Великого, но очутился под конец в ссоре с римлянами, и ссора эта кончилась значительным ослаблением его могущества.

При преемниках Антиоха Великого Сирийское царство вследствие внутренних раздоров и внешних неудач начало быстро клониться к упадку. Антиох IV Эпифан (176...164 г.) провел удачную войну с Египтом и уже стоял в самом центре завоеванной страны, но в это самое время римский сенат через своего посла Поппилия Лена прислал ему повеление остановиться. Об этом будет подробнее изложено в римской истории. Антиох Эпифан замечателен еще своей попыткой заставить евреев отречься от своей веры и ввести в Иудее греческие нравы и религию. В один из субботних дней царский полководец Аполлоний напал на город Иерусалим и повелел от имени царя отменить иудейское богослужение. Непокорных убивали или продавали в рабство. Жертвенник в храме был осквернен принесением на нем в жертву свиней. Тогда среди иудейских беглецов выступил происходивший из благородного рода Гасмонеев священник Матафия и решился пожертвовать своей жизнью за дело Иеговы. Удалившись с пятью сыновьями в Модин, он разорил там языческое капище и бежал затем в пустыню, куда призывал поборников веры сплотиться около него. Множество народа последовало его призыву. С ними Матафия поднял восстание во всей стране и повсюду разорял языческие алтари. Восстание усилилось еще более при третьем сыне Матафии, Иуде Маккавее (что значит «Молот»). Он разбил не только Аполлония, но и два других войска, посланных Антиохом в 166 г. Антиох умер в 164 году, но преемники его Антиох V Эвпатор и Димитрий Филопатор продолжали войну. Первые годы война шла с переменным успехом. Сирийскому полководцу Лисию удалось вновь завладеть горой Храма. Тогда многие иудеи отпали от своей религии и среди них первосвященник Элиаким. Но Иуда и его братья остались непоколебимы, не признали первосвященника и разбили сирийского полководца Никанора в 161 г. Тогда против них выступило новое, превосходившее их числом сирийское войско под командованием Бакхида. Иуда сражался как лев и погиб в неравной битве под Иерусалимом в 160 году. Но смерть его была отомщена младшим братом его Ионафаном. Он так стеснил Бакхида в одном ущелье, что тот заключил мир и отступил.

При сирийском узурпаторе Александре Баласе Ионафан в благодарность за поддержку, оказанную им Александру в борьбе с соперником его Димитрием Никатором, был признан «полководцем и соправителем». Но впоследствии он попался в плен к сирийскому царю Димитрию Никатору и был умерщвлен вместе с двумя своими сыновьями и 1.000 единомышленников (144 г.). Тогда иудеи выбрали своим полководцем единственного оставшегося в живых сына Матафии — Симона. По договору с Димитрием он заставил последнего признать за собой первосвященническую и царскую власть и затем очистить всю Иудею от язычников. Много лет правил он страной мудро и справедливо, повсюду восстановил служение Иегове и всячески заботился о благоденствии народа. Как мала была в то время зависимость Иудеи от Сирии, можно судить по тому, что Симон отчеканил даже собственную монету со своим изображением. Но насколько счастливо было его правление, настолько печален оказался конец: зять Симона Птолемей умертвил его вместе с его сыновьями Матафией и Иудой во время пиршества, устроенного для них Птолемеем, когда они сильно опьянели. Сын Симона — Иоанн, прозванный Гарканом, избежал смерти только

благодаря тому, что был предупрежден своими сторонниками о замыслах Птолемея. Таким образом Иоанн получил возможность умертвить подосланных к нему убийц, после чего поспешно занял Иерусалим и провозгласил себя первосвященником. Чтобы обезопасить себя на более продолжительное время от сирийцев, Иоанн заключил союз с римлянами. Римляне, привыкнув уже выставлять напоказ мнимое свое великодушие, охотно приняли под свою защиту маленький иудейский народ и оказывали ему покровительство до тех пор, пока Иудея и угнетавшая ее Сирия не были подготовлены к порабощению.

Во время почти тридцатилетнего управления Иоанна Гиркана иудеи жили в мире и благоденствии. Но с его смертью дом Маккавеев стал быстро клониться к падению. Сын Иоанна Гиркана Аристобул провозгласил себя царем, но опозорил этот титул бесчеловечными жестокостями. Еще хуже стал править брат его Александр-Иоанн. Свою власть он поддерживал наемным войском и с его помощью кровавым образом усмирил вспыхнувшее против него восстание. Во время роскошных пиршеств, устроенных им в честь своей победы, Александр-Иоанн приказал распять на кресте 800 своих противников и на их глазах умертвить их жен и детей. Удачными походами он настолько увеличил царство Иудейское, что оно стало почти таким же по размерам, как во времена царя Давида. После смерти Александра-Иоанна некоторое время правила его вдова Александра с должным благоразумием и твердостью. Но со смертью ее возникла ссора между ее сыновьями Гирканом и Аристобулом. Спор этот был разрешен римлянином Помпеем, о чем будет рассказано позже.

Последний властитель Сирии из рода Селевка был Антиох XIII. Хотя он был признан римлянами царем и оставлен Лукуллом на троне, но после двухлетнего правления был свергнут с престола Помпеем. Затем Сирия была включена в состав провинций Римского государства в 64 году до Р. Х.

5. Македония и Греция после смерти Александра.

(323...168 г. Р. Х.)

Ни одно государство не сменяло так часто своих властителей в период смутного времени, как Македония. За правителем государства Антипатром последовал престарелый Полисперхон, за ним сильный, но жестокий Кассандр, затем искатель приключений Димитрий Полиоркет. Когда Димитрий во время похода против Пирра Эпирского лишился своего войска, то последнее вместо него провозгласило царем Пирра. Но Пирр не смог долго продержаться против Лисимаха Фракийского, который завладел половиной его государства и в 286 году вынужден был вернуться в Эпир. После смерти Лисимаха, победивший его Селевк хотел стать царем Македонии. Но он погиб в 281 году под ножом убийцы, подосланного Птолемеем Керавном. После этого с помощью войск Лисимаха на престол вступил сам главный убийца. Через два года во Фракию, Македонию и Грецию вторглись многочисленные отряды кельтов (или галлов), и в битве с ними Птолемей Керавн был убит. Но галлы, благодаря самоотверженной храбрости соединившихся фокидян, локров и этолян, потерпели при Дельфах поражение и были почти полностью истреблены. Остатки галлов спаслись на Север, прошли Фракию, перешли через Геллеспонт в Азию и заняли там страну, названную по их имени Галатеей. После ухода галлов, в то время как Пирр был занят в Италии, на освободившемся престоле утвердился в 276 г. сын покорителя городов Димитрия Полиоркета — Антигон Гонат (то есть с железным наконечником) при помощи отцовских войск, которые все еще занимали часть Греции. Но Пирр, возвратившись из Италии, снова направился в Македонию, вытеснил оттуда Антигона и вторично заставил войско провозгласить себя царем. Однако два года спустя он был убит в Аргосе, после чего Антигон Гонат вторично захватил верховную власть в Македонии и передал ее своим наследникам. Из многих преемников Антигона Гоната нам встретятся в римской истории Филипп III (221...179 г.) и сын его Персей (179...168). Поражением македонян при Пидне в 168 г. была

решена судьба македонского царства, и оно вошло в число провинций Римского государства в 146 г.

Положение дел в Греции было так же безотраднее, как и в Македонии. Как здесь, так и там господствовал полный беспорядок и распущенность нравов. Об общественной безопасности не было более речи. Разбойничьи шайки наводняли страну и налагали контрибуции даже на города. Несмотря, однако, на это, последняя искорка былой доблести и воодушевления еще не совсем угасла в греках.

Когда Антигон Гонат покинул Пелопоннес, где воспрепятствовал намерению Пирра утвердиться, в греках снова пробудилось страстное стремление к свободе. Область Ахайя, 12 городов которой уже с древнейших времен составляли союз, уничтоженный впоследствии Александром Македонским и его преемниками, положила начало возобновлению прежнего союза. Сначала соединились четыре самых незначительных города: Дима, Патры, Тритея и Фары (в 280 г.). К ним скоро примкнула Огия, прогнавшая македонский гарнизон. Жители Буры убили, тирана, после чего тиран Кирены сам отказался от власти, и город этот также присоединился к союзу.

Явился и руководитель союза. То был Арат, уроженец Сикиона. Еще 19-летним юношей, пылая ненавистью к тиранам за то, что назначенный македонянами в его родной город тиран Авантид приказал убить его отца, Арат, во главе разбойничьей шайки, напал на Сикион и без всякого кровопролития прогнал нового тирана Никокла. Своими распоряжениями Арат приобрел доверие граждан. Он предложил присоединиться к Ахейскому союзу, что и было сделано в 251 году. В 245 году Арата избрали в союзные полководцы и таким образом из маленьких союзов постепенно образовался могущественный союз государств. В него вошли почти все остальные города Ахайи. Птолемей Филадельф помог союзу деньгами, чтобы через него противодействовать македонянам. В 243 году Арату удалось подкупить македонских наемников, овладеть Коринфом и Мегарой и присоединить к союзу оба эти города.

В первый еще раз со времен Филиппа Македонского коринфяне получили обратно ключи от своего родного города.

Теперь Ахейский союз сформировался окончательно. Он представлял собой оборонительный и наступательный союз между отдельными государствами. Были введены общие меры, вес и монетная система. Однако отдельные города сохранили независимое управление и собственные учреждения. Два раза в год члены союза собирались в избранном для этого городе Эгии. Высший сановник союза назывался «стратегом».

Около 284 года этолийцы создали подобный же союз, к которому некоторое время принадлежали также локры, фокидяне и южные фессалийцы. Но так как этот Этолийский союз постоянно враждовал с Ахейским, а Спарта по своей зависти старалась ослабить и тот и другой, то план Арата постепенно освободить всю Грецию от македонского ига мог потерпеть неудачу. Чтобы успешно противодействовать завоевательным замыслам спартанцев во время правления энергичного царя Клеомена III, Арат призвал только что изгнанных македонян. Они явились под предводительством своего царя Антигона Досона и хотя помогли разбить спартанцев при Селлазии в 222 г., но снова заняли Коринфскую крепость и под именем союзников сделали властителями союзных греков. После победы при Селлазии македоняне вступили в Спарту и принудили спартанцев примкнуть к Ахейскому союзу. Таким образом, во главе этого союза стали македоняне. Сам Арат скоро стал жертвой расчетливой македонской политики. Филипп III, для которого Арат становился неудобным, приказал отравить его в 213 году. Преемником его в звании стратега стал благородный Филопомен, прозванный «последним эллином». Он был родом из Мегалополя. Еще юношей Филопомен был отличным всадником и предводителем своих товарищей. В битве при Селлазии он особенно отличился, несмотря на то, что участвовал в ней в качестве простого воина. Обманувшись в своих ожиданиях снова увидеть Грецию свободной, Филопомен отправился на остров Крит, где нашел возможнее развить во время тамошних внутренних войн свои военные способности. По возвращении на родину, все свои усилия он

направил на то, чтобы вновь вдохнуть воинственный дух предков в своих современников. Прежде всего он стал приучать молодежь своего родного города к воинским упражнениям и обнаружил при этом незаурядные тактические способности, сделав нововведения в способе ведения войны изобретением новых боевых порядков и передвижений войск. Он обратил особенное внимание на преобразование конницы сообразно с духом времени. Множество ахейских юношей и пешком, и верхами стекались к нему в Мегалополь, а свободные площади перед этим городом, казалось, были предназначены для воинских упражнений. Мужество Филопомена во время сражения воспламеняло каждого воина. В битве со спартанцами в 208 году он собственноручно заколол их тирана Маханида. Преемник Маханида, тиран Навис был также разбит им при Гифие и затем убит своими собственными людьми. Таким образом Филопомен вынудил Спарту присоединиться к Ахейскому союзу.

Филопомен отличался и храбростью, и воинскими талантами, и умеренностью, и простотой. Он жил как простой воин и по многим своим чертам вполне справедливо может быть поставлен в ряд с Аристидом и Фокионом. Чтобы выказать ему уважение, спартанские эфоры решили поднести ему в подарок деньги, вырученные от продажи имений, принадлежавших тирану Навису. Послы, которые должны были передать подарок Филопомену, увидев умеренность его в еде, его суровость в обращении и все величие его поведения, не осмелились исполнить поручения и смущенные вернулись домой. Отправленные вторично, они опять не решились исполнить свое поручение. Посланные в третий раз, они собрались с мужеством и открыли ему истинную цель своего посольства. Сначала Филопомен засмеялся, а затем сказал серьезно: «Вам не следует подкупать ваших друзей, ибо плохи те граждане, которых приходится покупать для того, чтобы они молчали и не мешали хорошим».

Однажды Филопомен пришел в Мегару, и один из тамошних гостеприимных друзей его, предупрежденный о том, что Филопомен посетит его, и не имея возможности быть в это время дома, поручил своей жене подобающим образом принять гостя. Бедная женщина была сильно взволнована, узнав, что их посетит глава Ахейского союза. Она занималась приготовлением обеда в тот момент, когда Филопомен вошел в дом один и скромно одетый. Приняв его за одного из воинов, посланного вперед, она в беспокойстве закричала ему: «Ах, друг мой, будь так добр, помоги мне скорее!» Полководец тотчас же снял плащ и принялся колоть дрова. В это время появился хозяин дома, и изумившись, спросил: «Что значит это, Филопомен?» «Ничего, — отвечал Филопомен, — я наказан за мою дурную одежду!»

Такого рода поступки приобрели Филопомену уважение всех греков, а то, что он сделал для Ахейского союза в качестве стратега, доставило ему неоспоримое право на благодарность отечества. И он, подобно Фемистоклу, удостоился почетнейшей награды: явившись однажды на Немейские игры с вновь организованным отрядом благородных воинов, он обратил на себя внимание всей собравшейся там Греции. Когда певец Пилад пропел слова: «Я даю сынам Греции прекрасное украшение — свободу», то все слушатели в порыве восторга повернулись к Филомену и прервали певца продолжительными рукоплесканиями.

Благодаря Филопомену Ахейский союз достиг величайшего своего значения. Но в это время завистливая политика Рима, ставшего уже твердой ногой в Македонии, обращала свои взоры на юг Греции. В скором времени, в надежде на римскую помощь, от союза отпала Спарта. Хотя Филопомен после этого вновь завоевал Спарту, разрушил стены ее, уничтожил государственное устройство Ликурга, римляне настолько запутали в сетях своих интриг расстроенные в высшей степени греческие государства, что Филопомен не мог надолго сохранить прочность и единство союза. Римляне, не стали, однако, нападать прямо, а сумели сначала посеять раздор среди греков. Семена этого раздора прежде всего взошли в Мессене. Один знатный гражданин этого города, Динократ, настоял на открытом отпадении от Ахейского союза. В это время семидесятилетний Филопомен, избранный в восьмой раз стратегом союза, лежал в Аргосе больной. Тем не менее, узнав об этом, он живо поднялся и поспешил в Мегалополь. Там он собрал своих всадников и бросился в Мессену. В первой же

схватке его спутники слишком далеко оторвались от него, и Филопомен оказался в опасном положении. Лошадь его споткнулась на неровной, скалистой дороге и так ушибла его при падении, что неприятели сочли его мертвым. Когда же они увидели, что Филопомен приподнимает голову, то бросились на него, связали и с торжеством повели в Мессену. Здесь он был брошен в сырую, мрачную темницу, и Динократ поспешил отравить его, прежде чем успели начаться переговоры о его освобождении. Посланный с чашей яда нашел старца лежащим на сырой земле, погруженным в размышление. С трудом приподнявшись, Филопомен спросил раба об участии Ликорта и его всадников. Получив ответ: «Они спаслись», Филопомен произнес: «Хорошо! В таком случае не все еще погибло», осушил чашу и через несколько минут испустил дух. Он умер в один год с Ганнибаллом и его великим противником — П. Сципионом Африканским Старшим в 183 г. до Р. Х.

Ликорт, отец историка Полибия и преемник Филопомена в звании стратега, отомстил за смерть Филопомена. Он вторгся в Мессению, принудил Мессену к сдаче, заставил это государство вновь присоединиться к Ахейскому союзу и торжественно перевез урну с пеплом героя в Мегалополь. Но и Ликорт не в состоянии уже был надолго задержать быстрое разложение Ахейского союза. О подробностях падения этого союза, виновниками которого были римляне, будет изложено в римской истории.

6. Спарта при Агисе III и Клеомене III.

(244...220 г. до Р. Х.)

В Спарте, так же как и в Афинах, исчезли прежние порядки. О государственных учреждениях Ликурга с их строгими нравами давным-давно уже не было и помину. Вследствие частых связей с иноземцами, нравы спартанцев изменились, и они погрязли в роскоши и невоздержанности. Закон, по которому все полноправные граждане Спарты должны были иметь одинаковые земельные участки, совсем уже не соблюдался. С тех пор, как эфор Эпитадей в правление Агесилая провел закон, разрешавший передавать имущество в виде дара или по духовному завещанию посторонним, а также и дочерям, земельная собственность сосредоточилась в руках немногих семейств. Вместо прежних 9.000 семейств спартиатов (воинов — землевладельцев, живших за счет доходов от выделенных им земель, которые за них обрабатывали рабы — илоты) теперь оставалось всего лишь 700. Этому злу вознамерился положить конец Агис III, вступивший на престол в 244 году. Он предпринял восстановление древних Ликурговых законов и показал своим согражданам пример древне-спартанской простоты. Он предложил все земельные участки, оставшиеся свободными после нового раздела между 700 семействами, разделить между 15.000 периэками⁸ и таким образом увеличить число земельных собственников и затем окончательно погасить все долговые претензии. Агис обещал пожертвовать для этого все свое движимое и недвижимое имущество. Народ с восторгом приветствовал такое предложение, но в своем соправителе, другом царе, Леониде, Агис встретил ожесточенного противника. Однако предложение о погашении долгов прошло, и Леонид вместе с эфорами были отрешены от своих должностей. В совет новых эфоров вошел также и дядя Агиса — интриган Агесилай. Когда Агис выразил затем решительное намерение приступить к переделу земельных участков, то Агесилай, который счастливо избавился, с погашением всех долговых обязательств, от своих долгов, но не желал уступать своих собственных поместий, старался затормозить приведение в исполнение этого второго распоряжения. В таком положении находились дела, когда Агис выступил на войну против разбойничавших этолян, чтобы наказать их с помощью Ахейского союза. Поход не удался, и при своем возвращении в Спарту Агис нашел положение вещей совершенно изменившимся. Дядя его Агесилай настолько стал ненавистен народу вследствие разного рода жестокостей, что

народ, горько обманутый в своих надеждах, не оказал никакого сопротивления Леониду, бежавшему перед этим в Тегею, а теперь возвращавшемуся с войском в Спарту, где он уже успел войти в соглашение с олигархической партией. Агис искал спасения в храме, но эфоры сумели выманить его оттуда, обещав полную безопасность. Но едва Агис вышел из храма, как они арестовали его и задушили.

По стопам Агиса задумал идти Клеомен III (235 г.). Сначала он постарался восстановить силу и значение царской власти и тем ослабить всемогущих эфоров.⁹ Благоприятным обстоятельством к тому послужила война с Ахейским союзом. Клеомен разбил ахейян с их вождем Аратом в нескольких сражениях и возвратился, увенчанный победой и славой. Он вступил в Спарту с наёмным отрядом, умертвил четырех эфоров и уничтожил их звание. Тогда предпринято было полное погашение долгов и равномерное распределение земельных участков. Принятием перизков Клеомен увеличил число граждан. Древне-спартанское воспитание, сисситии¹⁰ и другие древние обычаи были восстановлены. Но всем этим нововведениям был положен внезапный конец. Новая война против Ахейского союза, предпринятая с целью восстановления прежней гегемонии и вначале удачная, окончилась поражением в теснине при Селлазии, нанесенным македонским царем Антигоном Досоном, которого Арат призвал на помощь. Клеомен вынужден был искать спасения в бегстве и отправился в Египет, где надеялся расположить в пользу своих замыслов царя Птолемея Эвергета. Но Птолемей Эвергет в скором времени умер, а его преемник Птолемей Филогор, предавшийся роскоши, не был человеком, способным сочувствовать стремлениям Клеомена. Клеомен попытался произвести среди египтян возмущение против их властителя, но его попытки не нашли среди выродившихся египтян никакого сочувствия, никакой поддержки. Чтобы не попасть в руки царя, он сам умертвил себя. Спутники Клеомена последовали его примеру. Он умер 35 лет от роду. Мать и дети его были казнены, тело его зашито было в шкуру и повешено на виселице. Так окончил жизнь один из благороднейших спартанцев, и со смертью его Спарта навсегда утратила свое блестящее положение в Элладе.

7. Науки и искусства в македоно-эллино-александрийский период.

(336...30 г. до Р. Х.).

Благодаря завоевательным походам Александра, греческий язык стал всемирным. Греческое образование, науки и искусства, в особенности благодаря многообразным колониям, распространялись повсюду. В них возникла потребность при дворах государей — в Александрии, Пергаме, и Сиракузах, равно как в Афинах, на острове Родосе, в Сикионе, Византии, Геракле и т.д. Греческие художники, полководцы, купцы, ученые, философы встречались повсеместно.

Период этот называют эллинистическим или александрийским веком. В Александрии образовалось особенное наречие. Отличительный признак александрийского века составляет недостаток самобытной творческой силы, мощного полета фантазии, идеального вдохновения. Все было направлено на путь реальных наук, дающих практическую пользу, как например: естествознание, медицину, строительное и военное искусства, математику, механику. Все было старательно собрано и приведено в порядок, древние писатели объяснены, а бывшие в обращении рукописи тщательно проверены. Но наряду с этим появилось праздное мудрствование, отсутствие вкуса и критики. Вместе с тем образовалась вычурность слога, пустота и искусственность в содержании, которые никоим образом не могли восполнить указанных выше недостатков.

В области философии имя Аристотеля затмевало все остальные. Аристотель как

всемирный гений, знал в совершенстве все науки своего времени. В противоположность Платону, который вращался в области догадок и фантазии, в мире идеалов, Аристотель старался объяснить действительность рядом остроумных исследований. У него философия является «размышляющим познанием вселенной». Существенное знание заключается для него в понимании начала, основной причины. От Аристотеля остались многочисленные сочинения по логике, этике, математике, физике, естественной истории, политике, психологии и этике. Аристотель, исполнив возложенное на него поручение — воспитание юного Александра, отправился в Афины и в течение 13 лет учил там в Лицее, в тенистых аллеях¹¹ которого он обыкновенно прохаживался со своими учениками, почему они и получили название перипатетиков. После смерти Александра Аристотель покинул Афины, где он, как некогда Анаксагор, подвергался опасности быть обвиненным в неуважении к государственной религии. Он умер в Халкиде, на острове Эвбее в 322 г. до Р. Х.

Одним из самых выдающихся учеников Аристотеля был Теофраст, уроженец острова Лесбоса (372 — 288 г. до Р. Х.). Как Аристотель является основателем научной зоологии, так Теофраста следует считать отцом ботаники. Кроме того, Теофраст оставил после себя сочинение «Характеры», в котором даны описания отрицательных характерологических типов. Оно имело успех среди комедиографов поздней античности.

Упадок греческих воззрений в особенности выражается в философской системе Эпикура, родившегося в Афинах в 342 г. Для Эпикура уже не добродетель и не проистекающее из нее удовлетворяющее чувство самопознания составляют конечную цель нравственной жизни. Для него высшее благополучие заключается в отсутствии всех страданий. Поэтому боги представляются Эпикуру высшими идеалами блаженного существования. По его понятиям, они живут в полной безмятежности, так как земные дела, которые могли бы нарушить и омрачить их блаженство, не причиняют им ни малейших огорчений.

В противоположность эпикурейцам, идеи о божестве и добродетели крепко держались стоики. Бог по их учению есть существо, одаренное высшим разумом, законы же природы являются естественным и разумным его последствием. Вследствие этого высшим, основным правилом стоиков в их нравственных поступках было следующее: человек должен поступать согласно природе, а следовательно и согласно разуму, в этом состоит добродетель. Основателем стоицизма был Зенон, родом из Китона, живший около 300 года до Р. Х. Основное требование нравственной жизни у Зенона — известный героизм, который должен был высказываться в презрении к страданиям. Как ни несовершенна была стоическая этика, все-таки она заключала в себе зародыш превосходных основных житейских правил. Стоики проявляли непобедимое мужество в самых затруднительных обстоятельствах жизни, в особенности во время господства деспотизма. Поэтому это философское учение нашло так много приверженцев среди римлян под конец римской республики и во времена императоров, как например, Катон из Утики, Цицерон, Сенека и др. Самым восторженным последователем этой философии был император Марк Аврелий Антоний, прозванный философом. С этим учением римляне впервые познакомились в 155 году до Р. Х. через стоика Диогена, уроженца Вавилона, ученика Хрисиппа, прибывшего в Рим с афинским посольством.

В такое время, как александрийский век, когда так глубоко были потрясены нравственные и религиозные основы, философы и самых крайних направлений находили легкий доступ и многочисленных приверженцев. Так, Пиррон, современник Аристотеля, благодаря проповедываемому им учению о том, что ничто не может быть признано существующим в действительности и что, напротив того, все должно возбуждать сомнение, встретил большое сочувствие и вполне справедливо заслужил название «скептика», то есть сомневающегося. Еще дальше пошел Эхемерон, живший около 300 года до Р. Х. Он отнял от мифов о богах их чудесный характер и объяснял их как истории людей, выделившихся среди

других своими телесными и духовными качествами, которым после их смерти воздавали божеские почести и истории которых намеренно облекли в чудесные образы. Правда, Эхемерон получил насмешливое прозвище «атеиста», то есть богоотступника, но несмотря на это, учение его имело успех, главным образом в Риме.

Поэзия, в особенности драматическая, также пришла в упадок. В области трагедии, несмотря на многократную обработку ее софистами и их учениками, не появилось ни одного имени, достойного упоминания. В александрийский век большей частью довольствовались творениями Еврипида. Только в комедии обнаружилась попытка к дальнейшему развитию, создавшему так называемую «новую комедию», главными представителями которой являются Менандр и Филемон. Но содержание и характер ее совершенно изменились, с этой стороны она значительно понизилась. Политическая жизнь совершенно исчезла со сцены, и место ее занял быт, изображение повседневной жизни. В качестве лиц, ставших предметом осмеяния, теперь выступали не государственные люди и руководители народа, а лица и типы из обыденной жизни: ремесленники, земледельцы, воины, прихлебатели, гетеры.

Выдающееся явление в области лирической представлял Феокрит из Сиракуз, живший около 272 г. до Р. Х. Он был основателем «буколической» поэзии, то есть поэзии пастушеской. Феокрит рисовал жизнь не только пастухов, но и рыбаков, сельских жителей и простых горожан в отдельных сценах, «идиллиях», то есть картинках, полных жизни и драматического движения.

Из многочисленных сочинений историков, описывавших деяния Александра в качестве очевидцев, до нас не дошло ни одного, поэтому об этих утраченных творениях мы знаем лишь из позднейших биографий Александра, составленных Плутархом и Аррианом около 100 года по Р. Х., а также ритором К. Курцием, которые почерпали из них свои сведения. Александрийскому же веку принадлежит также Бероз, написавший «Вавилонскую историю» и Манефа, составитель «Египетской истории». К ним еще можно прибавить и неизвестного автора, так называемого *Marmor Parium*, мраморной стеллы, содержавшей запись событий политической жизни острова Парос в Эгейском море.

В области математики блистали александриец Евклид, живший около 300 г. до Р. Х., автор монументального труда «Элементы» по геометрии и стереометрии, и сиракузянин Архимед, родившийся в 287 году до Р. Х. и убитый в 212 году во время взятия Сиракуз римским военачальником Марцеллом. Архимед был выдающимся механиком древнего мира. Он открыл центр тяжести тел, удельный вес, силу рычага, составной блок для подъема тяжестей, бесконечный винт (шнекер). Архимеду принадлежат широко известные слова: «Дайте мне точку опоры, и я подниму Землю!»

Из изящных искусств в александрийском веке в особенности процветали живопись и ваяние. Живописец Апеллес, уроженец острова Коса (356 — 308), соединял в себе преимущества обеих школ живописи: аттической и ионийской, ибо обладал большой творческой силой и умением необыкновенно точно изображать природу. Образцом прелести и грации считалась в древние времена картина Апеллеса — Афродита Анадиомена (рождающаяся из морской пены).

Апеллес один пользовался правом писать портреты Александра Македонского. Изображать же его в мраморе или бронзе разрешалось одному только Лисиппу, который, изобразил Александра в различных видах: юношей, мужем, в бою, восседающим на троне, на охоте, верхом и т.д. Лисипп умел сочетать в своих творениях величайшее сходство с самой высокой красотой. Его резцу принадлежит знаменитая бронзовая группа из 25 всадников, установленная в городе Дионе, в Македонии. Она изображала избранных соратников царя Александра, павших вокруг него в битве при Гранике, представленных в самых разнообразных позах: сражающимися, ранеными, умирающими. Впоследствии эта группа служила украшением портика в доме Метелла в Риме.

Однако в области ваяния и архитектуры начинает все более преобладать азиатский вкус с его тенденцией к колоссальности, роскоши, великолепию, рассчитанный на внешний эффект. К такого рода произведениям принадлежит группа Лакрона, Фарнейский бык,

Боргесский боец работы Агасия, Колосс Родосский Хареса. Направление это дошло до того, что Динократ возымел даже мысль превратить Афонский мыс в памятник Александру. Памятник этот должен был иметь с левой стороны город с 10.000 жителей, а с правой чашу, из которой низвергался бы в море поток.

Х. РИМСКАЯ ИСТОРИЯ.

От изгнания царей до падения западной римской империи.

1. Тарквиний Гордый. Уничтожение в Риме царской власти

(534 — 501 г. до Р. Х.)

Тарквиний Гордый (534 — 501) добился престола насилием и насилием же старался удержаться на нем. По примеру греческих тиранов он окружил себя телохранителями, притеснял всех, кто выдавался своим богатством, влиянием или убеждениями и не созывал более сената. Простой народ, плебс, стонал под тяжелым игом. Тарквиний отягощал его обязательными работами при своих обширных постройках: при сооружении храма Юпитера в Капитолии и при проведении обширных клоак (сводчатых водостоков). Сверх того он обременил народ непосильными налогами для того, чтобы, сделав его бедным, легче было управлять им. Но с другой стороны, в отношении соседей, Тарквиний доставил Риму блестящее положение. Он покорил латинян и сделал Рим главой Латинской области. Только жители Габий долгое время успешно отражали нападения Тарквиния. Тогда сын его Секст употребил хитрость. Он явился перед воротами Габий и, жалуюсь на дурное обращение отца, просил гостеприимства. Габийцы приняли Секста. Он сделал несколько удачных вылазок и тем приобрел их доверие. Наконец габийцы сделали Секста главным военачальником. Тогда он направился к отцу вестника и приказал спросить, что ему теперь следует делать? Царь повел вестника в сад и, не говоря ни слова, сбил головку у самого высокого мака. Секст все понял. Он приказал умертвить или изгнать начальников города и таким образом предоставил Габии во власть своего отца.

Затем Тарквиний вел войну против могущественного народа — вольсков и взял их сильно укрепленную столицу — Суэссу Пометию. Полученную здесь огромную добычу он употребил на постройку и украшение храма Юпитера. Для этой цели Тарквинием были приглашены этрусские художники.

Однажды пришла к Тарквинию незнакомая старуха и предложила ему купить у нее 9 книг, в которых пророчицы города Кум, называемые сивиллами, изложили свои прорицания. Но так как она, по мнению царя, затребовала слишком высокую цену, то он отказался от покупки. Тогда старуха при нем же сожгла три книги, а за остальные спросила ту же цену. Тарквиний засмеялся и принял ее за сумасшедшую. Старуха сожгла еще три книги и за последние три снова спросила первоначальную цену. Тогда царь спохватился, поняв всю необычность дела, и купил оставшиеся три книги за назначенную цену. Эти сивиллины книги были положены в Капитолии, и для охраны их к ним приставили два человека. К этим книгам потом обращались за советом, когда римлянам угрожала какая-нибудь опасность — война, чума и другие бедствия, и старались найти в них указания как умиротворить богов.

Рим во времена царей

Чтобы еще более упрочить свою власть, Тарквиний породнился с влиятельнейшими семействами латинских городов. Так, он выдал замуж свою дочь за владельца города

Тускулума Октавия Мамилия. Затем Тарквиний установил на Албанской горе праздник латинских фрерий (вакаций, каникул) в честь Юпитера, покровителя латинского союза. В этом празднестве принимали участие все племена латинские.

Однако, при всем блеске царской власти, ей не было суждено довести римский народ до предназначенной ему цели. Знатные семейства уже давно желали уничтожения царского достоинства и недоставало лишь внешнего повода, чтобы скрытое недовольство перешло в открытое возмущение. В то время, когда царь осаждал Ардею, главный город рутулов в Лациуме, сын его Секст насильственно обесчестил благородную Лукрецию, супругу одного знатного римлянина — Тарквиния Коллатина. Лукреция не смогла перенести нанесенного ей позора и, нежно простившись с отцом своим Лукрецием и супругом Коллатином, заколола себя кинжалом. Друг Коллатина Юний Брут, который дотоле разыгрывал из себя слабоумного, чтобы обмануть подозрительного тирана, поднял кинжал и вместе с Лукрецием и Тарквинием Коллатином поклялся над трупом Лукреции страшно отомстить за нее. Брут созвал народ в город Коллацию и, показав труп погибшей, возбудил в народе сильнейшее негодование. Затем с отрядом вооруженных людей Брут отправился в Рим, созвал народное собрание и убедил народ принять решение об изгнании из Рима царя Тарквиния со всем его семейством. Таким образом царская власть была отменена навсегда.

Луций Юний Брут

Вместо нее правление было поручено двум консулам (советникам), которые первоначально назывались преторами, то есть предводителями и избирались ежегодно народом по предложению сената из патрициев. Сенат снова получил прежнее значение и должен был разделять с консулами труды по управлению государством. Из почетных знаков прежних властителей сохранены были только стул из слоновой кости, сидя на котором консулы вершили суд, и 12 ликторов (служителей) с секирами и связками прутьев (фасций), как знаками достоинства и власти консулов.

Когда Тарквиний, узнав о происшедших событиях, поспешил в Рим, то нашел ворота запертыми. Заговорщики воспользовались отсутствием Тарквиния и сообщили обо всем происшедшем находившемуся перед Ардеей войску, и когда Тарквиний вернулся в стан, то здесь господствовало против него полное возмущение. Тогда Тарквиний с двумя сыновьями Титом и Арунсом отправился в этрусский город Церы. Секст же удалился в Габии, где вскоре и умер.

Центуриатские общины в Риме избрали консулами: Луция Юния Брута и Кая Тарквиния Коллатина. Они восстановили учреждения царя Сервия Туллия и увеличили число сенаторов до трехсот.

Новейшая критика относит историю Тарквиниев и в особенности последнего из них к области мифов, которые переносят историю греческого происхождения на римскую почву подобно тому, как это повторилось и с последовавшими вскоре затем событиями, например, с походом Персены.

2. Заговор в Риме и новое государственное устройство

Между тем изгнанный царь не терял надежды вернуться к власти. Он не только рассчитывал привлечь на свою сторону изменчивый и легко увлекающийся народ, но имел и среди патрициев много сторонников, готовых исполнять его желания. Вследствие этого Тарквиний отправил в Рим послов, которые, открыто ведя переговоры о выдаче частного имущества царя, в то же время должны были тайно условиться с его приверженцами о возвращении царского семейства. Послы исполнили возложенное на них поручение и только во время окончательных уже переговоров со сторонниками царя, в числе которых находились собственные сыновья Брута и близкие родственники Коллатина, они были

подслушаны рабом, который донес об этом консулам. Бруту пришлось произнести приговор собственным сыновьям, как государственным изменникам. Он ни минуты не колебался между чувствами отца и своим долгом друга отечества и консула. Как консул он не только произнес смертный приговор, но с непоколебимым мужеством не отвратил даже взора, когда падали головы его сыновей. Коллатин не был так тверд. Когда родственники его также были приговорены к смерти, он стал просить, чтобы смертную казнь им заменили изгнанием. Но Брут, не уступивший и самому себе, был тверд, и всех заговорщиков казнили. Затем сенат отказал в выдаче царского имущества и постановил, что все римляне, принадлежащие к роду Тарквиниев, навсегда изгоняются из Рима. Вследствие такого постановления и Тарквиний Коллатин должен был сложить с себя консульское достоинство и также отправиться в изгнание. На место Коллатина консулом был избран Публий Валерий, который за некоторые из изданных им законов получил прозвание Попликола, то есть друг народа. Первый из таких законов подвергал проклятью богов всякого, кто присваивал себе верховную власть без уполномочия на то народа. Этим законом прямо признавалось самодержавие народа, то есть его право на самоуправление. Вторым законом предписывалось, чтобы ни одно правительственное лицо, не исключая даже консула, не имело права казнить или наказывать розгами, то есть подвергать телесному наказанию римского гражданина без решения на то высшей судебной инстанции республики — самодержавного народа. Эти два важных закона удерживали должностных лиц от соблазна превышения власти в виде самовольного пользования ею по истечению выборного срока или злоупотребления ею в то время, на которое она была им дана. Они составили основание римской свободы. Подчиненность даже самих консулов воле самодержавного народа уже Валерий хотел закрепить тем, чтобы при входе консулов в народное собрание ликторы преклоняли связки прутьев перед величием народа. В черте города секиры, эти символы власти над жизнью и смертью граждан, должны были выниматься из связок прутьев в знак того, что с этого момента в городе и во входящих в его черту землях консулы лишены права производить уголовный суд и расправу.

Власть консулов, заменившая царскую власть, была обставлена различными ограничениями. Она была кратковременна и разделена между двумя равноправными лицами. Здесь следует сказать, что это разделение было благодетельным постольку, поскольку ограничивало возможность опрометчивых поступков со стороны обоих консулов, однако имело и определенный минус. Ослабление высшей государственной власти в случаях резкого несогласия консулов друг с другом нередко заставляло римлян сожалеть об утраченном единстве власти, особенно необходимом в военное время.

Жреческие обязанности были отделены от консульства и возложены на особое, избираемое пожизненно именно для этой цели должностное лицо, которое в знак невинного воспоминания о царских временах носило титул царя-жреца. Но лицо это было подчинено верховному жрецу, стоявшему во главе жреческой иерархии. Несмотря на это, между олицетворяемой консульством высшей государственной властью и религией, представителями которой являлись жрецы, установились самые тесные отношения. Религия с ее слугами и жрецами заняла в отношении государства служебное, подчиненное положение и таким образом получила то же практическое значение в политической жизни, какое она имела уже в частной жизни римлян. Различные жрецы, были ли то авгуры или гаруспики, или другого какого бы то ни было наименования, могли приступать к узнаванию воли богов только по приказанию государственных чиновников. Придавать обязательную силу воле богов, проявляемой разнообразными способами, принадлежало исключительно высшим должностным лицам. Таким образом, религия являлась одним из могущественнейших средств в руках правительственных лиц или господствующей партии. Господствующая партия, говорит Ине, могла без всякой боязни устами жрецов одобрять и порицать то, что по ее мнению заслуживало быть принятым или отвергнутым и, без сомнения, партии и представители власти в Риме в течение целых столетий пользовались этим средством для поддержания своего авторитета в глазах народа. Поэтому в отношении религиозности римлян нельзя никак назвать идеалистами. Римлянин считал полезным для себя находиться с

божеством в хороших отношениях. Для этого он старался склонить на свою сторону добрых богов, а со злыми с помощью жертвоприношений, молитв, обетов и т.д. входить в соглашение.

Если это удавалось, то земледелец надеялся на обильный урожай, пастух — на богатый приплод, воин — на защиту от ран и болезней и на победу над врагом, хозяйка дома — на полную кладовую, государственный муж — на успех в политике. Римляне, по словам историка Полибия, были весьма усердны в молитвах, когда им угрожала большая опасность. Они молили богов о спасении и ничего не считали для себя неприличным и недостойным, что, по их мнению, могло послужить пользе дела. Но делать добро по собственному своему побуждению, вследствие действительного понимания божества или хотя бы из стремления угодить богам, было далеко не в характере римлян. Вся их религиозность проистекала из основного понятия о полезности и основывалась на холодном расчете. По этим причинам религия такого рода не могла оказывать облагораживающего и смягчающего влияния на характер римского народа. Ревностный в желании, разумный в расчете, но бессердечный и холодный до жестокости — вот общие черты характера римлян и их политики, и римляне оставались неизменными до конца своего существования.

Однако, несмотря на сделанные ограничения, консульская власть была обширна и значительна. К консулам перешла вся военная власть. В качестве императора, то есть военачальника, они имели неограниченную власть над войском. На войне опасность недостатка в общем руководстве должна была вообще сильно чувствоваться и нередко вести к великим бедствиям.

Поэтому во времена таких крайних опасностей сенат поручал консулам назначение диктатора. Диктатор пользовался неограниченной властью только в течение шести месяцев для того, чтобы предохранить от перехода его чрезвычайных полномочий к царской власти. На это время все должностные лица подчинялись диктатору и были в полном его распоряжении, а Рим находился как бы в осадном положении. Диктатор выбирал себе помощника в лице начальника конницы, который командовал по его поручению и от его имени конницей. Несмотря на столь сильное искушение, до последних времен республики ни один диктатор не злоупотребил своей властью и не присваивал ее себе незаконным образом на более продолжительное, сверх положенного срока время. Напротив, все диктаторы старались как можно скорее исполнить возлагавшуюся на них задачу — спасение государства от угрожающей ему опасности и, по возможности еще до истечения законного срока, возратить свои полномочия в руки народа. В качестве судей консулы решали или сами или через уполномоченных заместителей спорные дела граждан. Сверх того они были высшими должностными лицами государства и поэтому председательствовали в сенате. Назначение сенаторов, руководство прениями в сенате и экзекуция были их делом. Вследствие этого сенат являлся I первоначально лишь совещательным учреждением при консулах. Консулы по своему усмотрению созывали сенат для выслушивания его советов, но не для получения от него приказаний, которые они должны были бы исполнять в качестве бесправных исполнительных лиц.

Консул был уполномочен принимать все правительственные меры даже и без согласия на них сената. С течением времени между консулами и сенатом установились совсем другого рода отношения. В противоположность ежегодно сменявшимся консулам, сенату, члены которого назначались пожизненно и который имел влияние на избрание консулов и пользовался одним из них против другого, было легко достигнуть того, что в действительности консулы стали простыми исполнителями сенатских постановлений. Таким образом сенат постепенно сделался влиятельным учреждением. Он был высшим учреждением, имевшим надзор за всем управлением, за религиозными и финансовыми делами государства. Сюда принадлежали установление праздничных и торжественных дней, игр, освящение храмов и алтарей. Равным образом в его руках находилось распоряжение государственным имуществом, военной добычей и государственной казной. Учреждение постоянных должностей казначеев и контролеров, то есть квесторов, относится к 449 г. до Р.

Х. Сенат разрешал выдачу денежных сумм на сооружение общественных зданий, на военные нужды и организацию общественных игр. Затем следовало заведование иностранными сношениями. Сенат объявлял войну, назначал главных военачальников, предписывал набор войск и определял размер контрибуций, награждал, хвалил и осуждал военачальников и заключал мир. Сношения с другими народами он поддерживал через своих послов, которых имел право уполномочивать жаловать чужеземным государям и народам почетные титулы, как например титул «друзья» или «союзники» или другого рода отличия и подарки. Сенат, говорит Ине, был головой римского государственного тела, а консулы его руками. В совете сосредотачивалась и сохранялась сумма всей опытности и мудрости. Каков был сенат, такова была и римская политика, как внутренняя, так и внешняя, и ни одно из известных нам нововведений не могло осуществиться прежде, чем оно было всесторонне обсуждено в сенате. Все предложения, которые представлялись на разрешение народного собрания, предварительно должны были рассматриваться на заседании сената. На нём высказывались различные мнения и преследовались различные интересы. И только тогда, когда из политических прений вырабатывался определенный результат — «сенатское решение», предложение это представлялось на голосование в народное собрание, которое разрешало его простым утверждением или отрицанием: да или нет. Затем постановление народного собрания возвращалось в сенат для утверждения, и только после такого утверждения постановление становилось законом. Само собой разумеется, что патриции, из которых исключительно состоял сенат, нередко пользовались правом не соглашаться с постановлением народного собрания, как оружием против простого народа. Оружие это было вырвано из рук патрициев только при помощи двух законов — 339 года до Р. Х. и 286 года до Р. Х., и с этого времени утверждение сената превратилось в пустую формальность.

3. Война с изгнанными Тарквиниями. Порсенна.

(509...496 г. до Р. Х.)

Изгнанный царь Тарквиний прибег к силе. Этруские города Вейи и Тарквиний собрали ему значительное войско, которое вел сын Тарквиния Арунс. Близ Арсийского леса произошла долгая и кровопролитная битва, в которой ни одна из сторон не стала победительницей. Оба предводителя, Брут и Арунс, пали в единоборстве. В самый разгар сражения они бросились друг на друга и одновременно пронзили один другого. Рассказывают, что римские женщины оплакивали Брута, как отца новой республики.

Но юной свободе грозила еще большая опасность. Могущественный царь этрусского города Клузия Порсена, бывший главой союза этруских городов, давно уже ревниво наблюдал за вновь нарождавшимся городом — Римом. Просьба Тарквиния о помощи давала Порсене желанный предлог начать войну против Рима.

Многочисленное войско этрусков приблизилось в превосходящих силах, завладело находившимся на правом берегу Тибра холмом Яникулом и отбросило римлян за свайный мост обратно в Рим. Неприятель, наверное, вторгся бы вслед за бегущими римлянами в их город, если бы мужественный Гораций Коклес с двумя согражданами, а под конец один, не удерживал неприятеля до тех пор, пока римлянам не удалось разрушить мост.

Тогда Гораций Коклес воскликнул: «Отец Тиберин! Молю тебя, укрой это оружие и этого воина в твоём милостивом потоке». Затем в полном вооружении он бросился в реку и под градом стрел переплыл невредимо к своим, которые с восторженными криками понесли его на руках. Позже за этот подвиг, спасший Рим, ему было подарено столько земли, сколько он мог обойти с плугом в один день.

Этруски обложили Рим и через некоторое время в городе начался голод. Тогда римлянин Гай Муций принял решение убить Порсенну и тем избавить родной город от бедствий осады. С разрешения сената он отправился в неприятельский стан, но по ошибке вместо царя заколол его писца, которого принял за царя. Будучи схвачен, Муций, чтобы

показать свое презрение к угрозам и пыткам, положил в пламя жертвенника свою правую руку и держал ее, не дрогнув, пока она не обгорела. Пораженный его мужеством, царь Порсенна отпустил его, а Муций, уходя, сказал ему, что еще триста молодых патрициев поклялись умертвить его. В память об этом подвиге Муций получил прозвище *Сцевола* (левши).

Угроза Муция Сцевола произвела на Порсенну такое впечатление, что он предложил осажденным заключить мир. Римляне обязались возвратить вейентинцам завоеванные ими в прежнее время земли и сдать оружие. На будущее время римлянам дозволено было употреблять железо лишь для земледельческих орудий. В залог же нерушимости договора Порсенна взял у них заложниками 10 юношей и 10 девиц. Среди последних находилась молодая девица Клепия. Вместе со своими подругами она бежала из этрусского стана, переплыла Тибр и вернулась к своим. Однако римляне вновь выдали ее этрускам, после чего Порсенна, восхищенный их верностью в соблюдении договора, не только отпустил Клепию, но и позволил ей взять с собой столько из оставшихся заложников, сколько она пожелает. Затем Порсенна возвратился в Клузий.

Мост на сваях

Муций Сцевола

По свидетельству преданий, Тарквиний возбудил против Рима и латинян. Рим снова попал в бедственное положение, из которого его вызволил диктатор Авл Постумий. В 496 г. до Р. Х. в большом сражении при озере Регилле он победил латинян, бывших под начальством зятя царя, Октавия Мамилия. Дошедшие до нас предания об этой битве особенно ярко доказывают, сколько недостоверного, баснословного и поэтического содержится в изображении всего этого периода. Так, согласно этим преданиям, даже боги принимали участие в битве.

Кастор и Поллукс осаждали неприятельский стан и явились в Рим первыми вестниками победы. Еще в позднейшие времена сохранялись следы от копыт их коней на каменистой почве. После этого сражения Тарквиний потерял всякую надежду, бежал в Кампанию, в город Кумы к тирану Аристоклею и там скончался в 495 г.

4. Удаление восставших плебеев на священную гору. Учреждение народных трибунов. Кориолан.

(494...491 до Р. Х.)

Уничтожение царской власти передало все управление государством в руки патрициев. Существовавшие и прежде различия в положении между обоими сословиями, теперь должны были еще больше увеличиться. Патриции имели исключительный доступ к государственным должностям, к званиям жрецов и сенаторов. Влияние их было значительно в центуриатских комициях. При этом, обладая собственностью на большую часть земельных угодий, в особенности на отнятые у неприятеля, патриции пользовались полным довольством в имущественном отношении. Вокруг патрицианских семейств толпились клиенты, то есть те из плебеев, которые в качестве «обязанных» состояли при главах отдельных патрицианских фамилий, должны были платить подати с доходов со своих земельных угодий и при этом соблюдать известную почтительность к своему покровителю (патрону). Отношения эти при необузданном корыстолюбии землевладельцев, разумеется, переходили большей частью на весьма тягостное зависимое положение.

Плебеи, лишенные всех прав, многократно бывавшие у патрициев в неоплатных долгах

и, при жестокостях тогдашнего долгового права отданные вполне на произвол заимодавцев, находились, в противоположность полноправным патрициям, в безотрадном положении. Вследствие многочисленных войн, во время которых поля плебеев были опустошаемы, а усадьбы обращались в пепел, сами же плебеи отторгались от своих занятий безвозмездной военной службой, многие из них впали в несостоятельность. Суровым долговым правом заимодавцы пользовались самым беспощадным образом; Должников можно было не только выгонять из их домов и усадеб, обременять цепями, заключать в долговую тюрьму, но и принуждать телесными наказаниями к обязательной работе. Многие люди, находившиеся в такой кабале, могли показать на груди своей зажившие рубцы, а на спине кровавые подтеки от полученных ими побоев.

С тех пор, как нечего было более опасаться внешнего врага, патриции показали себя вполне бессердечными притеснителями бесправной и незащитной массы плебеев. Если бы такое положение вещей продолжилось далее, то нельзя было бы и помышлять ни о внутреннем развитии, ни о дальнейшем внешнем росте государства. Прежде всего нужно было опасаться, чтобы Рим не подвергся нападению враждебно настроенных соседей. От эквов, сабинян и вольсков защитились с большим трудом, так как плебеи, возмущенные своим бедственным положением, вновь прибегли к единственному, имевшемуся в их руках средству борьбы с несправедливостью — они отказывались нести военную службу.

Наконец, когда сенат, несмотря на свои обещания, отказал народу в содействии, народное недовольство перешло в открытое возмущение. Только что перед этим войска, состоявшие большей частью из плебеев, троекратно одержали победу над эквами, вольсками и сабинянами, и поэтому плебеи надеялись, что просьбы их будут удовлетворены. Но сделано ничего не было. И тогда терпение плебеев истощилось. Войско отказалось от повиновения и предводимое Сицинием Беллутом, удалилось на Священную гору, лежавшую на правом берегу реки Анио. Здесь оно раскинуло стан, укрепило его валами и рвами и угрожало основать независимый от Рима «город плебеев». Эта «сецессия» (уход, удаление) плебеев совершилась в 494 году до Р.Х. В виду такой опасности сенат решился на переговоры. Посредником был избран патриций Менений Агриппа, расположенный к народу. Он обратился к плебейам с самыми убедительными увещаниями и рассказал им следующую притчу: «Однажды члены человеческого тела, устав работать на желудок, согласились между собой, чтобы руки не брали пищи, рот не принимал бы ее, а зубы не разжевывали бы. Но скоро они сами ослабли, и все тело пришло в совершенный упадок. Убедясь в необходимости желудка, члены снова с ним примирились. Так погибает при отсутствии единодушия отдельных сословий все государство. При общем же согласии оно становится сильнее».

Но на этот раз плебеи не поддались одним словам и обещаниям. Они объявили, что только тогда согласятся на возвращение и примирение, когда им представят гарантии от повторения несправедливостей со стороны патрициев и в особенности патрицианских чиновников. Выдвинутые плебейми условия были следующими: из среды плебеев должны назначаться особые должностные лица — общинные ходатаи, обязанные охранять их права и интересы от всякого рода посягательства на них. Эти лица получили название трибунов. Их особы должны были быть неприкосновенны. В качестве защитника народа трибун имел право словом вето (запрещаю) отменять постановления сената в заседаниях которого принимал участие, и патрицианские правительственные установления, в особенности в отношении назначения на военную службу, в случае, если они могли повредить интересам плебеев. Вначале было 2, потом 5, а под конец 10 народных трибунов. Они избирались в плебейских народных собраниях, в общинных трибах, о которых пойдет речь ниже, и только плебеи имели право занимать эти должности. Что власть народных трибунов вначале была ограничена, вытекает из самого существа дела, ибо нельзя предположить, чтобы сопротивление патрициев против нового учреждения могло быть побеждено с одного раза. Но с течением времени власть народных трибунов значительно повысилась. Они приобрели чрезвычайно важное право созывать плебеев на общинные собрания — комиции, где плебеи

обсуждали свои сословные интересы и принимали свои плебисциты (народные решения) по трибам, то есть по округам (вначале 30, а впоследствии 35), как сельских, так и городских. Для этих комиций самые смелые народные трибуны, как например, Публий Валерий (472 г.) и Теренций Арса (462 г.) сумели получить все более и более прав и полномочий, так что под конец они превзошли в своем значении центуриатские комиции. Таким образом, народные трибуны явились мощным рычагом, который постепенно устранил все преграды к дальнейшему развитию государственного устройства и привел к окончательному равноправию плебеев с патрициями.

Насколько, однако, с одной стороны учреждение должности трибунов было полезно для развития римской политической жизни, настолько, с другой стороны, оно должно было оказаться опасным в том случае, когда должности эти, с постоянно увеличивавшимися полномочиями, занимались честолюбивыми людьми, которых интересовало не благо государства, а личные интересы. И действительно, оно оказалось опасным и даже гибельным, ибо существенно содействовало тому, чтобы подкопать республику и подготовить почву для монархии.

Само собой разумеется, что патриции, и в особенности их выдающиеся представители, насколько могли, противодействовали успехам этих законных защитников интересов плебеев. Такого рода стремление обнаружилось через несколько лет после удаления плебеев на Священную гору. Когда в Риме наступил голод (в 492 г.), консулы приказали закупить хлеб в Этрурии и Сицилии. Кроме того, тогдашний властитель Сиракуз, Дионисий, со своей стороны прислал в дар большое количество хлеба. Одна часть сенаторов хотела, чтобы подаренный хлеб был раздаваем бесплатно, а купленный продаваем по низкой цене. Другая же часть советовала воспользоваться затруднительным положением народа и принудить его к повиновению и к отречению от трибунов. Во главе сторонников этого последнего мнения находился молодой римлянин Марций, прозванный Кориоланом за то, что незадолго перед тем, благодаря своей храбрости, завоевал город вольсков Кориолы. Считают, что это сообщение, скорее всего, вымышлено, именно с целью объяснить прозвище Марция. Поэтому дальнейший рассказ о Кориолане следует так же понимать, как вымысел, сочиненный для прославления любви римского героя к отечеству.

Кориолан, якобы, в присутствии трибунов с необыкновенной горячностью обрушился на плебеев. Плебеи пришли от этого в ярость, а трибуны потребовали привлечь Марция Кориолана в суд на трибутские комиции. Так как Марций в суд не явился, то был осужден ими заочно, вследствие чего покинул Рим и перешел к вольскам. Предводителем последних был в то время старинный враг римлян Атий Тулл. Он принял Кориолана благосклонно, и оба они стали отыскивать предлог для объявления войны Риму. Предлог скоро нашелся. Римские консулы оскорбили вольсков, приказав им покинуть Рим, куда они пришли на праздничные игры во главе с Туллом. За это оскорбление вольски объявили войну римлянам и под командованием Тулла и Марция вторглись в римскую область. Многие латинские города были ими завоеваны, стан вольсков расположился в пяти милях от Рима. Вольски опустошили страну, но пощадили при этом патрициев. Римляне пришли в уныние и решили вступить с Кориоланом в переговоры. Сначала они отправили в качестве посредников пять знатнейших и находившихся с Кориоланом в дружеских отношениях сенаторов. Кориолан гордо отвечал им, что обязательным условием мира должно быть возвращение отнятых у вольсков городов. Второе посольство, состоявшее из жрецов, облаченных в праздничные одежды и украшенных знаками своего сана, также не добились успеха. Тогда в неприятельский стан отправились благороднейшие римские матроны, возглавляемые матерью Кориолана Ветурией и его женой Волумнией, взявшей с собой детей, и только им удалось смягчить гнев оскорбленного Кориолана. Когда шествие римских матрон приблизилось к стану, то сердце у Кориолана дрогнуло, он вышел к ним навстречу и, бросившись в объятия матери, воскликнул: «Ты спасла Рим, но погубила меня!» После этого он повел войско вольсков назад, но был умерщвлен ими за то, что они обманулись в своих ожиданиях.

5. Первый закон о полях. Закон Терентилия. Арсы. Децемвиры.

(480...450 г. до Р.Х.)

Большая несправедливость в отношении плебеев совершалась потому, что значительная часть земель, отнятых у неприятеля и ставших собственностью государства, была предоставлена патрициями, и они мало-помалу перестали платить налог, который следовал с них за пользование такими землями. Между тем, на плебейях, не получивших ни клочка завоеванной ими кровью государственной земли, кроме большей части взаимных государством податей, тяготел еще и поземельный налог. При таких обстоятельствах плебеи не имели никакой возможности выбиться из бедности и долгов. Поэтому в силу самой необходимости возник земельный вопрос, то есть вопрос о том, каким образом вытеснить патрициев из исключительного владения общественной землей, привлечь их к участию в уплате налогов и, действуя в этом направлении, подготовить гражданское равноправие патрициев и плебеев. Первую попытку разрешить этот вопрос предпринял Спурий Кассий в 486 г. В свое третье консульство он стоял на том, чтобы часть вновь приобретенных земель была предоставлена в собственность плебейам, а остальные присоединены к общественной земле, но с тем, чтобы тот, в чьем пользовании они будут находиться, платил за них поземельный налог. Но Спурий Кассий своими домогательствами возбудил против себя страшный гнев патрициев. По истечении срока его консульства, они обвинили его перед патрицианскими куриатскими комициями в том, что он якобы стремится к царской власти. Спурий Кассий был обвинен и сброшен с Тарпейской скалы, как самый обыкновенный преступник. Однако идея, за которую боролся Спурий Кассий, не погибла с ним. Напротив, она вызвала дальнейшие, еще более сильные волнения. Народные трибуны во вновь разгоревшейся борьбе старались шаг за шагом доставить плебейам новые преимущества и вытеснить патрициев с упорно занимаемой ими крепкой позиции. Но когда трибун Генуций в 474 году призвал консулов к суду трибутских комиций за неисполнение обещанного раздела земли, то в день разбора этой жалобы его нашли убитым в собственной постели (в 473 г.). Затем народному трибуну Публицию Валерию удалось провести закон, который упрочивал состав и полномочия трибуционных комиций. Вследствие этого патриции стали домогаться участия в трибутских комициях, но не имели в этом успеха. Между тем, комиции-ям этим было предоставлено право обсуждения всех государственных дел и в особенности выбора трибунов. Позднее естественным последствием всего этого было то, что составлявшиеся в трибутских комициях народные постановления доводились через трибунов до сведения сената и таким образом комиции эти приобрели себе инициативу составления законов. Народный трибун Терентилий Арса сделал еще значительный шаг вперед (в 462 г.). Он потребовал, чтобы, во избежание произвольных решений при отправлении консулами правосудия и для управления делами государственными, были составлены и письменно изложены основанные на установившемся уже обычном праве обязательные законы и определенные правила, из которых впоследствии могло бы развиваться уголовное и гражданское законодательство. Предложения Терентилия встретили жесточайшее сопротивление и были приняты лишь после десятилетней борьбы.

В это время Рим стал ареной самых страстных волнений. Дело дошло даже до открытого насилия, в котором главную роль играл Цесон Квинкий, молодой патриций, дерзкий, гордившийся своим высоким происхождением и телесной силой. Во время этих внутренних распрей сабинянин Гердоний неожиданно напал на Рим и овладел даже на несколько часов Капитолием. Кроме того, в это же время пришлось вести войну с эквами, которые окружили римское войско на горе Алгиде. Тогда решили разыскать искусство Л. Цинцината, отца Цесона, являвшего собой образ древней римской чистоты и простоты нравов. Узнали, что он обрабатывает землю в небольшом своем поместье, недалеко от Рима.

И действительно, послы сената нашли его за полевой работой в одной тунике.

Опираясь рукой на заступ, Цинцинат дружески приветствовал послов. Потом он приказал своей жене принести тогу из хижины, чтобы в праздничном платье выслушать поручение сената. Цинцинат принял предложение и таким образом, был «прямо из плуга» назначен диктатором и в этом звании спас римское войско от опасности.

Наконец решено было назначить комиссию из трех патрициев, которой поручено было изучить в греческих городах Нижней Италии и в самой Греции тамошние законы, в особенности Солоновы в Афинах, и составить о них подробный доклад. Комиссия вернулась через два года и тогда (в 45 г.), по предложению трибунов, для составления законов были избраны из патрициев десять мужей, облеченных неограниченной властью. На время их деятельности были отрешены от своих должностей все должностные лица и трибуны. Эта комиссия, во главе которой стоял отличавшийся большим умом Аппий Клавдий, составила десять таблиц законов, но не вполне выполнила возложенную на нее задачу, вследствие чего десять мужей были оставлены работать и на следующий год. На этот раз, благодаря стараниям Аппия Клавдия, в комиссию эту вошли и три плебея. Едва власть попала в руки второй комиссии из десяти мужей, как началось поистине грозное правление (в 450 г.). Вместо того, чтобы, как прежде, пучки прутьев с воткнутыми в них секирами носились двенадцатью ликторами попеременно перед одним из децемвиров, теперь каждый из них открыто являлся в сопровождении этих законов власти над жизнью и смертью. Всякое сопротивление, в особенности со стороны плебеев, немедленно подавлялось силой. Таким образом неистовствовали децемвиры, прибегая к заключению в тюрьмы, к смертным казням и к изгнанию над своими действительными и мнимыми противниками. Ни сенат, ни народное собрание не созывались более. Суды были заняты их любимцами, а отряд преданных людей составлял род охранной стражи, которая затрудняла всякий доступ к децемвирам и позволяла им под своей защитой всевозможные насилия над жизнью и достоянием граждан, в особенности плебеев. В отношении же исполнения прямой, возложенной на них, задачи децемвиры действовали таким образом, что к концу срока своих полномочий составили еще две таблицы, так что общее число таблиц законов достигло двенадцати. Но эти двенадцать таблиц законов были утверждены сенатом только при консулах Горации и Валерии (в 448 г.). В настоящее время сохранились лишь отрывки этого древнейшего памятника римского права. Законы двенадцати таблиц заключали в себе постановления о краже, лихоимстве, о смягчении долгового права, о праве семейном и т.д. Одно из важнейших постановлений законов двенадцати таблиц утверждало, что только центуриатские комиции, признанные высшей судебной инстанцией в уголовных процессах, имели право выносить смертные приговоры.

По истечении годичного срока полномочий децемвиры отказались сложить с себя свое достоинство. Никто не осмелился им противодействовать. Но в это время два постыдных деяния: убийство Сикция и посягательство на Виргинию, довели общее негодование до высшей степени раздражения. Как раз в это время вспыхнула война с сабинянами и эквами. Два децемвира, в том числе Аппий, остались в городе, остальные повели войско на войну. Децемвиры пользовались при этом любым обстоятельством, чтобы обессилить своих политических противников. Так, между прочим, они приказали умертвить самым коварным образом одного из самых заслуженных старых воинов Сикция Дената, который участвовал в 20 сражениях и получил 45 ран, за то что он осмелился роптать на незаконное, бесчеловечное правление децемвиров. В самом городе Аппий Клавдий довершил свои злоупотребления попыткой завладеть одной прекрасной девицей Виргинией. Она была дочь плебея и начальника когорты Виргиния и невеста молодого Ицилия. Виргинии находился в стане при войске. Аппий употребил все хитрости, чтобы соблазнить девушку и ее кормилицу — все было напрасно. Тогда Аппий прибег к дьявольскому средству. Он подговорил преданного ему клиента Клавдия предъявить требование о выдаче девушки под тем предлогом, будто она дочь одной из его рабынь и была выдана Виргинию его бездетной женой за свою дочь. Однажды, когда девушка шла в общественную школу, Клавдий, уверенный, что Аппий решит дело в суде в его пользу, схватил ее и потащил к себе, как свою

мнимую собственность. С трудом удалось Ицилию отсрочить рассмотрение дела до следующего дня. Между тем, отец Виргинии, извещенный о случившемся, поспешил из стана и успел прибыть как раз к произнесению децемвиром решения, которым молодая девушка признавалась собственностью клиента. Когда отец увидел, что дочь его уводят насильно, он принял решение истинного римлянина. Он испросил разрешения поговорить с дочерью в последний раз перед разлукой. Ему разрешили. Тогда Виргинии отвел дочь в сторону, к находившейся вблизи бойне, выхватил нож и поразил ее в грудь, чтобы избавить ее от позора и бесчестия. Ярость народа от такой низости Аппия была безгранична. Поднялся целый взрыв негодования и разразились ужаснейшие проклятья на головы децемвиров. Между тем, Виргинии с окровавленным ножом, в обрызганной кровью одежде поспешил в стан и стал призывать войско к отмщению, все войско тотчас восстало и соединилось с плебеями, находившимися в городе. Вторичным уходом на Священную гору плебеи принудили сенат постановить отрешение децемвиров от должности. Теперь с ними поступили самым строгим образом: их заключили в тюрьму и решено было предать их суду. Но два главных руководителя, Аппий и Оппий, не дожидаясь приговора, покончили жизнь самоубийством, остальные были присуждены к изгнанию и лишению имущества.

Следует сказать, что справедливость этой истории, основанной на повествовании Ливия, оспаривается новейшей критикой. По ее мнению, Аппий был другом народа, так как он принял в состав второго децемvirата трех или пятерых плебеев и при помощи двух последних таблиц законов, которые сенат не хотел утверждать, старался подобно; Терентилию «установить оспариваемое уравнивание прав обоих сословий на началах справедливости». И не говорит: «Если Аппий умер насильственной смертью, то не плебеи были тому причиной, а его сословные товарищи, преследовавшие его, как отступника и предателя. Написанные в аристократическом духе летописи Фабия, Цинция и др., из которых Ливии черпал сведения, не говорят об этом.»

6. Законы Валерия и Горация. Канулей. Военные трибуны с консульской властью

(448...444 г.)

С тех пор, как патриции вынуждены были допустить плебеев к участию в децемvirате, ничто уже более не могло воспрепятствовать народу непреодолимо стремиться вперед по пути достижения и других высших государственных должностей. От деспотических нападков со стороны разных должностных лиц плебеи были уже защищены учреждением трибуната. Но это казалось им лишь половиной успеха. Поэтому они сделали еще один шаг вперед. Они прямо потребовали, чтобы их допустили к участию сперва в законодательстве, а затем в управлении государством. На этом пути они сошлись с двумя проницательными государственными мужами, которые считали, что будет лучше мирно столкнуться с плебеями, составляющими опору государства, чем допустить новый уход их и тем подвергнуть опасности самое существование республики.

То были вновь избранные в 448 г. консулы Валерий и Гораций. Они настояли на центуриатских комициях на следующем:

1) на будущее время никто не может быть представляем к занятию какой бы то ни было государственной должности без предварительного избрания народа, а тот, кто преступил этот закон, подлежит смертной казни;

2) тот, кто осмелится поднять руку на священную особу трибуна, обрекается на жертву Юпитеру, а имущество его отбирается и поступает в собственность храма Цереры и Либера (Бахуса);

3) все постановленное плебеями в их трибутских комициях должно быть обязательным для всего народа.

Конечно, постановления эти распространялись лишь на внутренние, гражданские дела,

так как выборы консулов, решение вопроса о войне и мире и отправление уголовного судопроизводства оставалось за центуриатскими комициями. Равным образом постановления, состоявшиеся в трибутских комициях, подлежали утверждению сената. Но тем не менее было положено прочное основание, на котором могла развиваться правильная связь между сенатом и плебеями с одной стороны и между сенатом и народными трибунами с другой. В скором времени дошло до того, что трибуны перестали быть безгласными слушателями на заседаниях сената, а стали являться туда в качестве народных ораторов. И облеченные правом поднимать вопросы, представляли обсуждению этих заседаний предложения, которые подвергались затем голосованию народа.

Раз трибутские комиции приобрели право участвовать в законодательстве и даже постановлять обязательные для всего народа решения, то тем самым они получили и право суда в известных случаях, как, например, в делах о нарушении прав плебеев. Многие патриции, привлеченные трибунами к народному суду за проступки по должности или за понесенные ими на войне поражения, в скором времени испытали на себе все более и более возростающую власть этого суда.

Но самый решительный шаг к достижению уравнивания прав обоих сословий был сделан трибуном Канулеем в 444 году. Он потребовал уничтожения существовавшего в силу древнего обычая запрещения браков между патрициями и плебеями. Самая резкая противоположность между обоими сословиями до этого времени выражалась именно в том, что брак признавался законным только между лицами, принадлежавшими к одному сословию. Конечно, бывали случаи и смешанных браков, но дети, рождавшиеся от таких браков, признавались плебеями. С этих же пор дети, рожденные от брака патриция с плебейкой становились патрициями. Таким образом можно было с уверенностью надеяться на скорое слияние обоих сословий. Патриции с крайним упорством отстаивали древний обычай и укоренившийся предрассудок. Но когда пришлось доказывать, что от этого уравнивания прав зависит счастье и благоденствие римского народа, и трибуны проявили не меньше стойкости и искусства и сумели заклеить, как нечто ненавистное, лишение плебеев права заключать смешанные браки, сумели заронить сомнение в законности патрицианских привилегий, таким образом удалось, наконец, настоять на уничтожении запрета на смешанные браки.

Напротив того, второе требование Канулея, чтобы плебеи были допущены к участию в консульской власти, а именно, чтобы один из двух консулов всегда выбирался из плебеев, не получило на первых порах полного удовлетворения. Патриции сумели ослабить это предложение тем, что народу, вместо прежних исключительно патрицианских консулов было предложено право выбирать частью из среды патрициев, частью из плебеев трех «военных» трибунов с консульской властью. Сверх того этот компромисс был еще ограничен тем, что от консульства были отделены многие полномочия, послужившие к учреждению новой должности, занятие которой было доступно одним лишь патрициям. Эта новая цензорская должность, власть которой в последствии получила весьма важное значение, была установлена для заведования цензом, то есть налогом с имущества. Поэтому в круг ее действий входило также распределение граждан по классам в центуриях, составление списков сенаторов, всадников, граждан, установление налогов и податей и т.д. Вместе с этой финансовой деятельностью цензорам была предоставлена впоследствии и деятельность нравственно-полицейская. В силу предоставленного им права надзора за правами и суда за проступки против нравственности, они преследовали и наказывали за дурное воспитание детей, за беспорядочное ведение хозяйства и роскошь, за жетокое обращение с рабами и клиентами, за недостойное поведение должностных лиц и т.д. Наказания назначались сообразно общественному положению виновных и состояли, например, в исключении из сената или из сословия всадников или в переводе из сельской в пользовавшуюся меньшим почетом городскую трибу.

7. Завоевание города вейев. Камилл.

(405...396 г. до Р.Х.)

Влияние патрициев благодаря их родовитости, богатству, прочной организации, политическому опыту, особенно проявлявшемуся в предвыборной борьбе, было так велико, что с 444 по 400 год до Р.Х. только они избирались военными трибунами с консульской властью. Впоследствии, начиная с 399 года стали выбираться и плебеи. Но нередко случалось, что сенат, вследствие будто бы нарушения формальностей, объявлял выборы плебеев недействительными, пользовался и другими средствами, чтобы не допустить плебеев к власти.

В своих стремлениях воспрепятствовать избранию плебеев на должность военных трибунов патриции не отступали ни перед какими средствами и нередко прибегали даже к убийству. Доказательством тому может послужить поразительная история Спурия Мелия.

По свидетельству Ливия, в десятом году после уничтожения децемвиата в Риме свирепствовал страшный голод. Многие, во избежание голодной смерти бросались в Тибр. Тогда один богатый плебей Спурий Мелий, принадлежавший к сословию всадников из сострадания к несчастному народу скупил хлеб и раздал его голодающим частью даром, частью за бесценок. Этим поступком он приобрел всеобщую любовь, и можно было ожидать, что при желании он добьется должности военного трибуна. Патриции решили во что бы то ни стало воспрепятствовать такой возможности. С этой целью Спурия Мелия обвинили в том, что он имеет в своем доме склад оружия, устраивает у себя тайные собрания и стремится к единовластию. Старому Цинциннату, назначенному диктатором, было поручено устранить эту опасность. Он направил к Мелию своего начальника конницы Сервилия Агалу с тем, чтобы тот привел его для дачи ответа по возведенному на него обвинению. Мелий отказался исполнить приказание и пустился бежать от ликтора и стал взывать к народу о помощи. Агала догнал его и поразил мечем. Это убийство удостоилось похвалы диктатора, как достославный подвиг, спасший свободу отечеству. Одновременно с этими внутренними междоусобиями продолжались внешние войны. Хотя нападения вольсков и эквов ослабели, но зато неоднократные ссоры с северными соседями, этрусками, и распри с соседними городами Фиденами и Вейями привели к серьезной войне, из которой Рим с величайшим напряжением сил сумел выйти победителем. Сначала были завоеваны и разрушены Фидены, затем наступила очередь цветущих и многолюдных Вейев, которые долгое время были достойным соперником Рима и нанесли роду Фабия в 447 г. кровавое поражение на речке Кремере. Борьба хорошо укрепленного, расположенного на крутом холме и окруженного двумя реками города, была упорна и продолжительна. Войску пришлось осаждать его и зиму, и лето. Римляне не привыкли вести войны такого рода. До сих пор они совершали непродолжительные походы против разбойнически вторгавшихся шаек эквов и вольсков и после кратковременных перерывов снова возвращались к полевым работам и домашним занятиям. Теперь же воины, находясь на войне и зиму, и лето, не могли сами себя вооружать и обеспечивать продовольствием, и их приходилось содержать за счет государства. Таким образом римляне пришли к мысли о выдаче войскам жалованья. Благодаря этому нововведению римское войско, составленное из граждан Рима, получило способность вести действительные завоевательные войны, даже если они велись в значительном удалении от города.

Город Вейи

Война против Вейев продолжалась уже девять лет с переменным успехом. Римлянам впервые, пришлось предпринять настоящую осаду. Они расположились перед городом укрепленным лагерем, построили осадные машины, придвинули боевые щиты, но взять его не смогли. Окончательно покорить город удалось диктатору Марку Фурию Камиллу в 396 г.

Он приказал сделать подкоп, который шел из римского лагеря под стеной города до середины вейентинского замка, где находился храм Юноны. Сильный вооруженный отряд римлян проник этим подземным ходом до самого храма. Оставалось только вскрыть пол, и в этот момент, как свидетельствует предание, воины услышали голос верховного жреца. Держа перед царем мясо убитого жертвенного животного, он сказал: «Кто принесет эту жертву богине — хранительнице Вейев, тот победит в битве». В то же мгновение пол был взломан и в храм ворвались, прикрываясь щитами, римские воины. Камилл выхватил жертвенное мясо из рук жреца и принес его в жертву на алтаре Юноны. Это решило исход осады. Отряд Камилла, покинув храм, с боем прорвался к городским воротам и впустил в город основную часть римских войск. Вейи подверглись разграблению, в руки победителя попала богатая добыча. За эту победу Камилл удостоился такого блестящего триумфа, какого римляне еще не видывали. В роскошном одеянии, стоя на колеснице, запряженной четверкой белых коней, двигался он вверх по Священной дороге к Капитолию во главе своих опьяненных радостью воинов, воспевавших ему хвалебные гимны.

Плодородие завоеванной у вейентинцев земли и красота города столь сильно подействовали на воображение римлян, что зашла всерьез речь о том, чтобы переселить туда часть народа. Вопрос этот вызвал в сенате горячие споры, при этом Камилл решительно высказывался против переселения, видя в нем разделение сил, способное ослабить Рим и вызвать в будущем опасные осложнения. Его мнение было принято, и переселение не состоялось.

Прошло некоторое время, и Камилл стал жертвой оскорбительной неблагодарности. Трибуны обвинили его в несправедливом разделе военной добычи и даже сокрытии некоторой ее части и потребовали к народному суду. Ему было вменено также в преступление и то, что он триумфальным въездом своим на колеснице, запряженной четверкой белых коней, позволил себе уподобиться Юпитеру Капитолийскому.

Оскорбленный этими обвинениями, Камилл не стал ждать приговора народного собрания и удалился в добровольное изгнание в Ардею.

Когда он покидал Рим, то выйдя из ворот, обратился с мольбой к богам, чтобы они скорее заставили его сограждан раскаяться.

8. Галлы в Риме. Камилл

(390 г. до Р.Х.)

Скоро боги исполнили желание Камилла. Над Римом, начинавшим уже расцветать и приобретать могущество и благосостояние, разразилась жестокая буря. Началось нашествие галлов.

Вскоре после изгнания Камилла в римский сенат явились послы этрусского города Клузия с просьбой о помощи против дикого врага, галлов (кельтов), пришедших из-за Альп. Еще сто пятьдесят лет перед тем галльские племена заняли Верхнюю Италию. Часть этих племен, сенонские галлы, обитавшие между Равенной и Анконой под командованием царя своего Бренна перевалили через Альпы и напали на Этрурию.

Римляне откликнулись на просьбу, но вместо войска отправили в качестве послов трех сыновей М. Фабия Амбуста, чтобы они потребовали от галлов не совершать враждебных действий против союзников римского народа. Галлы ответили на это, что согласны заключить мир, если клузийцы уступят им часть своих излишних полей.

Послы вернулись из стана галлов в осажденный город и сообщили там о требованиях Бренна. Требования были отвергнуты, а чуть позже клузийцы совершили вылазку против галлов, в которой вопреки международному праву принял участие один из римских послов. В стычке этот посол убил галльского военачальника и завладел его оружием. За столь грубое нарушение международного права Бренн потребовал от римлян выдачи всех трех Фабиев. Народ не только отверг это требование, но назначил Фабиев военными трибунами. Тогда

галлы двинулись на Рим. Римляне под командованием трех Фабиев выступили им навстречу и сошлись с ними на речке Аллии в одиннадцати милях от Рима. Здесь 18 июня 390 года произошло сражение. Римляне были разбиты наголову, и с тех пор Аллиев день считался в Риме несчастным. В Риме считали уже все потерянным, город был покинут. Целыми толпами люди бежали в Этрурию. Многие сенаторы, сановники и другие должностные лица вооружились и заняли Капитолий, собрав в него сколько можно было съестных припасов и сложив туда все драгоценности, какие только им удалось спасти. Только самые престарелые сенаторы в количестве восьмидесяти человек не пожелали оставить город. Они завернулись в тоги и в ожидании смерти поместились в своих креслах из слоновой кости на площади перед своими домами.

На третий день после битвы при Аллии галлы вошли в никем не защищенный Рим. Сенаторы и первый из них, Марк Папирий, были умерщвлены, всё оставшиеся в городе жители — тоже, а самый город был разграблен и превращен в пепел. Но штурм Капитолия был успешно отбит, и галлам пришлось приступить к его осаде. Однако скорым успехом осада не увенчалась, поскольку город, превращенный в груды развалин, не мог галлам ничего доставить, и они начали терпеть нужду в жизненных припасах. В попытках отыскать продовольствие галлы целыми толпами стали бродить по окрестностям Рима. Один из их отрядов, пришедший к Ардее, был разбит жителями этого города под предводительством Камилла. В это же самое время римляне, собравшиеся в Вейе, разбили отряд этрусков, который вторгся в римскую область и возвращался оттуда с добычей. Эти успехи воодушевили римлян, и они решили избрать Камилла своим главным военачальником и под его предводительством освободить Рим. Но для утверждения Камилла в звании — военачальника надлежало предварительно получить согласие сената, осажденного в Капитолии. Исполнить это опасное поручение взялся Понций Коминий. Он успешно прокрался сквозь неприятельский стан в Капитолий и возвратился оттуда в Вейи с сенатским постановлением о назначении Камилла диктатором. Но в то же самое время, когда Камилл собирал войска в Ардее и Вейях, осажденные очутились в крайней опасности. Галлы, заметив следы Коминия, взобрались было уже ночью на Капитолий. Но в эту минуту крик посвященных Юноне гусей разбудил Марка Манлия, и галлы были им отражены и сброшены вниз. Таким образом крепость была спасена. После семимесячной осады и осажденных, и у осаждавших начался голод, а среди галлов открылась зараза. Вследствие этого стороны были склонны вступить в переговоры. Бренн согласился удалиться со своим войском за тысячу фунтов золота.

При взвешивании собранного трудом золота галлы употребили неверные весы. Римляне хотели этому воспротивиться, и тогда Бренн, бросив свой меч на чашу весов, воскликнул: «Горе побежденным!» В эту минуту явился со своим войском Камилл, объявил договор недействительным, прогнал галлов из города и разбил их в большом сражении в восьми милях от Рима.

Камилл и Бренн

Камилл совершил торжественный въезд в разрушенный город, причем ликовавшие воины называли его отцом отечества и «вторым Ромулом». Разрушенный город стал быстро отстраиваться, но исторические документы, за исключением уцелевших случайно, пропали безвозвратно.

Прозвание второго Ромула Камилл заслужил еще и в другом смысле. Теперь, когда Рим превращен был в груды пепла, прежнее желание народа переселиться в Вейи воскресло с новой силой, и вопрос о переселении был поднят самими трибунами, которые надеялись таким образом покончить с постоянными спорами с притязательными патрициями из-за раздела земельных угодий и основать в плодородной Вейентинской области свободную общину на новых началах. Камилл воспротивился этой идее всеми силами, умолял народ не

оставлять храмов и алтарей богов и напомнил ему о выгодном расположении Рима. Народ согласился с его доводами. Вполне утвердил народ в этом решении глас богов. Произошло это следующим образом. В то самое время, когда сенат обсуждал вопрос о переселении, на форуме показался отряд воинов, и начальник отряда воскликнул: «Стой! останемся здесь». Заседавшие в куриях сенаторы приняли эти случайные слова за хорошее предзнаменование и за указание богов. Народ принял это толкование, переселение было отменено, и все принялись за восстановление города.

Следует сказать, что история вторжения галлов, составленная Ливием по написанной в греческом духе летописи Фабия Пиктора, изукрашена романтическими вымыслами. Все подробности измышлены с целью прославления Камилла. Рассказ о спасении Капитолия гусями и храбростью Манлия равным образом относятся к области мифа. Прэтому действительными историческими событиями остаются только вторжение галлов, поражение римлян при Аллии, разрушение Рима и не удавшаяся осада Капитолия. Столь же сомнительным следует считать сообщение Ливия о походах римлян против галлов, якобы совершенных между 367 и 349 годами. В первом из них еще раз победоносно выступает престарелый Камилл, а во втором юный Тит Манлий, согласно Ливию, убивает в единоборстве исполина галла, завладевает его золотым ожерельем, за что получает прозвание Торквата.

9. Манлий Капитолий. Борьба за государственные должности. Законы Лициния.

(385...366 г.)

После ухода галлов для римлян и в особенности для плебеев наступили мрачные времена. Всюду, где прошли варвары, все было разрушено и разграблено. Наступило поистине невыносимое, бедственное положение. Не было самого необходимого: ни хлеба, ни овощей, ни скота, ни жилищ, а главное — семян для посева. У плебеев не было средств, чтобы приобрести все это, и им не оставалось ничего другого, как взять это в долг у патрициев. При этом всякий должник в силу все еще существовавшего сурового долгового права должен был приготовиться к самому безжалостному с собой обращению. В таком бедственном положении над народом сжалился Манлий Капитолий. Он продал свой земельный участок, доставшийся ему в Вейентинской области, и выкупил из кабалы 400 бедных плебеев. Одного из отрядных начальников, который должен был лишиться свободы за долги, он выкупил сам, заплатив за него собственные деньги. Можно было с уверенностью предположить, что Манлий потребует снижения, а может быть, и прямого погашения долгов посредством уплаты их из денег, выручаемых от продажи общественных земель. Вследствие этого он стал любимцем плебеев и страшным для своих сословных товарищей. За дружественное отношение к народу Манлия постигла месть патрициев. В их глазах Манлий был изменником, за что и заслуживал смерть. Диктатор Авл Корнелий Косе обвинил его в государственной измене и заключил в темницу. Но вследствие угрожающего положения народа его пришлось выпустить на свободу, которой он воспользовался для того, чтобы еще больше восстановить народ против патрициев. Тогда Манлия снова обвинили в стремления к царской власти. Ввиду того, что при первом публичном разбирательстве дела народ при виде спасенного Манлием Капитолия не мог признать его виновным, новое было назначено в месте, откуда нельзя было видеть Капитолий. Так говорит предание. Более достоверным, однако, следует считать то, что в виду невозможности осуждения Манлия в центуриатских комициях, он был привлечен к суду патрицианских куриатских комиций и приговорен здесь к смерти. Затем Манлий был сброшен с Тарпейской скалы, а дом его, находившийся на Капитолии, был срыт до основания. Едва Манлий пал жертвой несправедливого судебного приговора, как снова усилились притеснения плебеев патрициями. Кончились же они прямо противоположным результатом — полным уравнием прав обоих сословий. Вот как это

произошло.

Свержение осужденного с Тарпейской скалы

В 376 году два народных трибуна Лициний Столон и Л. Секстий выступили с предложениями, направленными к уравниванию прав патрициев и плебеев. То были следующие три предложения. Первое касалось временного облегчения долговых обязательств и уничтожения кабалы за долги. В соответствии с этим предложением должники обязаны были возратить лишь полученный взаймы капитал за вычетом уже уплаченных процентов. Остальная же часть капитала должна была быть выплачена в течение трех лет. Второе предложение имело в виду устранение зла в самом его корне. Ибо где же следовало искать истинную причину непосильного обременения плебеев долгами, как не в недостатке свободной земельной собственности? Находившегося в зависимости, обложенного податями земледельца надлежало обратить в свободного собственника земли. К достижению этого и было направлено второе предложение, согласно которому ни один гражданин не мог иметь в своем владении более 500 югеров¹² общественной земли. Таким образом появлялась возможность создать большое число свободных земельных собственников, а излишнюю землю разделить между бедными плебеями. В силу третьего предложения отменялась существовавшая еще должность военных трибунов с консульской властью и восстанавливалось прежнее консульское звание с важным прибавлением, что один из консулов непременно должен быть из плебеев. Патриции употребили все средства хитрости и насилия, к которым не раз успешно прибегали, чтобы воспрепятствовать осуществлению этих реформ. Они даже сумели привлечь на свою сторону некоторых из десяти трибунов, которые выступили против Лициния и Секстия. Но, с другой стороны, в среде самой аристократии, по примеру Кассия и Манлия, образовалась оппозиционная консервативной либеральная партия, стремившаяся к улучшению существующего порядка вещей. Поддерживаемая этими друзьями плебеев, народная партия после упорной десятилетней борьбы все-таки победила. Патриции вынуждены были уступить, и предложения Лициния и Секстия, принятые трибуническими комициями, были утверждены сенатом. Когда наступил срок выборов консулов, то Л. Секстий стал первым консулом, избранным из плебеев.

Когда патрициям пришлось в конце концов поступиться столь упорно отстаиваемым ими консульством, то они постарались спасти хотя бы то, что могло быть еще спасено. Им удалось отделить от консульского звания одно существенное преимущество — судебную власть и возложить ее на вновь учрежденного сановника — претора, на должность которого избирались исключительно патриции. Двум эдилам (помощникам трибунов) из плебеев были противопоставлены два эдила из патрициев. Они заведовали полицейскими делами, общественными зданиями, следили за порядком на улицах и площадях и за правильностью совершавшихся на них торговых сделок. Позднее, в их обязанность перешло также устройство праздничных игр, которые оплачивались ими же.

Теперь постепенно становилось все более серьезным значение на родных трибунов, и они сами действовали все более решительно и смело. Уже в 356 году диктатором был избран плебей Марций Рутил. В 351 году плебеи получили доступ; к цензорству, затем к преторству и наконец, в 300 году к занятию жреческих должностей. В 326 году суровые долговые законы были уничтожены, долговые обязательства не могли более распространиться на личность, жизнь, свободу должника.

Таким образом борьба патрициев с плебеями закончилась установлением их полного политического равноправия. В память об этом был воздвигнут храм Конкордии (Согласия). Благодаря окончанию внутренних смут был приобретен избыток свежих сил. Ничем не

разделяемые и не раздробляемые, они получили возможность действовать сообща, с удвоенной энергией. Настала пора, когда Рим, достигший внутреннего спокойствия, получил возможность выступить из непосредственно окружавших его границ и отважиться сделать первый шаг к распространению своего владычества над Италией. Это случилось во время Самнитских войн.

10. Первая Самнитская война.

(343...341 г. до Р. Х.).

Со взятием Веий римлянами сила этрусков была сломлена. Но на юге стоял еще не побежденный, равный по силам римлянам противник — самнитяне. Как и римляне, они принадлежали к сабельскому племени, обитавшему в средней, гористой части полуострова. Самнитяне поселились в области реки Вольтурна, там, где Аппенинны достигают значительной высоты. Это было суровое, но не грубое, воинственное, предприимчивое и смелое племя. По вооружению и тактическим способностям самнитяне несколько не уступали римлянам. Но им недоставало прочного единства и политического центра, ибо отдельные общины их жили независимо друг от друга. Этот недостаток в противоположность прочно сплоченной массе, какой были к тому времени римляне, оказался роковым для самнитян.

К западу от самнитской гористой области, на равнине, лежала прекрасная Кампания, населенная родственными самнитам племенами. Однако племена эти, вследствие смешения с коренными жителями и утраты своих первобытных простых нравов, совсем уже позабыли о своем древнем родстве с горными самнитянами. Богатейшим и прекраснейшим городом Кампании была Капуя. В ней, так же как в Риме, боролись между собой самым ожесточенным образом две партии: аристократическая и народная. Последствием этих раздоров было то, что эта чудная страна, «сад Италии», рано или поздно должна была сделаться добычей соседей, римлян или самнитян.

Из недостоверных и сбивчивых показаний римских летописей, которыми пользовались Ливии, Дионисий и Аппиан, невозможно с точностью определить, что послужило непосредственным поводом к столкновению между римлянами и самнитянами. По свидетельству летописей, это столкновение произошло следующим образом: сидицины, один из сабельных народов, главным городом которых был Теан, расположенный на прославленной своим вином горе Массике, подверглись нападению самнитян, которые стали сильно их притеснять. Сидицины обратились за помощью к кампанцам. Но кампанцы также не устояли против самнитян и сами вынуждены были искать посторонней помощи. Они отправили посольство в Рим с просьбой помочь им. Хотя римляне с 354 года и находились в союзе с самнитянами, но сенат, несмотря на это, решил в случае, если самнитяне не перестанут нападать на кампанцев, оказать этим последним помощь.

Летописцы повествуют о целом ряде удивительных геройских подвигов и победе в этой первой самнитской войне. Так, М. Валерий Корв одержал победы у горы Гавра при Кумах в 343 году и при Суессуле. В другой раз римское войско, бывшее под начальством Авлия Корнелия Косса и окруженное самнитянами, было спасено благодаря мужеству военного трибуна Деция Муса. Об этом Ливии рассказывает следующее: Консул Корнелий Косе вел войско по глубокой лощине, пролежавшей между высокими, лесистыми горами, и не принял при этом никаких предосторожностей. Он был со всех сторон окружен неприятелем и заметил самнитян под своей головой только тогда, когда легионы его не могли уже отступить без больших потерь. В то самое время, когда самнитяне выжидали, чтобы все войско спустилось в самую глубину лощины, военный трибун Публий Деций сказал встревоженному консулу: «Видишь ту вершину над неприятелем? Это якорь нашей надежды и нашего спасения, только бы нам удалось завладеть ею. Самнитяне, должно быть, сослепу, оставили эту вершину незанятой. Мне достаточно один легион из передового отряда и

копьеносцев, чтобы занять ее и обезопасить передвижение основного войска. Из боязни подвергнуться нападению сверху, неприятель не посмеет пошевелиться. Нас спасет от беды или счастье римского народа, или наша храбрость.»

Консул принял план Деция и похвалил его. С небольшим отрядом Деций сумел пройти через лесистые горы и был замечен неприятелем только когда уже был у цели. Привлекая к себе внимание неприятеля, Деций дал консулу возможность совершить маневр через лощину. Бросаясь то в одну, то в другую сторону, самнитяне упустили благоприятный момент для действий против обеих групп. Они лишились возможности преследовать консула в лощине, в которой еще недавно могли осыпать его своими стрелами и не сумели построить войска в боевой порядок для штурма холма, где засел Деций. Они то пытались окружить холм, чтобы отрезать Деция от консула, то наоборот открыли ему дорогу, чтобы напасть на его отряд, когда он спустится в лощину. Пока самнитяне так метались и перегруппировывали силы, наступила ночь. Деций был удивлен тем, что самнитяне упустили возможность напасть на него в момент, когда его отряд поднимался на холм и не удосужились позже окружить холм валами и рвами. Вызвав к себе центурионов, он сказал им следующее: «Какое незнание правил войны, какую нерасторопность показывают самнитяне! И эти люди могли одерживать победы над сидицинами и кампанцами! Видите, как их отряды бросаются то туда, то сюда, понапрасну растрачивая силы, в то время как могли бы успеть окружить нас валом. Но мы будем похожи на них, если промешкаем здесь более, чем следует. Итак, идите за мной. Пока еще не стало совсем темно, узнаем, где они расставили часовых и где есть отсюда выход».

Надев плащ простого воина, Деций вместе с главными начальниками, тоже переодетыми в солдат, осмотрел неприятельские посты и сориентировался на местности. Расставив затем часовых со своей стороны, Деций отдал всем приказ, что, когда ночная смена часовых будет отозвана звуком рожка, весь отряд в полной тишине должен собраться в условленном месте и начать прорыв. Операция блестяще удалась. В назначенное время под предводительством Деция отряд стал бесшумно передвигаться через места, не занятые неприятельскими часовыми. Они прошли уже до середины неприятельского стана, когда один из воинов Деция, переступая через спящего часового, произвел шум ударом щита. Пробужденный этим шумом часовой вскочил и разбудил соседа, и они разбудили остальных. Но проснувшиеся часовые не могли сообразить в темноте, кто двигается по лагерю — свои или чужие, римляне, занимавшие холм и желавшие теперь пробиться, или же консул, напавший на стан со своим войском. Тогда Деций приказал своим воинам, которые не могли уже больше скрывать своего присутствия, поднять крик. Этот мощный крик в ночи привел полусонных самнитян в такой ужас, что они совершенно растерялись и не могли ни оказать сопротивление противнику, ни преследовать его. Воспользовавшись замешательством самнитян, римский отряд, сменяя вражеских часовых, стремительным броском проложил себе дорогу в стан консула.

В награду за этот подвиг консул подарил Децию золотой венок, 100 быков и, сверх того, необыкновенно красивого белого быка с позолоченными рогами. Всем воинам, участвовавшим в этом походе, был назначен пожизненно двойной паек хлеба, по одному быку и по две туники. Когда были розданы награды, воины с громкими кликами, в знак своей признательности, возложили на Деция венок из трав, второй венок был возложен на Деция его отрядом. Украшенный этими почетными знаками отличия, Деций принес в жертву Марсу прекрасного белого быка, а сто быков отдал воинам, которые принимали участие в смелой операции. Для этих же воинов было куплено на собранные деньги по фунту меда и флаге вина. Все это было съедено и выпито при всеобщем веселье.

Последствия этой первой войны были для римлян весьма благоприятны. По окончании похода, который продолжался лишь год, они завладели Капуей. Но их победоносное шествие было внезапно остановлено серьезной опасностью.

В промежутке между первой и второй самнитскими войнами на востоке велись Александром его знаменитые завоевательные походы (334...325 г.). Македонский герой

встретил у греческих историков единодушный восторг, и они не переставали превозносить его деяния. Римскому же историку Ливию эти восхваления показались чрезмерными и подали ему повод задаться вопросом, можно ли допустить, что, если бы Александр после покорения Азии направился против римлян, он точно так же победил их? Для разрешения этого вопроса Ливии делает сравнение личностей предводителей, военных удач, численности и храбрости войск. У него не вызывает сомнений, что римские полководцы, с которыми пришлось бы вести войну Александру — Манлий Торкват, Пепирий Курсор, Фабий Максим, оба Деция и другие не уступали Александру ни в способностях, ни в личном мужестве. «И дал ли бы еще, — пишет Ливии, — превзойти в проницательности этому юноше римский сенат, тот самый сенат, о котором только один человек составил себе вполне верное представление, назвав его „советом царей“. Именно в таких выражениях рассказывал Пирру его посол Киней о сильном впечатлении, произведенном на него римским сенатом. Затем Ливии приходит к выводу, что Александр встретил бы со стороны римлян гораздо большее сопротивление, чем со стороны персов, весьма изнеженного народа, во главе которого стоял царь „с женским хвостом“, и что Александр скорее захватил их как военную добычу почти без кровопролития, нежели победил как врагов в серьезном сражении.

Римский щит

Кроме того, по мнению Ливия, войско, которое привел бы с собой Александр, перенившее персидские нравы и изнеженное, уже не могло бы быть прежним македонским. И сам Александр тоже был бы уже совсем другим. Он явился бы в Италию похожий на Дария, ставший рабом своих страстей, в особенности пьянства. Его военные победы всегда были только результатом его личного счастья и продолжались короткое время — всего десять лет. Их нельзя сравнить с военным счастьем целого народа, который в течение нескольких столетий, хотя и терпел поражения в отдельных сражениях, не проиграл ни одной войны. Что же касается боевых сил, которые Александр мог привести с собой, их численности, вооружения и качества, то самое большее, сколько он мог бы перевезти морем, это 30.000 македонских ветеранов и 4.000 фессалийских всадников. Если бы Александр взял с собой персов, индусов и другие народы, то они были бы для него скорее обузой, чем серьезными, боеспособными воинами. К этому прибавилась бы еще трудность с восполнением убыли в войсках. И в отношении вооружения римляне превзошли бы македонцев. Оружие последних составляли круглый щит и длинные копья. Римляне же были вооружены большим, прикрывающим все тело щитом и цилумом (метательным копьем, дротиком), оружием, которое значительно превосходило копье и применялось как для метания, так и для нанесения удара. Воины в обоих войсках стойки и непоколебимы, соблюдают равнение в рядах и шеренгах. Но македонская фаланга была мало подвижна и сплошь однородна. Римский же боевой порядок был разнообразен, состоял из многих частей и легко был разделяем и вновь соединяем по мере надобности. И кто, говорит Ливии, мог бы сравниться с римлянами в выносливости и стойкости в обороне? Александр может быть и победил бы их в одном сражении, но в конце войны все-таки оказался бы побежденным. Была ли хоть одна битва, сломившая мощь римского народа? Ни Кавдинское ущелье, ни даже впоследствии Канны не сломили ее. По всей вероятности, считает Ливии, Александру, имея он даже вначале успех, пришлось бы все-таки с тоской вспоминать о персах, индусах и невоинственной Азии и признаться самому себе, что доселе ему приходилось вести войну только с женщинами... Если мы как следует подумаем над рассуждениями Ливия, то должны будем признать, что в целом он прав, хотя в оценке тактики и стратегического таланта великого монарха многое он несколько умалил. Можно предположить, что в этом отношении Александр доставил бы римлянам не меньше хлопот, чем впоследствии Пирр в начале своей войны с ними. И в осадном искусстве Александр, без сомнения, превосходил римлян. Об опыте же его ведения войны на море не может быть и речи. На этом поприще римляне вовсе

не могли бы померяться с ним силами. Но в конце концов Александр, несмотря на чарующую силу своей личности, побуждавшую его войска к величайшему самопожертвованию, наверное уступил бы, подобно Пирру, непоколебимой стойкости чувства долга римских граждан, непреклонному мужеству и государственной мудрости римского сената.

11. Латинская война.

(340...337 г. до Р. Х.)

Хотя латины находились в союзе и племенном родстве с римлянами, сражались и побеждали вместе с ними, говорили с ними на одном языке и имели одну с ними религию, римляне не собирались предоставлять им равные с собой права и признать их своими гражданами. В противоположность могущественным римлянам, латины, как более слабый член союза, оставались в некоторой подчиненности и зависимости. Так как римляне со свойственным им себялюбием преследовали лишь собственные выгоды, нисколько не заботясь о других, то латины очень почувствовали их пренебрежение, в особенности после того, как они самоотверженно содействовали римлянам в покорении Веий и в победах первой самнитской войны. В конце концов, устав от беспощадной политики римлян, латины в 341 году отправили обоих преторов Латинского союза, состоявшего из старинных городов: Тибура, Пренесты, Ариции, Ланувии, Велитры и других, в Рим доложить сенату о притеснениях, учиняемых латинянам и об их требованиях. Они хотели, чтобы в будущем один из консулов и половина сенаторов избирались из латинян. Требование это, несмотря на всю его справедливость, было с негодованием отвергнуто, и латинские послы, чтобы не пасть жертвами народной ярости, вынуждены были с величайшей поспешностью выехать из Рима.

После такого поступка с латинским посольством война стала неизбежностью. При первых же признаках подозрительного брожения в латинском городе Лацие римляне поспешили заключить мир с самнитянами, нисколько не заботясь при этом, что вступают в союз с ними против своих же кровных, до сих пор всегда верных им союзников. Кампания, жители которой всегда держали сторону римлян, сделалась театром войны. Предания повествуют о двух ужасных человеческих жертвах, из которых одна была вызвана требованиями римской воинской дисциплины, а другая любовью римлян к своему отечеству.¹³

Римское войско в ожидании битвы стояло у подошвы горы Везувия. Со стороны консулов последовало строгое приказание избегать всякого столкновения с неприятелем, в особенности единоборства. Приказание это было вызвано опасением, что, вследствие существования между—воюющими всевозможных дружественных и родственных отношений, будет нарушен порядок военной дисциплины. Сын консула Манлия Торквата, Т. Манлий, командовавший отрядом всадников, во время рекогносцировки слишком близко подъехал к неприятельскому стану. Там в это время находился лично ему известный предводитель неприятельской конницы Геминий Меттий. Между ними завязался разговор. «С одним только отрядом, — сказал Геминий насмешливо, — вы хотите сражаться и с латинами, и с их союзниками? Что же в это время будут делать консулы и консульские войска?» «Они вовремя придут на место, — отвечал Манлий, — и вместе с ними явится сам всемогущий Юпитер, как свидетель нарушенного вами договора. Если при Регильском озере мы дали вам знать о себе, то здесь приложим все усилия, чтобы навсегда отбить у вас охоту вступать с нами в битву». На это Геминий, отъехавший несколько от своих, возразил: «А не желаешь ли ты, пока наступит день битвы, померяться со мной силами, чтобы теперь же, по исходу нашего единоборства заключить, насколько латинский всадник превосходит

римского?» Под влиянием ли гнева или стыда отказаться от состязания, увлекаемый ли непреодолимой силой рока, юноша воспламенился мужеством. Забыв о приказе отца и распоряжении консулов, он опрометью бросился в бой, последствия которого, выиграл бы он его или нет, были бы для него одинаковы. После того, как остальные всадники очистили место как бы для представления, Манлий и Меттий бросились друг на друга. И когда они с оружием наперевес столкнулись, то дротик Манлия скользнул по шлему врага, дротик Меттия — по шее лошади Манлия. Тогда бойцы поворотили коней. Манлий, размахнувшись первый, ударил дротиком лошадь Меттия между ушей и та, поднявшись на дыбы, сбросила с себя всадника. Меттий, опираясь на щит и меч, хотел было подняться, но Манлий пронзил его своим дротиком. Удар был так силен, что дротик пробил ему шею и прошел сквозь ребра. Сняв с Меттия его военные доспехи, Манлий в сопровождении своего ликующего отряда возвратился в стан. Не зная, какая участь ожидает его, Манлий тотчас вошел в палатку военачальника, своего отца. «Отец, — воскликнул он, — чтобы всякий знал, что я истинно твой сын, я принял вызов врага и приношу тебе доспехи, снятые с убитого мною неприятеля». Но лишь консул услышал эти слова, как тотчас же отвернулся от своего сына и приказал дать сигнал к сбору воинов. Когда они собрались, консул сказал: «Так как ты, Тит Манлий, не обратил внимания ни на приказания консула, ни на власть родителя и вопреки нашему запрещению сразился с неприятелем вне строя и таким образом дерзко нарушил воинскую дисциплину, которая до сих пор была опорой римского государства, то ты поставил меня перед необходимостью выбирать между государством и личным, семейным интересом. Конечно, моя привязанность к тебе и твое прекрасное желание доказать свою храбрость, к чему ты был увлечен ложным представлением о воинской чести, работают в твою пользу. Но так как, если ты будешь казнен, власть консулов и их приказ останутся нерушимыми, а если оставить тебя не наказанным, они навсегда потеряют свое значение, — то я уверен, что ты сам, если только в жилах твоих течет хоть капля моей крови, не откажешься восстановить своей казнью попорченную твоим поступком воинскую дисциплину. „Ликтор, иди и привяжи его к столбу!“

При таком ужасном приказании все войско оцепенело. Как бы чувствуя, что топор направлен на каждого из них, воины безмолвствовали. Но когда был нанесен смертельный удар, и из обезглавленного тела хлынула кровь, они очнулись от нашедшего на них столбняка. Вслед за глубоким безмолвием раздались громкие вопли. Воины дали простор своим жалобам и проклятьям. Для трупа юноши соорудили за лагерем костер. Затем тело покойного было предано все소жжению в присутствии боевых товарищей и с таким торжеством, с каким до сих пор не совершалось ни одно погребение. С этого времени выражение «приказание Манлия» стало пословицей и употреблялось для обозначения кровавой жестокости.

Битва началась у подножия Везувия. Манлий командовал правым, а Деций Мус левым крылом. Поначалу силы обеих сторон были равны, и они сражались с одинаковым пылом. Но вот на левом крыле показались римские гастаты (составлявшие передовую линию тяжелой пехоты). В эту критическую минуту консул Деций, обратясь к Валерию, громко воскликнул: «Валерий, необходима помощь богов! Верховный жрец, скажи мне слова, с которыми я должен обречь себя смерти для спасения легионов!» И жрец приказал Децию надеть на себя праздничную тогу, встать на положенную на землю стрелу, закрыть голову, подпереть подбородок высвобожденной из-под тоги рукой и произнести следующее: «Янус, Юпитер, отец Марс, Квирин, Беллона, вы, домашние боги, вы, новые и старые отечественные боги, в чьей власти находятся и наши и враги, вы, боги подземного мира, к вам обращаюсь со смиренной мольбой. Даруйте римскому народу в лице его воинов силу и победу, а на неприятельских воинов ниспошлите страх, ужас и смерть. Громогласно заявляю я, что для спасения римского народа я обрекаю богам смерти и матери-земле себя вместе с неприятельскими легионами и их союзниками». После этой молитвы Деций приказал своим ликторам как можно скорее пойти к Манлию и объявить ему, что он обрек себя смерти ради спасения войска, а сам вскочил на коня и бросился в самую гущу врагов с оружием в руках.

Оба войска смотрели на него, как на небесное явление, как на ниспосланную небом искупительную жертву для умиловливания гнева богов, для отвращения гибели своих и погубления неприятеля. Он нес с собой страх и ужас, которые охватили сначала ряды латинян и привели их в замешательство, а за ними и все неприятельское войско. Но всего поразительнее было то, что куда бы ни ступил конь Деция, все трепетало как при виде звезды, предвещающей несчастье. Когда же он пал под градом стрел, когорты латинян в полном замешательстве обратились в бегство и оставили далеко за собой поле сражения. Теперь, как бы почувствовав себя свободными от страха перед гневом богов, выступили и римляне и как бы только поднятые сигналом начали битву. Однако риарии (старые, опытные воины), составлявшие третью боевую линию, опустившись на правое колено, оставались на своих местах, ожидая знака консула, по которому они должны были подняться.

Сражение продолжалось. В то время, когда консул Манлий получил известие об участии своего сотоварища, латины, используя превосходство сил, сумели одержать верх в других пунктах. И тогда Манлий, почтив столь достопамятную смерть заслуженной хвалой и слезами, решил, что настало время ввести в бой и триариев. Полагая, что будет лучше сохранить их силы для последнего, решительного удара, он для начала передвинул из задней Линии в переднюю акцензов (легко вооруженные резервные войска). Но как только акцензы выступили вперед, то латины, следуя примеру своих противников, призвали на поле битвы и своих триариев. Хотя латины и утомились уже от продолжительной кровавой битвы, обломали и притупили свои дротики, они все-таки оттеснили неприятеля и полагали, что дошли уже до задних рядов его и одержали победу. Тогда консул обратился к триариям с вдохновляющим словом: «Теперь встаньте и вы, полные сил, и устремитесь на утомленных врагов. Вспомните о родине, о родных, о женах и детях ваших, вспомните о консуле, который пожертвовал своей жизнью, чтобы вы победили!» Точно из земли выросли, поднялись триарии со свежими силами и сверкающим оружием. Пропустив в свои ряды антепианов (обе передние линии), они издали воинственный клич, приведя в замешательство передние ряды латинян и приняли их прямо на копья. Почти без всяких потерь, как против безоружных, прорвались триарии сквозь другие отряды и устроили такое побоище, что почти три четверти неприятельских воинов остались на месте.

Остатки латинского войска и его союзников собрались еще раз при Трифануме, но и здесь были наголову разбиты и совершенно уничтожены (в 340 г.). Тогда латиняне отступили в свои укрепления, среди которых самым неприступным считалась Пренеста. Наконец и эти крепости, за исключением Пренесты и Тибура, частью приступом, частью голодом были принуждены к сдаче. Латинский союз был расторгнут. Чтобы сделать его навсегда невозможным, Рим следовал политике, которая заключалась в том, чтобы совершенно изолировать отдельные города и таким образом политически полностью обессилить их. С этой целью римляне постарались посеять между ними раздоры. Что же касается покоренных городов, то с ними поступили совершенно иначе. С одними из них, как например с Пренестой и Тибуром, были возобновлены прежние союзнические отношения. Такие города остались независимыми и удержали свое собственное управление и только в случае войны обязывались присоединять свои войска к римским. Напротив того, другие города, как например Тускул, Ланувий, Педум, Кумы были окончательно подчинены. Их жители несли такие же тяготы и повинности, как и римские граждане (уплата налогов, военная служба), но при этом не имели политических прав, то есть права выборов и подачи голосов. Они только могли вступать в брак с римлянами, покупать и продавать товары в Риме. Таким образом, хотя они и сделались римскими гражданами, но гражданами второго сорта. Все покоренные латинские города обязаны были помогать Риму деньгами и войском, и помощь эта в случае надобности всегда определялась римскими чиновниками. Такие города получили название муниципий, то есть обязанных.

Хотя обращение с покоренными городами было мягкое, случались и исключения. Некоторые города в наказание за самовольное отпадение были совершенно лишены самоуправления. В других же власти были наказаны не только конфискацией земель, но и

изгнанием, как это случилось с сенаторами в Велитрах за их враждебное отношение к Риму. С некоторыми же городами Рим поступил особенно строго — они были лишены всякой земельной собственности, и на их землях поселились римские граждане.

Обычный прием римлян для упрочения своего владычества над покоренными городами и народами заключался, как уже замечалось выше, в умышленном поощрении внутренних смут и раздоров между зажиточными и знатными фамилиями с одной стороны и народной массой с другой. Разительный пример такого рода представляет Капуя. Тамошняя аристократия, державшая сторону Рима, не могла воспрепятствовать желанию плебеев присоединиться к Латинскому союзу. При заключении мира у Капуи были отобраны в пользу Рима ее государственные земли. Для того, чтобы вознаградить аристократию за потерю права пользования государственными землями, ей не только было предоставлено исключительное положение, как например право собственного суда, и назначены особые места для ее собраний, но плебеи были обязаны выплачивать каждому из 1600 аристократов ежегодную пенсию в размере 450 драхм. Это сделано было с той целью, чтобы каждый в споре о своих интересах приучался искать опоры в Риме и тем самым постепенно привязывался бы к Риму.

12. Вторая Самнитская война.

(325...305 до Р. Х.).

Римляне все дальше и дальше продвигались на юг. Они овладели уже важным пунктом Калесом и основали в нем колонию, то есть управление с гарнизоном, состоявшим из 2500 римских граждан. Самнитяне, до тех пор из боязни избегавшие почти всякого столкновения, не могли долее оставаться равнодушными к столь угрожающему росту римского могущества. Теперь разрыв сделался неизбежен и составлял вопрос лишь времени. Повод к нему скоро представился. В одном маленьком городе Палеополе, колонии римского муниципального города Кум, враждовали между собой, как и в других местах, аристократическая и народная партии. Народная партия опиралась на самнитян, а аристократическая на римлян, которые всегда были готовы поддерживать аристократов. По приглашению народной партии самнитяне заняли Палеополь своим гарнизоном. Это послужило римлянам поводом к вмешательству. Они не замедлили воспользоваться этим обстоятельством, чтобы увеличить свое могущество, и заключили союз с луканами и апулийцам, у которых с самнитянами не раз возникали споры. Кроме того, римляне сумели уговорить к соблюдению если не дружбы, то, по крайней мере, нейтралитета жившие к северу от Самниума сабельские племена марсов, пелингов, марруцинов и вестников.

Перед таким важным предприятием, по понятию римлян, нужно было заручиться поддержкой богов. С этой целью был отпразднован так называемый лектистерний, который состоял в том, что изображения богов клали на дорогие подушки и расставляли перед ними столы с кушаньями. Таким образом, боги, как бы гости, приглашенные народом на торжественный пир, вынуждены были оказать пригласившим их свое благоволение. Хотя решение о войне было уже принято, но, чтобы не пропустить ни малейшей формальности, были отправлены фециалы (коллегия из 20 жрецов) потребовать от самнитян очистить Палеополь. Самнитяне отказались исполнить это требование под тем предлогом, что за несколько лет перед тем римляне без всякого повода заняли самнитский город Фрегеллы на Лирисе и основали там свою колонию. Отказа этого было вполне достаточно для получения права к формальному объявлению войны.

Из второй Самнитской войны¹⁴ мы укажем лишь важнейшие лица и события. Самой выдающейся и героической личностью является диктатор Л. Папирий Курсор. Строгость его вошла в пословицу. Будучи вызван в Рим для совершения ауспий (предсказаний через

наблюдения за полетом птиц), он отдал своему начальнику конницы К. Фабию Руллиану строжайшее приказание избегать во время его отсутствия всякого столкновения с неприятелем. Но Фабий решил воспользоваться представившимся ему благоприятным случаем, дал сражение и одержал блестящую победу. По преувеличенным показаниям семейной хроник Фабиев, неприятель потерял в этом деле 20.000 человек убитыми. За такое ослушение Папирий приговорил Фабия к смертной казни. Фабий бежал в Рим и искал защиты у народа. Но диктатор последовал за ним и только по неотступным просьбам народа и трибунов согласился помиловать нарушителя воинской дисциплины. Однако от должности Фабий был отрешен. После этого Папирий вернулся к войску, разбил самнитян, опустошил их область и принудил к примирению. Оно было для римлян весьма кстати, так как в это самое время в Лациуме вспыхнуло восстание, в котором в особенности приняли участие Тускул и Велитры. С благоразумной снисходительностью согласился Рим на требования восставших латинян и включил их в число полноправных римских граждан.

Примирение с латинянами вполне отвечало правильной политике. Это не замедлило обнаружиться, когда военное счастье на время изменило римлянам. Самнитский полководец Понций тесно обложил находившийся в союзе с римлянами город Луцерию. Чтобы спасти этот ключ Апулии, выступили избранные на 321-й год консулы Т. Ветурий и С. Постумий с соединенными войсками в числе 40.000 человек. При переходе через гористую область они понесли близ Кавдия тяжелое поражение, а на возвратном пути были окружены в узком горном ущелье победоносным неприятелем. Все выходы были заграждены засеками и валами, и со всех сторон, из лесных чащ и горных расселин виднелись самнитяне. Войско оказалось в западне и вынуждено было отдаться на волю неприятеля. По тогдашним правилам ведения войны, Понций мог все войско или обезглавить, или продать в рабство. Он обратился к своему отцу Гереннию с вопросом о том, как ему поступить с римлянами. Опытный старец посоветовал или казнить все войско до единого человека, чтобы тем ослабить Рим, или отпустить его без малейшего оскорбления и с почетом, чтобы тем обязать римлян благодарностью. Понций решил избрать среднюю меру. Он потребовал очищения Калеса и Фрегелл, признания самнитян свободным, равноправным с римлянами народом и выдачи 600 всадников в качестве заложников. К этому Понций присоединил еще одно унижительное для римлян условие: римляне должны были пройти «под ярмом». Ярмо это было составлено из двух копий, вертикально вбитых в землю, на которых было укреплено третье на такой высоте, что человек мог лишь с трудом пройти под ним. Через эти ворота гордые римляне по сдаче оружия должны были пройти в одних туниках. Консулам и военным трибунам не оставалось ничего другого, как принять эти условия.

Кавдинское ущелье

И вот римское войско с консулами во главе, скрежеща зубами от бешенства, с опущенными от стыда взорами, прошло под ярмом. В Риме был объявлен государственный траур, торговые заведения не работали, суды прекратили свою деятельность. День Кавдинского позора, подобно дню Аллии, а впоследствии сражению при Каннах считался с этих пор днем национальной, скорби.

Сенат, однако, отказался утвердить заключенный с самнитянами договор. Но надо было найти оправдание неисполнению условий договора, так как он был заключен консулами от имени римского народа, ибо римское войско, состоявшее из граждан, было полномочным представителем народа. Конечно, вполне сознавалось, что это можно сделать только нарушив данное слово. Но была найдена и отговорка. По предложению, сделанному в сенате консулом Сп. Постумием, договор был объявлен недействительным, как заключенный без согласия сената и народа. Вина при этом возлагалась на самих самнитян, которые упустили из виду обеспечить ратификацию (признание действительным) договора достаточным числом заложников. Но для того, чтобы соблюсти формальную сторону

договора, Постумий предложил неприятелю в его полное распоряжение вместе с двумя народными трибунами обоих консулов, квесторов и военных трибунов, которые пошли на договор. Он сам, присовокупил Постумий, готов тотчас же сдать и себя и уверен, что бывшие его сотоварищи питают не менее благородные чувства. Действительно, все виновники договора изъявили на это полную готовность. Сенат приказал фециалу торжественно выдать их самнитянам скованными и затем почел себя свободным от всякого дальнейшего обязательства.

Самнитский полководец Понций, однако же, отказался принять их и настаивал на исполнении договора. Он соглашался или на полное исполнение договора, или на возвращение римского войска в ущелье, откуда оно было выпущено. Тогда консул Постумий толкнул ногой римского фециала и объявил, что теперь он самнитянин и, оскорбляя фециала, дает римлянам законный повод к войне. Понций, глубоко возмущенный и разгневанный столь лицемерной выходкой, воскликнул: «Неужели вам, старым людям и бывшим консулам не стыдно издеваться так над религией и пытаться оправдать свое вероломство подобными детскими выходками! Иди, ликтор, сними с пленных цепи! Никто не должен быть удерживаем нами насильно». И в своей благородной гордости он отпустил не только выданных ему головой, но и 600 заложников, и снова взялся за оружие.

Война возобновилась и поначалу была не благоприятна римлянам. Только в 314 году им удалось отнять Луцерию у «самнитян и снова подчинить своей власти начинавших изменять кампанцев и в особенности капуанцев. Случившееся в это же время восстание этрусков также было подавлено. Но 22-летняя с переменным успехом борьба не привела римлян к решительной победе. Хотя у самнитян и были отняты Кампания и Апулия и обе эти области были обеспечены от будущих нападений, все же самнитяне оставались непобежденными в своих неприступных горах, куда римляне не отваживались за ними следовать. Поэтому римляне решили заключить мир. Самнитяне по договору признавали главенство Рима, но с тем почетным условием, что они сохраняют свою свободу.

13. Третья Самнитская война.

(298...290 г. до Р. Х.)

Наступившим после заключения мира спокойствием римляне воспользовались для упрочения своей власти. Латины были большей частью приняты в число римских граждан. Повсюду были основаны колонии, которые состояли из римлян и латинян. Для обеспечения дипломатических отношений с Капуей было завершено строительство начатой еще цензором Аппием Клавдием во время войны в 312 г. дороги. Эта «царица дорог» была плотно вымощена квадратными камнями и была так широка, что на ней совершенно свободно могли разъехаться две нагруженные телеги. Чтобы вполне изолировать самнитян, римляне заключили союзы с окружающими их народами: марсами, пелигнами, марруцинами и вестинами, луканами и апулийцами.

Повод к третьей Самнитской войне подали луканы. Самнитяне вновь произвели ряд опустошительных набегов на равнины Лукании и Апулии и завладели в них стадами и жатвой с плодородных полей. В таком бедственном положении луканы обратились за помощью в Рим. Их просьба была принята благосклонно. Но и самнитяне со своей стороны нашли не менее значительных союзников в лице галлов (кельтов), которые по их приглашению вновь вторглись в Италию. Таким образом римские войска вынуждены были разделиться и не могли действовать с надлежащей энергией в самом Самниуме.

Опасность галльского нашествия приближалась с севера. После того, как пропретор Л. Корнелий Сципион Барбат потерпел в Этрурии жестокое поражение, причем был истреблен до последнего человека захваченный врасплох целый легион, в воспоминании народа вновь воскресло страшное представление о галльских ужасах. Римляне напрягли все свои силы. Два консульских войска под командованием Деция и Фабия выступили против неприятеля,

третье находилось при Фалерии под предводительством пропретора Гнея Фуливия и, наконец, четвертое прикрывало Рим. При Сентине, в Умбрии (в 295 г.) консулы сошлись с галлами, с которыми успел соединиться отряд самнитян под командованием Егнатия Геллия. Галльские военные колесницы, которые римляне видели здесь впервые, внесли в их ряды ужас и замешательство. В эту критическую минуту консул П. Деций Мус подобно отцу своему в сражении при Везувии, решился добровольно обречь себя в жертву богам и тем настолько воодушевил поколебавшиеся уже ряды римлян, что они привели неприятельские войска в полное расстройство. Римляне победили, и таким образом нашествие галлов вторично было отражено.

Между тем самнитяне, пользуясь отсутствием римского войска, собрали все свои силы, вторглись в Кампанию и опустошили ее. Однако они не в состоянии были взять римские крепости, в особенности Луцерию. Тем не менее консулы Постумий Мегелл и Атиллий Регул при попытке освободить Луцерию понесли чувствительную потерю. Напротив того, годом позже (293 г.) новые консулы Папирий Курсор и Сп. Карвилий одержали при Аквилонии решительную победу над самнитянами. Но в следующем, 292 году самнитяне в свою очередь одержали значительную победу над консулом Фабием Максимом Гуртом. Тогда отец консула, престарелый К. Фабий испросил разрешения служить под начальством сына в качестве его легата. Самнитяне были разбиты, а их полководец Понций был взят в плен. Фабий вел его в оковах в своем триумфальном шествии, а римляне не сочли недостойным великого народа предать смертной казни Понция, некогда пощадившего их при Кавдии.

Однако и после этой великой потери самнитяне не были покорены, а лишь были отброшены в горы превосходящими силами римлян. Лишь в 290 году консул Маний Курий Дентат сломил их сопротивление решительной победой и принудил к заключению мира. Этот Маний Курий Дентат почитался образцом древне-римской простоты нравов. Самнитские послы, отправленные к нему для ведения переговоров, нашли его занятым приготовлением в горшке кушанья из репы. Когда они предложили Манию золото и серебро, то он ответил им, что не нуждается в них и предпочитает господствовать над людьми, обладающими золотом и серебром.

Аппиева дорога

Заключенный Манием мирный договор вновь утверждал независимость самнитян и восстанавливал, по крайней мере по виду, существовавший с ними когда-то союз. На самом же деле этот храбрый горный народ, в отмщение за нанесенные ему оскорбления, всегда держался вдали от римлян и не пропускал никакого повода, чтобы присоединиться к их врагам. Будучи сильно истощены войнами, самнитяне вынуждены были отказаться от мысли поколебать могущество римского государства одними собственными силами. Римляне же пожали плоды своей непоколебимой настойчивости и неистощимого самопожертвования: они достигли бесспорного владычества над Средней Италией.

14. Война с Тарентом и Пирром.

(282...272 г. до Р. Х.)

С поражением храброго самнитского народа пала последняя преграда, которая препятствовала римлянам распространить свою власть и на южную часть полуострова. Теперь наступила очередь греческих приморских городов: Кротона, Фурий, Локров, Регия и других. Все эти города утопали в роскоши и разврате. Вместо того, чтобы в ожидании весьма вероятного столкновения с римлянами сплотиться между собой, они расточали свои силы в кровавых междоусобных распрях и бурных внутренних раздорах партий. Вследствие этого

города эти, почти неспособные к сопротивлению, неминуемо должны были пасть под напором сильного, стремившегося к завоеваниям римского народа. Под конец такая участь постигла и Тарент, бывший тогда богатейшим и значительнейшим городом Греции. Положение на узкой косе, образовавшей превосходнейшую гавань, благоприятствовало развитию мореплавания и торговли тарентинцы приложили все свои старания и способности, чтобы воспользоваться выгодными природными условиями. У них развилась значительная промышленность по ткацкому производству и по выделке пурпуровой краски, и скоро их город достиг значительного благосостояния. С энергией отбивались тарентинцы от разбойничьих набегов соседей: самнитян, луканов и сиракузских тиранов. Во время самнитских войн они сохраняли нейтралитет тем более, что в их интересах было не допускать полного истощения самнитян. Но когда римляне основали в Венузии поблизости от Тарента свою колонию, то уже не могло быть никаких сомнений в намерениях римских легионов.

Отряды луканов, в надежде на добычу, стали теснить богатый греческий город Фурии. Чтобы избавиться от предстоящей им контрибуции, жители Фурий обратились за помощью к римлянам. Римляне тотчас же отправили в угрожаемый пункт войско под командованием К. Фабриция, отбросили луканов и заняли своим гарнизоном не только Фурии, но и остальные города, за исключением Тарента.

Осенью 282 года перед Тарентом внезапно появилась римская эскадра из десяти военных судов. В этом тарентинцы усмотрели нарушение мира, наглый вызов, одним словом — насилие, значение которого получило еще большую важность, так как этим обстоятельством самым грубым образом нарушалось условие старинного, заключенного еще в 30 году, договора. В силу этого договора ни один римский корабль не имел права заплывать далее Лацинийского мыса. Поэтому нисколько не было удивительно, что частью населения, враждебной римлянам, овладело величайшее раздражение. Она боялась, что город может попасть в руки римлян вследствие предательства расположенной к Риму аристократической партии. Стоявшие в гавани греческие корабли были спешно вооружены, и с римской эскадрой завязалось жаркое сражение. Четыре римских судна были потоплены, а одно захвачено. Предводитель римской эскадры пал в битве, пленные были частью казнены, частью проданы в рабство. Затем тарентинцы напали на римский гарнизон в Фуриях. Гарнизон вынужден был сдаться и был отпущен на волю. Аристократическая партия, дружелюбно расположенная к римлянам, была изгнана, и в городе было установлено демократическое правление.

Римляне тотчас же отправили в Тарент посольство требовать удовлетворения. Кроме вознаграждения за убытки, удовлетворение это должно было заключаться в выдаче предводителей демократической, враждебной римлянам партии. Послов привели в театр для того, чтобы весь народ мог выслушать их требования. Глава посольства, престарелый Постумий, муж, достойный уважения, бывший три раза консулом, собирался уже начать речь, но едва он открыл рот, как народ начал смеяться над его греческим произношением. Затем, при выходе из театра, один скоморох, пользуясь теснотой, подошел к консулу сзади и запачкал его грязью, что снова возбудило всеобщий смех толпы. Но тогда старец грозно воскликнул: «Эта одежда будет вымыта потоками вашей крови!» Затем послы покинули город. Сенат послал приказание консулу К. Эмилию Барбуле, который находился уже с войском в Самниуме, немедленно выступить против Тарента.

По мнению Ине, рассказ о конфликте между римским посольством и народом Тарента, приводимый Плутархом, Аппианом и Дионом Кассием, не заслуживает доверия и скорее всего выдуман, чтобы представить в еще более ярком свете добродетели римлян в сравнении с недостатками выродившихся греков. Тем не менее война между Римом и Тарентом является историческим фактом. Ее развитие происходило следующим образом.

Тарентинцы чувствовали себя слишком слабыми, чтобы отважиться на войну с римлянами. Имевшаяся в виду помощь соседних народов: луканов, бруттиев и самнитян, готовых в любое время выступить против своего заклятого врага — римлян, также представлялась недостаточной. Поэтому тарентинцы обратились за помощью к храброму царю эпирскому — Пирру. И не напрасно. Предложение их как нельзя более отвечало любимой мечте юношески отважного властителя Эпира — основать в союзе с греческими городами Нижней Италии западное греческое царство в Италии и Сицилии. Но Пирру вскоре пришлось убедиться, что он слишком низко оценил военную мощь Рима.

Весной 280 года Пирр высадился на Италийский полуостров с 20.000 тяжеловооруженных воинов, 3.000 всадников, 2.000 легковооруженных стрелков, 500 пращников и 20-ю боевыми слонами. Прибыв в Тарент, он, к крайнему неудовольствию тарентинцев, ввел в нем строгий порядок.

Боевые слоны

Вся молодежь была привлечена к военной службе, гимназии и театры были закрыты, места для прогулок загорожены, заседания народного собрания на время прекращены. Что касается до расчетов Пиррана отпадение от Рима союзников, то в этом отношении его ждало разочарование. Чтобы обеспечить себе верность союзников, римляне заняли гарнизонами все ненадежные города и взяли из них заложников. Таким образом Пирр имел в своем распоряжении лишь собственное войско и вспомогательные отряды Тарента.

Между тем против Пирра уже выступил римский консул П. Валерий Левин с двумя римскими и двумя союзными легионами силой около 25.000 человек. При Гераклее на реке Сирисе впервые столкнулись македонская фаланга и римский боевой строй. Семь раз пытались римляне прорвать фалангу, стоявшую незыблемо, как стена, но все было тщетно. Но вот пал Мегакл, один из лучших полководцев Пирра, который носил его оружие. Войско вообразило, что пал сам царь, ряды поколебались, и консул Левин, думая, что он одерживает уже победу, стремительно направил всю свою конницу на фланги неприятеля. Но Пирр с непокрытой головой объехал ряды пехоты и вновь вдохнул мужество в свои войска. Против римской конницы были направлены стоявшие до сих пор позади слоны с башнями на спинах, в которых помещались воины. Лошади испугались слонов, воины, не ожидавшие появления мощных животных, обратились в бегство. Превосходная фессалийская конница Пирра, преследуя бегущих, устроила кровопролитнейшую резню. Римское войско было бы полностью уничтожено, если бы римский воин Гай Муниций не ранил одного слона и не внес тем замешательство в войска Пирра. Только благодаря этой задержке остаткам римского войска удалось отступить за Сирис. Победа при Гераклее в глазах итальянских греков окружила личность эпирского героя ореолом могущества. Теперь Тарент охотнее, чем прежде, давал средства, необходимые для ведения войны. Толпы бруттиев, луканов и самнитян спешили под победоносные знамена Пирра. Но потери царя также были весьма значительны и трудно вознаградимы. Неустрашимая храбрость римлян произвела на него такое глубокое впечатление, что теперь он думал только о том, чтобы поскорее закончить войну. С этой целью он вступил в переговоры, для чего отправил в Рим с мирными предложениями своего советника, фессалийца Киней, человека с умом и характером, бывшего ученика Демосфена. Киней старался взятыми с собой богатыми подарками расположить в свою пользу влиятельных в Риме мужей и женщин, но ни в ком не встретил сочувствия. В те времена в Риме простота нравов, умеренность в потребностях и неподкупность считались еще такими высокими добродетелями, что один сенатор был изгнан из сената за то, что имел в своем доме десять фунтов серебряных вещей. Тщетно изливал Киней свое необыкновенное красноречие в римском сенате — большая часть сенаторов ничего и слышать не хотела о соглашении и мире. Однако некоторые из сенаторов

считали положение вещей весьма опасным и находили выгодными предложения Пирра, который соглашался удовольствоваться тем, чтобы за греческими городами в Италии была восстановлена и признана их прежняя свобода. Но лишь только они высказали такое мнение, как поднялся престарелый сенатор Аппий Клавдий, прозванный Кеком, то есть слепым, который давно уже не участвовал в заседаниях сената вследствие своей слабости и слепоты. На этот раз он приказал рабам своим принести себя в сенат на носилках. «До сих пор, — вскричал он, — я сожалел о потере зрения. Теперь же я желал бы еще стать и глухим, чтобы не слышать недостойных советов, внушаемых вашим малодушием! Как вы, которые хвастались, что разобьете в прах великого Александра, если бы он пришел в Италию, трепещете теперь перед Пирром, который во всю свою жизнь не смел мечтать ни о чем большем, как быть оруженосцем одного из телохранителей Александра?»

Когда Аппий Клавдий кончил свою речь, консулы отпустили послов со следующим решением: мирные переговоры могут быть начаты только после того, как Пирр удалится из Италии.

Киней по возвращении своем не мог описать Пирру всего своего изумления: «Этот сенат, — говорил он, — показался мне советом царей, народ же настолько готов к войне, что консул снова уже собрал вдвое больше войска, чем было у него до битвы».

Пирр не принял предложения римлян и вторгся со своим войском в Кампанию. Но ему не удалось овладеть укрепленными городами Капуей и Неаполем. Тогда он направился на север, взял Фрегеллы и дошел до Анагнии. Но здесь Пирр нигде не встретил сочувственного приема, и так как положение его среди неприятельской страны становилось все труднее и труднее, то он возвратился в Тарент, чтобы расположиться здесь на зимних квартирах. Сюда римляне отправили посольство для переговоров о выкупе пленных. Главой посольства был Гай Фабриций. Еще прежде Киней изобразил его царю, как мужа, который, несмотря на величайшую бедность, пользуется у римлян величайшим уважением за свою честность и храбрость. Пирр обошелся с ним дружелюбно и просил его принять богатый подарок, как знак высокого к нему уважения и гостеприимства. Фабриций наотрез отказался от подарка. На следующий день Пирр захотел испытать его присутствие духа. Прежде чем принять его, он приказал спрятать за занавесью самого большого из своих слонов, животное, какого Фабриций никогда еще не видывал. По окончании переговоров царь дал знак, занавес отдернули, и слон с ужасным ревом поднял свой хобот над головой римлянина. Пирр с любопытством наблюдал за выражением лица Фабриция. Но посол усмехнулся и, сохраняя полнейшую невозмутимость, сказал царю: «Как вчера деньги твои не прельстили меня, так сегодня не пугает меня твой слон».

Пирр пытался еще несколько раз уговорить великого мужа остаться у него в качестве друга и первого полководца, но тщетно. Чтобы произвести на римлян благоприятное впечатление, Пирр позволил всем римским пленным отправиться в Рим на предстоявшее большое празднество сатурналий и провести их там весело со своими, но по окончании празднества они должны были вернуться в лагерь. Они отправились и пришли назад к назначенному сроку, так как сенат грозил смертной казнью тому, кто останется.

Старания придти к мирному соглашению не увенчались успехом, и обе стороны стали готовиться к новой схватке. Весной следующего, 279 года, произошло второе большое сражение при Аскулуме, в Апулии. Пирр снова одержал победу. Но потери его были столь огромны, что в конце битвы он воскликнул:

«Еще одна такая победа, и мы погибли!»

Положение Пирра было тем более ясно ему, что он чувствовал, что силы его истощаются, тогда как сила сопротивления Рима растет с каждым днем. Поэтому Пирр охотно откликнулся на приглашение сиракузцев помочь им в борьбе с карфагенянами, сильно теснившими их со времени смерти Агафокла. Он поспешно заключил перемирие с римлянами, которые охотно пошли на него, чтобы избавиться от опасности, угрожавшей

стране.

Оставив эпирские гарнизоны один под начальством Милона в Таренте, а другой под начальством своего сына Александра в Локрах, Пирр поспешил в Сицилию и в короткое время освободил от карфагенян весь остров, за исключением городов Лилибея и Мессаны. При штурме Лилибея силы его истощились, а восторженное воодушевление греков, с которым они приветствовали его как избавителя, превратилось в неудовольствие и жалобы на его суровое с ними обращение. Поэтому вновь призванный тарентинцами на помощь, Пирр воспользовался этим благовидным предлогом, чтобы покинуть неблагодарных. Между тем в Нижней Италии римляне вновь овладели греческими городами Кротон и Локрами, и только Регий и Тарент сохраняли независимость.

Таково было положение дел, когда Пирр осенью 276 года отплыл из Сиракуз с новым флотом. Плавание не обошлось без потерь. Карфагеняне напали на Пирра, и он потерял много кораблей. И мамертинцы, наемники сабелльского происхождения, завладевшие Мессаной, также старались преградить ему путь. Несмотря на это, Пирр сумел пробиться сквозь них и достиг Тарента. Но здесь все изменилось. Прежнее общее воодушевление исчезло. Только по принуждению последовали за Пирром самнитские и кампанийские наемники и силой набранные греки, которыми с трудом удалось пополнить собранные им незначительные остатки эпирского войска.

Весть о возвращении царя Пирра посеяла в Риме панический ужас. Лишь с помощью насильственных мер сенату удалось принудить к военной службе оробевших граждан, трепетавших при мысли о столкновении со страшными боевыми слонами. Были созданы два консульских войска. Одним командовал Л. Корнелий Лентул, другим — знаменитый Маний Курий Дентат. Маний встретился с главными силами неприятеля при Беневенте в 275 году. Консул решил дожидаться прибытия своего сотоварища и, в ожидании его, укрепился на возвышенности. Но Пирр, поставив слонов в переднюю линию, приказал войскам своим идти на приступ. Римляне выжидали неприятеля в надежной позиции и стали бросать в слонов зажигательные стрелы, обернутые паклей, вымазанные дегтем и снабженные зазубренными остроконечиями. Слоны испугались, повернули назад, начали топтать своих и произвели этим величайшее замешательство, войско, состоявшее из самых надежных воинов, пришло в совершенное расстройство, и Пирр потерпел полное поражение. Курий удостоился за это блистательного триумфа, при котором, в качестве трофеев, следовали четыре боевых слона.

Пирр не мог больше оставаться в Италии. При недостатке средств для ведения войны и хорошо обученных войск борьба была бы неравной. Что же другое оставалось ему делать, как не покинуть страну со всевозможной поспешностью, чтобы избежать окончательной катастрофы? Он отплыл с 8.000 пехоты и 500 всадников в свое отечество, оставив в Таренте гарнизон под начальством Милона и своего сына Гелена.

Но беспокойный дух увлек Пирра в новые предприятия. Он вознамерился овладеть престолом Македонии, для чего объявил войну внуку Александра Македонского Антигону Гонату. Вначале война проходила удачно для Пирра, но при штурме Аргоса он был внезапно убит черепицей, брошенной ему в пылу боя в голову одной женщиной.

Покинутая Пирром беззащитная Нижняя Италия стала добычей римлян. Прежде всего были наказаны сабелльские племена. Для удержания их в повиновении и для сохранения порядка в стране их были основаны колонии в виде наблюдательных крепостей. Затем были заняты греческие города, в первую очередь приморские с целью основания в них будущего морского могущества Рима. Римляне уже знали по опыту, что покорение таких городов, как, например, Тарент немислимо без флота. Карфагеняне изъявили готовность оказать римлянам содействие в этом деле, тайно замысливая вырвать у них впоследствии добычу из рук. Демократическая партия в Таренте во избежание мести со стороны римлян, вероятно, предпочла бы сдать город карфагенянам. Но Милон, который потерял всякую надежду на вознаграждение и господствовал над городом из укрепленного замка, сдался римлянам на предложенных ими весьма выгодных условиях. Он получил право свободного выхода с

оружием в руках с сохранением всей своей добычи. В 272 году Тарент был занят римским гарнизоном. Вскоре после этого пал и Регий, занятый одним восставшим римским легионом и разбойничьими шайками из окрестных племен. Город был взят приступом, большая часть мятежников была казнена на месте, а 300 человек были отведены в цепях в Рим, и здесь, чтобы отбить у союзников на будущее всякую охоту к отпадению, их наказали плетью и обезглавили.

Блеск греческих городов в Нижней Италии исчез навсегда, несмотря на то, что они сохранили за собой свое местное самоуправление, свой суд, язык, нравы и были обязаны лишь воинской повинностью, преимущественно поставкой и вооружением военных кораблей. Но зато с этого времени вследствие оживленных сношений, греческий дух стал оказывать глубоко проникающее влияние на религию, нравы и литературу римлян. Новые боги, как, например, бог-целитель Асклепий (Эскулап) и бог света Аполлон, были включены в сонм национальных божеств: Юпитера, Юноны и Минервы. Прежняя стодушная вера высших классов! населения была поколеблена под влиянием переселившихся греческих вольнодумцев и атеистов. Греческие и восточные чародеи, заклинатели и прорицатели развили в народе склонность к суеверию. Простота в нравах, жилище, одежде, пище и платье была вытеснена вследствие сближения с греками, их утонченным и роскошным образом жизни. Рядом с земледелием и скотоводством, занятиями, определявшими простоту старых римских нравов и еще долгое время считавшимися у римлян почетными, расцвели принесенные извне ремесла и торговля.

Бог-целитель Асклепий

У греков римляне научились пользоваться в торговых сделках чеканной серебряной монетой вместо тяжеловесной кованой медной. Напротив того, греческие искусства не успели еще проложить себе в это время дорогу в Рим и потребовался определенный исторический период для того, чтобы оправдались слова римского поэта Горация: «Побежденная Греция завладела диким победителем и пересадила науки и искусства в деревенский Лациум».

Военное искусство, благодаря знакомству с греческой тактикой во время войны с Пирром, достигло более высокой степени совершенства. Но настоящей стратегии, то есть искусству ведения войны, которое учит находить пункты, удобные для нападения и обороны, собирать и направлять войсковые массы, планировать продолжительные и отдаленные походы и согласовывать свои действия с действиями товарищей — этому римляне научились во время второй Пунической войны, в школе далеко превосходившего их в этом отношении противника — Ганнибала.

Теперь Рим властвовал над всей Италией вплоть до Сицилийского пролива и старался упрочить свою власть переселением латинских граждан большими массами во вновь приобретенные области. Мера эта должна была вести к полному перерождению жителей присоединенных областей в римлян. Население римской республики по степени политических прав распадалось на два главных класса. К первому принадлежали граждане, притом безразлично, состояли ли они из постоянных жителей Рима или были переселены в колонии, или же в качестве жителей муниципий были лишены высших почетных политических прав и составляли особенное сословие подданных. Только постоянные полноправные граждане Рима пользовались своими высшими почетными правами. Они имели право выбора и право быть избранными. Из них выбирался сенат, определявший внешнюю политику, из них выбирались должностные лица, которые собирали государственные доходы и распределяли государственные повинности. Они составляли в своих собраниях (комициях) законы, обязательные к исполнению на всем пространстве государства. Ко второму классу принадлежали союзники, например, латины в Тибуре и Пренесте и греческие города в Нижней Италии. Они имели свое собственное управление, но

находились в неразрывной договорной зависимости от Рима, которому в случае войны обязаны были поставлять войска, корабли, деньги и съестные припасы.

15. Первая пуническая война.

(264...241 г. до Р. Х.).

а) Карфаген и Рим.

На все предшествовавшие военные подвиги римлян следует смотреть лишь как на предварительные упражнения в перспективе жестокой борьбы, которую предстояло выдержать Риму с его соперником, богатым и могущественным городом на северо-африканском берегу, Карфагеном, властителем Средиземного моря и его прибрежий. Эта борьба представляет увлекательное и в то же время потрясающее зрелище, если учесть громадность вызванных ею материальных и духовных сил, глубокое падение побежденной стороны и важные последствия для победителя.

План Карфагена

Город Карфаген был расположен на плодородной, возвышенной, покрытой оливковыми и апельсиновыми деревьями местности, которая отлого понижается по направлению к равнине, а в море круто обрывается, образуя род мыса. На самой возвышенной части этой местности находился укрепленный замок Бирса. Находясь впереди Тунского (ныне Тунисского) залива, обладая прекрасной гаванью, в изобилии снабженной ключевой водой, как бы самой природой созданный для торговли, Карфаген с помощью своего деятельного населения подчинил своей власти соседей: Утику, Гадрумет, Гиппон и др. Затем с помощью колоний и торговых сношений он распространил свое владычество в богатой серебром Испании, на острова Сардинию, Корсику, Сицилию и Мальту. Предметами его торговли были рабы, слоновая кость, золото, серебро, воск, различные ткани, вино и масло.

Правление в Карфагене было аристократическое. Важнейшие государственные должности находились в руках богатых фамилий: Магонов, Ганненен Гамилькаров и др. Два, избираемых на один год царя («суффеты», то есть судьи) стояли во главе правления, но высшая власть принадлежала совету старейшин, то есть сенату, состоявшему из 30 членов, главный же надзор над ними обоими принадлежал так называемому «совету ста четырех». При разногласии этих четырех правительственных властей дела решались народным собранием, которому, кроме того, принадлежало право утверждать предлагаемых советом должностных лиц и военачальников. Население по своему имущественному положению разделялось на два класса — не имевшую никакой собственности городскую чернь и плутократию, то есть богатые фамилии оптовых торговцев, владельцев плантаций и знатных наместников, которые управляли принадлежавшими государству областями в качестве откупщиков. Управление политикой находилось исключительно в руках знатных фамилий, народ же не имел на нее почти никакого влияния. Войско состояло преимущественно из наемников и находилось под командованием карфагенских предводителей. Карфагенский флот насчитывал более 300 кораблей.

Религия в Карфагене была та же, что и в Финикии, и при поклонении Молоху карфагеняне приносили даже человеческие жертвы. В народном характере дурные черты далеко превосходили хорошие. Рядом с неутомимым трудолюбием наблюдался мелочный торгашеский дух и низкая алчность, наряду с патриотической самоотверженностью присутствовали эгоистический партийный дух, жестокость и слепая расовая ненависть к

другим народам, в особенности к грекам и римлянам.

Развалины водопровода в Карфагене

При равенстве в политической мудрости, воинской храбрости и патриотической самоотверженности, чему мы имеем множество блистательных примеров, карфагенское государство все-таки не доросло до римского. Ему не хватало устойчивой, прочной внутренней силы, вытекающей из однородности населения. Ибо в то самое время, как римляне, имея одно общее происхождение, сходились между собой в образе жизни, политических воззрениях и религиозных обычаях, карфагеняне, будучи финикийскими переселенцами, сильно отличались от подвластных им ливийцев и были чужды им. По этой причине ливийцы, хотя и располагали личной свободой, все же находились в подавленном, удрученном положении и всегда были готовы в критическую минуту перейти на сторону неприятеля Карфагена. Карфагеняне не составляли со своими союзниками и подданными одного целого организма, не слились в один народ, но являлись лишь господствующим народом среди всех этих разноплеменных народностей. К этой национальной слабости присоединялась еще и другая, заключавшаяся в географическом положении. В то время как Италия представляла собой одну сплошную территорию, пространство, достаточное для более многочисленного населения, владения Карфагена не были округлены, и не считая длинной полосы земли, протянувшейся по северо-африканскому берегу, заключали в себе колонии, разбросанные в Сицилии, Сардинии, Мальте, на Балеарских островах и в Испании. Таким образом, мы находим у римлян однородное, дружно сплотившееся государство, а у карфагенян, вследствие разнородности составных элементов, государство, не связанное единством и потому подверженное опасностям и не имевшее достаточно сил устоять против тяжелых испытаний.

б) Борьба в Сицилии.

(279...262 г. до Р. Х.).

Внешне, официально Карфаген находился с Римом в дружеских отношениях. Но несмотря на заключенный в 509 году между обоими государствами торговый договор и на наступательный и оборонительный союз, заключенный в 279 году и направленный главным образом против Пирра, между обоими народами существовало глубочайшее недоверие. Недоверие это, после того как очередь дошла до разрешения вопроса об обладании Сицилией, привело под конец к ожесточенной войне. После покорения Италии у римлян вполне естественно возникла мысль утвердиться в Сицилии. Этот прекрасный остров уже с давних пор является ареной страшнейших политических беспорядков. Скоро нашелся предлог вмешаться в эти смуты и, само собой разумеется, с той целью, чтобы вызвать столкновение с карфагенянами, которые уже привыкли смотреть на этот остров, как на свою верную добычу. Непосредственным же поводом к первому столкновению между Карфагеном и Римом было следующее. Во время происходивших в Сицилии замешательств отпущенные Агафоклом наемные войска сабелльского происхождения, возвращаясь на родину, овладели Мессаной. Эти наемники назывались мамертинцами, то есть сынами Марса. Они с варварской жестокостью стали распоряжаться в городе. Преемник Агафокла Гиерон осадил их и, наверное, принудил бы к сдаче, если бы карфагеняне не пришли к ним на помощь. Карфагеняне заняли замок своим гарнизоном, вследствие чего Гиерон вынужден был снять осаду. Римлянам, которые после завоевания Нижней Италии благодаря итальянскому городу Регию господствовали над Сицилийским проливом, было крайне неприятно, что лежащая против Регию Мессана досталась в руки первого торгового в тогдашнем мире народа.

Поэтому римляне с удовлетворением узнали о том, что мамертинцы ищут посторонней помощи против этих новых властителей. Как только мамертин-ские послы явились в Рим, им под видом бескорыстной готовности помочь, было обещано немедленное содействие. Консул Аппий Клавдий Кавдекс в 264 г. переправился через пролив, разбил сперва карфагенян, затем взял Мессану, потом обратился против сиракузцев, разбил и их, разрушил многие крепости, оставил в Мессане гарнизон и, обремененный богатой добычей, возвратился в Рим, чтобы отпраздновать там свой триумф.

Эта удача римлян соединила на некоторое время карфагенян и сиракузцев для совместных действий.

Трирема

Но когда в последующем 263 году в Сицилию были отправлены оба консула с двумя войсками, составлявшими вместе 4 легиона общей численностью в 36.000 человек, то остров объял такой ужас, что в самое короткое время 67 городов Сицилии покорились римлянам добровольно. Тогда Гиерон понял, что совершил политическую ошибку, вступив в союз с Карфагеном, и что давно надо было приобрести себе друга в опасном соседе. Он сделал римлянам предложение вступить в переговоры. Те охотно приняли его, так как для них было выгодно разрушить союз между Карфагеном и Гиероном, иметь в последнем союзника и таким образом получить под свою власть богатые вспомогательные источники острова. Римляне заключили с Гиероном договор на пятнадцать лет. Гиерон обязывался выдать военнопленных, заплатить сумму в 100 талантов и стать римским союзником. Его верным услугам римляне были обязаны большей частью своих успехов во все время этой продолжительной войны, тяжело отзывавшейся на Сицилии. Гиерон никогда не переставал снабжать римлян всевозможного рода запасами, в особенности продовольствием.

Теперь карфагеняне вынуждены были приступить к значительным вооружениям. Главный их предводитель Ганнибал, которого не следует путать со знаменитым Ганнибалом, сыном Гамилькара Барки, героем второй Пунической войны, избрал опорным пунктом сильно укрепленный Агригент, расположенный на высокой крутой скале и считавшийся неприступным. Консулы 262 года Постумий Мегелл и Мамилий Витул явились с войсками под стены этого города. Семь месяцев продолжалась осада, во время которой и осаждавшие, и осажденные терпели лишения из-за недостатка продовольствия. Между тем, явившееся на помощь городу карфагенское войско под командованием Ганнона заняло позицию вблизи римлян и вступило с ними в битву. Римляне одержали блестящую победу. Однако карфагенскому гарнизону удалось в следующую ночь выйти из Агригента и счастливо уйти от неприятеля. Все несчастные жители города были проданы в рабство, город же был предан разрушению и разграблению.

в) Морская победа Дуилия при Милах.

Несмотря на одержанные успехи, становилось все очевиднее, что без флота борьба римлян с господствовавшим на море Карфагеном не может привести ни к какому решительному результату. Приморские города и вся прибрежная область подвергались постоянным нападениям карфагенян. Где только они ни высаживались, везде грабили города, разрушали строения, уничтожали посевы и уводили людей в рабство. Чтобы надежно защитить римскую территорию от этой опасности, следовало с гораздо большим рвением заняться созданием военно-морских сил, чем это делалось до сих пор. Задача была блестяще выполнена. Греческий историк Полибий сообщает удивительный факт, как по образцу выброшенной на берег карфагенской пентеры (пятивесельного судна) за 60 дней римляне построили и вооружили флот и 20 военных кораблей с расположенными в два ряда один над

другим скамейками для пяти гребцов на каждой. Однако Ине не без оснований сомневается в возможности выполнения такого дела при тогдашних обстоятельствах. Для этого необходимы были обширные корабельные верфи и масса искусных работников — условия, которых не было в Риме. Равным образом представляется невероятным, чтобы за два месяца можно было как следует вооружить такой флот и найти необходимых для него начальников. Скорее всего в постройке флота участвовали главным образом этруски и греки. Предположение же, что это был первый флот, построенный римлянами, является совершенно ложным. Хорошо известно, что со времени завоевания Анциума Рим обладал давно уже знаменитой гаванью и кораблями, и что появление римской флотилии перед Тарентом послужило поводом к войне с этим городом.

Первое столкновение с неприятелем на море кончилось плачевно. Консул Корнелий Сципион с эскадрой в 7 кораблей вошел в гавань небольшого острова Липары, но был окружен здесь карфагенским флотом и принужден сдаться со всем экипажем, за что получил насмешливое прозвище Азина — ослица. Однако неудача эта вскоре была заглажена Г. Дуилием. Неожиданно напав на шедшего к нему навстречу карфагенского адмирала Ганнибала, он отнял у него много кораблей и затем вошел в гавань Мессаны. При Милах оба неприятельские флота вступили в решительное сражение. Хотя карфагенские корабли по своей скорости и по способностям своих предводителей и экипажей, превосходили римлян, римляне компенсировали свой недостаток в опыте морского боя изобретением остроумного приспособления — абордажного моста. Устройство его было следующее: на носу корабля к 24 футовой мачте, на высоте 2 футов над палубой приделывалась лестница 36 футов длиной с поперечными досками вместо ступеней таким образом, что она могла поворачиваться вверх, вниз и в разные стороны. Поднимание и опускание лестницы производилось с помощью каната, проведенного от конца лестницы через верхушку мачты с установленным на ней блоком и оттуда вниз на палубу. Лестница имела два борта для предохранения от падения и метательных орудий и была настолько широка, что по ней могли двигаться рядом два солдата. На конце лестницы имелся загнутый вниз острый железный крюк. Как только неприятельский корабль оказывался в пределах досягаемости абордажного моста, достаточно было отпустить канат, которым он удерживался в вертикальном положении и мост обрушивался на неприятельскую палубу, крепко впинаясь в нее мощным крюком. Тогда солдаты бросались вниз по мосту на неприятельский корабль и брали его на абордаж. Таким образом существовавшая до того времени тактика, по которой старались подойти к неприятельскому кораблю с борта и затем изо всей силы ударить в него приделанным к подводной части носа железным копьём или «клювом», и сделав в нем пробоину, пустить ко дну, была оставлена. Теперь, собственно говоря, сражались не корабль против корабля, а человек с человеком, так что морской бой превращался как бы в сражение на твердой земле. Абордажный мост оказался блестящим изобретением.

Ростральная колонна Дуилия

Благодаря ему было взято римлянами на абордаж пятьдесят карфагенских кораблей и большое количество пленных. Сам неприятельский адмирал Ганнибал с трудом спасся и вынужден был бросить на произвол судьбы свой великолепный корабль. Велико было ликование римлян по поводу этой победы. Дуилий первый удостоился морского триумфа, в котором несли носы захваченных им вражеских кораблей. В честь Дуилия была воздвигнута на форуме мраморная колонна, украшенная корабельными носами. Ему была предоставлена еще одна почесть, о которой Катон у Цицерона рассказывает следующее: «В детстве моем я часто видел престарелого Дуилия возвращающимся домой в сопровождении факелоносца и флейтиста, а это не было дозволено ни одному частному человеку: какую необычайную привилегию доставила ему слава!»

г) Регул в Африке.

В следующем, 259 году война была перенесена на острова Сардинию и Корсику, но не привела ни к каким особенно важным последствиям. Тогда римляне приняли смелое решение перенести войну в Африку. Это решение было следствием второй блестящей морской победы, одержанной в 256 году консулом Атилием Регулом при Экноме, на западном берегу Сицилии. Имея в своем распоряжении 330 военных кораблей с 40.000 человек экипажа, он разбил карфагенский флот, состоявший из 340 кораблей.

Когда в первый раз было произнесено слово о походе в Африку, среди римских солдат поднялся ропот. Один легионерный трибун обратился даже к консулу Регулу и в резких словах выразил нежелание исполнить его приказание. Но Регул, человек суровый и жесткий, тотчас велел ликторам выступить с топорами вперед и затем спросил трибуна угрожающим тоном, желает ли он ему повиноваться. После такого урока отплытие произошло беспрекословно.

Римляне высадились на Гермейском мысу и нашли там плодородную, прекрасно возделанную землю.

Атилий Регул

Карфагеняне, с необыкновенной любовью занимавшиеся земледелием, сумели с помощью обширной оросительной системы обратить сухую от природы почву в роскошный сад. Многочисленные селения и города, роскошные загородные дома манили к себе хищных неприятелей, которые, грабя и опустошая все на пути своем огнем и мечом, рассеялись по всем полям и тем отомстили карфагенянам за их разбойничьи набеги на итальянские берега. Ровная страна и открытые города не могли защищаться против римских легионов. Карфагенянам пришлось напрячь все силы, чтобы защитить столицу от угрожавшего ей нападения. Регул беспрепятственно дошел до Тунета, находившегося поблизости от Карфагена. Карфагеняне готовы уже были заключить мир с римлянами, но вынуждены были отказаться вследствие тяжелых условий, выдвинутых Регулом. Он потребовал от карфагенян, чтобы они отказались от Сицилии, выплатили денежную пеню, выдали флот и т.д. Переговоры о мире были прекращены. Во время всеобщего отчаяния, овладевшего в это время Карфагеном, спасителем явился находившийся на службе у карфагенян предводитель наемных войск — спартанец Ксантипп. Он объяснил карфагенянам, что они не умеют использовать боевые возможности нумидийской конницы и слонов и что с этой целью они должны выманить Регула на открытую, ровную местность. Ксантиппу было предоставлено главное командование над войском, и он, благодаря правильному применению конницы и слонов, действительно совершенно разбил Регула при Тунете в 255 г. Из-за того, что Регул слишком оторвался от начального пункта своей операционной линии — укрепленной им Клипеи, поражение его сопровождалось истреблением почти всего войска. Только около 2000 человек успело спастись в Клипее, 500 же человек и в их числе сам Регул были взяты в плен.

Для охранения остатков войска и собранной в Клипее добычи, римский флот подошел к Гермейскому мысу. Здесь он одержал победу над карфагенским флотом, но на обратном пути был застигнут сильной бурей, от которой из 360 кораблей спаслось только 80. Вторичная попытка римлян утвердиться в Африке также закончилась плачевно. Корабли сели на мель и лишь с величайшим трудом сумели с нее сняться. На обратном же пути у Луканийских берегов их настигла страшная буря, от которой погибло 150 кораблей.

д) Продолжение борьбы в Сицилии. Гамилькар Барка.

Эта двойная неудача на море побудила римлян на время отказаться от всяких дальнейших предприятий на море и ограничиться одной сухопутной войной.

Вследствие этого театром военных действий снова стала несчастная Сицилия. Карфагеняне, несмотря на героические усилия их полководца Гамилькара (которого не следует путать с другим Гамилькаром, отцом Ганнибала) все более оттеснялись римлянами к западному побережью острова. Агригент и Панорм были ими потеряны, и они держались еще только в Лилибее и Дрепане. Затем проконсул Цецилий Метелл одержал блестящую победу над Газдрубалом (его не следует путать с братом знаменитого Ганнибала) при Панорме в 250 году. Число убитых и захваченных в плен боевых слонов доходило до 20. Слоны были с триумфом приведены в Рим, и здесь, в цирке, затравлены насмерть.

После этого чувствительного поражения карфагеняне начали мирные переговоры, они хотели по крайней мере добиться обмена пленными. Карфагеняне рассчитывали легче добиться цели, если с ходатайством об этом предложении будет послан находившийся в плену Регул. Перед отъездом он дал клятву, что, если не исполнит поручения, то вернется в Карфаген. Но Регул, прибыв в Рим и явившись на собрание сената, выступил и против заключения мира, и против обмена пленными, так как это было выгодно только карфагенянам. Уговоры сограждан остаться в Риме остались безуспешны. Верный своей клятве, Регул вернулся в Карфаген, хотя хорошо знал, что его там ждет жестокое наказание. По свидетельству Диода Кассия, Аппиана, Ливия, Цицерона и других, Регул был подвергнут самым мучительным истязаниям, какие только можно было придумать, и замучен до смерти. Чтобы держать его в непрерывном страхе, его заперли в одном помещении со слоном, потом обрезали веки и выставили на самый зной африканского солнца. Наконец, посадили в ящик, утыканный изнутри острыми гвоздями и таким образом медленно мучили его до самой смерти. В отплату за это римский сенат выдал двух благородных карфагенских пленников Бостара и Гамилькара вдове и сыну Регула, а те посадили пленников в тесную тюрьму и держали в течение многих дней без пищи. Когда Бостар умер от голода, то разлагающийся труп его был оставлен при пережившем его Гамилькаре в качестве скудной пищи для поддержания его существования. Наконец, один раб донес об этом бесчеловечном поступке сенату, и сенат немедленно запретил такую жестокость.

Следует сказать, что обо всей этой истории ничего не было известно достовернейшему свидетелю Полибию, вследствие чего есть все основания считать ее выдумкой, исходящей от семейства Регула. Не подлежит сомнению, что оба пленные карфагенянина были действительно выданы семейству Регула для того, чтобы его можно было выменять на них. Но Регул должно быть, умер в плену, не дождавшись обмена. Предполагая, что он умер от пыток, вдова отомстила за него истязаниями обоим пленникам, а родственники в их оправдание придумали рассказ об истязаниях Регула.

Переговоры не привели ни к какому соглашению. Это произошло, без сомнения, вследствие дальнейших действий римлян. Борьба велась главным образом за обладание двумя важными пунктами, Лилибеей и Дрепаном, на острове Сицилия. Осада Лилибеи была безуспешной. Защитник этого города Гамилькон сделал смелую вылазку и сжег римские осадные машины. До тех пор, пока карфагенский флот под командованием Адгербала находился на море у Дрепана и снабжал провиантом осажденных в Лилибее, нечего было и надеяться на взятие этого города. Поэтому римляне вновь соорудили флот. Во главе его был поставлен Клавдий Пульхр, сын Кека, избранный консулом на 249 год. Но вследствие своей неопытности и неумения, вновь набранных гребцов, а также неповоротливости судов, Клавдий Пульхр проиграл морское сражение Адгербалу при Дрепане. Из 210 кораблей только 30 избежали истребления или захвата в плен. 93 корабля со своими экипажами достались в руки победителя, а остальные были потоплены или выброшены на берег. Позднейшие историки истолковывали это поражение, как наказание богов за то, что Клавдий утром в день битвы, когда пуларий (хранитель священных петухов) объявил, что они хотят клевать, позволил себе высказать преступную фразу: «Брось их в море, чтобы они могли по

крайней мере напиться.»

Его сотоварищ, Л. Юний Пулл, выступив с транспортным флотом из 800 судов, сопровождаемых 120 военными кораблями, из Сиракуз в Лилибеи для оказания помощи осажденному его войску, также потерпел неудачу. Карфагенский адмирал Карфалон напал на него и потопил 17 кораблей и 50 транспортных судов. Поднявшаяся буря довершила истребление остального флота. Из транспортных судов не уцелело ни одно, а из военных кораблей спаслось только два.

Но никакое несчастье, как бы велико оно ни было, не могло сделать римлян малодушными. Консул Юний тотчас же возобновил наступательные действия и занял важный пункт — гору Эрике, на которой находился храм Венеры. Однако в 244 году эта укрепленная гора попала в руки новому полководцу, Гамилькару, прозванному «Барка» (то есть молния). Гамилькар Барка, утвердившись в расположенной на скале неприступной крепости Эркте близ Панорма, в течение многих лет беспокоил оттуда римлян своими молниеносными вылазками. Он производил свои набеги и на море, и на суше, распространил их до берегов Бруция и Лукании, уничтожил сообщения римлян и затруднил им доставку продовольствия войскам.

е) Сражение при Эгатских островах. Сицилия — первая римская провинция.

Тяжелым гнетом отзывалась война на римлянах и их союзниках. Вследствие необходимости поставлять в войска всякого рода запасы, они были ослаблены до истощения, торговля в приморских городах была уничтожена разбойничьими набегами Гамилькара. Осада городов Лилибеи и Дрепана продолжалась без всякого успеха, так как они в изобилии снабжались провиантом со стороны моря. Гамилькар со своими наемниками смело и успешно сражался против римских легионов. Тогда в Риме напрягли все усилия для нанесения последнего, решительного удара. Решено было прибегнуть к средству, которым до тех пор ни разу еще не пользовались. Так как финансы государства были настолько расстроены, что пришлось прибегнуть к понижению пробы звонкой монеты, то наиболее зажиточные граждане были привлечены, по примеру афинских триерархов, к постройке и вооружению кораблей. Таким образом удалось создать новый флот из 200 кораблей. Командующим был назначен консул Л. Лутаций Катул. Катул расположился у Дрепана и ожидал здесь карфагенский флот, который должен был привезти осажденным припасы. В ожидании его прихода Лутаций употребил время на то, чтобы обучить экипажи судов маневрам на веслах и освоиться в местных водах. В марте 241 года произошло решительное сражение. Показался значительный по силе карфагенский флот. Лутаций Катул преградил ему путь и вынудил вступить в бой при Эгатских островах. В самом начале боя Катул был ранен и вынужден был передать командование флотом претору Валерию Фалто. Все искусство командующего карфагенским флотом Ганнона, имевшего под своим начальством в основном наемников, было не в состоянии преодолеть самоотверженного мужества римских граждан, которые сражались за свое отечество. Победа была полной. 50 карфагенских кораблей было потоплено, 70 вместе с экипажем, состоявшим почти из 10.000 человек, взято в плен. Эта победа, доставив римлянам господство на море, делала положение Гамилькара в Сицилии непрочным. Поэтому он сам посоветовал своим соотечественникам заключить мир с Римом. Доведенный до истощения и пришедший в малодушие Карфаген решил заключить мир на следующих условиях: Сицилия с прилежащими к ней меньшими островами должна быть очищена, против Гиерона карфагеняне не имели права вести войны, все римские пленные должны быть освобождены без выкупа. Кроме того Карфаген обязывался уплатить 2.200 талантов военного вознаграждения в течение 20 лет. Сенат утвердил этот мирный договор, но с тем лишь изменением, что военное вознаграждение было увеличено на 1000 талантов.

Таким образом прекрасный остров, являвшийся столь долгое время яблоком раздора

между греками и пунами (карфагенянами), стал в конце концов добычей третьего народа, который лишь с недавнего времени, только после победы над Пирром приобрел выходявшее за пределы его территории политическое значение. По римскому определению, Сицилия сделалась первой провинцией, то есть первой завоеванной вне Италии и присоединенной к римской территории областью. Сделавшись провинцией, она сохранила, однако, свое прежнее государственное устройство и все особенные местные учреждения настолько, насколько они не противоречили римским государственным учреждениям. Но во главе управления был поставлен претор (наместник), ежегодно назначаемый сенатом. Он был командующим войсками и отправлял правосудие. При нем работал квестор (казначей), который заведовал общественной казной, собирал доходы и производил расходы и проверку их (на содержание войск, наместника и его свиты).

ж) События между первой и второй Пуническими войнами.

Однако мера несчастий для Карфагена еще не переполнилась. Едва лишь Гамилькар с растерзанным сердцем подписал условия мира и отослал наемные войска в Карфаген, как они потребовали от истощенного города заслуженного, но не выданного еще жалованья и обещанных наград. Вследствие невозможности удовлетворить требования войск, в них вспыхнуло восстание. Недовольные подвластные ливийские города, ненадежность которых составляла с давних пор слабую сторону карфагенского государства, присоединились к мятежникам. Во главе восстания стали ливиец Мафон, кампанец Спендий и галл Автарит. Против восставших тесно сплотились Карфагенские граждане и оставшиеся верными наемники под начальством Гамилькара Барки и несколько раз разбили толпы мятежников. Но скоро борьба, вследствие обоюдного ожесточения, приняла совершенно зверский характер. Мятежники убили после страшных истязаний взятого в плен карфагенского полководца Ганнона и 700 карфагенян. Теперь Гамилькар, в свою очередь, не давал никакой пощады. Все пленные были умерщвлены, причем большая часть была растоптана слонами. Спендий и Автарит также попали в его руки, и Гамилькар приказал их распять. Таким образом восстание было потоплено в крови возмущившихся, и ливийские города после ожесточенной борьбы, длившейся более трех лет, были вновь покорены.

Этими тяжелыми обстоятельствами, вызванными восстанием наемников, Рим воспользовался самым возмутительным образом. На острове Сардиния карфагенские наемники также подняли восстание и распяли на кресте своих начальников. Но сардинцы оказали сильное сопротивление и поставили бунтовщиков в затруднительное положение. Тогда они обратились за помощью к Риму. И римляне, не внимая голосу чести, не постыдились вступить в союз с разбойничьей шайкой. Когда же карфагеняне приступили к вооружению, чтобы подавить восстание, римляне объявили это военной угрозой по отношению к ним. Карфаген по причине своего истощения не мог предпринять войну против Рима и поэтому предпочел отказаться от Сардинии и сверх того заплатил 1200 талантов. Однако военные действия в Сардинии продолжались еще долгое время, прежде чем она окончательно подчинилась римской власти. Римляне также завладели и соседним островом Корсикой и присоединили его к своей сардинской провинции. Но так как новые подданные не хотели добровольно переносить римское иго, то римляне объяснили это происками карфагенян и вторично объявили войну Карфагену. В римский сенат явились новые карфагенские послы с просьбой о сохранении мира, но все было напрасно: никакие представления не имели успеха. Наконец, один из послов сказал в сильном негодовании: «Римляне, если вы непременно решили не сохранять с нами мира, за который мы так дорого вам заплатили, то возвратите назад Сицилию и Сардинию. Между честными людьми ни один порядочный человек, которому не нравится заключенный с ним торг, не решится удержать товар и в то же время не возвратит полученных за него денег». На такое объяснение у сенаторов не нашлось возражений, и на этот раз война была избегнута.

Таким образом в 235 году до Р. Х. Рим был свидетелем невиданного им со времен Нумы (Нума Помпилий — второй царь Древнего Рима) явления: двери храма двуликого Януса были заперты в знак того, что римский народ находится в мире со всеми народами. Но спустя несколько месяцев они были снова открыты и оставались открытыми до времен Августа в течение более 200 лет.

На этот раз война была предпринята против иллирийцев, которые создали настоящее разбойничье государство и наносили страшный вред торговле италийских городов. Римляне, выведенные из терпения бесчинствами иллирийцев, отправили послов в Скодру — местопребывание иллирийских царей. В это время там правила царица Тевта за несовершеннолетием сына своего Пинна. Послы, два брата Корункания, говорили с ней вызывающим тоном. Когда царица объявила, что не может считать себя ответственной за действия отдельных подданных, то послы сказали, что Рим позаботится о том, чтобы в Иллирии также было принято обыкновение наказывать за насилие отдельных частных лиц. Разгневанная таким ответом, Тевта приказала схватить обоих братьев и младшего из них убить. В отмщение за этот необдуманный акт она очень скоро увидела свою страну наводненной римскими легионами.

Запертые двери храма Януса

Назначенный ею правитель острова Корциры, грек Димитрий Фаросский, вероломно передал этот остров римскому консулу Фульвию и предложил ему свои услуги и на будущее время.

Таким образом иллирийский разбойничий вертеп мало-помалу перешел во власть римлян. В начале 228 года царица вынуждена была отказаться от всякого сопротивления и просить мира. И здесь выдвинутые Римом условия настолько же были выгодны для него, насколько тягостны для побежденного народа, Корцира и береговая полоса Иллирии, на которой в числе других городов находился Эпидамн, были уступлены римлянам. Иллирийцы навсегда были лишены права заходить с вооруженными кораблями южнее Лиссы и обязывались уплачивать римлянам ежегодную дань. Тевта должна была отказаться от правления, так как римляне объявили царем ее малолетнего пасынка и назначили ему опекуном Димитрия Фаросского, который получил в свое владение часть Иллирии под верховной властью Рима.

Таким образом римляне стали одной ногой и в Греции. Пользуясь этим обстоятельством и чтобы ближе познакомиться с греками, римляне послали главам ахейского и этолийского союзов копии с мирного договора с иллирийцами, от грабежей которых страдала, конечно, и Греция. Греки, в высшей степени обрадованные оказанным им вниманием, осыпали послов почестями. Коринфяне объявили в специальном постановлении, что римляне наравне с греками будут допускаемы на Истмийские игры, а афиняне даровали им даже почетное гражданство и позволили посвящать их в элевсинские таинства.

Война с цизальпинскими галлами в Верхней Италии, происходившая в промежутке между первой и второй пуническими войнами, была гораздо рискованнее. Римляне около 268 года до Р. Х. основали колонию Аримин, которая должна была служить оплотом против вторжений галлов. Теперь римляне, в силу земельного закона народного трибуна Ц. Фламинина, намеревались водворить в окрестностях Аримина поселенцев частью из ветеранов первой пунической войны, частью из обедневших граждан, и таким образом создать надежное пограничное население. Бойи и инсубры (кельтские племена, обитавшие в Галлии) с тревогой смотрели также и на то, как римляне провели дорогу между Аримином и Римом, названную впоследствии фламиниевой дорогой в честь ее главного строителя, цензора Гая Фламиния. Ответом на эти стратегические операции был союз из всех цизальпинских галльских племен, к которому из окрестных поселений присоединились удалы и добровольцы, прозванные газетами (по вооружению, которое они носили —

тяжелому, дротику). Страх перед галльским нашествием настолько встревожил римлян, что они не отступили ни перед каким варварством, которое, по их мнению, могло бы способствовать спасению города. Человеческие жертвоприношения должны были отвлечь угрожающее бедствие и умиротворить богов. В сивиллиных книгах было найдено прорицание: греки и галлы завладеют римской землей. Для того, чтобы не исполнилось это предопределение рока, жрецы предложили закопать двух греков и двух галлов живыми в римскую землю. Этот возмутительный совет был приведен в исполнение.

Галльское войско, состоявшее из 50.000 пехоты и 20.000 всадников, двинулось против Рима, но при Теламоне в 225 г. очутилось между двумя консульскими войсками — Эмилия Павла и Атилия Регула, и благодаря лучшему вооружению и военному искусству римлян было разбито. Регул пал, и варвары отрезали ему голову, чтобы сделать из нее военный трофей.

Зато Эмилий имел возможность отпраздновать великолепный триумф. Множество захваченного в добычу оружия, тяжелые запястья и ожерелья, сплетенные из золотой проволоки, целый ряд пленных предводителей служили к его прославлению. Вслед за этим была покорена вся страна по реке По. Бойи и инсубры, после вторичного поражения, за которым последовало завоевание их столицы Медиолана, были присоединены к Риму. Для упрочения римского владычества были основаны две колонии — Плаценция и Кремона.

16. Вторая Пуническая война или война с Ганнибалом.

(218...201 г. до Р. Х.).

а) Завоевание Сагунта и поход в Италию.

Во время последней галльской войны римляне не упускали из вида Карфаген. Со времени своего унижения карфагеняне, для компенсации потерь, вызванных утратой ими островов, старались отыскать новые вспомогательные источники в Испании и приобрести там обширные владения. Богатство страны благородными металлами некогда привлекало туда корыстолюбивых финикийцев, а теперь обратило на себя внимание предприимчивых их потомков — карфагенян. Главным организатором этих завоеваний был храбрый Гамилькара Барка. Он покорил все города и племена по реке Бетису (ныне Гвадалквивир) и по реке Анасу (ныне Гвадиана) и после восьмилетней войны погиб в битве с одним испанским горным племенем (в 228 г.). После смерти Гамилькара зять его Газдрубал продолжил его завоевания. Испанцы, не лишённые некоторого образования, защищались мужественно, а те из них, что жили в укрепленном городе Сагунте, как полагают, древней колонии греческого острова Закинфа (Сагунт находился почти на месте современного Мадрида), обратились за помощью к римлянам. Зависть Рима проснулась, и римские послы немедленно отправились в Испанию и принудили Газдрубала подписать договор, по которому он обязывался признавать границей реку Ибер и за пределы этой реки лишался права распространять свои завоевания. С Сагунтом был заключен союзный договор. Основанный Газдрубалом Новый Карфаген (ныне Картахена) с превосходной гаванью, сделался главным городом и местом сбора войск карфагенской Испании.

Газдрубал умер от руки убийцы в 221 году. Войско избрало своим полководцем сына Гамилькара Барки, 28-летнего Ганнибала. Подобно отцу, он питал страшную ненависть к римлянам. Когда Ганнибал был еще девятилетним мальчиком, отец его Гамилькара заставил его дать перед алтарем Юпитера клятву в том, что он будет питать вечную ненависть к римлянам. Никто так свято не сдерживал своей клятвы, как Ганнибал. Это была воистину выдающаяся личность. В огненном его взоре светилась отвага гения, благородные черты лица говорили о хладнокровном благоразумии, голос и походка — о врожденном достоинстве повелителя. Ни в какой опасности не терял он присутствия духа, никакой труд

не мог утомить его. Нечувствительный к жаре и холоду, равнодушный к наслаждениям, не приученный к размеренному образу жизни, готовый в любое время пожертвовать сном и отдыхом, он и от солдат своих требовал невероятных трудов. Часто спал он между своими телохранителями на голой земле в одном плаще. Одевался он так же, как и остальные воины, только оружие и конь его бросались в глаза. Ганнибал был первым в бою и последним покидал поле битвы. Одним взглядом, одним ободряющим восклицанием поднимал он настроение утомленных воинов. С проницательностью великого полководца он сразу видел и обращал в свою пользу слабые стороны и просчеты противника. В то же время он был выдающимся государственным деятелем. В его героической личности народ видел своего достойнейшего представителя, а с другой стороны, войско благоговело перед ним, как перед своим кумиром.

Не осуществленная его отцом цель — отомстить смертельному врагу отечества, римлянам — стала жизненным девизом этого пламенного патриота. После того, как карфагенская власть прочно утвердилась в Испании, войско было надлежащим образом подготовлено и Карфаген в финансовом отношении достаточно окреп, Ганнибал решил, что время расплаты наступило.

Ганнибал

Смело перешел он проведенную римской завистью границу и напал на богатый, хорошо укрепленный город Сагунт. Римляне, узнав об этом, отправили к Ганнибалу послов с тем, чтобы они обратили его внимание на последствия, которые могут быть вызваны его враждебными по отношению к Риму действиями, но самый город Сагунт оставили на произвол судьбы. После восьмимесячной осады Сагунт пал, несмотря на то, что защищался очень мужественно. Его жители были проданы в рабство, захваченная в городе добыча частично отправлена в Карфаген, частично употреблена на военные нужды. Тогда в Карфаген явилось римское посольство и потребовало выдачи дерзкого полководца. После продолжительных прений в карфагенском сенате, не приведших к определенному решению, послы весьма решительно заявили: «Речь идет о войне или мире. Выбирайте!» В ответ раздались крики: «Выбирайте сами!» Тогда выступил один из послов, распустил тогу и объявил, что Рим выбирает войну.

Так была начата одна из величайших по своим последствиям войн мировой истории. Речь здесь шла уже не о завоевании той или иной территории, но о самом существовании, о всемирном владычестве или окончательной гибели одной из воюющих сторон, о победе либо греко-римской, либо финикийско-семитической культуры на Западе.

За 770.000 жителями Италии, способными носить оружие, (таково было ее население по свидетельству Полибия), было заранее обеспечено численное превосходство. Для того, чтобы сколько-нибудь сравняться в этом отношении, Ганнибал принял план двинуться прямо в Италию, где он мог рассчитывать на поддержку хотя и побежденных, но дышащих мщением воинственных галлов. Многочисленная нумидийская конница и целое стадо слонов должны были нагнать ужас на римлян. Римляне ожидали появления неприятельского флота и со своей стороны намеревались высадиться в Африке. Но они никоим образом не могли предугадать планов Ганнибала и не подозревали в нем той энергии, с какой он будет приводить их в исполнение. Поэтому римляне спокойно и неторопливо готовились к войне. Были созданы два консульских войска силой в два легиона каждое. С одним из них консул Тиберий Семпроний Лонг должен был из Сицилии переправиться в Африку, с другим П. Корнелий Сципион намеревался напасть на Ганнибала в Испании.

В начале 218 г. Ганнибал выступил из Нового Карфагена. Войско его насчитывало 90.000 человек пехоты, 2.000 всадников и 37 слонов. Он покорил враждебные племена между Эбро и Пиренеями, что стоило ему 20.000 человек. Затем он отдал в распоряжение своего брата Газдрубала 10.000 для защиты завоеванной страны. 10.000 человек ненадежных войск

Ганнибал отправил в Африку. Таким образом у него осталось только 50.000 пехоты и 9.000 всадников с соответствующим числом слонов. С этими силами Ганнибал перешел Пиренеи, не встретив там сопротивления, переправился через реку Родан (Рону) на сколоченных на скорую руку плотках и ладьях и дал поспешно явившемуся сюда из Массилии консулу Корнелию Сципиону незначительное кавалерийское сражение. Римский полководец все еще не угадывал планы Ганнибала, он не считал возможным, что Ганнибал отважится на такое грандиозное мероприятие, как переход через Альпы. Таким образом Ганнибалу удалось значительно продвинуться вперед, прежде чем римляне догадались о его намерении.

Что ему предстояли многочисленные трудности как со стороны природы, так и со стороны местных жителей, Ганнибалу, без сомнения, было известно, и поэтому следует предположить, что такой осторожный полководец, как он, предпринимал переход через Альпы лишь после тщательного изучения местных условий и после ознакомления с настроением местных жителей. Но такая предусмотрительность несколько не умаляет нашего восхищения таким грандиозным военным предприятием. Вообразите себе сыновей знойной Африки и лучезарной Испании, обремененных оружием и поклажей, взбирающимися на покрытые вечным льдом горные вершины. Вообразите себе лошадей, слонов, ведомых по скалистым обрывам, покрытым снегом и льдом, которые, часто спотыкаясь, срывались в пропасть, увлекая за собой своих вожатых. Вообразите себе непроходимые дороги, не обозначенные ни на каких картах, горы, заселенные племенами диких варваров, с которыми непрерывно нужно сражаться и на стороне которых было то преимущество, что они знали местность. Вообразите себе, наконец, время года — конец октября — в какое даже в наши дни, когда в этих горах проложены дороги, редкий путешественник решится совершить через них переход.

После девятидневного восхождения от голода, холода, болезней, ран погибло несколько тысяч людей и большая часть выючных животных. Такой была цена, заплаченная Ганнибалом за взятие перевала Малый Сен-Бернар, находившегося с южной стороны Монблана. Здесь, на перевале, прежде чем начать спуск в долину, утомленному войску был дан двухдневный отдых. Ганнибал утешал бледных, изморенных, цепеневших от холода воинов, указывая на расстилавшиеся далеко внизу роскошные италийские долины.

Спуск с гор оказался еще более трудным, чем восхождение. Только что выпавший снег мешал ориентировке на местности, люди и животные снова срывались в пропасти. Сотни воинов погибли под низвергавшимися с гор лавинами. По свидетельству Ливия, Ганнибал приказал разводить костры на утесах и таким образом растапливал покрывавший их лед. Тяжелейший спуск продолжался пятнадцать дней и, наконец, войско достигло Иврейской долины. Здесь вконец истощенным воинам был дан пятнадцатидневный отдых. Войско сократилось почти наполовину, ибо из 50.000 пехоты и 9.000 всадников осталось лишь 20.000 пехоты, несколько слонов и 6.000 конницы. Убыль была восполнена дружелюбно расположенными к Ганнибалу галльскими племенами.

б) Тицин, Требия, Тразименское озеро и Канны.

(218...216 до Р. Х.).

Получив известие о вторжении неприятеля в Италию, римляне немедленно отозвали из Массилии и Сицилии обоих своих консулов и двинули их в Верхнюю Италию против Ганнибала. Сципион встретился с ним на реке Тицин. Жившее в этой местности галльское племя сохранило нейтралитет. Галлы хотели дожидаться момента, когда станет ясно, на чью сторону склоняется удача. Сознывая всю важность этой первой битвы, Ганнибал воодушевил воинов пламенной речью. Затем он стремительно напал на неприятеля. Это было по преимуществу кавалерийское сражение, в котором нумидийские всадники доставили победу Ганнибалу. Сципион был тяжело ранен и лишь с трудом был спасен своим сыном. Остатки

разбитого войска отступили через реку По к Планценции и укрепились здесь на реке Требии. После этого сражения 2.000 галлов, умертвив своих военачальников римлян, немедленно перешли на сторону Ганнибала.

Вскоре после этого дела второй консул Семпроний прибыл со своим войском в порт Аримин, высадился на берег и, совершив переход по Эмилиевой дороге до реки Требии, соединился здесь с остатками войска Сципиона. Собранное таким образом войско состояло из 40.000 человек. Сципион, который еще страдал от своей раны и предпочитал действовать с крайней предусмотрительностью, был того мнения, что от сражения с Ганнибалом следует по возможности воздерживаться. Но Семпроний, желавший воспользоваться болезнью своего товарища для собственной славы и заслужить себе триумф, настаивал на том, чтобы дать Ганнибалу сражение.

Ганнибал только этого и ждал. Он склонил консула к такому решению еще и своей мнимой неосторожностью. Местность и погода благоприятствовали карфагенянам. Чтобы заманить неприятеля, Ганнибал переправил нумидийцев через реку. Хитрость удалась. Семпроний тотчас же приказал выступить из лагеря 4.000 всадникам и всей пехоте, не дав даже людям как следует поесть. Нумидийские всадники нарочно отступили, и очень скоро Семпроний оказался в западне. Было время зимнего солнцестояния. Холодный и туманный день закончился сильной метелью. Ночью Требия до того поднялась, что переходившим ее солдатам вода доходила до груди. Окоченевшие от холода, истощенные от голода, они достигли противоположного берега и наткнулись там на ожидавшее их хорошо вооруженное и вполне отдохнувшее войско Ганнибала, которое насчитывало 20.000 пехоты и 10.000 всадников с находившимися при них слонами. Таким образом, с самого начала боя силы оказались неравны. Кроме того, и брат Ганнибала Магон, стоявший в засаде с 2.000 человек, зашел римлянам в тыл. Вследствие этих обстоятельств битва при Требии обратилась для римлян в решительное поражение. Римское войско почти все было уничтожено. Все племена Цизальпинской Галлии перешли на сторону Ганнибала. Он расположился теперь на безопасных зимних квартирах и предоставил своим солдатам пользоваться вволю отнятыми у римлян складами, из которых провианта было запасено в изобилии. Магазины эти, находившиеся к западу от Планценции, в городе Кластилиде, из-за измены латинского начальника попали в руки Ганнибала.

Вся Италия пришла в ужас от действий страшного врага. В Риме спешили собрать новые войска и занять области союзников для того, чтобы они из страха не могли последовать примеру галлов. Народу старались внушить мужество рассказами о благосклонных знамениях богов, и оба новых консула, Кн. Сервилий и К. Фламиний, были отправлены с новыми войсками в начале следующего же года против наступающего Ганнибала.

Этот последний вскоре после окончания сезона дождей выступил в поход и направился в Этрурию через Апеннины. Переход через них был еще более трудным, чем через Альпы, потому что разлившаяся река Арно превратила всю страну в целый ряд болот. Три дня и три ночи пришлось идти солдатам Ганнибала по колено в воде. Лошади теряли подковы, выючные животные увязали в грязи, и сам Ганнибал потерял один глаз от воспаления. Но едва выбрался он на сухую почву, как тотчас же принудил консула Фламиния вступить с ним в сражение. Фламиний подходил уже к укрепленному лагерю, где он был бы обеспечен как от неожиданного, так и от правильного нападения. Но он позволил заманить себя в засаду. Ганнибал расположился на высотах у Тразименского озера. Когда на другой день утром консул, выступив из Арреция, продолжил движение и растянул свой войско длинной линией по узкой дороге между озером и холмами, на него внезапно напал Ганнибал. В густом тумане римляне не заметили, что Ганнибал стоит у выхода из горной долины и что высоты заняты неприятельскими войсками. Неприятель со всех сторон ринулся на римлян. Происшедшая резня была ужасна. Сам Фламиний пал во главе своих храбрецов. Множество воинов было сброшено в озеро, где они утонули, другие целыми массами были изрублены ну-мидийской конницей. Лишь около 6.000 человек бросилось в ближайший город. Но и

здесь их настигла нумидийская конница под командованием Магарбала, которому они и вынуждены были сдаться. Римское войско было совершенно уничтожено. Напротив того, Ганнибал потерял всего 1500 человек, большей частью галлов.

К вечеру страшное известие достигло Рима. Претор Марк Помпоний вышел на трибуну и возвестил громким голосом: «Мы проиграли большое сражение, наше войско истреблено, консул Фламиний убит». Страшное отчаяние овладело всеми. Только сенат сохранил присутствие духа и думал только об одном — как защитить столицу от надвигавшейся на нее смертельной опасности. Мосты на Тибре были сняты, а стены приведены в оборонительное положение. Но прежде всего народным собранием был избран продиктатор (избрание диктатора по закону принадлежало консулу, но такового в это время не было в городе), на которого надеялись, что он сможет спасти город от опасности. Выбор пал на Кв. Фабия Максима, одного из потомков рода Фабиев, сражавшихся во время самнитских войн. Начальником же конницы к нему был назначен Марк Мануций.

Теперь более, чем когда-либо требовались единство, осторожность и твердость при принятии общих мер. Кв. Фабий Максим, казалось, олицетворял собой идеал осмотрительности. Совершив изобильные жертвоприношения и моления для умиловления богов, что он почитал первым своим долгом, он набрал два новых легиона и присоединил к ним остальные два консула Сервилия.

В распоряжении Ганнибала было слишком мало осадных машин, и войско его было ослаблено понесенными потерями, поэтому он не мог помышлять о покорении такого громадного города, как Рим. Вследствие этого ему гораздо полезнее показалось заручиться содействием всех союзников и, прежде всего сабелльских племен, в самом сердце Италии. Для достижения этой цели, оставив столицу справа от себя, Ганнибал отправился вдоль берега Адриатического моря в Нижнюю Италию. Он прошел через области марсов, марруцинов и пелигнов, но везде встретил непоколебимую верность Риму — ни один город не отворил перед ним своих ворот добровольно. Он уже находился в Апулии, когда встретился с войском диктатора Фабия. Фабий, вполне сознавая, чем ему теперь приходится рисковать, всячески избегал сражения, которого добивался Ганнибал. Фабий осторожно следовал за ним по пятам, ведя свое войско по высотам, не терял его из вида и не вступал с ним в бой. Такое по-видимости малодушное поведение было неприятно как собственным солдатам Фабия, так и Ганнибалу, и Фабию часто приходилось слышать насмешки со стороны своих солдат. Лишь его одного не могли ввести в заблуждение ни эти насмешки, ни военная хитрость неприятеля. Ганнибал направился в Кампанию, к Капуе, Фабий пошел туда же. Ганнибал пошел назад в Апулию — докучливый наблюдатель не отставал от него ни на шаг. При Казилине он загородил пунам дорогу и даже чуть было не захватил их в плен. Ганнибал вдруг увидел себя запертым в долине и окруженным со всех сторон стоявшими на горах римлянами. Он мог спастись только хитростью. В первую же ночь Ганнибал нагнал на римские передовые посты несколько сот быков, к рогам которых были привязаны горящие пучки хвороста. Римляне, вообразив в первом испуге, что на них движется неприятельское войско с пылающими головнями в руках, и видя повсюду пламя, не знали, в какую сторону обратиться для своей защиты. Ганнибал воспользовался общим замешательством и, незамеченный, ушел из устроенной ему западни. Только на следующее утро Фабий увидел, как ловко обманул его Ганнибал.

Войско Фабия продолжало свое наблюдательное движение все с большим и большим неудовольствием и дало своему предводителю насмешливое прозвище кунктатора, то есть медлителя.

Даже в самом Риме кажущиеся робкими военные действия диктатора находили вовсе не благоразумными, хотя должны были признать, что только благодаря его умению и осмотрительности Рим получил достаточно времени, чтобы оправиться от страшного поражения при Тразименском озере. Ганнибал со своей стороны содействовал тому, чтобы возбудить против Фабия недоверие римлян. Для этого, проходя мимо поместий Фабия с рассчитанной хитростью запретил их грабить. Замысел Ганнибала удался. Римляне

заподозрили, что между ним и диктатором существует тайное соглашение. По предложению одного народного трибуна, они предоставили начальнику конницы Фабия хвастливому Минуцию Руфу, который незадолго перед тем одержал незначительный перевес над неприятелем, равную с Фабием военную власть. Фабий разделил с Минуцием войско с тем, что тот с частью своей может делать все, что угодно. Едва Минуций стал свободным от зависимости, как тотчас же оставил высоты и угодил в приготовленную ему Ганнибалом засаду. Минуций не спас бы ни одного человека, если бы Фабий не подоспел ему на помощь. Увидев приближающегося Фабия, Ганнибал отступил, сказав: «Наконец это облако, постоянно висевшее над горами, разразилось над нами грозой».

Поведение Минуция после его избавления заслуживает похвалы. Пристыженный, признал он, сколь велико было благоразумие Фабия, поставил почетные знаки своего достоинства перед его палаткой, назвал его отцом и спасителем, скромно возвратил свои полномочия диктатору и не добивался больше звания главного военного начальника.

Зима с 217 на 216 год прошла без происшествий, заслуживающих внимания: Оба войска, наблюдая друг за другом, старались нарастить свои силы с тем, чтобы весной 216 года перейти к решительным действиям. В Риме признали образ ведения войны Фабием за единственно верный в сложившейся ситуации, но полагали, что долго так дела идти не могут. Следовало позаботиться о том, чтобы по возможности облегчить союзников, которые начинали уже терять терпение от тяготевших над ними бедствий войны. Поэтому было решено приступить к наступательным действиям. Было собрано четыре новых легиона и присоединено к имевшимся четырем, а численный состав каждого из этих восьми был доведен до 5.000 пехоты и 300 всадников. К ним присоединены были войска союзников, и таким образом общее число римского войска достигало 80.000 пехоты и 6.000 всадников. Поэтому римляне надеялись численным превосходством уравновесить военные способности, опыт и самоуверенность войск Ганнибала, в чем они превосходили римские войска. К сожалению, сохранялся еще дурной обычай, согласно которому оба консула поочередно через день командовали войсками, из-за чего крайне затруднялось и даже становилось почти невозможным общее руководство военными действиями.

Оба войска заняли позицию друг против друга неподалеку от Канн на реке Авфиде, самой значительной из прибрежных рек, впадающих в Адриатическое море. Римским войском командовали два их консула: не слишком способный, но хвастливый плебей Теренций Варрон и благоразумный и осторожный патриций Эмилий Павел. Ганнибал без малейшего промедления вступил в битву, предложенную ему Варроном. Войско Ганнибала состояло из 40.000 пехоты и 10.000 всадников. Он сам и брат его Магон расположились в центре, чтобы иметь возможность следить за ходом битвы. Испанскую и галльскую пехоту Ганнибал расположил в середине полукругом, направо от нее поставил африканцев под начальством Ганнона, а налево против римской конницы поместил Газдрубала с испанской и галльской тяжелой конницей. Испанцы были одеты в белые плащи с красными отворотами и вооружены короткими испанскими мечами, которыми с одинаковым удобством можно было колоть и рубить. Атака тяжелой карфагенской конницы тотчас же заставила конницу, состоявшую из римских граждан, отступить. Она была преследуема и почти вся истреблена. Карфагенские всадники, зайдя в тыл римской пехоте, бросились на конницу римских союзников, дравшуюся с нумидийскими всадниками. Таким образом, и союзники были разбиты. Предоставив преследование нумидийцам, Газдрубал со всей силой ударил в тыл римской пехоте, в которой многие солдаты не имели боевого опыта. Правда, римские легионы оттеснили назад неприятельский центр и клином врезались в карфагенские ряды. Но в эту минуту на них справа и слева ринулись африканцы, а в тыл обрушилась тяжелая испанская и галльская конница. Начиная уже было поддаваться карфагенский центр остановился и снова начал бой. Таким образом римская пехота была окружена и стиснута со всех сторон. Началась страшная резня. Римских солдат убивали, как какое-нибудь стадо овец. Римляне в этом сражении потеряли около 70.000 человек убитыми и ранеными. Среди убитых оказался и консул Эмилий Павел, не ставший искать спасения в бегстве, и 21

народный трибун и 80 сенаторов. Варрон с 70 всадниками спасся в Венузию. Стан римлян был также захвачен и разграблен. Ганнибал же потерял всего лишь 6.000 человек и в их числе 200 всадников.

Весть об этом ужасном поражении произвела в Риме в буквальном смысле одуряющее и подавляющее впечатление. Многие благородные юноши, охваченные отчаянием, бежали в Канузий, хотели уже сесть на корабль и покинуть отечество. Тогда среди них выступил молодой П. Корнелий Сципион — сын Сципиона, побежденного при реке Тицин — и, обнажив меч, пригрозил заколоть всякого, кто не поклянется остаться верным отечеству до последней капли крови. В Риме женщины с воплями и с распущенными волосами бросились на площадь, как будто их собственная жизнь была уже в опасности. Совсем другое было с мужчинами. Оба претора немедленно созвали сенат. Именно здесь, а не где-нибудь в другом месте должен был выказаться истинный дух римлян. Престарелый Фабий превзошел в этом отношении всех. Он первый выступил с благоразумными советами и прежде всего указал средства к скорейшему успокоению народа. По его совету сенат приказал запереть городские ворота, чтобы воспрепятствовать бегству малодушных. Женщинам запрещено было громко выражать свои жалобы, бегать без цели по улицам и собирать сведения о действительных масштабах бедствия. Затем сенаторы обошли дома и успокоили отцов семейств. Престарелый Фабий со своим обыкновенным невозмутимым видом прошел по улицам и полными достоинства речами ободрял граждан. Было принято постановление сената, в силу которого ни по ком из убитых при Каннах не разрешалось носить траур более тридцати дней. Консул Теренций Варрон был отозван в Рим, а на его место, как благоразумный полководец и испытанный уже претор, был отправлен в Канузий М. Клавдий Марцелл, который спасся в этом городе с 10.000 беглецов. Когда злополучный полководец возвращался в Рим, справедливо опасаясь оскорблений и упреков своих сограждан, сенат в полном составе вышел ему навстречу и всенародно благодарил его за то, что он не отчаивался в спасении государства. Равным образом было решено, что взятые в плен при Каннах римские воины не должны быть выкуплены, ибо «римский солдат должен или победить или умереть». И когда после всего этого Ганнибал через посланного им Карфалона сделал мирные предложения, то Карфалона не только не впустили в город, но и объявили ему за городской чертой, что до тех пор не может быть никакой речи о мире, пока неприятель не очистит Италию. Эта героическая твердость и единодушие спасли государство и даже вознаградили те ужасные, потери, которые уже были понесены римлянами в течение трех лет. Почти вся Нижняя Италия могла считаться для римлян потерянной. Могущественная Капуя, имевшая возможность выставить в поле 30.000 пехоты и 4.000 всадников, отпала, несмотря на усилия Деция Магия, предводителя расположенной к римлянам аристократической партии. Впоследствии Ганнибал приказал его схватить и отвезти в Карфаген. Но корабль занесло в Кирену, и Магий пробрался отсюда в Александрию к царю Птолемею, который отпустил его на волю. Примеру Капуи последовали самнитяне и луканы. Римлянам остались верными Брундизий, Венузия и Пест с преобладавшим в них латинским населением, а также близлежащие к ним Неаполь, Кумы, Нола и Нуцерия. Таким образом, после битвы при Каннах могущественный народ был ограничен такой же маленькой областью, какую он занимал до самнитских войн.

Чтобы пополнить убыль в римских войсках, вновь избранному диктатору М. Юнию пришлось набирать из самых юных по возрасту граждан, способных носить оружие, — 17-летних. Однако эта мера оказалась недостаточной и пришлось вооружить рабов, которых в то время было довольно значительное число. Не отступили даже перед освобождением из тюрем и вооружением преступников. Таким образом 8.000 рабов и 6.000 преступников вступили в ряды войска наравне с полноправными римскими гражданами и союзниками.

в) Ганнибал в Нижней Италии. Война в Испании. Марцелл в Сиракузах.

После победы при Каннах Ганнибал, казалось бы, должен был двинуть свое войско прямо на Рим, но вместо этого он предпочел направиться в Нижнюю Италию. Вопрос о том, почему великий полководец принял такое решение, многократно обсуждался как в древние, так и в новейшие времена, и то, что он не предпринял немедленного похода на Рим, представлялось непростительной ошибкой с его стороны. Ливий вкладывает в уста предводителя карфагенской конницы Магарбала следующие слова, обращенные к Ганнибалу в день сражения при Каннах: «Ты ведь знаешь, что приобрел ты этой победой: через пять дней ты будешь пировать в Капитолии как победитель. Следуй за мной! Я поспешу вперед с конницей для того, чтобы уведомить о моем приходе раньше моего появления». Когда же Ганнибал высказал свое мнение по этому предмету, Магарбал сказал: «Воистину, боги не наделяют одного человека всеми талантами. Ты умеешь побеждать, Ганнибал, но не умеешь пользоваться победой». К этому Ливий прибавляет, что почти все думали, что промедление Ганнибала в этот день спасло и Рим и все государство.

Моммзен и Ине находят, что Ганнибал поступил правильно, отказавшись от немедленного похода на Рим. Моммзен высказывается приблизительно следующим образом: «Ганнибал знал Рим лучше наивных людей древних и новейших времен, которые полагали, что он одним движением на неприятельскую столицу мог решить войну. Только нынешнее военное искусство решает войну на поле сражения. Совершенно иное было в древние времена, когда наступательная война против крепостей была развита гораздо менее, чем оборонительная система. В те времена действия в поле даже с неизмеримо большими по своему значению последствиями и те разбились бы о стены столицы. На основании каких соображений можно было бы предположить, что Рим вынес бы ключи победителю или хотя бы даже принял мир на сходных условиях? Таким образом, вместо таких, ни к чему не ведущих демонстраций, Ганнибал, чтобы не упустить ради них возможных и важных результатов, тотчас же направился в Капуя и заставил эту вторую столицу Италии после долгих колебаний перейти на свою сторону. Ине делает следующее заключение: «Рим совсем не был открытым городом, но напротив того, благодаря своему положению и искусству, был сильно укреплен. На защиту стен готов был выйти каждый римский житель до шестидесятилетних старцев включительно. Таким образом, даже в этом случае, если бы поблизости и не было никакого резерва — на что, однако, Ганнибал не должен был рассчитывать — Рим был все-таки обеспечен от внезапного нападения. Для правильной же осады Ганнибал был слишком слаб. Его войска ни при каком случае не хватило для того, чтобы окружить огромный город и отрезать ему подвоз провианта и подход подкреплений. К чему таким образом могло бы привести прямое движение на Рим даже в том случае, если бы оно и не сопровождалось никакой опасностью? Поэтому было гораздо важнее пожать верные плоды приобретением крепостей в Нижней Италии и новой операционной линии, которой он ни разу не имел со времени своего выхода из Цизальпинской Галлии.

Для Ганнибала в сложившемся положении было важно прежде всего присоединить римских союзников. Капуанцы уже после битвы при Каннах заключили с Ганнибалом договор, который в будущем обеспечивал им полную независимость, свободу от военной службы и налогов и со временем давал им возможность надеяться господства над Италией.

Ганнибал, хотя и овладел теперь Нижней Италией, еще не был настолько силен, чтобы отважиться нанести решительный удар. Хотя Магон успел настоять в Карфагене на решении отправить в Италию в подкрепление Ганнибалу 4.000 нумидийских всадников и 40 слонов, а в Испании собрать 20.000 человек пехоты и 4.000 всадников, но эти последние могли быть направлены из Испании в Италию только по суше, так как на море господствовали римляне. Римляне могли надолго воспрепятствовать прибытию вспомогательных войск, и такая проволочка должна была повести за собой самые дурные последствия для Ганнибала. Военные действия в Нижней Италии приняли постепенно вялый характер. Дело не доходило уже более до больших сражений, война ограничивалась рядом незначительных стычек, имевших целью овладением тем или другим укрепленным местом. Римские историки

рассказывают также, и конечно в преувеличенном виде, что вследствие пребывания в роскошной Капуе, солдаты Ганнибала изнежились, и дисциплина между ними упала. Под конец Ганнибал почти не знал, какими новыми обещаниями их успокоить. Поэтому Ливии говорит: «Капуя превратилась для Ганнибала в Канны».

Между тем в Испании положение вещей в это время было как нельзя более благоприятным для римлян. Оба брата — Публий и Гней Корнелий Сципионы сражались здесь с 217 года против Газдрубала между Пиренеями и рекой Эбро. Когда в 216 году Газдрубал вознамерился проникнуть с подкреплением к Ганнибалу и дошел уже до Ибера, он был совершенно разбит Сципионами. Таким образом, в течение нескольких лет нечего было и думать отправить помощь из Испании. Вследствие этого деятельность Ганнибала в Италии много потеряла в своем значении и ограничилась в 215 году взятием незначительного города Казилина, гарнизон которого, состоявший едва из тысячи человек, после мужественного сопротивления был принужден к сдаче голодом. Лишения и нужда в этом городе достигли невероятной степени. Со щитов снимали кожу, варили ее и приготавливали из нее пищу. Чтобы заглушить мучения голода, ели мышей и корни, многие из защитников, чтобы положить конец страданиям, бросались с городских стен или нарочно выставлялись мишенью под неприятельские стрелы. Стоявший неподалеку от города начальник римской конницы Гракх возымел мысль пустить вниз по течению реки Вольтурна бочки с хлебом, чтобы осажденные выловили эти бочки. Однако же эта хитрость была открыта, и, таким образом, не оставалось иного выхода, как сдаться.

Между тем римляне вполне оправались от поражений и собрали новые значительные военные силы. Было собрано 18 легионов и флот из 150 кораблей. Во главе этих военных сил были поставлены консулы 214 года Фабий и Марцелл. Но ни один из них не отважился вступить с Ганнибалом в битву в открытом поле. Они удовольствовались тем, что им удалось отразить его нападения на Неаполь, Тарент, Путеолы и обратно завоевать Казилин. Между тем к театрам военных действий в Италии и Испании присоединился еще и третий. Тотчас после смерти Гиерона в Сицилии произошел переворот. Внук Гиерона — Гиероним, 15-летний юноша, побуждаемый своими советниками Андранадором и Зоиплом, тотчас же завязал сношения с карфагенянами. Хотя он и был умерщвлен в 214 году, его смерть послужила сигналом к кровавым раздорам партий. Республиканская партия одержала вначале верх, но запятнала свою победу убийством всего семейства Гиерона. Карфагеняне поддержали антиримскую партию, предводителями которой были Гиппократ и Эпикид, и таким образом город оказался во власти враждебной Риму черни. По получении известия об этих событиях, Марцелл высадился на острове, а Аппий Клавдий появился с флотом перед Сиракузами. Два года продолжалась осада необыкновенно укрепленного и в изобилии снабженного продовольствием города. Его упорную оборону главным образом приписывают гению математика и инженера Архимеда. Он не только изобрел метательные машины (баллисты) необычайной действующей силы, но и «железные руки», то есть подъемные машины в виде рук с крюками, которые захватывали, поднимали в воздух и оттуда бросали в море римские корабли. Но употребление им зажигательных зеркал, которыми он как будто зажигал корабли, не подтверждается.

Когда, наконец, город, пройдя через все ужасы внутренних смут и беспорядков, пал в 212 году, то победители с беспощадностью, свойственной римлянам, подвергли его полному разграблению. При этом погиб и великий Архимед. Согласно преданию, один римский солдат, разыскивая добычу, вбежал в комнату Архимеда в момент, когда он чертил фигуры на песке, покрывавшем пол. «Не тронь моих кругов!» — закричал Архимед и тут же упал, пронзенный мечом.

Архимед

Найденные в Сиракузах произведения искусства были во множестве перевезены в Рим.

Правило это вошло в обычай и с этого времени соблюдалось победителями во всех последующих войнах. Рим с окружающими его загородными домами настолько переполнился всевозможными образцовыми произведениями, что казался родиной искусств, чем он в действительности никогда не был.

Падение Сиракуз повлекло за собой два года спустя и падение Агригента, в котором карфагеняне упорно держались до 210 года. Таким образом, поход в Сицилию окончился в пользу римлян. Напротив того, в Испании несчастье следовало за несчастьем. Сципионы, оставленные без достаточных подкреплений, вынуждены были принять к себе на службу испанских наемников. Эти ненадежные войска при приближении Газдрубала, только что победившего нумидийского царя Сифакса, разбежались. Газдрубал напал по очереди на обоих братьев и, пользуясь превосходством своих сил, разбил их одного за другим. Оба Сципиона погибли, сражаясь во главе своих войск. Лишь одному небольшому отряду под предводительством всадника Л. Марция удалось пробиться. Почти вся Испания была, таким образом, потеряна для римлян.

Нисколько не лучше шли для римлян дела в 212 году в Нижней Италии, где Тарент попал в руки Ганнибала. Войдя в соглашение с Никоном и Филоменом, предводителями враждебной римлянам партии, Ганнибал неожиданно напал врасплох на город, причем Никон и Филомен открыли ему городские ворота. Только римский гарнизон в городской крепости остался непобежденным. Из больших городов примеру Тарента последовали Метапонт, Фурии и Гераклея. Только Регий и Неаполь остались за римлянами.

Чтобы воспрепятствовать дальнейшему отпадению союзников, римляне сочли нужным показать пример, к чему может привести такое отпадение. Для этого они избрали Капую. Когда капуанцы увидели, что римляне приближаются к их городу, то поспешно послали за помощью к Ганнибалу, который стоял в это время под Тарентом. Сначала Ганнибал отправил находившегося под его начальством талантливого полководца Ганнона провезти в город Капую провиант. Но из-за медлительности капуанцев, пропустивших возможность своевременно запастись перевозочными средствами, чтобы перевезти сложенные в Беневенте съестные припасы, консул Фульвий сумел захватить весь транспорт. Однако впоследствии Ганнибалу удалось вознаградить себя за эту потерю. Когда он лично появился перед Капуей, то оба консула, Фульвий и Аппий Клавдий, поспешно отступили назад. На этот раз Капуя была спасена. Ганнибал направился тогда сперва в Луканию и разбил там 8.000 римских рабов, бывших под начальством центуриона М. Центения, а затем в Апулию, где при Хердонее совершенно уничтожил два римских легиона, которыми командовал претор Фульвий. Несмотря на все это, римляне не отказались от своего плана завоевать Капую. Едва отступил Ганнибал, как появились оба консула и претор Клавдий Нерон. Они начали действовать с трех сторон против города, окружили его двойными валами и рвами с целью принудить к сдаче голодом. На этот раз ожидаемая с нетерпением помощь Ганнибала долго не появлялась. Сделав тщетные попытки взять приступом укрепленные замки Тарента и Брундизия, Ганнибал повел свои войска на зимние квартиры. Здесь нагнал его один нумидиец, пробравшийся сквозь осадную линию, и принес ему просьбу капуанцев о наивозможно скорейшей помощи. Ганнибал выступил с легковооруженной пехотой и 33 слонами форсированным маршем на помощь Капуе. Но его попытка освободить Капую разбилась о превосходство сил римлян, войско которых состояло по меньшей мере из 60.000 человек. Тогда Ганнибал решился на отважное предприятие. Он выступил прямо на Рим в надежде отвлечь этим маневром значительную часть осадных войск от Капуи и, таким образом, освободить этот город от блокады. Ганнибал приказал беспощаднейшим образом опустошать проходимые им местности. Между Тускулом и Тибуром достиг он реки Анио, перешел ее и расположился лагерем в виду вечного города. Раздался крик ужаса: «Ганнибал у ворот» Возглас этот долгое время служил римским матерям средством заставлять детей своих молчать. Женщины с воплями и рыданиями поспешили в храмы умолять богов о спасении их от безжалостного врага. Тем не менее сенат решил призвать лишь незначительную часть войска, осаждавшего Капую. Фульвий тотчас же с 6.000 человек

выступил из лагеря и поспешил по Аппиевой дороге к Риму, куда он и прибыл почти одновременно с Ганнибалом, который сильно был задержан в пути опустошением лежащих вокруг земель. Здесь уже находились два вновь сформированных легиона. Таким образом, о внезапном нападении на Рим нечего было и думать. Хотя Ганнибал и попытался вызвать бой перед воротами города, римляне вызова не приняли и не дали себя выманить из своей крепкой позиции. Ужас перед его именем и страх перед его военным гением у них еще не исчезли. Через несколько дней Ганнибал выступил в обратный путь, рассчитывая окольным путем через области сабинян, марсов и пелигнов вновь появиться перед Капуей. Римские консулы последовали за ним. Тогда он внезапно повернул назад, напал ночью на римлян, взял приступом их лагерь, разбил их наголову и обратил в бегство. Но Капуя все-таки осталась в осадном положении, и освобождение ее оказалось невозможным.

Раздраженный неудачей столь смело составленного им плана, Ганнибал предоставил капуанцев своей участи. Жестоко обманулись те из них, которые положились на великодушие Рима. Когда, наконец, пришлось отворить городские ворота, 53 сенатора были в оковах отведены в Калес и Теан, подвергнуты там телесным наказаниям и казнены. Около 30 сенаторов, во избежание мщения римлян, покончили жизнь самоубийством. Они собрались в доме Бибия Биррия на прощальный пир, после которого отравились. Триста знатных мужей, в том числе несколько человек из небольших соседних городов Ателлы и Калатии были отведены в Рим, где и умерли в темницах голодной смертью. Остальная часть мятежного населения с женами и детьми была продана в рабство. Менее виновные лишились своих земельных угодий и вынуждены были переселиться в другие места. Дома и городские стены были пощажены, но независимое самоуправление капуанской городской общины было уничтожено, и управление городом было вверено римскому префекту. В опустевший город устремился целый поток римских рабочих и вольноотпущенников. Падением Капуи в 211 году начинается решительная перемена в истории войн Ганнибала. С этого времени римляне начинают приобретать видимый перевес. Первым важным последствием победы в Кампании явилась возможность располагать войсками, которые и были отправлены в Испанию. Со времени поражения Сципионов она была совершенно потеряна и предоставляла неприятелю возможность предпринять вторичное нападение на Италию. В Испанию было отправлено подкрепление из 11.000 человек под командованием 27-летнего П. Корнелия Сципиона (210 г.) То был сын того Сципиона, который так несчастливо сражался при реке Тицин. Благородные черты лица Корнелия Сципиона изобличали в нем возвышенного героя, длинные волнистые волосы ниспадали локонами на его плечи, в глазах сверкало вдохновение гения, поступь и все движения выказывали величие и благородство. Он привлекал к себе все сердца, был любимцем и народа, и Фортуны.

Статуя Ганнибала

Утонченное эллинское образование Корнелия Сципиона находилось в полном согласии с его чувствами истинного римского гражданина. Искреннее восхищение всем прекрасным и великим совмещалось в нем с расчетливым, практическим умом. Он был необыкновенный стратег и в то же время искусный дипломат. Далекий от ненависти и зависти, слишком быть может снисходительный к недостаткам других, глубоко религиозный, Корнелий Сципион обладал поистине благородным, возвышенным характером, хотя, как говорит Моммзен, быть может, и не принадлежал к числу тех немногих личностей, которые (как Александр Македонский и Цезарь) своей железной волей заставляли мир идти по новому пути и определяли направление творческой деятельности людей на целые столетия вперед или же, подобно Ганнибалу или Наполеону, захватив на целые годы судьбы человечества, управляют им до тех пор, пока сами не падут под ударами рока. Карфагенские полководцы, оба Газдрубала и Магон, совершенно непонятным образом предоставили гарнизону всего в 1.000 человек под начальством Ганнана защиту стратегически важного пункта — гавани Новый

Карфаген, в которой находились их склады, арсеналы, мастерские. О такой слабой защите узнал Сципион. В глубочайшей тайне сделал он нужные приготовления и весной 209 года с войском около 25.000 пехоты и 2.500 всадников двинулся в поход из Таррацины. Флотом из 35 кораблей командовал испытанный друг Сципиона Лелий. Город удалось окружить с моря и с суши. Благодаря указанию рыбаков, была открыта слабо защищенная сторона города, стены были заняты и ворота изнутри открыты. Добыча, состоявшая из всякого рода военных припасов, оружия, тяжелых метательных орудий (катапульт и баллист), кораблей и корабельных запасов, была весьма значительна. При этом захвачены были и заложники, выданные испанскими племенами карфагенянам. Сципион отпустил их на волю с тем условием, чтобы они, вернувшись на родину, убедили своих соотечественников принять сторону римлян.

г) Газдрубал на Сене. Повторное завоевание Тарента. Смерть Марцелла.

Все теснее и теснее становился круг, в котором мог действовать Ганнибал. Италийские союзники покинули его один за другим. Филипп Македонский, с которым он еще в 25 году заключил союз, не представлялся теперь уже римлянам опасным врагом. Римляне удерживали его небольшими легионами. Кроме того, они настолько восстановили против него города Ахейского союза, что Филиппу было только что впору защищать собственные интересы. Вследствие этого Филипп не мог воспользоваться и удобным случаем для нападения на Италию после завоевания в 212 году Ганнибалом Тарента, который мог послужить местом высадки для его отборных македонских войск. Войско Ганнибала было стеснено чрезвычайно. Хотя сам Ганнибал и продолжал еще оставаться непобедимым и неуязвимым, но настало время, когда он с большим нетерпением ожидал прибытия своего брата Газдрубала, который должен был привести к нему новые войска из Испании.

Газдрубал в 208 году, после одержанной, как уверяют, над ним Сципионом победы при Бекуле, с войском из 48.000 человек, 8.000 всадников и 15 слонов обошел молодого П. Корнелия и направился через Альпы в Италию по той самой дороге, по которой шел его брат одиннадцать лет назад. Время года несравненно более благоприятствовало Газдрубалу, чем его брату, поэтому Ганнибал не ожидал его так рано, и это оказалось счастьем для римлян. Письма Газдрубала к Ганнибалу были перехвачены. Из них узнали, что оба брата намерены соединиться в Умбрии. Тогда консул Клавдий Нерон отважился на решительное предприятие. Он скрытно покинул ночью свой лагерь при Канузии, из которого до этого времени наблюдал за Ганнибалом, и поспешно направился с лучшей частью своего войска на север в Умбрию, чтобы, соединившись с войсками своего товарища М. Ливия Салинатора, уничтожить вспомогательное войско Газдрубала. Счастью угодно было, чтобы обыкновенно столь внимательный Ганнибал совершенно не приметил ухода своего противника. На этот раз он позволил себя обмануть, ибо сторожевые огни горели в римском лагере в одинаковом числе, как и прежде, и постов было выставлено ровно столько же, сколько их выставлялась и перед этим.

Консулы, находившиеся до этого времени во взаимной между собой вражде, действовали теперь в полнейшем согласии. Газдрубал подошел к колонии Сене Галлика. Здесь расположились против него римские консулы. Из двойных сигналов в римском лагере Газдрубал понял, что находится против обоих консулов. Это привело его к ошибочному заключению, что второй консул разбил и уничтожил Ганнибала и теперь соединился со своим товарищем. Поэтому Газдрубал еще ночью отдал приказание отступить обратно за реку Метавр, чтобы получить опору в галлах и выждать известий от Ганнибала. Но вероломные проводники завели его не туда, куда следовало, и он не нашел никакого брода через реку. Вследствие трудностей ночного перехода войска его утомились и частично пришли в беспорядок. На галлов, оказалось, не было возможности положиться — большая часть их была пьяна и неспособна к бою. В таком бедственном положении войско

Газдрубала на следующее утро подверглось нападению римлян. Битва в таких условиях должна была кончиться для Газдрубала несчастливо. Увидев, что все потеряно, Газдрубал бросился в самую страшную свалку и пал геройской смертью. Шесть дней спустя Клавдий Нерон с той же поспешностью, с какой ушел, вернулся в лагерь. Ганнибал все еще надеялся получить известие о своем брате. Чтобы доставить ему такое известие, Нерон приказал бросить голову Газдрубала к ногам неприятельских форпостов. При виде ее из груди Ганнибала вырвался крик отчаяния: «Здесь я вижу гибель Карфагена!» Немедленно отступил он со своим войском в область бруттиев и занимал этот уголок Италии еще в течение четырех лет и, само собой разумеется, не мог изменить дальнейшего хода событий.

Римские часовые

Восторг в Риме при известии об этом решительном повороте военного счастья был неслыханный. Имя Нерона затмило своим блеском имена его соратников. Сам он возвышал еще более свою заслугу своей скромностью, уступив заслуженный им триумф сотоварищу своему, в области которого был разбит Газдрубал. В то время, как Ливии Салинатор совершал свой триумфальный въезд на запряженной четверкой коней торжественной колеснице, Нерон довольствовался тем, что следовал за ним верхом. Несмотря, однако, на это, предметом всеобщего благоговения был Нерон, в котором народ видел настоящего победителя.

Потеря Капуи была для Ганнибала весьма чувствительной, но гибель брата совершенно поколебала его положение. Италийцы начали доставлять слишком много хлопот.

Небольшие гарнизоны, разбросанные там и сям Ганнибалом, очутились в тяжелом и опасном положении. Дело дошло до того, что Ганнибалу для сбережения драгоценных войск стало выгодно добровольно оставлять один город за другим, одну крепость за другой. Ганнибал отступал на юг в отдаленную Луканию, но отступая, он по временам все еще не переставал наносить римлянам чувствительные удары. Римляне были приведены в крайнее истощение, так что пришлось тронуть составлявшие последний ресурс 4.000 фунтов золота. Представители двенадцати латинских колоний объявили, что они уже не в состоянии доставлять деньги и войска. Но в этой чрезвычайной крайности, когда начало колебаться даже самое упорное римское мужество, представитель Фрегелл М. Секстилий от имени своего города и остальных 18 колоний, в том числе Луцерии, Венузии, Брундизия, Аримина, Песта, Беневента, объявил, что они готовы предоставить все вспомогательные средства, какие только потребует от них сенат. Когда об этом великодушном решении было доведено до сведения сената, представителям 18 колоний была самым торжественным образом объявлена глубочайшая благодарность римского народа, а названия 18 колоний были высечены золотыми буквами на стенах Капитолия.

После обратного завоевания Капуи римляне в 209 году сделали попытку покорить Тарент. Фабий напал на город с суши и с моря, а Марцелл в то же время должен был отвлечь внимание Ганнибала. Тарентинцы защищались с мужеством отчаяния, но один отряд бруттиев предательски отворил охраняемые им городские ворота, через которые римляне ворвались в город. Резня, которую они там устроили, нисколько не уступала по жестокости кровопролитию в Капуе. Из Тарента, как раньше из Сиракуз, были вывезены все произведения искусства.

Затем в 209 году не случилось никаких сколько-нибудь замечательных происшествий. В 208 году Марцелл в пятый раз был избран консулом. Вместе с сотоварищем своим Титом Квинкцием Криспином он действовал против Ганнибала, но предусмотрительно избегал вступать с ним в открытое сражение. Чтобы не стать, подобно многим своим предшественникам, жертвой военной хитрости Ганнибала, Марцелл лично совершал осмотр местности. Однажды он имел несчастье в окрестностях Венузии подвергнуться нападению нумидийских всадников и был изрублен вместе со своей свитой. Ганнибал долго и с

сожалением смотрел на труп Марцелла, затем приказал предать его сожжению с приличными его званию почестями, а пепел его отослал в Рим. Рим оплакивал смерть Марцелла, как одну из величайших потерь. Марцелл был храбрый воин и патриот, хотя и не принадлежал к выдающимся полководцам, равным по таланту Ганнибалу.

д) П. Корнелий Сципион в Испании и Африке. Битва при Заме. Мир.

Гибель Газдрубала при Сене предвещала потерю Испании для карфагенян. Для П. Корнелия Сципиона, который предводительствовал там войсками, теперь представляло уже нетрудную задачу привлечь на свою сторону жившие в Испании племена. Все далее и далее проникал он на юг. При Бекуле в 206 году Корнелий Сципион напал на карфагенское войско и принудил его к отступлению. Наконец, единственным важным пунктом во власти карфагенян оставался только Гадес. Но и этот город в 206 году был оставлен Магоном. Однако, прежде чем оставить его, Магон ограбил не только общественные кассы и храмы, но и многих граждан. Теперь Сципион мог известить сенат, что война в Испании окончена.

При появлении своем в Риме в 206 году Сципион был принят с восторгом. Но величайшей цели своего честолюбия — триумфа он не мог еще добиться, так как удостоить триумфа человека, не занимавшего никакой государственной должности, было невозможно, потому что это слишком резко противоречило древним обычаям. Но вместо этого Корнелий Сципион был вознагражден избранием его в консулы на 205 год. Заняв эту должность, он надеялся привести в исполнение гениальный план — перенести войну в Африку вопреки мнению сената, полагавшего, что такое предприятие невыполнимо до тех пор, пока Ганнибал находится в Италии. Корнелий Сципион настоял на своем, и сенат разрешил ему переправиться из Сицилии в Африку. Но перед этим должны были быть сделаны обширнейшие приготовления и созданы войско и флот. В этом деле Сципиона поддерживали усердными пожертвованиями, в особенности этрусские города. Войско было организовано наилучшим образом и снабжено всеми военными припасами. Наконец, весной 204 года из гавани Лилибея собрались войско и флот. 40 военных кораблей и 400 транспортных судов повезли в Африку войско из 35.000 человек. На третий день, не встретив никакого сопротивления, римляне высадились у Прекрасного мыса неподалеку от Утики. Однако этот город оказал столь сильное сопротивление, что остался непокоренным до тех пор, пока не был заключен мир. В то время, как Сципион стоял лагерем перед Утикой, к нему присоединился с 200 всадниками Масинисса, один из нумидийских владетелей. Он был изгнан из своего отечества другим нумидийским владетелем, Сифаксом, который восстановил союз с карфагенянами. Советы Масиниссы оказались весьма полезны римлянам. У него они научились нумидийским приемам ведения войны, научились, как можно перехитрить хитрых нумидийцев. Под предлогом ведения переговоров о мире, Сципион отправил способнейших своих военачальников в лагерь Сифакса и таким образом получил важнейшие сведения о положении тамошних дел.

Масинисса

После этого он совершил ночное нападение на нумидийский и карфагенский лагерь. Так как шалаши в них были из сухого дерева и покрыты тростником и листьями, то он поджег оба лагеря и устроил среди неприятеля страшнейшую резню. После второй победы Сципиона Сифакс отпал от карфагенян и вернулся в свое государство. Масинисса и Лелий последовали за ним туда. Дорогой они усилили свое войско подданными Масиниссы, прибывавшими к нему целыми массами. Затем Сифакс был побежден и взят в плен. Столица его Цирта (Константина) сдалась после того, как перед ее воротами показали скованного Сифакса. После этого Нумидия была покорена и перестала быть полезной союзницей

Карфагена.

Между тем положение Ганнибала в Италии становилось все затруднительнее. Только одну надежду мог он еще питать на улучшение своего положения. В то самое время, когда Сципион готовился к походу в Африку, младший брат Ганнибала Магон летом 205 года с собранным им на острове Минорке войском из 14.000 человек прибыл в Лигурию, высадился в Генуе и стал призывать под свои знамена галлов. Из Карфагена он получил еще подкрепление из 6.000 пехоты и 800 всадников. В области инсуб-ров он встретился с четырьмя римскими легионами под командованием П. Квинтилия Вара и проконсула М. Корнелия Цитега. Битва, казалось, не должна была иметь для римлян счастливого исхода, так как один Вар потерял 2.300 человек, 3 военных трибуна и 20 всадников. Но и сам Магон был тяжело ранен. В этот момент пришло известие о том, что начались переговоры о мире. Одним из условий перемирия было отозвание из Италии Магона и Ганнибала. Карфагеняне вызвали их обоих на родину. Магон отплыл из Италии, но умер дорогой от своей раны. И Ганнибал также повиновался призыву своего родного города. Осенью 203 года он отплыл из Кротона, последнего опорного пункта, остававшегося в его распоряжении. Скрежеща зубами, тяжело вздыхая и едва удерживаясь от слез, говорит Ливии, Ганнибал смотрел со своего судна на удалявшийся итальянский берег.

Прибыв в Африку, Ганнибал употребил наступившую зиму на то, чтобы привести в порядок свое войско.

Публий Корнелий Сципион Африканский Старший

Переговоры, как можно было предвидеть заранее, не привели ни к какому соглашению. В Риме карфагенские послы были умышленно задержаны, и их не допускали в сенат до тех пор, пока Магон и Ганнибал не покинули Италии. После этого со стороны римлян были предъявлены новые, невозможные требования. Наконец, карфагенские послы едва были удостоены холодного ответа и отпущены домой. Вследствие такого обращения с послами, мирное настроение в Карфагене превратилось в величайшее раздражение, разразившееся припадками ненависти против тех, кто советовал согласиться на мир. Так, Газдрубал, сын Гискона, спасаясь от рассвирепевшего народа, вынужден был искать убежища в своем фамильном склепе и, чтобы не попасть в руки разъяренной толпы, принял яд. Партия войны, во главе которой находилась фамилия Барка, вновь одержала перевес. Враждебные действия возобновились. Войско Ганнибала насчитывало 50.000 человек и 80 слонов, войско же Сципиона состояло из 34.000 человек. К нему присоединился сильный нумидийский отряд под командованием Масиниссы. Оба войска сошлись при Заме. Перед битвой Ганнибал имел свидание с Сципионом и пытался еще раз склонить его на мир. Именем своего народа он отказывался от всех внеафриканских владений. Но Сципион потребовал полной покорности. Тогда Ганнибал прекратил переговоры и глубоко огорченный, возвратился к своим. В речи, внушенной отчаянием, он призвал своих воинов в последний раз напрячь все свои силы, чтобы победить неприятеля. Историк Полибий, друг Сципиона, отдает Ганнибалу должное, что в день роковой битвы он сделал все, что можно было ожидать от великого гения, и позволяет нам заключить, что причиной его поражения было недостаточное число и дурное качество его войск, недостатки, которые он напрасно пытался возместить стадом слонов. Ганнибал потерпел столь сокрушительное поражение, что спасся в Адрумет. Отсюда он был вызван в столицу, которой не видел 36 лет. Здесь, вследствие настоятельных представлений Ганнибала, соотечественники его, видя всю серьезность создавшегося положения, решили искать мира с римлянами на любых условиях. Послы нашли Сципиона в Тунете, занятого усердными приготовлениями к осаде Карфагена. Сципион был готов вступить в мирные переговоры, опасаясь при дальнейшем продолжении войны потерять главное руководство войсками и таким образом лишиться триумфа. Он согласился за 25.000 фунтов серебра заключить предварительное перемирие сроком на три месяца. Кроме того карфагеняне

должны были принять на свой счет содержание римских войск и уплату им жалованья. Затем он отправил послов в римский сенат.

Карфагеняне прибыли в Рим как раз ко времени новых консульских выборов в 201 году. Избранными оказались Корнелий Лентул и П. Элий Пэт. Сципиону же было вновь продлено главное командование над войсками в Африке. Однако честолобивый Лентул непременно требовал, чтобы командующим стал он. Тщетно доказывали ему, как было бы несправедливо в то самое время, когда Сципион находился так близко от цели своего достославного предприятия, помешать его успешному достижению. Наконец сенат постановил следующее. Если война продолжится, то консул, хотя и отправится в Африку, но будет командовать там только флотом. Если же дело окончится миром, то тогда будет зависеть от решения народа, должен ли заключить мир консул или Сципион. В случае, если народ решит в пользу Сципиона, консул совсем не должен отправляться в Африку.

Таким образом, ближайшим вопросом в сенате было, следовало ли заключить мир. Все голоса высказались утвердительно, один Лентул был противного мнения. Несогласие одного из консулов составляло немалое затруднение. Дело должно было быть перенесено на решение народа. Народ собрался в центуриатных комициях. Народные трибуны изложили комициям спорный вопрос и собрали о нем голоса. Большинство решило в пользу мира и что заключение его должно быть предоставлено Сципиону.

Карфагенским послам, по установившемуся обычаю, первая аудиенция была дана за городом, в храме Беллоны. Теперь, когда дело приняло столь благоприятный оборот, послы просили допустить их в город и разрешить им посетить в государственных темницах своих родственников. Не только эта просьба была уважена, но так как они пожелали также выкупить известное число своих знатнейших сограждан, то указанные ими лица были отправлены к Сципиону с извещением, что по заключению мира они должны быть освобождены без всякого выкупа.

Тотчас после этого и послы отправились назад в Африку, чтобы продолжить переговоры в лагере Сципиона. Условия, на которых было изъявлено им согласие на мир, состояли в следующем:

- 1) Карфаген ничего не сохраняет за собой, кроме своих владений в Африке;
- 2) Выдает всех своих слонов и все свои военные корабли за исключением десяти трехъярусных галер;
- 3) Уплачивает Риму в течение 50 лет 10.000 талантов военных издержек по 200 талантов ежегодно;
- 4) Не имеет права начинать никакой войны без согласия на то Рима;
- 5) Масинессе возвращается все, чем когда-либо владели его предки;
- 6) Карфаген выдает безденежно все захваченные римские корабли с их грузами, всех римских пленных и перебежчиков;
- 7) выдается сто именитых заложников в обеспечение исполнения всех названных пунктов.

Этот договор обеспечивал римлянам господство на море, совершенно уничтожал могущество и независимость Карфагена, налагал на карфагенян определенную дань, а римлянам предоставлял право начать войну во всякое время, когда они этого пожелают. Если условия не были еще тяжелее, то только благодаря поспешности, с которой Сципион вынужден был заключить мир, так как он желал сохранить за собой славу, что он один окончил эту войну.

Приведение в исполнение мирного договора началось тотчас же выдачей флота и римских перебежчиков и пленных. Когда 500 прекрасных карфагенских кораблей были сожжены в открытом море на глазах римлян и карфагенян, то последние разразились громкими криками горя и отчаяния. Эпилогом войны было наказание изменников и награда оказавшим какую-либо услугу Риму. Римские перебежчики латинского происхождения были обезглавлены, немногие же из них, принадлежавшие к числу римских граждан, распяты на кресте. Массиниссе, который после победы над Сифаксом был назван «союзником и другом

римского народа» и получил в подарок корону, скипетр и трон, Сципион на торжественном собрании всего своего войска подарил вдобавок к его нумидийским владениям от имени римского народа и царство Сифакса.

Эта награда должна была служить блистательным примером того, как щедро умеют римляне вознаграждать своих друзей.

Затем Сципион с войском отправился обратно в Италию, где на пути следования его в Рим, население, толпами стремившееся, к нему навстречу из городов и деревень, приветствовало его как избавителя.

В Риме он удостоился триумфа, превзошедшего своим великолепием все прежние. Перед его колесницей шел пленный Сифакс, окруженный знатнейшими нумидийцами. Из богатой добычи, привезенной в триумфе напоказ, каждый воин получил небольшой подарок. Затем между ними было разделено известное число свободных земельных участков, но большая часть добычи в виде денег поступила в государственную казну. Как высшую почетную награду за свои заслуги Сципион получил прозвание Африканского.

17. Первая Македонская война. Римляне в Греции.

(200...197 г. до Р. Х.)

С тех пор, как римляне присвоили себе роль третейского судьи над народами и следовали старой политике принимать слабейшие государства с обманчивым именем союзников под свою защиту против государств сильнейших, в поводах к новым войнам не могло быть никогда недостатка. Теперь ни в одной стране, известной им на поверхности земного шара, не могло возникнуть ни малейшей распри, в которую они не имели бы предлога вмешаться в качестве защитников или союзников. Так, тотчас по окончании второй Пунической войны они затеяли споры на Востоке, в Македонии и Греции. Филипп V Македонский, с которым римляне, как с союзником Ганнибала вели уже непродолжительную войну, не только не был расположен позволять чуждому народу предписывать себе законы, но стремился к тому, чтобы самому возвыситься до положения своих предков. С этой целью он не только занял некоторые из лучших городов Греции — Коринф, Аргос, Халкиду на острове Эвбее, но заключил также союзы с ахейцами и могущественным царем Сирии Антиохом и намеревался даже покорить Афины для того, чтобы в союзе с Антиохом отнять у египтян во время малолетства царя их Птолемея Эпифана их иностранные рынки.

Притесненные народы искали и находили заступничество у своих могущественных защитников — римлян. Александрийский двор предложил даже римлянам опеку над пятилетним царем, уверяя, что именно этого желал на своем смертном одре отец его Птолемея Филопатор. Римский сенат принял на себя это звание так же милостиво, как милостиво выслушал и жалобы афинян, родосцев и пергамского царя Аттала и указал через своих послов обоим царям, Филиппу и Антиоху на их несправедливые поступки в отношении союзников. Но так как ни один из них не обратил на это внимания, то для спасения римской чести была решена война и прежде всего против Филиппа.

Но в это время произошел замечательный случай. Когда консул Сульпиций предложил собравшемуся на Марсовом поле народному собранию утвердить решение сената, то почти все центурии единогласно отказали в своем согласии. Народ уже устал, говорили они, вести войны в чужих землях и выносить на себе все тяжести войны.

Филипп V Македонский

Народный же трибун Бебий прямо обвинил сенаторов в том, что они умышленно вовлекают государство в новые войны для того, чтобы иметь возможность держать народ как

можно дольше в угнетенном состоянии. Однако во вторичном собрании консулу удалось убедить народ, что дело идет лишь о том, хотят ли они вести войну в стране неприятеля или допустить его, подобно Ганнибалу, вторгнуться в Италию. Доводы эти увенчались полным успехом и после этого набор войска и вооружение его производились с величайшей поспешностью. К значительному участию в военных действиях были привлечены новые союзники. Верный союзник римского сената царь Аттал лично привёл свой флот в Грецию, другой флот выставили родосцы. Масинисса прислал нумидийских всадников и провиант, и даже Карфаген обязывался доставить значительные запасы хлеба. Затем, после обычных жертвоприношений богам, чтобы снискать их благосклонность, упомянутый выше консул Сульпиций вышел в море из Брундизия. Он высадился в Аполлонии и послал из Керкиры, римской морской гавани, несколько кораблей с отрядом в 1.000 человек под командованием Г. Клавдия, в Афины. Отсюда Клавдий отправился в Халкидику, главное сборное место македонян, взял этот город, сжег склады и с богатой добычей возвратился в Афины. В отмщение за это Филипп поспешил в Халкидику, а оттуда в Афины. Но будучи не в состоянии взять Афины, он опустошил всю окрестную область с таким варварским неистовством, что разрушил даже храмы и бесчисленные статуи богов, украшавшие во множестве Аттику, и затем возвратился в Беотию.

В это время собрался союз городов Этолийского союза. Сюда консул Сульпиций также отправил своих послов, которые, выступив там против послов македонских, старались заручиться дружбой этолийцев. Этолийцы сначала колебались, но затем приняли сторону римлян. Одновременно в афинский порт. Пирей прибыл соединенный флот Рима и Пергама, столь вдохновивший афинян, что они дали простор своему гневу против разорителя их страны, македонского царя Филиппа. Одинаково необузданный и в любви и ненависти, пылкий афинский народ постановил считать Македонию смертельным врагом Афин, вычеркнуть из памяти все, что когда-либо связывало оба государства. Отныне ни один жрец не мог благословить Афины, не прибавив при этом проклятья царю Филиппу и всему его семейству. Было решено немедленно и единодушно одобрять любое деяние, направленное на уничтожение и позор македонян, а тех, кто осмелится сказать хотя бы слово в их пользу, убивать без суда на месте.

Царя Аттала, прибывшего с соединенным флотом, афиняне вышли встречать длинной процессией с жрецами, должностными лицами, женщинами и детьми. Его почтили принесёнными на алтарь жертвоприношениями и учредили в его честь одиннадцатый демос (общину), названный *атталийским*.

Этот первый поход не имел для римлян никакого результата. Консул 199 года Публий Виллий Таппул действовал не с большим успехом, чем Сульпиций. Только с наступлением 198 года, когда командование войском было поручено не достигшему еще тридцатилетнего возраста консулу Т. Квинцию Фламинину, война приняла совершенно другой оборот. Обладая тонким, изворотливым умом, в высшей степени одаренный талантом вести под видом кротости и миролюбия самую хитрую, коварную политическую интригу, Фламинин, уступая в достоинствах Сципиону, сумел тем не менее достигнуть равных с ним результатов. Он разбил одно из войск Филиппа в Эпире и дошел до Фокиды, между тем как брат его с флотом осадил Коринф.

В то же время послы Фламинина старались на сейме в Сикионе приобрести расположение ахейцев. Для ахейцев было большим самопожертвованием решиться перейти на сторону римлян. Наконец, в силу необходимости они вынуждены были пойти на унижительный поступок — переменить греко-македонского властителя на чужеземного.

В 197 году несмотря на то, что в Риме на этот год был избран другой консул, друзья Фламинина настояли на том, чтобы за ним было оставлено начальство над войсками в Македонии.

И Фламинин, будучи теперь только проконсулом, вполне оправдал их ожидания и с успехом выполнил возложенную на него задачу. Весной он объездил всю Грецию, заключил союзы в Аргосе со Спартой, находившейся под властью тирана Нависа, а в Фивах с беотийской республикой. Затем Фламинин направился в Фессалию, чтобы встретиться с Филиппом и по возможности скорее закончить войну решительным сражением. Он нашел Филиппа в Скотуссе, местности, покрытой многочисленными холмами, которые назывались Кинокефалами, то есть Собачьими головами. После того, как Фламинин в обычном воззвании к римским войскам напомнил о славе их предков, а Филипп в речи к своим воинам напомнил о подвигах македонян, началась битва. В этом сражении римляне впервые применили боевых слонов. Филипп был совершенно разбит и бежал с остатками войска через Лариссу в Темпе, а оттуда к себе в Македонию. Отсюда он обратился к победителю с предложением о перемирии. Фламинин собрал представителей от всех союзников, чтобы выслушать их мнения о предложенных ему мирных условиях. Этолийцы непременно требовали лишения Филиппа престола. Но проконсул объяснил им, какой сильный оплот представляет Македония против северных варваров. Этолийцы возразили, что если Филиппу будет оставлено его царство, то они никогда не будут иметь от него покоя. «Заботу об этом я беру на себя», — отвечал на это римлянин.

На следующий день явился сам Филипп и беспрекословно отдался победителю. Фламинин представил ему мирные условия, совершенно сходные с условиями, предложенными карфагенянами. По этим условиям он должен был ограничиться одной областью — Македонией, обязывался объявить свободными все греческие города в Европе и Азии, вывести из них свои гарнизоны, уплатить тысячу талантов военных издержек и выдать все свои военные корабли, за исключением пяти трёхъярусных галер. Кроме того, Филипп обязывался содержать не более пяти тысяч воинов, не иметь боевых слонов и ни с кем не воевать без согласия Рима. Филипп согласился на эти условия. В Рим с проектом договора отправились послы от имени Филиппа и проконсула; на время же перемирия в качестве заложника римлянам был выдан сын Филиппа, Дмитрий. Сенат утвердил мирный договор и отправил десять представителей в Грецию для приведения в порядок дел новых союзников.

Таким образом, некогда могущественная Македонская монархия была низведена на ступень незначительного, бессильного государства и навсегда потеряла свое прежнее огромное влияние на Грецию.

Уничтожение всякой чужеземной морской силы стало теперь правилом римской политики, ибо только таким путем можно было, не имея собственного значительного флота, утвердить за собой необходимое господство на море.

Суровая участь Филиппа все еще не представлялась грекам слишком печальной. Они даже подозревали, что при заключении мирного договора имел место подкуп. В действительности можно предполагать, что Фламинин спешил заключить мир, чтобы еще иметь возможность в подходящее время встретить вооружавшегося с давних пор Антиоха Сирийского.

Перед возвращением в Рим для празднования своего триумфа Фламинин разыграл род политической комедии с целью ввести доверчивых греков в заблуждение относительно истинных намерений римлян. Дело происходило как раз во время Истмийских игр. Этот-то именно момент и избрал Фламинин. На эти игры греков явилось гораздо больше, чем когда-либо, так как каждый ожидал услышать, как должна измениться в будущем судьба Греции. Все заняли свои места и приготовились к зрелищу. На середину ристалища вышел глашатай с трубой, чтобы, согласно обычаю, в установленных выражениях возвестить о начале игр. Пригласив всех трубным звуком к тишине и молчанию, глашатай объявил следующее: «Римский сенат и главный военачальник Т. Квинкий вместе с победой над македонянами и царём Филиппом возвращают независимость, свободу от налогов и самостоятельность коринфянам, всем фокеянам, острову Эвбее, магнетам и фессалийцам, перребрам и фтиотийским ахеям». При этом он назвал поименно все народы, которые

были под властью царя Филиппа. Провозглашенное глашатаем объявление возбудило такой сильный восторг, что он помешал сразу вполне его постигнуть. Едва верили тому, что слышали своими ушами, смотрели друг на друга в изумлении и думали про себя, не обольстительный ли это сон. Каждый читал ту же мысль в лице другого и, не решаясь верить ушам своим, обращался вопросительно к сидевшему с ним рядом. Каждый желал не только слышать, но видеть провозвестника свободы. Снова призвали глашатая. Он вернулся и еще раз повторил все им сказанное. Теперь, когда собрание убедилось в достоверности радостного известия, поднялся неумолкаемый крик восторга, раздались оглушительные рукоплескания, и в эту минуту можно было вполне убедиться, что для этого народа не существовало блага выше свободы. Значит, есть же на земле хоть один народ, который, жертвуя своими собственными силами и подвергая самого себя опасности, ведет войну за свободу других и делает это не для своих соседей, не для дорогих и близких ему людей. Нет, он переплыл море для того, чтобы на всей поверхности земли не давать воли незаконному произволу, а предоставить повсюду господство лишь праву, справедливости и закону. Так гласит бесхитростный рассказ Ливия об этой сцене. Само собой разумеется, что в числе греков немногие проницательные люди ясно видели истинную цену этому новому благоденствию. Они хорошо понимали римскую политику, которая желала на время удовольствоваться малым, чтобы разъединить эти могущественные силы и доставить себе в скором времени мнимым благоденствием многочисленных помощников против ожидаемого более сильного врага. И действительно, Фламинин, несмотря на обещанную свободу, оставил римские гарнизоны в Халкиде и Димитрии.

18. Война с Антиохом Сирийским. Смерть Ганнибала

(192...189 г. до Р. Х.)

В то время, как римляне заняты войной с Филиппом, Антиох совершил значительные завоевания в Малой Азии и между прочими подчинил своей власти и греческие города в Херсонесе Фракийском. Это обстоятельство послужило римлянам желанным поводом, чтобы дать почувствовать Антиоху их силу. Для этого после провозглашения свободы всех греческих городов, само собой разумеется, следовало присоединить к Греции также и греческие города в Малой Азии: Смирну, Лампсак и прочие, давно уже относящиеся к владениям Антиоха, а также и Херсонес Фракийский, где Антиох только что вновь отстроил разрушенный город Лисимахию. Тотчас по окончании войны с Филиппом римские послы встретились с Антиохом в Лисимахии и предписали ему очистить указанные города и области. Антиох выразил свое удивление тому, что его принуждают отдать владения и права, унаследованные им самым законным образом от своих предков. Но все возражения Антиоха были тщетны. Римские послы настаивали на том, что он должен очистить Европу и даровать свободу греческим городам в Азии.

Антиох III

Несколько лет прошло в переговорах. Антиох долго оставался в нерешительности, ибо желал заранее убедиться, на каких союзников он может рассчитывать в случае войны. В Греции более других были недовольны римлянами это-лийцы, так как считали, что те недостаточно наградили их за свой союз. Со стороны Филиппа также можно было ожидать, что он при первой возможности постарается разорвать наложенные на него узы. Но более всех сгорал нетерпением отомстить гордому победителю за свой глубоко удрученный народ Ганнибал, который уже шесть лет находился во главе карфагенского государства и своим бережливым и мудрым управлением финансами снова привел Карфаген в цветущее положение. Чего можно было бы ожидать от союза этих четырех держав, особенно в том

случае, если общими их предприятиями стал бы руководить такой человек, как Ганнибал!

В самом Риме сознавали опасность, поднимавшуюся на Востоке, и принимали меры, как нельзя более соответствовавшие важности положения. Греческие государства постоянно находились под самым тщательным надзором римских наместников; македонского царя время от времени убаюкивали незначительными милостями и еще большими надеждами; в Сирии пустили в ход придворные интриги; а в Карфаген были отправлены послы, которые должны были потребовать выдачи Ганнибала под тем предлогом, что он находился в подозрительных связях с врагами Рима. Что за дело было римлянам до того, был ли их образ действий благороден и достоин великого народа; лишь бы то, что они предпринимали, приносило пользу государству!

Ганнибал тотчас же угадал истинное намерение явившихся в Карфаген римских послов и вовремя спасся бегством от угрожавшей ему выдачи (195 г. до Р. Х.). Он отправился к Антиоху, который назначил ему местопребыванием город Эфес и в первые дни не отпускал его от себя ни на шаг. Но римские наушники сумели всевозможными сплетнями и интригами настолько сильно внушить подозрение к знаменитому гостю, что царь удалился от него с видимой холодностью и боязнью. Однако присутствие Ганнибала настолько подняло дух Антиоха, что он имел мужество отвергнуть требования римлян.

Наконец, в 193 году между Сирией и Римом началась война. Антиох рассчитывал на помощь этолийцев, римляне заручились содействием остальных греков. Магическое для греков слово «свобода» послужило приманкой и на этот раз. На собрании представителей всех греческих городов Фламинин объявил им, что римляне будут защищать их свободу в войне с Антиохом так же непоколебимо, как защищали ее, воюя с Филиппом. И на этот раз родосцы и преемник Аттала Эвмен присоединились к Риму. Антиох со своей стороны также держал совет с друзьями. Ганнибал непременно желал перенести войну в самую Италию, ибо утверждал, что Рим можно победить только в самом Риме. Для успешного выполнения этого предприятия Ганнибал требовал 100 галер, 10.000 пехоты и 1.000 всадников. К этим силам он был намерен присоединить карфагенян, а затем вторгнуться в Италию. В то же время Антиох должен был занять Грецию и каждую минуту быть готовым явиться на помощь Ганнибалу. План был превосходный, но, к счастью для римлян, Антиох из зависти к славе Ганнибала пренебрег его советом и решился действовать по своему собственному усмотрению.

Начало неприязненных действий последовало со стороны Набиса, тирана Спарты. В 192 году он сделал попытку вновь овладеть отнятыми у него пелопоннесскими городами. Вслед за ним поднялись этолийцы, и по их просьбе сам Антиох прибыл с флотом к Димитрии. Ахейцы объявили себя противниками Антиоха. Первым и, конечно, легким военным подвигом Антиоха во время этого похода было взятие города Халкиды. Здесь он расположился на зимние квартиры, отпраздновал свою свадьбу с одной молодой гречанкой, сумевшей заманить его в свои сети, и провел вместе с войском всю зиму в роскошных празднествах. Весной 191 года он с ужасом узнал, что римский консул Акилий Глабрий стоит с войском уже в Фессалии. Антиох выступил ему навстречу и поспешно призвал на помощь своих союзников этолийцев. Но они прислали лишь 4.000 человек. Затем он отступил перед наступающими римлянами в Фермопильское ущелье. Здесь Антиох был совершенно разбит и из всего своего войска спас около 500 человек, с которыми бежал в Халкиду, а оттуда немедленно переправился в Эфес.

После этого консул пошел против этолийцев. Овладев их сильно укрепленным городом Гераклеей, Глабрий отверг просьбы этолийцев о мире, он ответил им с возмутительной жестокостью, угрожая знатнейшим лицам цепями и темницей. Тогда этолийцы сосредоточили все свои военные силы в укрепленном городе Навпакте. Глабрий осадил их, но в скором времени при посредничестве Фламинина заключил с ними перемирие и потребовал, чтобы они послали в Рим послов для переговоров о мире. Но послы после недолгих и бесплодных переговоров были высланы из этого города и должны были в течение 14 дней выехать из Италии.

В следующем, 190 году консул Акилий Глабрий был замещен избранным на его место Корнелием Сципионом, которого сопровождал в качестве легата его знаменитый брат Публий Корнеллий Сципион Африканский. Успешные действия предшественника и три морских победы претора Ливия настолько облегчили Луцию Корнелию Сципиону его дело, что он, не имея надобности долго оставаться в Греции, направился через Фессалию, Македонию и Фракию, а затем через Геллеспонт в Азию. Теперь римское войско действовало на полях древней Трои. Антиох, который считал, что в Азии он свободен от всяких преследований, не обращал никакого внимания на все предостережения Ганнибала. Но теперь он поспешно стянул к себе войска, составлявшие пеструю смесь всевозможных народностей: сирийцев, галатов, каппадокийцев, мидян и арабов; при его войске находились даже верблюды и колесницы с косами. Он встретил римлян при Магнесии, у подошвы горы Сипила. Но войско Антиоха не могло устоять против непреодолимой храбрости и превосходного военного искусства римлян. Антиох был совершенно разбит и спасся ночью с немногими спутниками в Сарды, откуда немедленно бежал через горы Тавра во внутреннюю Сирию. Ни Ганнибал, ни Сципион Африканский не участвовали в этой битве. Ганнибал был отправлен в Финикию, чтобы создать там флот, который должен был уничтожить союзников римлян — родосцев; а Сципион Африканский из-за болезни оставался в Элее.

Ближайшим следствием победы при Магнесии было добровольное изъявление покорности всеми городами Малой Азии. А пришедший в отчаяние Антиох отправил посольство с просьбой о мире. Публий Сципион, которому было поручено определить условия мира, предписал точно такие же, какие были предписаны одиннадцать лет назад карфагенянам. Царь должен был ограничиться одной Сирией, отказаться от всей Малой Азии до самого Тавра, в течение двенадцати лет уплатить военных издержек 15.000 талантов римлянам и 500 талантов

Эвмену, выдать всех боевых слонов и весь флот, за исключением десяти кораблей, не предпринимать никакой войны против западных стран, выдать Ганнибала и этолийца Фоаса и дать 20 заложников в обеспечение исполнения мирного договора.

Антиох дал своим послам полномочие заключить мир на каких бы то ни было условиях, поэтому послы и продолжали свой путь из римского лагеря в Рим, чтобы предоставить мирный договор на утверждение сената. С ними также отправились послы родосцев и сам царь Эвмен, чтобы воспользоваться этим случаем и снова засвидетельствовать свою преданность римлянам. Все они были приняты с чрезвычайной благосклонностью и осыпаны благодеяниями. Римляне, не имевшие еще возможности непосредственно управлять столь отдаленными завоеванными странами, как Фригия, Мизия и Лидия, с притворным великодушием разделили их между родосцами и пергамским царем. Этим они не только приобрели себе двух верных друзей, но в их лице создали для Антиоха несносных пограничных надсмотрщиков, ревниво наблюдавших за каждым его шагом. Огромная дань не только совершенно ослабляла внутренние силы Сирии, но и ставила ее в постоянную зависимость от римлян. Для приведения в порядок дел освобожденных греческих городов в Азию было послано десять римских наместников.

Насколько на примере Масиниссы, Эвмена и родосцев было показано, как великодушно умеют римляне награждать своих друзей, настолько этолийцы должны были послужить примером того, как строго карает Рим строптивых врагов и вероломных союзников.

Луций Корнелий Сципион Азиатский

В 189 году консул Фульвий Нобилиор предпринял против них поход. После того, как этолийцы были почти совсем обессилены, римляне согласились дать им мир на следующих суровых условиях: этот бедный народ должен был заплатить 500 талантов военных издержек и дать обязательство ни с кем не воевать без позволения римлян.

Таким образом, Рим сделался теперь решителем судеб всего мира. Сила главных государств остальной Европы была сломлена; незначительным же государствам не оставалось делать ничего другого, как добровольно подчиниться власти римлян. Но в этом блестящем периоде могущества Рима уже таились семена будущей гибели. Неисчислимые сокровища, произведения искусства, роскошь и свободные нравы, принесенные в Рим из побежденных стран, внушали серьезное опасение более рассудительным современникам. Самые невоздержанные из полководцев вывозили из греческих дворцов и храмов целыми тысячами домашнюю утварь самой роскошной и искусной работы, картины и статуи. Таковы были Акилий, Фульвий и в особенности Луций Сципион, удостоенный почетного наименования — Сципион Азиатский.

Между тем Сципионы не избегали зависти. Публий Сципион Африканский, который при всей своей военной суровости любил роскошь и великолепие в обстановке, уже во время своего похода в Испанию подал повод к порицанию. А против его брата Луция Сципиона Азиатского возникло даже подозрение в том, что он был подкуплен Антиохом и вошел с ним в соглашение при заключении мира. Оба Сципиона были приверженцами греческих обычаев и даже хвалились этим. Из-за этого суровый Катон, поборник простоты и умеренности древних римских нравов, перешел на сторону их противников. Нашлись и официальные обвинители, которые перенесли дело в суд преторов; были произнесены обвинительные и защитительные речи, и весь Рим принял участие в этом важном процессе. Суд происходил в годовщину битвы при Заме, и Публий пристыдил своих судей тем, что открыто напомнил о своих подвигах и предложил народу последовать за ним на Капитолий, чтобы возблагодарить там богов за благодеяния, оказанные ими через него. После этого Публий, глубоко оскорбленный и, кроме того, больной, удалился в свое поместье близ Литерна. Состоялся суд и против его брата Луция, и судьи присудили его к денежному штрафу, который он мог внести, продав все свое имущество. Он также удалился из Рима, его друзья выкупили самую необходимую домашнюю обстановку и старались по возможности облегчить его положение.

Ганнибал, чтобы не быть выданным Антиохом, бежал сперва на остров Крит, а затем нашел убежище у царя Вифинии Прусия.

Римская домашняя утварь

Прусий II

В свое время он оказал Прусию большие услуги в войне того с Эвменом. Но едва Фламинин потребовал у Прусия выдачи Ганнибала, как тот дал Фламинину полномочие арестовать Ганнибала. Хотя Ганнибал имел в своем доме семь выходов и среди них некоторые были потайными, ни о каком спасении нечего было и думать, так как дом был окружен воинами царя. На этот случай Ганнибал уже давно имел при себе маленький флакон с ядом. «Итак, — воскликнул он, — дадим, наконец, римлянам возможность избавиться от страха, ибо они не могут дожидаться смерти старика! Но победа Фламинина, одержанная над беззащитным и выданным врагом, не будет ни важна, ни достопамятна. Насколько развратились римляне в нравственном отношении, показывает сегодняшний день. Предки их предупредили Пирра, когда он в качестве вооруженного врага стоял в Италии, о яде, который хотел ему поднести его враг; нынешние же римляне присылают сюда в качестве посла бывшего консула для того, чтобы он склонил Прусия вопреки чести и долгу дать приказание убить своего гостя». Затем, произнеся несколько проклятий Прусию, Ганнибал выпил смертельный яд и умер 70 лет от роду.

19. Вторая Македонская война: Персей, Эмилий Павел Пидна.

(171...168 г. до Р. Х.)

Владения Рима расширялись с каждым годом. Между тем сенату все труднее становилось управлять государственными делами. Приобретаемое храбрыми войсками и талантливыми полководцами должно было удерживаться осторожным и благоразумным управлением лиц, стоящих во главе государства. Величие римской политики главным образом проявлялось в дипломатических отношениях, посольствах и действиях наместников. Величайшего удивления заслуживает единодушие, царившее во всей системе управления, начиная от консула и кончая последним должностным лицом, занимавшим самую низшую ступень в государственной иерархии. Все были одушевлены одним направлением, говорили и действовали на основании одних и тех же правил, как бы подчиняясь одному всепроникающему национальному духу и повинаясь одной национальной гордости.

К числу венценосных правителей, над которыми было необходимо установить особый надзор, принадлежал македонский царь Филипп V. Была учреждена целая сеть шпионов и агентов, обязанных наблюдать за каждым движением этого царя и доносить Риму. Другие шпионы тайно подстрекали соседей жаловаться на притеснения, которые якобы делались со стороны Филиппа; это каждый раз давало римскому сенату повод посылать в Македонию следственные комиссии, которые формально требовали к допросу царя и, то внушительно упрекая его, то предостерегая, то угрожая, напоминали ему о его зависимом положении.

Филипп слишком хорошо чувствовал на себе тяжелую руку своих повелителей, чтобы с терпением переносить свою участь. Однако же, насколько позволяло присутствие шпионов, Филипп употреблял время дарованного ему мира на то, чтобы пополнять свою казну, свои склады и держать народ всегда вооруженным. Таким образом он действовал в интересах своих преемников, надеясь, что для них настанут более благоприятные обстоятельства. Филипп умер в 179 году в отчаянии от того, что велел отравить своего младшего сына Димитрия, несправедливо обвиненного своим старшим братом Персеем.

Филипп завещал сыну Персею царство и враждебные замыслы к Риму. Юношеское нетерпение сына послужило обстоятельством, ускорившим окончательную развязку. Хотя вначале Персей как будто и сам придерживался благоразумной политики и посылал даже посольства для возобновления договоров с Римом, однако он с удвоенною поспешностью продолжал подготовку войска, начатую отцом, и старался приобрести союзников.

Персей

Все это заметили римские шпионы. Но гораздо больше того, что могли открыть шпионы, обнаружил завистливый и недоброжелательный сосед Эвмен, царь Пергамский. Заключив союз с римлянами, он стал для народов Малой Азии еще невыносимее, чем был для них Антиох. Чтобы сохранить дружбу с римлянами, Эвмен решил сослужить своим покровителям службу шпиона и в 172 году лично поехал в Рим, чтобы тайно предостеречь сенат об интригах Персея, который, как уверял он, привлек на свою сторону все греческие города, женился на дочери сирийского царя Селевка, свою сестру выдал замуж за вифинского царя Прусия II, а самого Эвмена склонял вступить с ним в союз и собрал в складах продовольственных запасов на десять лет. Вследствие этого в Македонию были отправлены послы, чтобы напомнить Персею о договорах, заключенных как с его отцом, так и с ним самим. Послы передали ему это повелительным тоном. Персей отвечал им с сознанием своего достоинства, что он не желает больше быть связанным таким позорным договором и что в данное время чувствует себя настолько сильным, чтобы сбросить то постыдное рабство, каким угнетают римляне своих так называемых друзей. Войны он не ищет и, если хотят предложить ему новый союзный договор на лучших условиях, то он обдумает их. Послы гордо возразили, что после таких речей они вынуждены будут отказать

ему в своей дружбе. Тогда царь потребовал, чтобы они в три дня оставили его царство. Почти в то же самое время Эвмен на возвратном пути, проезжая из Коринфского залива в Дельфы по узкой дороге, подвергся нападению убийц и был побит камнями до полусмерти. Конечно, не обошлось без того, чтобы на Персея не пало подозрение как на главного виновника этого происшествия.

В 171 году началась война с Персеем. Македонию в качестве провинции получил по жребию консул Лициний, имевший войско в 50.000 человек, в то время как войско Персея насчитывало 47.000.

При наборе римских ветеранов произошел случай, который может служить примером единодушия римских воинов. 23 центуриона отказались идти в поход, если им не будут предоставлены те же почетные места, которые они занимали прежде. После долгих споров между консулами и военными трибунами один из этих центурионов просил позволение сказать несколько слов народу.

Римский центурион

«Квириты! — начал он. — Меня зовут Спурием Лигустином. Я родом из Сабинской области. Отец завещал мне участок земли и хижину, в которой я родился и вырос и в которой живу и сейчас. Он рано женил меня на дочери своего брата. Жена моя родила восьмерых детей. Две дочери вышли замуж, четыре старших сына уже надели на себя мужские тоги, двое еще носят детское платье. Я начал военную службу в год консульства Публия Сульпиция и Квинта Аврелия. Два года я служил простым солдатом в войске, действовавшем в Македонии против царя Филиппа. На третий год Квинкций Фламинин в награду за мою храбрость перевел меня в десятую манипулу копьеносцем. Затем я служил в Испании под начальством консула Катона, который назначил меня центурионом первой манипулы триариев. Затем я добровольно служил солдатом в войске, посланном против Антиоха и этолийцев, и в эту войну Акилий Глабрий произвел меня в первые центурионы первой манипулы. После этого я совершил еще разные походы и четыре раза командовал первой манипулой. Тридцать четыре раза удостоивался я получать награды от полководцев. Я получил шесть гражданских венков, совершил 22 похода и дожил до 50 лет. Таким образом я не обязан больше служить, тем более, что могу поставить за себя четырех сыновей. Но пока полководцы считают меня способным носить оружие, я никогда не откажусь от службы. Военные трибуны могут назначить мне место по своему усмотрению, это их дело; мое же дело будет — никому на войне не уступить в храбрости, чем я отличался всегда и во свидетельство чего призываю всех своих товарищей. Итак, центурионы, вы находитесь в таком же положении, как и я. Я полагаю, что, если мы никогда не возражали начальникам нашим во дни нашей юности, то теперь тем более нам следует выказать повиновение сенату и консулам и считать почетным всякое место, на котором мы можем оказать услугу государству».

Между тем римские послы объехали все подвластные Риму страны, чтобы повсюду заручиться союзниками. Беотийцы, ахейцы и этолийцы тотчас же присоединились к римлянам; родосцы прислали флот; Эвмен обещал с двумя своими братьями и с отрядом войск присоединиться к консулу в Фессалии. Со своей стороны Персей рассчитывал на иллирийского царя Генция и на фракийского царя Котиса. Но Персей часто поддавался влиянию дурных советников и терпел неудачи вследствие своей скупости. Узнав о высадке римского войска, он сначала хотел вступить в переговоры, но его послы не были даже приняты. Началась война. Персей выступил против консула Лициния Красса и напал на него при Калликине в Фессалии. В конном бою римляне были разбиты и отступили в свой укрепленный лагерь. Персей рассчитывал, что наступил момент, благоприятный для возобновления мирных переговоров, но он не знал гордости римлян: разбитый Лициний потребовал от него безусловной покорности.

Однако Персей имел на своей стороне огромное преимущество, заключавшееся в гористой местности и в неспособности первых трех посланных против него полководцев. В 170 году Персей разбил и консула Гостилия Марцина. В следующем, 169 году преемник Гостилия, консул Марций Филипп отважился на очень опасный поход через фессалийско-македонские пограничные горы неподалеку от Олимпа. Персей мог его здесь уничтожить, но до того испугался смелости этого предприятия, что покинул свою крепкую позицию и велел выбросить в море свои сокровища, находившиеся в Пелле, и сжечь корабельные верфи в Фессалониках.

Свои услуги предложил Персею военный отряд галлов, состоявший из 20.000 человек, перешедших через Дунай. Но он, зная своеволие галлов, пожелал принять на службу лишь 5.000 человек; галлы не согласились на это и вернулись к себе.

В это же время начал войну и иллирийский царь Генций, который был вероломно обманут Персеем. Генций потребовал 300 талантов за свое участие в войне и получил незначительную часть этой суммы. Но как только Генций открыто объявил себя врагом римлян и заключил в темницу их послов, Персей не послал ему остальных денег, считая, что теперь Генций волей-неволей должен вести войну с Римом. Римляне послали против Генция войско под начальством претора Аниция, который завоевал его столицу Скодру, взял в плен его самого с женой и детьми и отвел их в Рим.

В самом Риме были недовольны тем, что такой ничтожный враг, как Персей, в течение трёх лет доставлял хлопоты прежде столь победоносным римским войскам. Доходили слухи, что в войсках из-за неспособности полководцев господствует беспримерная распущенность и совершенно отсутствует обычная в римских войсках дисциплина. Достоинство республики требовало решительного поворота в войне. На первых же выборах народ единогласно избрал консулом престарелого Эмилия Павла, пользовавшегося уважением за честность. Ему было поручено принять командование всеми войсками в Македонии.

Этот достойный муж, сына Павла Эмилия, убитого при Каннах, 14 лет тому назад уже был консулом и со славой предводительствовал римским войском в Лигурии. После этого он проводил время в занятии сельским хозяйством и в заботах о воспитании своих детей. Вновь призванный к общественной деятельности, Эмилий Павел немедленно приступил к исполнению возложенной на него обязанности с тем достоинством и твердостью, каких ожидали от него, как от спасителя отечества и народной славы. Он выговорил себе право заменять по своему собственному усмотрению все должности во вверенных ему войсках и оградил себя от интриг и вмешательства тех лиц, которые ничего не понимали в делах, но тем не менее желали руководить. Для этого он обратился к народу с такой речью:

«Граждане! Вы оказываете мне большую честь, признавая меня способным окончить, как приличествует римскому имени, продолжающуюся так долго и с таким позором войну. Разумеется, я возлагаю в этом отношении мои упования на милость богов, но уверяю вас, что употреблю все свои силы и старания, чтобы не обмануть ваших ожиданий. Но для этого (в чем я главным образом и прежде всего нуждаюсь) верьте тому, что я буду писать вам, и не доверяйте пустым слухам! Ибо ничто так не волнует умы, как ложно распускаемые слухи. Здесь есть люди, постоянные посетители харчевен, которые думают начальствовать над войсками в Македонии и безошибочно знают, где следует разбить стан, где построить укрепления, через какие проходы следует вторгнуться, где учредить склады, как распоряжаться подвозами, когда вступать в сражение и когда отдыхать. Затем они произносят приговор полководцу, как будто он стоит уже перед судом, и каждый хочет быть его наставником. Это очень затрудняет главного военачальника, и немногие переносят насмешки и хулы с таким хладнокровием, как некогда Фабий. Я охотно приму наставления и советы, но в таком случае, если те, которые хотят их давать, будут находиться при мне, видеть мое положение и разделять мои опасности. Итак, если кто-либо из вас хочет давать мне советы в войне, которую я должен вести, тот пусть идет со мной в Македонию; я согласен разделить с ним свой корабль, своих лошадей, свою палатку и свой стол. Но кто страшится этого

труда, тот не должен и начальствовать надо мною, сидя в своей комнате, а пусть молчит и знает, что мы достаточно уже обсудили все дела в нашем стане».

С такой же внушительной речью обратился Эмилий и к вверенным ему войскам. Он нашел в войске беспримерную распущенность. Каждый желал приказывать, и никто не хотел повиноваться, и все показались даже обиженными на то, что он коротко и сухо отдал им приказание заботиться лишь о себе, о своем оружии и об исполнении его приказаний.

Персей занял укрепленную позицию на реке Эльпне. Обходным движением Эмилий принудил его оставить эту неприступную позицию и отступить к северу. Персей остановился у Пидны и расположился здесь лагерем. Эмилий последовал за ним. Накануне сражения было лунное затмение, которое привело в ужас как римлян, так и македонян. Римляне стучали всякими металлическими орудиями, чтобы этим шумом снова вызвать лунный свет, и поднимали вверх множество факелов и головней, как будто желали зажечь потухший небесный свет. На следующий день военный трибун Сульпиций Гальба объяснил войску естественные причины этого явления. Эмилий приказал принести в жертву луне одиннадцать молодых быков, а на следующее утро двенадцать волов в жертву Геркулесу. Он не тотчас напал на неприятеля, а сначала дал отдохнуть своим утомленным воинам. Вечером 22 июня 168 года стычка передовых войск, ведших коней на водопой, переросла в решительное сражение при Пидне. Столкновение македонской фаланги с римскими легионами было ужасно. Римляне не могли прорвать плотно сомкнутый лес копий. На флангах римлянам удалось прорвать несколько рядов, здесь римляне сначала привели македонские войска в замешательство, а затем и в совершенное расстройство. По уверению историка Полибия, Персей одним из первых обратился в бегство. Скоро оно сделалось всеобщим, и сражение окончилось полным поражением македонян. Последствия этого поражения были решительны. Эмилий Павел сделался повелителем всей Македонии, так как пришедший в отчаяние Персей не думал больше ни о какой обороне, а бежал со своими сокровищами из Пидны в Пеллу, оттуда в Амфиполь и наконец на священный остров Самофракию, где он искал убежища в храме Кастора и Поллукса. Но все было напрасно. Из-за измены одного критянина, который взялся перевезти его во Фракию к царю Коттису, бегство не удалось, и Персей вынужден был сдаться претору и начальнику флота Октавию. Октавий отвез его вместе с детьми и казной на корабле в Амфиполь, а оттуда отправил в стан Эмилия.

В траурной, темно-серой одежде вступил в римский стан низверженный монарх. Здесь Персея окружила такая огромная толпа любопытных, что он мог пройти в палатку военачальника лишь с помощью ликторов, очистивших ему дорогу.

Приказав находившимся в палатке остальным военачальникам сидеть, консул встал, сделал несколько шагов навстречу входившему царю и протянул ему руку. Тот хотел броситься к ногам консула, но он не допустил этого, ввел царя во внутреннюю часть палатки и усадил напротив собравшегося здесь военного совета. Первый вопрос, с которым Эмилий обратился к царю, был следующий: «Какое оскорбление привело тебя в столь враждебное настроение, что ты решился предпринять против римского народа войну, в которой рисковал потерять все свое царство?» Все с нетерпением ожидали ответа, но так как царь, опустив глаза в землю, молчал и только плакал, то консул продолжал: «Если б ты вступил на престол юношей, то для меня было бы менее удивительно твое незнание, каким могущественным другом и опасным врагом может быть римский народ. Припомни — ты сам был свидетелем всего этого — веденную твоим отцом войну и заключенный затем мир с нами, который мы соблюдали во всех мельчайших подробностях, и скажи нам, чего желал бы ты больше: вести войну или оставаться в мире с теми, чью мощь в военное время и верность во время мира узнал ты по опыту?» Когда Персей ничего не отвечал и на это, консул продолжал: «Но произошло ли это случайно, или вследствие свойственного людям заблуждения, или же в силу обстоятельств, не теряя мужества! Великодушие, проявленное римлянами к столь многим царям и народам в их несчастьи, должно внушить тебе не только надежду, но почти положительную уверенность, что тебе нечего опасаться за свою жизнь».

Римляне любили хвастать своим обхождением с побежденными врагами и на деле доказали это, обходясь с Персеем деликатно и сообразно с высоким положением павшего монарха. В тот же день Персей был приглашен консулом к столу, и ему были оказаны все приличествующие его сану почести.

В руки римлян попали неисчислимые сокровища. Бескорыстный полководец не пожелал даже взглянуть на них и велел тотчас отправить все в Рим. Цицерон восхваляет Эмилия именно за то, что он «принес своей семье лишь одно вечное воспоминание о своем имени». Воины же, развращенные потворством прежних начальников и рассчитывающие обогатиться в этой войне, удивлялись строгости, которая не допускала удовлетворить их алчность.

Эмилий, продолжая командовать войсками, был назначен проконсулом Македонии, и к нему были присланы десять представителей из Рима, которые должны были под его наблюдением преобразовать государственное устройство Македонии. Это царство формально пока еще не должно было стать римской провинцией, а под именем «республики» сохранить кажущуюся независимость. Постановление, изданное сенатом по этому случаю, имело целью ввести в заблуждение побежденных и заключало в себе следующие блестящие фразы: «Македония и иллирийцы будут свободны, чтобы весь мир убедился в том, что римляне прибегают к силе оружия не для того, чтобы поработать свободные народы, но, напротив, освободить поработанные народы. И когда они ведут войну с царями, то она оканчивается победой для римлян и свободой для народов». Действительное же намерение римлян — сделать Македонию бессильной и безвредной — обнаружилось в данном ей государственном устройстве. Под тем предлогом, чтобы необузданная толпа не злоупотребляла дарованною ей свободой, Македония была разделена на четыре республики с главными городами Амфиполем, Пеллой, Фессалониками и Пелагонией. Чтобы как можно более изолировать эти государства друг от друга, было поставлено, что жители их не могут заключать между собой браков и входить в какие-либо торговые сношения. Этим республикам не позволено было также содержать войска. Половина земельной подати должна была поступать в пользу римлян. Обо всем этом было объявлено Эмилием Павлом в созванном в Амфиполе собрании представителей от всех городов. Окруженный блеском римского величия, прочел он с высокой трибуны постановление сената. Серебряные и золотые рудники не должны разрабатываться, ввоз соли воспрещается, не дозволяется рубить корабельный лес ни для себя, ни для других. Все военачальники и царские сановники вместе с их взрослыми сыновьями должны быть отправлены в Италию, чтобы предотвратить возможность нарушения мира.

Из Амфиполя Эмилий отправился в Эпир, часть жителей которого перешла на сторону Персея, чтобы примерно наказать эту страну совершенным опустошением. Это ужасное поручение Эмилий исполнил с полным хладнокровием. Он приказал выдать все серебро и золото, расположил по всей стране солдат и в один из заранее назначенных дней приказал совершенно разграбить и разрушить около 70 городов и около 15.000 жителей продал в рабство. На этом страшном примере народы должны были узнать, как наказывает Рим отпадающих союзников. Во всех греческих городах существовала римская партия. Ее представители были злостными доносчиками на своих сограждан, главным образом, на тех, которые находились в близких отношениях с Персеем. По этим доносам в Этолии римскими солдатами было схвачено и казнено 550 знатнейших граждан. В ахейском союзе был известный Калликрат, изменник, пользовавшийся особым благоволением римлян. Он представил список из тысячи имен самых уважаемых и достойных граждан, стоявших во главе союза. На созванном по этому случаю собрании представителей союза римляне потребовали смертной казни всем этим лицам, не называя их даже по именам. Когда же к ним обратились с требованием указать, кого именно они обвиняют, один из римлян сказал: «Всех тех, которые занимали какие-либо должности или служили в войсках». Тогда поднялся почтенный и уважаемый грек по имени Ксенон и сказал: «Я один из бывших стратегов и предводительствовал войсками. Но клянусь, что я никогда ни малейшим образом

не действовал во вред римлянам и готов доказать это здесь же, в собрании, или даже в самом сенате». После этого вся тысяча человек, составлявших цвет греческого народа, и в их числе знаменитый историк Полибий, были в качестве рабов посажены на корабль и в 167 году увезены в Италию. Там они, как государственные пленники, были размещены по разным городам, содержались там в течение 17 лет без всякого расследования их дела и только после того, когда 700 человек погибли от лишений, остальные были отпущены на свободу. В войске Эмилия Павла поднялся ропот за то, что он строго преследовал солдат за грабежи. Этим обстоятельством воспользовались его враги в Риме и хотели запретить ему триумфальное шествие. Однако друзья Эмилия и справедливость самого дела одержали верх, и он совершил свой въезд с таким блеском, который превзошел блеск всех предшествовавших триумфов.

Народ построил на улицах и площадях города множество амфитеатров, чтобы удобнее видеть шествие. Все зрители были в праздничных одеждах; все храмы были открыты и украшены венками; благовонный дым драгоценного фимиама несся из их дверей. Празднество продолжалось три дня. В первый день провозили по улицам в бесчисленных колесницах вывезенные из Греции картины, статуи и другие произведения искусств. На второй день везли завоеванное оружие и доспехи, которые ярко блестели и отражали лучи солнца. Шлемы, щиты, латы, колчаны, конская сбруя, набедренники были искусно сложены в кажущемся беспорядке таким образом, что между всеми этими доспехами возвышались мечи и копья и грозно звенели один о другой. За этими колесницами шли 3.000 человек и в 750 открытых сосудах несли серебряную монету, а за ними несли серебряные изделия, столовую посуду, кубки и чаши.

Третий день был самый блистательный. Уже рано утром раздались по улицам трубные звуки воинственной музыки. Шествие открывали назначенные для жертвоприношения 120 жирных быка, их рога были позолочены, а спины и головы украшены лентами и венками. Юноши в изящно вытканых передниках вели к жертвеннику, а сопровождавшие их отроки несли золотые и серебряные сосуды. За ними несли 77 открытых сосудов с полученною в качестве добычи золотою монетою. Потом несли большую чашу для жертвоприношений, вылитую греческим художником по приказу Эмилия из десяти талантов золота и украшенную драгоценными камнями; затем следовало бесчисленное множество золотых кубков и сосудов из казны Персея; в их числе находились многие, которые перешли от полководцев Александра и достались в добычу македонянам еще в Азии.

Триумфальная колесница

Затем везли колесницу Персея, на которой лежали его оружие и царский венец. За нею шли пленные дети царя в сопровождении своих плачущих наставников и слуг; по их наставлению, царские дети жалобно протягивали руки к народу. В некотором отдалении от них шел сам Персей в цепях и в траурной одежде. Взоры его были потуплены в землю, он сильно дрожал и выглядел совершенно расстроенным. Позади царя шли его плененные друзья и родственники, подобно ему, печальные и пристыженные. Потом следовала целая толпа носильщиков и несла 400 золотых венцов, поднесенных победителю в подарок греческими городами. Наконец, появился сам Эмилий в великолепной пурпурной тоге, расшитой золотом, с лавровой ветвью в руке. Он восседал на роскошной триумфальной колеснице, запряженной четверкой прекрасных коней, а за ним следовало все римское войско, украшенное лавровыми ветвями, распевая непристойные песни и с надменной осанкой проходя перед зрителями.

Несчастный царь, осужденный на вечное заточение в темницу, был отправлен в Алвбу. Он умер там от печали в следующем году. Его дети влачили жалкое существование. Не менее тяжела была и судьба победителя, у которого неумолимая смерть похитила двух сыновей, В то самое время, когда Рим готовился к великолепным празднествам по случаю

заклучения мира, за 5 дней до триумфа, умер 14-летний сын Эмилия. Едва умолкли праздничные ликования, как умер его младший 12-летний сын. Таким образом, Эмилий вдруг остался со всем одиноким. Он был глубоко удручен. Но чувства родительские не заглушили в нем любви к отечеству, и он явился олицетворением готовности самопожертвования, отличавшей римлян в их лучшие времена. В своей речи, обращенной к римскому народу Эмилий сказал: «Слишком велико казалось мне мое счастье, и поэтому я сам не верил ему уже более. Я начинал бояться опасностей в море, когда мне пришлось пересылать в Италию такую громадную сумму царских денег и перевозить победоносные войска. Когда же после счастливого морского плавания все было благополучно доставлено в Италию и мне не о чем было более молить богов, тогда я пожелал, чтобы мое счастье, достигнув своего зенита и начав, по своему обыкновению, склоняться в противоположную сторону, обратило свое непостоянство скорее на мой дом, чем на государство. Поэтому я надеюсь, что раз меня лично постигло тяжкое несчастье, будет предотвращено то бедствие, которое могло бы постигнуть государство, так как в самый день моего триумфа, как бы в насмешку над судьбой человеческой, происходили похороны моих детей».

Огромные денежные суммы, которыми обогатилась римская государственная казна, дали возможность сенату освободить народ от всех налогов на 24 года. Но прилив такого громадного богатства в Рим имел самые дурные последствия. Римские историки указывают на это время, как на начало упадка нравов. Теперь главной ценностью стали деньги; самое постыдное сребролюбие заглушало всякий зародыш истинных добродетелей. Подобно тому, как римский народ желал быть первенствующим и богатейшим во всем мире, так каждый знатный римлянин стремился к тому, чтобы сделаться первым и богатейшим человеком в Риме. Римский народ выбирал и посылал в провинции полководцев, консулов, преторов, проконсулов, пропреторов и послов, и все эти представители власти были бичом подвластных народов. А так как большая часть этих сановников сменялась ежегодно и каждый из них старался воспользоваться предоставленным ему временем как можно выгоднее для себя, то никогда не кончалось истощение провинций. Управлением в провинциях заведовали пропреторы (т.е. прослужившие положенный годичный срок в должности претора в Риме); те провинции, в которых для поддержания порядка и мира требовалась военная сила, управлялись проконсулами. При них состояли квесторы, т.е. должностные лица по финансовой части, заведовавшие сбором налогов и податей. Но нередко сбором податей занимались откупщики. Внося вперед в государственную казну доходы с какой-либо провинции, откупщики отправлялись затем в эту провинцию и взымали на месте подати и налоги уже по своему усмотрению.

Звание наместников представляло для бессовестных сановников самый заманчивый случай к лихоимству и к скоплению колоссальных богатств в руках откупщиков и казначеев, которые нередко соединялись в целые общества для ограбления провинций. Из этих элементов образовалась денежная аристократия, «всадники», находившиеся в одинаково враждебных отношениях как к народу, так и к сословию благородных. Вместо древней простоты римляне стали ценить роскошь и наслаждения, а взамен умеренности и справедливости появились всеобщие алчность и властолюбие. Борьба отдельных личностей, среди которых первое место занимал суровый цензор Марк Порций Катон, с нравственной распущенностью и забвением гражданского долга была безнадежна. Отчаявшись в успехе своих усилий, Катон сказал: «Городу, в котором рыба стоит дороже упряжного вола, помочь уже ничем не возможно».

Древнее римское благочестие быстро падало. Эллинско-восточное суеверие и безверие, халдейская астрология и вера в гороскопы не замедлили проникнуть в общество. В 204 году в число официально признанных богов была включена фригийская мать богов Кибела. Было отправлено целое посольство, чтобы привезти из Галатии статую богини, представлявшую собой простой, булыжный камень. Служение Кибеле сопровождалось необыкновенно шумными звуками труб и литавр, производилось в роскошной одежде и под конец переходило в оргии.

Местные жрецы, птицегадатели и гадатели по внутренностям животных, начинали подвергаться насмешкам, и часто слышался вопрос: «Как может авгур при встрече со своим собратом удерживаться от смеха?»

20. Антиох Епифан.

Победой при Пидне было положено прочное основание всемирному владычеству римлян. Цари или их послы преклонялись перед сенатом победоносного Рима и униженно льстили победителям. Так поступали Евмен, пергамский царь, Масинисса нумидийский, Птолемей египетский. Вифинский царь Прусий из страха перед местью римлян за то, что он позволил себе держать нейтралитет в войне с Персеем, сам отправился в Рим, бросился на колени перед сенатом, поцеловал пол и начал свою оправдательную речь словами: «Приветствую вас, мои боги спасители!»

Даже родосцы, когда-то гордые сознанием своего торгового могущества, отправили посольство в Рим, которое в траурной одежде, в слезах и с масличного ветвью в руках, как молящие о защите, пало ниц перед сенатом. Они были рады, что таким примерным выражением раскаяния могли отвратить от своего богатого города весьма вероятное нашествие римлян с целью грабежа.

Одного слова всемогущего сената было достаточно, чтобы заставить трепетать царей. Во время войны с Персеем сирийский царь Антиох Епифан предпринял поход против Египта и уже готовился осадить Александрию. Римляне имели благоразумие не обратить на это внимание во все время войны, опасаясь, что Антиох может стать союзником Персея. Но как только они победили Персея, как не замедлили обратить внимание на Антиоха и дали ему самым ощутительным образом почувствовать свою власть. Римское посольство застало его вблизи Александрии. Когда царь хотел подать руку главе посольства Попиллию Ленасу, тот объявил, что он прежде желает знать, с кем имеет дело, с другом или врагом республики. Затем Попиллий передал Антиоху решение сената, в котором предписывалось немедленно уйти из Египта. Антиох прочел это решение и сказал, что хочет посоветоваться со своими министрами. Тогда посол своим посохом провел круг около царя по песку и сказал повелительным тоном: «Прежде чем выйдешь из этого круга, я должен узнать твое решение». «Исполню требование сената», — подумав немного, ответил пораженный царь, и только тогда Попиллий протянул ему руку. Антиох вывел свои войска из Египта и отказался от всяких завоеваний. В Рим от него отправились послы, чтобы поздравить римлян с победой над Персеем. Они льстиво сказали сенату, что мир, дарованный ими их царю, для него дороже всех побед, которые он мог бы одержать, и что он повиновался приказаниям римских послов, как велениям самих богов. Сенат отвечал, что царь поступил благоразумно.

Антиох Епифан умер в 164 году племянник его, Димитрий, имевший право на престол, по распоряжению сената был задержан в Риме. Царем был провозглашен 10-летний сын покойного Антиох Евпатор, чтобы иметь возможность с помощью опекунов, назначенных к несовершеннолетнему царю, держать сирийское царство в полной зависимости. Эти опекуны быстро истощили страну, сожгли все сирийские корабли и перерезали сухожилия боевым слонам, чтобы в буквальном смысле уничтожить в сирийцах всякую возможность к восстанию.

В Египте спор о престоле, возникший между двумя братьями Птолемеем Филометором и Фисконом, был решен римлянами так, что это государство было разделено между обоими: так римлянам было надежнее держать весь Египет под своим наблюдением.

21. Третья Пуническая война. Разрушение Карфагена.

(149...146 г. до Р. Х.)

До сих пор Рим старался прикрывать свои незаконные захваты и свое ненасытное

властолюбие некоторым подобием справедливости и мнимым бескорыстием, ничтожность которых просвечивала, впрочем, весьма ясно. Но теперь в системе римской политики обнаружилась ничем не скрываемая наглость. Первой жертвой такой бесчестной и бездушной политики стал Карфаген.

Истекал 50-летний срок непрерывной, тяжелой зависимости Карфагена. Само собой разумеется, что римских сенаторов должен был занимать вопрос о том, что следует предпринять в отношении к этой все еще весьма сильной державе. Они считали, что надо не только оставить Карфаген в этой зависимости, но найти благовидный предлог еще более усилить эту зависимость. Некоторые сенаторы желали совершенного уничтожения Карфагена. К ним принадлежал и престарелый Катон. Он непрерывно доказывал, что, пока существует Карфаген, Риму угрожает большая опасность. Однажды Катон показывал в сенате рано поспевшие фиги. Когда сенаторы залюбовались их величиной и красотой, Катон сказал им: «Знаете ли вы, что эти фиги сорваны в Карфагене лишь три дня тому назад? Так близко стоит враг от стен наших». С этого времени всякую речь в сенате, о чем бы ни шло дело, Катон заканчивал словами: «А в заключение повторяю вам, что, по моему мнению, Карфаген должен быть разрушен». Противником Катона был Публий Корнелий Сципион Назика. Он доказывал, насколько полезно в интересах самого Рима сохранить опасного врага, который, вынуждая Рим к постоянной бдительности, тем самым предохранил бы его от пагубного чувства ложной безопасности. Но большинство разделяло мнение Катона.

Предлог к возобновлению военных действий подал 80-летний Масинисса. Рассчитывая на поддержку римлян, он непрерывно нападал на карфагенскую территорию и отнимал у карфагенян одну область за другой. Тщетно обращались карфагеняне к римлянам с жалобами на Масиниссу. Хотя время от времени и посылались представители из Рима, но они больше занимались сбором сведений о состоянии военных сил Карфагена, чем их спорами с нумидийцами. Карфагеняне прибегли к собственной защите. В 52 году они выступили в поход против Масиниссы, но были разбиты. Тотчас после этого через послов, отправленных в Рим, они извинились за вынужденный поход, но римляне восприняли это объяснение с большой холодностью.

В то самое время, как римляне обдумывали, как бы лучше воспользоваться этим случаем, явились послы союзного карфагенянам города Утики и объявили о безусловном подчинении этого города Риму. Это обстоятельство привело римлян к решению уничтожить Карфаген, так как находившаяся поблизости от него Утика могла служить удобным сборным местом. Предлогом для войны явились враждебные действия Карфагена против римского союзника Масиниссы. Оба консула 149 года Марций Ценсорин и Манлий Манилий получили предписание переплыть с 80.000 человек пехоты и 4.000 всадников в Африку и не оканчивать войны до тех пор, пока Карфаген не будет разрушен.

Отплытие римского флота из Италии произвело в Карфагене всеобщее смущение. Чтобы отвратить страшный удар, пока еще было время, карфагенские послы поспешили в Рим с предложением беспрекословной покорности Карфагена Риму. На это последовал такой ответ: «Сенат обещает карфагенянам сохранить свободу, неприкосновенность их прав, земли и собственности с тем условием, чтобы в течение 30 дней было отправлено в Рим 300 заложников из знатнейших семейств и чтобы они исполнили все, что прикажут им консулы». Последнее условие возбудило новые опасения. Между тем потребованные заложники, несмотря на отчаянные рыдания их родителей, были поспешно отправлены в Рим. В сицилийском городе Лили-бее консулы объявили послам, что дальнейшие предписания сената будут объявлены им в Утике.

С возрастающим беспокойством ожидали карфагеняне прибытия римского флота. Карфагенские послы явились в римский лагерь, чтобы выслушать приказания консулов. Консул Ценсорин потребовал выдачи всего оружия и всех военных запасов. В римский стан прибыли тысячи колесниц, нагруженных оружием и военными машинами. Тогда консул объявил послам: «Я должен похвалить вас за готовность, с которой вы исполнили приказание сената. Его последнее требование заключается в том, чтобы вы покинули

Карфаген и поселились где-нибудь в другом месте внутри страны, по вашему усмотрению, но не ближе 80 стадий от моря, ибо близость моря, благодаря легкости приобретений, подает лишь повод к несправедливостям. Поэтому Карфаген должен быть разрушен».

Это требование привело карфагенян в отчаяние. Все проклинали римлян и призывали богов к отмщению за столь постыдный обман. Мщение стало теперь их лозунгом; они были одушевлены одним делом: сопротивляться до последней капли крови. Хотя карфагеняне только что были обезоружены, они решили напрячь все свои силы для защиты своего древнего славного города и дорогих могил своих предков. Оскорбительное требование было единодушно отвергнуто, ворота города заделаны, вход в гавань загражден протянутой поперек него цепью, и население с твердой решимостью ожидало осады.

Скоро громадный город, где было 70.000 жителей, превратился в одну общую оружейную мастерскую. В железе, дереве и кожах не было недостатка. Стар и млад день и ночь были заняты изготовлением орудий обороны. Дома были снесены и балки их носили на постройку кораблей. Весь находившийся в городе металл был собран в одно место, и из него было выковано оружие. В домах, на улицах, даже в храмах только и делали, что ковали, плавил, строга. Женщины отдали свои волосы для изготовления тетив для луков. Каждый день изготовлялось 100 щитов, 300 мечей, 500 дротиков, множество луков и катапульт. Казалось, что гений древних финикийцев возродился в их потомках с удвоенной силой. Для увеличения числа способных носить оружие были призваны рабы, получившие теперь свободу. В городе начальствовал Газдрубал, внук Масиниссы. Вне города другой Газдрубал собрал войско из 20.000 человек.

Римские полководцы полагали, что им нечего спешить с нападением на беззащитный, по их мнению, город. Когда же они наконец выступили из Утики, то увидели, что они обманулись в своих ожиданиях: город предстал перед ними во всеоружии. Вскоре римляне убедились в тщетности своей попытки овладеть городом приступом. Им пришлось начать осаду. Целый год простояли они под городом и не достигли успеха. Несколько их приступов было отбито, а в открытом поле превосходный начальник конницы Гамилькон своими смелыми нападениями нанес им весьма значительный урон. В виду таких обстоятельств римляне были вынуждены прибегнуть к помощи нумидийцев, от которой они, в гордом сознании своего победоносного счастья, до сих пор отказывались. Для возобновления дружеских отношений с Нумидией сенат избрал искусного Сципиона Эмилиана. Он устроил дело так, что нумидийский царь Масинисса, только что умерший на 90-м году своей жизни, перед смертью уполномочил Сципиона установить престолонаследие по своему усмотрению. Сципион распорядился так, что все три сына Масиниссы должны были управлять вместе: Миципса получил царское достоинство и внутреннее управление, Гулусса предводительствовал войском, а Мастанабал занимался судопроизводством. Гулусса немедленно выступил со своими всадниками в поход против Карфагена. Кроме того, Сципион сумел переманить на сторону римлян предводителя карфагенской конницы Гамилькона. Однако еще и в 148 году Карфаген не был взят. В 147 году Сципион стал домогаться консульского звания. Слух о его храбрости, влияние его семейства, благоприятное предзнаменование, связанное с его именем, привели к тому, что в глазах народа он явился человеком, имеющим полное право на такое звание. Не было принято во внимание даже то обстоятельство, что ему было лишь 37 лет, и он не достиг установленного для этой должности 43-летнего возраста. Он был избран консулом и получил главное командование войсками в Африке.

Весной 147 года Сципион высадился в Утике. Первым распоряжением его было удаление неспособных военачальников. Затем была восстановлена дисциплина: стан был очищен от всякого сброда, собравшегося в него в чаянии богатой добычи, и в нем была введена строжайшая дисциплина. Затем он искусно произведенным ложным нападением отеснил Газдрубала из предместья в самый город. Затем Сципион устроил на перешейке, соединявшем Карфаген с материком, двойную линию укреплений, и с этого времени снабжение города продовольствием стало возможно лишь со стороны моря. Необходимо

было преградить и этот путь. С этой целью Сципион приказал построить огромную плотину перед входом в гавань. Но карфагеняне скрытно прорыли другой вход в гавань, и карфагенским морякам удалось провести к самому городу свои транспортные суда. В то же время на воду был спущен флот, состоявший из 50 трехъярусных галер и множества мелких судов, наводивший большой страх на римских моряков. Римский флот не отважился на нападение, но и карфагеняне чувствовали себя слишком слабыми для морского сражения, поэтому отступили в гавань. При входе в нее из-за множества столпившихся там мелких судов военные корабли не могли пройти и вынуждены были стать с внешней стороны плотины, между старым и новым проходами в нее. В таком неблагоприятном положении карфагенские корабли подвергались нападению римлян, и многие из них были уничтожены.

Сципион прочно утвердился на плотине. Здесь он поставил стенобитные машины, чтобы сделать пролом в стенах города. Ночью карфагеняне сожгли эти машины, так что нужно было все начинать сызнова. Приближалась зима. Оставшееся время римляне употребили на укрепление своей позиции от нападения карфагенян. Зимой им удалось овладеть важным укреплением в окрестностях Карфагена, Нефером, через которое подвозили в город продовольствие. Теперь римляне господствовали как с суши, так и с моря, и могли голодом принудить город к сдаче. В злополучном городе происходили ужасные сцены. Между гражданами возникали кровавые раздоры из-за вопроса, следует ли сопротивляться или сдаться. Партия сопротивления, во главе которой стоял Газдрубал, одержала верх. Он с войском удалился в старый город, в укрепленный замок Бирса. Через несколько дней в рядах героических защитников стали свирепствовать голод и болезни. Это ослабляло мужество защитников, но о сдаче не было и речи. Римляне пошли на штурм. Сначала они взяли торговую гавань. Затем римскому отряду под начальством Гая Лелия удалось взобраться на стены военной гавани, а оттуда проникнуть в старый город. В узких улицах завязался кровопролитнейший бой. Приходилось каждый дом брать приступом; сражались на плоских крышах; римляне перекидывали с одной крыши на другую балки и доски и проходили по ним, сражаясь с врагом. На седьмой день штурма сдалось 50.000 карфагенян, мужчин, женщин и детей, укрывшихся в замке. Они были выпущены в ворота и уведены пленными. Только один отряд, состоявший из 900 римских перебежчиков, вполне сознававших, что их ждет смерть, еще держался в храме Эскулапа. Среди них находился и Газдрубал с женой и детьми. Увидев, что всякое дальнейшее сопротивление бесполезно, он бежал к победителю и, бросившись ему в ноги, умолял о пощаде. Жена же его, стоя на крыше храма, прокляла его и бросила в пламя сперва детей, а потом бросилась туда и сама. После этого город был предан всем ужасам пожара, грабежа и разрушения. Пожар свирепствовал целых 17 дней; сам Сципион почувствовал сострадание, взирая с высоты холма на поднимавшееся к небу багровое зарево над разрушающимся городом, который в течение 700 лет господствовал на море, а теперь был превращен в пепел. Со взором как бы проникающим в будущую судьбу родного города произнес Сципион стихи Гомера:

Будет некогда день, как погибнет высокая Троя,
Древний погибнет Приам и народ копыеносца Приама.

Самый непримиримый враг Карфагена, Катон, не дожил до его падения. Он умер еще в 149 году до Р. Х. Известие об окончательной победе возбудило в Риме чрезвычайную радость. Только теперь Рим вздохнул свободно, как бы свалив с себя тяжелую гору, избавившись от вечного страха и не мучаясь больше пожиравшей его завистью. Несколько дней было посвящено благодарственным празднествам в честь богов. Сципион отпраздновал великолепный триумф. Ему, как и его предку, победившему при Заме, дали почетный титул Африканского и, в отличие от первого, назвали Младшим.

Место, занимаемое Карфагеном, было сровнено с землей, предано жрецами проклятию и обречено оставаться вечной пустыней. Окружавшая Карфаген земля вместе со всеми, оставшимися в ней городами, была включена в состав римской провинции Африки, столицей

ее была провозглашена Утика.

22. Присоединение Македонии и Греции. Разрушение Коринфа.

(146 г. до Р. Х.)

Одновременно с карфагенянами была решена и участь македонян и греков. Предоставленная им римлянами призрачная свобода удовлетворила их ненадолго. Они воспользовались войной Рима с карфагенянами, чтобы вернуть себе независимость. В Македонии явился авантюрист, по имени Андриск, человек низкого происхождения, но выдававший себя за сына Персея и принявший имя Филиппа.

Андриск

Среди недовольного народа он нашел себе множество приверженцев. С помощью отряда храбрых фракийцев Андриск довольно долго держался против римлян, но в конце концов был разбит претором Цецилием Метеллом в 147 году. Чтобы положить конец всяким дальнейшим попыткам к восстанию, Македония была присоединена к римскому государству в качестве провинции в 146 году до Р. Х. В числе 300 сосланных ахейцев, которые получили в 151 году позволение вернуться из Италии на родину, находились два мужа, жаждавшие свободы своего отечества, Критолай и Дней. Их стремления были направлены на уничтожение римской власти и восстановление свободы Греции. Для достижения этой цели они желали собрать все силы Греции; Ахейский союз должен был составить ядро соединенных сил греков. Но так как Спарта вышла из союза, то Дней, будучи стратегом союза, решил вести войну против изменивших общему делу греков спартанцев. Спартанцы обратились за помощью в Рим. Это явилось для римлян самым лучшим предлогом, чтобы вмешаться в греческие раздоры. В Коринфе было созвано собрание союзников, где посланцы римлян объявили постановление сената, по которому все города, присоединившиеся к союзу после первой македонской войны, и среди них Спарта, Коринф, Аргос, должны были снова отделиться от него. Этим разделением римляне желали совершенно обессилить Грецию. Но едва только жители Коринфа услышали о таком решении, как напали на всех, находившихся в стенах города спартанцев, как на виновников этого постановления, и умертвили их.

Как ни неприятны были подобные поступки, но Рим не желал начинать новой войны, пока не кончится война с Карфагеном и Андриском, и поэтому вторично отправил в Грецию посланников, которые старались дружеским тоном склонить ахейцев к сохранению мира. Но греки увидели в этом дружелюбии временное затруднительное положение римлян и полагали, что именно сейчас необходимо воспользоваться этим затруднением. Критолай настаивал на объявлении войны Спарте, не думая о важности такого поступка, равносильного объявлению войны самим римлянам. Метелл направил из Македонии посольство в Коринф, но оно было осмеяно и прогнано. Одержав победу над Андриском, Метелл двинулся с войском в Элладу. Критолай с отрядом греков выступил ему навстречу. В первом же столкновении при Скарфее в Локриде этот отряд вместе с его предводителем был уничтожен. Дней, собрав остатки войска и усилив его рабами, занял укрепленную позицию на перешейке близ Коринфа.

Между тем Метелла сменил консул Луций Муммий. Он немедленно двинулся к Коринфу. Муммий рассчитывал, что ему придется вести продолжительную осаду, но запальчивый Дней облегчил его задачу. Он напал на Муммия со всем своим войском при Левкопетре, был разбит, бежал в свой родной город Мегалополь и, убив сперва свою жену и сжегши свой дом, отравился.

Остатки войска, обратившиеся в бегство, нисколько не думали защищать знаменитый древний Коринф. Поэтому консул беспрепятственно вошел в город, который отворил ему

свои ворота. После того, как все драгоценные произведения искусств были вывезены, а женщины и дети проданы в рабство, разграбленный город был превращен в груды пепла.

Герой этого подвига несколько не походил на облагороженного греческим образованием Сципиона. Видя, что солдаты без всякой осторожности берутся за мраморные статуи, непревзойденные произведения давно умерших художников, угрожал солдатам, что, если кто из них изломает или испортит какую-либо из них, то он заставит его сделать новую.

После разрушения Коринфа римское войско прошло весь Пелопоннес, чтобы разметать стены тех городов, которые принимали участие в восстании, жителей их обезоружить, а тех, кто стоял во главе управления, увести в плен. После этого страна была превращена в римскую провинцию.

Развалины храма Афины в Коринфе

Республиканское правление во всех городах было отменено, управление в них было поручено богатейшим гражданам, и все союзы городов уничтожены. Высшая власть в Македонии и Греции, которая была обращена в провинцию Ахайю, была вручена ежегодно сменявшимся преторам. Победы Метелла и Муммия обогатили храмы и общественные здания Рима множеством прекрасных картин и статуй. Перед триумфальной колесницей Метелла шел в цепях Андриск, а в числе добычи красовались 25 бронзовых конных статуй работы знаменитого Лисиппа, отлитые им около 200 лет назад по приказу Александра Великого. В награду за свои заслуги Метелл получил имя «Македонского», а Муммий — «Ахейского».

«Побежденная Греция, — говорит римский поэт Гораций, — взяла в плен дикого победителя и внесла искусства в грубый Лациум». Выражение это совершенно справедливо. Римская образованность начинается только с того времени, когда римляне пришли в ближайшее соприкосновение с греками. Римляне сами по себе были мало склонны к художественным занятиям. Все, что создавалось прекрасного в Риме, являлось созданием греков, переселявшихся в Италию. Прекрасные дворцы, загородные дома, храмы и бани, построенные в Риме и его окрестностях — все это произведения греческих архитекторов; прекрасные статуи и камеи изготовлялись в Риме греками.

Вилла Плиния

Римские корабли постоянно ходили из Италии в Грецию и перевозили в Рим создания древних греческих скульпторов и художников. Многие из греков, переселившихся в Рим, добывали себе средства к существованию в качестве грамматиков, учителей риторики или в качестве философов, математиков и музыкантов. В Риме нашлось много почитателей греческой образованности и манеры поведения, особенно среди молодежи. С изумлением внимали они тому, как остроумно и красноречиво умели говорить греческие философы. Познакомились римляне и с образцовыми произведениями греческой поэзии и ясно увидели, насколько им не доставало еще умственного образования.

Искусство, -в котором римляне стали с этих пор упражняться больше всего, было судебное красноречие, и в нем, они сделали огромные успехи. Кроме того, появились и писатели, сначала, конечно, еще довольно грубые и с необработанным языком.

Сам Рим по своему наружному виду все еще продолжал быть довольно жалким, грязным городом, с домами, построенными из глины и дерева. Только после победы над Персеем начали мостить улицы, и хотя в это время роскошь уже весьма распространилась и стали употреблять золотую и серебряную утварь, но эта роскошь еще не особенно проявлялась в постройке домов.

23. Присоединение Испании. Разрушение Нуманции.

(151...133 г. до Р. Х.)

В то время как Рим такими быстрыми шагами увеличивал свое могущество на юге и востоке, на западе он встретил почти непреодолимое сопротивление. Ни один народ так продолжительно и упорно не защищал от римлян свою свободу и независимость, как многочисленные воинственные племена, которые населяли западную и северную части Иберийского полуострова.

В этой стране, где почти каждый город был крепостью, а горы предоставляли множество скрытых убежищ, пригодных для обороны, хитрость и храбрость римских полководцев в течение многих лет не имели никакого успеха. Вслед за одним подавляемым племенем восставали десять других, и все они были преисполнены мщения и готовы оказывать самое решительное сопротивление. С 195 по 133 год до Р. Х. военные действия в Испании почти не прекращались, и она не переставала быть могилой для римских солдат.

Продолжительность военных действий в высшей степени ожесточила обе стороны. Римские полководцы считали все для себя позволительным, поэтому необузданная алчность, грубость и жестокость в обращении нигде не проявились таким постыдным образом, как в испанских войнах. В 151 году продолжать войну в Испании явился из Рима консул Лукулл. Не желая оставить эту страну без славы для себя и без добычи, он напал на одно совершенно безоружное племя и потребовал от него 100 талантов серебра, а в качестве вспомогательного войска и заложников — отряд всадников. Получив все это, Лукулл потребовал, чтобы в город Кауку был впущен римский гарнизон. Лишь только римский отряд занял город, как начал в нем страшную резню. Около 20.000 человек было изрублено; остальные жители были проданы в рабство, а все имущество разграблено. И такая подлость не только не была наказана, но даже не вызвала ни малейшего порицания.

Пример Лукулла оказался заразительным и для Сульпиция Гальбы, претора в Испании по ту сторону Эбро. Устрашенные его непрерывными опустошениями, жители Лузитании просили его о мире. Гальба выслушал их с притворным дружелюбием, оправдывал даже их собственные набеги неплодородностью их страны и обещал расселить их в три, хотя и отдаленные друг от друга, но плодородные области. Когда лузитанцы собрались к Гальбе, они были разделены на три части, хитростью обезоружены и перебиты на месте. Как низко уже пали римляне, насколько потеряли они всякое чувство справедливости, вполне обнаружилось, когда народный трибун Скрибоний обвинил Гальбу в его позорном деянии. На суде Гальба сумел внушить к себе сострадание тем, что в своей защитительной речи указал на своих детей, которые в случае его осуждения погибнут несчастными сиротами. Народ высказался за его оправдание. Историк Аппиан утверждает даже, что Гальба купил свое оправдание деньгами.

Некоторым лузитанцам удалось избежать ужасной бойни, и среди них нашелся один человек, которому, подобно Ганнибалу, суждено было стать страшным врагом Рима. То был Вириат. Будучи от природы щедро наделен телесной силой и умственными способностями, он смело стал во главе своего свободолюбивого народа и повел борьбу против римлян. В 147 году Вириат разбил одного за другим нескольких римских полководцев. Шесть лет вел он войну с неизменным успехом. Насколько Вириат превосходил врага в великодушии, он доказал, когда в одной гористой местности окружил все войско Фабия Максима в 142 году. До этого Фабий, захватив в плен 500 лузитанцев, велел отрубить им руки и головы. Вириат мог бы теперь поступить также с римскими солдатами. Но, заставив консула подписать мирный договор, по которому каждая сторона удерживала за собой находившиеся в то время в ее владении земли, Вириат отпустил римское войско. Договор был утвержден сенатом, и в 141 году Вириат был признан Римом как независимый правитель и даже получил титул «друга римского народа».

Но консул Квинт Сервилий Цепион, получивший в следующем году в свое управление

Испанию, недовольный невыгодным миром, писал сенату, что этот мир наносит бесчестье римскому имени, и просил позволения уничтожить страшного противника. Сенат разрешил Цепиону под каким-нибудь предлогом возобновить войну. Какой-то предлог был найден, и некоторое время Цепион вел открытую войну. Но, убедившись, что этим путем нельзя будет быстро достигнуть желанной цели, он не постыдился прибегнуть к помощи наемных убийц. Среди приближенных Вириата нашлись негодяи, решившиеся совершить такое позорное злодеяние. Когда Вириат спал в своей палатке, предатели напали на него и закололи кинжалами.

Храбрые лузитанцы воздали телу своего предводителя царские почести и еще некоторое время продолжали вести войну против римлян с удвоенным ожесточением, но в конце концов вынуждены были покориться.

Во время этой лузитанской войны снова поднялись кельтиберийские племена. Необыкновенное мужество выказала крепость Нуманция, находившаяся в верхнем течении реки Дурия. Защищали ее всего 8.000 человек. Во время осады Нуманции зимой 140 года проконсул Квинт Помпей имел так мало успеха, что предпочел обратиться к обману. Нумантийцы покорились, получив от Помпея обещание, что им будут сохранены независимость и оставлено оружие. Но когда, вместо Помпея, начальство над римским войском принял новый консул Попиллий Ленас, он объявил договор недействительным. Война возобновилась.

После Попиллия начальство над войсками в Испании в 137 году получил консул Гостилий Манцин. Нумантийцы поставили его в такое положение, что с ним точь-в-точь повторилась история Постумия при Кавдинском ущелье. Консулу оставалось одно из двух: или принести в жертву 20.000 римских граждан или согласиться на постыдный договор. Он выбрал последнее. При посредничестве квестора Тиберия Семпрония Гракха, отец которого был известен местным жителям как вполне честный человек, был заключен договор, по которому нумантийцам предоставлялись мир и независимость. Консул, квестор и прочие высшие начальники утвердили договор своей клятвой, после чего они вместе со всем войском получили полную свободу. Никто не сомневался в том, что римский сенат утвердит договор. Но сенат и слышать не хотел о мире с Нуманией и постановил, чтобы все те, которые своей присягой подтвердили договор, были выданы неприятелю. Гракх и другие военачальники, по милости народа, были освобождены от ответственности, но Манцин, нагой и закованный в цепи, был приведен римскими фециалами к воротам Нуманции и выдан неприятелю. Нумантийцы же совершенно справедливо рассудили, что невинный человек не должен отвечать за вероломство своих начальников и не приняли этой жертвы. Целый день простоял Манцин перед воротами Нуманции. Наконец, после гадания по полету птиц, которое оказалось благоприятным, он был приведен обратно в римский лагерь.

Храбрые нумантийцы еще в течение нескольких лет успешно защищались и навели такой страх на римских солдат, что военачальникам стоило больших трудов принудить их к новым нападениям. Наконец главное командование войсками было поручено Сципиону Африканскому, выбранному в 134 году во второй раз консулом. Разрушитель Карфагена должен был уничтожить и Нуманцию. В числе союзников, изъявивших согласие следовать за Сципионом, находился и Югурта, предводитель нумидийских стрелков. А среди италиков служил Гай Марий. Таким образом эти будущие противники впервые встретились перед воротами Нуманции. Прибыв в лагерь, Сципион был приведен в изумление. Вследствие слабой военной дисциплины при неспособных и нерадивых полководцах войско превратилось в настоящий сброд беспутной сволочи. Поэтому прежде чем думать о военных действиях, Сципиону пришлось восстанавливать порядок и дисциплину. Довериться мужеству солдат казалось ему настолько опасным, что он, имея в своем распоряжении 60.000 человек, они разу не отважился вступить в сражение. Он последовал и здесь тому же методу, который употребил в свое время при осаде Карфагена. Сципион окружил город двойным рвом и высокой стеной. Пятнадцать месяцев держал он город в тяжелой осаде, уверенный, что в конце концов голод жителей избавит его ненадежных солдат от необходимости

штурмовать город. Все тише и тише становилось в Нуманции. Изможденные жители начали убивать и пожирать друг друга. Многие сами себя убивали или сжигали в собственных жилищах. В конце концов сдалась лишь самая незначительная часть, из которой Сципион выбрал 50 человек для участия в своем триумфе. Затем опустевший город был совершенно разграблен римскими солдатами и сравнен с землей. Вдобавок к прозвищу Африканского Сципион получил еще прозвище Нумантийского.

С падением Нуманции была решена участь Лузитании. Почти вся Испания, за исключением северной и северо-западной частей ее, перешла под владычество римлян.

В том же 133 году римляне сделали новое, в высшей степени важное приобретение.. Слабоумный царь Пергама Аттал III в своем завещании отказал им все свое царство и все свои сокровища. Вероятнее всего, это завещание было подложным, так как в состав римской завоевательной системы входила, и политика получения наследств хитростью и обманом. Пергамское царство занимало большую и лучшую часть Малой Азии. Оно было тотчас же занято. Однако римлянам еще почти четыре года пришлось вести войну, прежде чем они утвердились в своем новом наследственном владении.

24. Военное искусство римлян.

Римляне, ведя непрерывно в продолжение нескольких столетий войны, совершенствовались в военном искусстве, к которому имели прирожденные наклонности. Поэтому нет ничего удивительного в том, что оно достигло у них очень высокого развития.

В то время в открытых сражениях первенствующую роль играла личная храбрость. Тогдашние битвы были очень кровопролитными не столько из-за того, что дрались врукопашную, сколько из-за отсутствия или плохой организации врачебной помощи и дурных санитарных условий, так как большая часть воинов умирала от ран.

Оружие и одежда римлян были приспособлены к рукопашному бою. Голову обыкновенного легионера прикрывал шлем или весь железный, или кожаный, окованный железом; грудь была защищена панцирем из металла или кожи. Для отражения неприятельских копий и мечей в левой руке воины носили на ремне щит, склеенный из двух досок, обтянутый кожей и окованный по краям железом или медью. У всадников щит был не четырехугольный, а круглый. Голова и грудь лошади также были защищены металлом. Седла и стремена вошли в употребление позже; в более древние времена всадник вскакивал на лошадь при помощи меча; седлом же служила простая шерстяная попона.

Из наступательного оружия римский солдат имел остроконечный, обоюдоострый меч, два дротика и копье; всадники, кроме того, были еще вооружены кинжалами. В походе каждый солдат, наряду с этим тяжелым оружием, нес на себе весь свой провиант на два или на четыре дня, пилу, веревки, цепь, горшок и три или четыре кола, с помощью которых можно было моментально разбить укрепленный палисадами лагерь.

Римские воин

С этой огромной тяжестью, взваленной на плечи, солдаты должны были идти в определенном порядке.

Обыкновенный легионер получал жалование (ежедневно ему полагалось 3,5 тяжелых или 5 легких ассов). Обычно оно выплачивалось не ежемесячно, а за весь поход. Кроме жалованья, во время республики выдавались съестные припасы: хлеб, мясо, соль. Вскоре после разрушения Нуманции начали снабжать солдат одеждой и оружием. Со времени латинской войны римский боевой порядок состоял из трех линий. В каждом легионе было по 10 манипул гастатов (копьемосцы) в первой линии, 10 манипул принципов (вооруженные мечами и копьями) и в третьей линии было 10 манипул триариев (старые, опытные воины). Триарии вступали в бой в крайних случаях и зачастую решали исход сражения. Между

отдельными манипулами оставлялись такие большие промежутки, чтобы легко вооруженная пехота, всегда начинавшая сражение, могла быстро выступить вперед или отступить. На флангах помещались всадники союзников.

Римский трубач. Римский всадник

Римский военный значок

При Цезаре легионы делились не на манипулы, а на когорты. В каждом легионе было десять когорт от 400 до 500 человек в каждой. Эти когорты также строились в три боевые линии и при том таким образом, что вторая линия могла проходить сквозь ряды первой. В первой линии стояли четыре когорты, а в остальных двух — по три. Третья боевая линия стояла несколько поодаль для того, чтобы иметь возможность свободнее перемещать свое место и направляться туда, где требовалась ее помощь.

Роль знамени в древнейшие времена играло изображение какого-нибудь животного: орла, вепря, коня и т.д., или же изображение руки, венка. Со времен Мария исключительным военным значком стал орел. Он был из серебра, с распростертыми крыльями, носили его на длинном древке. В походе, в лагере и в бою военные сигналы подавались духовыми инструментами: трубами, рожками, валторнами. Был в употреблении и своеобразный телеграф: днем переговаривались с помощью шеста, утвержденного на высоких башнях, поднимая или опуская его, а ночью — с помощью огней.

Катапульта

Баллиста

В осадном и оборонительном искусстве римляне являются учениками греков. У них римляне научились употреблению тяжелых осадных машин, которые назывались торментами. Были у римлян и катапульты и баллисты, из них пускались стрелы и камни; одни из них метали в прямом направлении, другие описывали дугу. Эти машины приводились в действие особого рода приспособлениями, и для этого требовалось не менее двух человек. Машины больших размеров приводились в действие посредством особых механизмов. С помощью этих приспособлений остроконечные бревна метались с такой силой, что, пролетев 300 шагов, пробивали самые прочные палисады. Баллисты употребляли иногда для бросания горючих материалов в города неприятеля.

Когда хотели подкопать стену города или вблизи нее насыпать валы, то строились деревянные подвижные брустверы, покрытые сырыми кожами и плетнем, за которыми целые отряды солдат могли безопасно работать: ведь осажденные бросали со стен горшки с огнем, камни и метали стрелы. Когда нападение на город производилось под самой стеной, солдаты вплотную держали над головами большие щиты и наступали прикрытые ими как кровлей. Такое боевое построение называлось «черепашьим». Римляне переняли у греков употребление подвижных башен. Трудно представить себе, какая нужна была сила, чтобы придвинуть к стенам эти огромные машины, стоявшие на четырех или восьми колесах. В нижних ярусах этих башен помещались баллисты, катапульты и тараны, а верхние были наполнены пращниками и стрелками.

Боевое построение «черепашьим»

Стенобитные машины были разного вида и носили различные названия. Чаще всего они состояли из длинного горизонтального бревна, висевшего на цепях или двигавшегося взад и вперед на катках. Передний конец бревна был окован медью, часто этот конец имел вид бараньей головы. Если удавалось беспрепятственно подвезти к стенам это страшное разрушительное орудие, то падение города становилось неизбежным, ибо ударов тяжелого бревна, которое раскачивали от восьми до двенадцати сильных солдат, не выдерживали даже крепчайшие каменные стены. Осажденные оборонялись против этой машины, наваливая перед стеной мешки с землей, которые ослабляли силу повторяемых ударов тарана. Они старались также опрокидывать всю машину, захватывать таран длинными клещами или, наконец, убивать тех, которые приводили таран в движение. Когда наконец укрепления бывали взяты приступом, то жителей постигала страшная участь. Воинов в большинстве случаев почти поголовно убивали, жителей продавали в рабство, а дома предавали грабежу и огню.

Когда римское войско было в походе, оно не проводило ни одной ночи, не приняв необходимых предосторожностей. По меньшей мере оно окружало себя валом и рвом. Но в большинстве случаев разбивался целый лагерь.

Римский военный лагерь

1. Преторские ворота. 2. Задние ворота. 3. Правые ворота. 4. Левые ворота. 5. Палатка претора. 6. Площадь. 7. Казнохранилище. 8. Палатки трибунов. 9. Начальники союзников. 10. Палатки легатов. 11. Палатки отборных пехотинцев. 12. Палатки отборных всадников. 13. Палатки особых всадников. 14. Палатки особой пехоты. 15. Палатки вспомогательных войск. 16. Пехота союзников. 17. Всадники союзников. 18. Гастаты. 19. Принципы. 20. Триарии. 21. Римские всадники. 22. Алтарь. 23. Главная дорога. 24. Квинтана.

Из него войско выступало в битву и в него же возвращалось в случае поражения. Поэтому было очень важным выбрать подходящее место для лагеря. При этом обращалось внимание на то, чтобы поблизости была вода, топливо и подножный корм, а самая местность была здоровая. До прибытия войска посланные вперед землемеры разделяли и с точностью вымеривали все поле; прибывшие же войска немедленно приступали к возведению укреплений. Палатки делались из сшитых кож, натягивавшихся веревками. Для зимних долгосрочных стоянок строились настоящие хижины, покрытые шкурами или соломой. В лагере царил образцовый порядок. Расположение его было очень правильным: взору представлялись прямые улицы, ворота, площадки, валы и ров; каждая когорта имела особо предназначенное ей место. В середине лагеря находился преторий — палатка главного военачальника. По обеим сторонам были палатки свиты и телохранителей. Перед преторием находилась принципия — место, где проводились собрания солдат. Недалеко располагался квесториум, предназначенный для содержания заложников и хранения добычи под надзором легатов. Впоследствии на местах римских военных лагерей очень часто возникали города, например, таким образом возникли Кельн, Майнц, Трир и многие другие.

Золотой венок

Что касается военной дисциплины, то главную ее основу составляло беспрекословное подчинение начальникам. Виновный в нарушении военного устава неумолимо подвергался наказанию, вплоть до смертной казни. В ходу было телесное наказание, которое применялось за нарушение караульной службы, за бегство с поля сражения, за подлог и за дезертирство. Виновных в этих преступлениях наказывали палками. Когда целые когорты или даже легионы покидали поле сражения или поднимали возмущение, то они подвергались

смертной казни не в полном составе, а выбирался по жребию каждый десятый человек и его казнили. Это называлось децимацией. За маловажные поступки полагались более умеренные наказания: сечение розгами, лишение части жалования или оружия.

В войске существовали разнообразные награды. Солдаты, которые отличались в сражении особой храбростью, получали серебряные или золотые цепочки для ношения на шее. Кто первым всходил на стену города или на вал, тот получал в награду золотой венок и имел право носить его на публичных торжествах. Победоносные полководцы награждались титулом императора, т.е. полководца. В Риме их ожидал великолепный триумф, зрелище, которым этот город любовался почти ежегодно, так как Рим вел бесконечные войны, прерывавшиеся весьма редко.

25. Духовное и общественное развитие Рима.

Грубость и жестокость римского характера отразилась в их увеселениях и общественных зрелищах. Если в Греции благороднейшие юноши стремились заслужить почетные венки на Олимпийских, Немейских и прочих играх, демонстрируя упражнения, которые, не вредя здоровью, служили его укреплению, придавали ловкость телу и доставляли зрителям наслаждение от созерцания прекрасных тел в красивых позах, то в Риме не было ничего подобного. Здесь и не слышали о тех грациозных танцах, которыми в Греции прославляли всякий радостный праздник; никакой Пиндар или Геродот не собрал бы вокруг себя тысячи чувствительных и любознательных слушателей, и театр в Риме никогда, не служил любимым местом народной толпы. Кровожадный римлянин жаждал видеть побоища и смертельные бои. Любимейшим зрелищем по всей Италии были гладиаторские игры. Большинство гладиаторов были рабы, но иногда в гладиаторы шли и свободные люди. Обучались все они в особых школах, в которых нередко было до нескольких сот человек. Там они получали обильную и сытную пищу и занимались фехтованием под надзором учителей. Нужно ли было дать народу роскошное зрелище в честь какого-либо религиозного праздника или погребения знатных мужей, желал ли какой-нибудь государственный сановник, вступая в должность, заручиться расположением народа, — у содержателей таких школ всегда можно было нанять гладиаторов.

Первоначально местом таких зрелищ был форум, для чего вокруг него сооружались деревянные подмости, которые по окончании игр убирались. Потом для гладиаторских представлений стали воздвигать каменные амфитеатры, которые, как например Колизей, могли вмещать несколько тысяч зрителей. Эти здания были овальные, сверху открытые. Посреди находилась усыпанная песком арена, вокруг нее возвышались ряды сидений. Каждая пара бойцов должна была биться до тех пор, пока один из них не признавал себя побежденным; бледный и окровавленный лежал он на песке, и если не взывал о помиловании поднятием руки, то победитель наносил ему смертельный удар. Тогда на арену выступала новая пара, потом еще одна, и таким образом часто сражались между собой более ста пар. Существовал обычай: если полученная каким-либо гладиатором рана не была смертельной, поднятием указательного пальца он умолял забавлявшуюся толпу о пощаде. Тогда толпа, смотря по расположению духа, маханием платками или поднятием кулака с большим пальцем внутри давала знак к помилованию, или, раскрывая все пять пальцев, присуждала к смерти. Эти кровопролитные игры не поражали римлян своим ужасом: они могли смотреть на них с утра до ночи и, чтобы не пропустить ни одной сражающейся пары, приносили в амфитеатр пищу и питье. В честь бойцов, особо искусных в нанесении смертельных ударов, раздавались громкие приветствия зрителей.

Развалины Колизея

Страсть к подобным кровавым зрелищам достигала своего апогея во времена

императоров. В то время уже не довольствовались единичными борцами, а желали видеть, как бьются целые толпы. Тогда на арену выходили подобия целых войск, одетых то фессалийцами, то галлами, то каким-либо другим народом. Успехом у публики пользовались и ретиарии — гладиаторы, имевшие в левой руке сеть, а в правой кинжал и трезубец. Он старался накинуть сеть на голову противника, повалить его на землю, а затем безжалостно пронзить кинжалом. Когда римляне познакомились с дикими зверями тропических стран, на аренах можно было видеть борьбу рабов с тиграми, львами и слонами. И чем бесчеловечнее становились эти кровавые побоища, тем больше упивался ими народ.

Что касается общественных отношений, то тут преимущества родовой аристократии (патрициев) отжили свой век, и на смену родовой аристократии пришла аристократия должностная и денежная, сословие нобилей. Целый ряд известных фамилий, как например Корнелий, Клавдий, Сервилий и т.д., удерживали за собой различные государственные должности, в особенности же сенаторское звание. Историк Саллюстий замечает: «В то время, когда народ раздавал разные другие должности, сословие нобилей передавало консульское достоинство из рук в руки». Лица, занимавшие государственные должности, особенно в провинциях, пользовались всевозможными обстоятельствами для накопления неслыханных богатств. Обогатившись благодаря грабежам на войне или разорению жителей провинций, они возвращались в Рим. Некоторые из них тратили часть своих богатств на поддержание бедных граждан, которые в благодарность за это при новых домогательствах доходных должностей поддерживали их своими голосами.

Возникла вопиющая несоразмерность в имущественном положении. Некоторые лица владели огромными сокровищами, скупали земельные участки бедных и заставляли обрабатывать эти земли своих бесчисленных рабов. В противоположность им тысячи обнищавших граждан, лишившись не только жилищ и имущества, но и насущного куска хлеба, бродили по всей Италии и находили себе последнее прибежище только в военной службе. Во время войн поля оставались невозделанными, а те, которые поручались рабам, возделывались плохо. Италии стал угрожать голод. Продовольствие миллионов зависело от подвоза хлеба из житниц Италии — Сицилии и Африки. В случае прекращения такого подвоза можно было опасаться страшных смут. Сицилия показала тому ужасающий пример: в 136 году до Р. Х. восстали рабы. Под начальством отважного предводителя, сирийского раба Эвна, собралось около 70.000 человек недовольных и в течение целых четырех лет вели настоящую войну с римскими полководцами.

Множество самых бедных жителей Италии направилось в столицу. Каждый из них, хотя и явился в самом истерзанном виде, тем не менее в качестве римского гражданина имел голос в народном собрании и этим мог содействовать избранию наместников, консулов, преторов и других правительственных лиц. Всякий из этой толпы нищих видел в выборах для себя только ту выгоду, которую он мог извлечь, продавая свой голос. Таким образом в Риме проживали тысячи подобных граждан и существовали подачками богатых, которые всегда могли рассчитывать на их голоса.

Скованный раб

Римский нищий

Эти нищие назывались пролетариями, т.е. имевшими в качестве достояния только потомство.

26. Волнения гракхов.

(133...121 г. до Р. Х.)

В таком печальном положении прийти на помощь обнищавшему и бесправному народу решились два брата, сыновья благородной Корнелии, дочери Сципиона Африканского Старшего: Тиберий Семпроний Гракх, отличавшийся возвышенным образом мыслей и необыкновенно сострадательный; и одаренный проницательным умом, но слишком пылкий Гай Гракх. Первым выступил Тиберий, который был старше брата на девять лет. Будучи выбран в 133 году в народные трибуны, он предложил возобновить старинный и давно уже преданный забвению закон о полях, по которому никто не мог иметь в своем владении более 500 югеров государственных земель (югер составлял 2519 кв. м.). В Этрурии было особенно много обширных пространств общественной земли, которой совершенно безвозмездно пользовались денежные аристократы. Тиберий предложил отобрать эту землю и разделить ее между неимущими гражданами за определенный ежегодный налог. К этому он присоединил еще одно предложение: чтобы каждый богач, у которого отбиралась часть земли, оставшуюся у него общественную землю получил в качестве полной собственности. Этот план образовать таким путем класс зажиточных граждан был как нельзя более разумен. Но при своем осуществлении он встретил множество трудностей. Эти земли частью уже составляли частную собственность, освященную более чем столетним владением, частью находились в залоге, частью вследствие брачных договоров были самым запутанным образом соединены в одно имение или раздроблены на мелкие участки. К тому же аристократическая партия вовсе не была расположена добровольно согласиться на задуманную реформу. Напротив, они прибегли к средству, которым часто пользовались с успехом: вооружили одного трибуна против другого. Сотоварищ Гракха по должности Марк Октавий воспротивился представлению этого закона на утверждение народного собрания. Тогда Гракх, глубоко оскорбленный этим поступком, стал подстрекать народ против сената и на другой день в бурном заседании народного собрания предложил отрешить Октавия от должности трибуна. Предлагая это, Гракх вступал на противозаконный путь, ибо нарушал один из самых коренных основных законов — несменяемость народных трибунов. Затем земельный закон был утвержден народным собранием. Для приведения его в исполнение была назначена комиссия из трех человек: Тиберия Гракха, его тестя Аппия Клавдия и брата Гая Гракха. Чтобы новые собственники земель могли приобрести земледельческие орудия, Тиберий предложил разделить сокровища, завещанные римскому народу пергамским царем Атталом III. Это предложение понравилось народу, и Гракх мог вполне рассчитывать на избрание в трибуны и на следующий год. В день выборов Тиберий Гракх явился вместе со своими приверженцами в Капитолий, в храм Юпитера. Поблизости, в храме Венеры, собралась сенатская партия. Сначала все складывалось хорошо. Народ восторженно приветствовал трибуна. Но в это время один из сторонников Гракха сообщил, что сенаторы готовятся расправиться с ним и собрали много своих вооруженных приверженцев. Друзья Тиберия, разломав заборы, вооружились обломками. Стоявшие в задних рядах не понимали причины тревоги. Тогда Тиберий приложил руку к своей голове, жестом желая показать, что его жизни угрожает опасность. Враги поспешили истолковать этот знак по-своему: «Гракх хочет возложить на свою голову царскую корону!» Главарь противников Тиберия, его двоюродный брат Сципион Назика воскликнул: «Кто хочет спасти республику, следуй за мной!» Сенаторы вместе с присоединившимися к ним многочисленными клиентами, вооружившись палками, камнями, ножками разбитых скамеек, устремились к Капитолию. Стойких сторонников Тиберия на площади было немного. Крестьяне, обязанные Тиберию своей землей, отсутствовали, так как наступило время полевых работ. Толпа расступилась перед сенаторами и почти не оказала сопротивления.

Друзья Тиберия были частью убиты, частью обращены в бегство. Сам он был поражен насмерть двумя ударами, и тело его было брошено в Тибр.

Однако земельный раздел был все-таки отчасти проведен, хотя было весьма затруднительно определить, какие земли составляют частную собственность, а какие принадлежат государству, на что в особенности указывал Сципион Африканский Младший,

который поплатился жизнью за сопротивление новым реформам. В 129 году, на другой день заседания сената, где Сципион решительнейшим образом восставал против дальнейшего проведения новой реформы, он был найден задушенным в своей постели.

Саркофаг Сципиона

В лице Сципиона погиб настоящий друг отечества. С великим сокрушением оплакивали Сципиона его единомышленники. Узнав о таком злодеянии, на форум бросился Метелл Македонский и воскликнул: «Стены нашего города пали! Сципион умерщвлен сонный в собственном своем доме». Затем он приказал четверем своим сыновьям отнести на носилках труп Сципиона на кладбище, где он и был предан сожжению. Когда сыновья подняли носилки на плечи, Метелл сказал: «Вам никогда не придется оказать эту дружескую услугу более великому человеку».

В 123 году до Р. Х. народным трибуном был избран младший брат Тиберия — Гай Гракх. Он немедленно возобновил реформы своего убитого брата. Прежде всего Гай провел закон о твердых ценах на хлеб, кроме того, беднейшим гражданам ежемесячно выдавали хлеб бесплатно. Эта мера имела пагубные последствия для Рима. Целые толпы всякого сброда потянулись в столицу, чтобы получать там даровой хлеб. Рим наполнился толпами праздношатающихся пролетариев.

Чтобы привлечь на свою сторону сословие всадников, Гай провел судебную реформу. До этого судебные дела велись сенаторами, всадники в суды не допускались. По предложению Гая, судопроизводство было передано в руки трехсот всадников.

Оба эти предложения встретили сильнейшее сопротивление со стороны оптиматов (сенатской аристократии), и они старались подорвать его авторитет.

Чтобы как можно больше упрочить свое положение, на втором году своего трибунства Гай Гракх выступил с новым предложением: всем союзникам в Италии предоставить полноправное римское гражданство. Однако, несмотря на то, что все предшествовавшие предложения Гракха встречали в народе величайшее к себе сочувствие, последнее предложение потерпело полную неудачу. Большинство римского народа не желало разделять с союзниками своих прав, в особенности права на даровое пользование хлебом. Сенат не замедлил воспользоваться этим обстоятельством самым искусным образом. Он привлек на свою сторону другого народного трибуна, Ливия Друза, и уговорил его войти с предложением, которое давало бы народу еще больше выгод, чем законы, предложенные Гаем. Друз предложил утвердить за новыми землевладельцами принадлежащие им земельные участки в полную собственность, освободить их от всех налогов и основать в Италии 12 новых колоний. По отношению к Гракху наступило охлаждение со стороны народа. Оно проявилось при выборах трибунов на 121 год: Гай Гракх не был избран на эту должность. В этом же году его злейший враг Луций Оппимий был выбран консулом. Отношения между сторонниками Гая и Оппимия настолько обострились, что в любой момент могло произойти столкновение. Так и случилось; однажды во время одного праздничного жертвоприношения, совершаемого консулом в Капитолии, консульский ликтор грубо крикнул стоявшим рядом друзьям Гая: «Эй вы, негодяи! Уступите место порядочным людям!» Оскорбитель тут же был убит. Это послужило сигналом к нападению. Гракх со своими сторонниками занял Авентинский холм и укрепился в храме Дианы. Члены сенатской партии с помощью вооруженных рабов и критских стрелков взяли холм приступом. Гай бежал, по дороге вывихнул ногу и, чтобы не достаться врагам живым, приказал своему рабу убить себя. Вместе с Гаем погибло 3.000 человек, и трупы их были брошены в Тибр.

Хотя оба брата погибли при первой попытке поколебать древние учреждения, старания их имели важные последствия. В римскую чернь проник дух неповиновения. Даже управляемые до тех пор с необыкновенной строгостью италийские союзники пожелали стать соучастниками в управлении. Народные трибуны познали их силу; союзники уже получили место и голос в сенате. Каждому будущему властолюбцу, как, например, Марию или Цезарю, был указан путь, по которому он должен был идти, чтобы иметь возможность успешно бороться с сенатом и древними учреждениями.

27. Война с Югуртой

(115...105 г. до Р. Х.).

Нравственный упадок как в высших, так и в низших слоях римской республики, в особенности совершенное отсутствие чувства справедливости и постыдная продажность должностных лиц проявились во всей своей наготе в Югуртинской войне. Югурта, которого мы уже видели в лагере под Нуманцией, мог уже тогда изучить римлян с самой дурной их стороны. Ему, соединявшему в себе пылкий характер африканца с жестокостью и коварством диких зверей своей родины, при всех его собственных дурных качествах, римляне представлялись такими презренными в нравственном отношении, что он именно на этом основывал надежду на успех своего безрассудного замысла.

Согласно последней воле умершего незадолго перед тем нумидийского царя Миципсы, который усыновил Югурту, нумидийское царство должно было быть разделено между Югуртой и двумя сыновьями Миципсы, Адгербалом и Гиempсалом.

Югурта

Однако Югурта, будучи от природы необыкновенно властолюбивым, приказал убить Гиempсала. Адгербал же, разбитый Югуртой в сражении, бежал в Рим и просил там о помощи. В Риме были крайне изумлены дерзким убийством Гиempсала. Но Югурта отправил туда посольство и подкупил большую часть сенаторов. Поэтому сенат постановил разделить Нумидию между обоими царями и отправил в эту страну комиссию из десяти сенаторов, которая должна была проследить за исполнением этого раздела. Четыре года спустя после раздела Югурта вторгся во владения Адгербала, разбил его в одном сражении, и тот укрылся в своей столице Цирте. Здесь Югурта осадил Адгербала, принудил его к сдаче и предал мучительной смерти. Теперь Югурта стал властителем всей Нумидии. Во время резни в Цирте погибло множество и римских граждан. Это возмутило народного трибуна Меммия, и он настоял на объявлении Югурте войны. Консул Кальпурний Бестия получил приказ выступить в поход. Едва войско появилось в Африке, к нему навстречу прибыли послы хитрого царя и подкупили и консула, и его легата Скавра. Был заключен мирный договор, в силу которого Югурта обязывался подчиниться римлянам, выдать им тридцать слонов, определенное число лошадей и рогатого скота и незначительную, сумму денег, взамен чего за ним была признана власть над всей Нумидией. Консул возвратился в Рим и представил сенату отчет о своем поручении. Однако народный трибун Меммий привлек консула к ответственности, изобличил всю гнусность подкупа и добился решения вызвать Югурту в Рим, где тот должен был оправдаться перед народным собранием и назвать тех, которые допустили подкупить себя.

Югурта прибыл в Рим и явился в народное собрание в одежде нищего. Трибун Меммий потребовал, чтобы он назвал своих соучастников, но другой трибун, Бебий, подкупленный Югуртой, запретил ему отвечать. Тут Югурта отважился на новое преступление и с

помощью наемных убийц умертвил оставшегося в живых внука Масиниссы, Массиву, который после убийства Адгербала бежал в Рим. Это злодеяние было слишком очевидным, чтобы осталось какое-нибудь сомнение в его виновнике. Югурта получил повеление оставить Рим и покинул его со словами: «О подкупный город! Ты скоро бы погиб, если б на тебя нашелся покупатель!»

Консул Спурий Постумий Альбин последовал с войском за Югуртой, начал против него войну, но не имел успеха. Его брат Авл был окружен со всем войском, должен был пройти под ярмом и уйти из Нумидии. Этот позор возмутил всех. Была назначена комиссия, которой поручалось расследовать, какие лица допустили подкупить себя во время переговоров и войны с Югуртой. Бестия, Спурий Альбин и другие были признаны виновными и присуждены к изгнанию. Вместе с тем старались приискать, кого бы из полководцев назначить главным военачальником в войне с пронырливым и коварным Югуртой: необходимо было найти такого, который при выдающейся храбрости был бы человеком неподкупной честности. Выбор пал на Цецилия Метелла. Он восстановил в войсках дисциплину и вступил в Нумидию. Начались переговоры, в которых царь и консул старались перехитрить друг друга. В 109 году произошло сражение при реке Мутале, в котором римское войско с большим трудом и большими потерями одержало победу над нумидийцами. Югурта обратился с просьбой о мире, и Метелл согласился заключить его на следующих условиях: Югурта должен был выдать всех слонов, большое количество лошадей и оружия и всех перебежчиков, дать заложников и уплатить 200.000 фунтов серебра. Но когда вдобавок ко всему этому Метелл потребовал, чтобы царь явился к нему лично, то Югурта, совершенно справедливо опасаясь, что римляне лишат его не только свободы, но и жизни, прекратил переговоры. Тогда Метелл овладел почти всей Нумидией, и Югурта стал искать помощи у своего тестя Бокха, царя Мавритании (часть нынешнего Марокко).

Метелл рассчитывал со славой окончить эту постыдную войну в качестве проконсула, но честолюбие его легата Гая Мария вырвало из рук Метелла прекрасные плоды его усилий.

Гай Марий родился в 156 году до Р. Х. и был сыном бедного земледельца. Как только Марий достиг зрелого возраста и стал годен к военной службе, он тотчас же вступил в войско, сражался под начальством Сципиона под Нуманцией. Марий нисколько не старался научиться греческому красноречию и усвоить себе манеры высшего общества, а заботился лишь о том, чтобы стать хорошим воином.

Марий

Когда он впервые стал домогаться звания военного трибуна, все трибы единогласно его выбрали, хотя мало кто знал его лично: слухи о его военных способностях ходили среди воинов. Исправляя поручаемые ему должности с усердием и знанием дела, он постоянно оказывался достойным выбора, стал быстро возвышаться и переходить от одной должности к другой. Однако Марий еще не отваживался добиваться консульской власти, хотя и обладал всеми необходимыми для этой должности качествами: энергией, честностью, военным талантом и опытом. Главной помехой было то, что он не имел благородных предков.

Марий был суеверен и имел большое пристрастие ко всякого рода гадателям и прорицателям.

Арпин

Однажды, находясь в Утике, Марий приносил благодарственную жертву богам. Присутствовавший при этом гаруспик (гадатель по внутренностям животных) предсказал ему великую и удивительную будущность. Когда Марий убедился, что предсказания прорицателя вполне согласуются с его собственными страстными, задушевными желаниями,

он попросил у Метелла отпуск, чтобы отправиться в Рим и хлопотать там о своем избрании в консулы. Марий оставил свою должность в Африке всего лишь за десять дней до новых консульских выборов и с такой поспешностью ехал в Рим, что совершил длинный путь от лагеря до морского берега за два дня, а отсюда за четыре дня прибыл в Италию. Толпа в Риме встретила его с восторгом. Один из трибунов ввел Мария на ораторскую трибуну. Марий приложил все усилия, чтобы сместить Метелла и занять его место. Он доказывал, будто тот вяло ведет войну, преднамеренно ее затягивает, и говорил, что может сам захватить Югурту в самом непродолжительном времени, если ему будет дана полная власть. Народная партия настояла на том, чтобы Марий был выбран консулом и чтобы он занял место Метелла.

Став главнокомандующим, Марий увеличил численность войска в Африке, причем преимущественно набирал солдат из низших центурий, которые были преданы ему. В 107 году до Р. Х. Марий разбил Бокха и Югурту при Цирте и в нескольких других местах. Но несправедливость, совершенная в отношении Метелла, не осталась неотмщенной: и Марию не досталась честь окончить войну. За Марием следовал в должности квестора не менее его честолюбивый патриций, Луций Корнелий Сулла, который вырвал из его рук победные лавры.

Бокх

Сулла во всем был совершенной противоположностью Мария. Он происходил из старинного благородного рода Корнелиев, имел весьма основательные познания в греческой и римской литературе. У него был глубокий ум, пристрастие к чувственным наслаждениям, но больше всего он любил славу. Хотя Сулле была по душе праздная, распутная жизнь, но он никогда не позволял удовольствиям отвлекать себя от занятий. Любезный и щедрый в обществе, услужливый для своих друзей, расчетливый и хитрый в политике, опытный и искусный в военном деле, Сулла олицетворял в себе в одно и то же время лисицу и льва.

Между тем Югурта продолжал оставаться во владениях Бокха, который, хотя и обещал ему свою защиту, но из боязни перед римлянами начал постепенно изменять своему обещанию. Чтобы удержать за собой свое царство, Бокх решился наконец пожертвовать зятем. Он склонился на предложение Суллы, который от имени Мария вел с ним переговоры и поэтому был лично известен ему, и обещал выдать Югурту, если Сулла согласится лично явиться к нему ночью в сопровождении лишь небольшой свиты, чтобы не возбудить ни малейшего подозрения. Дело представлялось весьма опасным. Тем не менее Сулла поверил Бокху, отправился к нему и был принят дружески. Югурту уговорили явиться на место свидания под тем предлогом, что между ним и Римом при посредничестве Бокха будет заключен мирный договор. Когда Югурта, сопровождаемый малочисленной свитой, подъехал к пригорку, на котором стояли Бокх и Сулла, скрытые за пригорком всадники Бокха выскочили вперед и схватили Югурту. Он был выдан Сулле, который доставил его в стан Мария. Война была окончена. Аристократическая партия обратила заключительный акт войны в свою пользу и утверждала, что это великое дело совершилось благодаря благоразумию и мужеству Суллы и что Марий ничего для этого не сделал. Сам Сулла до того возгордился своим подвигом, что приказал всю сцену взятия в плен Югурты вырезать на перстне, который и носил постоянно на пальце.

Для приведения в порядок нумидийских дел Марий оставался в Африке до конца 105 года. Западную часть Нумидии получил Бокх, восточную — сводный брат Югурты, одержимый душевным недугом Гауда. Возвратившись в Рим, Марий удостоился блестящего триумфа. Перед его колесницей шел Югурта в цепях и в царской одежде. Затем Югурту заключили в глубокий и сырой склеп Туллиянум, высеченный в Капитолийской скале. Бесчеловечные тюремщики сорвали с него одежды и вырвали серьги из ушей. На шестой день заключения Югурта умер в темнице, из которой тщетно надеялся быть выпущенным на

свободу. Историк Ливий предполагает, что нумидийский царь был удушен в тюрьме.

28. Кимвры и тевтоны.

(113...101 г. до Р. Х.).

В 104 году Марий вновь был избран консулом. С консульства Мария для государственного устройства Рима началась новая эра. До сих пор являлось неслыханным делом, чтобы «новый человек» (т.е. первый из плебейского рода, получивший курульское звание), предки которого занимались ремеслом, мог достигнуть высшей должности в государстве; но еще неслыханнее было, чтобы такая должность поручалась ему вторично.

Но нерасположение к сенатской партии было так велико, что она не осмелилась серьезно противодействовать избранию Мария, так как он пользовался любовью народа и поддержкой войска. Перед вооруженной силой сенат, то самое собрание, которое когда-то внушало к себе глубокое уважение, смещало царей, уничтожало целые народы, — теперь должен был трепетать сам. Точно сама судьба Покровительствовала славе Мария, ибо как раз в это время государству угрожала такая -внешняя опасность, что оно должно было считать себя счастливым, имея такого человека, как Марий, который сочетал в себе огромный военный талант с огромной властью над сердцами людей.

Уже во время Югуртинской войны на севере появился новый, в высшей степени страшный враг. Два германских племени, кимвры и тевтоны, покинули свои жилища и двинулись на юг, везя на телегах жен, детей и все свое имущество. То было предвестие переселения народов. По пути к ним примкнули многие германские и кельтские племена. Все они приблизились к границам римского государства. В 113 году до Р. Х. при Норее кимвры и тевтоны обрушились на римское войско, которым командовал консул Папирий Карбон, и разбили его. Затем, присоединив к себе племена гелльветов, они направились в Галлию, в области, лежащие по реке Родану, в 109 году разбили консула Силана, в 107 году консула Кассия Лонгина и в 105 году уничтожили два римских войска при Араусии, на левом берегу Родана. Здесь произошло страшное кровопролитие: римляне потеряли 80.000 человек; спаслось только десять человек, которым каким-то чудом удалось бежать с поля сражения и переплыть на другой берег. В Риме распространилась паника. Воображению римских граждан уже представлялось, что перед столицей стоят чужеземные воины с белокурыми кудрями и голубыми глазами. По счастливой случайности победители направились к юго-западу и перешли Пиренеи. Римляне получили возможность оправиться от жестокого поражения.

Спасения ожидали от одного Мария. Голос народа настоятельно требовал избрания его консулом; сенат вынужден был уступить, и Марий — чего до тех пор еще не случалось — оставался консулом четыре года подряд (104...101 г. до Р. Х.). И в самом деле Марий был тот человек, который мог внушить и страх диким племенам, и доверие войску, пришедшему в большое уныние. Его воинственная наружность, суровый образ жизни, неутомимая деятельность и даже резкость его обхождения, не смягченного никаким воспитанием, возбуждали к нему настоящий восторг в грубых воинах. Находясь во главе войска, Марий всегда вел себя прямодушно и справедливо.

Два года следовал Марий за неприятелем, который бесцельно бродил по Испании, но избегал вступать в решающее сражение. Все это время Марий употребил на то, чтобы закалить свои войска в перенесении трудностей и лишений. Только на третьем году (102 г.) встретился он с тевтонами и амбронями в южной Галлии. Они собирались направиться через римскую провинцию Галлию вдоль приморского берега в Италию. В то же время кимвры и тигурины старались достичь той же цели, направившись через восточные Альпы. Марий расположился у реки Родана, укрепил лагерь и оставался в нем в бездействии так долго, что его солдаты стали роптать. Такую осторожность Марий соблюдал по совету сирийской предсказательницы Марты, которую он всюду возил за собой в носилках.

Наконец тевтоны истомились от тщетных стараний вызвать римлян на бой и смело направились мимо лагеря Мария с намерением вторгнуться в Италию. Марий осторожно последовал за ними. Наконец при Аквах Секстийских он решился вступить в сражение (102 г.). Искусные распоряжения Мария и превосходное военное мастерство римлян доставили ему к вечеру первого дня победу над амбронами, но солдаты отступили назад, в свой лагерь, и были далеко не в веселом расположении духа; напротив, они соблюдали тишину, со страхом прислушиваясь к раздававшимся всю ночь страшным военным кликам тевтонов, которыми они выражали свое дикое веселье.

Действительно, на третий день последовало бешеное нападение тевтонов на римский лагерь. Однако, благодаря превосходному военному искусству римлян, они были совершенно разбиты. Но когда римляне ворвались в стан тевтонов, им пришлось сражаться с их женами, которые нисколько не уступали своим мужьям ни в силе, ни в храбрости. Во время самой битвы тевтонские женщины ободряли своих мужей; теперь же в порыве отчаяния они сами бросались на римлян с мечами в руках, вырывали у них щиты и только тогда переставали защищаться, когда изнуренные и смертельно раненные, падали на землю. Матери убивали грудных детей, а затем умерщвляли и себя. Лишь немногие из числа врагов, и в том числе их предводитель Тевтобод, попали живыми в руки победителей. Марий пощадил их только для того, чтобы они участвовали в его будущем триумфе.

Однако неприятель был разбит лишь наполовину, так как в это самое время кимвры, перейдя через Альпы, вторглись в Италию. Консул Катул должен был задержать их на реке Атезисе, но войско его трусило, обратилось в бегство, и Катул отступил на правый берег реки Пад (теперь По), и кимвры стали опустошать богатую равнину, лежащую между этой рекой и Альпами. Марий, избранный в пятый раз консулом, в 101 году выступил со своим войском к реке Пад, соединился здесь с войском Катула, и затем оба войска снова перешли через эту реку. При Верцеллах, на обширных холмистых полях произошло решительное сражение. Палящие лучи солнца и поднимавшаяся столбами пыль ослепляли кимвров. Римляне одержали блестящую победу, которая закончилась почти полным истреблением неприятеля. Описанные выше сцены с тевтонскими женщинами повторились и здесь. Долго и упорно защищались кимвры женщины в своём стане и во избежание плена убивали себя сами. Предводитель кимвров Бойорикс был убит. Оставшихся в живых постигла печальная участь: они были проданы в рабство.

Мария превозносили даже его политические противники, как избавителя от страшной опасности. Он был назван «третьим основателем города Рима». Такой почётный титул вполне соответствовал его заслуге. Он спас от напора варваров римское образование и самый Рим, это средоточие образованного мира.

29. Марий и демагоги Сатурнин и Главция

(100 г. до Р. Х.)

Марий принадлежит к числу тех людей, на долю которых выпадает пережить свою славу. Не довольствуясь честью быть консулом в течение пяти лет, он стал добиваться избрания на эту должность и на шестой год и, увы, пошел по пути самых недобросовестных демагогов (народных предводителей). Он без стыда покупал голоса и привлёк на свою сторону самых беспокойных граждан, чтобы они стали его послушным орудием для возбуждения черни. Для чего, собственно, Марий желал воспользоваться этой народной силой, он и сам не мог объяснить вполне ясно: скорее всего, для удовлетворения собственного честолюбия и для того, чтобы одержать победу над аристократической партией и сенатом, во главе которых в это время стоял его бывший начальник Метелл Нумидийский. Опаснейшим из демагогов был тогда трибун Апулей Сатурнин, один из тех кровожадных характеров, которые для удовлетворения своих выгод готовы истребить все человечество. Сатурнин ненавидел сенат за то, что тот во время его квесторства отнял у него поставку

хлеба, к которой он стал относиться недобросовестно. Он ненавидел также и Метелла, так как тот, будучи цензором, хотел исключить его из сословия всадников за распутство. Чтобы отомстить сенату и, Метеллу, Сатурнин в 101 году стал добиваться своего вторичного избрания в трибуны. Он получил эту должность с помощью своих приверженцев. В ту самую минуту, когда в народном собрании был выбран последний, десятый трибун, некто Ноний, сторонники Сатурнина убили его и, воспользовавшись замешательством, выбрали на место Нония Сатурнина. На этот же год в преторы был выбран Сервилий Главция, враг партии оптиматов, а в консулы, в шестой раз, Марий.

Чтобы ещё больше привлечь народ на свою сторону, Сатурнин предложил закон, по которому ветераны Мария, оказавшие особые услуги отечеству в Галлии, Сицилии, Ахайе и Македонии, должны были получить определенные участки земли. Хотя весь сенат воспротивился этому предложению, этот земельный закон был утверждён народными трибунами. Чтобы вынудить сенат привести в исполнение только что утверждённый закон, Сатурнин настоял на том, чтобы к закону была присоединена оговорка, в силу которой все сенаторы должны были в течение пяти дней поклясться, что закон будет исполнен. В случае сопротивления они исключались из сената и подвергались значительному денежному штрафу. Принести клятву отказался только Метелл и, не дожидаясь обвинения, добровольно удалился на остров Родос.

Дерзость Сатурнина ещё более увеличилась. При следующих консульских выборах Сатурнин добивался избрания в консулы Главцию. Когда он увидел, что большинство голосов собрал Меммий, то приказал своим приверженцам умертвить Меммия прямо в народном собрании. Этот поступок возмутил даже многих сторонников Сатурнина. Сам старинный покровитель Сатурнина, Марий, над головой которого готовилась разразиться буря, пожертвовал им и допустил его падение. Престарелый сенатор Муций Сцевола предложил в сенате постановление, по которому консулам предоставлялось право принимать все меры для защиты государства. Консулы тотчас вооружили граждан и заняли все важные участки города. Со своей стороны Сатурнин собрал толпу приверженцев. Консульские отряды под предводительством Мария бросились на Сатурнина и его сторонников. Сатурнин скрылся в Капитолий, но был окружен здесь со всей своей шайкой и принуждён сдаться. Марий приказал заключить пленных в гостилийские курии, но молодые аристократы, принимавшие активное участие в борьбе с Сатурнином, опасались, что Марий желает спасти их. Поэтому они взобрались на крышу здания, где сидели пленники, разобрали ее и перебили всех, в том числе и Сатурнина, черепицей.

Марий, хотя и продолжал пользоваться любовью народа, увидел, что он лишился всякого влияния из-за двусмысленности своего поведения и что его покинули все партии. По истечении срока своего консульства он удалился в Азию, чтобы выждать более благоприятного для себя времени. Вскоре был отменен земельный закон, а Метелл возвращен из изгнания.

30. Реформы, предложенные Ливием Друзом. Союзническая или Марсийская война

(90...88 г. до Р. Х.)

Раздоры партий в Риме приняли угрожающий характер. С тех пор, как судопроизводство перешло от сенаторов к всадникам, правосудие попало не в лучшие руки. Если прежде оправдывали наместников, постыдно грабивших провинции, то теперь преследовали уже честных наместников, которые не только сами не грабили, но и не позволяли грабить другим. Они навлекли на себя ненависть податных откупщиков, которые при помощи подкупленных доносчиков призывали таких бескорыстных наместников в Рим к суду. Самым поразительным примером подобного мщения может служить обвинение Рутилия Руфа, который во время своего управления провинцией Азией в 100 году отличался

строгостью и справедливостью. Откупщики податей и таможенных пошлин решили принести на Рутилия Руфа жалобу. При помощи своих сторонников им удалось добиться осуждения Руфа, который был вынужден совсем покинуть государственную службу.

При таких обстоятельствах самые искренние старания привести партии к взаимному согласию рушились. С целью ограничить злоупотребления всадников властью народный трибун Ливий Друз внес предложение о разделении судопроизводства между сенатом и представителями сословия всадников, а именно, чтобы суд вершили 300 сенаторов и 300 всадников. Ливий Друз предложил также произвести раздел земель, как это хотели сделать Гракхи, и основать колонии, куда можно было переселить бедных или не имевших занятий граждан. Оба эти предложения были одобрены сенатом. Затем Друз сделал предложение, за которое Гракхам в своё время пришлось поплатиться не только общественным положением, но и жизнью: он предложил предоставить права гражданства всем союзникам в Италии. Против Друза тотчас ополчились и сенат, и народ. К нему был подослан убийца, который заколол его на пороге собственного дома. После смерти Друза были отменены все его законы.

Предложение Ливия Друза о даровании прав гражданства итальяским союзникам произвело повсеместное волнение. Сильное брожение прошло по всей Италии, повсюду раздавались громкие требования равенства. Союзники справедливо утверждали, что настало наконец время после многократных пустых обещаний предоставить им действительную награду за тяготы, которые они переносили в бесконечных войнах. Раздражение увеличивалось день ото дня, положение вещей становилось все опаснее и опаснее. Многие племена сабельского происхождения: самниты, марсы, луканы, пелигны, марруцины и другие восстали против Рима и решили основать союз свободных государств (т.е. федеративную республику) с главным городом Корфинием, который впредь должен называться Италикой. Они избрали двух консулов, 12 преторов и 500 сенаторов.

Поводом к открытому восстанию послужила кровавая сцена в Аскулуме 91 году до Р. Х. Явившийся сюда римский проконсул Квинт Сервилий произнес в театре гневную речь, в которой упрекал жителей в вероломстве. Толпа бросилась на Сервилия и убила его; одновременно были перебиты все римляне, находившиеся в городе. В Риме было решено подавить опасное восстание силой оружия. Но посланное туда войско терпело поражение за поражением. От Рима отпадало все большее число городов; римские консулы вынуждены были пополнять большую убыль в войсках вольноотпущенными рабами. Чтобы воспрепятствовать отпадению оставшихся еще верными союзников: латинян, этрусков и умбров, пришлось согласиться даровать им права гражданства. Между тем борьба на юге продолжала свирепствовать с переменным успехом. Только с появлением на театре военных действий Суллы в 89 году она приняла благоприятный для Рима оборот. После поражений, понесенных при Аскулуме и Ноле марсы и пелигны заключили мир с Римом. Восстание самнитов было также подавлено в 88 году до Р. Х. Чрезмерный наплыв новых граждан, которые массами устремились в Рим и были включены здесь в 35 триб, оказался для Рима пагубным. Сильно увеличилось число городской черни и превратилось в весьма удобное орудие, которым честолюбивые демагоги, предводители разных партий, пользовались при выборах для своих собственных целей. Совершенно изменился состав войска. Вместо войска, состоявшего из граждан, воодушевленных исполнением своего долга и привыкших сражаться за отечество и священные права, теперь возникло войско сборное, которое набиралось по призыву из среды беднейших классов римского народа и союзников и обращалось, по выражению историка Моммзена, в толпу ратников. Это новое войско никогда не было верно государству и бывало предано своим начальникам только тогда, когда те умели привязать его к себе. Шесть военачальников были убиты своими собственными солдатами, и только один Сулла был в состоянии держать в повиновении это опасное войско, потому что давал волю его диким страстям.

31. Митридат VI Евпатор.

(132...63 г. до Р. Х.).

В это время в Понтийском царстве, лежащем на северо-восточном побережье Малой Азии, по берегам Чёрного моря, явился на престоле государь, который считал себя призванным подчинить своему владычеству всю Переднюю Азию. Это был Митридат.

Монета Митридата

Уже на двенадцатом году жизни он лишился отца, павшего под ударами убийц, и обязан был спасением своим верным слугам. Они скрыли Митридата в лесистых горах, где среди опасностей и лишений он и развил свои телесные и духовные силы. Митридат был наделён такой необыкновенной памятью, что впоследствии мог говорить на всех языках подвластных ему народов — а их было 22. Когда ему исполнилось 19 лет, он вернулся в своё царство, утвердился на престоле, заключив родную мать в темницу и умертвив своих братьев. Отличаясь неутомимой деятельностью, Митридат в то же время был предан всем порокам восточных деспотов. Коварство и жестокость, неразборчивость в выборе средств и недоверчивость к окружающим были отличительными чертами его характера. К этому присоединялась неутолимая ненависть к римлянам.

Окруженный со всех сторон римскими шпионами, сборщиками податей, наместниками, военачальниками и солдатами, стесненный везде и во всем их высокомерными притязаниями, Митридат, подобно Ганнибалу, с юных лет задумал сделаться вечным врагом римлян. И действительно, римляне со времен Ганнибала не имели более страшного врага, чем Митридат. В течение целых тридцати лет боролся он с величайшими римскими полководцами и побеждал их. Во время его войн Греция и Малая Азия были совершенно опустошены, и самое существование владычества римлян в этих областях чуть не было уничтожено.

Медленно и осторожно собирал Митридат свои силы, прежде чем открыто приступить к исполнению своего замысла, а замысел этот состоял не более, не менее, как в совершенном изгнании римлян из всей Азии. Митридат в изобилии собрал запасы всего, что необходимо для ведения продолжительной войны, заключил союз с царём Армении, своим зятем Тиграном, и с соседними скифскими племенами. Цари Парфии, Сирии и Египта тайно благоприятствовали ему и многие финикийские и египетские моряки поступили к нему на службу. Кроме Понта, Митридат владел Колхидой и частью Крыма. Во время продолжительных войн он завоевал Пафлагонию, Каппадокию, Вифинию, Фригию и почти всю Переднюю Азию. Римский полководец Маний Аквиллий, который восстановил против Митридата царя Вифинии Никомеда, испытал на себе всю беспощадность его ненависти. Он был скован, высечен розгами, посажен задом наперед на осла и в таком виде провезен по городам Понта, причем по временам он должен был сам громко объявлять, что он Аквиллий. Наконец с бесчеловечной насмешкою ему влили в горло расплавленное золото.

Свою столицу Митридат перенес из Синопа в Пергам, бывший до тех пор местопребыванием римского наместника.

В азиатских провинциях жители были недовольны римским владычеством, и Митридат воспользовался этим. Он обратился к ним с призывом в один заранее назначенный день умертвить всех римлян без различия пола и возраста и отобрать от них имущество. Тут обнаружилась вся ненависть, какую навлекли на себя римляне. Ужасное приказание многими городами было приведено в исполнение с истинным наслаждением, число убитых римлян доходило до 80.000 человек. Только остров Родос и очень немногие города не приняли участия в этой кровавой резне.

В это же самое время в Италии свирепствовала союзническая война, и это обстоятельство как нельзя более благоприятствовало намерениям царя: восстановить против

Рима малоазийские государства. В то время как из Пергама всеми предприятиями руководил сам Митридат, его старший сын управлял понтийскими областями из Синопа. Одно из сухопутных войск выступило во Фракию и Македонию; полководец Митридата Архелай высадился в Греции, был принят здесь с восторгом и избрал Афины главным сборным местом своих войск. Афиняне решили сбросить с себя римские цепи и тем подать пример остальным грекам. Затем Архелай прошел всю Грецию и привлек на свою сторону лакедемонян, ахейцев, беотийцев и другие племена. Эвбея и прочие острова, за исключением Родоса, готовы были присягнуть Митридату. В его власти оказалась почти вся Эллада, и опасность уже угрожала Нижней Италии, так называемой «Великой Греции». Но еще прежде, чем возгорелась первая война с Митридатом, в самом Риме вспыхнула первая гражданская война.

Необыкновенные предзнаменования, по мнению римлян, предвещали страшное бедствие. На глазах множества людей три ворона пожрали собственных птенцов; мыши обгрызли золото в одном из храмов; когда же поставили мышеловку и туда попала мышь, она родила пятерых мышат и трех из них сожрала. При совершенно ясном небе слышался звук трубы, которую, однако, никто не видел. Когда в храме богини войны Беллоны собрался сенат, чтобы узнать у гаруспиков, что означают эти непостижимые явления, туда влетел воробей с саранчой в клюве и обронил часть ее на собравшихся.

32. Первая гражданская война. Марий и Сулла.

(88 г. до н. э.).

В 88 году Сулла был избран консулом и получил в свое управление провинцию Азию и поручение вести войну против Митридата.

Сулла

Сулла уже готов был отправиться к войску, собранному в Кампании после союзнической войны, когда престарелый, почти семидесятилетний Марий, все еще мучимый честолюбием и завистью к своему молодому сопернику, с помощью народной партии произвел волнение в массах. Ему помог народный трибун Сульпиций, который содержал 3.000 гладиаторов и всегда был окружен 600 всадниками. Они вооруженные сопровождали его на форум, где разогнали противников Мария, убив многих сенаторов. При этом погиб сын консула Помпея. Сулла был загнан в дом Мария, и его заставили отказаться от командования армией в войне с Митридатом и уступить его Марию. Народная партия ликовала.

Между тем Сулла тайно бежал из Рима в лагерь под Нолу, где находилось войско, с которым он прошел всю союзническую войну. Два военных трибуна, посланные Марием, потребовали от Суллы, чтобы он сдал ему войско. Но солдаты убили трибунов, и Сулла во главе шести легионов ворвался в Рим.

Минтурны

Граждане оказали сопротивление. Марий и Сульпиций укрепились в Капитолии. Марий даже обещал свободу всем рабам, которые согласятся защищать город. Сулла грозил поджечь город со всех концов, если хоть один человек окажет ему вооруженное сопротивление. В ужасе и боязливом ожидании граждане заперлись в домах и не смели показаться на улицах. Марий, Сульпиций и некоторые их сторонники бежали. Сульпиций был настигнут и убит, а Марию удалось спастись, и он некоторое время скрывался на

болотах в окрестностях Минтурн. Мария посадили в темницу и, чтобы убить его, подослали туда одного кимвра. При входе его Марий воскликнул громовым голосом: «И ты дерзнешь поднять руку на Гая Мария?» При этих словах холодная дрожь пробежала по телу кимвра, и он в ужасе выбежал из темницы. Марий был выпущен на свободу, удалился в северную Африку, а затем на остров Керкину, чтобы выждать здесь более благоприятного для себя времени.

Сулла, как только овладел Римом, немедленно созвал народное собрание, где были отменены все законы, установленные предшественниками. Власть народного собрания и народных трибунов была ограничена, в сенат было назначено 300 новых сенаторов, и ему было предоставлено право, в силу которого без предварительного его одобрения никакое предложение о новых законах не могло быть вынесено на утверждение народного собрания.

Во время этих событий истек годичный срок консульства Суллы. Он отправился в Азию в звании проконсула. Перед отъездом Сулла взял с новых консулов, Октавия и Цинны, клятвенное обещание не делать в его отсутствие никаких нововведений.

33. Первая война с Митридатом.

(87...84 г. до Р. Х.).

Сулла немедленно отправился с войском в Грецию. Афины оказали упорное сопротивление. Против них пришлось вести правильную осаду. Чтобы достать лес, необходимый для постройки осадных машин, по приказу Суллы была вырублена прекрасная роща, известная под названием Академа. Осажденные афиняне вскоре стали испытывать страшный голод: они питались травой и варили кожу со своей обуви и из винных мехов. В 86 году по штурмовым лестницам римляне проникли в город, и началось страшное и безжалостное избиение жителей. Старинные стены Пирея были разрушены с помощью стенобитных машин. Для удовлетворения алчности своих солдат Сулла приказал выдать ему сокровища Дельфийского храма Аполлона.

Понтийский полководец Архелай покинул со своими кораблями афинскую гавань и направился к северу, чтобы соединиться с войском Митридата в Беотии. При Херонее (в 86 году) и при Орхомене (в 85 году) произошли сражения. При Херонее Сулла одержал блестящую победу. При Орхомене его солдаты уже хотели обратиться в бегство, но Сулла, соскочив с коня, вырвал знамя из рук знаменосца и воскликнул: «Римляне! Здесь умру я со славою, и когда вас спросят, где вы изменили своему полководцу, отвечайте: при Орхомене!» С этими словами он бросился на врага. Пристыженные такой речью воины кинулись за Суллой и одержали победу.

Развалины Орхомена

После этих сражений Митридат при посредничестве Архелая предложил Сулле заключить мир, но условия Суллы показались Митридату слишком неумеренными: Митридат должен отказаться от всех своих завоеваний, выдать 70 кораблей и уплатить 3.000 талантов. Чтобы придать больше весу своим требованиям, Сулла переправился через Геллеспонт и разграбил все города, через которые проходил. Малая Азия должна была уплатить военную контрибуцию в размере 20.000 талантов и внести подати за последние пять лет. Солдаты были размещены по квартирам горожан, и каждый хозяин был обязан ежедневно давать по 16 драхм помещенному у него солдату; каждый центурион мог требовать по 50 драхм.

Пока Сулла вел войну на востоке, в Рим вернулся Марий. Он отправил собственное войско под командованием Валерия Флакка, чтобы вести войну с Митридатом. Флакк был вскоре убит при помощи заговорщиков, которыми командовал Фимбрия, принимавший

когда-то вместе с Марием участие в истреблении римских аристократов. Фимбрия стал военачальником и так сильно потеснил Митридата, что тот даже стал искать спасения в бегстве. Тогда Митридат решил отправиться в Дардан для личных переговоров с Суллой. Результатом этих переговоров явилось заключение мира на вышеуказанных условиях (в 84 г. до Р. Х.). Такой оборот дел был как нельзя более желателен для Суллы, так как до него уже давно стали доходить неблагоприятные известия из Рима. Жена Суллы вынуждена была бежать из Рима к нему в лагерь. В Риме произошел переворот, имущество Суллы было разграблено, его дома обращены в пепел. Сулла быстро двинулся против Фимбрии. Солдаты Фимбрии стали массами переходить к Сулле, так как служба у него представлялась им более выгодной. Видя безвыходность положения, Фимбрия покончил с собой.

Теперь Сулла мог подумать о своем возвращении в Рим. Неохотно восприняли это известие солдаты, так как этот поход должен был в будущем принести войску богатую добычу. Сулле пришлось употребить все красноречие, чтобы успокоить воинов и примирить их с обратным походом. Он обещал солдатам большие денежные суммы и раздачу имений, что он собирался сделать после победы над партией Мария.

34. Луций Корнелий Цинна. Смерть Мария.

(87...85 г. до Р. Х.).

Со стороны Суллы было большой ошибкой перед отъездом на войну с Митридатом необдуманно предоставить консульство Цинне, властолюбивому демагогу, который немедленно стал добиваться отмены постановлений Суллы, возвращения изгнанных членов народной партии и включения в старые трибы многих тысяч новых граждан. Это доставило Цинне столько приверженцев, что сенату снова пришлось трепетать перед собственным консулом. Цинна появлялся в народном собрании не иначе, как в сопровождении многочисленной свиты клиентов со скрытыми под плащами кинжалами. Это послужило поводом для товарища Цинны, Октавия принять и со своей стороны такие же меры, следствием чего оказалось кровавое побоище, при котором было убито около 10.000 человек. Победа осталась за Октавием, и Цинна был вынужден бежать из Рима. На его место был тотчас выбран другой консул.

Но Цинна бежал лишь для того, чтобы возвратиться с войском. В это время в средней Италии было три римских войска, которые еще не были распущены со времен союзнической войны. Цинна привлек обещаниями одно из этих войск на свою сторону и вызвал из Африки престарелого Мария. Марий высадился в Этрурии и быстро собрал войско из 6.000 этрусков. С этим войском он присоединился к Цинне. Затем оба они, дыша мщением, двинулись на Рим. Октавий собрал в городе войско, но солдаты покинули консула и предложили молодому Метеллу быть полководцем. Благородный юноша стал упрекать воинов в постыдном неповиновении и убеждал их возвратиться к Октавию, но вместо этого они все бежали из города и перешли к Цинне.

Таким образом, сенат и город остались беззащитными, и им ничего другого не оставалось, как войти в соглашение с Цинной и Марием. Обоим им предложили вступить в город и при этом пощадить кровь граждан. Цинна принял посланцев в консульской одежде и сидя в консульском кресле; рядом с ним стоял безмолвный, с мрачным взором Марий. Вступление их в город было ужасным. Марий шел окруженный вооруженной стражей из нескольких тысяч рабов, которых он привлек к себе обещанием свободы. Они убивали всех, на кого указывал Марий. Малейший знак Мария стоил жизни кому-нибудь из его врагов. Был убит консул Октавий и многие сенаторы. Марий разослал солдат по домам своих противников и приказал их отрубленные головы приносить и складывать перед ним на стол. Прежний сотоварищ Мария Катул уморил себя угаром. Казалось, в престарелом воине умерло всякое человеколюбие, и даже сам Цинна пришел в ужас от его поступков. Без малейшего возражения со стороны сената Цинна и Марий заставили избрать себя

консулами.на 86 год (Марий в седьмой раз). На восемнадцатый день своего консульства Марий умер; было ему 71 год. Сыну он оставил богатство, которого, по словам Плутарха, хватило бы на многих царей. После смерти Мария грозное правление продолжалось еще несколько дней, пока Квинт Серторий, благородный муж, который, ненавидя Суллу, лишь поневоле пристал к партии Мария, не напал в одну ночь с отрядом опытных солдат на разбойничье скопище в их собственном лагере.

Прошло еще много времени, пока улицы Рима были очищены от крови и бесчисленных трупов людей, павших от рук рабов. Многие сенаторы бежали в лагерь Суллы.

35. Возвращение и грозное правление Суллы; перемены в государственном устройстве; смерть Суллы.

Владычество партии Мария, установившееся в правление Цинны, приближалось к концу. Уже распространился слух, что Сулла победоносно окончил войну с Митридатом и находится на пути в Италию. Вскоре этот слух подтвердился. Сулла отправил сенату письмо, в котором описывал свои заслуги перед отечеством и козни своих врагов и вместе с тем возвещал о своем возвращении и твердом решении отомстить этим врагам. Сторонники Мария знали, что это не пустые угрозы: Сулла имел в своем распоряжении войско, хотя и уступавшее войску марианцев по численности, но все-таки состоявшее из 40.000 человек хорошо обученных, испытанных и преданных ему воинов. Войско же марианцев насчитывало 200.000 человек, но было набрано из своевольных, вероломных и алчных людей. Цинна хотел идти с войском в Грецию, но его солдаты взбунтовались и убили его.

Весной 83 года Сулла высадился в Брундизии. Ни одно из марийских войск не оказало ему сопротивления. Многие перешли на сторону Суллы, многие бежали в Верхнюю Италию. За ними последовали легаты Суллы, чтобы там истребить их. Среди них был и молодой Гней Помпей. Сильнейшее сопротивление оказал только город Пренеста, в которой укрепился сын Мария. Сулла поручил осаду Пренесты одному из своих легатов, а сам двинулся на Рим. Под его стенами Сулле пришлось выдержать кровопролитное сражение с храбрыми самнитянами, луканами и кампанцами. Победу над ними доставил Сулле Марк Кресе, который командовал правым флангом. Затем торжествующий Сулла вступил в город, который со страхом и трепетом ожидал кровавой расправы.

Наконец сдалась и Пренеста, после того как молодой Марий лишил себя жизни. Военачальники Суллы преследовали оставшихся марианцев через всю Италию, даже в Испании и Африке. При этом так отличился 24-летний Помпей, что Сулла при его возвращении в Рим вышел навстречу со свитой, дал ему титул Великого и позволил ему устроить триумф, хотя тот не был не только консулом, но даже и претором. Великолепный триумф самого Суллы в честь его победы над Митридатом продолжался два дня.

Едва Сулла увидел себя повелителем Рима, как дал волю самому свирепому мщению. Прежде всех испытали на себе его ярость несчастные граждане Пренесты. Он приказал своим солдатам выгнать их на площадь — их было 12.000 человек — и расстрелять всех до одного стрелами. 6.000 человек из марианского войска, в числе которых было много самнитян, сдались добровольно, так как Сулла обещал помиловать их. По приказу Суллы они были согнаны на Марсово поле, где в страшной неизвестности ожидали своей участи. Затем туда же вступил вооруженный легион, и солдаты бросились на этих несчастных и стали рубить их. Рядом, в храме Беллоны, в это время происходило заседание сената, на котором Сулла держал речь. В открытые окна храма доносились крики и стоны умирающих. Сенаторы ужаснулись.

Жрец богини войны Беллоны

«Успокойтесь, — произнес Сулла, — и не заботьтесь о том, что там происходит. Там

находится кучка негодяев, которых наказывают по моему приказанию».

Затем Сулла ввел проскрипции — списки приверженцев Мария, объявленных вне закона. Для сторонников Суллы это было равносильно полному разрешению на убийство, грабеж и насилие, и этим правом воспользовались лица мстительные и алчные. Все узы крови, дружбы, гостеприимства, святости были порваны. Сын убивал отца, раб господина, брат брата. Всякий, кто имел врага или кредитора, и какой бы партии тот ни принадлежал, мог поместить его в проскрипционный список, убить и присвоить себе его имущество. Столь обесславивший себя впоследствии Катилина убил своего брата, а затем просил Суллу внести его в проскрипции. Лучшей добычей представлялись богатые купцы; не щадили также должностных лиц, ибо с их смертью высвобождались доходные должности. Подобно тому, как два года назад свирепствовали приспешники Мария, теперь купались в крови граждан приверженцы Суллы. Всякая старинная личная ненависть вспыхивала теперь с новой силой. Всякое желание, в котором некогда было отказано, удовлетворялось теперь насильственно. Никто не смел под угрозой смертной казни давать убежище приговоренному или помочь ему бежать. Сулла приказал разрыть могилу Мария и выбросить его прах, были уничтожены и все памятники в честь побед Мария. Для того, чтобы ни один из приговоренных не избег своего убийцы, Сулла оценил голову каждого из осужденных в 12.000 динариев. Эта приманка настолько подействовала, что убийцы с отрубленными головами в руках ежечасно входили в дом Суллы и выходили оттуда обратно с деньгами. В то самое время, когда весь город походил на бойню, Сулла каждый вечер веселился за роскошным столом в обществе плясунов и развратных женщин. Один из подчиненных ему военачальников однажды спросил его, когда будет конец убийствам. «Я и сам этого пока еще не знаю, — отвечал Сулла, — пока возьми вот это». И он подал ему лист, на котором были написаны имена 80 знатных мужей, приговоренных им к смерти. На следующий день Сулла приказал казнить еще 220 человек и вскоре затем еще столько же. При этом он сказал в одной публичной речи, что пока осудил только тех, имена которых пришли ему на память, и что впоследствии наступит очередь и тех, имена которых он пока не может припомнить.

По приблизительному подсчету во время проскрипций было убито 15 консулов и консуларов (бывших консулов), 90 сенаторов, 2.600 всадников и более 100.000 прочих граждан.

Так как после этих казней бесчисленное множество домов, поместий и земель опустели, то Сулла раздарил их своим друзьям и любимцам. Один из его вольноотпущенников мог соперничать с царями в великолепии своих поместий, картин и статуй. Сулла не упустил случая и для своего собственного обогащения.

Чтобы отблагодарить 120.000 своих солдат, Сулла послал их в Этрурию, Лациум и Кампанию с разрешением силой выгнать местных жителей из их жилищ и разделить между собой их дома и поля. Этим несчастным не оставалось ничего другого, как соединиться в разбойничьи шайки и грабить и убивать других. Новые же поселенцы стали для Суллы надежной опорой в провинции. Чтобы иметь подобную надежную опору и в Риме, Сулла даровал свободу 10.000 рабам, предоставил им римское гражданство и наделил имуществом убитых. Все они получили имя «Корнелий» и всегда составляли надежную стражу Суллы, когда он появлялся среди народа.

Затем Сулла заставил сенат избрать его пожизненным диктатором, чтобы сосредоточить в своих руках всю судебную и законодательную власть. Снабженный такими полномочиями, Сулла получил возможность заняться переустройством государства. **Демократия внушала ему отвращение.** Ее надлежало вырвать с корнем, чтобы восстановить аристократически-олигархическое правление сенатской партии. Упомянутые выше военные поселенцы, готовые повиноваться во всякое время по призыву сената, представляли своего рода надзор за беспокойными элементами населения.

Были ограничены права народных трибунов. Теперь они могли вносить законы на утверждение в народном собрании только с разрешения сената. Далее, тот, кто занимал должность народного трибуна, лишался права на получение высшей государственной

должности. Судебная власть была отнята у сословия всадников и возвращена сенату. У всадников также было отнято право брать на откуп взимание пошлин и налогов в провинции Азии. Во время народных празднеств и в театрах с этого времени всадники могли занимать места только на плебейских скамьях. Впрочем, чтобы не раздражать окончательно это сословие, Сулла избрал из его среды 300 членов в новый сенат. Кроме того, он пополнил поредевший сенат приемом в него некоторых военачальников и своих любимцев. Вместо прежних 500, сенат состоял теперь из 600 членов.

Сенат должен был иметь надзор за всеми правительственными действиями, за делами управления и за правосудием. Одной из важнейших государственных должностей было цензорство, теперь его права ограничивались. У цензоров было отнято право надзора за нравами, и за ними остались лишь финансовые дела: надзор за общественными постройками и за списками граждан, по которым устанавливались податная и служебная повинности.

Ристалище

Вместо цензуры были введены полицейские законы против роскоши на пирах, при погребениях и т.д. с целью воспрепятствовать все более усиливавшимся преступлениям. Были изданы строгие законы, каравшие изготовление фальшивой монеты, отравление, подделку духовных завещаний, неправильное достижение государственных должностей, поджоги, убийство вообще, убийство отца, матери и других родственников и государственную измену.

Восстановив порядок и спокойствие, Сулла устроил великолепные игры, чтобы потешить народ после стольких трудов и лишений. На площади Рима Сулла также задал народу роскошный пир, который продолжался несколько дней. Сам Сулла каждый вечер проводил за роскошными пиршествами, а ночи — в бесстыдных оргиях.

Хотя к такой личности, как Сулла, нельзя относиться без содрогания, однако к этому чувству невольно примешивается и чувство некоторого уважения: ведь он, правда ужасными средствами, но в короткое время сумел положить конец долго продолжавшимся смутам и вернуть римлянам порядок и повиновение. Эту задачу Сулла выполнил настолько успешно, что при его жизни никто не осмелился возбудить какую-либо смуту. Восстановив господство аристократии, Сулла добровольно сошел с политической арены. Никто не верил своим ушам, когда этот человек — перед которым все трепетало, когда он проходил по улицам в сопровождении 24 ликторов — появился без всякой свиты на ораторской трибуне и обратился к народному собранию с приглашением потребовать у него отчета в его действиях и упущениях. Но страх еще сковывал уста всех и они хранили глубокое молчание. Сулла сошел с трибуны и без всякой вооруженной свиты пошел к себе домой. Только один юноша пошел вслед за Суллой и с бранью дошел до дверей его дома. Тут Сулла обернулся и сказал ему спокойным тоном: «Ты будешь причиной и виной того, что впоследствии ни один диктатор не сложит добровольно своего достоинства». Через несколько дней он удалился в свое поместье в Путеолы. Остаток жизни Сулла провел в охоте, рыбной ловле и пирах. Он умер в 78 г. до Р. Х. от горлового кровотечения на шестидесятом году жизни.

Тело Суллы было торжественно перенесено в Рим, предано сожжению на Марсовом поле, а затем прах его был погребен рядом с усыпальницами царей.

36. Смуты после смерти Суллы: Лепид (78...77 г. до Р. Х.); Серторий (80...72 г. до Р. Х.); Спартак (74...71 г. до Р. Х.).

Едва Сулла сошел с политической арены, как возобновились смуты, постоянно нарушавшие внутренний и внешний покой государства. Ни один из полководцев, которые

вышли из школы Суллы, не имели ни той твердости воли, ни тех умственных способностей, которыми отличался Сулла, тогда как противники еще имели отличного руководителя: по следам Мария смело и успешно выступил Серторий.

Начало новым смутам положил Марк Эмилий Лепид — отец будущего триумвира. Состоя в должности наместника Сицилии, он отличился таким непомерным лихоимством, что опасался жалоб на свои злоупотребления и, желая избежать этого, отпал от партии Суллы и стал добиваться отмены его законов. Лепид пошел путем насилия, собрал войско в Этрурии, но был без особого труда разбит Помпеем и Катулом. Войско Лепида рассеялось и затем по частям присоединилось к войску марианцев в Испании, которым командовал Серторий.

Серторий, человек с выдающимся военным дарованием и благородным образом мыслей, осужденный Суллой, бежал в Испанию и собрал там остатки марианцев. К нему с радостью примкнули лузитане, которые надеялись с его помощью сбросить с себя ненавистное римское иго. В течение многих лет Серторий вел партизанскую войну. С необыкновенным искусством пользуясь гористой местностью и укрепленными городами, он успешно боролся с войсками сената. Серторий замыслил даже совсем отторгнуть Испанию от Рима. Он образовал настоящую республику, во главе которой был сенат, состоявший из 300 членов; сенат назначал должностных лиц и военачальников. Насколько серьезным полководцем был Серторий, можно заключить из того обстоятельства, что даже Митридат считал для себя выгодным заключить с ним союз. Во главе сенатских войск стоял Квинт Метелл, которого вскоре сменил Помпей. Несмотря на численное превосходство, Помпей был не в состоянии победить Сертория. Римское войско истощалось в бесчисленных мелких схватках и неслыханных трудностях горных походов. Кроме того, оно испытывало чувствительный недостаток в продовольствии. Но Сертория подстерегла измена в собственном лагере и привела его к гибели. Завистливый Перперна, находившийся под начальством Сертория, устроил против него заговор. Серторию сообщили о мнимой победе одного из его военачальников и пригласили на пир по случаю этой победы. Он отправился на празднество. Обычно трапезы Сертория отличались умеренностью и порядком: он не допускал ни бесстыдных зрелищ, ни непристойных шуток. Здесь же вино лилось рекой, за столом царила распущенная болтовня. Эта разнузданность стала противной Серторию, и он отвернулся от позорного зрелища. В это самое мгновение Перперна уронил на пол серебряный кубок, что было условным знаком к нападению. Первый удар кинжалом нанес Марк Антоний, сидевший рядом с Серторием, затем бросились и остальные. Серторий погиб. Теперь Риму нечего было опасаться, что Серторий, подобно Ганибалу, перенесёт войну из Испании в Италию.

Хотя Перперна и присвоил себе командование войсками, но он был не в состоянии держать солдат в повиновении. Воины, как из местных жителей, так и из римлян, начали разбегаться целыми толпами, и ослабленное войско рассеялось при первом же столкновении с Помпеем. Затем Помпей успокоил страну скорее благодаря своему кроткому и спокойному обращению, чем строгостью; Строго отнесся он только к Перперне, которому не помогло и то, что он передал Помпею переписку Сертория с бывшими консулами. Помпей бросил в огонь все эти бумаги, которые могли послужить причиной смут и компрометировать многих государственных мужей, а Перперну предал казни.

В 74 году римское государство переживало тяжелое время. Когда в Испании шла война с Серторием, в Италии началось восстание рабов. Положение рабов, число которых в результате бесчисленных войн возросло до громадных размеров, часто было невыносимым. Они должны были исполнять самые тяжелые работы. Корыстолюбивые хозяева пользовались их силами самым бесчеловечным образом. Поэтому нисколько не удивительно, что многие из рабов предпочитали смерть безотрадному существованию или пытались силой добиться своей свободы. К таким людям принадлежал и отважный, необыкновенно даровитый Спартак. Будучи взят в плен на войне, он попал из гор своей родины Фракии в Капую и здесь был продан в гладиаторскую школу. В школе он организовал заговор, бежал с

78 сотоварищами и призвал других рабов к восстанию. В течение недели число восставших рабов возросло до 50.000 человек. К ним присоединились толпы рабов из кельтов и германцев под начальством Крикса и Эномая, толпы восставших рабов росли подобно лавине. Армия Спартака разрасталась и становилась грозной силой. Рим начал трепетать, как во времена нашествия галлов или кимвров и тевтонов. Борьбу с восставшими рабами было поручено вести претору Марку Лицинию Крассу. Войско восставших страдало отсутствием военной дисциплины, единодушия и вооружения. Благодаря этим обстоятельствам Крассу удалось отеснить Спартака на юг Италии. Отряды рабов, состоявшие из кельтов и германцев, отделились от Спартака. При Петелии произошло решительное сражение. Сам Спартак сражался очень мужественно и, поразив собственноручно двух центурионов, пал в общей свалке. Около 5.000 человек избежали смерти в этом сражении, но попали в руки возвращавшемуся как раз в это время из Испании Помпею и были им истреблены. Помпей приписал себе победу как над Серторием, так и над Спартаком. Он донес сенату: «Красс выиграл битву, а я с корнем вырвал войну». Сенат предоставил Помпею честь торжественно проследовать в блестящем триумфе по разукрашенным улицам столицы. Крассу за победу над рабами пришлось удовольствоваться малым триумфом, так называемой «овацией». В этом случае полководец следовал пешком или верхом на коне, одетый в тогу, обшитую пурпурной каймой, и украшенный вместо лаврового миртовым венком. В Капитолии он приносил в жертву Юпитеру не быка, а овцу. Теперь Помпей стал первым лицом в Риме. Крассу пришлось победить свою внутреннюю досаду и с подобострастием присоединиться к ненавистному сопернику. И Помпей, со своей стороны находил дружбу с богатейшим человеком Рима достойной, так что с этого времени они отлично содействовали друг другу оба избраны консулами на 70-й год. Красс воспользовался своим избранием, чтобы как можно крепче заручиться расположением народа. Он принес Геркулесу «великую жертву», угостил народ обедом, накрыв 10.000 столов, и выдал из своих запасов каждому гражданину Рима хлеба на три месяца. Это не было проявлением великодушия, ибо Красс рассчитывал по истечении срока своего консульства получить в управление богатую провинцию и возратить сторицею расходы по угощению и раздаче хлеба.

Помпей во время консульства соперничал с Крассом в угождении народной массе и достиг своей цели самым простым способом — отменил законы Суллы. По предложению Помпея, народным трибунам были возвращены их прежние права. Цензорское достоинство было также восстановлено в своем прежнем значении и с избранием на эту должность на пятилетний срок. Все эти меры наносили тяжкие раны партии оптиматов. Помпей понимал, что от этой партии ему ожидать нечего и что следует опираться на народную партию.

37. Война с пиратами

(67 г. до Р. Х.).

В это время римское государство беспокоил совершенно особенный враг. Во время внутренних смут в юго-восточной части Средиземного моря, на труднодоступных берегах Киликии, Памфилии и Ликии, а также на острове Крит, в громадных размерах появилось морское разбойничество. Сотни быстроходных кораблей с экипажем, состоящим из смелых матросов, к которым присоединялись безродные беглецы или искатели приключений, бороздили Средиземное море. Пираты нападали на торговые суда и, высаживаясь на острова и прибрежные местности, грабили города и даже уводили жителей для продажи их на невольничьих рынках Делоса. Митридат, находившийся во враждебных отношениях к Риму, покровительствовал морским разбойникам. Даже один из римских наместников, Веррес, оказывал значительное содействие этому преступному промыслу за определенную долю добычи. Остальные наместники или проявляли мало энергии для подавления этого зла, или не имели достаточно сил. Исключением в этом отношении являлся только Сервилий Батиа, который разрушил многие укрепленные пристанища пиратов. Но успех его был

непродолжителен. Дерзость морских разбойников все больше возрастала. Они начали угрожать самой Италии, уводили в плен знатных римлян, чтобы получить за них большие денежные выкупы. Подвоз хлеба в Рим из Африки и других областей оказался настолько затруднен, что можно было опасаться всеобщего голода. В таких обстоятельствах действительную помощь мог оказать только испытанный и надежный полководец. Народ обратил свои взоры на Помпея. И несмотря на то, что партия оптиматов во главе с консулом Пизоном употребляла все средства, чтобы воспрепятствовать избранию Помпея главным полководцем, народный трибун Авл Габиний добился этого избрания. Помпею была предоставлена на три года неограниченная проконсульская власть на всем Средиземном море.

Помпей

Он получал право распространять круг своих действий по всем берегам на 400 стадий вглубь страны. Помпею было разрешено вооружить и снабдить необходимым экипажем 500 военных кораблей и собрать войско из 12.000 пехоты и 4.000 всадников. Облеченный такими полномочиями, каких до тех пор не имел ни один полководец, Помпей осмотрительно и энергично приступил к выполнению возложенной на него задачи. Свои военные силы он распределил таким образом, что с главной их частью он сам расположился в западной области, а подчиненные ему 5 военачальников рассеялись в восточных областях Средиземного моря. Затем была устроена облава. Помпей выгонял пиратов и направлял их навстречу своим легатам: морские разбойники были пойманы как бы в сеть. 1300 разбойничьих судов было пущено ко дну, с ними погибло 10.000 человек; 400 судов и 20.000 человек было взято в плен. Все это произошло в течение нескольких недель.

Римский военный корабль

Оставалось овладеть разбойничьими притоками и укреплениями, расположенными на скалах. Многие из них Помпей взял силой, другие добровольно отворили ему свои ворота в надежде на его снисхождение и пощаду. Несколько тысяч пленных Помпей поселил по берегам Киликии, в особенности в городе Солах, который был переименован в Помпейполь. В течение трех месяцев все Средиземное море было очищено от пиратов, и Помпей вплел новый блистательный листок в свой победный лавровый венок.

38. Лукулл; вторая война с Митридатом. Помпей.

(74...67 г. до Р. Х.).

Когда Сулла после мира, заключенного им в Дардане с Митридатом в 84 году должен был поспешить в Рим для борьбы с приверженцами Мария, то он оставил в Азии Лициния Лукулла, чтобы тот собрал огромную денежную сумму с малоазиатских провинций. Лукулл исполнил это поручение с такой снисходительностью и таким бескорыстием, что покоренные народы, из которых римские ростовщики высасывали кровь, получили возможность вздохнуть с некоторым облегчением. Исполнив это поручение, Лукулл вернулся в Рим после того, как ужасы Суллы уже миновали. В 79 году он был эдилом и устроил блистательные игры; в 74 году его избрали консулом. Между тем Митридат воспользовался происходящими в Риме смутами, чтобы усилить свое войско и обучить его по римскому образцу. В то же время он приобрел могущественного союзника в лице своего зятя, царя Армении — Тиграна. Поэтому Митридат почувствовал себя достаточно сильным, чтобы возобновить войну с римлянами.

Лукулл

Вскоре нашелся и предлог к разрыву. Бездетный царь Вифиний Никомед III завещал свое царство в наследство римлянам. Прежде чем они успели войти во владение этим наследством, Митридат взялся за оружие, чтобы не допустить такого опасного соседства. С войском из 100.000 пехоты, 16.000 всадников и 100 боевых колесниц он вступил в Вифинию. В это же время флот Митридата, состоявший из 400 кораблей, направился к Пропонтиде и разбил римский флот при Халкедоне. Ободренный этим успехом, Митридат осадил греческий колониальный город Кизик с суши и с моря. Горожане отбили все приступы. На выручку явился консул Лукулл и выбрал весьма выгодную позицию в тылу неприятеля. Таким образом Митридат очутился между храбрым гарнизоном осажденного города и сильным 30-тысячным войском Лукулла. К тому же Митридат испытывал недостаток продовольствия. Ряды его войска сильно редели, а его осадные машины были уничтожены кизикийцами во время удачных вылазок. Чтобы избежать полного истребления, ему необходимо было как можно поспешнее отступить. При отступлении более 20.000 человек и 6.000 лошадей стали добычей следовавших по пятам римлян. Остатки огромного войска достигли дружественного им города Лампсака в самом печальном виде.

В 72 году до Р. Х. Митридат привел из Скифии и Понта новое войско, но Лукулл разбил его в сражении при Кабейре. Царь был вынужден бежать и искать спасения у своего зятя Тиграна. Вся внутренняя часть Понта без дальнейших затруднений досталась римлянам. Но греческие приморские города Амис, Синоп, Гераклея долго сопротивлялись и ужасно поплатились за свое упорство: они были разграблены и сожжены. Однако сам Лукулл не был причастен к этим жестокостям, так как в войсках, находившихся под его непосредственным командованием, он требовал строгой дисциплины, в противоположность подчиненным ему хищным военачальникам и их одичавшим солдатам. Лукулл возвратил завоеванным городам свободу и их земельную собственность. Он приказал вновь отстроить на его собственный счет сожженные в Амисе дома и вернул бежавших жителей, одарив их деньгами. Лукулл пришел в ужас от бесчеловечности римских сборщиков податей и ростовщиков. Некоторые из них при сборе пени, наложенной Суллой восемь лет назад, ссудили всю сумму завоеванным городам и теперь требовали чудовищные проценты. При этом они позволяли себе обращаться со своими должниками самым бесчеловечным образом. Они отбирали у городов и селений сокровища храмов; у родителей отнимали детей; знатных граждан заключали в оковы и бросали в темницы; летом их выставляли нагими на палящий зной, зимой принуждали стоять босиком на льду. Лукулл сразу положил конец этим низостям. Он запретил всем ростовщикам брать больше 12 процентов в год. Все накопившиеся к этому времени проценты Лукулл объявил недействительными и уплату азиатскими городами всей наложенной на них дани устроил с таким благоразумием и равномерностью, что они могли выплатить долг в течение четырех лет. Они считали Лукулла своим отцом и покровителем. Римские всадники (ведь из этого сословия была большая часть откупщиков и ростовщиков) были так раздражены на Лукулла, что посылали в Рим письма за письмами, в которых жаловались на его притеснения и невыносимую строгость. Их жалобы производили надлежащее действие на противников Лукулла.

Тигран еще не был побежден. Лукулл решил выступить против него, не позаботившись получить предварительно из Рима разрешение на такое предприятие. Лишь с 15.000 человек — остальные были воины оставлены гарнизонами в Понте — двинулся он в Армению. В 69 году до Р. Х. Лукулл перешел Евфрат и направился к армянской столице Тигранокерту. Тигран, находившийся в это время на юге своего царства, у сирийской границы, тотчас поспешил на защиту своей столицы. Его войско состояло из 200.000 человек. Несмотря на такой огромный перевес, римские легионы одержали победу. Бесчисленное военное скопище было частью уничтожено, частью рассеяно. Тигранокерт отворил свои ворота, и римлянам

досталась огромная добыча.

Тигран

После этого Лукулл двинулся к городу Артаксате, где находились малолетние дети царя. Тигран поспешил за ним, соединившись с Митридатом. На четвертый день он расположился лагерем недалеко от римлян. На реке Арсании произошла битва, в которой римляне опять одержали победу, обратив врагов в бегство. Лукулл вознамерился продолжить свой путь в глубь страны, но солдаты начали роптать, страдая в этой суровой гористой стране от голода и холода. Они негодовали на то, что их привели в эту пустынную и необитаемую страну из богатых провинций и заставляли сражаться с бедными народами вместо того, чтобы грабить богатые области. К этому присоединилось и то обстоятельство, что Помпей, который тоже желал приобрести себе победные лавры и в Азии, тайно отправил в лагерь к Лукуллу подкупленных подстрекателей, которые нашептывали солдатам, насколько лучше заботился бы о них Помпей. В особенности раздувал недовольство Публий Клодий, зять Лукулла. Его подстрекательства сильнее всего подействовали на тех солдат, которые прежде служили под начальством Фибрии. Они отказались идти дальше, и Лукулл вынужден был вернуться.

В это время в Риме противники Лукулла также одерживали перевес. По их настояниям у Лукулла было отнято начальствование над войсками в Азии, и главнокомандующим был назначен Помпей. Вскоре Лукуллу пришлось увидеть его в своем лагере. Помпей обошелся с ним в высшей степени грубо и без всяких рассуждений отменил все сделанные Лукуллом распоряжения. Глубоко оскорбленный Лукулл покинул Азию с твердым намерением никогда больше не служить отечеству. Получив блестящий триумф, Лукулл удалился, в частную жизнь; обладая огромными богатствами, он окружил себя немыслимой роскошью. Лукулл развел роскошные сады, каких до тех пор не видывали, и посадил в них неизвестные в Италии вишни, вывезенные им из понтийского города Кераза (что значит «вишневое дерево»). Он построил красивые дачи с крытыми ходами и купальнями и украсил все эти великолепные здания греческими картинами и статуями, проявив при этом свое утонченное греческое образование и свои артистические вкусы и наклонности. Сундуки у Лукулла были полны дорогих одежд. Рассказывают, что один претор для приобретения популярности пожелал устроить для народа зрелища и попросил Лукулла одолжить ему сто пурпурных плащей. Лукулл сказал, что он не знает, сколько у него плащей, но пришлет, сколько есть; на следующий день претор получил двести плащей. В своих имениях на морском побережье, в окрестностях Неаполя, Лукулл построил каменные беседки на плотинах, далеко выступающих в море. Были прорыты каналы в большие пруды, чтобы дорогие морские рыбы могли постоянно находиться в своей родной стихии. Роскошь Лукулла вошла в поговорку.

Загородный дом на берегу моря

Но вместе с тем было у него и благородное увлечение — чтение книг. Он собрал множество прекрасных рукописей и сам составил на греческом языке историю союзнической войны. В свои книгохранилища он пускал всех желающих и часто сам беседовал там с любителями учености.

39. Помпей в Азии

(67...62 г. до Р. Х.)

После отъезда Лукулла из Азии Митридат совершенно разбил римлян в битве при Целе

и возвратил себе свое царство. Таким образом, Помпею приходилось начинать войну сизнова; но после блестящих побед Лукулла и при многочисленности войска, подкрепленного флотом, одолеть царя было теперь несравненно легче. К тому же Помпею благоприятствовало и счастье. Парфянский царь Фраат, вместо того, чтобы оставаться на стороне Тиграна, перешел на сторону римлян и заключил с Помпеем дружественный союз. Сам Тигран, не доверяя больше Митридату, бросил его на произвол судьбы. Оставшись без союзников, Митридат старался избегать решительного сражения и утомлять противника непрерывными искусными передвижениями. Но Помпей настиг его прежде, чем тот успел перейти через Евфрат. В Понте, на реке Лике, Помпею удалось преградить дорогу Митридату и принудить его к битве. Ночью римляне стали пускать с возвышенности, на которой они находились, тучи стрел и дротиков в неприятеля. Застигнутые врасплох внезапным нападением, варвары пришли в замешательство, которое из-за темноты еще усилилось. В тесноте они поражали, давили и топтали друг друга. Показавшаяся луна своим обманчивым светом только вводила их в заблуждение: вместо людей, они целились в их тени и стрелы по большей части пролетали мимо. Затем римляне бросились на врага и вступили в рукопашный бой. К концу сражения половина понтийского войска пала убитыми или ранеными; другая половина была взята в плен. Однако Митридату удалось спастись, он попытался найти убежище у Тиграна, но тот не принял его. Митридату не оставалось ничего другого, как переправиться в свое Боспорское царство.

Помпей преследовал бежавшего Митридата вплоть до реки Фасис. Затем он обратился против Тиграна и разбил свой стан в трех милях от его столицы Артаксаты. Тигран опасался, как бы Помпей не лишил его престола в пользу сына, которого также звали Тиграном, и, отчаявшись в дальнейшем сопротивлении, отправился в стан победоносного проконсула. С царской короной на голове, сняв с себя пурпурную мантию, пеший Тигран вступил в римский лагерь, передал меч и коня ликтору и преклонил колени перед восседавшим на высоком кресле Помпеем. Увидав, как «царь царей» униженно положил свою корону у его ног, Помпей поднял его и посадил возле себя. Тигран вынужден был купить мир ценой уступки Сирии, Финикии, Галатии и Каппадокии и уплатить 6.000 талантов военной контрибуции. Тигран Младший получил области Софену и Гордиену. Рассчитывая занять престол отца, Тигран Младший громко выразил свое неудовольствие по поводу такого распоряжения. Тогда Помпей приказал заключить его под стражу с тем, чтобы сохранить царского сына для участия в своем триумфе.

После этой, одержанной без особого труда, победы Помпей решил преследовать Митридата. Он направился к северу, проник в долину реки Кираса (Куры) и в горные долины Кавказа. Здесь он покорил воинственных иберов и албанов. Одна из жен Митридата, Стратоника сдала ему горную крепость Симфорион со всеми находившимися в ней сокровищами. Помпей выбрал самое ценное и оставил для будущего триумфа, а остальное возвратил Стратонике. Однако настичь бежавшего Митридата не удалось. Из-за тяжелых условий похода Помпей не стал продолжать преследование и предпочел вернуться. Таким образом народы, жившие по ту сторону Кавказского хребта, избегли римского ига.

Во время римско-армянской войны в Сирии возникли большие беспорядки. Придя туда, Помпей занял города Карры, Дамаск и Антиохию, объявил враждовавших между собой потомков Селевкидов потерявшими свои наследственные права и в 64 году обратил Сирию в римскую провинцию. Отсюда он был призван в Палестину решить спор о престоле. Здесь поссорились между собой два брата из рода Маккавеев: Гиркан и младший — Аристовул. Гиркан опирался на придерживавшихся истинной веры и старинного закона фарисеев, а Аристовул — на свободомыслящих саддукеев. Аристовул победил Гиркана и отнял у него звание первосвященника и светскую власть. Гиркан бежал. Оба брата обратились к третьейскому суду римлян. Помпей потребовал от Аристовула сдачи Иерусалима и других крепостей. Аристовул воспротивился. Тогда Помпей приказал заключить его в темницу и выступил против Иерусалима. Партия Аристовула заняла Храмовую гору и защищалась с мужеством отчаяния. Помпею пришлось действовать тяжелыми осадными машинами. Лишь

после трехмесячной осады удалось взять эту возвышенность. Началось страшное избиение. Священников убивали на алтарях; многие из них лишили себя жизни, бросаясь со стен или погибая в пылавших домах. Погибло 1.200 иудеев. Помпей провозгласил главой государства и первосвященником Гиркана, но обязал его платить ежегодную дань. Аристобула же и его семейство Помпей взял с собою в Рим для украшения своего триумфального шествия.

Помпею было очень любопытно узнать религиозные обряды этого необыкновенного народа, и он приказал ввести себя не только в храм, но и в самую святую святых. Благочестивыми иудеями овладели страх и ужас. Однако Помпей не тронул богатых сокровищ храма. После разрушения стен Иерусалима Помпей отступил от него.

Вскоре Помпей получил известие о смерти Митридата. Послы, которые привезли это известие, явились к Помпею украшенные лавровыми венками в знак того, что это посольство является вестником победы. Послы сообщили, что царь пал жертвой измены своих подданных и родного сына Фарнака. Население Боспорского царства отказалось повиноваться и поставлять войско. Митридат вынужден был искать спасения в Пантикапее (Керчь). Здесь Митридата осадил его собственный сын, и царь принял яд. Своих жен и дочерей он также принудил отравиться. На самого царя яд не подействовал, и он погиб от удара меча, которым, по просьбе Митридата, пронзил его собственный телохранитель.

Теперь Помпей должен был выполнить самую важную задачу: ввести новый порядок в завоеванных странах. При этом он не мог обойтись без насильственных мер. Территории вновь образованных провинций были разграничены совершенно произвольно, как того требовали римские интересы. Было создано два новых наместничества: Вифиния и Сирия. К Сирии Помпей присоединил Финикию и Палестину. Наряду с этими провинциями он сохранил власть некоторых царей, обязанных платить определенную дань: Дейотар в Галатии, Аттал в Пафлагонии, Ариобарцан в Каппадокии, Антиох в Коммагене. Некоторые города получили собственное самоуправление. Было основано и заселено римскими ветеранами много новых городов: Никополь в Армении, Мегалополь в Каппадокии, Неаполь недалеко от Галиса. Другие, опустошенные войной и вконец разоренные, теперь были восстановлены. Всем им Помпей даровал большие права и вольности: самостоятельные в своем внутреннем управлении, они обязаны были платить установленную дань. В то же время под сильной защитой римлян они получили возможность зажить новой жизнью и стать твердой опорой порядка и средоточием римско-греческого образования.

Увенчанный славой возвращался Помпей в Италию. На пути к родине его с почетом принимали греки в Эфесе, на Лесбосе и в Афинах. Но Рим с опаской ожидал его прибытия. Партия оптиматов не доверяла Помпею: полагали, что он воспользуется теперь своим огромным влиянием и, опираясь на свои легионы, провозгласит себя тираном. Со своей стороны, и партия народная, на которую Помпей до сих пор опирался, страшилась его диктаторских полномочий и обращала свои взоры к новому светилу, начинавшему восходить на горизонте, к Юлию Цезарю. Узнав о таком настроении в Риме, Помпей постарался рассеять эти опасения и, прибыв в свое поместье в Брундивии, распустил войско и явился в столицу в качестве частного человека.

Триумф, отпразднованный Помпеем в 61 году, превзошел своим блеском все прежние. Во время этого триумфа несли большие доски, на которых было начертано, что Помпей взял 1.000 крепостей, 900 городов, захватил 800 кораблей, построил и заселил 39 городов, почти удвоил налогами и податями государственные доходы и внес в государственную казну 20.000 талантов. Триумфальная колесница победителя блистала золотом, жемчугами и драгоценными камнями. Несли оружие, произведения искусств и драгоценную утварь. Перед колесницей шли 324 заложника и царственных пленника в своих национальных одеждах и среди них предводители пиратов, молодой Тигран с супругой и дочерью, 5 сыновей и 2 дочери Митридата и многие другие. Но далеко не все граждане выражали подобострастное удивление. Многие с насмешкой указывали на то обстоятельство, что собственные заслуги Помпея не так уж и велики и что успех их скорее следует приписать благоприятным обстоятельствам: предшествовавшей деятельности Лукулла, внутренним беспорядкам среди

азиатских народов и подавляющему превосходству войск, которыми командовал Помпей.

40. Заговор Катилины

(63 г. до Р. Х.)

Из бездонного болота безнравственности, господствовавшей в то время в Риме, появлялись иногда настоящие чудовища. К таким принадлежал и Луций Сергий Катилина, патриций по происхождению. Подобно многим людям своего сословия, он провел юность в роскоши, в обществе беспутных товарищей и из-за мотовства и страсти к наслаждениям расточил свое состояние и впал в неоплатные долги. Добродетель и честь не имели в глазах Катилины никакой цены. Холодное презрение к людям позволяло ему прибегать к самым гнусным средствам для удовлетворения чувственных наслаждений. Во время проскрипций Суллы он убил своего брата и шурина, чтобы получить наследство. Занимая должность пропретора в Африке, он угнетал несчастную провинцию самыми постыдными поборами, лишь бы доставать деньги для своего необузданного распутства. Когда же Катилина стал добиваться консульской должности, то был отвергнут за дурное поведение. Два других пропретора одновременно с ним потерпели такую же неудачу и поэтому вместе с ним воспылали мщением. Преследуемые займодавцами, не имея средств продолжать свой обычный образ жизни, Катилина, Пизон и Автроний составили заговор и набрали себе сообщников, но предприятие их не удалось (65 г. до Р. Х.). В ожидании более благоприятного момента Катилина собрал вокруг себя шайку негодяев из среды знатных римлян, впавших, как и он, в долги. Собрал он и войско. С тех пор, как солдаты Суллы согнали тысячи мирных жителей в Этрурии с их земельных участков и обратили эти участки в свою собственность, в Италии появились толпы нищих и бродяг, готовых служить всякому, кто будет им платить. Сообщник Катилины, храбрый воин Манлий набрал среди этих несчастных несколько тысяч человек и скрыл их в ущельях Аппенинских гор. С ними Манлий был намерен напасть в условленное время на Рим между тем, как сами заговорщики подготовят и облегчат им это дело поджогами и убийствами в самом городе.

Но бдительный Цицерон, выбранный консулом на 63 год, знал о заговоре через некую Фульвию, любовницу одного из заговорщиков. 20 октября Цицерон обратил внимание сената на подозрительные признаки: на тревожное волнение в Этрурии и на тайные сборища в самой столице. Сенаторы, испугавшись за свою жизнь и за свое достояние, передали энергичному консулу диктаторскую власть и заранее одобрили все его распоряжения. Прежде всего было необходимо воспрепятствовать избранию Катилины в консулы на 62 год. С этой целью в день выборов, 28 октября, Цицерон явился на форум в сопровождении вооруженного отряда преданных ему молодых людей из сословия всадников. Этим он напугал заговорщиков, которые имели намерение силой доставить Катилине консульское достоинство. Тогда Катилина решил привести в исполнение свой план. В ночь на 7-е ноября он собрал своих соумышленников в доме Леки. Здесь он произнес пламенную речь, в которой говорил: «Влияние, власть, почести, богатство — все находится в руках оптиматов или их любимцев. На нашу долю они оставили лишь опасности, судебные преследования и нужду во всем. Долго ли желаете вы, храбрые мужи, терпеливо переносить это? В то время как они скупают картины, статуи, драгоценные украшения, разрушают из прихоти новые здания, а другие воздвигают, короче сказать, имея возможность тратить самыми разнообразными способами свои деньги, и все-таки не в состоянии разориться даже при величайшей страсти к наслаждениям, — мы терпим нужду во всем, да еще обременены и долгами. Настоящее положение наше скверно, но еще в более безотрадном виде представляется нам наша будущность. Но если бы в нас было достаточно мужества, то победа была бы на нашей стороне; вы уничтожили бы ваши долговые книги, возвратили бы себе ваши почести и звания, которыми пользуются ваши враги, и жили бы в великолепнейших дворцах, на которые теперь лишь смотрите с завистью. Одно смелое

предприятие, и в ваших руках будут свобода, богатство, слава и почести!» Эти слова воспламенили сердца заговорщиков; все поклялись идти на общее дело. Решено было поджечь город одновременно в двенадцати местах и убить Цицерона. Другой консул казался неопасным или даже расположенным в пользу единомышленников Катилины.

Двое заговорщиков взялись умертвить Цицерона. Рано утром 7-го ноября они отправились к его дому, постучали и потребовали, чтобы их пустили под предлогом, что они желают сделать ему утренний визит. Но Цицерон окружил свой дом стражей, и убийцам пришлось удалиться, не исполнив своего замысла.

На заседании сената 8-го ноября Цицерон раскрыл план заговорщиков. На этом заседании находился и Катилина. При виде его Цицерон разразился громовой речью и, обратившись к Катилине, обвинил его в преступлении, дал понять, что ему известны все обстоятельства дела, и объявил, что как консул он мог бы приказывать сейчас же казнить его, но, будучи не вполне убежден в преступлении, опасается упрека в чрезмерной жестокости. Поэтому он советует Катилине покинуть город со своими единомышленниками и поспешить в стан Манлия, чтобы начать открытую борьбу с республикой.

Катилина во время всей этой речи сохранял присутствие духа и хотел оправдаться, но всеобщий крик порицания заглушил его голос, а сенаторы, которые сидели на одной с ним скамейке, отвернулись от него и пересели на другие места. Катилина в бешенстве бросился вон из залы, воскликнув угрожающим голосом: «Я затушу развалинами пожар, который хочет уничтожить меня!» Затем он поспешно отправился в Этрурию к Манлию. Теперь Цицерон надеялся, что ему легко будет справиться с заговорщиками, оставшимися в городе. Один счастливый случай оказал ему в этом деле существенную помощь. В это самое время в Риме находились послы аллоброгов, одного кельтского племени. Они пришли с просьбой уменьшить налоги, от которых страдал их народ. К этому посольству обратился один из заговорщиков, Цетег, надеясь привлечь аллоброгов на свою сторону и получить в подкрепление Катилине их конницу. Но аллоброги передали эти тайные предложения консулу Цицерону, конечно, надеясь ценой такой услуги заслужить благодарность римского сената.

Тюрьма Туллианум (в разрезе)

Цицерон уговорил послов притворно согласиться на предложение Цетега. Они так и сделали. Заговорщики вручили послам письма для передачи старшинам аллоброгов и предводителям войска Катилины. Послы в ту же ночь отправились в обратный путь, а Цицерон, согласно уговору, послал вперед отряд всадников, которые напали на послов и отобрали у них письма. Цицерон приказал арестовать заговорщиков, они были допрошены, но ни в чем не сознались. В доме Цетега сделали обыск, при котором было найдено множество спрятанного оружия. Цетег сказал, что найденное оружие собрано им давно как любителем, и чрезвычайно удивился тому, что из этого обстоятельства могли заключить о его принадлежности к заговору. Тут Цицерон приказал выступить послам. Они все открыли. Заговорщики обозвали их подкупленными лжецами, но были прочтены вслух письма Цетега и других заговорщиков. В виду таких подавляющих улик никакая ложь не могла больше помочь. Сенат был спешно созван на заседание. Оно было очень бурным. Горячо принял сторону обвиняемых Цезарь: он высказал мнение, что было бы незаконно допустить казнь римских граждан, не дав им возможности обратиться к народному собранию. По его мнению, виновных следовало перевести в какую-нибудь надежную тюрьму или в провинциальный город, а их имения отобрать в казну. Но против этого мнения восстал Катон и самым решительным образом настаивал на скорейшем исполнении смертного приговора над государственными изменниками, так как этим будет положен конец их преступлениям. Сенат согласился с мнением Катона, и Цицерон приказал немедленно привести в исполнение приговор. Арестованные заговорщики были брошены в Туллианум и там задушены. Когда

Цицерон во главе самых уважаемых сенаторов явился на форум и сообщил об этом народу, раздался радостный крик. Цицерона провозгласили «отцом отечества».

Между тем Катилина довел свое войско в Этрурии почти до 10.000 человек. Необходимо было послать против него также целое войско. Цицерон получил главное начальство над этим войском своему сотоварищу Антонию, который внушал к себе подозрение. Это позволяло Катилине надеяться на победу. Однако предусмотрительный Цицерон приставил к Антонию в качестве-легатов двух испытанных мужей — Целера и Петрея. Они так зорко наблюдали за Антонием, что он предпочел совсем устраниваться от дела и, сказавшись больным подагрой, передал начальство над войском Петрею. Сражение произошло при Пистории. Катилина надел на себя все почетные знаки полководца и приказал нести пред собой серебряного орла. В этой битве было пролито много крови, и победа над бунтовщиками стоила больших усилий. Катилина, увидев, что его войско терпит поражение, бросился в самую середину тесно сплоченных неприятелей и погиб с оружием в руках. Историк Саллюстий пишет, что после сражения можно было вполне убедиться, каким мужеством и какою твердостью духа было одушевлено войско Катилины. Почти все его воины лежали мертвые сомкнутыми рядами. Лишь немногие, ворвавшиеся в середину преторских когорт, пали врассыпную. Как те, так и другие были поражены в грудь. Катилину нашли лежащим далеко от своих под неприятельским трупом; он еще немного дышал, и лицо его продолжало выражать тот упорный дух, которым он отличался и при жизни.

41. Марк Туллий Цицерон

(106...43 г. до Р. Х.)

Жизнь этого замечательного человека представляет такой интерес, что здесь будет вполне уместно остановиться на ней несколько подробнее. Цицерон родился 3 января в поместье близ Арпина. Род его принадлежал к сословию всадников. Цицерон получил хорошее воспитание под руководством своих родителей. Затем отец привез его и младшего брата Квинта в Рим, где имел собственный дом, и послал учиться в общественную школу к самым лучшим греческим учителям. В это время в Риме жил греческий поэт Архий, который занимался объяснением богатым римлянам произведений греческой поэзии. Отец Цицерона не побоялся издержек, чтобы доверить своего много обещавшего сына этому наставнику, и пятнадцатилетний мальчик так сильно пристрастился к поэзии, что не без успеха пробовал в ней свои силы. Его юношеские стихотворения являлись опытами, которые вели Цицерона к истинному его призванию — красноречию, в котором он впоследствии отличался таким необыкновенным искусством.

По достижении шестнадцатилетнего возраста с Цицерона, по римскому обычаю, было публично снято детское платье, и он был облачен в мужскую тогу. Во время этого торжества его сопровождали все друзья и клиенты семьи на форум, а оттуда в Капитолий, где он и получил торжественное посвящение. В этих пор Цицерон стал заботиться о том, чтобы приобрести те познания, которые необходимы для занятия государственных должностей. К таким наукам принадлежало красноречие и всестороннее знание государственного устройства и римского права. Римское право Цицерон изучал под руководством замечательных знатоков, обоих Сцеволов, авгура и жреца, слушая их беседы с большим вниманием. В то же время он с большим рвением занимался риторическими упражнениями. Ежедневно Цицерон читал, писал или переводил что-нибудь и, если знакомился с каким-нибудь замечательным произведением, то каждый раз повторял вслух все содержание и порядок развития основной мысли книги или перед самим собой, а еще чаще перед собранием своих друзей; это он делал до самого преклонного возраста. Подобные усиленные занятия прерывались лишь на самое короткое время, когда Цицерон в 89 году участвовал в походе во время союзнической войны. По окончании похода Цицерон тотчас же снова принялся за свои ученые занятия и обратил особенное внимание на философию. Философию

сначала преподавал Цицерону эпикуреец Федр, затем академик Филон, а под конец стоик Диодот. Цицерон изучал произведения великих греческих философов и старался усвоить себе их взгляды на богов и мир, на назначение человека, на сущность души, на правду и справедливость, на добродетели и пороки, на законы, нравы и обычаи, на государственные учреждения и воспитание.

Цицерон

Он сравнивал их учения между собой, вступал в беседы об изучаемых предметах с опытными людьми и выслушивал их разъяснения многих трудных мест в творениях других писателей. Благодаря этому способу, Цицерон в короткое время приобрел искусство говорить по целым часам изящно и связно, не приготавливая заранее своих речей. Он не прерывал и письменных занятий и таким образом одновременно достиг замечательного искусства как в письменном, так и в устном изложении своих мыслей. Для того, чтобы практически подготовиться к занятиям красноречием, Цицерон ежедневно посещал судебные заседания, где мог слушать обвинительные и защитительные речи. Образцом в судебном красноречии он избрал знаменитого адвоката Гортензия. После такой подготовки Цицерон решился наконец сам выступить публично в качестве защитника. Он выступил адвокатом некоего Росция из Америя. Его обвиняли в отцеубийстве, и всем было известно, что за обвинителями скрывается любимец Суллы Хрисогон, который за бесценок купил имущество убитого. Цицерон в своей речи не побоялся заклеить всесильного Хрисогона, и юноша был оправдан. Опасаясь преследований со стороны Суллы, молодой оратор вместе с братом уехал в Грецию и Малую Азию. Здесь он осмотрел достопримечательности знаменитых городов, посетил известнейших, ораторов и философов, провел шесть месяцев в Афинах и каждый день упражнялся с самыми искусными и опытными греческими учителями в философских беседах и обыкновенных разговорах; при этом он так хорошо научился говорить по-гречески, что в нем почти не замечали чужеземца. Здесь же Цицерон свел дружбу на всю жизнь с римским всадником Титом Помпонием, который много лет занимался науками в Афинах и имел прозвище Аттика. На обратном пути Цицерон посетил остров Родос. Здесь он удостоился величайшей похвалы своему искусству. В это время на Родосе жил один из известных учителей красноречия, Молон. Цицерон стал посещать его школу. Когда он явился, учитель задал ему тему для речи без предварительной подготовки. Цицерон тотчас начал говорить и в изложении и развитии темы высказал такое изобилие мыслей, такое редкое изящество выражения и такую благородную плавность и благозвучность речи, что, когда он кончил, зала огласилась громкими рукоплесканиями. Только один Молон сидел безмолвно на своем кресле, и это беспокоило молодого оратора. Но когда один из учеников спросил Молона о причине его молчания, тот ответил: «Ты меня сильно огорчил, Цицерон; твои предки отняли у нас свободу, достояние и власть, но оставили нам славу искусства и ума. Ты же уносишь с собою за море и эту славу».

Гортензий

В это время умер Сулла. Цицерон возвратился в Рим и занимался адвокатской деятельностью, пока не достиг столь желанного 31 года, возраста, когда он, по римским законам, получил право добиваться звания квестора, самой низшей государственной должности. Для того, чтобы народ мог ознакомиться с кандидатами, эти кандидаты в течение некоторого времени расхаживали среди народа, приветствовали каждого гражданина его именем (при этом пользовались услугами рабов, которые знали в лицо всех граждан) и дружеским пожатием руки просили подать за них голос в день выборов. Они ходили в белой тоге, которая называлась «тога кандида», отсюда и название «кандидат», дожившее доныне.

Цицерон, давно уже любимый за свои речи, был выбран огромным большинством голосов на одну из двадцати квесторских должностей, которые раздавались ежегодно. Каждый проконсул и каждый претор получали к себе в провинцию такого квестора, и Цицерону по жребию досталась Сицилия (в 76 г. до Р. Х.). Своим бескорыстием, справедливостью и обходительным обращением Цицерон заслужил здесь такое всеобщее расположение, что при отъезде города Сицилии избрали его своим патроном (покровителем) в Риме.

Только с достижением 36-летнего возраста можно было получить следующую государственную должность — звание эдила. До этого времени Цицерон занимался ведением судебных дел. Из них самым знаменитым было дело против Верреса. Этот Веррес в качестве претора в течение трех лет по-разбойничьи грабил Сицилию: вывозил статуи из храмов, дорогие картины и ковры из домов частных лиц, брал взятки при всяком удобном случае. Жители Сицилии обратились к Цицерону, как к своему патрону, с жалобой на Верреса. Цицерон произнес в суде пламенную и убедительную речь, и Веррес, несмотря на то, что его адвокатом был сам Гортензий, вынужден был удалиться в изгнание.

В 69 году Цицерон был избран эдилом. Состоявшие в этой должности обязаны были наблюдать за зданиями, улицами, рынками, общественными играми. Надзор за играми составлял весьма дорогостоящую обязанность. Кроме государственных затрат на представления, эдилы должны были расходовать и свои средства. Этим обстоятельством эдилы пользовались для приобретения себе популярности. Народ принимал это в соображение, и впоследствии эдилы вознаграждались или назначением на высшие должности, или предоставлением в управление богатых наместничеств. При этих расходах Цицерон придерживался середины между расточительностью и скупостью и в течение годичного исправления эдильской должности сумел заслужить любовь и уважение сограждан.

Затем Цицерону пришлось снова выжидать еще два года, прежде чем получить право добиваться следующей должности — претора. В то время было восемь преторов, они были председателями судов и по своему сану занимали первое место после консулов. В этой судебной должности Цицерон имел возможность показать в лучшем свете как свою справедливость, так и свое знание законов. Всеобщее одобрение, заслуженное им в этой должности, увеличило его славу и облегчило его путь к консульству. Все свои свободные часы он посвящал защите своих друзей, когда их обвиняли в судах других преторов, ежедневным упражнением в красноречии, ведению обширной переписки и слушанию знаменитых греческих ораторов, которые время от времени посещали Рим и читали здесь свои лекции.

Наконец Цицерон достиг 43 лет — возраста, ранее которого никто не мог быть консулом. Уже за год до этого Цицерон в белой тоге начал неумоимо вращаться среди граждан, постарался снискать расположение наиболее влиятельных из них, а главным образом сумел привлечь на свою сторону Красса, Помпея и Цезаря, этих трех могущественных лиц того времени.

В день выборов счастье благоприятствовало Цицерону, и он был выбран при первом же голосовании. О дальнейшей судьбе Цицерона будет сообщено ниже.

42. Первый Триумвират.

(60 г. до Р. Х.)

Помпей сделал величайшую политическую ошибку, когда по прибытии в Брундиций распустил большую часть войска и тем лишил себя силы, с помощью которой мог достичь единовластия. В этом ему скоро пришлось убедиться на деле. Сенатская партия, в противоположность бессильному теперь победителю, была преисполнена самоуверенности, и против Помпея составила настоящая оппозиция под предводительством Лукулла,

Метелла Критского и Марка Порция Катона, которая добивалась того, чтобы сорвать победный венок с головы Помпея. Ему было отказано во всех требованиях. Никакое из его распоряжений на Востоке не было утверждено, наделение его ветеранов землей было отвергнуто, избранию его в консулы воспрепятствовали под тем предлогом, что в силу одного из законов Суллы такое избрание могло состояться только через 10 лет. Помпей увидел, что влияние его сошло на нет и после долгих колебаний обратил свои взоры на смело пробивавшего себе дорогу Юлия Цезаря, который только что вернулся из Лузитании, чтобы добиваться в Риме консульства.

Помпей собирался сделать из Цезаря послушное орудие своих замыслов. Юлий Цезарь охотно протянул руку Помпею, который все еще пользовался большим влиянием в народе. При содействии Цезаря произошло примирение Помпея с Крассом. Союз с ним представлялся очень нужным, так как на выборах Красс мог обеспечить поддержку богатого купечества из сословия всадников. Таким образом, был заключен триумвират (союз трех мужей), который был метко назван одним из историков «союзом благоразумия со славой и богатством». Красс и Помпей по своей недалекости и не замечали, что в то время, как они собирались получить возможность воспользоваться услугами Цезаря, он сам избрал их в качестве орудия для своих замыслов.

Юлий Цезарь

С помощью обоих союзников консулом на 59 год был избран Юлий Цезарь, вторым консулом стал аристократ Бибул. Бибул не в состоянии был бороться с этим явным любимцем народа. Однажды при возвращении домой его чуть было не закидали до смерти грязью и камнями, и с этих пор Бибул не посещал заседаний сената и народное собрание, а ограничивался лишь письменными протестами против распоряжений Цезаря.

Первой законодательной мерой Цезаря был «закон о полях», по которому государственная земля в Кампании должна была быть разделена между теми бедными гражданами, которым приходилось содержать большие семейства. Катон и вместе с ним вся аристократическая партия восстали в сенате против этого предложения самым решительным образом. Тогда Цезарь перенес это дело в народное собрание, которое утвердило закон о полях. Цезарь также настоял на утверждении всех требований Помпея, в том числе и требование о наделении ветеранов землей, для чего внес эти предложения непосредственно в народное собрание. В то же время Цезарь успел приобрести и расположение всадников, выхлопотав им прощение части государственных налогов под тем предлогом, что во время последней войны с Митридатом они понесли большие потери в своих доходах.

По истечении годичного срока консульства Цезарю удалось получить в управление на пять лет Галлию по сию сторону Альп (Цизальпинскую Галлию) и римскую провинцию в юго-восточной Галлии (Галлию Нарбонскую). Вместе с тем он получил в свое распоряжение четыре легиона. В благодарность за оказанное при этом содействие Цезарь выдал замуж за Помпея свою юную и прекрасную дочь Юлию. Остальные два триумвира остались пока в Риме. Еще до отъезда Цезаря к месту назначения партии оптиматов был нанесен смертельный удар. Народный трибун Клодий внес предложение, что всякий, кто приговорил к смертной казни римского гражданина без соблюдения судебных формальностей, должен подлежать изгнанию. Само собою разумеется, что это предложение было направлено против Цицерона, осудившего на казнь сообщников Катилины. Предложение это было утверждено народным собранием, и Цицерон, несмотря на то, что, облачившись в траурную одежду, умолял народ о защите, был вынужден оставить Рим и удалиться в Фессалоники. После отъезда Цицерона Клодий опустошил его поместья и разрушил его дом. Под благовидным предлогом отделались и от неудобного Катона. В это время царь Кипра Птолемей был лишен престола за то, что он покровительствовал пиратам. Решением народного собрания Катон был послан для принятия острова Кипра и царских сокровищ в римскую собственность. К

этому решению было прибавлено примечание: «потому что такое щекотливое поручение может быть выполнено с успехом лишь человеком столь испытанного бескорыстия, как он».

43. Гай Юлий Цезарь.

(100 — 44 г. до Р. Х.)

Прежде чем мы последуем за Цезарем в его провинцию, познакомимся с отличительными чертами характера и важнейшими событиями предыдущей жизни этого величайшего из всех римлян человека. Природа щедро наделила Цезаря своими дарами: прекрасной благородной наружностью, орлиным носом и черными живыми глазами, в которых блистали ясность и приветливость. Хотя Цезарь не имел особенной физической силы, но отличался неутомимостью и выносливостью. Несмотря на бледный и худощавый вид, в жилах его текла горячая кровь. Периодическая головная боль, которая делает других неспособными к деятельности, не оказывала влияния на его занятия; он старался укрепить тело военными упражнениями: верховой ездой, фехтованием, плаванием. Пища Цезаря была проста, часто скудна. Пьяным его никогда не видели. Все, что делал Цезарь, он делал быстро, живо, но при этом осмотрительно. Любовь к женщинам и чрезвычайное честолюбие составляли его величайшую страсть. Но при этом он никогда не терял остроты и ясности ума, Сметливости и твердости воли. Безграничное честолюбие часто заставляло Цезаря быть не слишком разборчивым в выборе средств и людей, которыми он пользовался для достижения своих целей. Блиставшая в его взгляде благосклонность никогда не обманывала. Цезарь был чужд мелких интриг и великодушен к врагам. Например, он, не читая, приказал сжечь переписку, найденную после битвы при Фарсале, хотя она могла компрометировать многих его врагов. Вызывает величайшее удивление способность Цезаря верно определять положение вещей и людей. Его необыкновенный организаторский талант, благодаря которому он умел пользоваться всеми силами и безошибочно назначать каждого человека на соответствующее ему место, придавал всем его действиям такое полное согласие, что оно почти всегда вело к задуманной цели. О величии Цезаря можно сказать словами историка Друмманна: «Большинство людей обессмертило свое имя каким-нибудь односторонним величием; Цезарю же природа дала право быть великим во всем; ему предоставлен был выбор блистать в качестве полководца, государственного человека, законодателя, оратора, поэта, историка, филолога, математика или архитектора».

Цезарь рано лишился отца, но его мать Аврелия позаботилась о воспитании мальчика и дала ему возможность получить образование у самых лучших учителей. От нее самой Цезарь научился чарующей, мягкой, вкрадчивой речи и привлекательной обходительности в обращении, благодаря которым впоследствии он повсюду пользовался всеобщим расположением. Хотя Цезарь и не имел возможности посвятить столько же времени, как Цицерон, изучению красноречия, тем не менее он говорил в сенате и в судебных заседаниях так живо, убедительно, трогательно и приятно, что в качестве лишь оратора мог быть причислен к знаменитейшим мужам Рима.

Цезарь был на шесть лет моложе Помпея, и в то время, как Помпей уже успел заслужить имя Великого, был 17-летним юношей. Но уже и тогда Цезарь не считал себя хуже всех тех, которые занимали государственные должности, и даже в раннем возрасте выказал себя гораздо мужественнее великого Помпея. Как известно, Сулла во время проскрипций приказал истребить всех приверженцев и родственников Мария и Цинны.

Греческий военный корабль

Цезарь, женатый на дочери Цинны, получил приказание развестись с женой. Помпей также имел нежно любимую им молодую жену; но Сулла дал ему понять, что он

предпочитает сделать его своим собственным зятем. И как же поступил великий Помпей? Он бросил свою верную супругу и женился на падчерице Суллы. Цезарь же громогласно заявил, что никакая человеческая власть не заставит его расстаться с любимой женой. Из-за этого благородного сопротивления Цезарь был внесен в проскрипционный список. Он бежал из Рима, а все имения его жены были немедленно отобраны в казну. Спасаясь от соглядатаев Суллы, Цезарь бежал из города в город, каждую ночь менял место ночлега, а под конец из-за болезни вынужден был передвигаться на носилках. Между тем некоторые из друзей Суллы просили за Цезаря и даже весталки ходатайствовали о его помиловании, так что наконец Сулла вычеркнул имя Цезаря из списка приговоренных к смерти. При этом Сулла сказал: «Глупцы! Вы сами не знаете, чего просите. Этот молодой человек стоит нескольких Мариев».

Однако Цезарь не был полностью убежден в своей безопасности и отправился в Азию, где некоторое время служил в римской армии. Только после смерти Суллы он возвратился в Рим, предварительно побывав на Родосе, чтобы изучить там искусство красноречия. Недалеко от Милета судно попало в руки пиратов. По многочисленной свите и важной осанке разбойники решили, что Цезарь принадлежит к высшему сословию и потребовали выкуп в 20 талантов. «Недорого же вы меня цените, — сказал Цезарь, — я дам вам 50». Разослав спутников собрать деньги для выкупа, Цезарь с врачом и двумя рабами пробыл шесть недель в обществе пиратов и внушил такое уважение к себе, что казался не пленником, а победителем. Ложась спать, он запрещал им шуметь и распевать песни, иногда читал им свои стихи и речи, а так как его сочинения не вызывали восторга у пиратов, то Цезарь называл их дикарями и грозил распять на кресте. Эти слова смешили разбойников. Наконец возвратились посланные Цезарем люди, и пираты, получив 50 талантов, выпустили его на свободу. Он выпросил у наместника Милета несколько хорошо вооруженных кораблей, быстро нагнал разбойников, захватил их судно и отвел пленников в Пергам, где они были распяты на крестах.

Плач по умершим

Возвратившись в Рим, Цезарь несколько лет прожил молодым щеголем, одевался весьма тщательно, умащался благовониями, веселился, ухаживал за женщинами и охотно принимал у себя всякого, кто желал с ним веселиться. Но при этом он не пропускал ни одного заседания в народном собрании, был со всеми приветлив, называл по имени даже незначительных граждан и предлагал им свои услуги. Никто не догадывался, что этот человек неспроста растрчивает свое состояние и что у него на уме далеко идущие политические планы. Наконец Цезарь достиг возраста, когда он получил право занимать государственные должности. Он был выбран квестором и отправился в Испанию. Еще до отъезда туда Цезарь решил показать себя перед народом его усерднейшим защитником. В это время умерли жена Цезаря Корнелия и его тетка, вдова Мария, которая в последние годы прожила в совершенной безвестности. Цезарь, к великой радости народа, устроил ей великолепные похороны и при этом произнес надгробную речь, в которой открыто прославлял победы Марии. Марий все еще имел многочисленных приверженцев в народе, и в Цезаре стали видеть будущего избавителя от власти аристократов. Сенат был всерьез обеспокоен возрождением партии популяров, и один из сенаторов сказал: «Цезарь уже не подкапывается под республику, а наступает на нее с осадными орудиями».

Квестор был обязан объезжать все городки провинции и улаживать возникавшие в них споры. Цезарь исполнял эти дела с усердием и добросовестностью, и все города оставались довольны его правосудием. Между прочим он заехал в Гадес (Кадикс), где был храм Геркулеса, украшенный статуей Александра Македонского. С необыкновенным волнением остановился Цезарь перед изображением царя и сказал окружающим: «В мои лета он завоевал мир, а я еще ничего не сделал!»

Римская дорожная повозка

По истечении года Цезарь вернулся в Рим и в первый раз занял свое место среди сенаторов. Он сделал все возможное, чтобы возвысить Помпея, понимая, что этим человеком со временем будет легко управлять, а затем и свергнуть.

В отношении граждан Цезарь оказывал безграничную щедрость. Когда в 65 году его избрали эдилом, Цезарь поразил народ общественными играми, на которых выступили 320 пар гладиаторов в серебряном вооружении.

Наконец Цезарю захотелось пожать первые плоды своих усилий. Открывалась должность великого понтифика — верховного жреца, на которую избирались самые уважаемые и заслуженные люди. Цезарь возложил все свои упования на народ. В день выборов, уходя в народное собрание в кандидатской тоге, Цезарь сказал матери: «Сегодня ты увидишь меня или великим понтификом, или изгнанником!» Он не обманулся: народ избрал его верховным жрецом, к изумлению всего сената, и оптиматы решили любыми средствами препятствовать дальнейшему продвижению этого опасного человека.

Знаки достоинства верховного жреца

Цезарь — верховный жрец

На следующий год Цезарь занимал должность претора, это было в год консульства Цицерона. По прошествии года Цезарь стал добиваться наместничества и получил в свое управление Испанию. Но враги Цезаря решили не пустить его туда. По их наущению, толпа кредиторов окружила Цезаря и грозила не выпустить его из Рима, пока он не расплатится с долгами. Цезарю пришлось обратиться к Крассу, который ссудил ему значительную сумму, дав возможность выехать в провинцию. По пути в Испанию проезжали через одно маленькое, грязное местечко, над жалкою внешностью которого подчиненные Цезаря сильно издевались, и один из них сказал: «Неужели и в этом городишке могут существовать споры о должностях, раздоры партий и интриги?» «Без всякого сомнения, — отвечал Цезарь, — но я желал бы лучше быть первым в этом местечке, чем вторым в Риме».

В Испании Цезарь впервые выступил полководцем. Он предпринял завоевание западных областей Испании вплоть до океана. Во время войны Цезарь пользовался всеми случаями, чтобы получить как можно больше добычи. За год пребывания в Испании он нажил себе значительное состояние и мог выплатить свои долги.

Вернувшись в Рим, Цезарь в 59 году получил должность консула, благодаря своим многочисленным приверженцам.

44. Цезарь в Галлии.

(58...51 г. до Р. Х.).

Трансальпийская Галлия (нынешняя Франция) была населена кельтскими племенами, из которых самыми могущественными были арверны, эдуи и секваны. Начиная от Арденнского леса до устья Рейна обитали белги, тревирсы, эбуроны и нервии. До Цезаря римляне владели лишь так называемой Провинцией, областью между Альпами и Севеннами. Цезарь целым рядом удачных походов распространил римскую власть на всю Галлию. Мастерское описание этих походов оставил он сам в своих «Записках о галльской войне».

Ко времени прибытия Цезаря в Галлию кельтское племя гельветов, обитавшее между

Рейном и Юрой, решило покинуть свою гористую страну и искать себе новых мест поселения в более плодородных областях Галлии. Они сожгли свои города и селения и потянулись по направлению к Леманнскому озеру (ныне Женевское озеро). Но Цезарь преградил им путь, несмотря на то, что они обещали во время похода через римскую Провинцию не причинять никаких насилий. Они попытались силой пробиться через Родан (Рону), но были отброшены. Тогда гельветы направились к северу. Секваны свободно пропустили их через свои области, и гельветы явились во владение эдуев. Они начали опустошать области эдуев, и те на правах «друзей римского народа» обратились за помощью к Цезарю. Цезарь разбил гельветов в сражении при Бибракте. Кровавое пролитие было ужасное: из 368.000 человек (в таком количестве выступили гельветы в поход) осталось лишь 110.000. Они вынуждены были вернуться на родину и приняться за восстановление своих городов и деревень.

Возникший между эдуями и секванами раздор привел Цезаря во враждебное соприкосновение и с германцами. Секваны призвали себе на помощь Ариовиста, вождя одного германского племени. За эдуев вступился Цезарь, так как интересы Рима не могли терпеть поселения вблизи римской территории столь воинственных племен, какими были германцы. Сначала Цезарь предложил Ариовисту съехаться с ним, чтобы мирным путем уладить спорные вопросы. Но Ариовист с гордостью ответил: «Если Цезарю что-нибудь от меня нужно, пусть он сам придет ко мне». Второе посольство Цезаря потребовало выдачи заложников, которых Ариовист взял от эдуев, и обещания, что он не допустит дальнейших вторжений германцев в Галлию.

Галльские шлемы

На это Ариовист возразил, что по праву победы он привык обращаться с побежденными совершенно так же, как и римляне обращаются с побежденными ими народами: эдуи обязаны платить ему дань, и он не намерен выдать заложников. Когда же Цезарь угрожающим тоном уведомил его, что он заступится за эдуев, Ариовист ответил, что до сих пор еще ни один враг не вступал с ним в битву без того, чтобы самому не быть разбитым. Если Цезарь желает, то может сам прийти к нему и тогда он узнает, как сражаются непобедимые германцы, которые уже 14 лет не ночевали под крышей. Теперь Цезарю нельзя было терять времени, и он усиленным маршем выступил к Безонциону (Безансон).

Во время остановки на несколько дней для приведения в порядок продовольствия римляне собрали от галлов и купцов сведения о неприятеле. Все говорили об исполинском росте германцев, их баснословной храбрости, их военной опытности; часто встречаясь с германцами, они не могли выдержать их грозного выражения лица. Эти сведения навели страх на все войско; всеми овладело лихорадочное волнение. Страх прежде всего распространился между военными трибунами, префектами и другими лицами, которые, не имея достаточных познаний в военном деле, последовали за Цезарем лишь из одной привязанности к нему. Они явились к Цезарю и под разными предложениями настоятельно требовали своего увольнения. Немногие оставшиеся сидели в своих палатках, оплакивали свою судьбу и рассуждали об общей опасности. Во всем стане писались завещания. Это проявление страха распространилось и на старых солдат, на центурионов и начальников конницы. Они, не желая, чтобы лично их считали трусами, говорили, что боятся не врага, а затруднительных проходов в обширных лесах, отделявших римлян от Ариовиста. Некоторые доказывали Цезарю, что солдаты из страха выйдут из повиновения и не пойдут по приказу вперед.

Военный совет

Узнав об этом, Цезарь собрал общий военный совет, пригласил на него всех центурионов и сделал им выговор за то, что они сочли возможным обсуждать и критиковать цели и средства похода. Далее он сказал, что твердо уверен в нежелании Ариовиста лишиться благоволения римлян. Но если бы Ариовист в пылу слепой страсти и начал войну, то чего же им бояться? Ведь этот враг уже хорошо известен римлянам во времена их отцов, когда Марий разбил кимбров и тевтонов. В заключение Цезарь объявил, что даже в том случае, когда никто не пойдет за ним, он все-таки выступит в поход с одним Десятым легионом, воины которого отныне будут его телохранителями.

Этой речью Цезарь поднял дух своего войска — все прониклись мужеством и военной отвагой. Десятый легион через своих военных трибунов прислал Цезарю благодарность за то, что он отличил его.

Затем и остальные легионы старались оправдаться и уверить в том, что они никогда не выказывали ни нерешительности, ни страха.

Прежде чем начать военные действия, Ариовист предложил свидание. Цезарь согласился. Но это свидание не привело ни к чему, так как Цезарь не выразил своего согласия на предложение Ариовиста оставить германцам северную часть Галлии. К тому же германские всадники вероломно напали на римских во время этого свидания, и переговоры были прекращены навсегда. Ариовист не вступал в решительную борьбу, так как ему было предсказано, что нельзя совершать сражения раньше наступления новолуния. Но Цезарь, своими налетами так раздражил германцев, что те в гневе вышли из лагеря и вступили в битву. Ариовист потерпел полное поражение и едва сам успел спастись, переплыв на челноке через Рейн; вскоре после этого он умер от полученных ран.

Таким образом, Цезарь в одно лето совершил два важных похода. Затем он расположил свое войско за зимние квартиры у секванов. Начальство над войском было поручено легату Лабиену; сам же Цезарь отправился в Галлию по сю сторону Альп для разбора и решения спорных дел. Здесь он получил известие от Лабиена, что белги составили тайный союз против римлян, так как они опасались, что после покорения римлянами остальной Галлии настанет очередь и их порабощения. Поэтому в начале 57-го года Цезарь выступил в поход против белгов и покорил их племена. Только нервии оказали мужественное сопротивление римлянам. Римское войско оказалось в большой опасности на реке Сабисе. Нервии устроили здесь засаду из терновника, который они умели переплетать с большим искусством, и яростно напали на легионы, не успевшие построиться в боевой порядок. Лишь благодаря распорядительности Цезаря, образцовой дисциплине и находчивости солдат, легионам удалось спастись от поражения.

В 56 году легат Цезаря, Публий Кресе, сын триумвира, покорил западные области Галлии. Сам Цезарь завоевал отважных и опытных в морском деле венетов; были покорены и воинственные аквитаны, жившие между рекой Гарумной и Пиренеями и имевшие возможность выставять в поле до 50.000 воинов — это сделал также способный и удачливый Кресе. Так что к концу года покорение Галлии можно было считать завершенным.

Однако до тех пор, пока германские племена занимали берега Рейна и были готовы при первых благоприятных обстоятельствах вторгнуться в Галлию, завоевание этой страны было непрочным. Поэтому Цезарь энергично подавил первую же попытку германских племен вступить в Галлию.

Свайный мост через Рейн

Они перешли через нижний Рейн в количестве 430.000 человек, чтобы помочь галлам сбросить римское иго. Цезарь поспешил туда со своими легионами. Германцы вступили в переговоры, но во время этих переговоров германская конница напала на римскую. Цезарь увидел в этом вероломство. Когда на другой день к нему в лагерь явились старейшины

германских родов, чтобы оправдаться в совершившемся нападении, Цезарь приказал арестовать их. Затем он напал на ничего не подозревавшего неприятеля и нанес ему полное поражение. Тысячи германцев обратились в бегство и нашли свою гибель в волнах Рейна. Цезарь приказал построить свайный мост и перешёл на другую сторону Рейна. Переход этот он совершил не с целью вести продолжительную войну там, но для того, чтобы нагнать на германцев страх перед римским оружием и удержать их от новых вторжений. После 18-дневного пребывания на правом берегу Рейна он перешел эту реку обратно; вероятно, причиной тому послужило полученное Цезарем известие о поголовном восстании германского племени свевов.

Верцингеториг

Еще опаснее и отважнее был поход в Британию, предпринятый Цезарем в 55 году с целью наказать бриттов, которые оказали поддержку своим единоплеменным союзникам в Галлии и давали убежище беглецам. Но поход этот был не совсем удачным. Глубоко сидевшие корабли римлян из-за мелководья у берегов не могли подойти вплотную. Солдатам пришлось в полном вооружении броситься в море и плыть к берегу под градом стрел. Неприятельские всадники, бросившись навстречу, произвели страшную резню. Римлянам все-таки удалось достичь берега, и Цезарь вступил в переговоры с вождями бриттов. Он удовольствовался обещанием бриттов дать заложников и вернуться в Галлию.

Второй поход в Британию, предпринятый Цезарем в 54 году с целью загладить предыдущую неудачу, также не имел важных последствий. Туземцы отступили перед огромным войском, прибывшим к острову на 800 кораблях и состоявшим из 5 легионов и 2.000 всадников. Отважный предводитель бриттов Касивеллан стал во главе войска и распоряжался обороной. Сознывая, что римляне будут иметь над ним перевес в открытом поле, он стал вести партизанскую войну и причинил римлянам много вреда. Но Цезарю удалось посеять раздор в войске противника: он склонил некоторые округа к отпадению от общего дела, и они вступили с Цезарем в частное соглашение. Сила Касивеллана была значительно ослаблена, и он после завоевания его столицы был вынужден согласиться на мир. Получив от него обязательство дать заложников и платить дань, Цезарь поспешно вернулся в Галлию.

В Галлии в это время происходили сильные волнения. Они еще больше усилились, когда были получены известия о далеко не блестящем ходе британской экспедиции. Вновь ожила надежда на возвращение свободы. Во главе восстания стал вождь кельтского племени арвернов Верцингеториг. Подобно Серторию в Лузитании, он вел народную войну с необыкновенной энергией, хитростью и решительностью; своими быстрыми неожиданными нападениями он наносил много вреда римлянам. Однако в конце концов восставшие были окружены в крепости Алезия и после длительной голодной осады перебиты. Верцингеториг был взят в плен и доставлен в Рим для триумфа Цезаря. Впоследствии он был задушен в тюрьме. Боевые сподвижники Верцингеторинга укрылись в горной крепости Укселлодуне, но и эта крепость была взята. Чтобы показать устрашающий пример, Цезарь приказал отрубить храбрым защитникам правую руку. После этого вместо жестокой строгости Цезарь стал проявлять кротость и снисходительность с целью примирить побежденных с их участью. Многим кельтам было даровано римское гражданство; множество цезарских солдат получили в Галлии земельные участки. В скором времени латинский язык вошел здесь во всеобщее употребление, стали свободно обращаться римская серебряная и золотая монета; римское право заняло место древних постановлений. Таким образом Галлия стала новой колонией Рима.

45. Клодий. Возвращение Цицерона. Съезд триумвиров в Лукке.

(58...55 гг. до Р.Х.).

В то самое время, как Цезарь распространял римское владычество на северо-западе Европы, положение вещей в столице становилось все тревожнее. Внутренние смуты увеличивались с каждым днем. Дерзкий народный трибун Клодий самовластно распоряжался на форуме и на улицах. Чернь, привлеченная Клодием законом о хлебе в силу которого была установлена ежемесячная раздача дарового хлеба, была послушна его приказаниям. Вооруженные шайки, набранные из ремесленников, вольноотпущенников и рабов, следовали за Клодием и по первому его знаку были готовы угрозами и насилием действовать против всех, кто решался ему противиться. Сенат не осмеливался противодействовать дерзким выходкам этого демагога, и Клодий предавался беспощадным грабегам и разбоям, предоставлял государственные должности своим приспешникам, раздавал привилегии своим любимцам или же продавал их другим по высокой цене и этим путем приобретал деньги для содержания своих вооруженных шаек.

Цицерон

Он стал пренебрежительно относиться к самому Помпею и сделал попытку отменить некоторые распоряжения Помпея. Он захватил пленного Тиграна и держал его в своем доме, возбудил судебные процессы против друзей Помпея, чтобы испробовать, имеет ли Помпей еще влияние в обществе. Нападению шайки Клодия подвергся даже консул Габиний, друг Помпея. Одного из рабов Клодия поймали с обнаженным мечом при попытке пробраться к Помпею в толпе людей. Помпей, боявшийся наглых выходок Клодия, воспользовался этим предложением, чтобы не появляться на форуме, пока Клодий оставался в своей должности.

Клодий прилагал все старания, чтобы воспрепятствовать возвращению своего смертельного врага, Цицерона. Пока Клодий оставался трибуном, ему это легко удавалось. Но когда в конце 57-го года он потерял эту должность и, кроме того, поссорился с народными трибунами Секстием и Милоном, то предложение вернуть изгнанного Цицерона могло рассчитывать на успех. Чтобы чувствительнее досадить Клодию, Милон сделал такое предложение. Из предосторожности Милон также набрал шайку вооруженных людей. В сентябре 56-го года удалось провести постановление об отмене изгнания Цицерона. После 16-ти месячного отсутствия Цицерон возвращался в Рим. Во всех провинциальных городах на пути его следования ему оказывали блестящий прием. Сам Цицерон не без тщеславия рассказывает: «Вся Италия несла меня на руках. При моем въезде в столицу народ располагался на ступенях храмов, наполнял форум и сопровождал меня рукоплесканиями и криками восторга в Капитолий, где я возблагодарил богов за возрождение республики. Казалось, что самые стены, дома и храмы радовались вместе со мною».

Наступили относительно спокойные времена. Разнузданный Клодий доигрывал свою политическую роль; сенат при содействии Милона возвратил свои права и старался добиться прежнего влияния. Помпей стремился освободиться от своей недавней жалкой роли. В Риме наступила дороговизна и нехватка хлеба. Через друзей Помпей внес в сенат предложение, чтобы ему одновременно с званием проконсула был поручен надзор над раздачей хлеба и над всей торговлей во всех гаванях и на всех рынках римского государства и даны были для этого чрезвычайные полномочия на пять лет с правом самому выбрать себе в помощники 15 легатов. Предложение это прошло и несколько освежило начавшие блекнуть победные лавры Помпея, для которого в лице Цезаря вырастал опасный соперник. Цезарь все время зорко следил за всеми событиями в столице. От него не укрылось, что сенат, а вместе с ним и аристократическая партия начали снова усиливаться. Он с неудовольствием замечал, как консул Домиций Агенобарб намеревался поколебать «юлиевы законы» и как значение Помпея, его союзника по триумвирату, видимо, начинало склоняться к упадку. Когда Домиций открыто высказался, что он будет всеми средствами бороться против продления

проконсульской власти Цезаря, тот решил, что наступило время решительных действий. Он пригласил остальных двух триумвиров съехаться в Лукку, город в северной Этрурии. Кроме Помпея и Красса, сюда явились и другие значительные лица, среди которых был и Клодий. На совещаниях в Лукке Цезарь держал себя так, как будто он был уже повелителем государства. Цезарь был готов действовать, не обращая внимания на то, будут или не будут одобрены сенатом его действия. В Лукке триумвиры приняли следующее соглашение: Помпей и Красс должны были добиваться консульства на 55 год, а затем получить в свое управление богатые провинции: Помпей — Испанию, а Красс — Сирию, оба с правом набирать в Италии необходимые для них войска. Что касается самого Цезаря, то он удерживал за собой наместничество в Галлии еще на пять лет, доведя войско до десяти легионов и выплачивая солдатам жалование из государственной казны. Клодию было рекомендовано воздерживаться в будущем от своих возмутительных насильственных действий и прекратить нападки на Помпея.

Предположения Цезаря о малодушии и бесхарактерности сената вполне оправдались. Хотя сенаторы и выражали громогласно жалобы на превышение власти триумвирами, но дальше слов не пошли. Оба триумвира без малейших затруднений были избраны в народном собрании консулами на 55-й год, и все требования Цезаря были уважены. Один только Катон и некоторые другие из числа непримиримых выражали свой протест; но их сопротивление во время выборов было подавлено солдатами триумвиров.

46. Смерть Красса в Сирии

(55 г. до Р.Х.)

Красс еще до истечения годовичного срока консульства отправился в свою провинцию Сирию, чтобы вместо второстепенной роли, которую он играл при Помпее, приобрести себе славу полководца и тем самым достигнуть расположения народа. Кроме того, туда Красса вела не только жажда славы, но и его необузданная алчность. Прибыв в Сирию, Красс нашел в полном разгаре войну против парфян, которые вторглись в находившееся под римским покровительством Армянское царство. Красс надеялся на победные лавры. Он перешел Евфрат с семью легионами, четырьмя тысячами всадников и таким же числом легковооруженной пехоты. Сын его Публий Красс был отправлен Цезарем из Галлии на помощь отцу во главе тысячи кельтских всадников. Стали обсуждать вопрос, по какому пути идти на парфянскую столицу Ктесифон, расположенную на Тигре. Более предусмотрительные советовали идти на юго-восток, так как здесь войска шли бы через густонаселенные области. Но Красс, ослепленный алчностью, последовал другому совету: начальник одного арабского племени, Абгар, сообщил ему, что парфяне уже выступили в восточные области и что быстрым маршем через месопотамскую пустыню можно их настигнуть и получить огромную добычу. С трудом двигалось римское войско по необозримой песчаной пустыне; на пути не было ни дерева, ни куста, которые давали бы хоть малейшую тень, не было и источников воды. Вдруг Абгар удалился под предлогом, что он желает предпринять тайное нападение на врага. Но вместо этого он отправился в стан парфянского полководца и сообщил им о местопребывании римлян. Вскоре Красс увидел перед собой парфянскую конницу. Относясь с излишним пренебрежением к неприятелю и не дав отдохнуть своим утомленным солдатам, Красс немедленно приказал начать наступление. Но быстрые в движениях конные отряды парфян, вооруженные длинными копьями и дротиками, произвели губительное действие на легко одетых, вооруженных лишь короткими мечами и копьями легионеров. Несмотря на то, что Публий Красс во главе отборного отряда выказал чудеса храбрости, он не мог победить окружавших его со всех сторон многочисленных врагов. В отчаянии юный герой приказал заколоть себя своему щитоносцу. Главное войско под начальством старшего Красса также погибло в безнадежном бою. Остатки войска отступили в город Карры, где был небольшой римский гарнизон. Этот

гарнизон прикрыл спасшихся, в числе которых находился и Красс. Но здесь невозможно было долго оставаться, так как Карры не вынесли бы нападения парфян. Поэтому римляне отступили по направлению к Армении. Им оставалось совершить однодневный переход, чтобы достичь горной крепости Синнаки и укрыться в ней. Тут парфянский полководец потребовал личного свидания с Крассом, чтобы от имени царя Орода предоставить римлянам свободный проход, если они откажутся от стран, лежащих к востоку от Евфрата. Красс явился на указанное место в сопровождении легата Октавия и других предводителей. Их приняли с необыкновенной вежливостью и подвели Крассу в подарок великолепно убранного коня. Красс, ничего не подозревая, сел на него верхом. В эту минуту конюх ударил коня плетью и пустил его вперед. Октавий, заподозрив измену, выхватил у одного из парфян меч и поразил им конюха. Парфяне бросились на римлян и перебили их всех вместе с Крассом. Отрубленная голова Красса в виде трофея была послана Ороду.

Ород как раз в это время праздновал свадьбу своего сына с сестрой армянского царя. Греческие актеры исполняли перед гостями «Вакханок» Еврипида. Актер, который должен был в этой трагедии показать окровавленную голову мифологического героя Панфея, воспользовался головой Красса и провел при восторженных восклицаниях зрителей следующие стихи:

Мы приносим домой из лесистых гор
Только что павшую голову,
Покрытую курчавыми волосами,
Дорогую добычу.

Так печально окончился начатый с такой пышностью и таким легкомыслием поход ненасытного римлянина против парфян. Причины того, что парфяне не успели воспользоваться своей победой, заключались отчасти во внутренних смутах в их государстве, отчасти в мужественном сопротивлении, которое оказал им, в особенности в Антиохии, храбрый квестор Гай Кассий, один из будущих убийц Цезаря.

47. Накануне второй гражданской войны

(47 г. до Р.Х.)

Наступили выборы консулов на 52 год. Кандидатами выступили Метелл Сципион и Плавт Гипсей, поддерживаемые триумвирами. Противная партия покровительствовала кандидатуре Милона, который, как и Клодий, имел при себе наемную шайку. Чтобы воспрепятствовать во что бы то ни стало выбору Милона, Помпей выставил против него его старинного соперника Клодия. Клодий прошел со своими вооруженными головорезами по улицам и занял форум; произошла кровавая схватка между шайками обеих партий. Анархия достигла высшей степени. О создании комиссий для выборов новых консулов не могло быть и речи. Конечно, Помпею стоило лишь призвать свои легионы, и порядок был бы восстановлен. Но Помпей рассчитывал, что с увеличением внутренних смут до такой степени, что опасность для жизни и имущества возрастет еще больше, к нему обратятся с просьбой избавить столицу от общественного бедствия. Наступившие события вполне оправдали ожидания Помпея. Шайка Милона убила Клодия и многих из его людей на Аппиевой дороге. Приверженцы Клодия возвратились в город, выставили на площади окровавленный труп своего предводителя и этим привели народ в неистовое бешенство. В течение пяти дней чернь осаждала здание народного собрания и дом Милона. Но в город прибыли с подкреплением приверженцы Милона, и он был настолько дерзок, что открыто выступил кандидатом на звание консула. Когда он находился на форуме, а народный трибун Марк Целлий хотел начать речь в его оправдание, прочие трибуны напали на Милона со своими вооруженными людьми, и Милон вынужден был покинуть площадь и бежать,

переодевшись рабом.

Разнузданные шайки предались убийствам и грабежам. Самому сенату приходилось опасаться, что он падет жертвой диких разбойничьих шаек, и он видел в Помпее своего единственного спасителя. Помпея провозгласили «консулом без коллеги», т.е. единственным консулом на 52 год. Этот титул был присвоен ему, чтобы не носить опозоренного Суллой звания диктатора. Помпей с помощью своих легионов быстро очистил город от буянов, убил или изгнал предводителей демократии и восстановил спокойствие и порядок. Несмотря на блестящую защиту Цицерона, Милону также пришлось удалиться в изгнание.

Целым рядом законов, направленных против насилий и подкупов, Помпей старался избавить в будущем город от описанных выше диких сцен. В то же время он сблизился с сенатской партией, примирился с Катонам и охотно согласился на то, чтобы на 51 год консулом был избран Клавдий Марцелл, строгий аристократ. Таким образом, Помпей возвратился к тому политическому направлению, с которым он вступил на общественное поприще: перешел на сторону аристократии. С этих пор Помпей стал считаться главой сенатской партии.

Связь, существовавшая между оставшимися двумя триумвирами, сильно пошатнулась вследствие перемены в политическом положении Помпея. Вскоре прибавилась новая причина к их взаимному отчуждению: умерла супруга Помпея Юлия, прекрасная и благородная дочь Цезаря и смерть ее порвала те родственные узы, которые заставляли их делать друг другу уступки. Но окончательное охлаждение во взаимных отношениях триумвиров произвела передача диктаторской власти Помпею. В душе Помпей уже давно разошелся с Цезарем, но до поры скрывал свое отчуждение. Только в 50 годы, заручившись поддержкой Катона, Марцелла и других влиятельных членов сената, Помпей обнаружил свои намерения. По соглашению с Помпеем, консул Марцелл собирался внести предложение, чтобы сенат издал постановление, в силу которого Цезарь должен сдать свою провинцию и распустить войско. Но Цезарь заблаговременно принял меры к устранению направленных против него интриг. Новыми наборами он пополнил убыль в войске и увеличил жалованье солдатам, чтобы крепче привязать их к себе. Вместе с тем он отсылал огромное количество галльского золота в Рим и тем привлек на свою сторону значительное число влиятельных лиц. Среди них был один из консулов, Эмилий Павел, и чрезвычайно умный, но развратный и бесхарактерный трибун Гай Курион. Курион был ревностным сторонником Помпея, но, когда Цезарь заплатил долги Куриона, тот стал пламенным приверженцем Цезаря. Курион настолько искусно отстаивал в сенате интересы Цезаря, что тому до времени не было необходимости выходить из своего выжидательного положения.

Когда Марцелл на заседании сената марта 50 года сделал приведенное выше предложение, то Курион, по поручению Цезаря, выразил на это полное согласие, но с тем условием, что и Помпей откажется от своего наместничества в Испании и сложит с себя чрезвычайные диктаторские полномочия. Это беспристрастное предложение было встречено сенатом с большим сочувствием, но Помпей был поставлен в затруднительное положение. Он уклончиво ответил, что, если Цезарь распустит свое войско, то и он готов сложить свои полномочия. Однако об одновременном сложении полномочий он не обмолвился ни словом.

Прошло несколько месяцев, а сенат все еще не мог прийти ни к какому решению. Наконец Курион настоял, чтобы был решен вопрос, должны ли оба одновременно сложить свои полномочия. При голосовании 370 голосов высказались за и лишь 22 голоса — против этого предложения. Тогда Марцелл, обманутый в своих ожиданиях, закрыл заседание гневными словами: «В таком случае вы можете сделать Цезаря своим повелителем». Но Курион был встречен с восторгом народной толпой, ожидавшей на форуме результата совещания. Народ приветствовал его как борца за республику и с торжеством проводил его до дому.

Однако партия Катона приложила все усилия, чтобы довести дело до формального разрыва с Цезарем. Прежде всего она воспрепятствовала тому, чтобы результат голосования обратился в сенатское решение. Затем с целью побудить сенат к немедленному объявлению войны Цезарю, она распространила самые преувеличенные слухи о мнимых вооружениях Цезаря и о выступлении его к Риму. Но так как большинство не дало своего согласия на такое безрассудное решение, то предводители этой партии, Марцелл и Катон, стали действовать самовластно. Они поспешили к Помпею и предложили ему обнажить меч на защиту республики. Теперь Помпей сбросил маску, которую он носил до тех пор, и последовал сделанному ему предложению. Немедленно были призваны находившиеся в Италии войска. Как энергично ни протестовал Курион против этого распоряжения, голос его пропал в шуме дикого неистовства партий.

Еще раз попытался Цезарь протянуть руку примирения. Он отправил Куриона с письмом в сенат. Это письмо было прочитано на первом заседании сената января 49 года. Оно заключало в себе условия соглашения, которые состояли в том, что Цезарь готов был очистить Галлию по ту сторону Альп и из десяти своих легионов распустить восемь, если ему оставят до времени выборов консулов на 48 год Галлию по сю сторону Альп и Иллирию с двумя легионами или даже одну только Иллирию с одним легионом. Тон письма был настолько миролюбив, требования были настолько умерены, что произвели должное впечатление на сенаторов. Сенат уже склонялся на соглашение. Но такой поворот дел несколько не удовлетворял желаний партии Помпея. Консул Лентул воскликнул, что больше медлить нельзя, что следует принять смелое решение, в противном случае он и его друзья будут действовать самостоятельно. Помпей через Метелла объявил, что он согласен явиться вооруженным защитником республики. Раздалось лишь несколько голосов, предостерегавших от поспешного и опрометчивого решения, но они были заглушены криками партии войны. Было принято решение: «Цезарь обязан распустить свое войско к назначенному сроку и отказаться от своего наместничества; в противном случае он будет объявлен государственным изменником». Трибуны Марк Антоний и Квинт Кассий, возражавшие против этого решения, подверглись смертельным угрозам со стороны солдат Помпея и вместе с Курионом бежали ночью в одежде рабов к Цезарю.

Между тем Цезарь всего с одним легионом перешел из Трансальпийской Галлии в Цизальпинскую и прибыл в Равенну. Здесь он созвал своих солдат на общее собрание. В пламенной речи Цезарь указал им, как оскорбительно обращается с ним сенат, что сенат превозносит Помпея; что Помпей сидит в Риме, ничего не делая, в то время как он, Цезарь, с опасностью для жизни вел римских орлов от одной победы к другой. В конце речи Цезарь сказал, что с полным доверием вручает свою судьбу в руки своих солдат. В ответ на это последовал всеобщий единодушный крик начальников и солдат, что все они готовы следовать за ним, куда бы он их ни повел. Достигнув небольшой речки Рубикон, которая была границей между провинцией Цезаря и Италией, Цезарь долго стоял на берегу, не решаясь дать войскам приказ начать переправу. Переход границы с войском означал бы начало войны. Наконец со словами: «Жребий брошен!» Цезарь перешел с войском Рубикон.

48. Вторая гражданская война.

(49...45 г. до Р.Х.).

Весть о приближении Цезаря создала в Риме панический ужас и всеобщее замешательство. Здесь все еще не приступали к вооружениям. Язвительно призывали Помпея, чтобы он, «лишь топнув ногой, вызвал из земли легионы», чем он прежде похвалялся. А в это время Цезарь приближался со своими испытанными и преданными солдатами. Его военачальники, за исключением Лабиена, который перешел на сторону Помпея, с воодушевлением следовали за его знаменами. Многие города открыли Цезарю

свои ворота. Войско Цезаря постоянно возрастало и составляло почти 40.000 человек, с которыми он явился перед Корфинием, где расположился Агенобарб, назначенный вместо Цезаря проконсулом Галлии. Так как Агенобарб не мог рассчитывать на помощь Помпея, он решил бежать, а гарнизон Корфиния бросить на произвол судьбы. Но в войсках, до которых, может быть, дошел слух об измене, вспыхнул мятеж. Они арестовали проконсула и его приверженцев, сдали город Цезарю и выдали ему пленников. Цезарь великодушно обошелся с пленными и этим рассеял уверения Цицерона, представлявшего его сообщником Катилины, который все «предает огню, и мечу, убивает богатых, насильно возвращает беглецов, уничтожает долговые книги, назначает негодяев на почетные должности, готов присвоить себе царскую власть, чего нельзя было ожидать даже от перса». Сенат поручил Помпею оборону столицы. Войска Помпея находились в Испании и Африке, и не было времени для переброски их в Италию. Когда в Риме поняли, что отстоять город не удастся, началось повальное бегство. В спешке забыли даже о государственной казне. Местом сбора был Брундизий, откуда переправлялись в Грецию. Цезарь попытался помешать переправе, загородив выход из гавани плотиной и большими плотами, покрытыми землей, но Помпею все же удалось перевезти своих сторонников в Диррахий.

Цезарь был озабочен тем, чтобы подчинить себе сначала всю Италию. Его кротость привлекла к нему сердца жителей и открыла ворота многих городов. В течение 60 дней Цезарь стал повелителем всей Италии. Он вступил в Рим, не встретив сопротивления. Здесь Цезарь овладел государственной казной. Хотя трибун Луций Метелл, полагаясь на свою неприкосновенность, сел в кресло перед дверьми казнохранилища, Цезарь велел солдатам оттащить его, не причиняя никакого вреда, а затем приказал выломать двери. Получив в распоряжение значительные денежные средства, Цезарь имел возможность начать военные действия.

Но прежде чем последовать за Помпеем в Диррахий, для чего были необходимы корабли, Цезарь решил обеспечить себе тыл. Он немедленно принял меры для восстановления спокойствия и порядка в самом Риме и в Италии и поручил управление столицей Эмилию Лепиду, а главное начальство над всеми войсками в Италии — Марку Антонию. Затем он направился в Испанию, где находились семь легионов Помпея. «Прежде я намерен напасть на войско без полководца, — сказал Цезарь, — а потом возвращусь к полководцу без войск». Цезарь не боялся собравшихся в Греции сторонников Помпея, но опасался его испытанных и закаленных в боях легионов в Испании, которые могли проникнуть в Галлию, подстрекнуть к восстанию только что усмиренные там племена и создать тысячи затруднений. С шестью легионами и конницей Цезарь прошел через теснины Пиренеев, оставив три легиона для осады Массилии (Марсель), где засел Домиций Агенобарб.

При Илерде Цезарь столкнулся с войсками неприятеля. С помощью многочисленной конницы он постоянно тревожил врага и отрезал ему подвоз продовольствия. Военачальники Помпея решили покинуть опасную позицию и отступить. Но конница Цезаря преследовала отступавших по пятам. Когда же Цезарю удалось занять возвышенности, лежащие на пути отступления, положение войск Помпея стало безнадежным. Но для того, чтобы пощадить кровь граждан и привлечь неприятельские войска на свою сторону, Цезарь вступил в переговоры, которые закончились капитуляцией. Военачальникам и солдатам были сохранены жизнь, свобода и все имущество и даже возвращена добыча. Хотя никого насильно не принуждали перейти на сторону Цезаря, многие перешли к нему добровольно, восхищенные кротким и великодушным обращением победителя.

Оставив Кассия Лонгина наместником в Испании, Цезарь поспешил к своим легионам, занятым осадой Массилии. Осажденные уже вели переговоры о мире, и вскоре город был сдан. Цезарь и здесь выказал великодушие: жителям Массилии сохранили жизнь и свободу, они должны были выдать свое оружие, корабли и сокровища, принять в свой город два легиона и уступить часть своей земли. Что касается Агенобарба, то он, опасаясь мщения Цезаря, заблаговременно бежал и пробрался к Помпею.

Между тем легаты Цезаря, заняв Сицилию, обеспечили продовольствие Италии. Курион переправился даже в Африку с целью разбить сторонника Помпея, царя Нумидии Юбу. Вначале Курион одержал победу в кровопролитном сражении при Утике, но затем нумидийцы заманили его на обширную равнину, удобную для действий бесчисленной конницы царя. Там Курион был окружен и погиб со своим войском в сентябре 49 года.

В это время Помпей расположился с войском в Диррахии. Здесь было собрано огромное количество запасов и, кроме того, постоянно подвозились поставки и денежная помощь из азиатских государств, находившихся под властью римлян. Было значительно усилено войско. Вскоре Помпей собрал девять легионов, к которым присоединились вспомогательные войска из Галатии, Каппадокии, Сирии и Греции. Но общее руководство таким войском было затруднительным и даже почти невозможным, так как солдаты различались между собой по происхождению, нравам и языкам. К этому присоединялось самомнение второстепенных начальников, которые не считали нужным подчиняться приказам главного военачальника. Уже вследствие одного этого военная дисциплина сильно пошатнулась, но она совершенно исчезла от дурного примера, который подавали солдатам военачальники своим роскошным образом жизни. Они жили в убранных со всевозможною роскошью палатках, спали на мягких подушках и проводили дни и ночи в невоздержных оргиях. Поэтому нет ничего удивительного в том, что солдаты роптали, говорили, что им одним предстояло переносить труды, голод и жажду, жар и холод, опасности и раны. Самым же вредным оказывалось влияние, которое имели на решения Помпея собравшиеся в Фессалониках сенаторы и всадники, принадлежавшие к его партии. Их речами руководили честолюбие и мстительность. Они присвоили себе право отсюда управлять государством и вмешиваться в военные дела. Речи, произносимые в здешних «заседаниях сената», дышали мщением. В тщеславном ослеплении были отвергнуты все мирные предложения Цезаря. Они уже мысленно делили между собой его богатства и почести, так как были уверены в победе войск Помпея над Цезарем.

Наконец, Цезарь обратился против Помпея. Он высадился в Диррахии с 15.000 пехоты и 600 всадников. Но 30 кораблей, отправленные им назад для доставки остальных войск, были захвачены и сожжены моряками Помпея. Начальник неприятельского флота Либон учредил вдоль всего берега настоящий дозор, не было никакой возможности переправить остальное войско. Цезарю не оставалось ничего другого, как укрепиться на берегах реки Апса. Он опасался, что будет совершенно отрезан от Италии и войско может погибнуть от лишений, холода и болезней. Однако через несколько месяцев, когда положение Цезаря стало почти отчаянным, отважному Марку Антонию удалось переправить три легиона и 800 всадников. Для этого он направился несколько севернее и обошел главные неприятельские силы, расположенные у Диррахия. Благоприятствовало и то обстоятельство, что вместо господствовавшего до тех пор южного ветра вдруг подул сильный западный, который погнал часть кораблей Помпея на скалы. Антоний привел войска к Цезарю, но часть кораблей были захвачены сыном Помпея Гнеем.

Теперь соединившиеся войска сделали попытку окружить Помпея. Для этого они устроили исполинский вал вокруг лагеря Помпея. Помпей построил со своей стороны оборонительный вал и производил частые вылазки, но все старания его разбивались о храбрость закаленных войск Цезаря. В это время к Помпею перебежали от Цезаря два начальника галльской конницы и указали слабое место в линии укреплений. Помпей прорвал укрепление в этом месте и нанес Цезарю тяжелое поражение: было потеряно 32 знамени, тысяча солдат пали на линии укреплений. С пленными поступили самым бесчеловечным образом: Лабиен, бывший легат Цезаря в Галлии, приказал их убить.

Однако Цезарь не потерял мужества. Он решил отступить в глубь страны, покинув неплодородную область. Горными дорогами Цезарь прошел в Фессалию, где нашел такие богатые запасы, что его солдаты, перенесшие столько лишений, смогли оправиться. Вскоре за ним последовал и Помпей.

Оба войска встретились на Фарсальской равнине. Помпей выбрал выгодную позицию

на возвышенности. Здесь он стал ожидать нападения врага. Но окружающие его лица насмехались над излишней осторожностью Помпея и говорили, что он намеренно затягивает войну, так как его честолюбию приятно как можно дольше быть предводителем столь славного войска. Помпей дал приказ готовиться к сражению. Когда Цезарю сообщили, что передовые части Помпея строятся в боевой порядок, он радостно воскликнул: «Благодарение богам! Наконец-то наступил счастливый день, когда мы будем бороться не с голодом, а с людьми».

Юлий Цезарь

Всадники Помпея под начальством Лабиена бросились вперед. Цезарь заранее выдвинул против конницы врага 6 когорт отборных воинов, лишь для виду прикрыв их небольшим отрядом всадников. С обеих сторон был дан сигнал к атаке. Конница Помпея бросилась вперед. По сигналу Цезаря его конница быстро отступила, а стоявшая за ней пехота кинулась на врага; согласно данному Цезарем распоряжению, солдаты направляли свои копья и дротики преимущественно в лица «прекрасных юных танцоров», как в насмешку называл Цезарь молодых благородных римлян. В рядах всадников произошло такое замешательство, что они поспешно обратились в бегство. Их преследовала конница Цезаря. В это время пехота Цезаря опрокинула левое крыло противника и стала угрожать его тылу. Армия Помпея не могла больше удерживать своих позиций. Сам Помпей совершенно растерялся и поспешил назад в свой лагерь. Предоставленные самим себе воины начали беспорядочное отступление, превратившееся в паническое бегство; 6.000 солдат Помпея пали на поле битвы, Цезарь же потерял убитыми 30 центурионов и всего 200 солдат. Больше 30 тысяч было взято в плен. Цезарь даровал им жизнь; лишь немногие сенаторы и всадники, отличавшиеся особой ненавистью к Цезарю, были казнены. Остатки войска Помпея были собраны Метеллом Сципионом, Афранием и Лабиеном и отведены в Эпир, а отсюда переправлены на остров Керкиру, куда бежал и Катон, бывший начальником гарнизона Диррахия. При приближении туда эскадры Цезаря все они переправились в северную Африку, куда стали стекаться спасшиеся бегством сторонники Помпея. В сопровождении лишь немногих сподвижников бежал Помпей через Темпейскую долину. В устье Пеней он сел на корабль и переправился на остров Лесбос, где находились его жена и младший сын Секст. Отсюда он направился с семьей на остров Кипр, достал здесь денег и вооружил отряд из 2.000 рабов. После некоторых колебаний он решил направиться в Египет. Там в это время царствовали юная Клеопатра и ее младший брат Птолемей Дионис.

Птолемей Дионис

Помпей надеялся, что в благодарность за помощь, которую он некогда оказал их отцу, они окажут ему гостеприимство. Помпей направился в Пелузий, расположенный в дельте Нила, и отправил посольство в царскую резиденцию с просьбой о гостеприимстве. Как раз в это время властолюбивая Клеопатра оспаривала власть у младшего брата и, собрав войске в Сирии, боролась против Птолемея. Египтом правила группа опекунов при малолетнем царе. Услышав, что Великий Помпей желает прибыть к царю, они испугались, что подобный советник может свести на нет их собственное значение. Поэтому они скрыли от царя известие о прибытии Помпея и собрались на совещание о том, что следовало предпринять. Большинство согласилось с мнением греческого ратора Теодота, который был учителем юного царя. Теодот сказал, что приемом Помпея был бы оскорблен победитель Цезарь; отказав же Помпею, можно было навлечь на себя его мщение, не приобретя в то же время и благосклонности победителя.

Колонна Помпея близ Александрии

Поэтому наилучшим выходом будет принять Помпея, а затем убить его. «Ведь мертвые не кусаются», — прибавил Теодот. Осуществить этот замысел было поручено одному из царских опекунов, египтянину Ахилле. Тот, взяв с собой бывшего центуриона Помпея Септимия, еще нескольких лиц и трех рабов, отправился в лодке к военному кораблю Помпея, который стоял на якоре на довольно значительном расстоянии от берега. Помпей с неудовольствием увидел приближающуюся к нему невзрачную рыбацью лодку. Ахилла извинился за недостойный прием тем обстоятельством, что большее судно не может подойти к кораблю из-за мелководья. Помпей, простившись со своей плачущей супругой, сошел в лодку. Во время переезда разговаривали мало. Помпей спросил Септимия: «Если не ошибаюсь, то я нахожу в тебе одного из моих старых сотоварищей?» Септимий ответил лишь мрачным кивком головы. Затем Помпей вынул пергаментный листок и набросал маленькую речь, с которой он намеревался обратиться к царю. Наконец лодка пристала к берегу. Помпей собирался выйти из нее, но в эту минуту Септимий нанес ему удар в спину. Другой удар нанес Ахилла. Безмолвно пал Помпей к ногам своего вольноотпущенника Филиппа, бывшего с ним. Супруга Помпея, увидав с сыном издали эту ужасную сцену, испустила дикий вопль. Но кормчий тотчас же снялся с якоря и поспешным бегством избавил их от подобной участи. Убийцы отрубили у трупа голову, сорвали с него перстень и бросили тело на берегу. Верный Филипп обмыл труп своего господина морской водой, завернул его вместо погребальной пелены в собственный плащ, нашел на берегу трухлявые обломки корабля и устроил погребальный костер. Пепел от сожженного тела Филипп носил с собой, пока не нашел случая передать его жене Помпея.

Несколько дней спустя в Египет прибыл Цезарь. С глубочайшим смирением встретили его царские министры и поднесли ему голову и печать Помпея на перстне. Цезарь заплакал и не захотел даже взглянуть на голову, но принял перстень. Убийцы Помпея, по приказанию Цезаря, были казнены.

Такой ужасный конец выпал на долю человека, который был долгое время любимцем фортуны. Все было к его услугам: благородная наружность, богатство, почести, слова; эти дары судьбы он возвысил еще и своими собственными добродетелями: храбростью, бескорыстием и высокой нравственностью в эпоху, преисполненную пороков и низости. Но лесть толпы оказалась для него роковой. Он возымел слишком высокое мнение о своих умственных дарованиях, в то время как большею частью своих успехов был обязан счастью.

Прежде чем продолжать преследование своих врагов, Цезарю необходимо было достать денег. Он собирался взыскать их с египтян. В поисках опоры среди местного населения Цезарь решил вернуть Клеопатру, которая была настолько благоразумна, что, по приказанию Цезаря, распустила свое войско, села в маленькую лодку и с наступлением темноты причалила к дворцу, имея при себе лишь одного спутника. Она спряталась в мешок и таким образом была доставлена во дворец к Цезарю. Цезарь был очарован ее красотой и умом и назначил ее соправительницей брата. Вмешательство во внутренние дела Египта вызвали восстание местного населения. Большинство приняло сторону юного царя. Цезарь, располагавший лишь небольшим отрядом, очутился в величайшей опасности. Враги отрезали Цезаря от кораблей и, чтобы спастись, он поджег находившийся в гавани египетский флот. Пламя охватило и часть города и уничтожило знаменитую Александрийскую библиотеку. Как раз вовремя подоспели вспомогательные войска из Сирии и Малой Азии под командованием Митридата. Египтяне выступили навстречу этому войску, высадившемуся в Пелузии и направлявшемуся к Мемфису. Но Цезарю, благодаря искусным передвижениям, удалось соединиться с Митридатом. Затем египетский лагерь был обойден с двух сторон и атакован. Множество врагов пало под ударами римских мечей, не меньше утонуло в Ниле; среди них был и юный царь. Теперь Клеопатра была объявлена царицей под верховной властью Рима, а для ее безопасности в Александрии был оставлен

сильный римский гарнизон.

В это время пришло известие, что Фарнак, сын Митридата Понтийского напал на многие римские провинции в Малой Азии, Цезарь двинулся в Азию с тремя легионами, в битве при городе Зеле дал царю сражение, уничтожил все его войско, а самого царя изгнал из Понта. Сообщая об этом в Рим и подчеркивая внезапность нападения и быстроту этой битвы, Цезарь написал: «Пришел, увидел, победил».

Между тем аристократическая партия в Риме вновь собирала свои силы. Распуская всевозможного рода слухи, например, о том, что Цезарь будто бы намерен возобновить проскрипции, партия эта старалась восстановить против Цезаря зажиточные слои населения. Цезарь явился в Рим, где был избран консулом. Его легионы, ведя со времени Фарсальской битвы праздную лагерную жизнь, значительно изменились к худшему. Из-за распространившегося духа своеволия, не признававшего дисциплины, военачальники потеряли всякую власть над солдатами. Когда солдатам было объявлено о новых походах, они отказались повиноваться до тех пор, пока им не будут выданы подарки, и убили двух бывших преторов, посланных усмирить их. Тогда к ним явился Цезарь и коротко спросил, чего они хотят. «Отставки!» — воскликнули они. «Граждане, вы свободны, — отвечал Цезарь, — что же касается наград, то вы можете попросить их в тот день, когда я буду праздновать свой триумф с другими солдатами». Смиренные и пристыженные, они просили, чтобы он по-прежнему называл их своими «соратниками». Усмирив благодаря своему бесстрашию и такту этот опасный бунт, Цезарь получил возможность вновь обратиться к борьбе со своими политическими противниками.

Приверженцы Помпея в это время собрали в Африке значительные силы из 14 легионов пехоты, 1.600 всадников, 120 боевых слонов; кроме того, у них был флот из 55 кораблей. Нумидийский царь Юба был могущественный, но самовластный и корыстолюбивый союзник. За свои услуги он требовал по меньшей мере обладание Утикой и охотно стал бы главным предводителем. Энергичному Катону обязаны были благодарностью, что дело не дошло до такого посрамления чести римского имени. По его предложению, главнокомандующим был назначен Метелл Сципион. Легатами у него стали Лабие и Петрей. Но Метелл уже в самом начале показал себя неспособным полководцем; в противном случае он мог бы воспрепятствовать высадке Цезаря или уничтожить его после высадки, так как силы Цезаря были очень незначительны: 3000 пехоты и 150 всадников.

Цезарь мог призвать свои войска лишь постепенно. Скоро его войско стало испытывать недостаток в припасах, особенно в корме для коней, приходилось кормить их морским мхом с небольшой примесью травы. Однажды во время похода, предпринятого для отыскания жизненных припасов, Цезарь понес весьма чувствительное поражение от Лабиена, и только благодаря необыкновенному стратегическому искусству ему удалось отступить в укрепленный приморский город Руспину. Положение Цезаря оказалось затруднительным. Катон вполне понимал это и настоятельно советовал, избегая открытого сражения, уничтожить войско Цезаря голодом. Но Метелл ответил на это самым грубым тоном, что Катон, сидя спокойно в Утике, не имеет права удерживать храбрых людей от смелых предприятий. Сражение произошло у города Тапс. Метеллу очень не хотелось, чтобы Цезарь захватил этот город, в котором были собраны громадные запасы продовольствия. Первым напал на врага отборный десятый легион Цезаря. С неистовым бешенством сражались легионеры, и Метелл не смог выдержать их страшного натиска. В диком замешательстве кинулись войска помпейянцев к своему лагерю. Но так как укрепление его еще не вполне было окончено, то он не стал им защитой. Произошло страшное кровопролитие: 50.000 легло мертвыми на полях Тапса; Цезарь же потерял убитыми всего 50 человек.

Бой с дикими зверями

В Утике оставался еще Катон, который тщетно старался воспламенить жителей этого

города к сопротивлению. Они благоразумно предпочли сдаться победителю. Катон подготовил корабль, чтобы на нем могли отплыть до появления Цезаря перед воротами Утики Лабиен и молодой Секст Помпей. Что касается самого Катона, то после падения республики, для которой он трудился и боролся всю свою долгую жизнь, жизнь для него потеряла всю свою цену. К тому же Катон был слишком горд, чтобы принять милость от Цезаря. С невозмутимым спокойствием вернулся Катон в свою комнату, почитал диалог Платона «Федон», в котором Сократ говорит о бессмертии души, и вонзил меч себе в грудь.

Покончил с собой и Юба. Нумидийское царство было присоединено частью к провинции «Африка», частью к Мавритании, куда в качестве проконсула был назначен историк Саллюстий.

В августе 46 года Цезарь вернулся в Рим и был принят с величайшими почестями. Его назначили диктатором на 10 лет; вместе с тем ему были переданы права цензорства и власть назначать и отрешать от должности сенаторов. В сенате Цезарь сидел рядом с консулами в курульном кресле и при голосовании первым подавал свой голос. Цезарь оказался человеком, вполне достойным подобных почестей. Великодушно даровал он почти всем беглецам позволение возвратиться на родину и старался избегать всего, что могло бы оскорбить его политических противников. Так, щадя их самолюбие, в извещении о своем триумфе Цезарь объявлял, что этот триумф будет праздноваться в честь его побед в Галлии, Египте, над Фарнаком и над Юбой. О Помпее и его приверженцах и не упоминалось. Таким образом Цезарь старался примирить с собой самых ожесточенных своих врагов. В государственную казну он внес 60.000 талантов и 2.822 золотых венка. Каждый простой солдат его войска получил подарок в 5.000 динариев, центурионы плучили вдвое, а военные трибуны вчетверо больше. Каждому жителю Рима было заплачено по одной мине. Кроме того, Цезарь раздал народу значительное количество масла и хлеба и заплатил за каждого гражданина квартирную плату за год вперед. Ветераны были наделены земельными участками. Для того, чтобы рассеять в народе мрачные воспоминания, Цезарь по целым дням забавлял его великолепными играми, каждый день одни зрелища сменялись другими. Были гладиаторские бои, травля диких зверей, охота на львов, сухопутные и морские сражения, для которых были вырыты обширные водоемы. В огромном цирке однажды сражалось 1.200 человек с 40 боевыми слонами. В заключение был дан обед, подобного которому никогда не давали: Цезарь на свой собственный счет угостил всех римлян на 22.000 столах, сверх изобильной еды на каждый стол он приказал поставить по бочке хиосского и фалернского вина из собственных погребов. Скопление народа в этот день было так велико, что многие были раздавлены в тесноте.

Однако, прежде чем получить возможность к переустройству государства, Цезарю пришлось подавить последнее сопротивление республиканской партии. Приверженцы Помпея, уничтоженные в Африке, собрались в Испании. В этой стране Помпей всегда имел много друзей, и теперь его сыновья, Гней и Секст, собрали здесь под свои знамена значительное войско. Принимали всех без разбора: беглых рабов, преступников и бродяг. Вместе с испанскими войсками войско помпейянцев состояло из 13 легионов. Самым выдающимся лицом из предводителей был Лабиен. В начале зимы Цезарь вступил со своими легионами в Испанию, но только в марте 45 года произошло решительное сражение. Неприятель находился у города Мунды. Произошло страшное побоище, самое кровавое в течение всей гражданской войны. С обеих сторон дрались с бешенством и ожесточением. Легионы Цезаря начали уже колебаться и побежали. Тогда сам Цезарь с непокрытой головой, соскочив с коня, в отчаянии бросился в ряды бегущих со словами: «Не стыдно ли вам предавать вашего полководца в руки мальчишек? В таком случае пусть будет этот день последним в моей жизни!» Этот возглас остановил отступавших. День близился к концу, а сражение все еще не было окончено. Вдруг на правом крыле неприятеля произошло замешательство, и Лабиен вывел из боевой линии 5 когорт и направил их туда. Это стало для Цезаря удобным обстоятельством, чтобы применить хитрость. Указывая на когорты, устремившиеся на правый фланг, он крикнул громовым голосом: «Они бегут!» Воскликание

это, словно по волшебству, произвело в рядах неприятеля расстройство. А солдаты Цезаря с воодушевлением бросились вперед и одержали победу. Число убитых врагов было более 30 тысяч, было захвачено 13 знамен и взято в плен 17 военачальников. Лабиен был убит. Гней Помпей был ранен, бежал, но его настигли и также убили. Сексту удалось спастись бегством. Крепость Мунда после мужественной обороны была взята. Впоследствии Цезарь говорил, что он часто сражался за победу, при Мунде же впервые сражался за жизнь.

49. Цезарь — диктатор. Законы Юлия Цезаря. Смерть его.

(45...44 г. до Р.Х.).

Возвратившись в Рим, Цезарь отпраздновал свой пятый триумф, который очень огорчил римлян: ведь Цезарь победил не варварских царей, но уничтожил детей знаменитого римлянина. Но ни сенат, ни народ не выражали свое негодование открыто, а напротив, воздали почести победителю. Цезарь был назначен пожизненным диктатором и носил почетный титул императора (верховный военачальник), как независимый представитель военной и гражданской власти. Все должности, особенно должность трибуна, имевшего обширные полномочия, были соединены в лице Цезаря. Он мог по собственному усмотрению решать все важные вопросы судопроизводства и финансовые вопросы. В качестве великого понтифика Цезарь решал и все религиозные дела. При содействии александрийского ученого Сосигена Цезарь установил новый календарь взамен пришедшего в страшный беспорядок римского календаря. Вместо лунного года в 355 дней, он принял солнечный год в 365 дней и 6 часов. Эти 6 часов создали необходимость через каждые четыре года прибавлять добавочный день. Затем Цезарь повелел чеканить монету со своим изображением, являлся публично в пурпурной тоге и с лавровым венком на голове. Его статуи были поставлены в храмах. День рождения Цезаря, приходившийся на месяц квинктилий, считался всеобщим торжеством, и этот месяц получил название «июль». Все это свидетельствовало о том, что в государственное управление вводился принцип единоличного правления. Цезарь часто сам говорил, что от республики осталось одно пустое имя, один призрак. Однако внешние формы республики сохранялись, оставалось народное собрание и сенат. Число членов сената Цезарь увеличил до 900, но принизил их значение тем, что предоставил свободный доступ в сенат иноземцам, центурионам и сыновьям вольноотпущенников.

Достигнув неограниченной диктаторской власти, Цезарь приступил к осуществлению целого ряда общепользовательных мероприятий. Для того, чтобы очистить столицу от громадного количества нищего народа, число которого достигло до 320.000 человек, он основал колонии. Туда было направлено 80.000 человек. Благодаря этой мере из Рима были удалены многие беспокойные люди, которые могли в любое время служить опасным оружием в руках честолюбивых демагогов. Чтобы доставить ремесленникам выгодный заработок, Цезарь предпринял целый ряд построек на государственный счет. Он приказал также осушить значительные пространства болот, разделил конфискованные земли между новыми поселенцами, к которым присоединил значительное число своих ветеранов.

Чтобы поднять нравственность, Цезарь издал строгие законы против роскоши, которая проявлялась в содержании слишком большого количества прислуги, в невоздержных излишествах стола, в чрезмерной роскоши в одежде, в непомерном украшении зданий, надгробных памятников и т.п. В особенности должны были быть ему благодарны должники: проценты, не взысканные за прежнее время, были признаны не подлежащими удовлетворению, а те, которые были выплачены, вычитались из основного долга. На будущее время займодавцы лишались права обращать в рабство несостоятельных должников и могли только отобрать у них в свою пользу их имущество. Не меньше услуг оказал Цезарь и провинциям, которые задыхались под гнетом злоупотреблений; их опустошали корыстолюбивые полководцы и жадные до добычи солдаты, или грабили бессовестные

наместники и податные откупщики. При Цезаре налоги и подати были уменьшены, отдача налогов и податей на откуп была отменена, а против лихоимства были изданы строгие законы. Таким образом, могли постепенно заживать те страшные раны, которые были нанесены провинциям опустошительными походами, а еще больше жестокостью и алчностью наместников. Конечно, глубоко укоренившиеся язвы, которыми страдало римское государство, всеобщую безнравственность и возрастающее обеднение народа наряду со скоплением огромных богатств в руках немногих, не мог исцелить даже организаторский талант Юлия Цезаря.

Весьма дурное впечатление произвело на народ то обстоятельство, что Цезарь вызвал в Рим египетскую царицу Клеопатру и открыто стал жить с ней; она же очень надменно обращалась с римлянами. Ненависть к Цезарю вызывало и то, что он все яснее выказывал стремление внести царское достоинство даже и во внешние формы. Он не щадил гордости оптиматов, а с сенатом обращался надменно и презрительно: при появлении сенаторов он не вставал со своего кресла. Все государственные должности он предоставлял своим любимцам, которые, со своей стороны, исполняли малейшие желания своего повелителя. Однако все их старания доставить ему царское достоинство разбивались о сопротивление народа. Когда Антоний в день пастушеского праздника Луперкалий, увидев Цезаря, одетого в пурпурную тогу и смотревшего с ораторской трибуны на торжественную процессию, приблизился к нему и хотел возложить на него царский венец, послышался громкий ропот. Цезарь счел благоразумным отклонить это почетное предложение. Всеобщий крик одобрения был наградой за отказ от этой почести. Таким образом, нечего было и помышлять получить добровольное согласие народа на восстановление этого титула. Тогда Цезарь обратился к сенату.

Цезарь представил сенату план похода против парфян. Сторонники его распространили по городу слухи, будто в древних книгах сказано, что Рим может победить парфян только тогда, когда во главе войска будет стоять царь. Опираясь на это пророчество, приверженцы Цезаря предложили разрешить ему присвоить царский титул за пределами Италии. Они полагали, что при возвращении из Парфии увенчанному славой победителю уже ничто не помешает получить царский титул. Но судьба решила иначе: уже был отточен кинжал, который готовил конец жизни и с нею вместе конец всем обширным планам Цезаря.

Римляне уже почти 550 лет не знали единовластия. В лице монарха им представлялся деспот вроде последнего римского царя Тарквиния Гордого, и они с ненавистью встречали всякую попытку преобразовать республиканское государственное устройство в монархию. Хотя в Риме часто проклинали пагубное господство черни, но всякий раз восставали против единственного средства, которое могло положить конец ее власти — монархического правления. Старое государственное устройство считалось превосходным, и нужно было лишь незначительно изменить и улучшить его. Но при этом упускалось из виду то огромное различие в положении вещей, которое было во времена предков и в данное время. Республиканское государственное устройство, при котором каждый способный гражданин мог достигать соответствующего положения в обществе, больше всего соответствовало тем временам, когда люди отличались республиканскими добродетелями: простотой, чистотой нравов, самоотверженностью. Теперь подобные добродетели совершенно исчезли, их место заняли роскошь и эгоизм, которые, подобно разрушительной болезни, потрясли основания государственных учреждений и привели к разложению общества. Плутарх говорит: «Положение государства требовало исцеления в образе монархии, и надлежало благодарить богов за то, что они в лице Цезаря послали такого снисходительного врача». Но недалекость и фанатизм не желали признавать это. Подобно Катону, которому положение государства представлялось настолько отчаянным, что в нем не мог больше жить ни один свободный человек, многие думали, что убийством императора они окажут величайшую услугу государству и заслужат бессмертную славу.

Одним из таких людей был Марк Брут, зять Катона, на которого он походил честностью и преклонением перед идеальной свободой. Его взгляды разделял и Гай Кассий

Лонгий. И Бруту, и Кассию Цезарь оказывал знаки благоволения. Когда они, будучи приверженцами Помпея, были взяты в плен в Африке, Цезарь обоим даровал жизнь, а потом обоим дал звание преторов. Что касается Брута, то Цезарь, покровительствуя ему с малолетства ради его прекрасной матери Сервии, предполагал на следующий год сделать его консулом. Тем не менее оба питали непримиримую ненависть к Цезарю. На Брута и Кассия возлагали надежды и те, которые желали смерти Цезаря, особенно Цицерон.

Единомышленники составили заговор и решили поставить во главе его Брута, так как он был храбрый полководец, правдивый человек, весьма уважаем народом и поэтому мог придать дерзкому предприятию благородный характер.

Гай Кассий

Прежде всего постарались вывести Брута из его нерешительности всякого рода записками, которые он находил по утрам на своем преторском кресле. В одной из них говорилось: «Ты не истинный Брут», в другой было: «Ты спишь, Брут?» На статую старого Брута, его предка, изгнавшего некогда Тарквиниев, часто прилепливались записки типа: «О, если б ты жил теперь!»

Эти воззвания и речи Кассия пробудили юного, пылкого потомка старинного врага тиранов от нерешительности, и Брут стал во главе заговорщиков. Их число достигало 60 человек.

В мартовские иды (иды — середина месяца) 44 года должно было происходить заседание сената, на котором предполагалось провозгласить Цезаря царем перед парфянским походом. Этот день заговорщики избрали для исполнения своего замысла. Цезарь получил многочисленные предупреждения: один гадатель предупредил Цезаря, чтобы он опасался мартовских ид; Кальпурния видела дурной сон и умоляла Цезаря не идти на заседание, сославшись на болезнь. Но утром Цезаря посетил двоюродный брат Брута и сказал ему: «Не следует оскорблять сенат, отложив рассмотрение важного вопроса». Цезарь вышел из дома. На улице один из поджидавших его приверженцев передал ему записку с сообщением о готовящемся покушении, но Цезарь, не читая, передал ее своему писцу. По дороге он встретил гадателя, предупреждавшего его об опасности. «Почему не сбывается твое предсказание? — насмешливо спросил Цезарь. — Иды марта пришли, а я еще жив». «Пришли, но не прошли», — ответил прорицатель. Когда Цезарь вошел в сенат и сел на золотое кресло, заговорщики окружили его. Один из них, Туллий Кимвр, подал ему просьбу о помиловании брата. Цезарь отклонил просьбу. Тогда остальные заговорщики приблизились к Цезарю, как бы желая лично поддержать просьбу Кимвра. Тот вдруг схватил Цезаря за тогу и стянул ее с плеч. Это было условленным знаком. Первый удар кинжалом нанес Каска, но столь неуверенно, что только легко ранил Цезаря в шею.

Марк Юний Брут

Цезарь быстро к нему повернулся и воскликнул: «Негодяй Каска! Что ты делаешь?» и схватил его за руку. Но в то же мгновение на Цезаря посыпались удары в грудь и в лицо. Убийцы действовали с такой поспешностью, что переранили друг друга. Куда бы ни поворачивался Цезарь, всюду его встречали удары. Весь в крови, он вдруг увидел, что на него устремляется и Брут. Тогда Цезарь воскликнул: «И ты, Брут?» После этого он закрыл лицо тогой и пораженный двадцатью тремя ударами пал к подножию статуи Помпея, которая стояла недалеко от его кресла. С безмолвным ужасом смотрели сенаторы на эту ужасную сцену и, не подав Цезарю помощи, бежали в залы заседания. Когда Брут после кровавого деяния хотел обратиться к сенаторам с речью, то все места оказались покинутыми.

Исполнив свой ужасный замысел, заговорщики бросились на форум и стали призывать

народ к свободе. Народ встретил это известие безмолвно; не выражая ни одобрения, ни неудовольствия. Обманутые в своих ожиданиях, страшась за свою безопасность, заговорщики укрылись в храме Капитолия. Отсюда они начали переговоры с консулом Марком Антонием и сенатом. В сенате они встретили одобрение своему злодеянию и, по предложению Цицерона, были прощены. Но Антоний не согласился на такой исход дела. Он устоил Цезарю торжественные похороны и при этом произнес горячую речь, в которой обрисовал добродетели, заслуги и сердечную заботливость Цезаря о благосостоянии народа. Когда Антоний прочел духовное завещание, по которому Цезарь завещал народу свои сады, а каждому римскому гражданину по 75 динариев, раздался громкий ропот: проклинали сенат за то, что он оставил ненаказанными убийц всеобщего благодетеля. Когда же Антоний развернул окровавленную и проколотую во многих местах тогу Цезаря, то неистовство народной толпы дошло до крайних пределов. Народ разразился громкими криками негодования и требовал мщения. Толпы устремились по улицам и бросились отыскивать убийц. Один трибун по имени Гельвий Цинна, которого толпа приняла за заговорщика того же имени, был разорван на куски. Заговорщики и другие противники Цезаря сочли благоразумным как можно скорее бежать из Рима. Брут и Кассий бежали в Македонию.

Жена Цезаря Кальпурния

Марк Антоний

Марк Антоний сразу забрал власть в свои руки. Он не замедлил воспользоваться своим могущественным положением и легко выхлопотал себе у перепуганного сената позволение собрать для личной безопасности охранную стражу. Для этого он выбрал 6.000 цезарских ветеранов. Опираясь на эту стражу, Антоний совершал бесчисленные злоупотребления с оставшимися после Цезаря письменными актами. В силу подложных распоряжений Цезаря, Антоний издал целый ряд законов и постановлений и по своему произволу распоряжался почетными должностями, наместничествами и царствами. Кто предлагал больше денег, тому присуждались почетные места, земельные угодья и целые провинции.

50. Октавиан. Мутинская война. Второй Триумвират.

(44...43 г. до Р. Х.)

В это время на политической арене появился хитрый и честолюбивый юноша, 18-летний Гай Октавиан. Он приходился внучатым племянником Юлию Цезарю, и Цезарь, не имевший сыновей, незадолго до смерти усыновил его и назначил своим наследником: по завещанию Октавиану полагалось три четверти имущества Цезаря. Узнав об убийстве Цезаря, Октавиан поспешил из Аполлонии, где он занимался науками, в Рим, чтобы получить наследство. С неудовольствием узнал Антоний о сопернике. Но еще неприятнее стало ему, когда Октавиан потребовал от него выдачи имущества Цезаря, которое Антоний большею частью уже успел присвоить. Тогда Октавиан частью из своих средств выплатил народу назначенные Цезарем деньги, чем приобрел расположение римлян. Он расположил в свою пользу и сенат скромным и вежливым обращением. Что касается Цицерона, то Октавиан, постоянно с ним советуясь, настолько сумел расположить его лестью в свою пользу, что старый, опытный государственный муж представил сенату этого юношу как спасителя, ниспосланного республике самими богами, и доставил Октавиану такой авторитет, какого он, конечно, никогда бы сам не достиг.

Видя все это, Антоний остерегался ссориться с Октавианом. Он сблизился с ним, надеясь при его помощи получить провинцию Цизальпинскую Галлию, чтобы оставаться с

войском вблизи Рима и иметь возможность, в случае благоприятных обстоятельств, напасть на столицу, подобно Цезарю. И действительно, с помощью Октавиана Антонию удалось провести в народном собрании постановление, по которому за ним была утверждена желанная провинция. Антоний тотчас поспешил туда, чтобы отнять ее у двоюродного брата Марка Брута, Децима Брута, которому она была предоставлена раньше. Брут бросился в укрепленную Мутину.

Гай Октавиан

Едва Антоний выехал из Рима, как в сенате возникло самое враждебное отношение к нему. Возбудителем такого настроения был Цицерон, который произнес 14 речей против Антония, названных им, по примеру речей Демосфена, «Филиппиками». Он называл войско Антония разбойничьей шайкой и доказывал, что в это войско стремились лишь люди, обремененные долгами, преступлениями и рассчитывающие обогатиться за счет сограждан. По наущению Цицерона в сенате было принято решение послать к Мутине обоих консулов вместе с Октавианом, который уже успел собрать к этому времени собственное войско. Октавиан вынужден был действовать сообща с врагами Цезаря, так как при этом ему представлялся удобный случай уничтожить влияние Антония. При Мутине в апреле 43 года произошли два сражения, в которых, смертельно раненые, пали оба консула. Но Антоний не устоял против соединенных войск противников, потерпел поражение и бежал к наместнику Трансальпийской Галлии, Эмилию Лепиду.

В Риме ликовали. Сенат объявил Антония врагом государства; убийцы же Цезаря были осыпаны почестями. Брут получил в свое управление Македонию, Грецию и Иллирию, Кассий — Сирию; Децим Брут был назначен главным предводителем обоих консульских войск, потерявших своих военачальников. Об Октавиане же как будто забыли. Когда он потребовал себе триумфа, ему было грубо отказано. Такое пренебрежение возбудило сильный гнев Октавиана, и он решил отомстить неблагодарному сенату, завязав отношения с Антонием. В то же время он с восемью преданными ему легионами направился к Риму и принудил напуганный сенат избрать его консулом, хотя ему было только 19 лет. Однако он не стал мстить своим противникам. Завладев государственной казной, Октавиан выплатил своим легионам обещанные награды. Теперь он сбросил с себя маску и ясно дал понять, что желает порвать всякую связь с теми, кто благоприствал убийству Цезаря; против убийц он приказал возбудить судебное преследование и отменить амнистию. Но вступить в открытую борьбу с Брутом и Кассием, которые имели в провинциях сильные войска, Октавиан получил возможность лишь после того, как он соединился с Антонием.

Между тем Антоний собрал остатки своего разбитого войска, склонил на свою сторону Лепида, наместника Испании Асиния Поллиона, наместника Северной Галлии Луция Планка, которые примкнули к нему со своими легионами. Во главе этого сильного войска Антоний двинулся к Риму. Децим Брут бежал, но вскоре был изменнически убит одним из друзей, у которого он искал убежища. Октавиан со своими легионами пошел навстречу Антонию к Бононии. Он решил заключить с Антонием союз о совместных действиях. На островке, лежащем на реке Рена близ Бононии, в течение трех дней шли переговоры, в результате которых Антоний, Октавиан и Лепид заключили союз — второй триумвират. Предметом совещания было новое устройство государства и разделение верховной власти между этими тремя лицами. В ноябре 43 года войска трех полководцев торжественно вошли в Рим. Было решено, что Октавиан на остающееся время года уступает свое консульство цезарианцу Вентидию, но вместе с Антонием и Лепидом получает право занимать государственные должности. Для скрепления союза Октавиан вступил в брак с Клодией, падчерицей Антония.

Что понимали триумвиры под выражением «восстановление порядка», не замедлило обнаружиться. Оно заключалось в истреблении их политических противников и в мести

убийцам Цезаря. Следуя примеру Суллы, триумвиры с холодным расчетом составили список тех, кого следовало убить. В этот список были внесены богатейшие из римлян под тем предлогом, что они или принимали участие в убийстве Цезаря, или радовались ему. В этот же список каждый из триумвиров внес имена своих личных врагов. К смерти было предназначено около 300 сенаторов и более 2.000 всадников. Имения их должны были быть конфискованы и предназначались на покрытие громадных расходов по содержанию войска. Антоний первым внес в список Цицерона, а Октавиан, в числе прочих, своего собственного опекуна; Лепид без малейшего возражения допустил внести в список имя своего брата.

Злополучные жители Рима и не подозревали того, что им готовилось. Был вечер, когда на улицах появились шайки убийц. Первые, кого они встретили, были четыре сенатора, внесенные в списки. Они тотчас были убиты на месте, и затем началась резня. Дома осужденных были окружены, двери выломаны и начались розыски несчастных. Благодаря наступившей ночной темноте, многим удалось спастись бегством; в их числе был и Цицерон. Всякому, укрывавшему обреченных, грозила смерть. За головы убитых была назначена плата: каждый свободнорожденный получал за голову 25.000 динариев, а раб — 10.000. Теперь узы родства, дружбы, уважения и любви потеряли всякое значение, и в городе с необузданным неистовством разразились всевозможного рода пороки и страсти. Сыновья предавали отцов, жены — мужей, рабы — своих господ, должники — кредиторов. Мостовая на улицах и полы в домах были залиты кровью убитых. Головы жертв выставлялись напоказ на ораторских кафедрах, а тела бросались в Тибр.

Но посреди этих бесчеловечных сцен еще ярче выделялись прекрасные подвиги верности, самопожертвования, сострадания и человеколюбия даже со стороны рабов. Многие из них умирали под пыткой, но не выдавали своих скрывавшихся господ. Один раб, сопровождая своего бежавшего господина, спрятал его в роще, а сам пошел отыскивать лодку. Вернувшись, он увидел, что хозяин уже окружен стражей и падает на землю, пораженный мечом начальника стражи. «Господин, — воскликнул раб, — вздохни еще раз!» И затем убил начальника стражи. «Ты отмщен!» — воскликнул он снова и пронзил мечом сам себя. Преданный раб сенатора Вентидия на глазах остальных рабов заковал своего господина в цепи. Но ночью, достав хозяину платье военачальника, а сам с сотоварищами переодевшись в солдатскую одежду, вывел их всех из города, как будто они сами шли убивать. Однажды им пришлось ночевать в одном доме с шайкой убийц, которые сообщили, что они посланы в погоню за Вентидием. «А! — сказал раб, — мы также его ищем».

Другой раб вышел навстречу убийцам в одежде своего господина. Убийцы уже хотели нанести ему удар, когда другой раб крикнул: «Это не он; я покажу вам настоящего господина, который спрятался». Он действительно указал место, где скрывался его господин, который и был убит. Но едва народ узнал об этом происшествии, как в негодовании кинулся к дому и не успокоился, пока предатель не был распят, а верный раб не получил в награду свободу.

На защиту внесенного в список дяди Антония явилась к триумвирам родная мать Антония и с благородным мужеством сказала им, что осужденный находится в ее доме и что, если его не освободят от приговора, она умрет вместе с ним. Регин, бывший некогда наместником и полководцем, с измазанным сажей лицом, переодетый угольщиком, вышел из дома, погоняя перед собой осла, нагруженного углем. Однако один солдат узнал его. За выдачу этот солдат мог бы получить деньги, но, благородный человек, он сказал Регину вполголоса: «Счастливого пути, начальник!» и спокойно пропустил его.

Вилла Цицерона в Тускуле

Жертвой этих ужасных дней стали и оба брата Цицероны. Они находились в тускуланском поместье, когда получили известие о своем приговоре. Сначала братья хотели бежать в Македонию к находящемуся там Бруту, но на путешествие не было ни денег, ни

продовольствия, поэтому Квинт решился поехать в Рим. Но едва он добрался до своего дома, как был предательски выдан, и убийцы вошли в дом. Навстречу им вышел сын Квинта и клялся, что он не знает, где его отец. Не довольствуясь его уверениями, убийцы подвергли юношу пытке огнем и тисками. С ужасом слышит спрятавшийся отец стоны и вопли терзаемого. Родительская любовь пересилила страх, и Квинт Цицерон выскочил, чтобы спасти сына. Но безжалостные убийцы умертвили их обоих.

Между тем Марк Цицерон добрался до моря и в нерешительности стоял на берегу. Сначала он приказал внести его на корабль, но потом передумал. То он хотел отправиться к Сексту Помпею, то в сердечном трепете намеревался обратиться к Октавиану с мольбой о пощаде. Наконец Цицерон приказал нести себя в свое поместье. И по дороге его настигла шайка убийц. Едва он высунул голову из носилок, как бывший военный трибун Попилий Ленас, которого Цицерон когда-то защищал в суде, нанес ему три удара мечом по шее. Попилий отнес голову Цицерона к Антонию и получил за нее в десять раз больше назначенной цены. Мстительная жена Антония, Фульвия, проколола булавками язык, который, вероятно, не щадил и ее. Затем Антоний приказал выставить голову и правую руку Цицерона перед ораторской кафедрой, украшением которой так часто был погибший.

Так трагически кончил свою жизнь величайший из римских ораторов. Он имел необыкновенный дар речи, неисчерпаемое богатство выражений, позволявшее для всякого настроения находить вполне соответствующие слова и выражения, дар убедительного и живого остроумия, звучный голос и благородную наружность. Как частный человек Цицерон обладал всеми добродетелями, которые доставляли ему любовь и уважение всех честных людей. При всеобщем разврате его чистота вдвойне достойна похвалы и уважения. Цицерон самоотверженно любил отечество и стремился к справедливости и благородству. Как политический деятель Цицерон, конечно, выказал мало проницательности и еще меньше твердости, чему много способствовало его добродушие.

Едва миновали убийства, как начались грабежи. Все жители Рима были парализованы царящим беззаконием и незащищенностью. Триумвиры ото всех требовали взносов в государственную казну. В этом отношении не пощадили даже женщин. 1.400 богатых женщин были объявлены лишенными своих имений, под тем предлогом, что они находились в родстве с убийцами Цезаря. Они явились все к триумвирам, и одна из них, дочь оратора Гортензия, подала просьбу, в которой доказывала несправедливость такого постановления. Следствием такого ходатайства было, по крайней мере, то, что триумвиры потребовали денежные взносы лишь с 400 женщин.

51. Филиппы. Антоний в Азии.

(42...41 г. до Р. Х.)

Когда государственная казна была пополнена вышеописанными способами, Антоний и Октавиан (Лепид остался в Риме) предприняли поход против стоявшего в Македонии хорошо вооруженного войска республиканцев, находившегося под командованием Брута и Кассия. Оба войска Осенью 42 года встретились при Филиппах. В каждом было около 10.000 человек. В первый день сражения Антоний обратил в бегство войско Кассия и овладел его лагерем, но Бруту удалось одержать победу над войском Октавиана, который из-за болезни пролежал в постели. Несмотря на это, Кассий полагал, что все уже потеряно и приказал заколоть себя одному из вольноотпущенников. Потеря этого полководца была роковой. Через 20 дней на том же месте произошло второе сражение, в котором победу одержал Антоний. Брут в отчаянии бросился на свой меч. Примеру Брута последовали многие из его единомышленников. Супруга его, Порция, дочь Катона, лишила себя жизни, проглотив горячие уголья.

С поражением при Филиппах дело республиканцев было безнадежно проиграно. Победенные большей частью перешли на сторону триумвиров. Оставался один только

Секст Помпей, который со своим флотом захватывал корабли с хлебом у Сицилии.

После победы Антоний с шестью легионами отправился на Востер чтобы наказать тамошних владетелей за помощь, которую они оказывали республиканцам. Все затрепетали перед его гневом и старались подобострастным приемом добиться его милостивого обращения. В Эфесе его приветствовали, как бога Диониса. Горожане вышли навстречу переодетые сатирами и вакханками, неся в руках мехи с вином и тирсовые посохи. Музыканты и танцоры шли перед Антонием. И вот сладострастный полководец предался всевозможного рода наслаждениям, а в это время его уполномоченные требовали с жителей чудовищных налогов.

Клеопатра

Во время пребывания Антония в Тарсе, главном городе Киликии, сюда была призвана к ответу и египетская царица Клеопатра: она должна была оправдаться по поводу поддержки, оказанной ею Кассию. Клеопатра, которой был известен характер Антония, хорошо знала, чем она может его обезоружить. Может быть, она даже надеялась достигнуть той цели, которой помешала преждевременная смерть Цезаря: сделаться повелительницей римлян. Она прибыла в Таре морем и совершила свой въезд в город в образе Афродиты на роскошном корабле. Весла на нем были серебряные, корма позолоченная, паруса пурпурные. Равномерный плеск весел сопровождался сладостной музыкой, а множество красивых мальчиков и девочек, одетых амурами, следовали на лодках за кораблем или окружали свою повелительницу, которая всех затмевала красотой. Жители Тарса и соседних городов теснились несметными толпами на берегу, чтобы взглянуть на шествие «богини», и восторженные голоса повсюду восклицали: «Афродита едет к Дионису!»

Клеопатра достигла своей цели. Благодаря присущему ей остроумию и вкусу, она целым рядом заманчивых забав и наслаждений настолько приковала к себе восхищенного полководца, что он с первого дня уже не помышлял ни о чем другом, как только жить для Клеопатры и пользоваться ее любовью. Пиршества и развлечения, в устройстве которых Антоний и Клеопатра старались превзойти друг друга, составляли их единственное времяпрепровождение. За столом Клеопатры однажды был подан самый дорогой напиток: жемчужина, растворенная в уксусе.

С каждым днем Антоний все больше забывал свое достоинство и свои дела и, наконец, отправился с Клеопатрой в ее столицу, Александрию.

52. Перусианская война. Секст Помпей. Лепид.

(41...36 г. до Р. Х.)

После сражений при Филиппах Октавиан, согласно уговору, возвратился в Рим, чтобы произвести награждение ветеранов обещанными им землями. Но в столице он нашел положение вещей совершенно изменившимся. Здесь господствовала честолюбивая и пронырливая Фульвия, которая полностью управляла своим деверем Луцием Антонием, консулом 41 года. Опасаясь, что разделом земель Октавиан может получить перевес в популярности у солдат, Фульвия старалась помешать этому хитростью. По ее совету Антоний должен был приостановить этот раздел и взамен обещать солдатам денежные награды. Но ветеранам не понравилось такое распоряжение, и на своем собрании в Габиях они объявили себя на стороне Октавиана. Тогда консул и Фульвия обратились к сенату и думали привлечь его на свою сторону лстивым объявлением, что они имеют от Марка Антония поручение расторгнуть триумвират и восстановить прежний законный порядок вещей. Это подействовало. В скором времени 17 легионов стали на сторону консула, под знамена которого спешили все те, кто видел, что раздел поместий угрожает потерей их

собственности. Однако закаленных в боях ветеранов Октавиана не особенно уstraшили эти, хотя и многочисленные, но наскоро составленные легионы.

Фульвия

Луцию Антонию пришлось самому вскоре убедиться в этом, и он укрылся в сильно укрепленной Перусии. Здесь осадил его Октавиан. В крепости, недостаточно снабженной провиантом, скоро наступил сильный голод, и через несколько месяцев консул со своим войском, значительно уменьшившимся от голода, вынужден был сдаться. Октавиан, подобно своему великому родственнику, явил себя великодушным победителем. Консул и войско должны были положить оружие и торжественно присягнуть в покорности и послушании. Жизнью поплатились только 300 сенаторов и всадников. Фульвия бежала в Афины, куда Марк Антоний прибыл весной 40 года. Антоний очень хорошо понимал, что Фульвия главным образом для того затеяла ссору с Октавианом, чтобы вырвать мужа из сетей Клеопатры и заставить его вернуться в Италию. Поэтому его прием был далеко не ласковым. Между Антонием и Фульвией происходили самые бурные сцены, которые настолько расстроили здоровье Фульвии, что она вскоре умерла в греческом городе Сикионе.

Марк Антоний пригласил Октавиана на свидание в Брундизии. Здесь оба триумвира примирились и заключили новый договор о разделе, по которому Антоний получил в свое управление все области, лежавшие на восток от реки Скод-ры в Иллирии, а Октавиан — на запад; что же касалось Италии, то она должна была оставаться в общем их владении. Лепид, на которого начинали уже смотреть, как на лицо второстепенное, удержал в своем управлении Африку. Народ и войско радовались водворившемуся согласию. Чтобы еще больше укрепить взаимную связь, Антоний женился на прекрасной и добродетельной Октавии, сводной сестре Октавиана. Казалось, что в лице благородной Октавии добрый гений Антония в последний раз протянул ему дружескую руку помощи. Октавия последовала за Антонием в Афины, где он провел зиму с 39 на 38 год.

При заключении договора в Брундизии триумвиры не обратили должного внимания на Секста Помпея, хотя очень важно было примириться с этим опасным врагом, который со своими разбойничьими кораблями грабил и опустошал приморские города и отрезал подвоз хлеба в Италию. Они постарались загладить свой промах тем, что пригласили Помпея для переговоров в Мизену. Здесь с ним был заключен договор, по которому ему были обещаны Сицилия, Сардиния, Корсика и Ахайя с тем условием, чтобы он не затруднял подвоз хлеба и не принимал к себе перебежчиков и рабов. Договор был скреплен торжественным обещанием и взаимными обьятиями.

Лепид

Казалось, что теперь мир Италии обеспечен. Но договор с Помпеем не был выполнен со стороны Антония, который отказался передать Помпею Ахайю, и Помпей снова возобновил разбойничью войну. Это вынудило Октавиана принять решительные меры. Он собрал большой флот, поставил во главе его талантливый предводитель Вивсания Агриппу и послал против Помпея. Но малоподвижные корабли Октавиана далеко уступали быстроходным, с опытным экипажем судам Помпея, и флот Октавиана потерпел несколько поражений. Наконец Антоний, с которым Октавиан имел личное свидание в Таренте, прислал на помощь 120 кораблей. В 36 году до Р. Х. Агриппа напал на флот Помпея при Милах, у северного побережья Сицилии, и нанес ему такое поражение, что из 300 кораблей Помпею удалось спасти только 17. Он бежал в Азию и через год был убит там, вероятно, по приказанию Антония.

Между тем Лепид, который весьма неохотно помогал Октавиану, не хотел пропустить

благоприятного случая завладеть Сицилией. В первый раз этот слабохарактерный человек проявил энергию. Он осадил Мессану, взял ее и отдал этот богатый торговый город своим легионам на разграбление. Этим он рассчитывал сильнее привязать к себе солдат, но обманулся в ожиданиях. Когда против него выступил Октавиан, легионы Лепида перешли к нему. Лепид бросился к ногам победителя и просил его о пощаде. Октавиан отправил его в Рим, где он, сохранив звание верховного жреца, не вмешивался больше в политические распри и мирно жил, скончавшись в 13 году до Р. Х.

53. Антоний и парфяне. Третья гражданская война.

(36...30 г. до Р. Х.)

В то время, как Октавиан принимал в Риме поздравления по случаю победы над Помпеем, Антоний предпринял крайне трудный поход против парфян, которые под предводительством Лабиена, сына знаменитого легата Цезаря, вторглись в римские владения и стали опустошать их. Сначала против опасного врага удачно действовал легат Вентидий. Но затем Антоний стал завидовать победным лаврам своего легата и решил сам вести войну против воинственных парфян. К этому времени он снова призвал к себе Клеопатру и в 36 году с войском в 100.000 человек, к которому присоединился царь Армении Артавазд, Антоний выступил в поход и дошел до Евфрата.

Артавазд

Отсюда Клеопатра вернулась назад, Антоний же двинулся дальше в Мидию, находившуюся в союзе с парфянами, и осадил ее столицу Фраату. Между тем парфяне напали на его легата Статиана и истребили как его войско, так и осадные машины, которые тот должен был доставить Антонию. Сам Антоний испытывал невероятные трудности от холода, голода и беспрестанных нападений неприятеля, который избегал решительного сражения. В довершение всего Артавазд вероломно покинул римлян, и Антонию не оставалось ничего другого, как отступить. При отступлении Антоний потерял много людей, погибших частью от голода и истощения сил, частью от стрел врага.

Антоний вернулся в Сирию, где его уже ждала Клеопатра. Он отправился с нею в Александрию и провел там зиму в обычных своих развлечениях и пирах. Здесь он получил известие, что его жена Октавия выехала из Рима, везет с собой две тысячи хорошо вооруженных воинов, выючный скот, запасы одежды и подарки и хочет посетить его. Весть эта была громовым ударом для Антония. Он написал Октавии, чтобы она остановилась в Афинах и не ехала дальше. Октавия послушалась и осталась с детьми в Афинах. Октавиан советовал ей не переносить такого позора, а вернуться к нему в Рим. Прежде чем сделать это, Октавия написала Антонию следующее: «Если ты не желаешь меня видеть, то уведоь меня, куда я должна послать деньги и войска, запас одежды и оружие, которые я привезла с собой и которыми хотела доставить тебе неожиданный сюрприз». Антоний не остался равнодушным к такому великодушию, но Клеопатра не дала ему времени опомниться. Она являлась к Антонию с заплаканными глазами, а ее прислужницы уверяли его, что она умрет, если он ее разлюбит. Продажные придворные убеждали Антония в том, что Клеопатра и есть его настоящая супруга, так как она из любви к нему пожертвовала своим добрым именем и своим царским достоинством; что Октавия стала его женой лишь в силу договора и что она разыгрывает великодушие только по наущению своего брата.

Весной 34 года Антоний вторгся в Армению, чтобы отомстить вероломному Артавазду. Римское войско быстрым маршем дошло до столицы Армении Артаксаты. Артавазд, поссорившийся перед этим с парфянами, был брошен на произвол судьбы и сдался. Антоний привез его вместе с детьми в Александрию, где провел в серебряных цепях при торжестве

своей победы.

Птолемей Цезарион

Клеопатру Антоний возвел в сан «царицы царей», подарил ей Сирию, Финикию, Киликию и Армению. Юного Цезариона, сына Цезаря и Клеопатры, он награждал Египтом, Африкой, Кипром и Келесирией. Это было для римлян слишком много. Они почувствовали, какое оскорбление было нанесено их гордости подобным пожалованием титулов и раздачей провинций чужестранцам. Этим настроением ловко воспользовался Октавиан. Он обвинил в сенате Антония в том, что тот своими поступками нанес римскому имени величайшее оскорбление, а своим походом против парфян повредил также и воинской части римлян. Напрасно защищали Антония оба консула, являвшихся его сторонниками. Сенат отрешил Антония от всех его должностей и объявил войну Клеопатре.

Антоний, узнав о положении вещей в Риме, послал Октавии разводную. Этим он порвал последнюю связь с Октавианом. Свой лагерь он перенес в Патры и провел здесь зиму в роскошных празднествах, вместо того, чтобы немедленно вооружить войско и флот, напасть на не подготовленного еще к войне Октавиана и нанести ему решительный удар. В это время Антоний имел перевес над своим противником в сухопутных и морских силах, так как в его распоряжении был весь Восток и Греция. Но у Октавиана были более преданные военачальники и более верные солдаты. Кроме того, его небольшие корабли были гораздо подвижнее, морских громад Антония.

2 сентября 31 года произошло решающее сражение у мыса Акция в западной Греции. Перед входом в бухту стояли исполинские корабли Антония, а позади них 60 египетских кораблей Клеопатры. На расстоянии 8 стадиев (около 4,5 км) от них в открытом море были расположены полукругом корабли Октавиана. Вивсаний Агриппа, начальник флота Октавиана, не мог напасть с фронта на плотно стоявшую линию громадных кораблей Антония, поэтому старался разделить их, чтобы напасть на каждый корабль отдельно. Искусными маневрами Агриппе удалось выманить вперед оба неприятельских крыла. Легкие и подвижные суда Агриппы окружали одиночные корабли Антония. Исход битвы долго оставался неопределенным. Но тут произошло совершенно неожиданное обстоятельство: все 60 кораблей Клеопатры подняли паруса и обратились в бегство, пробиваясь сквозь сражающиеся корабли. Антоний, узнав корабль Клеопатры по пурпурным парусам, бросил свой флот на произвол судьбы и на быстроходном корабле помчался за царицей. Остальные корабли еще некоторое время продолжали сражаться, пока Агриппа не зажег большинство их. Флот Антония потерпел сокрушительное поражение. Остававшиеся на берегу легионы Антония нетерпеливо ожидали своего недостойного полководца. Тщетно прождав его семь дней, войско сложило оружие и перешло к Октавиану.

Агриппа

Между тем Антоний и Клеопатра достигли Александрии. В течение трех дней Антоний не удостоивал виновницу своего падения ни словом, ни взглядом. В безнадежном отчаянии он даже собирался выстроить на выдававшемся мысу дом, в котором намеревался провести остаток своих дней. Но Клеопатра вновь пустила в ход все свои чары, и Антоний опять стал вести жизнь, наполненную пирами и развлечениями.

Летом 30-го года Октавиан с сильным войском вторгся в Египет. Антоний со своими легионами бросился навстречу неприятелю. Октавиан в дружеском письме дал понять Клеопатре, что она может спасти себе жизнь и престол, если пожертвует Антонием. Она ни минуты не задумывалась пожертвовать своим возлюбленным. Между тем Антоний вел

безнадежную борьбу с Октавианом. По распоряжению Клеопатры, прежде всего сдался Пелузий, важный пограничный город, ключ нильской долины. Когда Октавиан подошел к Канопским воротам Александрии, Антоний во главе своей конницы оказал яростное сопротивление. То была последняя вспышка его счастливой звезды, после которой она закатилась навеки. Уже на следующий день Антонию пришлось с ужасом увидеть, как его легионы переходят на сторону Октавиана. Он поспешил отступить в город, где покончил с собой, бросившись на меч.

В тот же день Октавиан въехал в Александрию. Клеопатра просила его о свидании, надеясь привлечь к себе и этого победителя. Но Октавиан остался холоден. Со словами: «Не унывай, царица!» он оставил ее роскошный покой. Клеопатра угадала, что он предназначал ее для своего триумфа в Риме и не пожелала пережить этого позора, отравившись вместе с преданными ей прислужницами. В предсмертном письме она просила похоронить ее рядом с Антонием. Просьба ее была исполнена. Было ей в это время сорок лет.

Египет был обращен в римскую провинцию, и управление им было поручено наместнику, назначенному Октавианом. По возвращении в Рим победитель три дня праздновал триумф, во время которого в торжественной процессии шли дети Клеопатры и несли ее сокровища. Сенат поднес Октавиану титул императора. Сам он пожелал называться «Цезарем», и это имя стало почетным титулом всех следовавших за ним правителей римского государства.

54. Походы Августа против германцев. Домашняя жизнь Августа. Смерть его.

(30 г. до Р. Х. — 4 г. п. Р. Х.).

Октавиан стал неограниченным властителем. Непримиимые республиканцы покоились на полях сражений; сенат был послушным орудием его воли. Народ, утомленный внутренними смутами, страстно желал спокойствия и порядка и был доволен, что ему представляется возможность жить в праздной безопасности. Он жаждал лишь «хлеба и зрелищ». Октавиан всегда заботился о том, чтобы порадовать народ великолепными общественными играми и привлечь к себе граждан и войско богатыми подарками. Состоятельные и знатные люди радовались возможности беспрепятственно заниматься науками и искусствами. Всем надоели политические раздоры, и все с радостью приветствовали наступивший мир и спокойствие.

Однако Октавиан не сразу получил такую самодержавную власть, которой пользовался его приемный отец. Он старался достигнуть ее постепенно и с крайней осторожностью.

Октавиан Август

Хотя полномочия всех государственных должностей и сосредоточились в особе Октавиана, тем не менее внешне все государственные учреждения сохраняли старые названия и формы. К сенату он относился с большим уважением. Недостойных членов сената, которые были назначены прежними властителями не по заслугам, он удалял под разными благовидными предлогами. Время от времени он даже разыгрывал комедию, представляясь утомленным властью, он возвращал ее сенату и затем, как бы уступая неотступным просьбам сенаторов, соглашался вновь взять в свои руки бразды правления, но всегда, по его любимому выражению, лишь в качестве председателя сената — принцепса. Таким образом, римляне еще долгое время пребывали в приятном заблуждении, что они

живут все еще при республиканском строе.

Меценат

Сенат постепенно передавал Октавиану все большие и большие полномочия в управлении государством. В 27 году до Р. Х. Октавиан получил неограниченное главное командование всеми военными силами государства и вместе с тем пожизненное звание императора. Сенат удостоил Октавиана почетным титулом «Август», что означает «священный», а месяц секстилий был переименован в его честь в август. Когда Октавиан заболел, а потом выздоровел, сенат, желая выразить ему свою радость по этому случаю, в торжественном заседании передал ему пожизненно должность трибуна. Этим самым указывалось, что народ должен обращаться к Августу по всем вопросам права, защиты и ходатайства. Несколько лет спустя Август был провозглашен пожизненным консулом, а когда умер Лепид, он был назначен и верховным жрецом. Таким образом, в особе Августа соединились полномочия по управлению всеми государственными и религиозными делами.

Арминий

Народное собрание потеряло почти все свое значение. Советниками Августа были его полководец и зять Вивсаний Агриппа и богатый всадник Меценат. Важнейшими государственными сановниками, являвшимися представителями императора, были правитель города — префект и начальник телохранителей — претор. Префект должен был заботиться о спокойствии и порядке в столице, а претор командовал войсками, расположенными в Риме и Италии, но главным образом начальствовал над телохранителями — преторской когортой. Значение этих двух сановников все усиливалось с течением времени, и дальше мы увидим, что их власть часто становилась опасной для императоров.

Август доставил римскому народу умиротворяющее зрелище — двери храма Януса, которые почти 200 лет оставались открытыми, были, в знак мира, закрыты.

Но для обеспечения безопасности государства на северных границах пришлось вести войны с германцами. Походы против этого воинственного народа возглавили пасынки Августа — Друз и Тиберий. Август приказал многих сыновей германских вождей воспитывать в Риме. В их числе находился юный Арминий, на которого блеск римской столицы, ее удовольствия и образ жизни произвели удручающее впечатление. Ему были противны роскошная жизнь и низкопоклонство выродившихся римлян. Однако он затаил в душе свои чувства, чтобы до поры до времени римляне не заметили его замыслов. Когда наместником Германии стал Квинтилий Вар, человек алчный и безрассудный, то любовь к свободе пробудилась у германцев с невиданной силой. Вар еще раньше обесславил себя управлением в Сирии, куда он вступил бедным, а вернулся богачом. Он и Германию намеревался истощить грабежами и поставками всевозможного рода припасов и задумал ввести в ней римское судопроизводство.

Туснельда

За самые незначительные проступки Вар приказывал наказывать розгами и даже казнить свободных германцев. В его управление туда хлынула толпа римских чиновников, писцов, менял и сборщиков податей, которые использовали в своих целях неопытность простодушного, непросвещенного народа. Но, наконец, сердца свободолюбивых германцев преисполнились гневом. Под руководством Арминия возник союз племен для низвержения власти римлян. Согласно договору, одно из племен должно было восстать против римлян.

При этом рассчитывали, что Вар выступит против этого племени и будет вынужден действовать в неблагоприятной для него местности. Этот план вполне удался. Несмотря на предостережение одного из германских вождей, дочь которого Туснельду похитил Арминий, Вар с тремя испытанными легионами выступил в поход для восстановления спокойствия. Но Арминий со своими войсками направился по кратчайшей, известной одним местным жителям, дороге в тыл к римлянам. Когда они вступили в Тевтобургские лесистые горы, то увидели, что дальнейший путь прегражден засеками из деревьев, глубокими оврагами, болотами и непроходимым лесом. В тылу их внезапно как бы выросли из земли войска неприятеля. Мстители появлялись и исчезали, как ночные тени. Вечером Вар приказал войску остановиться, укрепить, насколько это было возможно, лагерь и сжечь весь излишний обоз, чтобы не затруднять походного движения.

Юлия

Ливия

На следующий день войско уже в лучшем порядке, но постоянно окруженное германцами, продолжало путь по открытой местности и вступило на болотистую, покрытую лесом равнину. Здесь каждый куст вдруг точно ожил. Из каждой горной расселины появились враги, и в римлян полетели тучи стрел. Само небо явилось на помощь германцам: началась буря, полил дождь. Когда вслед за второй беспокойной ночью, во время которой римляне ни на одну минуту не переставали слышать воинственные клики германцев, наступила третья, то они с ужасом увидели, как поредели их ряды, а со всех сторон их окружают германцы. При всей храбрости римлянам оставался один удел — смерть. Как валятся колосья от града, так падали храбрейшие из римлян под ударами германцев. Варом овладело отчаяние, и он бросился на свой меч. Пленные частью были принесены в жертву богам, частью уведены в германские поселения в качестве рабов.

Получив известие об этом страшном поражении, Август потерял присутствие духа. Он восклицал в отчаянии: «Вар, Вар, отдай мне мои легионы!» Опасались, что германцы, как некогда кимвры и тевтоны, могут предпринять поход на Италию. Но на этот раз германцы удовлетворялись тем, что разрушили римские крепости между Рейном и Везером.

Что касается семейной жизни Августа, то он не был счастлив. Судьба как бы послала на его дом проклятие, которое тяготело на нем в течение десятилетий. Дочь Августа от его брака со Скрибонией, Юлия, вела самую распутную жизнь; она была замужем сначала за Марцеллом, сыном Октавии, затем за Агриппой и наконец за Тиберием. Вторая жена Августа, властолюбивая и коварная Ливия, отравила его любимых внуков Гая Цезаря и Луция Цезаря, сыновей Агриппы; третьего, Агриппу Постумия, она умертвила с помощью подосланных убийц уже после смерти Августа, и все это с целью обеспечить престолонаследие за своими сыновьями — Тиберием и Друзом от ее первого брака с Тиберием Клавдием Нероном. Ее даже обвиняли в том, что она с помощью яда ускорила смерть самого Августа. Летом 14 года п. Р. Х., спасаясь от римской жары, Август отправился в город Нолу, где заболел и умер на 76-м году своей жизни. Почувствовав приближение смерти, Август, говорят, спросил стоявших около него друзей, искусно ли он сыграл комедию своей жизни. Получив утвердительный ответ, он сказал им: «В таком случае рукоплещите мне, друзья мои!» Ливия скрывала смерть императора до тех пор, пока из Иллирии не прибыл Тиберий, чтобы получить престол. Постановлением сената Август был причислен к лику богов и ему были воздвигнуты храмы и при них назначены для служения жрецы.

55. Состояние государства при Августе. Золотой век римской

литературы.

Упрочив свое положение, Август приступил к новому устройству громадного государства. Оно было разделено на наместничества, правители которых являлись лично ответственными перед императором. Там было сооружено множество крепостей, основаны военные колонии, в которых находилось около 25 легионов под начальством легатов для охранения порядка. Уничтожив произвольные грабительства и введя более справедливую и равномерную систему взимания податей и налогов, Август достиг того, что провинции, истощенные непомерными поборами алчных наместников и бедствиями гражданской войны, получили возможность восстановить свои силы. Под покровом наступившего мира вновь расцвели ремесла и торговля. Возможность вывозить сырые продукты и ремесленные изделия послужила источником благосостояния и богатства. Полудикие народы, как например, испанцы и галлы, были цивилизованы — их приучили к земледелию и оседлой жизни. Август также положил основание обширной системе путей сообщения с целью ближе связать провинции как между собой, так и с Римом. Построенные во времена Августа дороги еще и теперь вызывают удивление своей прочностью и искусством.

Нравственное состояние Италии и в особенности ее столицы Рима со времен Гракхов вследствие продолжительных политических смут, находилось в самом ужасном состоянии. Добродетели старого времени: простота, самоотверженная любовь к отечеству, храбрость, любовь к свободе и благочестие больше не существовали; взамен развились зловредные пороки: роскошь и изнеженность, себялюбие, распущенность и алчность. Там, где прежде действиями граждан руководили чувства гордости и собственного достоинства, теперь царил дух раболепия и низкопоклонства. Несоразмерность между имущим и неимущим классами была поразительна. Не существовало зажиточного среднего сословия: были только богатые и бедные. Столица была переполнена людьми, не имевшими пристанища. Большинство не желало работать и предпочитало в качестве нищих и бродяг предаваться праздности и лени. В результате войн появилось бесчисленное множество рабов, которые выполняли все работы в богатых семействах сенаторов и всадников. Государству приходилось содержать при помощи даровой раздачи хлеба до полумиллиона людей. Чтобы избавиться от этой массы бездомных людей, пролетариев, грозивших общественной безопасности, Август, по примеру Цезаря, создавал колонии.

Мост Августа в Римини

Он вновь заселил опустевшие во время гражданской войны области Италии и поддерживал поселенцев, назначая им награды и поощряя их различными льготами и привилегиями к занятию земледелием и ремеслами.

Чрезмерной роскоши и распутной жизни богатых людей Август старался противодействовать частью строгими постановлениями, частью своим собственным примером простоты и воздержности. Однако позже мы увидим, что все эти меры могли лишь на короткое время приостановить быстрый упадок нравственности римлян и только задержать его в стремительном падении, но были не в силах повлиять на более продолжительное время.

Более трети доходов от податей и налогов уходило на содержание войска и флота, на жалования государственным чиновникам и наместникам провинций, а также на раздачу хлеба бедным. Остальные доходы шли на восстановление торговли, возведение храмов, дворцов, рынков, водопроводов и в особенности на украшение столицы. Август впоследствии с гордостью сказал, что он «принял город кирпичным, а оставляет его мраморным».

Подобно тому, как замечательные произведения греческих художников и скульпторов были перевезены в Рим и красовались во дворцах и загородных домах богатых римлян, сюда

проникли и сокровища греческой литературы. Со времени уничтожения самостоятельного существования своего отечества, греки все в большем и большем числе наполняли собой Рим.

Принесенная ими культура нашла у римлян весьма благоприятную почву. Воспитание знатного римского юношества было почти исключительно отдано в руки ученых греков. Для завершения образования римских юношей отправляли в умственные центры Греции: Афины, Родос и т.п. Греческая грамматика и риторика составляли главные предметы изучения в римских школах. Были разработаны и нормы латинского языка и доведены до высокой степени совершенства. В этом отношении наибольшую заслугу признают за оратором Марком Туллем Цицероном. В своих философских сочинениях, речах и письмах он довел латинский язык до классического совершенства. Заслуживает удивления гладкий слог, тщательное построение периодов, искусная внутренняя и внешняя последовательная связь предложений, благозвучность и гибкость способа выражения. Отличным слогом писали и Юлий Цезарь, и историк Саллюстий Крисп (86 — 35 г. до Р. Х.).

Саллюстий

Век Августа являет собой целый ряд славных римских писателей.

Вергилий

Как сам Август, так и его друзья, Меценат, Агриппа, Асиний Поллион широко покровительствовали талантливым поэтам. Это время назвали «золотым веком» римской литературы. В области поэзии блистал эпический поэт Публий Вергилий Марон (70 — 19 г. до Р. Х.), подражавший Гомеру в поэме «Энеида», где он прославил Энея как родоначальника дома Юлиев, к которому принадлежал Август. Замечательными лириками были Квинт Гораций Флакк (65 — 8 г. до Р. Х.), Тибулл (50 — 19 г. до Р. Х.) и Проперций (47 — 15 г. до Р. Х.); в одном ряду с ними по звучности стиха стоит «певец любви» Публий Овидий Назон (43 — 18 г. после Р. Х.). В области истории выдается Тит Ливий (59 — 17 г. п. Р. Х.). С обворожительной задушевностью рассматривает он мощные образы из прошлых времен Рима. Он живо рисует читателю характеры и действия исторических лиц. Его римская история, начиная от основания города Рима, благодаря ее увлекательному, живому и трогательному изображению сделалась истинно национальным творением.

Ко времени Августа относится также систематическая разработка законовещения. Законовещение — совершенно римский продукт — это создание римского гения, направленного преимущественно на практическую разработку этой науки. Первым римским законоводителем считают Квинта Муция Сцеволу (консул 95 и 82 г. до Р. Х.). Во время Августа разработкой законовещения занимались известные юристы: Сабин, Кассий Лонгин и Антистий Лабейон. Они были предшественниками знаменитых ученых законоведов Папиниана, казнённого при Каракалле, и Ульпиана, убитого в 228 году п. Р. Х. во время мятежа преторианцев.

Гораций

Полное собрание римского права («Корпус гражданского права») было издано гораздо позднее — при восточно-римском императоре Юстиниане (527 — 565 г.) ученым законоводителем Трибонианом.

56. Иудеи. Иисус Христос.

Что происходило в I веке до Р. Х. в Иудее Помпей, как уже говорилось выше, признал первосвященником и главой Иудеи Гиркана, происходившего из рода Маккавеев. Но вскоре хитрому идумею Антипатру, который во время предшествующих войн снискал расположение римлян, удалось добиться того, что они передали ему светскую власть над Иудеей, Иссахарией и Галилеей. За Гирканом остался только сан первосвященника. Антипатр выхлопотал иудеям право жить свободно, по своим отечественным законам и добился значительного уменьшения налогов, которые они платили римлянам.

Золотые ворота Иерусалимскою храма

За это подданные полюбили его настолько, что он мог отважиться посадить своего сына, энергичного и честолюбивого Ирода, наместником в Галилею.

Когда в Сирию явился триумvir Антоний, то Ироду удалось приобрести его расположение, и он был назначен соправителем Иудеи. Но Антигон, племянник первосвященника Гиркана, стал оспаривать у него власть. Он призвал себе на помощь парфянские войска, изгнал Ирода, овладел Иерусалимом и здесь был с радостью признан царем истинно верующими иудеями, которые гнушались идумеем Иродом, как чужеземцем. Тогда Ирод обратился к Риму. Антоний и Октавиан признали его царем Иудеи.

Затем Ирод собрал наемное войско и высадился с ним в Птолемаиде. Три года свирепствовала ужасная война. Ирод всюду выходил победителем. Сопrotивлялся один только Иерусалим, в котором укрылись знатнейшие иудеи, в особенности фанатическая секта фарисеев. Однако под конец столица была принуждена к сдаче голодом. Антигон, последний из Маккавеев, был взят в плен и казнен. Ирод правил с титулом царя под римским покровительством от 30 года до Р. Х. по 6 год по Р. Х. Его правление по наружности было блестящее. Торговля и промышленность вновь расцвели, Иерусалим значительно украсился. Иерусалимский храм был вновь отстроен и притом с таким великолепием, что считался среди чудес древнего мира. Но превосходные качества, которые Ирод проявил как правитель, были затемнены пороками и преступлениями, которыми он омрачил свое правление. Ирод совершал жестокость за жестокостью. Он начал с того, что приказал казнить 45 приверженцев Антигона, большей частью членов верховного совета — синедриона. С дьявольской злостью неистовствовал Ирод над членами рода Маккавеев. Он умертвил своего тестя, первосвященника Гиркана, зятя Аристобула, собственную супругу Мариамну, дочь Гиркана, мать ее Александру и сыновей этой последней, Александра и Аристобула. Вследствие всего этого Ирод до такой степени сделался ненавистен, что иудеи несказанно обрадовались, когда смерть избавила их от этого тирана. Сыновья и преемники Ирода были настолько же жестоки, но не так умны и энергичны, как он. Обиженный народ обратился, наконец, с мольбой о помощи к римлянам. Август постановил, что Иудея должна находиться под непосредственной властью Рима с подчинением наместнику Сирии и под управлением прокуратора.

Еще в правление Ирода родился Иисус Христос. Настало время, то есть наступили те условия, при которых Мессия должен был явиться в мир. Язычество в своих блистательных произведениях в области науки и искусства достигло своего апогея. Все, что могла дать человеческая мудрость, было достигнуто. Равным образом и политическая форма мира достигла своего величайшего развития. Римское государство сделалось всемирным государством, захватило в свои мощные руки все просвещенные государства тогдашнего мира и поглотило в недрах своих все блага и сокровища.

Голова Христа (Со стенной картины в катакомбах Св. Понтиана)

Но несмотря на весь внешний блеск, от внимательного наблюдателя не могла укрыться внутренняя порча того времени. Религия и нравственность глубоко пали. Языческая религия не имела уже более никакой власти над сердцами народов, она изжила себя. Потребность людей с возвышенным умом и характером давно уже не удовлетворялась учением о богах. Вследствие этого они обратились к таинственным обрядам (мистериям), но и в них нашли лишь мучительные разочарования.

Глубокое, страстное желание явления Спасителя и Избавителя охватило все древнее человечество. Уже давно пророки и поэты указывали на близкое пришествие Его. В особенности это можно видеть у иудеев. Они с уверенностью надеялись на скорое пришествие Мессии, который исполнит законы Моисея и довершит царство Божие. Конечно, под именем Мессии они подразумевали лишь земного вождя, второго Давида, который должен был привести свой народ к земному могуществу и освободить его от чужеземного ига. Этот последний взгляд составлял особенность тогдашних влиятельных партий иудейского народа, фарисеев и саддукеев. Поэтому они не в состоянии были воспринять ясного и верного понятия о великом таинстве, которое представляло собой вочеловечение Сына Божия.

Гордые демагоги не могли представить себе Мессию в образе сына бедного плотника. Но они обманулись еще более в своих ожиданиях, когда Мессия стал «проповедовать властно и совсем не так, как книжники». Он требовал не только одного внешнего исполнения предписаний законов, которое вело лишь к лицемерию, но полного обновления всей нравственной личности через покаяние и обращение с непоколебимой верой в сердце к Божественному учению, а в особенности через исполнение главной заповеди, основанной на истинно Божественной любви — любви к ближнему. К этому присоединилось и то, что и очарование Его личности, полной величия, и Его святой образ жизни, и Его любовь и сострадание, которые обнаруживались в многочисленных чудесах над всевозможного рода несчастными, скоро привлекли к Нему народную любовь и собрали вокруг Него многочисленных приверженцев. Положение фарисеев и саддукеев, благодаря новому пророку, оказалось в высшей степени опасным. Поэтому против учения Спасителя началась борьба не на жизнь, а на смерть. Враги не решались выступить против Него открыто. Они страшились за себя, так как народ почитал Иисуса за пророка. Один из тесного кружка учеников Мессии должен был предать Его в руки врагов Его. Своей собственной властью иудеи не могли казнить Мессию, так как право утверждения смертного приговора принадлежало римскому прокуратору. Чтобы добиться такого утверждения, они обвинили Иисуса, как мятежника против римского императора, так как Иисус якобы говорил, что Он «царь иудейский». Понтий Пилат колебался до тех пор, пока начальник народа не закричал ему: «Если ты освободишь Его, то ты враг Кесарю». Тогда Пилат омыл руки в знак того, что он не повинен в том, что Иисус будет распят. По римским законам это наказание полагалось за бунт и восстание. И Сын Человеческий крестной смертью окончил Свою деятельность на земле. Но воскресением и вознесением Его на небо, согласно Св. Писанию, вполне подтвердилось, что Он воистину Сын Божий. Преобразившийся Иисус витал над своими учениками и апостолами и дал им силу «пройти весь мир и проповедовать евангелие всем народам».

57. Римские императоры до Константина и его ближайших преемников.

(14...388 г. после Р. Х.).

а) Тиберий. Калигула. Клавдий. Нерон.

(14...68 г. после Р. Х.).

Едва успел закрыть глаза Август, рассказывает Тацит, как консулы, сенаторы, всадники поспешно устремились в Рим, чтобы преклонить колени перед Тиберием. И чем выше занимали они должности, тем лицемернее и нетерпеливее, без всякого разбора, с заученными жестами и с низкопоклонным раболепством расточали они свои слезы, восторги и сетования, чтобы не выдать ни малейшей радости по поводу смерти бывшего правителя и ни малейшей горести по случаю вступления на престол нового правителя.

Вначале Тиберий, подобно Августу, выказывал себя кротким, снисходительным и скромным, заботился о бережливости и привел в порядок правосудие в провинциях. Но скоро он сбросил с себя маску и выказал вполне свой лицемерный, коварный и подозрительный характер. Чтобы подавить всякое проявление свободной воли, Тиберий создал целую систему шпионства. В людях, которые решились предаться недостойному занятию доносчика, в это развращенное время, конечно, недостатка не было. Многие сделали из шпионства настоящее ремесло и приобрели благодаря этому огромные состояния. Последствием этих доносов были бесчисленные процессы об оскорблении величества. Всякого, кто сказал или написал что-либо против правления или против особы императора, обвиняли в государственной измене, в большинстве случаев осуждали и предавали казни, а имущество отбирали в казну. Таким образом монархия превратилась в жесточайшую деспотию.

Тиберий, как и Август, не стремился к новым завоеваниям и заботился лишь о безопасности государства. По его приказанию племянник его Германик, сын Друза, должен был отомстить за позор поражения в Тевтобургском лесу. Он совершил три похода в страны, лежащие по правую сторону Рейна, опустошил страну марсов, разорил область каттов, освободил осажденного Арминием Сегеста и взял в плен Туснельду.

В третий свой поход Германик, отправившись на 1.000 судах, высадился в устье Эмса и проник до Везера. В долине Идиставиза произошло сражение римлян с германцами. Тщетно пытался Арминий во время свидания на одном из берегов реки уговорить своего брата Флавия, служившего у римлян, послужить своей родине. Германцы были подавлены здесь воинским талантом римского полководца и численным превосходством римлян. Арминию и дяде его Ингвиомеру пришлось ради своего спасения обратиться в поспешное бегство. Однако несколько дней спустя они собрали новые войска. На этот раз римляне, хотя и не потерпели поражения, но понесли такие потери, что Германик вынужден был отступить. Для обратного похода он снова выбрал морской путь из устья Эмса.

Август

Но флот сильно пострадал от бури во время плавания в Северном море, потонуло много солдат. Германик задумывал уже предпринять новый поход, но Тиберий, завидуя его воинской славе, отозвал его к себе.

Мавзолей Августа

Германию вернулся в Рим и отпраздновал блестящий триумф. Перед колесницей победителя, в числе пленных шла и Туснельда со своим малолетним сыном Тумеликом. При этом зрелище присутствовал ее отец. Туснельда и отец ее умерли в плену у римлян. Что касается Тумелика, то он впоследствии стал гладиатором в Равенне.

Тиберий рассчитал совершенно верно: раздоры между германскими племенами не заставили долго ждать себя. Дело дошло до междоусобной войны между союзом херусков, во главе которого стоял Арминий, и союзом маркоманнов, которым руководил Марбод. Решительное сражение произошло на берегах реки Саалы в 19 г. по Р. Х.

Марбод потерпел поражение. Так как воины покинули его, он бежал к римлянам. Марбоду была назначена местом жительства Равенна. Здесь в продолжении 18 лет жил он милостыней непримиримого врага и постепенно его прежняя слава угасла.

В 21 году умер Арминий. После отступления римлян и поражения Марбода Арминий стал добиваться единовластиа. Это привело его к столкновению со свободолюбивым народом. Среди собственных родственников Арминия нашелся убийца, кинжал которого положил конец жизни героя. Арминий, говорит Тацит, был, без сомнения, освободителем Германии и человеком, который в противоположность другим царям и полководцам, сражался с римским народом не в начале, его существования, а во время величайшего его могущества.

Германик

Он не всегда был счастлив в битвах, но кончил войну победоносно. Прожил он 37 лет, владычествовал 12 и долго был воспеваем у варварских народов тех стран.

Мрачный Тиберий становился с каждым днем все недоверчивее. Более всех возбуждал в нем зависть всеми любимый Германик. Поэтому Тиберий воспользовался случаем отправить его на Восток. Там, в особенности в Сицилии, возникли всякого рода смуты и раздоры. В течение года Германик привел в порядок тамошние дела. Вдруг Германик заболел самым необъяснимым образом. Болезнь окончилась смертью, и есть полное основание полагать, что Германика отравил наместник Сирии Гней Пизон по приказанию, полученному из Рима. Так печально закончил свою жизнь юный герой. Клонившийся к упадку Рим уже не мог явить человека, который равнялся бы по своим талантам с Германиком. Его благородная супруга Агриппина и его сыновья также пали жертвой страсти к преследованию недоверчивого императора.

Теперь Тиберий без стыда и совести дал волю своим страстям и, подстрекаемый любимцем своим Сеяном, начальником императорских телохранителей, предавался им с каждым днем все более и более. Чтобы получить возможность самому управлять делами, Сеян уговорил императора покинуть Рим и избрать своим местопребыванием остров Капрею (Капри). Здесь проводил Тиберий остаток дней своих в необузданном распутстве. Но когда Тиберий узнал, что Сеян, опираясь на преторианцев, которые по его совету были переведены в Рим, стал действовать почти с императорской властью, то он сместил его с должности и приказал убить. Место Сеяна занял Макрон.

Свирепый тиран, наконец, заболел во время пребывания в своей вилле, в Мизене. Окружающие приветствовали уже Калигулу, младшего сына Германика в качестве императора, как вдруг старый император снова пришел в себя. Но префект Макрон и Калигула, страшась мести тирана, быстро схватили несколько одеял, набросили их на Тиберия и задушили его (в 37 году после Р. Х.).

Нового властителя Гая Цезаря Калигулу прозвали Калигулой солдаты, когда он был еще мальчиком и носил солдатские сапоги — калиги.

Памятник Германику

Калигула

Его с восторгом приветствовал весь Рим в надежде, что с его царствованием начнется новая эра. И в самом деле, первые месяцы своего правления Калигула представлял полную противоположность своему предшественнику. Он прекратил процессы о государственной измене, освободил заключенных из тюрем, приказал привезти в Рим прах Агриппины и

торжественно поставил его в царской усыпальнице, устроил в цирке блестящие зрелища для народа и самым щедрым образом одарил солдат и беднейших граждан. Но потом внезапно в поведении Калигулы произошла сильная перемена. Ее причиной следует считать всевозможного рода излишества и величайшее распутство, которым он предавался и которые совершенно разрушили его и без того слабый от природы организм. То, что теперь представлялось испуганным взорам римлян, можно было считать порождением безумства. Расточительность и жестокость Гая Цезаря Калигулы не имели границ. Вся государственную казну, собранную Тиберием, Калигула растратил на угощения народа, театральные зрелища, бои гладиаторов, травли диких зверей и на дорогостоящие здания. Так, например, он приказал построить мост длиной в 30 километров через залив между Байями и ПUTEОЛАМИ. Самого себя Калигула провозгласил богом и всенародно являлся в образах различных богов, то Юпитером с перунами в руке, то Нептуном с трезубцем, то Аполлоном с цитрой. Своего любимого коня Инцитата он возвел в звание жреца и приказал кормить его за своим собственным столом. В припадке безумной жажды крови Калигула дошел до того, что однажды заявил: «Если бы римский народ имел одну голову, то я охотно отрубил бы ее одним ударом». Его любимая поговорка гласила: «Меня могли бы ненавидеть, если бы только не боялись». Чтобы затмить воинскую славу великого Цезаря, Калигула предпринял поход против британцев, выехал на великолепном корабле в море, но затем вернулся назад и отпраздновал триумф, во время которого выступали в боевом порядке галлы и германцы, переодетые военнопленными. Когда наконец и самые близкие, окружавшие Калигулу, прониклись страхом перед этим чудовищем, то два трибуна Херея и Сабин убили его в одном из театральных проходов.

Флейтистка

Преемники Калигулы оказались несколько не лучше его. Когда преторианцы после убийства Калигулы начали грабить дворец, то они нашли притаившегося в одном из углов 50-летнего Клавдия, брата Германика. Он спрятался здесь из страха за свою жизнь. Однако преторианцы приветствовали Клавдия как императора и понесли на носилках в свой лагерь. Слабый телом и умом Клавдий скоро совсем отстранился от управления государственными делами и посвятил себя литературным занятиям, но в то же время предавался распутству и находил удовольствие в зрелищах цирка. Между тем в столице делами распоряжались его бесстыдные жены, сперва Мессалина, которая в отсутствие своего супруга дошла до такой дерзости, что вступила в брак с одним молодым римлянином, а после убийства Мессалины, Агриппина со своими любимцами Палласом и Нарциссом. Всякого, кто им не нравился или относился к ним без должного благоговения, они беспощадно казнили. Целый ряд благородно мыслящих мужей, множество сенаторов, всадников заплатили жизнью за свое упорство. Составился заговор, но он был раскрыт. Среди осужденных на смерть находился и Цецина Пет. Он колебался сам лишить себя жизни, но жена его Аррия, подобно древней римлянке, мужественно заколола себя и, вытащив из своей груди кинжал, подала его мужу со словами: «Пет, это совсем не больно».

Вторая супруга Клавдия, Агриппина употребила все свои усилия, чтобы обеспечить престол за своим сыном от первого брака — Нероном. Заметив расположение императора к его родному сыну Британику, она с помощью известной составительницы ядов Локусты отравила своего супруга медленно действующим ядом, который она всыпала в любимое его кушанье — грибы (в 54 г.).

Нерону было 17 лет, когда он вступил на престол с помощью префекта преторианцев Афрания Бурра. Под влиянием этого честного человека, а также философа Сенеки, Нерон в течение первых пяти лет держал себя в границах умеренности. Управление и правосудие были приведены в образцовый порядок, система доносов уничтожена, лихоимство в провинциях строго преследовалось и виновные в нем подвергались тяжелым наказаниям.

Клавдий

Но затем с Нероном произошла такая же внезапная перемена, как с Калигулой. Казалось, он хотел вдвойне, втройне вознаградить себя в чувственных наслаждениях и в жестокости, от которых он до тех пор воздерживался. Первой жертвой стал Британник. Чтобы освободиться от этого соперника, Нерон при помощи Локусты приказал отравить его во время обеда. Настоящей виновницей этого гнусного преступления была мать Нерона Агриппина. Она упрекала своего сына в том, что первую роль при императоре играет уже не она, а посторонняя женщина, его любовница Актея. Вместе с тем Агриппина грозила Нерону, что она разоблачит преступление, с помощью которого он достиг престола и объявит, что законный наследник — Британник. Вторая любовница Нерона, Пoppея Сабина восстановила его и против самой Агриппины. Обостренно подозрительный тиран приказал своему наперснику Аницету, командовавшему флотом в Мизене, заманить ее на роскошно убранный корабль, устроенный таким образом, что одна часть его внезапно отделялась и находившиеся на ней неминуемо должны были потонуть. При вступлении матери на корабль, сын простился с ней самым нежным образом. Но задуманному преступлению не суждено было случиться. Корабль потонул, но Агриппина была вытащена из воды одной из своих подруг и успела скрыться в загородном доме на берегу Лукринского озера. Но здесь ее все-таки разыскали и убили подосланные Нероном люди.

Со смертью Бурра, погибшего по всей вероятности от яда, и со вступлением в его должность безбожного Тигеллина, который вместе с императором вел распутную жизнь и был исполнителем его злодеяний, Нерон все больше погрязал в пороках и преступлениях.

Мессалина

Нерон

В угоду Пoppее Сабине он прогнал законную жену, добродетельную Октавию, и впоследствии приказал убить ее. Но несколько дней спустя ударом ноги убил и Пoppею. Чтобы повторить зрелище горящей Трои, Нерон приказал поджечь Рим с разных концов.

Агриппина

Британник

Страшный пожар бушевал девять дней, и не считая множества домов, в которых жил простой народ и которые большей частью были построены из дерева, истребил много роскошных храмов и художественных произведений греческого зодчества. На месте развалин Нерон приказал провести прекрасные улицы и воздвигнуть великолепный дворец, который он назвал «золотым домом». Народ, полный отчаяния, бродил между развалинами своих жилищ. Нерон старался успокоить его даровой раздачей хлеба и устройством необходимых помещений. Но старания его не имели успеха: волнение достигло опасной степени и грозило ему гибелью. Тогда Нерон прибег к дьявольскому средству — обвинил в поджоге христиан, которых, как ему было известно, ненавидел народ. Нерон предоставил этих несчастных на полный произвол раздраженной черни. Христиан казнили, подвергая самым жутким истязаниям. Их зашивали в шкуры диких зверей и бросали на растерзание

собакам. Некоторых сажали в шерстяные мешки, обливали смолой, затем расставляли в садах Нерона и, с наступлением темноты, зажигали, точно живые факелы. По преданию, во время этого первого гонения на христиан погибли апостолы Петр и Павел. Первый был распят на кресте, а второму отрубили голову (64 г. после Р. Х.).

Но кроважидное чудовище в образе императора было одержимо и тщеславием. Нерон хотел, чтобы его прославляли и как художника. Для этого он расхаживал по улицам в качестве певца и цитриста и заставлял аплодировать себе нанятых за деньги людей. Он также принимал участие в публичных состязаниях на колесницах. Он, например, предпринял большое «артистическое путешествие» в Грецию и подобно победителю на Олимпийских играх увез с собой домой почетные венки, полученные им от лстивого народа, который рукоплескал его скоморошеским выходкам.

Почти шесть лет продолжались ужасы Нерона. Наконец, несколько знатных мужей составили против него заговор. Во главе заговорщиков стал Гай Пизон. Но в тайну заговора было посвящено слишком много лиц, и он был раскрыт. Нерон стал страшно мстить всем, кто был уличен в участии в заговоре. Не считая Пизона и других, пришлось поплатиться жизнью поэту Лукану и философу Сенеке. Последний сам вскрыл себе вены. Имена казненных были отобраны в казну. Малодушный и раболепный сенат постановил отпраздновать торжественным богослужением спасение императора.

Процессы об оскорблении величества и казни все продолжались.

Сенека

Нерон налагал свою смертоносную руку на всех, кто по своему общественному положению, образованию или добродетелям казались ему опасными. Для сбора непомерных сумм, необходимых для удовлетворения своего неистовства, Нерон приказывал производить в провинциях самые варварские поборы. Наконец чаша его позорных дел переполнилась. В Галлии восстал наместник Юлий Виндекс, а в Испании Сульпиций Гальба. Юлий Виндекс предложил Сульпицию Гальбе стать императором, и легионы одобрили этот выбор. Гальба выступил на Рим. Высланные против него Нероном легионы перешли на его сторону. Получив об этом известие, поднялся и сенат. Он объявил Нерона врагом отечества и провозгласил Гальбу императором. Покинутый всеми, Нерон скрылся в загородном доме одного из своих вольноотпущенников. Но скоро мстители были уже близко. К месту его убежища приближался отряд всадников. Услышав стук копыт, Нерон, трепеща сам перед кинжалом, приказал заколоть себя одному из вольноотпущенников, сказав при этом: «Какой великий художник умирает!» Он умер на 31 году жизни. Со смертью Нерона угас дом Юлия — Клавдия (в 68 г. после Р. Х.).

б) Гальба. Отон. Вителлий. Веспасиан.

(68...79 г. после Р. Х.)

До сих пор на престол вступали наследники умершего императора, хотя и не существовало такого закона. Теперь же императоров стали выбирать солдаты и преимущественно преторианцы. Следствием такого порядка вещей стало то, что часто из-за престола боролись между собой два и более кандидата в императоры и редко кто из них умирал, естественной смертью. Так случилось и с Гальбой. Вследствие того, что он не так щедро одарил преторианцев, как они того ожидали, он был убит ими после полугодового правления, и на место Гальбы на престол был возведен Отон, наместник Лузитании. Едва прошло три месяца со времени вступления Отона на престол, как легионы, стоявшие на Рейне, провозгласили императором своего полководца Вителлин. Войска Отона были

разбиты при Бедриаке Вителлием, и Отон сам заколол себя. Он был человек благородный и видя, что счастье изменяет ему, не хотел отдавать вторично на бойню преданных ему людей. Со своей стороны и Вителлий не дожил до конца года, в котором он был провозглашен императором.

Он был известен как величайший обжора и ежедневно съедал по четыре сытных обеда, любил напрашиваться в гости к своим хорошим друзьям, иногда к нескольким в один день.

Гальба

Отон

При этом ни один из них не смел угостить его обедом дешевле тридцати тысяч рублей. Известно, что за несколько месяцев он истратил на свой стол около 70 миллионов рублей. Своим обжорством и неводержанностью Вителлий заслужил всеобщее презрение, вследствие чего легионы, стоявшие в Сирии и Египте, провозгласили императором своего полководца Флавия Веспасиана. В это время Веспасиан был занят войной с иудеями и весьма охотно согласился на призыв войска. Он поручил окончание войны своему сыну Титу, а сам выступил в Италию. Еще до прибытия Веспасиана паннонские легионы под предводительством Антония Прима взяли приступом Рим, захватили в плен Вителлия и, протаскивая его со страшными ругательствами по улицам, разорвали на части, а труп стащили на железном крюке в Тибр.

С Веспасианом на престоле воцарился дом Флавиев. Веспасиан (69...79 г. после Р. Х.) снова восстановил благоустройство и порядок, очистил сенат и сословие всадников от недостойных членов и сам первый подавал пример умеренности и простоты. Благодаря величайшей бережливости, он вновь пополнил совершенно уже истощенную государственную казну и в то же время покровительствовал наукам и искусствам. Веспасиан назначил общественных учителей красноречия (риториков) с хорошим содержанием, основал библиотеку и приказал вновь построить сгоревшие при Нероне дома граждан. Ко времени Веспасиана относится также великолепное сооружение Колоссеума (развалины которого под названием Колизей существуют и по настоящее время). Полководец Веспасиана — Цереалис успешно сражался с восставшими батавами, которые под командованием Клавдия Цивилиса и в союзе с германцами и галлами пытались основать обширное государство.

Вителлий

Напрасны были усилия молодой прорицательницы Веледы, старавшейся предсказаниями и ободрениями воодушевить восставших. Существовавшие между ними несогласия были причиной неуспеха их восстания, и под конец они снова подпали римскому игу. Веспасиан удовольствовался тем, что приказал казнить галльского предводителя Юлия Сабина, принявшего со своими легионами участие в восстании, и его жену Эппонину. Они девять лет скрывались в одной пещере, пока не были выданы изменниками.

В 70 году пал наконец и Иерусалим. Иудеи при Нероне восстали вследствие того, что прокуратор Гессий Флор своим корыстолюбием и несправедливостью, грабительством и взяточничеством навлек на себя ненависть народа. Народ иудейский со времени подчинения своего чуждому владычеству постоянно находился в возбужденном состоянии, потому что никак не мог примириться со своим подневольным, униженным положением и постоянно с нетерпением ожидал избавления от иноземного ига через Мессию. Самые страстные и нетерпеливые из иудеев, называвшие себя зилотами, то есть ревнителями, заключили между

собой союз и поклялись во что бы то ни стало изгнать чужеземцев. Они завладели Иерусалимом, разрушили дворец первосвященника и истребили городской архив со всеми находившимися в нем долговыми документами и ввели в городе преисполненное всевозможных ужасов грозное правление. Во всем сирийском наместничестве между язычниками и иудеями началась дикая междоусобная борьба, сопровождавшаяся жестокими убийствами. В конце лета 66 года сирийский наместник Цестий Галл выступил против Иерусалима.

Веспасиан

Но после того, как ему удалось уже овладеть северной частью города, он был отброшен назад расвирепевшими шайками зилотов под предводительством Симона и с такими потерями, что вынужден был поспешно отступить. Во время обратного похода Цестий Галл потерял еще 5.000 человек и все военные запасы. Тогда Нерон послал в Иудею Веспасиана, который с войском из 60.000 человек по явился прежде перед иудейским городом Иотопатой. Иудейский историк Иосиф Флавий в течение шести недель мужественно и успешно защищал Иотопату, но наконец город пал вследствие измены одного перебежчика. При этом погибло 40.000 иудеев. Иосифу удалось спастись с 40 знатнейшими гражданами и укрыться с ними в одной пещере. Когда же убежище их было открыто, то они бросили между собой жребий и умертвили друг друга, за исключением Иосифа и еще одного иудея. Эти последние рассудили, что лучше сдаться римлянам. Веспасиан помиловал их. Затем римский полководец продолжал свое победоносное наступление. Все попутные города были взяты приступом, и Веспасиан сделал уже все приготовления, чтобы окружить Иерусалим, когда, повинувшись призыву легионов, должен был отправиться в Италию, чтобы вступить на императорский престол.

Командование над войсками под Иерусалимом принял сын Веспасиана Тит. Следуя своему кроткому характеру, Тит несколько раз предлагал осажденным пощаду под условием сдачи города. Но зилоты и слышать не хотели о сдаче. Со слепым фанатизмом преследовали они умеренных, предлагавших войти в соглашение с римлянами. Предводители умеренных были открыто казнены на улицах. Но и между самими зилотами возникли несогласия. Образовалось две партии: одна под предводительством Иоанна Гискалы, другая под предводительством Симона, и они вступили между собой в открытую борьбу. Но этого, казалось, было мало, и как бы для того, чтобы еще более увеличить общее замешательство, образовалась еще третья партия под предводительством Елеазара. Каждая из трех враждебных между собой партий заняла известную часть укреплений. Елеазар занимал верхнюю часть храма, Иоанн нижнюю, а Симон — город. Однако, несмотря на внутренние раздоры, римляне встретили самое упорное сопротивление. Бедствия и голод в переполненном людьми городе дошли до таких ужасающих размеров, что одна мать убила свое дитя и съела его. Одновременно свирепствовала и чума, и целые тысячи трупов были выброшены за стены. Не взирая на такое положение вещей, все предложения Тита были отвергнуты самым оскорбительным образом, и он приказал распинать на крестах всех, кто попадется в руки. Вследствие этого приказания почти каждый день целым сотням несчастных, которые выходили из города собирать траву и корни в качестве пропитания, приходилось на глазах защитников города умирать ужасной смертью.

Триумфальная арка Тита в Риме

После взятия приступом внешних стен, Тит направил все силы против Храмовой горы, которую зилоты превратили в настоящую крепость. Они все еще верили, что храм их не может быть взят; сам Иегова должен был защитить его. Однако римские осадные колонны

все более и более приближались. Наконец, 10 августа 70 года Храмовая гора была взята приступом.

Тит охотно желал спасти величественное здание, но один римский солдат бросил в него горящую головню, и оно запылало вдруг ярким пламенем. Священные места обратились в позорище ужаса и мерзости. Победители предались неистовствам грабежа и разбоя. Никого и ничего не щадили, все было уничтожено, все драгоценности ограблены или истреблены. В заключение всего солдаты осквернили и самую Святыню совершением в ней языческих жертвоприношений.

Однако верхний город, куда спаслись Иоанн и Симон, не был еще взят. Отчаянная борьба продолжалась здесь еще 18 дней. Наконец, стены и башни пали под ударами таранов, и легионы ворвались в город. Все, что попадалось на пути, было уничтожено, дома ограблены и преданы огню. Во время этой истребительной войны погибло более миллиона иудеев, а более ста тысяч, было взято в плен, продано в рабство или оставлено в живых лишь для того, чтобы впоследствии погибнуть в римском цирке в бою гладиаторов и в травле дикими зверями. Сильнейших и знатнейших из пленников Тит выбрал для своего блестящего триумфа, который он отпраздновал в Риме. Позади его колесницы шли Иоанн и Симон. Последний из них был немедленно казнен, а первый умер в темнице. Иосиф Флавий, составитель истории Иудейской войны, описывает необыкновенный восторг римского народа при зрелище проносимых сосудов храма, священнических одежд и других драгоценностей, а равно и священных книг законов. Триумфальная арка, построенная в честь победы Тита, возвышается в Риме и по настоящее время. На ней можно видеть прекрасные барельефы, изображающие иудейские религиозные обряды, жертвенные сосуды и т.п. Кроме того нашлось несколько медалей, выбитых в честь победителя.

Медаль в память покорения Иудеи

в) Тит. Домициан.

(79...96 г. после Р. Х.).

После смерти Веспасиана на престол вступил сын его Тит. Поскольку он вел до этого распутный образ жизни, а на должности префекта телохранителей подавал повод к обвинению в жестокости, то теперь от него ожидали мало хорошего. Однако, став императором, Тит старался все устроить к лучшему. Он сделал много для блага государства, а многочисленными проявлениями милосердия заслужил такую любовь, что его называли «любовью и утехой рода человеческого». Тит считал потерянным день, в который никому не оказал благодеяния. Часто слышали, как он говорил, что от императорского престола никто не должен уходить с печалью. К доносчикам же Тит относился с беспощадной суровостью.

Во время правления Тита над государством разразились великие бедствия. В Риме появилась чума, а в течение трех дней свирепствовал ужасный пожар. Самым же губительным бедствием было разрушительное землетрясение, совпавшее с извержением Везувия, когда были засыпаны три города: Геркулан, Помпея и Стабии (79 г. после Р. Х.).

Во время этого извержения погиб естествоиспытатель Плиний Старший. Племянник его Плиний Младший в одном сохранившемся письме оставил нам описание этой катастрофы и смерти своего дяди. «Дядя желал наблюдать вблизи это необыкновенное зрелище и для этого сел в Мизене на корабль и отправился к Стабиям. Это происходило 24 августа. Из кратера конуса горы вдруг показалось страшное черное облако; из него вырывалось пламя, блистала молния, притом гораздо сильнее обыкновенной. Потом казалось, что облако как будто опускается и закрывает все море.

Тит

Скоро это облако закрыло от наших взоров остров Капри и мыс Мизену. Начал падать дождь из пепла, сперва не очень густо, но вскоре все гуще и гуще. Беглецы обратились к Плинию и стали просить его, чтобы он не ехал дальше. Но все было напрасно. «С храбрыми счастье!» — воскликнул он и приказал дрожавшим от страха гребцам грести к Стабиям. В то время, когда все, что могло бежать, бежало, он спокойно спал у своего друга. Но остававшиеся на улице рабы разбудили его, опасаясь, что низвергавшийся все больше и больше пепел не заградил бы выход в море или чтобы не обрушились стены, колебавшиеся от землетрясения. Они вышли, пошли к морю. Для защиты от падающей пемзы положили себе на головы подушки. Густой мрак освещался только факелами; воздух был настолько удушлив, что им едва можно было дышать. Внезапно Плиний упал мертвый на землю». Засыпанные города были откопаны археологами через много веков после этого события: Помпея в 1748, Геркуланум в 1738 и Стабии в 1754 годах. Больше всех раскопана Помпея, на месте этого города нет никаких новых построек, он был покрыт плотным слоем пемзы и пепла и со своими хорошо сохранившимися улицами, храмами, театрами, лавками, домами частных лиц дает нам ясное представление о подробностях частной жизни, представляет обширный материал для исследователей древности. Улицы настолько узки, что две повозки могут лишь с трудом разъехаться на них; дома частных лиц по большей части малы, низки и только в один этаж. Вокруг четырехугольных дворов расположены в правильном порядке небольшие комнатки, получающие свет только через отверстие широкой двери. Наружный вид домов очень простой, но замечается большая заботливость о внутреннем их украшении. Даже в домах ремесленников полы выстланы мозаикой, стены разрисованы; домашняя утварь — лампы, треножники, канделябры, бронзовые и глиняные сосуды красивы и изящны. В Неаполе есть большой археологический музей, где собраны вещи из раскопанных городов.

Внутренний вид одного из домов в Помпеях

К великому огорчению своих подданных, Тит умер после двухлетнего правления. Ему наследовал совершенно не похожий на него его брат Домициан (81...96 г.). Уже в молодости Домициан выказал себя человеком грубым, ленивым и жестоким: по несколько часов в день он занимался тем, что убивал мух. Став императором, он мог дать полный простор своим свирепым наклонностям.

Домициан

Кладбище в Помпеях

Домициан был деспотом вроде Тиберия и Нерона. Он получал наслаждение от зрелищ гладиаторских сражений и смертных казней. Жертвами его подозрительности стали многие люди высшего и среднего классов. Жестокое правление Домициана опиралось на преторианцев, которым он значительно увеличил жалование. Деньги для этого он добывал от процессов об оскорблении величества. Как и Калигулу, Домициана соблазняла слава полководца, и он предпринял поход против даков, живших по среднему и нижнему течению реки Данувий (Дунай). Несмотря на то, что Домициан ни разу не обнажил свой меч при этом походе, он отпраздновал триумф и провозгласил себя «Дакским».

Во время правления Домициана было закончено завоевание Британии, которое было

начато еще Юлием Цезарем и продолжено императором Клавдием, который покорил прибрежные области вплоть до Темзы. Наместником в Британию Веспасиан отправил Юлия Агриколу. Агрикола был настолько же благоразумен и человеколюбив, насколько храбр и предприимчив. Он покорил всю Британию до реки Твид, проник в Каледонию (Шотландия), обратил в римскую провинцию южную часть этой страны и хотел предпринять новый поход, чтобы завоевать и северную часть Каледонии, а также остров Ибернию (Ирландия), но в 85 году завистливый Домициан отозвал его.

В правление Домициана было возбуждено второе гонение на христиан, во время которого апостол Иоанн был сослан на остров Патмос в Эгейском море, где он написал «Апокалипсис» (откровение).¹⁵

Когда Домициан высказал намерение уничтожить приближенных к нему лиц, он был убит по приказу своей прекрасной, умной, но безнравственной супруги Домиции.

г) Императоры второго столетия после Р. Х.

Жестокому Домициану наследовал, по желанию сената и народа, сенатор Нерва (9 — 98 г.). Одушевленный самыми лучшими намерениями, простой в обращении и бережливый, кроткий и справедливый, он старался залечить тяжелые раны, нанесенные государству его предшественником. Но Нерва был уже в преклонных летах, кроме того, ему не доставало силы характера, которая была необходима для врачевания всех общественных зол. Поэтому Нерва выбрал себе в помощники энергичного полководца Ульпия Траяна.

После смерти Нервы на императорский престол и вступил этот самый Траян (98...117 г.). Он стал заботиться о беспристрастном правосудии и о хорошем управлении провинциями. Сам Траян в обращении с придворными подавал пример простоты и бережливости. Траян отказался платить дань дакам (ценою этой ежегодной дани при Домициане был куплен мир с этим опасным врагом). Когда даки вторглись в Мизию, Траян выступил против них в поход, перешел через замерзший Дунай и разбил войска дакского царя Децебала, чем вынудил его униженно просить о мире. Когда же побежденные даки вновь взяли за оружие, Траян вторично выступил против них в поход, приказал построить через Дунай мост на 20 сваях, вторгся в самую Дакию и овладел ее столицей.

Нерва

Децебал лишил себя жизни, его народ, лишенный предводителя, вынужден был покориться римлянам. Траян обратил Дакию в римскую провинцию. Таким образом, для римлян открылась новая обширная страна, богатая хлебом, лесом и металлами. В ней были проведены дороги, построены мосты, на равнинах и в горах возникли новые города, и там, где прежде обитал грубый, дикий народ, расцвели торговля и промышленность.

Траян

В воспоминание о военных действиях в Дакии, Траян приказал воздвигнуть в Риме колонну, которая существует и в настоящее время. Витая мраморная лестница в 192 ступени ведет на ее вершину, где некогда стояла статуя Траяна, а впоследствии на ее место была поставлена статуя апостола Петра. Траяну приходилось оберегать границы государства и на Востоке. Малой Азии и Сирии угрожали парфяне, поэтому Траян выступил против них, покорил Армению и Месопотамию, взял города Ктесифон и Селевкию и осадил город Гатру

в Аравийской пустыне. Здесь он получил просьбу сената возвратиться в Рим и решил последовать этому приглашению, но дорогой заболел и умер в Киликии. Кончина Траяна вызвала всеобщую печаль.

Насколько любили Траяна и сенат, и народ, видно из приветствия, с которым они обратились к следующему императору: «Будь счастливее Августа и лучше Траяна!»

Траяну наследовал его двоюродный брат Элий Адриан (117 — 138 г.). Его главные усилия были обращены на восстановление мира, поэтому он отказался от тех завоеваний своего предшественника, которые можно было утвердить за собой лишь новыми войнами. Из-за этого Адриан отказался от южной части Каледонии, а для защиты Британии от вторжений пиктов и скоттов приказал построить «Адрианов вал». Парфянам Адриан возвратил область, лежащую на восток от Евфрата, и вновь признал царем парфянским Хозроя, смещенного Траяном. Особенно гордился Адриан тем, что он старался быть самостоятельным и лично обо всем заботящимся правителем. Он путешествовал по всем провинциям, чтобы самому видеть положение народа. Эти путешествия он совершал в сопровождении весьма ограниченной свиты и большей частью пешком, с непокрытой головой. Продолжительную остановку сделал Адриан в Афинах и в Александрии, так как эти города снова стали центром процветания наук, а он всегда интересовался литературой. На месте разрушенного Иерусалима Адриан основал языческо-римскую колонию «Элию Капитолийскую», а на Храмовой горе приказал воздвигнуть храм Юпитеру Капитолийскому, чтобы сделать для иудеев невозможным на будущее время всякое обособленное существование. Иудеи, возмущенные таким осквернением священного места, восстали еще раз под предводительством некоего Симона. Он, опираясь на пророчество из: четвертой книги «Чисел» Моисея, («воссияет звезда от Иакова — и восстанет человек от Израиля, и погубит князи Моавитские, и пленит вся сыны Сифовы»), называл себя Вар-Кохавом, т.е. «сыном звезд», и выдавал себя за Мессию. Ослепленный народ восторженно приветствовал его, и даже сами ученые книжники, например, знаменитый Рабби Акиба, признали Симона посланником Божиим. Адриан отправил в Палестину лучшего своего полководца Юлия Севера. Победить иудеев, сражавшихся с мужеством отчаяния удалось лишь после двухлетней войны. Более полумиллиона иудеев пало в сражениях; остальные были рассеяны по всей земле. Города и деревни были совершенно опустошены. С этой войной Иудейское государство прекратило свое существование.

Увлекаемый тщеславием, Адриан построил себе великолепную гробницу в виде крепости. Незадолго до смерти Адриан усыновил Тита Аврелия Антонина и умер в Байях в 138 году.

Адриан

Антонин, унаследовавший власть от приёмного отца, получил прозвище Пий, т.е. «кроткий». Он правил 23 года и в течение этого времени, как второй Нума или Тит, благодетельствовал римскому государству. Антонин вёл жизнь совершенно простого человека и расходовал государственные деньги только для полезных целей, поэтому в его царствование повсюду процветало благосостояние. Он вновь овладел освобожденной Адрианом южной частью Каледонии и приказал возвести вал из земли на границе между северной Каледонией и римской провинцией. Антонину наследовали его приёмные сыновья, Марк Аврелий и Луций Вер.

Марк Аврелий (161...180 г.) правил сначала совместно с братом, но вскоре Луций Вер совершенно отстранился от государственных дел и, как истый эпикуреец, весь отдался наслаждениям, которым предавался и прежде. Марк Аврелий, наоборот, как последователь стоиков, был человеком строгой нравственности.

Мавзолей Адриана

Антонин

Он с величайшим рвением старался выполнить задачу, выпавшую на его долю. Главным предметом его заботы было правосудие и управление. Внешнее положение государства в это время было таково, что оно нуждалось в самом энергичном правителе. В пределы империи вторглись парфяне. Аврелий разбил их с помощью своих преданных легатов и отвоевал Ктесифон и Селевкию. Ещё опаснее была война с маркоманнами и квадами, начавшаяся в 167 году и продолжавшаяся много лет. Жившие к северу Дуная германские племена, особенно маркоманны и квады, узнав о слабости пограничных гарнизонов, громадными толпами перешли границу и проникли до Аквилеи. Марк Аврелий предпринимал три похода против диких полчищ. После, упорного сопротивления маркоманнов он нанёс им решительное поражение в окрестностях Карнунта. Затем и квадов принудил к заключению мира. Подобное вторжение германских племён происходило и на других границах римской империи и стало предвестником позднейшего всеобщего движения — великого переселения народов. Из среды покорённых народов многие молодые люди поступали на службу римлянам и скоро стали играть в жизни Рима заметную роль; другие переселились в пограничные провинции: Паннонию, Мизию и Дакию.

Когда велись войны с германскими племенами, в Риме свирепствовала чума. Не помогали ни искупительные жертвы жрецов, ни медицинские средства знаменитого врача Галена. Город был охвачен паникой. Война не была ещё окончена, как в Виндобоне (Вена) император умер от чумы в 180 году.

«Философу на престоле» наследовал его недостойный сын Коммод (180...192 г.), далеко превосходивший в своей безумной жестокости самого Нерона. Подобно Нерону, он 735 раз публично выступал на арене в качестве гладиатора, чтобы его прославляли как «римского Геркулеса». За каждый свой выход Коммод приказывал выплачивать себе из государственной казны по одному миллиону сестерций.

Марк Аврелий

На эти деньги он покупал мир у маркоманов и принимал в ряды легионеров всё большее число отрядов германских войск, не предвидя, что в скором времени они могут иметь решающее значение. Смерть Коммода была насильственной, какую он и заслужил. Супруга Коммода, Марция, дала ему яд, а когда заметила, что этот яд действует слишком медленно, приказала борцу Нарциссу удушить его.

д) Императоры третьего столетия

После Коммода следует ряд так называемых «солдатских императоров». С этого времени преторианцы по своему произволу и возводили, и низвергали императоров, большую часть их они же и убивали. Только немногие из этих императоров заслуживают более подробного описания. Под их бессильным скипетром государство, уже давно страдавшее от внутренних пороков, исполинскими шагами шло к политическому распаду.

Септимий Север

За Коммодом следовал 67-летний городской префект Пертинакс. Избранный в январе

193 года, он был убит уже в марте того же года преторианцами, недовольными его скупостью и строгой дисциплиной. Окровавленную голову Пертинакса преторианцы принесли на копье в свой лагерь. Затем произошло невероятное событие: императорский престол был пущен преторианцами на продажу с публичного торга. Сенатор Дидий Юлиан предложил самую высокую цену и получил престол. Возмущённые подобным позором легионы восстали сразу в трёх местах: в Британии, в Сирии и в Иллирии, где военачальником был Септимий Север. Септимий Север во главе своих испытанных легионов форсированным маршем двинулся на Рим. Трусливые преторианцы убили Юлиана после его 66-дневного правления. Не встретив ни малейшего сопротивления, Септимий Север вступил в столицу. Первым делом он обуздал преторианцев. По его приказанию, они должны были сложить оружие и были уволены со службы. Их лагерь был занят иллирийскими войсками. Опираясь на эти войска, Септимий Север ввёл в Риме военную деспотию. Без дальнейших разговоров он приказал казнить 41 сенатора, которые показали ему непокорными, и взялся сам управлять всеми делами. Септимий Север приказал сделать важные исправления в правосудии и поручил знаменитым юристам Ульпиану, Павлу и Папиниану составить новый свод законов. Он совершил поход на парфян и завоевал их столицу Ктесифон.

Лагерь преторианцев в Риме

Уже в довольно преклонном возрасте Септимий Север предпринял рискованный поход против пиктов и скоттов в Каледонию. Но предприятие это не имело успеха как из-за мужественного сопротивления неприятеля, так и сурового климата и трудностей похода.

Каракалла

Южная часть Каледонии вновь была покинута, и границей государства стал Адрианов вал. Расстроенный таким оборотом дел, мучимый подагрой и опечаленный расстроеными отношениями в семье — распутством жены Юлии Домны и безнравственностью обоих сыновей, Септимий Север умер в 211 году.

Септимию Северу наследовал его кровожадный сын Каракалла (211...217 г.). Он умертвил своего брата Гету, а затем провозгласил его богом со следующими язвительными словами: «Он может быть богом только в том случае, если не будет больше жить». Каракалла приказал также казнить и приверженцев Геты, около 20.000 человек и даже учёного юриста Папиниана за то, что тот отказался произнести речь в оправдание братоубийства. Любовь к роскоши и страсть к расточительности заставляли Каракалла искать любых способов для добывания денег. Чтобы увеличить налоги, он даровал всем свободным жителям империи римское гражданство. В Риме Каракалла построил великолепные термы (бани), украшенные статуями и картинами, с мраморными бассейнами, библиотекой и спортивными залами. Во время похода в Парфию свирепый император был убит по приказанию начальника преторианцев Макрина, который и завладел императорской властью в 217 году.

Зала в термах Каракаллы

Макрин был в скором времени убит солдатами, которые возвели на престол мнимого сына Каракаллы 17-летнего Бассиана Антонина, жреца сирийского бога солнца. Став императором, он принял имя Гелиогабал. Со вступлением Гелиогабала на престол в Риме водворился порок в самом отвратительном виде. Гелиогабал опозорил трон безумной жестокостью, распутством и расточительностью. По его приказанию были произведены

многочисленные казни знатных людей, было введено безнравственное сирийское богослужение, а однажды он приказал усыпать улицы золотым песком. Наконец, и он был убит преторианцами в 222 году. Наследником Гелиогабала стал его двоюродный брат Александр Север. Благодаря влиянию своей благородной матери, Александр Север был благоразумным и кротким правителем, хотя, к сожалению, даже в зрелом возрасте проявлял слишком мало самостоятельности и энергии, что было особенно необходимо из-за страшной распущенности солдат. Вследствие своего миролюбивого характера Александр Север крайне неохотно решался на военные предприятия. Но в это время в Азии произошли такие угрожающие перемены, что не оставили ему другого выбора, как взяться за оружие.

Гелиогабал

Александр Север

До этого времени самым опасным врагом римлян в Азии были парфяне. Как раз в описываемое время против парфянского царя Артабана IV восстал один перс, по имени Ардшир, сын простого солдата Сассана, разбил его во многих сражениях и основал Новоперсидское царство Сассанидов, которое с этих пор стало опасным соседом Римской империи. Ардшид потребовал от Рима возвращения персам той части Азии, которой некогда владели Кир и Дарий. Когда он получил отказ в этом, то вторгся в Месопотамию.

Александр Север в 231 году выступил против Ардшира и нанёс ему страшное поражение. Ардшир вынужден был заключить мир и отступить из Месопотамии. Однако многочисленные трудности этого похода по непроходимым гористым местам или по песчаным пустыням, стрелы и копья неприятеля произвели и в римских легионах значительное опустошение. По возвращении из Азии император вынужден был отправиться на берега Рейна и Дуная, так как в этих местах германцы стали вторгаться на римские территории. Здесь Александр Север был убит в 235 году недовольными солдатами под предводительством фракийца Максимиана, который своей силой и храбростью заслужил уважение воинов. Со вступления на престол Максимиана Фракийца в империи начинается эпоха всеобщих смут, прерываемых лишь на короткое время. Империя сделалась игрушкой грубых солдат, которые не заботились ни о чём другом, как только об удовлетворении своих низменных страстей, что должно было неминуемо привести государство к гибели. Быстро чередовались один за другим возводимые на престол и низвергаемые войсками цезари. Один из них, Филипп Аравитянин, сын атамана разбойничьей шайки в Аравийской пустыне (244...249 г.), праздновал в 248 году с большой пышностью день тысячелетнего существования города Рима в то самое время, когда римское государство уже было расшатано в своём основании. Даже следующий император, необыкновенно способный Деций (249...251 г.), если бы и царствовал дольше, не был бы в состоянии задержать всеобщее падение. Всё сильнее становился напор германских племён на границы империи, внутренняя слабость которой не могла укрыться от их взоров. В течение третьего столетия в столкновение с римлянами вступали алеманны, франки, а со времени Деция и готы. Деций и погиб в сражении с готами, произошедшем в Мизии.

Максимин Фракиец

Далее правили: трусливый Галл (251...253 г.), купивший мир у готов; храбрый, но несчастный Валериан (253...260 г.), который был взят в плен персидским царём Сапором и терпел от него жестокое обращение. После Валериана наступила борьба между некоторыми претендентами на престол Галиеном, Авреолом, Тетриком и прочими.

После этих десятилетних смут на престоле появляется энергичный Аврелиан (270...275 г.), сын бедного арендатора из Сирмия, который прославился во время войны с готами. Ему хоть на несколько лет удалось восстановить порядок и задержать распад империи. Аврелиан разбил при Фануме-Фортуне алеманов, которые уж проникли в долину реки По, и совершенно разгромил их во втором сражении при Павии. Для того, чтобы защищать столицу от нападений варваров, Аврелиан решил построить крепкую стену, которая была закончена уже после его смерти.

Аврелиан

Зиновия

Разбив на Марне галльского правителя Тетрика и покорив Галлию, Аврелиан выступил против Сирии. Здесь в оазисе Пальмира сириец Оденат основал независимое государство и успешно сражался с персами. После смерти Одената его супруга Зиновия, эта «вторая Семирамида», одарённая мужественным, властолюбивым характером, продолжала управлять государством и даже увеличила свои владения новыми завоеваниями в Египте и Малой Азии.

Развалины Пальмиры

Против этой Зиновии и выступил Аврелиан и разбил её в двух сражениях при Антиохии и Эмезе. Пальмира была взята, царица хотела спастись бегством, но была настигнута и приведена в Рим. Как только Аврелиан ушёл из Пальмиры, её жители восстали, он вторично выступил против них и на этот раз совершенно разрушил великолепный город, блистательное средоточие торговли и образованности. И поныне стоят величественные развалины, свидетельствующие о былом великолепии этого города.

Аврелиан намеревался совершить поход против персов, но был убит во Фракии по наущению своего секретаря. Войско и народ оплакивали смерть энергичного правителя, но развращенный сенат был рад освобождению от власти строгого Аврелиана.

После него на престол вступил Проб (276...282 г.). Он следовал примеру Аврелиана, железной рукой отбросил назад наступавших германцев, франков на нижнем Рейне, алеманов на верхнем Рейне, бургундов и вандалов, которые вторглись в Галлию.

Проб

Проб также перешел через Рейн и принудил племена западных германцев к миру; с ними был заключен договор, по которому они обещали прекратить свои разбойничьи набеги и доставлять римским гарнизонам на Рейне хлеб и скот.

Диоклетиан

Для защиты государственных границ Проб закончил строительство пограничных укреплений, начатое еще Траяном и Адрианом. В Европе очень долгое время сохранялись остатки этого укрепления, которые люди называли «Чертовой стеной». Но Проб навлек на себя нелюбовь солдат тем, что он для отвращения от праздной и распутной жизни занимал их в мирное время полезными работами. В Галлии и Паннонии он заставлял их разводить

виноградники, осушать болота, проводить дороги. Когда Проб потребовал от солдат усиленной работы в Сирмие, они возмутились и убили его.

В правление Диоклетиана (284...305 г.) единство империи совершенно нарушилось. Этот император, сознавая невозможность защитить государство от наступающих со всех сторон варваров, разделил верховную власть. Он провозгласил своего друга Максимиана соправителем с титулом «августа». Максимиан должен был из Милана управлять Италией и Африкой. Сам Диоклетиан взял на себя управление Востоком и перенес свою резиденцию в город Никомедию в Вифинии. Диоклетиан установил при своем дворе обычаи и образ жизни восточных государей. Себе в помощники он взял Галерия, бывшего некогда пастухом, а в помощники к Максимиану назначил Констанция Хлора, кроткого и образованного человека. Обоим он дал титул «цезарей». Галерий получил в управление Иллирию и страны по Дунаю, Констанций — Галлию, Испанию и Британию. Резиденция первого из них была в Сирмие, а второго сначала в Августе Тревири (Трир), а потом в Эбораке (Йорк). Вследствие этого Рим перестал быть центром империи и, так как посещался Диоклетианом очень редко, то вскоре утратил и свой блеск.

В 305 году Диоклетиан удивил весь мир решением сложить с себя императорское достоинство. Ему надоели непрерывные беспокойства и опасный сан, который для многих был роковым. Одновременно с Диоклетианом от престола отрекся и Максимиан. Диоклетиан удалился в Далмацию и там жил до 313 года в городе Салоне, в своем дворце, окруженном роскошными садами. Максимиан жил в своей вилле, в Лукании. Он появляется впоследствии еще раз в качестве претендента на императорский престол.

Императорами стали теперь Галерий и Констанций, которые находились на окраинах Римской империи. В Риме же преторианцы провозгласили августом Максенция, сына Максимиана. Максенций взял отца в соправители. Констанций Хлор умер в 306 году, и на его место вступил сын его Константин.

После отречения Диоклетиана от престола произошли всеобщие беспорядки. Претенденты на императорский престол вступили между собой в ожесточеннейшую войну. Кровавая гражданская война продолжалась целых 18 лет. Наконец, в 312 году дело дошло до решительного сражения между Максенцием и Константином. При выступлении с войском из Галлии в Италию, чтобы низвергнуть Максенция, Константину явился на небе лучезарный крест с надписью: «Сим знамением победишь». Константин, уже и раньше благосклонно настроенный к христианству своей матерью Еленой, украсил свое боевое знамя изображением креста. Быстрым, победоносным походом прошел Константин Верхнюю Италию и приблизился к Риму. Максенций с войском выступил навстречу. Кровавое столкновение произошло недалеко от вечного города, у так называемых «Красных утесов». Максенций был разбит и бросился с моста в Тибр, где и погиб. Константин вступил в Рим как победитель и стал властителем западной части империи.

Лициний

Константин

На востоке империи правил Лициний. Константин устроил с Лицинием свидание в Милане, заключил с ним союз и для большего его укрепления выдал замуж за Лициния свою сестру Констанцию. Важнейшим документом этого свидания стал «Миланский эдикт о терпимости», по которому христианам представлялось право свободно совершать свои обряды (313 год). Таким образом, с победой над Максенцием был решен и вопрос, какая религия будет отныне государственной.

Дружба свояков была непродолжительной. Поводом к раздору послужило следующее обстоятельство. Константин выдал свою сестру Анастасию замуж за знатного римлянина

Вассиана и наименовал его «цезарем», но медлил с наделением его провинциями. Раздосадованный этим Вассиан обратился к Лицинию. Тот благосклонно принял и выслушал послов Вассиана и начал с ним тайные переговоры. Но Константин раскрыл все подробности замышляемого против него заговора, казнил Вассиана, а Лицинию объявил войну. В Паннонии и во Фракии Константин разбил войска Лициния, и противники заключили мирный договор. По этому договору власть Лициния отныне распространялась лишь на Фракию, Малую Азию, Сирию и Египет; Грецию, Македонию и Дунайские провинции Константин присоединил к своим владениям. Но Константин не желал терпеть при себе соправителя и восемь лет спустя, в 324 году, начал войну против Лициния. После нескольких поражений Лициний сдался и отрекся от императорского титула, получив обещание, что ему будет сохранена жизнь. Но через несколько месяцев из-за совершенно не основательных подозрений Константин приказал удавить Лициния и его сына.

е) Константин—единовластитель.

(325...337 г.).

Правление Константина произвело важные перемены не только в религиозном, но и в политическом отношении. Город Рим уже давно потерял свое первенствующее значение, и Константином овладела честолюбивая мысль основать новую столицу, которая затмила бы древний Рим своим блеском. Его выбор пал на древнюю Византию. Этот город был очень удобно расположен на Босфоре, соединяющем два моря, с превосходным заливом, очень подходящим для устройства гавани. Кроме того, здесь был чрезвычайно благоприятный климат и необыкновенно плодородная окружающая местность. Этот город с окружающими его возвышенностями можно было довольно легко превратить в неприступную твердыню. Наконец, отсюда удобнее было бороться с непримиримыми врагами римлян: с германцами на Дунае и новоперсами на Евфрате. Новый город стал быстро строиться. Он должен был называться Новым Римом, но скоро получил имя Константинополя.

Были преобразованы и государственные учреждения, во многих чертах они носили восточный характер. Вокруг особы монарха группировался, но в почтительном отдалении, целый сонм должностных лиц в нисходящей постепенности по чинам и достоинству, и притом с новыми титулами. Ближе всех к императору стояли члены государственного совета или тайного кабинета, все любимцы императора; они носили титул «сиятельных». Затем следовали «знатные», за ними шли «достопочтенные» и т.д. Гражданская власть (управление, правосудие и государственные финансы) была совершенно отделена от власти военной, чтобы честолюбивые полководцы не могли захватить верховную власть. Военная власть была передана двум главнокомандующим: начальнику конницы и начальнику пехоты.

Государственные сановники

Константин разделил всю империю на четыре префектуры или экзархата: Восток, Иллирию, Италию и Запад. Восток составляли Египет, Сирия, Месопотамия, Армения и Малая Азия; в Иллирию входили Паннония, Дакия, Македония и Греция; Италия, наряду с собственно Италией содержала в себе Северную Африку, острова Средиземного моря и Альпийские области до Дуная; Запад охватывал Галлию, Британию и Испанию. Во главе каждой из этих четырех префектур в качестве высшего гражданского сановника стоял префект. Префектуры распадалась на 14 епархий, а епархии — на 116 провинций. Епархии были подчинены викариям, а провинции — проконсулам, консулам, ректорам или президентам. Войска каждой провинции находились под начальством герцогов или графов.

Вся система государственного устройства была составлена так, чтобы гражданские и

военные должностные лица имели возможность надзирать за народом и держать его в повиновении.

Полководец

Государственные должности привлекали к себе почестями, отличиями и значительным денежным содержанием. Честолюбцы стремились к тому, чтобы возвыситься до непосредственной близости к императору, не останавливаясь перед самыми низкими средствами: лицемерием, лестью, интригами и преступлениями.

Заболев на 65-м году своей жизни, Константин отправился на целебные купания в Вифинию, но эти купания не помогли императору. Тогда, чувствуя приближение смерти, Константин приказал перевести себя в Никомидию, призвал епископа Евсевия и принял от него крещение. За заслуги, оказанные христианской церкви, христианские историки почтили Константина именем Святого равноапостольного и званием Великого. Хотя почести вполне заслужены Константином, но на этот счет как в древние времена, так и сейчас существует большое разногласие. Современные Константину христианские писатели, такие, как кесарийский епископ Евсевий и Лактанций, воздают этому императору безусловную дань уважения. А языческие писатели Юлиан Отступник и Зосима изображают Константина человеком расчетливым и утверждают, что он покровительствовал христианам, которых в то время было уже много, исключительно из политических соображений и ради достижения своих честолюбивых целей.

Правление Константина было благотельным для империи. Он пытался сохранить внутренний порядок в государстве примерным, беспристрастным правосудием, старался не допускать произвола чиновников, содействовал интересам христианской церкви и с успехом отбивал вторжения алеманнов в пределы империи.

ж) Христианство до четвертого столетия

Во времена Августа большинство образованных людей в Риме относились к старинным народным религиям совершенно равнодушно и безучастно. Конечно, в простом народе еще глубоко коренилась вера в старых богов, но с течением времени к этой вере примешалось множество всевозможного рода иноземных, посторонних, исключаящих друг друга элементов. Низшие классы народа поклонялись и египетским, и финикийским, и персидским божествам. Кроме того, многие предавались самым странным суевериям и самым необыкновенным таинственным учениям. Но человеческое сердце, требовавшее внутреннего удовлетворения, не находило в этих богослужениях того, чего искало. Здесь, среди низших и средних слоев общества, в громадной массе униженных, бедных и несчастных нашлась почва, где могла пустить корни радостная весть Искупителя. Восприятию нового учения в особенности содействовали женщины, так как это учение возвышало женщину из ее недостойного, глубоко приниженного положения до положения мужчины и впервые придавало браку высокое освящение посредством тесного сближения душ.

В высших сословиях христианство распространялось гораздо медленнее. Здесь христианскому учению, с одной стороны, оказывал сильное противодействие горделивый дух образования, с другой же стороны, с восприятием этого учения приходилось расстаться с укоренившимся порядком вещей, например, с рабством. Наконец, для этих высших классов было в особенности тяжело исполнять требование, по которому исповедующий Христа должен отречься от всех земных благ, от почестей, власти и богатства.

Древние христианские символы креста, рыбы и доброго пастыря

Римские орудия пытки

Принимавшие новое учение обрекали себя на жестокое гонение. Римляне были снисходительны к последователям иноземных религий, так как они не отказывались от соучастия в языческих празднествах в почитании алтарей и храмов, особенно тех, которые воздвигались в честь обожествленных императоров. Но в то же время римляне выказывали необыкновенную враждебность к таким религиям, которые отваживались стать в прямое противоречие с римской религией. Христиане, в силу основных начал своей религии, были обязаны удаляться от языческих жертвоприношений и празднеств. Римлянам казалось возмутительной дерзостью со стороны христиан то, что, по их мнению, только они исповедовали истинную религию. Вначале христиан принимали за иудейскую секту и потому относились к ним с такой же ненавистью и с таким же презрением, как и к иудеям. Потом христиан стали считать опасными для государства, так как они хотели положить конец служению богам, что было одной из существеннейших опор Римского государства. Подобного взгляда на христианскую религию придерживались лучшие императоры: Траян, Марк Аврелий, Деций. Они считали, что прямую их обязанность составляет упрочение основ государства, и поступали совершенно последовательно, противодействуя всем партиям и сообществам, стремившимся выделиться из государства. В этом отношении в высшей степени интересной представляется переписка между Траяном и Плинием Младшим, тогдашним наместником Вифинии. «До сих пор, — пишет Плиний, — я поступал следующим образом: я спрашивал тех, на которых доносили мне как на христиан, — христиане ли они. И когда они это утверждали, я предлагал им тот же вопрос во второй и третий раз, а затем грозил им смертной казнью. Когда же они упорствовали в принадлежности своей к христианству, я приказывал казнить их. Поступая таким образом, я был убежден, что при каких бы то ни было обстоятельствах, они заслуживают наказания за свое непреклонное упорство. Других, зараженных тем же безумием, так как они были римские граждане, я приказывал отмечать с тем, чтобы отправить их в Рим. Но, как это обычно бывает при розысках всякого преступления, в скором времени обнаружилось, что их существует множество видов. Я получил анонимное письмо, содержащее список имен многих лиц, которые наговаривали на себя, что они христиане или были таковыми; когда я спросил их, кому они молятся, они клялись богами и твоим изображением, которое я приказывал приносить для этой цели вместе с изображениями богов, совершали перед ним жертвоприношения возлияниями вина и курением фимиама и, кроме того, поносили Христа. Между тем, истинных христиан, как уверяют, невозможно к этому принудить. Поэтому я полагаю, что подобных лиц можно отпускать на свободу».

На это письмо Траян отвечал: «Ты совершенно правильно поступаешь при розысках о лицах, на которых доносят тебе как на христиан. В этом отношении не представляется возможности установить какое-либо одно общее правило, которое могло бы служить определенной нормой. Христиан не следует разыскивать, но когда они будут выданы и изобличены, то их следует подвергать наказанию. Но те, которые отрекутся от принадлежности своей к христианству и докажут это на деле, то есть поклонением нашим, богам, должны быть помилованы, даже если прежде и внушали к себе подозрение. Во всяком случае не следует принимать анонимные доносы о каком бы то ни было преступлении, так как это может послужить опаснейшим примером и противоречит духу нашего времени».

Но ни жесточайшие истязания, ни насмешки и оскорбления не были в состоянии задержать победоносное шествие христианства. Наоборот, проявленная мучениками мужественная преданность вере и восторженная твердость, с которой они шли на смерть, привлекали к ним все больше внимания и участия и умножали ряды верующих. Уже во времена апостолов в разных местах римской империи образовались христианские общины, например, в Антиохии, в Эфесе, Коринфе, Риме, Александрии. Возникновению этих общин

способствовала широкая просветительская деятельность апостола Павла. В конце второго столетия христианство, несмотря на все преследования, распространилось по всей империи. Мы находим христианские общины даже в Галлии, Британии и Северной Африке. Среди тысяч мучеников ярко сияют имена антиохийского епископа Игнатия, иерусалимского епископа Симеона, умерщвленных при Траяне; епископа из Смирны Поликарпа, погибшего при Марке Аврелии; двух юных жен, Перепетуи и Фелицитаты, которые при Септимии Севере были брошены на растерзание львам.

Диакон

Все блистательнее подтверждались слова одного из отцов церкви, Тертуллиана, который с торжеством восклицал: «Чем больше нас истребляют, тем больше мы возражаем в числе. Кровь мучеников обращается в семена церкви».

Но прежде, чем язычество окончательно утратило свое значение, христианской церкви, пришлось еще раз вынести страшное испытание, которое предпринял Галерий (303...305 г.) и которое распространилось по всему государству. Только Констанций Хлор и его сын Константин старались смягчить и ослабить в своей провинции Галлии бесчеловечную жестокость императорских указов. Поражение Максенция повлекло за собой и окончательное поражение язычества. В 313 году появился «Миланский эдикт о терпимости», а как только Константин приобрел единовластие, он издал в 325 году эдикт, в котором признал христианскую религию единственной истинной религией. Однако Константин все еще терпимо относился к идолопоклонству и сам был настолько осторожен, что принял крещение только перед смертью.

Чтобы способствовать и экономическому развитию христианских общин, Константин издал указ, по которому часть доходов в каждой провинции должна передаваться для нужд христианской церкви. В особенности большими преимуществами наделялся клир (христианское духовенство). Со своею политической прозорливостью Константин осознавал, какой могущественной опорой престола может стать духовенство. Поэтому он признал духовенство самостоятельным сословием и наделил его всевозможного рода привилегиями. Например, оно получило право собственного суда во всех религиозных делах, было освобождено от податей и налогов, а также от военной службы.

К этому времени уже определилось устройство церкви. Во главе общин стояли епископы (в переводе «надзиратели»). В наиболее значительных общинах, например, в Антиохии, Эфесе и Риме, отдельные епископы имели большое влияние. Среди самих епископов в скором времени епископы римский, александрийский, антиохийский, константинопольский и иерусалимский стали называться патриархами или митрополитами. Признание же примата (первенствующего значения) было достигнуто римскими епископами Лишь Львом I Великим (440...461 г.) и Григорием I Великим (590...604 г.). Таким образом, установилась иерархия, то есть священноначалие с постепенным подразделением на разряды, начиная с высшей ступени, на которой стояли на Востоке патриархи, а на Западе папа, и кончая низшими должностями привратников, прислужников при больных и могильщиков. Такое устройство в своих основных чертах сохранилось и до нашего времени.

К сожалению, между христианами уже во времена апостолов начались жаркие споры из-за разногласия в понимании основных начал учения о вере и в представлениях о личности Христа и нередко вели к самым прискорбным явлениям. Уже апостол Павел негодует на тех, которые произвольно объясняют догматы и тем самым вносят в общину раздоры. Причиной этих раздоров служило еще и то, что спорившие стороны не только не были проникнуты взаимной сердечной терпимостью и желанием прийти к дружелюбному согласию, а наоборот, каждый, веровавший по-своему, тотчас получал клеймо «еретика», то есть раскольника, и подвергался самому жестокому преследованию. Возникли различные секты:

эбониты, гностики, манихеи, монтанисты и многие другие. Остановимся на важнейших теологических спорах первых четырех веков.

Вскоре после утверждения Константина на императорском престоле произвел сильнейшее волнение умов один спорный вопрос. Александрийский священник Арий учил, что Христос, Сын Божий, не предвечен, как Бог Отец, но что Он, хотя и превосходит бесконечно все существа, тем не менее есть существо сотворенное, создание Бога.

Афанасий же, епископ Александрийский, отстаивал догмат, что Христос так же предвечен и единосущ, как и Бог Отец. Этот спор вызвал такое всеобщее возбуждение, что Константин счел нужным вмешаться самому. С этой целью в 325 году в Вифинском городе Никее был созван вселенский собор, на который явилось до 300 епископов из всех частей государства. На этом соборе учение тех, которые утверждали, что «было время, когда Христа не было», было объявлено еретическим и предано проклятию (анафеме). Арий был отрешен от должности и удален в изгнание в Иллирию. Арианское учение нашло себе много последователей среди готов, вандалов и лангобардов. Было распространено это учение и на Востоке до тех пор, пока Феодосий I в 380 году не объявил, что истинными христианами признаются только те, кто исповедует установленный Никейским собором символ веры, ариане же должны быть строго наказуемы. Феодосий повелел изгнать ариан из всех церквей Востока и на Константинопольском вселенском соборе осудил их как еретиков (381 г.).

На Востоке во второй половине третьего века появилось монашество. Христианство требует от человека презрения к чувственным наслаждениям, бедности и целомудрия, благоговейного и молитвенного отношения к Богу. Лица, проникнутые таким убеждением, стали считать удаление от языческого, глубоко развращенного мира единственно верным путем к достижению наивысшей степени совершенства и к получению в награду вечного блаженства. Такие люди покидали дома и селения и удалялись в пустыню, чтобы вести там жизнь отшельников в строжайшем аскетизме, то есть в воздержании от всех наслаждений.

Никейский собор

Первым христианским отшельником считается Павел Фиванский в Египте (235...340 г.), который во время гонений на христиан при Деции бежал в Фиванскую пустыню и 90 лет прожил в пещере. Одежду и пищу доставляло ему пальмовое дерево, а жажду утолял свежий источник. Окрестные христиане стекались к Павлу, чтобы слушать его проповеди. Далеко распространилась слава о его святости и творимых им чудесах.

Отшельник

Примеру Павла Фиванского последовал египтянин Антоний (251...356 г.). Сын богатых родителей, Антоний, лишившись их в ранней молодости и получив большое наследство, раздал его бедным, а сам удалился в пустыню. Скоро вокруг Антония собрались ученики, которые стремились подражать ему. Они построили себе хижины вблизи его жилища и стали жить, как он.

Его ученик Пахомий собрал на одном из островов Нила — Таббене в Верхнем Египте, еще большее число отшельников. Они жили или на огороженных местах, или в крытых постройках и обязаны были подчиняться определенным правилам жизни, которые налагали на них обязанность молиться и работать (заниматься скотоводством и плетением циновок). По совету Пахомия, и женщины стали соединяться в подобные сообщества. Таким образом, Пахомий стал основателем монастырской жизни. Мужчины, жившие вместе большими или малыми группами, назывались монахами («отдельно живущими»), а женщины — монахинями.

Св. Антонин (Со статуи XIII века)

Св. Бенедикт

После смерти Пахомия число монахов и монахинь возросло до нескольких тысяч. Многие отшельники, не довольствуясь строгостью обыкновенной монашеской жизни, избирали себя в качестве жилищ пропасти, могилы, вершины гор, деревья и даже высокие столпы, чему первый пример показал Симеон Столпник, который в течение 39 лет жил в окрестностях Антиохии в жилище, устроенном им на высоком столбе. У него было очень много подражателей в Сирии и Палестине, где столпники (стилиты) существовали до двенадцатого века.

На Запад монашество было перенесено святым Афанасием в 340 году; устройством же монастырей оно обязано святому Бенедикту Нурсийскому (480...543 г.), который основал в пустыне Монте-Касино (Италия) образцовый монастырь и установил для монахов определенные правила. Жизнь монахов была устроена так, что умственные занятия постоянно чередовались с физической работой. Ненарушимый обет обязывал обитателей монастыря к перенесению бедности, лишений, целомудрию и послушанию. Большинство монастырей на Западе было устроено по правилам св. Бенедикта. Пока эти монастыри соблюдали устав св. Бенедикта, они приносили большую пользу окрестным жителям. Монахи оказывали гостеприимство и благодения бедным, подавали утешение и совет во всех печалях и бедах и в то же время прилежно занимались различными работами. Они переписывали книги, обучали юношество, осушали болотистые земли и занимались ремеслами и искусствами. Некоторые монастыри, как, например, св. Галлена, Корвейский и другие, прославились как центры наук и распространители образования.

С течением времени в монастырской жизни на Востоке и Западе наблюдается все большее и большее различие. В то время как на Востоке монастыри продолжают служить исключительно религиозным целям, монастыри на Западе, благодаря возрастающему политическому значению римского духовенства, постепенно изменяют своему первоначальному назначению. Богатства, притекающие в них в виде всевозможного рода приношений, и вмешательство в мирские дела, вовлекали монахов в роскошный образ жизни и действовали на них развращающим образом.

з) Преемники Константина до переселения народов.

(337...375 г.)

Перед смертью Константин совершил раздел государства между тремя своими сыновьями Константином, Констанцием и Констансом и двумя своими племянниками Делмацием и Ганнибалианом. Едва император скончался, между наследниками начались раздоры. Оба племянника были быстро убиты, а сыновья вступили в жесточайшую борьбу между собой; в живых остался один Констанций, который и занял престол в 353 году. Ему пришлось со всех сторон отбиваться от соседних племен. Он победоносно сражался против новоперсов, которыми правил царь Сапор II. В то время как Констанций был занят на Востоке, алеманны и франки вторглись в Галлию. Против них император послал своего двоюродного брата Юлиана. Юлиан спас Галлию, одержав в 357 году при Страсбурге победу над алеманнами, причем их король Кнодомар попал к римлянам в плен. В следующем году он выступил из Парижа, своего постоянного местопребывания, против франков, застиг их врасплох, разбил при Токсандрии и отбросил их частью за Рейн, частью в северную Бельгию. Военная слава Юлиана до такой степени возбудила зависть Констанция, что он придумал

средство сделать безвредным опасного соперника. С этой целью Констанций приказал Юлиану отправить к нему на Восток четыре легиона и отборные вспомогательные войска под тем предлогом, что он нуждается в них для войны с но-воперсами. Но солдатам вовсе не хотелось оставлять любимого полководца и отправляться далеко на Восток. Они отказались повиноваться и провозгласили своего любимца Юлиана «августом». Юлиан неохотно принял этот опасный сан и отправил Констанцию письмо, в котором самым почтительным образом просил признать его правителем Запада. Констанций отвечал высокомерным и угрожающим тоном. Тогда Юлиан решил предоставить оружию закончить его спор с императором. В то самое время, как Юлиан выступил в поход на Константинополь, Констанций умер. Теперь Юлиан совершил свой въезд в Константинополь при радостных приветствиях солдат и населения.

Юлиан Отступник

Юлиан (361...363 г.) обладал добродетелями, простотой и нравственной чистотой древнего римлянина. При своем дворе он установил порядок и бережливость, распустил целые толпы придворных чиновников и слуг и изгнав расточительность с императорского стола. С неутомимой деятельностью следил Юлиан за государственным управлением, за соблюдением правосудия и поддержанием в войсках строгой дисциплины. Он был фанатическим приверженцем древних греков и римлян, поборником неоплатонической философии, которую он изучал в Афинах. Христиан он ненавидел, отчего и получил от христианских писателей прозвище Апостата, то есть отступника. Ненависть его к христианству объясняют тем, что, когда во времена своей молодости он жил при дворе, окружавшие его лица не принадлежали к числу людей, которые могли бы служить ему примером христианских добродетелей. Лицемерие, коварство, взаимная вражда и даже убийства позорили императорский двор того времени; безрассудные ссоры честолюбивых и властолюбивых духовных лиц внушили Юлиану омерзение и отвращение к христианскому духовенству. С другой стороны, Юлианом овладела тщеславная мысль воскресить отжившее свой век язычество. Вступив в управление государством, Юлиан сразу же приказал восстановить древние храмы, воздвигнуть алтари и приносить на них жертвы языческим богам по древним обычаям. Он сам совершал эти жертвоприношения с величайшей пышностью. Хотя Юлиан и не преследовал христиан огнем и мечом, но обращался с ними с величайшим презрением, лишал их должностей и запретил христианским риторам и грамматикам заниматься преподаванием классической литературы.

В своей слепой ненависти Юлиан не постыдился призвать к себе на помощь в борьбе с христианством даже иудеев в качестве союзников. Он освободил иудеев от податей и налогов и разрешил им восстановить храм в Иерусалиме. Иудеи тотчас же приступили к делу. Но прежде чем они успели возвести новые стены храма, судьба императора уже свершилась. По словам св. Афанасия, он был лишь «набежавшим облаком», которое быстро растаяло от лучей христианского солнца.

Со свойственным ему честолюбию Юлиан горел страстным желанием приобрести воинскую славу. Надлежало смирить гордого Сапора II и отнять у него его завоевания в Месопотамии. В начале 363 года Юлиан вторгся в Сирию. Начало похода было успешным: многие крепости сдались и победоносный император дошел до царской столицы Ктесифона. Этот город, окруженный крепкими стенами и имевший бесчисленное множество стрелков, всадников и боевых слонов, был неприступен. Юлиан направился к северу и стал углубляться все дальше в Персию. Но изменники-проводники завели войско в местность, лишенную воды и продовольствия, поэтому пришлось отступать; это отступление оказалось роковым. Когда войско проходило лесистыми горами, внезапно со всех сторон на него напали враги. Юлиан был без панциря, и дротик неприятеля вонзился ему в бок. По свидетельству христианских писателей, Юлиан сам вытащил дротик из раны и, бросив к

небу полную горсть вытекавшей из раны крови, с горечью воскликнул: «Ты победил, Галилеянин!» Войско продолжало сражаться с мужеством отчаяния и отбросило врага назад.

Солдаты выбрали из своей среды нового императора, начальника дворцовой стражи Иовиана. Под его предводительством войско с величайшими трудностями добралось до Тигра, но перейти эту реку не удалось, и Иовиан был вынужден заключить унижительный мир с Сапором II.

С трагической смертью Юлиана рушились и все его замыслы. Они разбились о действительное положение вещей, которому его смелый ум напрасно старался противодействовать. Иовиан (363...364 г.) отменил указы своего предшественника, вновь восстановил христианство во всех его правах, но вместе с тем терпел и язычество.

Преемник Иовиана, Валентиниан (364...375 г.), чтобы облегчить себе бремя правления, взял в соправители для Востока своего младшего брата Валента. Сам Валентиниан оставил в своем управлении Иллирию, Италию и Галлию. Границы империи на Рейне и в Британии находились в величайшей опасности. Но Валентиниан охранял их мощной рукой. Его полководец Иовин разбил алеманнов в сражении при Шалоне в 366 году. Сам император, сопровождаемый своим молодым Грацианом, в 368 году перешел с сильным войском через Рейн и разбил алеманнов при Солиции. В Британии и в Африке полководец Валентиниана, Феодосий вновь утвердил римское владычество. В то же время на нижнем Дунае квады совершили опустошительное вторжение в пределы Римской империи.

Валентиниан II

Максим

Валентиниан поспешно заключил мир с алеманнами и поспешил на Дунай. Когда он расположился с войском на зимние квартиры, чтобы весной начать военные действия, к нему явились послы квадов с просьбой о пощаде. Во время переговоров Валентиниан пришел в такой гнев, что с ним случился удар и он умер. В качестве правителя Запада Валентиниану наследовал его сын, кроткий и высоконравственный Грациан (375...383 г.). Он проживал частью в Трире, частью в Париже. Грациан часто пренебрегал своими обязанностями правителя, отдаваясь своей страсти к охоте на диких зверей. Недовольное войско выбрало в императоры испанца Максима (383...388 г.). Грациан хотел бежать к своему брату Валентиниану в Милан, но на дороге был настигнут и убит в Лугдунуме (Лион). Но и Максим был разбит Феодосием при Сисции на Саве и убит солдатами в Аквилее. Теперь на Западе на престол вступил юный Валентиниан II.

58. Переселение народов и падение западной римской империи.

(375...591 г.).

а) Гунны. Валент и вестготы. Феодосий Великий.

(375...395 г.).

В то время, когда на Востоке правил Валент, одряхлевшее здание Римской империи испытало такой удар, последствия которого в конце концов привели империю к падению. Удар этот нанесли гунны. Они вышли из глубины Азии, из пустыни Гоби, прошли «Вратами народов» между Уральскими горами и Каспийским морем в Европу и перешли Волгу. То было началом чрезвычайного, всеобщего, имевшего громадное значение движения племён,

которое называли «переселением народов». Особенно активно переселялись германские племена. Продолжаясь двести лет, это переселение совершенно изменило политическую карту Европы, так как на месте Западной Римской империи возникли основанные германскими племенами совершенно новые государства, из которых одни просуществовали короткое, другие более продолжительное время.

Римский историк IV века Аммиан Марцелин и готский историк VI века оставили нам описание гуннов:

Гунны страшно дики и по наружности отвратительны. Они имеют крепкие, мускулистые члены и толстую шею. Вся фигура их настолько груба и нескладна, что их можно принять за двуногих животных или за те грубо вытесанные столбы, которыми подпирают мостовые перила. У детей тотчас после рождения делают на щеках глубокие надрезы для того, чтобы при помощи сплошных рубцов уничтожить выростание волос, вследствие чего гунны до самой старости остаются безбородыми и крайне безобразными. При такой отвратительной, отталкивающей наружности они настолько дики, что не пользуются огнём для приготовления пищи. Пищу их составляют корни диких растений и полусырое мясо первого попавшегося животного, которое они кладут вместо седла на спину лошади и распаривают его быстрой ездой. Жилищами гунны пользуются лишь в случае крайней необходимости; они боятся их, как могил, и, постоянно странствуя по горам и долинам, с самой колыбели приучаются переносить и стужу, и голод, и жажду. Одежду гунны носят или полотняную, или сшитую из кож лесных мышей, голову покрывают высокой шапкой, а ноги — козьими шкурами. Грубо сшитая обувь стесняет их походку, поэтому они мало способны к пешему бою; но зато, как бы сросшись со своими крепкими, хотя на вид и невзрачными лошадьми, они почти все свои дела совершают верхом. Сидя на лошади, гунн покупает и продает, ест и пьет, и, что может показаться невероятным фактом, склонившись на шею быстрого скакуна, предаётся глубокому сну; даже если по какому-нибудь важному делу собирается совет, то и на нем он участвует верхом на коне. Битву гунны начинают отвратительным воем; затем с быстротою молнии бросаются они на врага, в то же мгновение умышленно рассыпаются в разные стороны, также быстро вновь возвращаются, без всякого порядка поражают здесь и там и, прежде чем их заметят, благодаря неимоверной скорости, нападают на вал или начинают опустошать неприятельский лагерь. Издали гунны сражаются дротиками, острия которых с редким искусством отделаны костью; на близком же расстоянии они дерутся саблями и в то самое мгновение, когда противник собирается отклонить удар, накидывают на него аркан и с силой увлекают его за собой. У гуннов никто не обрабатывает землю и не касается плуга; все они, не имея ни постоянного местопребывания, ни родины, ни законов, ни обязательных обычаев, подобно беглецам, они ведут постоянно бродячую жизнь. Женщины у гуннов живут на телегах, там ткут свои грубые одежды и воспитывают детей. Ни один гунн не в состоянии ответить на вопрос, где он находится. Гунны не соблюдают верности в договорах и, подобно неразумным животным, вряд ли даже имеют какое-либо понятие о правде и несправедливости. Без всякой причины и цели они способны предаваться самым неистовым образом своим страстям и выказывают непостоянство при малейшей надежде, сулящей им что-либо новое. Гунны до такой степени изменчивы и вспыльчивы, что способны в один и тот же день покинуть своих союзников безо всякой причины и точно так же без всяких рассуждений вновь примириться с ними.

При своем переселении на запад гунны прежде всего столкнулись с аланами между Доном и Волгой. Аланы частью были прогнаны, частью присоединились к гуннам. Затем гунны напали на остготов и вестготов. Остготский король Германарих был разбит страшным врагом и лишил себя жизни. Те остготы, которые не были покорены гуннами, направились в Паннонию; вестготы же, предводимые Фридигерном, отправили послов к императору Валенту и просили, чтобы он дал им земли; в благодарность они обещали охранять границы

империи. Валент дал им позволение поселиться в Мизии. Тогда около 200.000 воинственных вестготов с женами и детьми перешли через Дунай. Но римские сановники Лупицин и Максим обошлись с пришельцами очень бесчеловечно. Их принуждали покупать по непомерным ценам съестные припасы и притом часто самого худшего качества. Сначала готы, не имея наличных денег, платили одеждой, коврами, оружием и другими ценными предметами. Когда их средства истощились, они были вынуждены продавать в рабство даже своих детей. В довершение всего Лупицин, пригласив готских вождей на обед в Марцинополь, сделал попытку коварно убить их, это возмутило готов, и они подняли восстание. Тогда Лупицин поспешно собрал все свои войска, но был разбит и бежал. Дыша мщением, готы двинулись во Фракию, производя по пути страшные опустошения. Против них выступил сам император Валент, но при Адрианополе был совершенно разбит в 378 году. На поле битвы пало две трети римского войска; сам Валент скрылся в хижине крестьянина, но был обнаружен. Враги подожгли хижину, и Валент погиб в пламени мучительной смертью.

Западно-римский император Грациан явился со своими вспомогательными войсками слишком поздно и уже не смог предотвратить ужасного бедствия. Получив известие о смерти дяди, Грациан назначил императором восточных стран своего полководца Феодосия (378...395 г.). Феодосий, как Траян и Адриан, был родом из Испании и, подобно этим императорам, отличался сильным характером. Осмотрительно, но твердо вел он оборонительную войну против готов. Вместо того, чтобы вступать в открытый бой, он укрывался в таких городах, о крепкие стены которых постоянно разбивалась дикая храбрость варваров. В то же время, пользуясь раздорами между отдельными племенами, он завязывал дружеские отношения то с тем, то с другим предводителем и даже убедил некоторых из них перейти на римскую службу. После смерти Фридрихерна, самого опасного из готских предводителей, благоразумный Феодосий заключил мирный договор, по которому вестготы за определенное денежное вознаграждение и наделение их земельными участками во Фракии и Мизии, обязывались помогать ему своими войсками. С их помощью Феодосий победил в 392 году при Аквилее появившихся на западе искателей императорского престола, слабого ритора Евгения и храброго франка Арбогаста, и стал единовластным правителем всей Римской империи (394 год).

Феодосий

Утвердившись на императорском престоле, Феодосий издал самые строгие постановления в отношении язычества. Языческие храмы были закрыты, многие из них разрушены, жертвоприношения богам отменены, а последователи древней религии беспощадно преследовались. Теперь преследуемые прежде христиане превратились в преследователей. Как велико было в это время значение христианской церкви, видно из следующего случая. Будучи раздраженным за убийство в Фессалониках императорского военачальника и других должностных лиц, Феодосий под предлогом приглашения на игры приказал собрать в цирк 7.000 жителей этого города, окружить их солдатами и всех изрубить. Спустя некоторое время, когда император пожелал войти в одну из церквей Милана, ему навстречу вышел епископ Амвросий и воспретил входить в церковь, так как его руки были обгажены кровью. В благородном смирении склонился Феодосий перед приговором епископа и наложил на себя восьмимесячное церковное покаяние.

б) Разделение Римской империи на Западную и Восточную. Гонорий и Аркадий. Стилихон и Аларих. Вестготское государство.

(395...419 г.).

Перед своей кончиной Феодосий разделил Римскую империю между двумя своими сыновьями Аркадием и Гонорием; первому достался Восток (называемый также Греческой или Византийской империей), а второму — Запад (Западно-Римская империя). С этого времени обе империи навсегда остались разделенными.

В качестве опекунов при 18-летнем Аркадии находился честолюбивый и корыстолюбивый галл Руфин, а при 11-летнем Гонорий — опытный, благоразумный и храбрый вандал Стилихон. В скором времени Руфин своим корыстолюбием навлек на себя всеобщую ненависть и, вероятно, по поручению Стилихона, был убит. Но Стилихон ошибался, считая себя настолько сильным, что надеялся захватить власть и управление над Восточной империей. При Аркадии появился уже новый любимец, Евтропий, который сумел снискать его расположение и питал самые неприязненные чувства к Стилихону. Стилихон и Евтропий вместо того, чтобы в виду общей опасности, грозившей со стороны варваров, помогать друг другу, только злорадствовали, когда один из них находился в затруднении, и даже каждый подстрекал варваров к вторжению в государство соседа.

Когда Аркадий перестал выплачивать вестготам обещанное им ежегодное денежное вознаграждение, они под предводительством своего короля Алариха выступили из равнин Мизии и Фракии и двинулись на юг, в греческие области. Не встречая ни малейшего сопротивления, вестготы, опустошая все на своем пути, дошли до Афин. Город был пощажен лишь благодаря огромному денежному выкупу. Затем вестготы проникли через Истмийский перешеек в Пелопоннес. Коринф, Аргос и Спарта были разрушены, все следы цивилизации были уничтожены дикими воинами. Тогда Стилихон поспешил с войском в Грецию. Он высадился близ Коринфа, пошел за Аларихом и настиг его в окрестностях крепости Олимпии. Стилихону уже удалось окружить варварского короля, когда Аларих, заметив слабое место у неприятеля, неожиданным нападением прорвал вражеские линии и отступил в Эпир. Здесь он с изумлением получил известие о том, что византийский двор провозгласил его верховным правителем Иллирии. Так далеко зашли советники слабого Аркадия в своей слепой мстительности к ненавистному им Стилихону. Аларих понял намек и решил тотчас обратить свое оружие против Италии. Но Стилихон, войско которого также большей частью состояло из варваров, разбил Алариха сначала при Полленции, а затем и при Вероне (403 г.). Аларих отступил в Иллирию. Немощный духом и телом Гонорий, чтобы навсегда обезопасить себя от нападений варваров, перенес свою резиденцию из Милана в сильно укрепленную Равенну и влачил свои дни в печальной бездеятельности, в то время как Стилихон успешно отражал возобновившиеся вторжения германцев.

Аларих

Бургунды, свевы, аланы и вандалы под предводительством короля Радагаиса (Ратигер) вторглись через Тиролевские Альпы в Верхнюю Италию и Этрурию в 405 году. Их победоносное наступление задержала Флоренция. Все их старания овладеть крепкими стенами этого города оказались безуспешными. Между тем явился Стилихон и рассеял дикие орды при Фезуле (406 г.). Радагаис был взят в плен и казнен; отряд его телохранителей, состоявший из 12.000 отборных воинов, перешел на службу к Стилихону. Остатки войска Радагаиса бежали назад через Альпийские перевалы на Рейн, вторглись в Галлию и прошли ее, страшно опустошая все на своем пути. Таким образом Галлия была для римлян потеряна.

То же самое случилось и с Испанией. Дикие полчища германцев через Пиренейские проходы вторглись в богатые равнины Испании, неся муки, смерть, пожары и разрушения. Затем германцы устроились на постоянное местожительство в обезлюженных областях: аланы поселились в Португалии, вандалы — в Андалузии, бургунды — на верхнем Рейне и в восточной Галлии. Стилихон был не в состоянии предотвратить потерю провинций. Он был совершенно поглощен заботами об охране Италии и своего собственного положения.

Стилихон заключил с Аларихом договор, по которому король готов получает дань в 4.000 фунтов золота и звание префекта империи; взамен он обязывается помогать Стилихону или, по крайней мере, не мешать ему при ниспровержении с престола семилетнего Феодосия II, который в 408 году наследовал своему бессильному отцу, Аркадию. В связи с этим договором придворные Гонория заподозрили, что Стилихон хочет доставить императорский престол своему сыну. Они доложили о своих подозрениях Гонорию, тот велел убить своего способнейшего министра и полководца Стилихона со всеми его друзьями и приверженцами и отказался от уплаты дани Алариху. Тогда Аларих в 408 году окружил Рим. Съестные припасы вскоре истощились, и пришлось вступить в переговоры с осаждавшими. Римское посольство старалось подействовать на короля угрозами и обратить его внимание на огромное и опытное в военном деле население столицы.. Но тот с язвительной насмешкой возразил: «Чем гуще трава, тем легче ее косить».

Аларих соглашался снять осаду лишь в том случае, если ему выплатят 5.000 фунтов золота и 30.000 фунтов серебра, выдадут все драгоценные одежды и товары и всех рабов германского происхождения. Когда послы спросили: «Что же ты хочешь оставить нам?», Аларих ответил: «Жизнь». Все его требования были исполнены, готы отступили на равнины Тосканы, и Аларих вступил в переговоры с равенским двором. Но Гонорий отверг все предложения Алариха. Тогда Аларих вторично явился перед Римом, взял его приступом и разграбил (410 г.). Грубыми варварами были уничтожены все произведения искусства, однако при этом Аларих пощадил церкви и священную утварь. После пятидневного грабежа готское войско выступило в Кампанию, обремененное богатой добычей. Здесь 34-летний Аларих умер и был погребен на дне реки Бузентины. Чтобы никто не мог узнать места последнего упокоения короля, пленные, которые отводили реку и рыли могилу, были убиты. Корону Алариха наследовал его свойственник Атаульф. Он возобновил переговоры с равенским двором, прося руки Платидии, прекрасной сестры Гонория. Атаульф обязывался отвоевать для императора. Галлию, если его назначат главным римским военачальником. Когда это было сделано, он вступил со своими готами в южную Галлию, завоевал земли между Роной и Пиренеями, в 414 году отпраздновал в Нарбонне свадьбу с Платидией, перешел Пиренеи и покорил северо-восточную Испанию. В следующем году он был убит в Барселоне, и во главе вестготов стал Валлия (415...419 г.). Валлия прошел Испанию до южных берегов, но очутился здесь в весьма затруднительном положении вследствие недостатка жизненных припасов. В это время против Валлии выступил со значительным войском полководец Гонория, Констанций. В конце концов, Валлия согласился на договор с Гонорием и вступил в римскую службу. Став римским военачальником, Валлия успешно воевал с поселившимися в Испании германскими племенами и подчинил власти римлян почти весь полуостров. В награду за это Валлия получил провинцию Аквитанию между Гаронной и Луарой вплоть до берегов Средиземного моря. Преемник Валлии, Теодорих, сделал своей резиденцией Толозу (Тулуза).

Саркофаг Атаульфа

в) Вандальское государство при Гейзерихе. Англосаксы в Британии. Аттіла.

(423...453 г.).

Гонорий умер от водянки в 423 году. Его сестра Платидия, вышедшая после смерти Атаульфа вторично замуж за полководца Констанция и родившая двух детей: Гонория и Валентиниана, предъявила теперь права на престол Западной Римской империи в пользу своего сына Валентиниана. Был устранен секретарь Иоанн, который на некоторое время овладел престолом, и императором стал Валентиниан III (425...455 г.). Пока он был

несовершеннолетним, государством правила Платидия с помощью своего любимца Аэция Флавия. Этот коварный и хитрый царедворец оклеветал наместника Африки Бонифация, которому завидовал из-за богатства его провинции. В то же время Аэций под видом дружбы и Бонифация предостерегал от мнимых преследований со стороны императорского двора. Бонифаций поддался обману и, чтобы предупредить угрожавшую опасность, поднял восстание и вызвал к себе на помощь из Испании вандалов. Они явились под предводительством своего короля Гейзериха, но не в качестве союзников, а как завоеватели (429 г.). Вандалы стали разрушать города, опустошать поля, убивать мирных жителей. Бонифаций выступил против них, но был два раза разбит в открытом сражении и заперся в крепости Гиппон. (Во время осады этой крепости вандалами умер знаменитый епископ и отец церкви Августин). В течение 14 месяцев защищал Бонифаций этот город, а затем с остатками жителей отплыл в Италию и отдался во власть Платидии. Платидия, которая между тем узнала о вероломных действиях Аэция, благосклонно приняла Бонифация. Теперь Бонифаций выступил против Аэция и, хотя победил его, но и сам был ранен и умер в 43 году. Аэций бежал к королю гуннов, Ругиле.

Платидия

Вандалы основали в северной Африке государство со столицей Карфагеном. Отсюда они завоевали часть Сицилии и Балеарские острова, подчинили своей власти берега Африки до Гибралтарского пролива и, сделавшись морскими разбойниками, беспокоили почти все Средиземное море до тех пор, пока полководец восточного римского императора Юстиниана I, Велизарий, не нанес им в 534 году такого решительного и окончательного поражения, что даже самое имя «вандалы» исчезло со страниц истории.

Во время смут последних столетий Британия почти совсем была оставлена римскими войсками и порвала всякую связь с римским государством.

Таким беспомощным положением бриттов воспользовались обитатели Каледонии, пикты и скотты, для своих разбойничьих вторжений.

Пограничный вал представлял недостаточную защиту, поэтому предводитель бриттов Бортигерн призвал на помощь англов и саксов. По свидетельству преданий, пришедшие на помощь Бортигерну англ, саксы, юты и фризы под предводительством Хенгиста и Хорзы отбросили каледонян, но в качестве завоевателей сами овладели страной и основали Хептархию, то есть семь маленьких королевств: Кент, Суссекс, Вессекс, Эссекс, Нортумберленд, Остангельн и Мерсию (449 г.).

Часть туземных жителей в горах Валлиса и Корнваллиса в течение нескольких столетий все еще продолжали отстаивать свою независимость. Многие бежали на галльский полуостров Арморику, который с этих времен стал называться Бретанью. (В 827 году король Вессекса Эгберт соединил семь королевств в одно и впервые начал именоваться королем Англии).

В своём переселении на запад гунны остановились на равнинах нижнего Дуная. Король Атила соединил под своим скипетром все племена гуннов и покорил также окрестные племена: гепидов, лангобардов, аваров, остготов, ругиев и др. Государство Атилы простиралось от Дуная до Волги. Сам Атила называл себя «Годегизилем», то есть бичом Божиим; в древне-германских героических сказаниях (например, в песне о Нибелунгах) он называется Этцель, то есть «бич». Атила был маленького роста, имел большую голову, впалые глаза, смотревшие гордо, широкую грудь, обладал большой телесной силой; осанка и походка его были повелительны.

Аэций

Римский пограничный вал в Британии

Беспощадный с врагами, он был милостив по отношению к покорившимся ему и просившим о помощи. Образ жизни Атилы был самым простым. Во время пиров гостям подавали золотую и серебряную посуду, сам же он ел на деревянной. В мирное время, сидя перед своим деревянным дворцом, Атила беспристрастно творил суд и расправу, а на войне мог сам водить в бой свое войско, Восточно-римский император Феодосий II купил своему государству перемирие тем, что назначил короля гуннов римским полководцем и обязался выплачивать ему ежегодную дань — 350 фунтов золота. Равеннский двор выказал меньшую покорность. Валентиниан III возлагал свои надежды на воинский талант вновь вошедшего в милость Аэция и на помощь вестготов и аланов. Раздраженный отказом в своих требованиях и подстрекаемый королем вандалов Гейзерихом, Атила вторгся в западно-римские провинции. Во главе войска, состоявшего из 700.000 человек, Атила перешел через Дунай и направился вдоль Рейна, разрушив на своем пути множество городов. Он уже угрожал Генабуму (Орлеан), когда навстречу ему выступили Аэций и Теодорих во главе сильного войска, в которое входили римляне, вестготы, бургунды, аланы и франки. Тогда Атила снял осаду Генабума и отступил на Марну. На Каталаунских полях Аэций и Теодорих бросились на короля гуннов и в страшной битве нанесли ему решительное поражение (451 г.). Атила отступил через Рейн в Паннонию. Отсюда он возобновил свои требования и в особенности настаивал на выдаче ему Гонории, сестры Валентиниана, которая, будучи заключена в монастырь, тайно предлагала ему свою руку вместе с назначенными ей в приданое провинциями. Когда требования Атилы вновь были отвергнуты, он направился в верхнюю Италию и взял приступом Аквилею, Верону, Кремону и Милан. Устрашенные жители Венеции бежали на острова Адриатического моря в устье Эча, поселились на них и тем положили основание позднему городу на островах — Венеции.

Валентиниан покинул Равенну и бежал в Рим. Атила разбил свой лагерь на берегу Гардского озера и уже замыслил идти на «вечный город», но вдруг неожиданно отступил. По рассказам одних, римское посольство во главе с епископом Львом I дало ему огромный денежный выкуп. Но более правдоподобным представляется мнение, что заразные болезни, свойственные этой болотистой местности, произвели сильное опустошение в его войске, и он счел более благоразумным обратиться вновь против наступавшего Аэция.

Атила принудил вступить с ним в брак прекрасную Ильдеку, дочь одного из разбитых им бургундских вождей, и умер в ночь после свадьбы, в своем лагере в Паннонии. Предполагают, что он погиб от руки собственной супруги, которая желала отомстить за позор, нанесенный ее народу. Со смертью Атилы распалось и государство гуннов. Отдельные племена, которые были соединены лишь его личной властью, стали независимыми. Гепиды под предводительством Адариha поселились в Дакии, остготы — в Паннонии, западнее их осели ругии и херулы, а на территории нынешней Силезии и Моравии — лангобарды. Остатки гуннов отступили к Волге и там затерялись среди многочисленных кочевых племен.

г) Окончательное падение Западной Римской империи. Ромул Августул. Одоакр.

(455...493 г.)

Мужественного Аэция, спасителя Западной империи, постигла участь Стилихона. Злонамеренный любимец Ираклий возбудил в императоре Валентиниане подозрения, будто Аэций стремится завладеть престолом, и император заколол его собственной рукой. Но и сам Валентиниан пал под ударами кинжалов двух слуг Аэция, по наущению сенатора Петрония Максима, жену которого Валентиниан обесчестил. Теперь императором был провозглашен

Петроний Максим (455 г.). Когда он стал домогаться, чтобы вдова Валентиниана Евдоксия вступила с ним в брак, та призвала на помощь вандалов. Гейзерих явился с флотом в Остию, овладел Римом и, не тронувшись просьбами епископа Льва, в течение четырнадцати дней предавался там грабежу и опустошению города. Петроний Максим был убит чернью, а вандалы, отягченные богатой добычей, вернулись в Африку, уводя с собой несколько тысяч благородных римлян, в числе которых находилась и сама Евдоксия со своими двумя дочерьми. Рим был брошен на произвол судьбы.

После кратковременного правления галльского вельможи Авита (455...456 г.) власть в Риме захватил храбрый и хитрый верховный полководец германских наемных войск, Рицимер. Он возводил на престол одного императора за другим по своему произволу. По его приказу был убит солдатами взойшедший на престол тесть его, Анфимий (467...472 г.). Но через 40 дней умер от заразной болезни и сам могущественный Рицимер. После трехлетних смут престол захватил главный военачальник Орест, уроженец Паннонии. Оставив себе звание главнокомандующего войсками Империи, Орест провозгласил императором своего сына Ромула Августула (475...476 г.). Когда Ромул Августул отверг настойчивые требования германских наемников об увеличении им жалования и уступки третьей части Италии, они подняли восстание под предводительством Одоакра, полководца херулов и ругиев. Германцы осадили Ореста в Павии и, взяв город, убили Ореста. Затем мятежники направились к Равенне. Ромул Августул, не пытаясь сопротивляться, отрекся от престола и был сослан на бывшую виллу Лукулла в Кампании, получая ежегодное содержание. Низложение Ромула Августула считается концом Западной Римской империи.

Одоакр, по соглашению с восточно-римским императором Зеноном, который выговорил себе исключительное право называться «Августом», принял титул «Патриция». Соблюдая лишь наружную подчинённость Зенону, Одоакр в действительности правил совершенно самостоятельно (476...493 г.).

Что касается восточной Римской империи (Греческой или Византийской), то она просуществовала до 453 года и пала под ударами турок.

Литературно-художественное издание
МИФЫ ДРЕВНЕГО МИРА
Всемирная история

Обработка и научная редакция *Л. М. Лукьяновой*
Редактор *Т. Е. Вардугина*
Художественный редактор *В. К. Бутенко*
Технический редактор *Л. А. Боткина*
Корректор *Т. Е. Никольская*

Сдано в набор 04.12.94. Подписано в печать 18.07.95.
Формат 60X90 Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура таймс. Усл. печ. л.45,8. Уч.-изд. л. 45.
Тираж 25 000 Заказ 1142.

г. Саратов, ул. Мясницкая, 3.
Издательство «Надежда»

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат

Комитета Российской Федерации по печати
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59